

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2020

№ 64

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института Дальнего Востока РАН (Москва); **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Воробьева Вероника Сергеевна**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета;
Румянцев Петр Петрович, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета;
Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета;
Троицкий Евгений Флорентьевич, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета;
Фурсова Елена Федоровна, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документооборота Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета;
Чиндина Людмила Александровна, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), senior lecturer of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeni F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Илюшин Б.А. Служилые татары в военных походах Василия Тёмного и Ивана Великого (1430-е – 1505 гг.)	5
Кальмина Л.В. «Еврейская» политика сибирских губернаторов: отклонение от «генеральной линии»	12
Карпинец А.Ю., Просексов А.Ю. Зерновое производство в России и Кузбассе в период конца XIX – начала XX в.: сравнительный анализ по информационным материалам урожайной статистики	18
Ковганов С.Я. Подготовка советских военных контрразведчиков с началом «холодной войны»	33
Курас Л.В., Хишигт Н. Яков Блюмкин в Монголии	38
Луков Е.В., Безгачева В.В. Соотечественники в стратегических приоритетах современной России (1992–2018): федеральный и региональный аспекты	42
Нам И.В., Наумова Н.И., Рабинович В.Ю. «Быть евреем»: институционализация этничности сибирских евреев в условиях революции и Гражданской войны	53
Степанова Л.Г. Природная среда Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии по сведениям Камеральных экономических примечаний к Генеральному межеванию Российской империи	65

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бирюков С.В. Галичина – Украина: современные антиномии одного политического дискурса	72
Румянцев В.П. «Давид и Голиаф»: Д. Бен-Гурион и разногласия с США по вопросу ядерной программы Израиля, 1960–1963 гг.	78

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Берман Е.А., Орехова Н.А. Письма иркутского общественного раввина С.Х. Бейлина Г.Н. Потанину (из фондов Красноярского краевого краеведческого музея)	85
Гаман Л.А. «Историю я вижу в эсхатологической перспективе...»: Н.А. Бердяев о Советской России в поздний период творчества (1939–1948 гг.)	94
Дорошенко О.П., Г.Е. Катанаев и областничество: становление научно-исследовательских идей в контексте развития сибиреведения второй половины XIX в.	101
Макарчук С.В., Генина Е.С., Гончаров Ю.М. Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI в. в оценках современных отечественных исследователей	108
Шаповалов М.С., Григорян Э.Р. Пространственно-семiotические метафоры Каинска: «Сибирский Иерусалим» или «Второй Иерусалим»	116
Кирсанова Е.С. Вклад Б.Г. Могильницкого в развитие томской историографической школы (к 90-летию Б.Г. Могильницкого)	122
Сидорчук И.В. Проблема компрометации гуманитарного знания в России в период создания «большой науки»	127
Умбрашко К.Б., Буланкина Н.Е. Смутное время: историографические, источниковедческие и образовательные доминанты	133
Худолеев А.Н. Оценки исторической концепции и личности В.О. Ключевского в дореволюционных отечественных исторических журналах	139
Чернышев А.А. Идея славянства в дореволюционных российских энциклопедиях конца XIX в.	143

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Boris A. Ilushin. The serving Tatars in the military campaigns of Vasily The Blind and Ivan The Great (1430s – 1505)	5
Lilia V. Kalmina. Siberian general-governor's Jewish policy: general trend deviation	12
Alexey Yu. Karpinets, Alexsandr Yu. Prosekov. Comparative analysis of the grain production in European part of the Russian empire and Kuzbass region in the period of the end of XIX – the beginnings of the XX centuries based on information materials of grain statistics	18
Sergey Ya. Kovganov. Education of military counterintelligence officers since the beginning of Cold War	33
Leonid V. Kuras, Norovsambuu Khishigt. Yakov Blumkin in Mongolia	38
Evgeniy V. Lukov, Veronika V. Bezgacheva. Compatriots in the strategic priorities of modern Russia (1992–2018): federal and regional aspect	42
Iraida V. Nam, Natalia I. Naumova, Vladimir Yu. Rabinovich. 'To be jewish': the institutionalisation of jewish identity in Siberia during the revolution and the Civil war	53
Liliya G. Stepanova. The natural environment of the Novoladozhsky uyezd of St.Petersburg province on the information of the Cameral economic notes to the General land surveying of the Russian empire	65

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Sergey V. Biryukov. Galicia – Ukraine: the antinomies of one contemporary political discourse	72
Vladimir P. Rumyantsev. "David and Goliath": David Ben-Gurion and disagreement with the United States on the Israel's nuclear program, 1960–1963	78

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Elena A. Berman, Natalya A. Orekhova. Letters from the Irkutsk official rabbi S.Kh. Beilin to G.N. Potanin (from the funds of the Krasnoyarsk regional museum of local lore)	85
Lidia A. Gaman. "I see history in the eschatological perspective...": N.A. Berdyayev about Soviet Russia in his late work period (1939–1948)	94
Olga P. Doroshenko. G.E. Katanaev and regionalism: the formation of research ideas in the context of the development of Siberian studies in the second half of the 19th century	101
Sergey V. Makarchuk, Elena S. Genina, Yuri M. Goncharov. Issues of the history of Jewish communities in Siberia of the 20th – early 21st century as viewed by contemporary Russian researchers	108
Mikhail. S. Shapovalov, Eliza R. Grigoryan. Semiotic-spatial metaphors about Kainsk: "Siberian Jerusalem" or "The second Jerusalem"	116
Ekaterina S. Kirsanova. Contribution of B.G. Mogilnitski to the development of the Tomsk historiographical school (to the 90th anniversary of B.G. Mogilnitski)	122
Ilya V. Sidorchuk. The problem of compromising humanitarian knowledge in Russia during the creation of the "big science"	127
Konstantin B. Umbrashko, Nadezhda E. Bulankina. «The Time of Troubles»: Historiographical, Resource and Educational Dominants	133
Aleksey N. Khudoleev. The estimates of the historical concept and personality of V.O. Klyuchevsky in pre-revolutionary Russian historical journals	139
Alexander A. Chernyshev. The idea of slavdom in the pre-revolutionary Russian encyclopedias of the late XIX century	143

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Валитов А.А., Герасимова В.А. Образ евреев в записках сибирских паломников как фактор определения русской идентичности	149
Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Особенности погребального обряда андроновского населения в контактной зоне Северо-Западного Алтая (по материалам могильника Сигнал-I)	156
Казаков А.А., Фролов Я.В. Находка изделия полихромного стиля в Алтайском крае	168
Наумова О.Б. Экстравагантная личность в традиционной казахской культуре (к вопросу о времени формирования группы сал-сері)	178

РЕЦЕНЗИИ

Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX века: репрезентация в энциклопедическом формате	185
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	191
----------------------------------	-----

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Alexander A. Valitov, Victoria A. Gerasimova. Image of the Jews in the records of Siberian pilgrims as a factor for determining Russian identity	149
Sergei P. Grushin, Daria S. Leontieva. Distinctive features of Andronovo population burial ceremony within the contact zone of North-West Altai (Signal-i burial complex data)	156
Alexander A. Kazakov, Yaroslav V. Frolov. New polychrome style find in Altai territory	168
Olga B. Naumova. An extravagant person in traditional Kazakh culture (on the problem of the formation of the <i>sal-seri</i> group)	178

REVIEW

Olga A. Kharus. Social and political life in Siberia at the end of the 19th century – the beginning of the 20 th century: representation in the encyclopedia format	185
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	191
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).043
DOI: 10.17223/19988613/64/1

Б.А. Илюшин

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ В ВОЕННЫХ ПОХОДАХ ВАСИЛИЯ ТЁМНОГО И ИВАНА ВЕЛИКОГО (1430-е – 1505 гг.)

Исследование выполнено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки «Территориальная дифференциация в развитии военного дела у народов лесостепного пояса Сибири в Средние века и раннее Новое время».

Рассматриваются военная история и некоторые аспекты военного дела служилых татар Великого княжества Московского в правление Василия Тёмного и Ивана Великого, когда были заложены основы будущего Московского царства и создавалось поместное дворянское войско. На основе анализа письменных источников (летописи, разрядные записи, материалы дипломатической переписки) и современной исследовательской литературы по военной истории рассмотрены вклад служилых татар в военную историю Руси, география и условия службы, установлены их место в полковой системе, тактические приемы, затронут вопрос о вооружении.

Ключевые слова: служилые татары; военное дело; армия Московского царства; военная история.

В данной статье рассматриваются вопросы военной истории и военного дела служилых татар Великого княжества Московского при Василии Тёмном и Иване Великом, т.е. приблизительно в первые 70 лет существования этой этносословной группы на Руси, пришедшиеся на период формирования поместного войска. В историографии подобный анализ проводится впервые, хотя военная история служилых татар в некоторой степени рассматривалась еще В.В. Вельяминовым-Зерновым, который перечислил случаи участия касимовских царей, их казаков и мурз в войнах XV–XVII вв. (интересующий нас период рассмотрен в 1-м томе [1]).

А.В. Беляков в своей монографии перечисляет военные мероприятия второй половины XV–XVI вв. и Смутного времени, в которых участвовали дворяне Чингисидов (рассматриваемому нами периоду посвящено менее 4 страниц [2. С. 180–183]). Описание обычно сводится к 1–2 предложениям, иногда сопровождается выводами по некоторым вопросам. Подробным анализом военной истории и службы татар данные разделы монографии считаться не могут. Краткая характеристика участия касимовских татар в походах XV в. дается и в книге Б.Р. Рахимзянова [3. С. 94–114, 118–124, 128–131]. Гораздо глубже анализ участия татар в походах Ивана III у Ю.Г. Алексеева [4], однако исследование посвящено самим походам и эволюции военной системы Великого княжества Московского, и ряд важных моментов касательно служилых татар оказался автором незамеченным. Таким образом, наша статья должна восполнить пробел в изучении военной истории этой этносословной группы.

Исследование базируется на анализе письменных источников, прежде всего летописей, а также разрядных записей и документов дипломатической переписки между Москвой и Крымом, и современной исследова-

тельской литературы, в которой рассматривается военная история Великого княжества Московского XV в.

Василий II пользовался услугами татарских отрядов для военных мероприятий еще до создания так называемого Касимовского ханства в конце 1440-х гг. В частности, известно о службе «царевича» Бердедата (по крайней мере с 1436 г.) [5. С. 262–263], а также о посылке двух «царевичей» разорять литовские окраины зимой 1444/1445 гг. [6. С. 63]. Татары приняли достаточно активное участие в войне Василия II с Дмитрием Шемякой. Сперва уйдя в литовские земли [7. С. 152–153], они в том же 1446 г. вернулись и, встретившись с силами других сторонников ослепленного князя [5. С. 268], прибыли к нему в Тверь осенью [8. С. 444]. Вскоре Василий II с князьями и большой ратью, а также татарские царевичи со своими отрядами выступили на Волок, где стоял князь Дмитрий. Узнав об этом и о потере Москвы [5. С. 269; 9. С. 206–207], тот отступил. После этого татары приняли участие почти во всех походах против Шемяки (кроме походов на Углич) [5. С. 269], а именно: в 1449 г. (окончился без боя), в 1449/1450 гг. (взятие Галича) [Там же. С. 270], в начале 1452 г. В последнем случае Якуб с татарами и русская рать под формальным началом малолетнего царевича Ивана разорили земли по Кокшенъге: «А князь великий Иван, да царевич с ним, шед на Кокшенгу и градку их поимаша, а землю ту всю плениша и в полон поведоша. А ходиша до усть Вагы и до Осинова поля, и оттоля позвратишася назад все здрави со многым пленом и корыстью» [Там же. С. 272].

Отметим, что все походы проходили по северным, лесистым и болотистым уездам, а два из них состоялись зимой (причем отмечены боевые действия). Тем не менее татарская конница оказалась способной действовать в столь непривычных для степняков природных

условиях. Видимо, это связано с тем, что татары шли в походы не самостоятельно, а с русскими полками.

Хотя в 1451, 1455 и 1459 гг. набеги ордынцев были отбиты силами русских людей, служилые татары уже с конца 1440-х гг. также направляются против степняков. Известно два таких похода, причем один из них был совершен Касымом, видимо, по своему усмотрению [5. С. 270–271]. Этот эпизод, а также ряд других моментов (например, отсутствие приставов, обособленное положение в великокняжеском войске) позволяют говорить о сохранении отрядом Чингисидов значительной автономии в правление Василия II.

Во время зимнего похода на Новгород в 1456 г. произошла битва при Русе. Отметим здесь, что татары опять выступают в поход на северные территории в зимнее время, когда многочисленные болота и озера замерзли и не представляли препятствия для конницы, и опять с русскими ратями (командовал всей группировкой И.В. Стрига Оболенский) [4. С. 131; 5. С. 274; 10. С. 194]. В ходе битвы татары открыли интенсивную стрельбу по новгородским коням, что привело к срыву атаки превосходящих сил противника, а затем великокняжеские рати нанесли удары с флангов и тыла [10. С. 195]. Победа под Русой привела к тому, что новгородцы запросили мира.

На правление Ивана III приходится значительно больше военных мероприятий. Остановимся на наиболее значимых моментах этого периода военной истории служилых татар. Служилые татары продолжали использоваться в войнах с Новгородом. Во время похода 1471 г. они сперва находились во втором эшелоне войск, вышедшем 13 июня «на Волочек да по Мсте». Опасаясь соединения новгородцев с литовцами, великий князь пошел на большой риск и начал поход летом, при этом болота и озера не смогли серьезно воспрепятствовать продвижению его войск [4. С. 96–99]. Татары Данияра снова находились в рати под командованием кн. И.В. Стриги Оболенского [11. С. 189]. Войско «должно было совершить глубокий обход Новгорода с востока, отрезая его от северных владений. Включение в войско отрядов татарского царевича свидетельствует, что эти силы должны были обладать особой подвижностью – их путь на Новгород был самым длинным» [4. С. 103].

Шедшие по установленным путям воеводы рассылали отряды для разорения новгородских территорий. Иван III шел на новгородцев «яко на иноязычник и на отступник православия», его рати жгли села и полонили жителей, но татарам великий князь русских людей брать в полон запретил [11. С. 189]. Сделано это было, видимо, во избежание дальнейшей компрометации великого князя, который, как и его отец, использовал против русских людей татар.

Крупное сражение между великокняжескими и новгородскими силами произошло 14 июля на р. Шелонь. Вопрос об участии в нем татар неоднозначно освещен в источниках и по-разному решается в историографии [12. С. 465–467]. В московских источниках отсутствуют упоминания о татарах, но они есть в новгородских [8. С. 446–447]. Ю.Г. Алексеев считал, что татары не могли оказаться на Шелони, так как шли во втором

эшелоне с князем Оболенским [4. С. 122]. Однако М.А. Несин обратил внимание на речь пленных новгородцев (по Московскому летописному своду), объяснявших свое поражение ударом в их тыл конной рати под необычными большими стягами, желтыми знаменами и со скипетрами. Хотя в начале похода татары отмечены в группировке Оболенского, до момента столкновения на Шелони их вполне могли переслать на помощь князю Холмскому [12. С. 464–482]. В целом участие служилых татар в битве (в которой они составляли засадную рать) и их решающий вклад в победу над Новгородом выглядят весьма правдоподобно.

В источниках отмечено, что Данияр (находившийся при великом князе [4. С. 125]) потерял 40 «татарин» в загоне [11. С. 191]. Такие «загонные рати» в составе великокняжеского войска представляли собой немногочисленные отряды, рассылаемые по ходу движения основных сил для разорения вражеских территорий и, видимо, разведки. В древнерусском языке XIII–XIV вв. слово *загонъ* обозначало засадный отряд войск [13. С. 294] (в таком случае выходит, что Данияр потерял 40 человек именно во время атаки на новгородцев на Шелони). С другой стороны, глагол *загонити* имел значение «угонять, красть» (например, стадо) [Там же. С. 294], и в этом смысле слово *загонъ* оказывается схожим по смыслу с тюркским *яртаул* (напр., каз. *жортуыл* – «наезд с целью грабежа, набег»). В источниках более позднего времени загонами называются именно небольшие отряды, занятые разорением вражеской территории, а их участники – загонщиками (см., напр.: [6. С. 135]). Поэтому применительно именно к походу 1471 г. можно предположить два варианта значения слова *загонъ*: или яртаул, или засадная рать (что лишнее подтверждает участие татар в Шелонской битве).

Важным вкладом татар в победу над Новгородом в следующей войне (1477 г.) стало не только участие в разорении земель по правобережью Мсты и недопущение подхода к городу подкреплений с востока [4. С. 186] (у А.В. Белякова ошибочно написано о перемещении татар на левый фланг [2. С. 182]), но также оперативное занятие «со своею силою Татарскою» монастырей и посадов под Новгородом, что не позволило новгородцам сжечь эти стратегически важные объекты (их использовали для расквартировки войск москвичи) [14. С. 259].

Заметным был вклад татар и в победу над Ордой.

Летом 1472 г. служилые татары участвовали в составе великокняжеских ратей в отражении попытки хана Ахмата перейти Оку и вторгнуться во внутренние районы Руси у г. Алексина. В военных действиях татары не участвовали, но угроза их удара в тыл могла быть одной из причин скорого отхода Ахмата [4. С. 146–150, 157; 7. С. 161]. «Необходимо обратить внимание на наличие в составе русских войск татарских контингентов. Им придавалось особое значение. Конница вассальных татарских царевичей по своим боевым качествам была, вероятно, лучшей в русском войске. Отсюда и стремление великого князя приглашать на службу царевичей, наделяя их землями и оказывая им свое расположение, и вполне реальны опасения Ахмата относительно рейда этих царевичей на его тылы» [4. С. 162].

Действительно, несмотря на то что Данияр и его конница не участвовали в боестолкновениях, после окончания похода великий снова «почти» царевича Данияра, перед тем как отпустить в его «городок» [4. С. 151].

Достоверных сведений об участии служилых татар в Стоянии на Угре у нас нет. Возможно, они находились на востоке на случай нападения казанцев. Хотя в Казанском летописце – публицистическом сочинении XVI в. – приводится сообщение о том, что Иван III во время стояния на Угре послал служилого царя Нур-Девлета Городецкого с воеводой Василием Ноздреватым на «лодях» по Волге на Орду Ахмата. В сочинении говорится, что они пожгли ставку хана и полонили многих татар. Якобы, узнав об этом нападении, Ахмат и ушел с Угры [15. С. 7–8].

Это сообщение не подтверждается другими источниками и выглядит достаточно странным с учетом географии и времени действий против хана Ахмата. Сомнительно, чтобы в тех военно-политических условиях можно было отправить сколько-нибудь значительные силы с Руси, да еще вниз по Волге (для этого нужно или углубляться в степи и там уже строить ладьи, или проплыть через все Казанское ханство), тем более против центра Большой Орды (который, впрочем, был, по сообщению, опустевшим вследствие участия всех воинов в походе Ахмата). К тому же в 1480 г. Нур-Девлет еще не был «царем» [16. С. 171]. Даже если бы за все время стояния на Угре небольшая русско-татарская рать смогла пройти по внутренним ордынским улусам и нанести им некоторый ущерб, вряд ли это могло вызвать отступление Ахмата со всем его огромным воинством – слишком высокой была ставка в противостоянии с Русью, чтоб отступать из-за действий сравнительно малочисленного отряда в тылу. К тому же, как отмечал Н.П. Павлов, Ахмат сперва пошел грабить литовские земли, и только потом вернулся в центральные улусы [16. С. 172].

При этом в разрядных записях за 1501 г. отмечено, что для удара по Орде, силы которой были обращены против наступавшего Менгли Гирея, Иван III направил бывшего казанского хана Мухаммед-Эмина (временно находившегося на положении служилого царя) с князем Василием Ноздреватым [17. С. 32]. А.В. Беляков считает, исходя из повторяющегося имени воеводы и направления удара, что один из отмеченных в источниках эпизодов – повтор, ошибка, причем, скорее всего, касается это сообщения о походе 1480 г. [2. С. 182]. По нашему мнению, сведения «Казанского летописца» действительно ошибочны. С одной стороны, как сказано выше, не вполне достоверным выглядит сам поход, описанный в «Казанском летописце» (хотя какие-то маломасштабные нападения на непосредственные тылы Ахмата теоретически и могли совершаться служилыми татарами). С другой – сведения разрядных книг значительно точнее, чем гораздо более позднее публицистическое сочинение. Об этом же писал еще Н.П. Павлов [16. С. 172]. Однако, как будет показано ниже, командование татарами могло быть повторно поручено воеводам, уже имевшим такой опыт. Поэтому если даже Василий Ноздреватый и ходил с татарами под Орду в 1480 г., он мог командовать ими и в 1501 г.

С 1480-х гг. татарские отряды под командованием царевичей или их приближенных разоряли ордынские улусы. Набеги совершались небольшими контингентами (в случае присутствия вблизи основных ордынских сил приходилось сворачивать деятельность) [18. С. 65–66] в бесснежное время, так как снег понижал мобильность конницы. В отличие от времен войны с Шемякой татары не предпринимали походов в зимнее время. Это связано с общим характером таких мероприятий: одно дело двигаться по северным уездам Руси вместе с русскими ратями, «избывая» местное население (например, кокшаров), не отличающееся высоким военным потенциалом, другое – разорять степные улусы, когда в любой момент может напасть многочисленное ордынское воинство.

Важно, что в степных походах участвовали, судя по всему, и русские люди. Идя с татарами на ордынские улусы, русские служилые получали ценный опыт ведения войны в степных условиях. Позднее это способствовало установлению паритета со степняками в военном отношении.

Большой размах имел поход на степные окраины в 1491 г. [19. С. 98]. Узнав о вторжении больших русско-татарских сил, ордынские цари повернули от Перекопа на защиту своих улусов, а великокняжеская рать вернулась «во свояси без брани» [5. С. 332], поскольку выполнила основную стратегическую задачу.

Ю.Г. Алексеев отмечает, что это «первый известный нам по источникам поход русских войск вглубь Поля, на многие сотни верст от русских рубежей» [4. С. 315]. В отличие от набегов предыдущих лет, это был масштабный поход с участием значительной части служилого ополчения и знатных воевод. Судя по предыдущим годам, на Руси имелось некоторое число служилых с опытом участия в степных кампаниях. Теперь же, в тесном взаимодействии со служилыми и казанскими татарами, в степи выступила большая воинская сила, что можно считать началом «освоения» Поля. В этом смысле поход 1491 г. схож с первым масштабным походом за Урал, предпринятым в 1483 г.

Татары участвовали почти во всех войнах того времени с Литвой, Швецией и Ливонией. В 1473 г., после просьбы псковичей защитить их от ливонцев, великий князь направил в Псков огромную рать во главе с князьями из 22 городов, а также много татар. Ю.Г. Алексеев отмечал, что татары, возможно, должны были совершить рейд в Ливонию [4. С. 183]. Однако войны не случилось. Внезапная оттепель размыла дороги и сделала поход невозможным, а немцы, узнав о сборе против них рати со всей Руси, направили послов для переговоров.

Участвовали служилые татары и в Первой Свейской войне 1495–1497 гг. После неудачи под Выборгом [6. С. 242] в январе 1496 г. великий князь направил на север новую рать – теперь «на Корелу да к Нову городку немецкому на Гамскую землю», т.е. в обход Выборга с востока. В полку Правой руки находились и татары. Командовать ими назначили князя И.М. Воротынского [20. С. 48–49]. Это был бывший удельный правитель Воротынского княжества – одного из так называемых Верховских княжеств – буферных образо-

ваний между Русью и Литвой. В 1487 г. он перешел из литовского подданства в московское и уже успел зарекомендовать себя в качестве воеводы на службе у Ивана III. Теперь ему доверили командование татарами.

Сохранение Выборга шведами не помешало противнику продвинуться вглубь их территории. Шведский источник рисует картину тотального разорения земель и городков по пути следования огромной русской рати. Преодолевая в условиях северной зимы по 20–25 км, русско-татарское войско к середине февраля дошло до г. Або. Шведы долго отступали, потом, наконец, собрали большое войско, но великокняжеская рать уклонилась от столкновения и отступила [4. С. 345–346]. Сведений об участии татар в дальнейших боевых действиях у нас нет.

В 1500 г. началась война против Литвы. Русские силы состояли из трех стратегических группировок и резерва [Там же. С. 372–378], в котором, видимо, и находились татары. Когда стало известно о движении против центральной группировки крупных литовских сил, резерв прибыл на подкрепление. Известно, что татары под командованием И.М. Воротынского находились в «правой руке» [17. С. 30]. В итоге 14 июля на р. Ведрошь произошло решительное сражение, закончившееся катастрофическим разгромом литовского войска и пленением большей части его командного состава [4. С. 382–388]. Победа на Ведроши является одной из наиболее значимых и искусных в военной истории Московского государства. Примечательно участие в ней татар.

Немцы выступили союзниками Литвы и предприняли ряд агрессивных акций. В отличие от 1473 г. присутствие великокняжеских войск в Пскове не произвело впечатления на немцев [Там же. С. 395–400]. После ощутимых потерь, понесенных от немецкого вторжения, было решено нанести массированный удар по Ливонии, и в ноябре 1501 г. в ливонские земли двумя группами вступили русские и татарские рати под руководством Д.В. Щени, А.В. Оболенского и других воевод. Войска Ливонского ордена были ослаблены эпидемией и разобщены, и магистр фон Плеттенберг начал слать литовцам призывы ударить в тыл москвитам [Там же. С. 408–412].

Русские и татары «начаша Немецкую землю пленити, и жеци, и сечь, и в полон вести». Немцы попытались объединить силы, что должно было случиться у городка Гельмеда. Но войска дерптского епископа подошли туда на день раньше и столкнулись с русско-татарской ратью. Немцы имели мощную артиллерию и первыми «безвестно» атаковали, но потерпели полное поражение [Там же. С. 409–412]. «И биша поганых Немец на 10 верстах, и не оставиша их ни весто ноши. А не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и Татарове аки свиней шестоперы» [21. С. 86–88].

Было разорено епископство Дерптское, затем русско-татарские силы прошли через Рижское и Ревельское епископства, через области Мариенбург, Адзель, Трикатен, Гельмед, Тарваст, Ервен, Везенберг, Тольсбург, Нарву и всю Вирландию. Таким образом, значительная часть Ливонии оказалась разорена, а множество жителей уведено в плен или убито. Глубина похода, осуществленного силами русской и татарской конни-

цы и достигшего Колывани (Ревеля), равнялась примерно 250 км [4. С. 410–411]. Других сведений об участии татар в этой войне нет, кроме сообщения немецких источников о том, что когда ливонское войско подошло к Пскову, против него должны были подойти царские рати, включавшие татар [Там же. С. 415–423].

Известно также, что в августе 1501 г. уланы, князя и казаки «царевича» Нурдевлета участвовали в походе Мухаммед-Эмина и Василия Ноздреватого на ордынские улусы; удар в тыл ордынцам должен был отвлечь их от союзного Москве Крыма [17. С. 32; 22. С. 369–372]. Подробности похода неизвестны.

Таковы наиболее значимые военные мероприятия, в которых принимали участие служилые татары. Некоторые выводы можно сделать о месте татарских контингентов в русских полках и об их командовании. В первом походе на Казань татары шли с Касымом в составе конной рати, структура которой нам неизвестна. В походе на Новгород 1471 г. татары находились в восточной (т.е. правой) группировке войск под командованием русского воеводы. Их патрон Данияр шел вместе с основными силами и великим князем. При отражении набега Ахмата татары находились как при царевиче Данияре, так и под командованием русских воевод. В 1477 г. татар на Новгород вел Данияр, при котором находились русские приставы (вероятно, это первое их упоминание) [2. С. 182; 5. С. 316;]. Снова татарская конница находилась на правом фланге. В Первой Свейской войне татарами командовал русский воевода, и они находились в полку Правой руки. Аналогичное положение мы наблюдаем и в войне с Литвой и Ливонией. Таким образом, во всех известных нам случаях точного обозначения местоположения татар они находились на правом фланге, а командование ими чаще осуществлялось русскими воеводами.

Отметим также вероятность того, что командовать татарами поручалось лицам, имевшим некоторый опыт в этом деле. Так, в походах на Русу 1456 г., на Казань 1467 г. [11. С. 186] и на Новгород 1471 г. татары шли с Иваном Васильевичем Стригой Оболенским, а в войнах со Швецией (1495–1497), Литвой и Ливонией (1500–1503) – с Иваном Михайловичем Воротынским. В обоих случаях это князь, что говорит о важности такого поста, а также (возможно) о достаточной большой численности татарского контингента.

Как можно отметить, татарская конница выполняла разные боевые задачи. Известно, что татары принимали участие в крупных сражениях (на Шелони, при Ведроши, у Гельмеда), составляли засадную и изгонную рать (в задачи последней входило занятие населенных пунктов и укреплений «с ходу»), находились в «загонах» (термином этим, как мы показали выше, могли обозначаться как отряды, разоряющие территорию, так и засадные рати) во время войн с Новгородом, Швецией, Ливонией, Ордой.

Некоторые эпизоды позволяют сделать определенные выводы о вооружении и тактике служилых татар в XV в. В битве при Русе мы видим типично кочевнические приемы (стрельба по коням, отмеченная у монголов еще Марко Поло [23. С. 91], удары с флангов и тыла), ставшие для новгородцев неожиданностью, на

что уже указывалось в литературе [4. С. 132]. Кроме того, источники, видимо, отмечают наличие у татар доспехов [10. С. 195]. Выход из употребления у кочевников тяжелой конницы приходится на XV в., но конкретная хронология этого процесса неизвестна. Разгром численно превосходящих русских сил Улу-Мухаммедом также предполагает, что при нем находились многочисленные воины в полном вооружении, а часть из них потом перешла с Касымом и Якубом на службу к Василию II. Это, а также участие в масштабных рукопашных боях против копеейщиков (на Шелони в 1471 г., а, возможно также при Гельмеде и Ведроши) позволяет предполагать сохранение у служилых татар значительного числа воинов в доспехах и с длиннодревковым оружием.

Численность служилых татар, как и достоверная численность всего русского войска второй половины XV в., неизвестна. Отдельные замечания по этому поводу в летописях не вызывают доверия у исследователей. Известно сообщение итальянского путешественника Контарини, побывавшего в Москве в 1476 г., что на южной окраине Руси «жил один татарин, который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников... они стоят на границе с владениями татар» [24. С. 226]. В историографии принято это сообщение относить в основном к Данияру (см., напр.: [3. С. 116]). Интересно отметить, что эти данные о численности касимовских татар схожи с теми, что зафиксированы для них на начало XVII вв. [25. С. 384; 26. С. 254–256; 27. С. 33]. Возможно, тут мы имеем пример более или менее точной информированности автора источника.

В заключение остановимся на общей картине военной истории служилых татар XV – начала XVI в. Татарские контингенты принимали участие в войнах на стороне великих князей московских по крайней мере с 30-х гг. XV в. Начиная с условной даты появления на великокняжеской службе значительного татарского контингента (1440-е гг.) татары приняли участие примерно в половине военных мероприятий Василия Тёмного (источники молчат об участии татар в боях с ордынцами 1447, 1451, 1455, 1459 гг., походах на Галич в 1447, 1449, а также на Можайск). В бою они сталкивались с русскими людьми, литвой и ордынцами.

Гораздо больше военных предприятий пришлось на правление Ивана III. У нас нет сведений об участии

татар (по тем или иным причинам) в его первом походе 1462 г., в походах на Казань в 1482 и 1487 гг. (в последнем случае точно известно, что татары в это время жгли ордынские улусы), на Вятку в 1478 и 1489 гг. и Тверь в 1485 г., в русско-литовской войне 1486–1494 гг. и в первом походе за Урал в 1483 г. Но известно, что татары участвовали в первом походе на Казань (1467 г.) и на Новгород в 1471 и 1477 гг., в отражении набега хана Ахмата в 1472 г. и немцев в 1473 г., а также имели первостепенное значение в борьбе с Ордой на ее территории в 1486–1491 гг. Возможно, они находились и на Угре осенью 1480 г. В войнах со шведами, литовцами и ливонскими немцами татары вместе с русскими ратями опустошали территории противника, а также сражались в битве на Ведроши, где была одержана одна из крупнейших побед московских войск XV–XVI вв.

Таким образом, из 17 крупных военных предприятий (войн и походов) татары участвовали в 8–9 (т.е. примерно в половине). Поэтому мы не можем согласиться с выводами Н.П. Павлова о скромной роли татар в военной истории Руси XV в. [16. С. 172–173]. В составе русских войск или обособленно татары воевали на всех основных направлениях: на юге – в степях и на Берегу (Оки); на западе – против Литвы; на северо-западе – против ливонских немцев и шведов, совершая масштабные рейды на территории Ливонии (до Ревеля) и Шведского королевства (в Финляндию); на востоке – против Казани.

Если сравнивать со временами Василия II, то можно заметить как общие черты, так и некоторые изменения в положении служилых татар. В обоих случаях они принимали участие примерно в половине военных мероприятий. Как и раньше, татары участвовали в битвах, а также составляли изгонную рать и разоряли территории противника. Судя по всему, сохраняется частое использование доспехов и копий. Однако значительно снизилась степень самостоятельности Чингисидов и, соответственно, их отрядов: теперь чаще всего татары идут не со своими султанами («царевичами»), а с русскими воеводами. Татарские отряды более плотно интегрированы в состав великокняжеских ратей (и полков). Служилые татары, кроме того, теперь сопровождали послов – как русских, так и иностранных, а также ловили вражеских [28. С. 202].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1863. Ч. I. XIII, 558 с.
2. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань : Рязань. Мир, 2011. 512 с.
3. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.) : очерки истории. Казань : Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.
4. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 464 с.
5. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.–Л., 1949. Т. 25. 464 с.
6. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / ПСРЛ. Т. 12. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.
7. Ермолинская летопись // ПСРЛ / под ред. Ф.И. Покровского. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 23. 342 с.
8. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2 // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1. 536 с.
9. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.–Л., 1959. Т. 26. 413 с.
10. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ / под ред. А.Ф. Бычкова и К.Н. Бестужева-Рюмина. СПб., 1889. Т. 16. 320 с.
11. Летопись по Типографскому списку // ПСРЛ. Петроград, 1921. Т. 24. 272 с.
12. Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. IV. С. 464–482. URL: <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>, свободный (дата обращения: 27.03.2014).
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. М., 1990. Т. 3. 511 с.

14. Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. IV-V: Новгородская и Псковская летописи. С. 173–345.
15. История о Казанском царстве // ПСРЛ / под ред. Г.З. Кунцевича. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1903. Т. 19. Стб. 7–8.
16. Павлов Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1957. Т. IX, вып. 1. С. 165–177.
17. Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Наука, 1966. 615 с.
18. Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Дмитрием Васильевичем Шеиным // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41, ч. 1. Док. 19. С. 62–71.
19. Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Василием Васильевичем Ромодановским // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41, ч. 1. Док. 27. С. 98–104.
20. Разрядная книга 1475–1605 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1977. Т. I, ч. I. 188 с.
21. Псковские летописи // ПСРЛ. М. : ЯРК, 2003. Т. 5, вып. 1. 256 с.
22. Отпуск из Москвы в Крым гонцов царя Менгли-Гирея с грамотами (30 августа 1501 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41, № 75. С. 369–372.
23. Поло М. Книга Марко Поло / ред. С.Н. Кумкес. М. : Географгиз, 1956. 376 с.
24. Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России : к истории итало-российских связей в XV в. / вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л. : Наука, 1971. С. 210–235.
25. Станиславский А.Л. Роспись войск против самозванца в 1604 г. // Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М. : РГГУ, 2004. С. 366–420.
26. Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 180–313.
27. Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 1. С. 1–60.
28. Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Константином Малечкиным // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, ч. 1: Годы с 1474 по 1505. Док. 45. С. 199–208.

Boris A. Ilushin, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

THE SERVING TATARS IN THE MILITARY CAMPAIGNS OF VASILY THE BLIND AND IVAN THE GREAT (1430s – 1505)

Keywords: serving Tatarian, art of warfare, Moscow state's army, military history.

The purpose of this article is the study of military history and warfare of serving Tatars of the Grand Principality of Moscow during the reign of Vasily II the Blind and Ivan III the Great. To achieve the purpose the following scientific tasks were set: to view all the episodes of participation of the serving Tatars in the military campaigns in 1430s – 1505, to define the geographic of service, position in the structure of Russian troops, the command structure, tasks, characteristics of tactics and weapons.

The methodology is based on the main principles of historical knowledge: the principles of objectivity and historicism. The method of the scientific review of sources determined by the objectives of the study and source type. In the analysis and interpretation of materials the author used comparative-historical method and historical reconstruction.

The sources base of study comprise the Russian chronicles, «Razryad» books and documents of diplomatic correspondence between Moscow and Crimea. Also, the modern investigations of military history of Russia were analyzed.

The study obtained the following conclusions.

Serving Tatars participated in about half of the military activities of Vasily II the Blind and Ivan III the Great. In battle, they faced the Russian people, the Lithuanians and the Golden Horde Tatars. Recent immigrants from the steppes, apparently, worked effectively in the unfamiliar conditions of wooded and marshy North (because the campaigns they were together with the Russians).

The serving Tatars participated in the first campaign against Kazan (1467) and the Novgorod in 1471 and 1477, in repulse of the raids of Akhmat-khan in 1472 and Germans in 1473, and also had a high priority in the fight against the Horde on its territory in 1486–1491. Perhaps they were in on the Ugra in autumn of 1480. Tatars with the Russian armies ravaged the enemy's territory in the wars with the Swedes, Lithuanians and the Livonian Germans, and fought in the battle of Vedrosh (it ended one of the greatest victories of Moscow's troops in XV–XVI centuries). As we calculated, Tatars participated in 8–9 major military activities (wars and campaigns) of 17 (that is about half).

Tatar contingents were, most commonly, on the right flank of troops.

During his reign Vasily II the Blind preserved the autonomy of the Tatar troops. However, during the reign of Ivan III, the Great it had become regular - the presence of Russian bailiffs (the executive or «pristav») at the Tatar princes, or Tatarian contingents were under the command of the Russian warlords («voivoda»).

Tatar cavalry had a high combat potential, and participated in large-scale battles (thus, they made a significant contribution to the victory over Novgorod in 1456). Also, they formed the ambush troops and «izgon»-troops. The assignment of the «izgon»-troops were the occupation of fortified points, or places that are convenient for the location of the camp of the main forces of the Grand Prince. In addition, since the time of Ivan III, the Tatars accompanied the Russian and foreign ambassadors.

Sources say the Tatars used the usual tactics of the nomads, and suggest the preservation of a large number of soldiers in armor and with spears.

REFERENCES

1. Velyaminov-Zernov, V.V. (1863) *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [The study of the Kasimov kings and princes]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk.
2. Belyakov, A.V. (2011) *Chingisidy v Rossii XV – XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [The Genghisides in Russia of the 15th – 17th centuries: prosopographic study]. Ryazan: Ryazan'. Mir.
3. Rakhimzyanov, B.R. (2009) *Kasimovskoe khanstvo (1445 – 1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445 – 1552). Essays on History]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.
4. Alekseev, Yu.G. (2009) *Pokhody russkikh voysk pri Ivane III* [Russian military campaigns under Ivan III]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1949) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. Moscow; Leningrad: [s.n.].
6. Platonov, S.F. (ed.) (1901) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
7. Pokrovsky, F.I. (1910) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.

8. Anon. (1925) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4 (1). 2nd ed. Leningrad: [s.n.].
9. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1959) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 26. Moscow; Leningrad: [s.n.].
10. Bychkov, A.F. & Bestuzhev-Ryumi, K.N. (eds) (1889) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 16. St. Petersburg: [s.n.].
11. Rozanov, S.P. (ed.) (1921) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 24. Petrograd: [s.n.].
12. Nesin, M.A. (2014) Shelonskaya bitva 14 iyulya 1471 g.: k voprosu o taktike moskovskikh voysk i uchastii zasadnoy tatarskoy rati [The Battle of Shelon on July 14, 1471: on the Moscow force tactics and the participation of the Tatar ambush]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. 4. pp. 464–482. [Online] Available from: <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin> (Accessed: 27th March 2014).
13. Zaliznyak, A.A. (ed.) (1990) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th – 14th centuries)]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Anon. (1848) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4–5.. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa. pp. 173–345.
15. Kuntsevich, G.Z. (ed.) (1903) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 19. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov. Col. 7–8.
16. Pavlov, N.P. (1957) Tatarskie otryady na russkoy sluzhbe v period zaversheniya ob"edineniya Rusi [Tatar detachments in the Russian service during the completion of the Russian unification]. *Uchenye zapiski Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 9(1). pp. 165–177.
17. Buganov, V.I. (ed.) (1966) *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [List of Noble Families, 1475–1598]. Moscow: Nauka.
18. Karpov, G.F. (ed.) (1884a) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41(1). Doc. 19. pp. 62–71.
19. Karpov, G.F. (ed.) (1884b) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41(1). Doc. 27. pp. 98–104.
20. Buganov, V.I. (ed.) (1977) *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [List of Noble Families, 1475–1605]. Vol. 1(1). Moscow: USSR Institute of History.
21. Nasonov, A.N. (ed.) (2003) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5(1). Moscow: YaRK.
22. Karpov, G.F. (ed.) (1884c) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41(1). Doc. 75. pp. 369–372.
23. Polo, M. (1956) *Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo]. Translated from Old French by I.P. Minaev. Moscow: Gos. izd-vo geografich. lit-ry.
24. Contarini, A. (1971) Puteshestvie v Persiyu [A Journey to Persia]. In: Barbaro, I. & Contarini, A. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-rossiyskikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the 15th century]. Translated from Italian. by E.Ch. Skrzhinskaya. Leningrad: Nauka. pp. 210–235.
25. Stanislavsky, A.L. (2004) *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vv.* [On the history of the Monarchic court in Russia in the 16th – 17th centuries]. Moscow: The Russian State University for the Humanities. pp. 366–420.
26. Buganov, V.I. (ed.) (1974) *Razryadnye knigi 1598–1638 gg.* [Lists of Noble Families, 1598–1638]. Moscow: USSR Institute of History. pp. 180–313.
27. Anon. (1849) *Razryadnaya kniga 7123 goda* [List of Noble Families, 7123]. *Vremennik obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh*. 1. pp. 1–60.
28. Karpov, G.F. (ed.) (1884d) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41(1). Doc. 45. pp. 199–208.

УДК 94(571.5)
DOI: 10.17223/19988613/64/2

Л.В. Кальмина

«ЕВРЕЙСКАЯ» ПОЛИТИКА СИБИРСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ: ОТКЛОНЕНИЕ ОТ «ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ»

Исследование выполнено в рамках проекта XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9.

Анализируется роль собственных представлений сибирских чиновников высшего звена в процессе изменения «еврейского» законодательства. Хотя они действовали в русле имперской «еврейской» политики, их предложения нередко отклонялись от официального курса в сторону ужесточения или, напротив, облегчения правового положения евреев. Это было продиктовано местными реалиями, личным опытом сибирских администраторов, приобретенным на службе, и их видением роли еврейского населения в жизни сибирского общества.

Ключевые слова: генерал-губернатор; губернатор; евреи; законодательная инициатива; сибирская черта оседлости; расселение; право передвижения.

Пребывание евреев в Сибири поставило вопрос об их специальных правах. Регион с особым статусом места ссылки и одновременно территории интенсивной колонизации, с которой правительство связывало свои амбициозные планы, стал объектом самостоятельного «еврейского» законодательства, отличного от такового в западных губерниях империи. Во всех узаконениях и распоряжениях Сибирь определялась как одна из местностей, «в коих относительно евреев установлены особые ограничительные правила», при том что почти ни в одном из законов, регламентирующих права евреев, не встречается выражение «кроме Сибири» [1. С. 142]. Два закона можно считать опорными «столбами» сложной конструкции сибирского «еврейского» законодательства. Первый – Высочайше утвержденные правила от 15 мая 1837 г., в соответствии с которыми Сибирь фактически стала регионом, «свободным от еврейского элемента». Закон «решительно и навсегда» прекращал поселение евреев в Сибири, за исключением сосланных по суду за уголовное преступление или в административном порядке за «порочное поведение», да и то только в возрасте старше 40 лет. Второй – Положение Комитета Министров от 11 ноября 1847 г., предписывавшее оказавшимся в Сибири евреям не покидать место своего поселения, которое должно считаться постоянной для них оседлостью [2. С. 410, 677–678]. Подобное ограничение не практиковалось по отношению ни к какому другому этносу.

«Еврейское» законодательство в Сибири исполнялось, однако, с разной степенью служебного рвения, что в значительной степени зависело от личности исполнителя. Мы не склонны абсолютизировать эту зависимость, но при этом должны признать, что собственные представления сибирских администраторов о решении «еврейского вопроса» на вверенных им территориях, продиктованные полученным воспитанием, прежним опытом, степенью поражения антисемитизмом, а также сложившимися в обществе стереотипами, в ряде случаев существенно «корректировали» импер-

ские установки. При отдаленности окраинных территорий от центра, невозможности быстрого согласования управленческих решений и больших полномочиях, которыми были облечены сибирские администраторы, они могли существенно облегчить или, напротив, усложнить жизнь еврейского населения (в судьбе других этносов собственные предрассудки сибирских чиновников также играли немалую роль) [3. С. 37–40].

Предметом нашего исследовательского интереса стал субъективный взгляд на «еврейский вопрос» высших сибирских чиновников – губернаторов и генерал-губернаторов, отклонение их собственных представлений от установок действующего законодательства в ту или другую сторону. Как правило, чиновники излагали в официальной переписке свою точку зрения в ожидании поддержки вышестоящих, а в ряде случаев самостоятельно действовали в соответствии со своим видением проблемы. Иногда настойчивость и логика аргументации в конечном итоге облекали их идеи в форму закона.

Настойчивый законодатель

О четко выраженной «еврейской» политике в сибирском регионе можно говорить начиная с правления Н.Н. Муравьева, который стоял во главе генерал-губернаторства Восточной Сибири с 1847 по 1861 г. Главное ее положение – определение принципа расселения евреев, с тем чтобы их «вредное влияние» на коренное сибирское население свести к минимуму.

Уже упоминавшийся Закон от 15 мая 1837 г. предписывал селить ссыльных евреев компактными поселениями только за Байкалом и в Якутской области. Однако о невозможности его исполнения уездные исправники стали докладывать генерал-губернатору практически сразу: из-за старости и неспособности ссыльных евреев к занятиям земледелием они в большинстве своем бродяжничали либо находились в услужении. Выход из этой неприглядной ситуации

виделся только один – приписывать евреев к местам, заселенным сибирскими старожилами [4. Оп. 1. Д. 7145. Л. 68; Д. 7200. Л. 20, 46]. Поначалу Н.Н. Муравьев противился столь грубому нарушению закона и требовал «причисление евреев к селениям старожилов Забайкалья как меру, не согласную с законом и вредную по своим последствиям, безусловно прекратить» и приступить «к водворению сих евреев отдельными селениями» [Там же. Д. 7145. Л. 6; Д. 7200. Л. 71]. Однако, изучив ситуацию, он убедился, что мест, никем не заселенных, но пригодных для жилья, в Якутской области практически нет. В распределении же евреев только в Забайкалье Н.Н. Муравьев тоже не видел решения проблемы: по его мнению, территория за Байкалом и так была чрезмерно «отягощена евреями», поскольку ссыльнопоселенцев отправляли туда без ограничения. Строгое соблюдение закона, предписывавшего расселять евреев в отдаленных и пустынных местах вдали от местного населения, потребовало бы огромных затрат казны на их обустройство, но и это вовсе не гарантировало их пребывания в местах, совершенно лишенных нормальных условий для жизни.

Обнаруженная нами в архивах переписка по этому вопросу между Н.Н. Муравьевым, Собственной Его Императорского Величества Канцелярией, Министерством государственных имуществ и генерал-губернатором Западной Сибири А.Х. Гасфортом продолжалась с 1852 по 1859 г. Все инстанции, кроме генерал-губернатора Восточной Сибири, были заинтересованы в сохранении прежнего порядка расселения евреев в Сибири, хотя и руководствовались разными побуждениями. Министерство и Канцелярия твердо стояли на страже закона. Министерство доказывало Муравьеву, что, поскольку при престарелых еврейских ссыльных не остается взрослых детей (они подлежали возврату в черту оседлости, а в случае отказа – определению в военные кантонисты), стремительного увеличения евреев во вверенном ему крае можно не опасаться, и советовало найти способ для их «пропитания». Канцелярия настойчиво требовала поиска мест, удобных для развития сельского хозяйства, игнорируя возражения Н.Н. Муравьева об ограниченном числе территорий, никем не заселенных, но пригодных для жизни [5. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 11–12, 33, 81]. Генерал-губернатор Западной Сибири А.Х. Гасфорт, больше всего опасавшийся расселения евреев по всей Сибири, как предлагал Н.Н. Муравьев, нашел «неопровержимый» аргумент: «...цивилизующийся край» (т.е. Западную Сибирь) необходимо освободить «от порочных евреев, размножение коих могло бы препятствовать улучшению его благосостояния и охранению в нем должного порядка» [Там же. Л. 238].

Понадобилось семь лет, чтобы официальный Петербург понял: найти подходящие места для поселения евреев без значительных издержек будет крайне затруднительно, а немолодые люди вдали от общества, без поддержки семьи и без навыков обработки земли обречены на голодную смерть. 26 июля 1859 г. из Собственной Канцелярии Его Императорского Величества в адрес Министерства государственных имуществ было отправлено письмо за подписью управляющего ее

II Отделением графа Д.В. Блудова, в котором он поддержал предложения Н.Н. Муравьева. Граф настаивал, что по опыту других мест знает: «...евреи упорно сохраняют свою национальную исключительность» при обособленном поселении. Будучи же «под непрерывным влиянием других нравов и обычаев... с течением времени теряют многие из самых дурных свойств своего характера и мало-помалу подчиняются до некоторой степени условиям и требованиям окружающего их быта». Досталось и А.Х. Гасфорту: Д.В. Блудов отстаивал право Восточной Сибири развиваться в той же мере, что и Западная, и доказывал, что обе части Сибири в равной степени должны нести нелегкое бремя ссылки [Там же. Л. 262–263]. Самый любопытный момент заключается в том, что с именем Д.В. Блудова связан закон от 15 мая 1837 г., регламентировавший компактное поселение евреев вдали от сибирских старожилов, основные положения которого он сам теперь и предлагал отменить [6. С. 398].

Идеи Н.Н. Муравьева были положены в основу Закона от 12 июня 1860 г., согласно которому ссыльные евреи расселялись по всей территории Сибири, за исключением стоверстной приграничной полосы, не обособленными поселениями, а в деревнях сибирских старожилов. Хотя по долгу службы генерал-губернатор был обязан обеспечивать «неприкосновенность верховных прав самодержавия» и соблюдение «законов и распоряжений высшего правительства» на окраинной территории [7. С. 31, 33], он фактически положил начало отклонению от «генеральной линии» в «еврейском вопросе» в Сибири.

«Служаки» от законотворчества

Если по вопросу въезда евреев в Сибирь взгляды сибирских чиновников практически не отличались (все они считали, что въезд, безусловно, следует ограничить), их представления о регламентировании жизни евреев, уже оказавшихся в Сибири, различались существенно. В соответствии с этими представлениями мы условно разделили авторов законодательных инициатив на две группы: либералы, считавшие необходимым облегчить положение сибирских евреев, и «служаки» – те, кто в стремлении сделать карьеру придумывали все новые законодательные ограничения для сибирских евреев, полагая, что такая инициатива им непременно зачтется. В их глазах выселить два десятка законно живущих в Сибири евреев было куда меньшим грехом, чем упустить одного, проникшего на ее территорию незаконно.

Среди «служаков» мы бы прежде всего выделили Енисейского губернатора М.А. Плева, автора наиболее радикальных предложений, которые он изложил в датированном 1901 г. письме к Иркутскому генерал-губернатору А.И. Пантелееву. Для уменьшения численности евреев в своей губернии (распространять такое предложение на всю Сибирь ему было не по чину) он предлагал отменить для них ссылку, заменив ее тюремным заключением или арестантскими ротами в черте оседлости, поскольку именно ссылка и является главным способом увеличения в Сибири «еврейского

элемента». Добровольно вернувшись в черту оседлости евреям М.А. Плец предлагал предоставлять отсрочку от призыва в армию. Таким образом, не в меру ретивый губернатор фактически предлагал вернуться к закону от 15 мая 1837 г., заменявшему евреям до 40 лет ссылку другими видами наказания. Даже генерал-губернатор А.И. Пантелеев весьма скептически отнесся к предложениям своего подчиненного, оставив на полях его письма язвительные комментарии относительно «коренного изменения лестницы наказаний по отношению к одной национальности» [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 247, 250–251].

Предложения Иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина относились к разряду приобретших силу закона. В отличие от Н.Н. Муравьева он не добивался изменения законодательства, а просто чутьем опытного чиновника уловил ужесточение «еврейской» законодательной стратегии, характерное для правления Александра III. Циркулярное распоряжение А.Д. Горемыкина от 18 сентября 1891 г. о выдворении всех евреев к месту приписки, в том числе и проживших в нынешнем месте жительства десятки лет, на несколько лет опередило Указ Правительствующего Сената о «прикреплении» евреев к месту причисления [9. Оп. 1. Д. 2864. Л. 47]. С подачи генерал-губернатора Иркутский губернский совет внес в свое решение пункт о лишении права свободного передвижения по Сибири отбывших срок наказания евреев, хотя по закону ссыльные по истечении определенного судом срока этим правом обладали и нигде в законодательстве какого-либо ограничения по вероисповедному признаку не зафиксировано. Однако губернский совет шел в русле, указанном начальником: уж если обладающие всеми гражданскими правами евреи не могут свободно передвигаться по территории Сибири, не следует предоставлять это право и ссыльным евреям, «наиболее опасным для населения» [4. Оп. 1. Д. 3066. Л. 9–10].

В 1896–1897 гг. Правительствующий Сенат вынес два решения, согласно которым во изменение прежней многолетней практики евреи в Сибири не могли проживать вне места приписки. Прикрепление к определенной территории по конфессиональному признаку позволило нам ввести в научный оборот понятие «сибирской черты еврейской оседлости» [10. С. 51–53, 59], которая в Сибири проявилась даже в более жестком варианте, чем в европейских губерниях. Территориально Сибирь оставалась «за чертой», но фактически каждый еврей-сибиряк приобрел здесь собственную «черту».

Свое прочтение закона продемонстрировал и Иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов, пребывавший в уверенности, что «несправедливо освящать давностью право проживания евреев, которое они приобрели захватным, вполне незаконным способом» [8. Оп. 9. К. 916. Д. 12. Л. 28]. Его выселенческие кампании отличались большим размахом. Циркуляр П.А. Столыпина от 22 мая 1907 г., предписывавший выселять всех евреев, поселившихся вне мест причисления после 1 августа 1906 г., фактически развязал ему руки, хотя, по сути, он был смягчающим, разрешавшим евреям жить вне мест приписки, если они поселились там давно. За че-

тыре года своего правления, по данным исследователей, только из Иркутска А.Н. Селиванов выселил около 1,5 тыс. человек [11. С. 152]. Конечно, это не было лишь его личной инициативой, но он был из тех чиновников, которые любое сомнение толковали не в пользу проверяемого. Соблюдением формальностей генерал-губернатор себя не обременял, но к делу подходил «ответственно»: даже с ходатайством о разрешении лечиться на курорте Усолье по медицинским показаниям каждый еврей должен был обращаться лично к нему. Не имевшие права жительства в Сибири, как правило, получали отказ [9. Оп. 1. Д. 4972. Л. 4, 6, 8, 16, 29]. По мнению историков Иркутской общины, А.Н. Селиванов в каждом еврее видел личного врага и не скрывал своих намерений «искоренить» еврейское население Иркутска [11. С. 144].

Все сибирские чиновники, «корректировавшие» закон в сторону ужесточения, ничем не рисковали. В худшем случае им могли попенять за суровость, но чаще их представления, хоть и отклонявшиеся от имперских установок, одобрялись, поскольку работали на поставленную официальным Петербургом цель – сокращение числа евреев в Сибири.

Носители свободомыслия

Из чиновников-либералов генерал-губернаторского звена следует выделить Иркутского генерал-губернатора А.И. Пантелеева. В отличие от А.Д. Горемыкина А.И. Пантелеев совершенно спокойно относился и к пребыванию евреев в Сибири – даже если они въехали туда самовольно, но прожили там не менее 10 лет, и к их жительству вне мест причисления при условии, что они занимаются полезным для общества трудом. В его Всеподданнейшем отчете за 1900–1901 гг. указано, что в местах причисления пребывает менее половины всех евреев, однако число лиц иудейского вероисповедания, замеченных в противоправной и предосудительной деятельности, совершенно ничтожно. Снисходителен был А.И. Пантелеев и к противозаконным отлучкам евреев с мест причисления, поскольку они «не только не приносят населению особого или большего, чем в других местностях империи, вреда, но даже полезны в качестве ремесленников и мелких торговцев, понижающих путем конкуренции высокие цены на предметы первой необходимости». Вредными для местного населения генерал-губернатор считал только евреев, прибывающих в Сибирь на короткое время, поскольку видел в них не желающих здесь прочно обосноваться, а лишь стремящихся захватить в свои руки новые отрасли торговли и промышленности [12. С. 71]. Расходился он со своим предшественником А.Д. Горемыкиным и в трактовке понятия «место причисления». В письме в Министерство внутренних дел А.И. Пантелеев выразил мнение, что понимание «места оседлости» в самом узком ограничительном смысле (города или селения) «представляется нежелательным и ведет к невозможности осуществления евреями даже тех ограниченных прав, которые прямо представлены законом». По его мнению, представителям торгового сословия следовало выдавать торговые документы без

ограничения, поскольку длительная процедура получения таковых для выезда на собственное предприятие вне места причисления затрудняет развитие торговли. Для механиков, винокуров и возчиков он даже предлагал расширить понятие «место приписки» до границ генерал-губернаторства, что уж слишком далеко выходило за рамки предписанного законом. Из отчетов А.И. Пантелеева видно, чем он руководствовался в своем либерализме. Во-первых, он не мог не заметить той значительной роли, которую сыграли евреи в экономическом развитии края, а потому выступал против чрезмерных ограничений в их передвижениях. Во-вторых, он полагал, что евреи, ограниченные в выборе деятельности из-за необходимости все время находиться в одном месте, все равно найдут способ отлучиться с места приписки или «обратятся для пропитания к предосудительным занятиям» [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 259, 384–385; 12. С. 71–72].

Через год граница «черты оседлости» для сибирских евреев была расширена до уезда. У нас нет прямых доказательств, что это было сделано с подачи А.И. Пантелеева. Но здравый смысл, заключенный в его предложениях, не мог не быть замечен, что и послужило причиной нового толкования «места еврейской оседлости» в сибирском законодательстве.

Не будем идеализировать: А.И. Пантелеев был чиновником, поставленным «на хозяйство» для проведения политики самодержавия на окраине империи, в том числе и в «еврейском вопросе». Так же, как и все генерал-губернаторы, он был против бесконтрольного доступа евреев в Сибирь. Точно так же опасался, что «зарождающиеся в этом крае новые многочисленные отрасли торговли и промышленности, несомненно, привлекут такую массу лиц иудейского вероисповедания, что контроль за их деятельностью станет невозможным». Так же, как его предшественники и последователи, он уделял первостепенное внимание проверкам законности проживания евреев и в своих инструкциях по их проведению требовал от подчиненных использования для этого всех имеющихся в их распоряжении сил – от уездной полиции до органов сословного самоуправления [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 387–388; 13. Оп. 1. Д. 9. Л. 24–25]. Однако период правления А.И. Пантелеева не был отмечен массовыми выселениями, а наиболее ретивых губернаторов, бросающихся выселять всех евреев после каждого указания о сборе статистических сведений о них, регулярно одергивал, разъясняя, что подобные распоряжения не должны «служить поводом к принятию мер против этих лиц» [8. Оп. 9. К. 916. Д. 12. Л. 298; 14. Оп. 1. Д. 2454. Л. 2]. По воспоминаниям современников, он был человек «не злой, мягкий, не особенно вредный, среднего ума (человек без академического образования), но весьма воспитанный» [7. С. 120].

Однако самым большим вольнодумцем в еврейском вопросе был Якутский губернатор В.Н. Скрипицын, имевший собственную позицию по многим правовым вопросам. В архивах Иркутска и Якутска сохранились его адресованные А.И. Пантелееву размышления, во многом противоречившие официальному «еврейскому» законодательству.

В отличие от других территорий Сибири в Якутии почти не было «вольно зашедших» евреев. Практически все они оказывались здесь на законных основаниях – как ссыльные, статус которых и, соответственно, отношение к ним властей были четко определены. Однако после окончания срока ссылки рождалось множество вопросов, которые выходили за рамки единичных случаев и требовали разрешения. Мы выделили четыре проблемы, которые обозначил Якутский губернатор.

Первая – судьба евреев, отбывших ссылку. В соответствии с законом они были обязаны вернуться в черту оседлости. Хотя согласно Манифесту 15 мая 1883 г. ссыльные через 9 лет после перечисления в податное сословие имели право избрать себе место жительства (за исключением столиц и столичных губерний), евреи этого права были лишены решением I Общего собрания Правительствующего Сената от 20 мая 1887 г. Фактически это дарованное царем послабление для облегчения участи ссыльных превратилось в источник нового наказания евреев – опять ссылки, на этот раз в черту оседлости, куда они вовсе не рвались, так как за время пребывания в Сибири успевали обзавестись семьей, хозяйством и найти постоянный заработок. Поставив этот вопрос, В.Н. Скрипицын предложил свой вариант его решения: «Евреи, сосланные за государственные преступления, обыкновенно тотчас по истечении срока гласного надзора или обязательного пребывания выезжают из области навсегда, а потому и устройство их быта не требует никаких... изменений в действующих узаконениях, – писал он А.И. Пантелееву. – Совершенно противоположное представляет положение евреев, водворение которых в области вызвано ссылкой их самих или их родителей административным порядком и по суду... Ссыльные эти и их дети... по-видимому, прервали всякую связь с родиной. По крайней мере, ходатайства о возвращении на родину со стороны таких евреев составляют редкое исключение». Отмечая, что в большинстве своем возвращение на родину для еврея, оседло устроившегося в ссылке, представляет мало заманчивого и даже напротив, порой грозит разорением, а выехавшие вместе с семьями часто возвращаются назад, губернатор видел выход в предоставлении евреям, фактически проживающим в городах, разрешения причисляться к местным городским обществам и свободно передвигаться по области [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 366]. Предложение почти революционное, если учесть, что перемещение сибирских евреев без специального разрешения ограничивалось рамками округа (уезда), а до 1902 г. – только города или волости.

К этому вопросу примыкал второй – право проживания евреев в губернских и уездных городах. С одной стороны, указом Правительствующего Сената от 8 февраля 1902 г. специальной чертой оседлости для еврея был определен округ / уезд, к которому он был приписан. С другой – не было полной ясности, можно ли включить в эту «черту» областные (губернские) и окружные (уездные) города или же следует ограничить проживание евреев самими округами (уездами). Губернатор считал, что признание права проживания в областном городе евреев, после отбытия наказания

перечисленных в податные сословия, так же как и полноправных сибирских евреев, – куда меньшее зло, чем самовольное, в обход всех правил, поселение их в Якутске, поскольку они поднаторели в нарушении правил поселения. Вопреки практиковавшейся политике ограничения поселения евреев в крупных городах В.Н. Скрипицын оправдывал концентрацию евреев в Якутске «положительным отсутствием каких бы то ни было заработков в инородческих улусах и малолюдных поселках» и тем фактом, что евреи, городской сегмент сибирской ссылки, к сельским занятиям просто не способны [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 363; 15. Оп. 2. Д. 4444. Л. 36]. Даже при оговорке В.Н. Скрипицына, что каждый случай поселения еврея в областном городе должен рассматриваться в индивидуальном порядке с учетом давности его пребывания в городе, семейного положения и рода занятий [15. Д. 8869. Л. 63, 89, 100], это было достаточно смелым предложением, поскольку закон, напротив, ограничивал поселение евреев в крупных городах.

Проблема третья – как поступить с евреями, которым местное общество отказывает в приемном приговоре. Речь шла не только о самих ссыльных, но и об их взрослых детях, которые ссыльными как таковыми не были, но теряли право жительства в Сибири после смерти отца. В ответе на вопрос о судьбе ссыльных, которым было оказано в приемном приговоре и в Сибири, и в черте оседлости, губернатор был категоричен: причислять их к русским волостям без согласия местного населения. Относительно судьбы детей ссыльных все было гораздо сложнее. Закон запрещал ссыльным брать с собой сыновей старше пяти лет. Однако требование это часто не соблюдалось, что вызвало значительный наплыв в Сибирь еврейских мальчиков в возрасте старше дозволенного законом, впоследствии причисленных казенными палатами к местным податным обществам. В 1894 г. по распоряжению Министерства финансов их как незаконно прибывших в Сибирь отчислили из податных обществ, но из Сибири не выселили «впредь до разрешения... вопроса о правах евреев» [13. Оп. 1. Д. 9. Л. 19]. Сложилась парадоксальная ситуация: еврейские юноши, жители Сибири, не были причислены вообще ни к каким податным обществам ни в Сибири, ни в черте оседлости, поскольку не имели приемных приговоров. Из-за десятилетий ожидания «решения вопроса законодательным порядком» империя получила значительное число молодых людей, не выполнявших воинскую повинность и не плативших податей. 22 апреля 1903 г. Высочайшим повелением, наконец, было определено право еврейских юношей приписываться к податным обще-

ствам даже без согласия последних [15. Оп. 2. Д. 4444. Л. 37]. Закон был принят вне зависимости от предложений В.Н. Скрипицына, который пришел к такому заключению самостоятельно. Государство было обеспокоено сложившейся ненормальной ситуацией «ухода» от налогов значительной массы населения, от чего казна несла большие убытки. Этим же повелением было разрешено следовать за осужденными в ссылку евреями их сыновьям в возрасте до 14 лет – с условием рассмотрения каждого случая отдельно и по особым ходатайствам. Однако это не решало проблемы: не имеющий обратной силы закон оставлял еврейских юношей в возрасте от пяти до 14 лет, пришедших в ссылку за отцами до 1903 г., в положении правонарушителей, которых в любой момент могли выселить из Сибири. Желая облегчить участь молодых евреев, выросших в Якутской области, нередко уже оседло устроившихся и чуждых еврейской среды внутренних губерний, В.Н. Скрипицын предложил применить это послабление и по отношению к тем, кто оказался в Якутской области задолго до 1903 г. [Там же].

В.Н. Скрипицын имел свою позицию и по вопросу отлучек евреев в другие области Сибири и в черту оседлости. Обсуждая проблему, он предлагал ответ на два вопроса: во-первых, имеют ли евреи право отлучки в черту еврейской оседлости? во-вторых, на какой срок можно позволить им уехать? В соответствии с законодательством отлучиться можно было не более чем на два месяца. Однако, по мнению губернатора, который в праве еврея проследовать во внутренние губернии России не сомневался, этот срок был совершенно недостаточным, поскольку только дорога туда и обратно занимала не менее двух месяцев, да и то в благоприятное время года. «Минимальный срок для Якутской области необходимо установить двойной, т.е. в четыре месяца», – предлагал губернатор. Он также был за то, чтобы увеличить срок для поездки в Иркутск, бывший для якутских евреев ближайшим пунктом торговых сделок, хотя бы до трех месяцев «ввиду затруднительности путей сообщения» [Там же. Л. 35].

Предложения В.Н. Скрипицына слишком уж отклонялись от «генеральной линии», поэтому большинство из них не нашли поддержки даже у А.И. Пантелева, отличавшегося в «еврейском вопросе» известным либерализмом. Парадокс заключался в том, что некоторые из них фактически были поддержаны официальным Петербургом, хотя и не из желания облегчить положение многотысячного сибирского еврейского населения, а из соображений логики и здравого смысла, которого в «еврейском» законодательстве было мало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальмина Л.В. «Проблемный» этнос: апофеоз дискриминации (особенности сибирского «еврейского» законодательства) // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Сер. «Азиатская Россия» / отв. ред. И.Л. Дамешек, Ю.А. Петрушин. Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2008. С. 139–148.
2. Полный хронологический сборник законов и положений, касающийся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени. 1649–1873. Извлечения из Полных собраний законов Российской империи / сост. В.О. Леванда. СПб. : тип. К.В. Трубинова, 1874. 1158 с.
3. Шостакович Б.С. Представители местной администрации и политические ссыльные в Восточной Сибири XIX века (по мемуарным источникам) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 35–42.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о).

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383.
6. Кальмина Л.В. Закон 12 июня 1860 года как результат провала сибирской «еврейской» законодательной политики 1837 года // Материалы Тринадцатой ежегодной междунар. междисциплин. конф. по иудаике. М., 2006. С. 393–399. (Акад. серия, вып. 20).
7. Дамешек Л.М. Институт генерал-губернаторов Азиатской России и его особенности. Иркутск : Оттиск, 2011. 128 с.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25.
9. ГАИО. Ф. 32.
10. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 423 с.
11. Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск : Изд-во Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общества распространения просвещения между евреями в России, 1915. 390 с.
12. Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900–1901 гг. Иркутск, 1901. 87 с.
13. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 477-и.
14. ГАИО. Ф. 91.
15. НАРС(Я). Ф. 12-и.

Lilia V. Kalmina, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kalminal@gmail.com

SIBERIAN GENERAL-GOVERNOR'S JEWISH POLICY: GENERAL TREND DEVIATION

Keywords: General-Governor, Governor, Jews, legislative initiatives, Siberian pale of settlement, settling, change of residence.

The present article is the outcome of long investigation of a subjective factor role in Siberian Jewish Legislation development. The author is analyzing some top class Siberian officials' opinions on the Jewish issue, legislation initiatives being formed in accordance with it. The basic investigation sources were introduced from the materials of one central and three regional archives containing business correspondence of Siberian General-Governors and Governors in which they displayed their thoughts about the rules for Jewish settlement in Siberia, resolutions of Governors and Principal Councils, later acknowledged (or not acknowledged) as laws. The examination of sources allowed to reveal stimulating reasons for any proposition, their efficiency or absurdity, official Petersburg's relation to regional initiatives.

Obscurity and complexity of Jewish legislation was deepened by the fact that Siberia happened to be the territory with special rules for Jewish settlement. The reason was, first of all, in the fact that Jews could come to Siberia as exiled on the whole and so they were frustrated twice as exiled and Jews properly speaking; in general, they were limited in rights on the whole territory of the Russian Empire.

In the course of investigation the author came to the following conclusions:

though Siberian officials activities was loyal to imperial policy, remoteness of Siberian outskirts and impossibility to get orders from Petersburg promptly let Siberian administrators interpret legislation articles themselves in accordance with established ideas in the public opinion and their own views.

Due to this, top class Siberian officials may be conventionally divided into two groups: liberals being eager to relieve Siberian Jews status and campaigners stick to antisemitism, interpreting legislation in order to tighten it, their initiatives worsening still hard Siberian Jews way of life.

Initiatives of both groups often got the power of the law. To give them official status imperial power was guided with two often contradictory factors. The first one – general Jewish issue strategy immediately accepted in the regions. Imperial legislation tightening in connection with Jews led to their rights limitation in regions. The second one – taking into consideration Siberian Governors and General-Governors' points of view, they knew all the aspects of Siberian countryside better and could suggest more reasonable variants.

REFERENCES

1. Kalmina, L.V. (2008) "Problemnyy" etnos: apofeoz diskriminatsii (Osobennosti sibirskogo "evreyskogo" zakonodatel'stva) [The problematical ethnos: apotheosis of discrimination. (Peculiarities of Jewish Siberian legislation)]. In: Dameshek, I.L. & Petrushin, Yu.A. (2008) *Rossiya i Sibir': integratsionnye protsessy v novom istoricheskom izmerenii (XVIII - nach. XX v.)* [Russia and Siberia: integration processes in a new historical dimension (the 18th – early 20th century)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya. pp. 139–148.
2. Levanda, V.O. (1874) *Polnyy khronologicheskii sbornik zakonov i polozheniy, kasayushchiesya evreev, ot Ulozheniya tsarya Aleksey Mikhaylovicha do nastoyashchego vremeni. 1649-1873. Izvlecheniya iz Polnykh sobraniy zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete chronological collection of laws and states related to the Jews from Legislation of Tsar Aleksey Mikhaylovich till nowadays. 1649–1873]. St. Petersburg: tip. K.V. Trubnikova.
3. Shostakovich, B.S. (1988) *Predstaviteli mestnoy administratsii i politicheskie ssyl'nye v Vostochnoy Sibiri XIX veka (po memuarnym istochnikam)* [Representatives of regional administration and political exiles in Eastern Siberia (from memoir sources)]. In: *Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX veka* [Autocracy in Siberia of the 19th and early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 35–42.
4. The State Archive of Transbaikalian Territory (GAZK). Fund 1(o).
5. The Russian State Historical Archive. Fund 383.
6. Kalmina, L.V. (2006) Zakon 12 iyunya 1860 goda kak rezul'tat provala sibirskoy "evreyskoy" zakonodatel'noy politiki 1837 goda [The law of June 12, 1860 as a result of the failure of the Siberian "Jewish" legislative policy of 1837]. In: Burmisrov, K.Yu. (ed.) *Materialy Trinadtsatoy Ezhegodnoy Mezhdunarodnoy Mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike* [Proc. of the Thirteenth Annual International Interdisciplinary Conference in Judaica]. Moscow: Sefar. pp. 393–399.
7. Dameshek, L.M. (2011) *Institut general-gubernatorov Aziatskoy Rossii i ego osobennosti* [The Asian Russian General-Governors' Institute and its peculiarities]. Irkutsk: Ottisk.
8. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25.
9. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 32.
10. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [The Eastern Siberian Jewish communities (the middle of the 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
11. Voytinsky, V. & Gornstein, A. (1915) *Evrei v Irkutsk* [The Jews in Irkutsk]. Irkutsk: the Economic Board of the Irkutsk Jewish Prayer House and the Irkutsk Department of the Society for the Promotion of Education between Jews in Russia.
12. Russia. (1901) *Vsepoddanneyshiy otchet Irkutskogo general-gubernatora za 1900 – 1901 gg.* [Irkutsk General-Governor's Report for 1900–1901]. Irkutsk: [s.n.].
13. The National Archive of Sakha (Yakutiya) Republic. Fund 477-i.
14. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 91.
15. The National Archive of Sakha (Yakutiya) Republic. Fund 12-i.

УДК 94(571.17)«1883/1912»:631/635
DOI: 10.17223/19988613/64/3

А.Ю. Карпинец, А.Ю. Просеков

ЗЕРНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ И КУЗБАССЕ В ПЕРИОД КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ УРОЖАЙНОЙ СТАТИСТИКИ

Исследование выполнено в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и новаций»; проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв. (№ гос. регистрации АААА-А17-117041410054-8).

Приводится сравнительный анализ урожаев хлебов в Европейской России и Кузбассе и делается вывод о несколько большей стабильности сельскохозяйственного производства на землях Кузнецкого и Мариинского округов, нежели в основных хлебопроизводящих губерниях страны, что связано с многоземельем, с более стабильным климатом в Кузбассе и с большей степенью дифференцированности местной сельской экономики.

Ключевые слова: зерновое производство; кузбасский регион; период «империализма».

Одним из главных вопросов российской жизни всегда был вопрос о хлебе насущном, как об этом верно писал министр земледелия и государственных имуществ России в начале XX в. А.С. Ермолов [1. С. 4].

Вместе с тем можно констатировать, что до сих пор есть на карте России территории, малоизученные с точки зрения аграрной истории. К таким регионам относится Кузбасс. Силами кузбасских историков во главе с З.Г. Карпенко хорошо изучен процесс индустриализации края, и он занимает заметное место в обобщающих сочинениях по истории Сибири. [2. Л. 49; 3. С. 5; 4. Л. 4; 5. Л. 88, 96–97, 104–105; 6. С. 203–205; 7. Л. 52; 8. С. 14]. Аграрная тематика не удостоилась столь глубокого внимания, разве что П.К. Редькин занимался вопросами сельского хозяйства Западной Сибири советского периода [9]. Следует отметить, что такое положение дел обуславливалось не региональным и даже не государственным, но глобальным трендом. Пик научно-практического интереса к проблемам сельского хозяйства пришелся на первую четверть XX в., после чего внимание к ним ослабело не только в нашей стране, но и во всем мире [10. С. 247–275].

Возрождение России в первой четверти XXI в. в качестве одной из ведущих зерновых держав возвращает в повестку дня некогда забытые вопросы отечественной аграрной сферы [11]. В этой связи, и попутно ликвидируя «белые пятна» в истории Кузбасса, на страницах предлагаемой статьи предпринята попытка отражения результатов исследования особенностей зернового производства в кузбасском регионе в конце XIX – начале XX в. Под термином «кузбасский регион» (Кузбасс) нами подразумевается пространство современной Кемеровской области, на рассматриваемое время включавшее большую часть территорий Кузнецкого и Мариинского уездов, а также южную окраину Томского уезда Томской губернии. Под термином «Россия» имеются в виду 50 губерний европейской части Российской империи. Главным источником информации

послужила зерновая статистика МВД, собираемая полицией и волостными правлениями, обрабатываемая губернским статистическим комитетом и органами губернского управления и публиковавшаяся в Приложениях к Всеподданнейшим отчетам Томского губернатора [12]. Обработка статистических данных, содержащихся в «Ведомостях о посеве и урожае хлебов», привела нас к составлению таблиц по 10-летиям: 1883–1892 / 1893–1902 / 1903–1912 гг. В данном случае мы придерживались рекомендаций авторитетного специалиста по аграрной истории России академика РАН Л. В. Милова (1929–2007), который полагал целесообразным осуществлять изучение отечественного земледелия XVIII–XIX вв. по 10-летним периодам. Его доводы базировались на следующем наблюдении: «...почти каждые три года в стране был неурожай разного масштаба. Вся палитра урожаев и неурожаев разных степеней в течение столетий примерно умещалась в десять лет» [13. С. 33]. В качестве основополагающей источниковой базы историк использовал урожайную статистику Центрального статистического комитета (ЦСК).

Не все специалисты – исследователи данной проблемы – однозначно солидаризировались с его позицией. К примеру, профессор М.А. Давыдов в 2003 г. писал: «Вопрос о достоверности урожайной статистики ЦСК МВД, как известно, был поставлен еще до революции, и уже тогда была хорошо известна ее сомнительность» [14. С. 50]. Мы, сознавая всю неоднозначность вопроса, с целью сопоставимости статистических сведений по России и Кузбассу и за неимением иных (по Кузбассу), склонны придерживаться концепции Л.В. Милова, оперировавшего статистическими данными по урожайности ведомства МВД. Результатом обработки статистических сведений об уровне урожайности зерновых и зернобобовых культур и картофеля (далее – ЗЗБКК), стали представленные ниже табл. 1–5 и диагр. 1–5.

Таблица 1

Зерновое производство в кузбасском регионе в 10-летний хронологический период 1883–1892 гг.

Год	Сев	Сбор	Сам-
ЗЗБКК (total)			
1883	250 623	579 032	2,3*/2,3
<i>1884</i>	<i>189 849</i>	<i>1 175 382</i>	<i>6,0/6,2</i>
1885	223 337	1 147 967	5,0/5,1
1886	219 092	1 132 191	5,0/5,2
1887	241 082	1 384 587	5,5/5,7
1888	242 940	761 255	2,8/3,1
<i>1889</i>	<i>226 255</i>	<i>1 381 386</i>	<i>5,9/6,1</i>
1890	265 322	1 273 322	4,7/4,8
1891	270 774	1 496 415	5,4/5,5
1892	276 519	1 428 099	5,1/5,2
\bar{x}	240 579	1 175 963	4,7/4,9

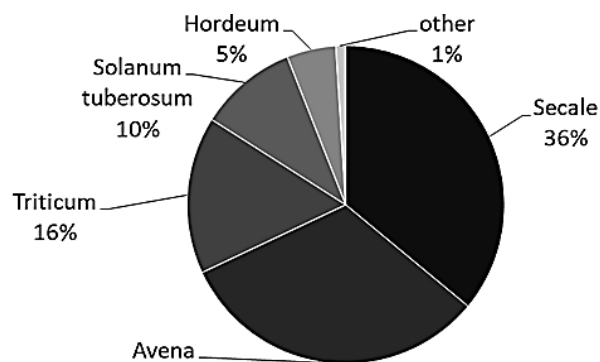


Диаграмма 1. Соотношение ЗЗБКК 1883–1892 гг.

Таблица 2

Зерновое производство в кузбасском регионе в 10-летний хронологический период 1893–1902 гг.

Год	Сев	Сбор	Сам-
ЗЗБКК (total)			
1893	278 128	1 301 933	4,6*/4,7
1894	287 838	1 416 783	4,9/4,9
1895	274 309	1 348 778	4,8/4,9
1896	342 366	1 981 986	5,7/5,8
1897	304 346	1 749 327	5,6/5,7
1898	408 862	1 895 271	4,5/4,6
<i>1899</i>	<i>345 945</i>	<i>2 092 373</i>	<i>6,2/6,0</i>
1900	323 369	1 034 179	3,0/3,2
1901	533 070	943 283	1,6/1,8
1902	213 522	1 044 158	5,0/4,9
\bar{x}	331 175	1 480 807	4,4/4,5

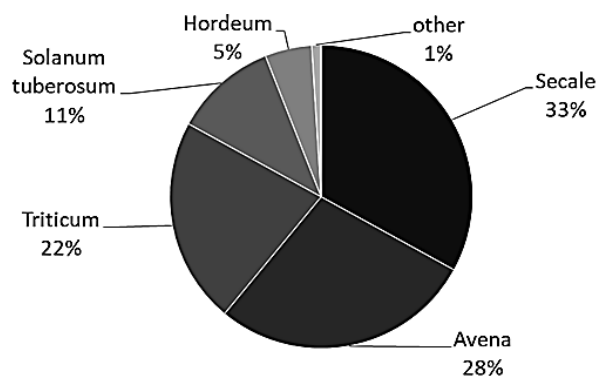


Диаграмма 2. Соотношение ЗЗБКК в 1893–1902 гг.

Таблица 3

Зерновое производство в кузбасском регионе в 10-летний хронологический период 1903–1912 гг.

Год	Сев	Сбор	Сам-
ЗЗБКК (total)			
<i>1903</i>	<i>322 825</i>	<i>2 032 285</i>	<i>6,1*/6,3</i>
1904	310 186	1 377 129	4,2/4,4
1905	288 532	1 543 511	5,0/5,3
1906	313 170	2 004 752	5,5/6,4
1907	330 400	1 862 353	5,3/5,6
1908	380 627	2 548 727	5,1/6,7
1909	437 236	1 644 384	3,5/3,8
1910	404 294	2 220 603	5,6/5,5
1911	482 428	2 440 006	5,1/5,1
1912	594 546	2 754 422	4,5/4,6
\bar{x}	386 424	2 042 817	5,0/5,4

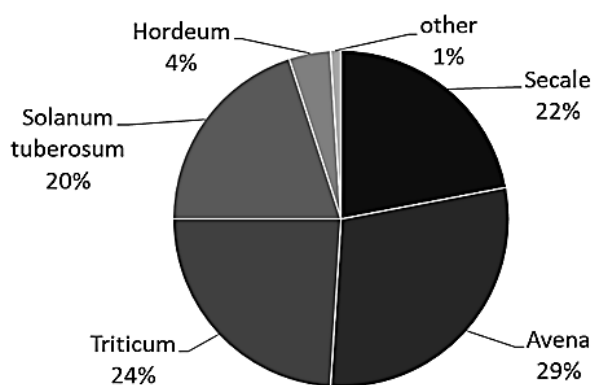


Диаграмма 3. Соотношение ЗЗБКК в 1903 – 1912 гг.

Примечания. Таблицы составлены нами по данным, приведенным в [12]. Измерение – в четвертях (≈ 8 пудов, 16,38 кг).

\bar{x} – медианное (среднее) значение. Сам-столько – в русской сельскохозяйственной статистике показатель, исчислявшийся посредством деления абсолютного количества сбора на абсолютное количество посева (измерения урожайности в «самах» оценивались еще дореволюционными исследователями как не вполне достоверные [15. С. 148–152], но это единственный стабильный показатель, который мы имеем за все 30-летие 1893–1912 гг.). % – процентное отношение валового сбора соответствующей культуры к общему валовому сбору ЗЗБКК. * – сам-столько только зерновых культур (без картофеля). Полушрифт начертание применено к тем годам, которые выдались неурожайными, курсивное – сверхурожайными. Латинские обозначения культур: пшеница яровая, а также озимая (triticum), рожь озимая, а также яровая (secale), ячмень яровой (hordeum), овес яровой (avena), картофель (solanum tuberosum).

Таблица 4

Урожайность зерновых культур в Европейской России в 30-летний период 1883–1912 гг.

Год	Посевная площадь, тыс. дес.	Сбор зерновых хлебов, тыс. пуд.	Урожай зерновых, пуд. с дес.	Норма урожая, пуд.	Отклонение от нормы	
					пуд.	%
10-летний хронологический период 1883–1892 гг.						
1883	58 840,9	2 072 623,7	35,2	35,1	+ 0,1	+ 0,5
1884	59 783,5	2 278 279,7	38,1	35,6	+ 2,5	+ 7,0
1885	59 957,4	1 933 505,1	32,2	36,1	– 3,9	– 10,8
1886	59 889,8	2 189 955,7	36,6	36,6	0,0	0,0
1887	60 015,3	2 545 408,8	42,4	37,0	+ 5,4	+ 14,6
1888	59 957,4	2 451 196,2	40,9	37,5	+ 3,4	+ 9,1
1889	59 828,0	1 860 560,4	31,1	38,0	– 6,9	– 18,2
1890	63 037,3	2 249 964,5	35,7	38,5	– 2,8	– 7,3
1891	63 481,0	1 756 079,9	27,7	39,0	– 11,3	– 29,0
1892	61 420,6	2 103 826,6	34,3	39,5	– 5,2	– 13,2
10-летний хронологический период 1893 – 1902 гг.						
1893	60 210,9	2 932 153,9	48,7	40,0	+ 8,7	+ 21,8
1894	60 167,5	2 969 763,1	49,4	40,5	+ 8,9	+ 22,0
1895	59 432,5	2 673 248,0	45,0	41,0	+ 4,0	+ 9,8
1896	62 693,1	2 726 592,0	43,5	41,5	+ 2,0	+ 4,8
1897	62 861,7	2 263 304,2	36,0	42,0	– 6,0	– 14,3
1898	62 733,5	2 629 223,9	41,9	42,4	– 0,5	– 1,2
1899	64 058,6	3 024 300,6	47,2	42,9	+ 4,3	+ 10,0
1900	66 291,5	2 949 770,9	44,5	43,4	+ 1,1	+ 2,5
1901	67 458,2	2 552 212,5	37,8	43,9	– 6,1	– 13,9
1902	67 430,2	3 452 311,2	51,2	44,4	+ 6,8	+ 15,3
10-летний хронологический период 1903 – 1912 гг.						
1903	68 723,6	3 207 885,6	46,7	44,9	+ 1,8	+ 4,0
1904	69 959,9	3 776 161,5	54,0	45,4	+ 8,6	+ 18,9
1905	70 475,3	2 995 182,6	42,5	45,9	– 3,4	– 7,4
1906	70 954,4	2 508 264,8	35,3	46,4	– 11,1	– 23,9
1907	69 641,9	2 938 243,4	42,2	46,9	– 4,7	– 10,0
1908	69 797,1	3 020 426,1	43,3	47,3	– 4,0	– 8,5
1909	70 213,9	3 883 226,3	55,3	47,8	+ 7,5	+ 15,7
1910	72 200,7	3 713 982,9	51,4	48,3	+ 3,1	+ 6,4
1911	72 969,2	2 908 542,2	39,9	48,6	– 8,9	– 18,2
1912	71 413,8	3 798 864,3	53,2	49,3	+ 3,9	+ 7,9

Примечания. Таблица составлена по данным, приведенным в [16. С. 56; 17. С. 33–34]. Полушрифное начертание применено к неурожайным годам, к которым мы относим те годы, в которых отклонение урожая от нормы составляло более 10%. Курсивное начертание применено к урожайным годам, в которых отклонение урожая от нормы составляло более 10%.

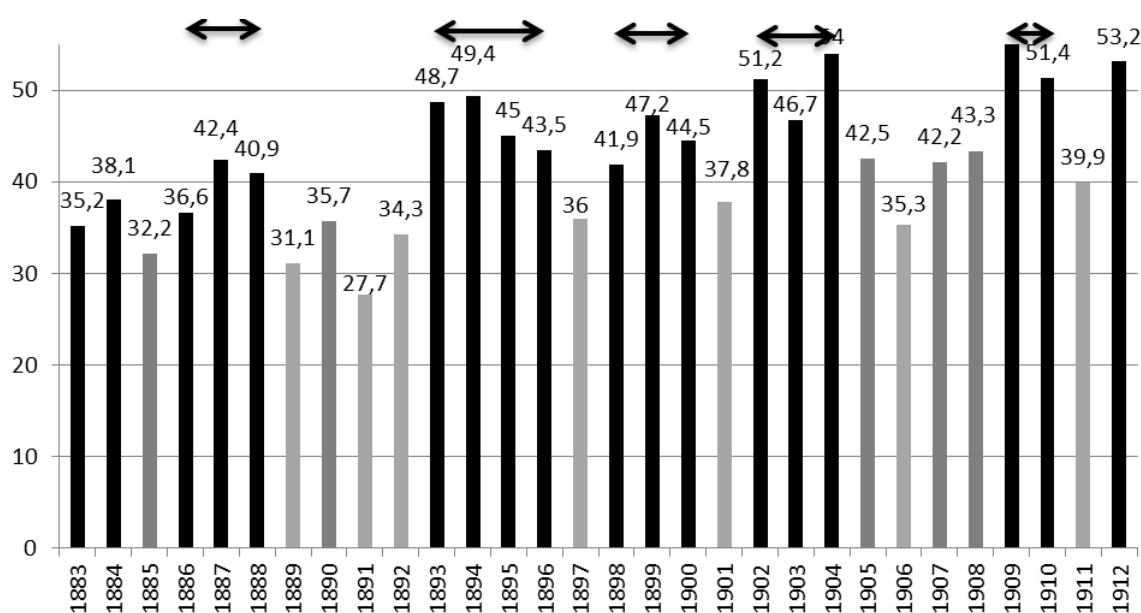


Диаграмма 4. Динамика урожайности зерновых культур в Европейской России в 30-летний хронопериод 1883–1912 гг. (по вертикальной оси – урожай зерновых в пудах с десятины)

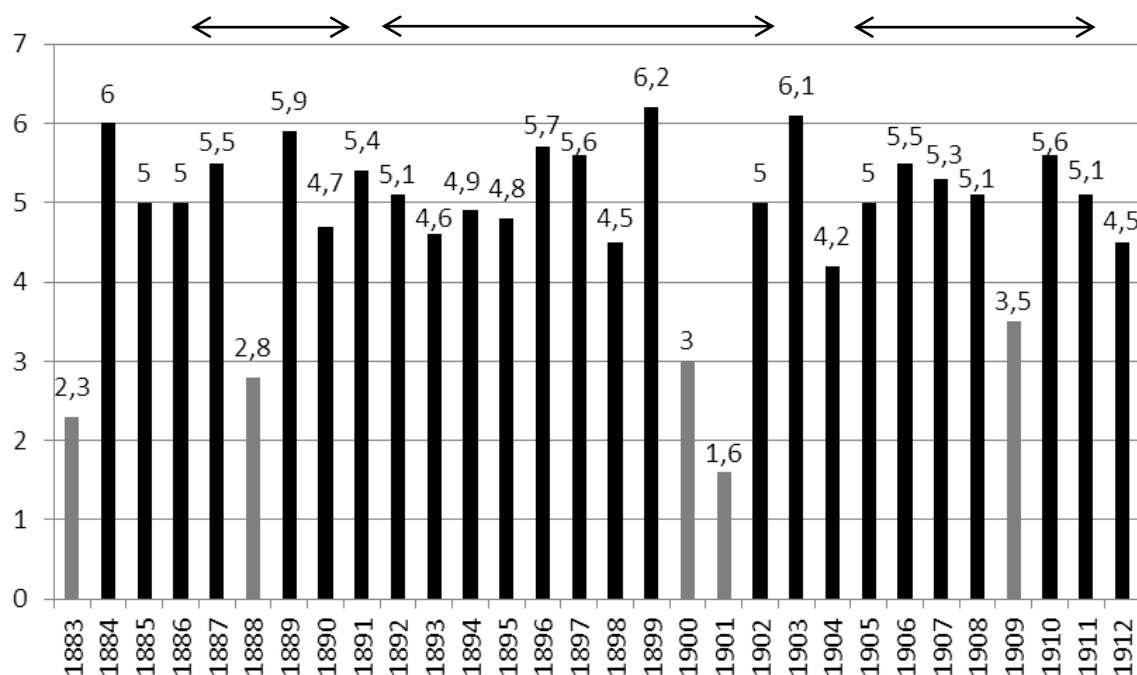


Диаграмма 5. Динамика урожайности ЗБКК в кузбасском регионе в 30-летний хронопериод 1883–1912 гг. (по вертикальной оси – урожайность ЗБКК, в сам-столько)

Примечания к диаграммам 4, 5. Измерительный показатель урожайности зерновых культур в Европейской России (диагр. 4) – «пуд с десятины». Измеритель урожайности хлебов в Кузбассе (диагр. 5) – «сам-столько». С самого начала организации урожайной статистики ЦСК стало ясно, что первый измеритель гораздо эффективнее, прежде всего потому, что он учитывал производительность земельных угодий, а также по ряду иных обстоятельств (см. напр.: Виноградова Н.М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. М., 1926. Кн. XXIII, № 10–12. С. 31–33). Зачастую при учете урожайности исчислялись и тот и другой показатели. В европейских губерниях страны все в большей мере в практический обиход входил учет урожайности в пудах с десятины, поэтому динамический ряд урожайности диагр. 4 представлен именно так. «Ведомости о посеве и урожае хлебов в Томской губернии», которые послужили источником информации для составления динамического урожайного ряда по Кузбассу, предоставляют возможность исчислять урожайность только в «самах». Несмотря на разницу в измерениях уровня урожайности в России и Кузбассе, мы все же полагаем сравнение возможным, пусть и не идеально точным. Несколько большая глубина неплодородных лет в Кузбассе в сравнении с Россией объясняется разностью сопоставимых территорий. В первом случае – это один регион, во втором – пятьдесят. Из 50 губерний Европейской России отдельные земли в большей мере были затронуты недородами, другие – в меньшей, где-то урожайность была нормальной. Поэтому в целом по 50 регионам степень недорода нивелировалась, а в одной отдельно взятой местности (Кузбасс) она, вполне естественно, была несколько глубже. Необходимость решения поставленных в рамках данного исследования задач позволила нам «закрыть глаза» на эти очевидные для ученого статистические погрешности.

Обзор таблиц и диаграмм, построенных по ним, привел авторов к ряду выводов. Диаграммы 4, 5 наглядно демонстрируют ту палитру, о которой писал Л.В. Милов. В каждом из десятилетий присутствуют хлебобордные и недородные годы, а также годы, когда урожайность была выше и ниже среднего за 10-летие показателя. Углубленный анализ вышеизложенных материалов обращает внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, в кузбасском регионе за 30-летие 1883–1912 гг. неурожайными выдались 5 лет: 1883, 1888, 1900, 1901 и 1909 гг. Примечательно, что все эти годы, кроме 1901 г., в европейских губерниях Российской империи были достаточно хлебобордными; напротив, те годы, которые к западу от Урала отмечены в качестве бесхлебных, в Кузбассе были вполне благоприятными. Среди таковых 1889, 1891, 1892, 1897, 1906 и 1911 гг. Таким образом, единственным совпавшим за период 1883–1912 гг. в России (т.е. в 50 европейских губерниях Российской империи) и Кузбассе неурожайным годом стал 1901 г., и это вопрос для отдельного рассмотрения.

Во-вторых, диагр. 4, характеризующая динамику урожайности зерновых культур в губерниях Европейской России, демонстрирует при общем росте урожайности периодические колебания. В самом деле, если в Кузбассе из 30 лет исследуемого периода 21 год (70%) зафиксирован в допустимых пределах урожайной нормы, а 9 лет (30%) оказались экстремально урожайными / неурожайными, то в России в границах средних величин «лежало» лишь 17 лет (57%), остальные были либо сверххлебобордными, либо критически неплодородными (табл. 5).

В попытках понять причины явления многочисленная народническая и социал-демократическая публицистика по этому вопросу излишне усугубляла и «приукрашивала» негативные последствия неурожая в Европейской России [14. С. 7–10; 18. С. 23–24, 35], но очевидно и то, что они являлись неотъемлемой составляющей социально-экономического состояния страны в границах рассматриваемого периода [1. С. 80–598; 15. С. 167–172; 17. С. 32–68; 19. С. 160–301; 21. С. 440–449].

Явление крайней неустойчивости урожаев в России и его негативные последствия подметили и раскрыли

современники, которые силились постичь его закономерности. В частности, Аба Иоэлевич Финн (Енотаевский) (1872–1943) утверждал, что впервые на периодичность колебаний урожаев в России указал Карл Маркс в письме к Николаю Францевичу Даниельсону в начале 1880-х гг. [20. С. 118, 440–441]. С тех пор данная проблема стала одной из самых актуальных, по-

скольку от ее решения зависело социально-экономическое благополучие аграрной страны. Ведь каждый непродуктивный сельскохозяйственный год, а в особенности их череда, имели своими трагическими последствиями снижение уровня благосостояния населения, повышение случаев заболеваемости и смертности в главных хлебопроизводящих районах страны [21].

Таблица 5.

Сравнительный анализ лет по уровню урожайности в России и Кузбассе в период 1883–1912 гг.

Европейская Россия				
20%	57%			23%
Сверхурожайность	Урожайность ↑ нормы	Норма урожайности	Урожайность ↓ нормы	Неурожайность
1887	1884	1883	1885	1889
1893	1888	1886	1890	1891
1894	1895		1898	1892
1902	1896		1905	1897
1904	1899		1907	1901
1909	1900		1908	1906
	1903			1911
	1910			
	1912			
Кузбасский регион				
13%	70%			17%
Сверхурожайность	Урожайность ↑ нормы	Норма урожайности	Урожайность ↓ нормы	Неурожайность
1884	1885	1890	1898	1883
1889	1886	1893	1904	1888
1899	1887	1895	1912	1900
1903	1891			1901
	1892			1909
	1894			
	1896			
	1897			
	1902			
	1905			
	1906			
	1907			
	1908			
	1910			
	1911			

Примечания. Таблица составлена на основании табл. 1–4. По уровню урожайности мы выделили 5 групп. Европейская Россия: согласно В.М. Обухову [16. С. 56; 17. С. 33–34], норма урожая здесь была в 1883 и 1886 гг. Отклонение урожаев от нормы более чем на 10% в ту или иную сторону позволило нам сформировать 2 группы: сверхурожайность и неурожайность. Все остальные годы распределены также между двумя группами: урожайность ↑ нормы и урожайность ↓ нормы. Кузбасский регион: медианный уровень урожайности в 30-летний хроно-период 1883–1912 гг. для зерновых культур (без картофеля) здесь был на уровне сам-4,7. Именно такой уровень урожайности зафиксирован в 1890, 1893 и 1895 гг. Отклонение от среднего уровня урожайности более чем на 1-сам в ту или другую сторону позволило нам сформировать 2 группы: сверхурожайность и неурожайность. Все остальные годы распределены также между двумя группами: урожайность ↑ нормы и урожайность ↓ нормы.

Также нельзя не учесть тот факт, что голодные годы – это, конечно, плохо, но и сверхурожайные – тоже нехорошо, поскольку тогда возникала проблема коммерчески эффективного сбыта продуктов крестьянского труда. Зерно значительно удешевлялось, и крестьяне, чтобы заплатить подати и оплатить повинности, вынуждены были распродавать урожай практически за бесценок. В хлебобродные годы хлебный (в основном пшеничный) экспорт был как раз тем выходом «лишнего» зерна из страны, но в неплодородные он автоматически превращался в «голодный». Таким образом, непостоянство урожаев зерновых культур дестабили-

зировало как каждое отдельно взятое крестьянское домохозяйство, так и экономическое состояние страны в целом.

Кризисные ситуации в сельском хозяйстве были пагубны еще и тем, что именно аграрная сфера являлась экономическим фундаментом развития столь необходимых в то время стране индустриализационных процессов [20. С. 109–112]. Удалось установить, и диагр. 4 это вполне отражает, что «голодные» годы в период 1883–1912 гг. постигали в основном юго-восточные и восточные губернии европейской части страны с неизбежностью примерно раз в 3–4 года [22. С. 8–9]. Пред-

ставим динамику явления: *неурожайный 1885 г. – через 3 года – неурожайная череда 1889–1892 гг. – через 4 года – неурожайный 1897 г. – через 3 года – неурожайный 1901 г. – через 3 года – неурожайная череда 1905–1908 гг. – через 2 года – неурожайный 1911 г.*

Каждый недородный год, а особенно их вереница, истощали благосостояние многих крестьянских хозяйств и приводили в конечном итоге к тому социально-экономическому явлению, которое получило название «голод» [23. С. 31–33]. По мнению ряда исследователей, столь суровая периодичность неплодородных лет была вызвана прежде всего естественным стремлением почвы к восстановлению своего плодородия в сочетании с неблагоприятными погодно-климатическими условиями [24. С. 335–336]. Выход виделся в увеличении инновационной составляющей отечественного земледелия и повышении агрономической культуры крестьянского населения [17. С. 59–63; 25. С. 32–33; 26. С. 136–220].

Для минимизации пагубного влияния негативных последствий погодных условий и прочих естественно-природных факторов на состояние отечественной аграрной сферы требовалась реализация целого комплекса мер по модернизации сельского социума, названного ведущим историком уральской деревни Г.Е. Корниловым [27. С. 243] «аграрным переходом». Процесс «перехода» предполагал серию социально-экономических, демографических, политико-правовых и культурных трансформаций, которые вывели бы отечественную аграрную сферу на качественно новый этап развития. Начало первой фазы агроперехода Г.Е. Корнилов связывает именно с периодом конца XIX – начала XX в. [28. С. 5; 29. С. 78–92; 30. С. 36–50].

В Кузбассе в это время, несмотря на резко континентальный климат региона [31. С. 4] и отсутствие практики удобрения почв [32. С. 4, 12, 18, 25, 32, 38, 46, 66; 33. С. 25; 34. С. 1], такой неумолимой циклической повторяемости неурожайных лет, оказывавшей столь разрушительное воздействие на сельхозпроизводителей южных и юго-восточных губерний Европейской России, не наблюдалось. Здесь за 30-летний период 1883–1912 гг. периодичность недородных лет была такова: *неурожайный 1883 г. – через 4 года – неурожайный 1888 г. – через 11 лет – 2 неурожайных 1900, 1901 гг. – через 5 лет – неурожайный 1909 г.* (см. диагр. 4).

Относительная стабильность урожаев и крайняя редкость многолетних недородов, по всей видимости, являлись следствием как минимум двух обстоятельств. Во-первых, несмотря на массовый наплыв переселенцев, в регионе все еще оставались невыпаханные целинные земли, дававшие более или менее стабильные урожаи и без применения агротехнологий [31. С. 40; 35. С. 202–205]. Во-вторых, специалисты оценивали качество целого ряда местных удобных для хлебопашества земель как «глубокие черноземы» [32. С. 4, 12, 18, 25, 32, 38, 46, 66; 33. С. 25; 35. С. 201], и крестьяне просто не видели необходимости внесения в почвы удобрений, будучи удовлетворенными получаемыми урожаями. Перечисленные факторы способствовали и

тому, что хлебодородных лет в Кузбассе было несколько больше, нежели в Европейской России (см. табл. 5).

Проблемы обнищания широких масс сельского населения вследствие периодически случавшихся бесхлебных лет еще не стали актуальными для кузбассовцев; гораздо острее здесь стояли вопросы землевладения и землепользования [36]. Таким образом, если в черноземных губерниях Европейской России государственные власти были вынуждены время от времени прибегать к дотированию земледельческих домохозяйств, и аграрный вопрос был здесь одним из самых острых, то в провинциальном Кузбассе в хронологических рамках исследуемого периода мы наблюдаем явление правительственных «хлебных» дотаций лишь единожды, когда было два подряд непродуктивных года в самом начале XX в. (см. табл. 2).

В единичные же неурожайные 1883, 1888 и 1909 гг. (в случае периодически возникавших затруднений) с неблагоприятными последствиями хлебных недородов в кузбасском регионе удавалось справиться с помощью существовавшей с этой целью системы хлебозапасных магазинов, которые выдавали крестьянам в ссуду зерно на семена и продовольствие.

Хлебозапасная сеть была создана в России еще в XVIII в., совершенствовалась в течение XIX в. и являлась одним из существенных факторов преодоления дефицита хлеба в условиях неплодородных лет [37. С. 12–15]. Количество хлебозапасных магазинов на территории Кузбасса на протяжении пореформенного периода значительно возросло. К 1861 г. в казенной деревне кузбасского региона (Мариинский округ) было 14 магазинов губернского ведомства, к которым значились причисленными около 20 тыс. крестьян. В их складах хранилось около 20 тыс. четвертей хлеба, более 13 тыс. находилось в ссудах [38. Л. 287]. К началу 1890-х гг. количество хлебозапасных магазинов в Мариинском округе увеличилось до 55 [39. Л. 473–477]. На землях Кабинета (Кузнецкий округ) в 1861 г. располагалось 5 магазинов губернского и 132 магазина (!) горного ведомства [38. Л. 287]. К 1887 г. их количество возросло до 173 (!), к ним были приписаны более 30 тыс. человек. Хлебозапасные магазины Кузнецкого округа в совокупности имели более 80 тыс. четвертей зерновых в запасе и более 60 тыс. в ссудах [40. С. 12]. Такие хлебные запасы вполне позволяли успешно решать продовольственные проблемы населения при иногда случавшихся однолетних аграрных кризисах.

Если циклические колебания урожаев зерновых культур в Кузбассе были несколько менее выражены, чем в России, то уровень урожайности был примерно идентичным. Медианная урожайность ЗЗБКК в кузбасском регионе в рассматриваемое 30-летие находилась на уровне сам-4,9 (в 10-летие 1883–1892 гг. – сам-4,9; в 10-летие 1893–1902 гг. – сам-4,5; в 10-летие 1903–1912 гг. – сам-5,4). Сознывая, что до предела упрощаем ситуацию, все же поясним: статистический урожайный показатель «сам-4,9» означал, что 1 брошенное в землю семя давало около 5 зерен сбора [41. С. 214]. Из них: 1 зерно потреблял человек, 1 зерно съедала мышь, 1 зерно шло на корм домашнему скоту, 1 зерно продавалось на базаре в счет уплаты податей и оплаты по-

винностей, наконец, 1 зерно оставалось «про запас», поставляясь в хлебозапасные магазины и пополняя общественный семенной и продовольственный фонд или оставаясь в личных запасах. Конечно же, указанное распределение не было до такой степени прямолинейным, но всегда зависело от конкретно взятых хо-

зяйственных обстоятельств года и региона. Несколько повышала общий уровень урожайности ЗЗБKK (злаковых и зернобобовых культур и картофеля) в кузбасском регионе достаточно высокая продуктивность картофеля. Средняя урожайность исключительно зерновых культур составляла здесь сам-4,7 (диагр. 6).

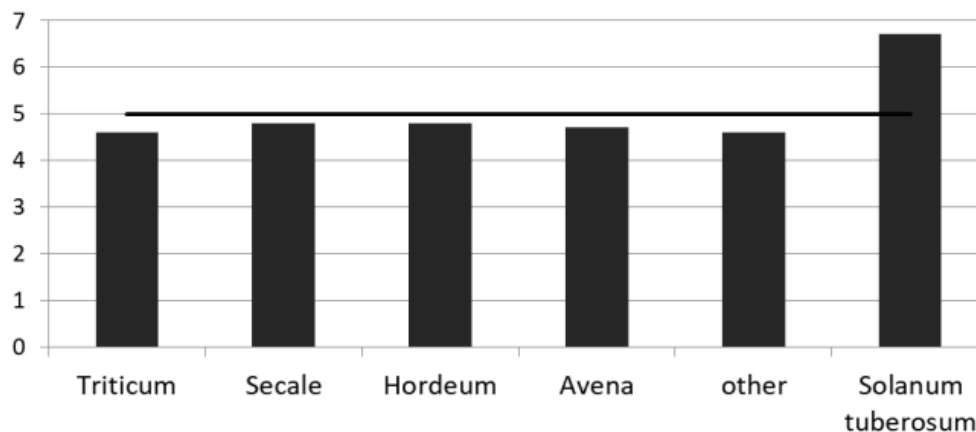


Диаграмма 6. Соотношение урожайности основных видов ЗЗБKK в кузбасском регионе в 1883–1912 гг. (в сам-столько)

Медианная за 1883–1912 гг. урожайность исключительно зерновых культур (без картофеля) в Кузбассе составляла сам-4,7 (в 1883–1892 – сам-4,7; в 1893–1902 – сам-4,4; в 1903–1912 – сам-5,0). Для сравнения: по данным статистика В.Г. Михайловского (1871–1926), в губерниях Европейской России средняя за аналогичный период продуктивность ЗЗБK находилась на уровне сам-4,9 [41. С. 211]. Таким образом, сравнительно низкая урожайность зерновых была характерна как для России, так и для Кузбасса, и была связана с общим достаточно низким уровнем агротехнологического развития страны как в центре, так и на местах.

Кузбасские земли давали несколько более стабильные, чем в европейских черноземных губерниях, но точно так же невысокие урожаи. Тем не менее в начале XX в. продуктивность ЗЗБKK в России и Кузбассе несколько выросла по сравнению с предшествующим периодом (см. табл. 1–4). Соответствующее увеличение мы связываем как с экстенсификацией, так и с интенсификацией земледельческого труда. Что касает-

ся Кузбасса, то, во-первых, крестьянские переселенцы здесь вводили в хозяйственный оборот массы целинных земель. Во-вторых, они привозили с собой и внедряли в производство сельскохозяйственные машины и улучшенные сорта семян. Все это способствовало общему повышению уровня урожайности ЗЗБKK в рассматриваемом регионе.

Исследование специфики зернового производства по десятилетиям позволило выявить тенденции, связанные с изменением объемов валовых сборов основных разновидностей сельскохозяйственных культур. Один из генеральных трендов, характерных как для кузбасского региона, так и для страны в целом, заключался в уменьшении посевов и, соответственно, валовых сборов ржи и, напротив, увеличении посевов и сборов пшеницы и картофеля. Несмотря на это, в России накануне Первой мировой войны основной зерновой культурой все-таки оставалась рожь, на втором месте овес, только потом – пшеница и ячмень [41. С. 221] (диагр. 7).

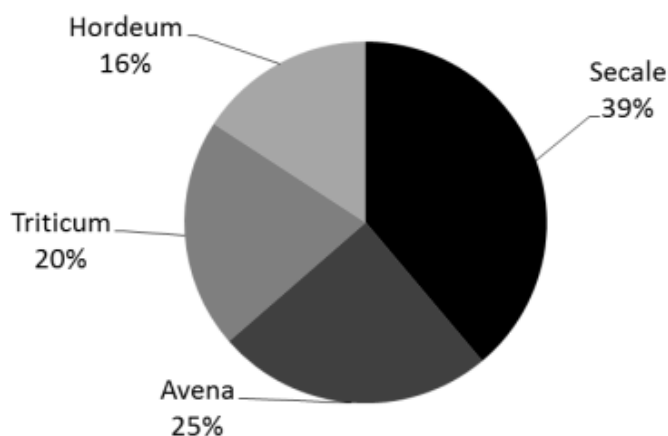


Диаграмма 7. Соотношение валовых сборов главных ЗЗБK в Европейской России накануне Первой мировой войны

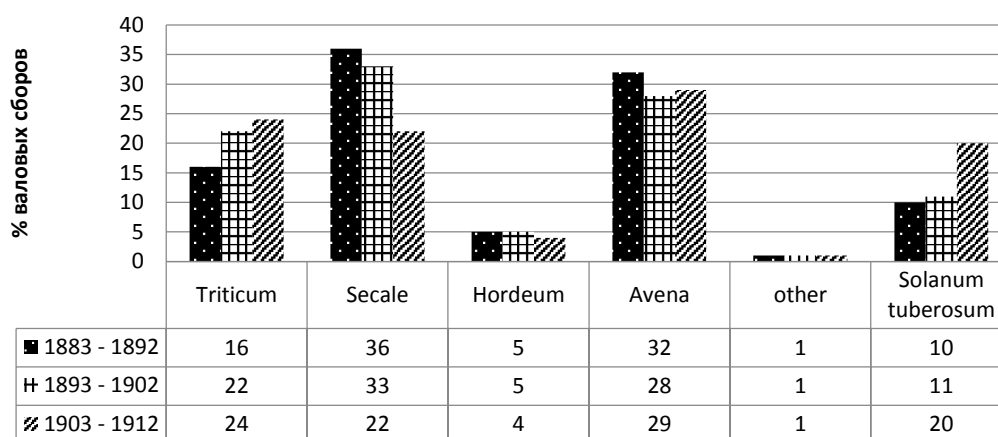


Диаграмма 8. Динамика валовых сборов разновидностей ЗЗБKK в кузбасском регионе по десятилетиям

В Кузбассе же в предвоенное десятилетие валовые сборы пшеницы (24%) «вышли» на второе место после овса (29%), пусть ненамного, но все же обогнав ржаную культуру (22%). Генеральная зерновая тенденция кузбасского региона хронологического периода конца XIX – начала XX в. ясно и вполне наглядно прослеживается на диагр. 8. Представленная диаграмма демонстрирует: за 30-летие посевы пшеницы в кузбасском регионе возросли, ржи, напротив уменьшились, и в 1903–1912 гг. посевы пшеницы в среднем уже превосходили посевы ржи, по крайней мере не уступали им.

Следует отметить, что по соотношению зерновых культур «пшеница–рожь» кузбасский регион не был однороден, он четко делился на две части: южную и центральную (Кузнецкий уезд) и северную (Мариинский уезд). Север Мариинского уезда (севернее Транссиба) представлял собой заболоченную и залесенную местность, климатические условия которой отличались суровостью и крайней нестабильностью [42. С. 3]. В связи с этим оптимальной зерновой культурой здесь была озимая рожь, способная вызревать и приносить неплохие урожаи в условиях холодного и влажного северного климата [43. С. 3]. Южнее Транссиба местность уезда «переходит в типичную колковую лесостепь на черноземах» [31. С. 32], поэтому здесь помимо озимой ржи высевалась и яровая пшеница, которая выращивалась в основном на продажу и отправлялась по «железке» на «Запад», но все-таки основной культурой Мариинского уезда была озимая рожь.

Хорошо продемонстрировал различие между обозначенными частями Кузбасса М.Г. Александровский в своих «Очерках природных условий сельского хозяйства Томской губернии», опубликованных в середине 1920-х гг. «Что касается полевых культур, – писал он, – то большее или меньшее развитие главных из них обуславливается, главным образом, продолжительностью вегетационного периода и характером почвы и снегового покрова. Поэтому в Мариинском уезде преобладающее место в полевом посеве занимает озимая рожь как мирящаяся с сравнительно суровыми условиями климата и бедными почвами, но требующая прочного снегового покрова, и поэтому удающаяся лишь в закрытых местах, где снег не сдувается с поля ветром. В Кольчугинском же уезде (Кузнецком на рас-

сматриваемое нами время. – А.К., А.П.) главным хлебом является яровая пшеница, требующая много тепла, открытых мест и плодородной почвы. Поскольку в северных уездах пшеница удается не всегда и не на всех почвах, постольку озимая рожь в степи плохо удается из-за выдувания снега на полях» [Там же. С. 43]. Выводы М.Г. Александровского вполне подтверждаются данными урожайной статистики [12]. Таким образом, исключительно в силу специфики почвенно-климатических условий север Кузбасса был по большей части «ржаной», а центр и юг – преимущественно «пшеничными». Также нельзя не отметить, что в начале XX в. в Кузбассе вдвое увеличились посевы картофеля по сравнению с предшествующим десятилетием. Итак, на основании анализа соотношения валовых сборов зерновых можно сделать вывод о том, что современная структура посевов ЗЗБKK в Кузбассе, когда преобладающими культурами являются пшеница и картофель, начала формироваться именно в начале XX в.

Отдельной строкой следует охарактеризовать кризисные в Кузбассе два года подряд – 1900 и 1901 гг. Это было неординарное и экстремальное для региона событие. Как мы уже писали, цепочка неплодородных лет была настоящей катастрофой для отечественного сельского хозяйства. Одни из самых негативных примеров в данном ряду – 1889–1892 и 1905–1908 гг. В целом невысокий уровень урожайности в России [15. С. 162–166, 172] и замкнутость крестьянских хозяйств черноземных губерний исключительно на зерновом производстве [44. С. 92–96, 143–144] способствовали тому, что население еще могло пережить один недородный год, но их череда сразу же приобретала характер «народного бедствия» [44]. В кузбасском регионе оно имело место в самом начале XX в. Повторяемость крупных неурожаев в России в начале каждого нового 10-летия в период конца XIX – первой трети XX в. – это особая тема. Среди таковых неурожаи 1891, 1901, 1911 гг., позднее – 1921 г. Один из специалистов ЦК Помгол при Президиуме ВЦИК в начале 1920-х гг. предсказывал продовольственный кризис начала 1930-х гг. следующим образом: «Если посмотреть на прошлые неурожайные годы в России, то с математической точностью можно было предсказать, что текущий 1921 г. будет полностью неурожай-

ным. Достаточно вспомнить голодные 1891, 1901, 1911, 1921, чтобы с полной уверенностью предусмотреть и будущее – 1931 год...» [45. Л. 195]. На данное явление обратили внимание и современные климатологи, указав на неурожайные 1951, 1981 и 1991 гг. [46].

1900 год в Кузбассе выдался неплодородным вследствие засушливых явлений. Самым высоким, как обычно, оказался урожай картофеля, который был на уровне сам-4,8. Ниже была урожайность ржи – сам-3,4. Совсем низкой – овса и ячменя – по сам-2,9, пшеницы – сам-2,8, остальных зерновых культур – сам-1,6. Средняя урожайность года, таким образом, составила всего сам-3,2. Получается, что недород 1900 г. повторил неурожай 1883 г. (см. табл. 1, 2). Существенная же разница между 1883 и 1900 гг. заключалась в том, что в первом случае население справилось с последствиями недорода собственными силами, а во втором была запрошена правительственная помощь. В Приложении к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора за 1883 г. сообщалось: «Население в такие неурожайные годы не ощущает особенно недостатка в хлебе благодаря запасам его, сохраняющимся от урожаев прежних лет. Как бы ни был плох урожай хлебов, его, в особенности с запасами, оставшимися от урожаев прежних лет, всегда хватает не только для продовольствия местного населения, но и для винокурения и для вывоза в другие восточные губернии» [47. С. 2–3]. Спустя 17 лет в аналогичном документе за 1900 г. звучали прямо противоположные оценки: «Продовольствие населения даже при принятии в расчет хлебных запасов прежних лет не могло быть обеспечено полученным урожаем, почему явилась необходимость в исходатайствовании правительственной помощи» [48. С. 3]. С целью «выдачи пострадавшему от неурожая населению Томской губернии ссуд как на продовольствие, так и на обсеменение полей» МВД в конце 1900 г. на счет Томского губернского казначейства была переведена денежная сумма в размере 363 тыс. руб. Из них в распоряжение крестьянских начальников I и III участков Мариинского уезда было переведено 3,5 тыс. руб. Отвечая на закономерный вопрос: «Много это или мало?» – нелишне напомнить, что цена лошади в это время равнялась 20 руб. [49. С. 3–4, 8] Поэтому, думается, скорее много, чем мало.

В следующем – 1901 г. – засуха повторилась, и очередной, повторный, неурожай принял буквально катастрофический характер. Дело в том, что экономическое положение крестьянских хозяйств было уже значительно подорвано недородом предшествующего года. В связи с этим в 1901 г. заметно сократилась площадь посевных площадей, поскольку сеять было

фактически нечего, но и то, что посеяли, снова не уродилось. За счет правительственных семенных ссуд был осуществлен значительный досев ржи, пшеницы, овса, но и он не принес положительных результатов (см. табл. 2). В конечном итоге в 1901 г. урожайность овса была сам-2,9, ржи – сам-1,2, пшеницы – сам-1,1, ячменя – сам 0,6, прочих зерновых и зернобобовых культур – сам-0,2. Это была самая низкая урожайность зерновых культур в кузбасском регионе за все рассматриваемое 30-летие. В очередной раз немного подсластил сию горькую пиллюлю картофель, уродившийся на уровне сам-3,4. Следует отметить, что в эти два неурожайных года картошка в Кузбассе окончательно зарекомендовала себя как достаточно надежная культура, вполне способная страховать посевы зерновых. В 1900/1901 гг. урожай пасленовых клубней впервые составил 16,5% от валовых сборов ЗЗБKK в регионе, поэтому совершенно не случайно, что посевы поистине становящимся «вторым хлебом» картофеля в 10-летие 1903–1912 гг. в среднем увеличились вдвое по сравнению с предшествующим временем. Отныне «земляное яблоко» начало своё триумфальное шествие по кузбасским полям, и не даром. К примеру, в 1906 г. оно дало урожайность сам-10,7, а через год, в 1908 г., в Мариинском уезде урожайность картофеля составила сам-32 (!) [50, 51]. (Кстати, мировой рекорд по валовым сборам клубненосного паслена был установлен в 1942 г. все в том же Мариинском районе; тогда урожайность картофеля составила порядка сам-57 (!) [52].) Как в 1900, так и в 1901 г. от недорода пострадало в основном население государственной деревни кузбасского региона (большая часть Мариинского уезда кроме его восточной части и южная окраина Томского уезда), причем по большей части переселенцы [49. С. 4, 6–7]. В период 1880-х – начала 1890-х гг. на указанной территории было сформировано 40 новых населенных пунктов, в которых водворились крестьянские мигранты в основном из европейских губерний страны [53. С. 34–36]. За 1882–1893 гг. в этих поселках поселилось более 10 тыс. жителей [54. С. 33–345; 55. С. 18, 34, 50, 66, 82, 98, 114, 130, 146, 162; 56. С. 1–36; 57. С. 2]. Именно переселенческие хозяйства были самыми уязвимыми к хлебным недородам, поскольку до 80% переселенцев прибывали на место водворения практически без собственных денежных средств. Работая поначалу в хозяйствах старожилов, многие из них не имели собственной запашки и были вынуждены закупать хлеб [58. С. 214–233]. Цена же на него в 1901 г. резко подскочила. В Кузнецком уезде цены на зерно выросли втрое, в Мариинском – почти вдвое; в целом по региону – почти в 2,5 раза (табл. 6).

Таблица 6

Стоимость основных зерновых культур в кузбасском регионе в 1900–1901 гг. (коп. за пуд) [48. С. 4; 49. С. 10]

Уезды	Рожь		Пшеница		Овёс	
	1900	1901	1900	1901	1900	1901
Кузнецкий	20–50	70–140	25–70	90–160	14–42	70–100
среднее	35	105	47	125	28	85
Мариинский	40–45	40–100	60–65	60–130	40–45	40–110
среднее	42	70	62	95	42	75
Кузбасс	30–47	55–120	42–67	75–145	27–43	55–105
среднее	38	87	54	110	35	80

Таким образом, являя собой в экономическом плане самый слабый элемент [59], именно недавно переселившиеся в регион крестьяне стали главным адресатом правительственной помощи. Поскольку в границах казенной деревни Кузбасса крестьянских мигрантов расселилось значительно больше, чем в рамках кабинетской, постольку жители Кузнецкого уезда и запросили правительственного продовольственного содействия в гораздо меньших размерах. В 1900 г. местное население Кабинета вообще не требовало никаких вспомогательных пособий, а в 1901 г. продовольственные и семенные ссуды запросило более 3 тыс. семей. В Мариинском же уезде хлебные ссуды от правительства затребовало более 30 тыс. домохозяйств, т.е. в 10 раз больше, чем в Кузнецком. Из 7 уездов Томской губернии только из Барнаульского поступило запросов на ссуды больше, чем из Мариинского, но там и численность населения была большей. Вся продовольственная операция в регионе была возложена на местных крестьянских начальников. Они должны были возбуждать перед Томским губернским управлением ходатайства о разрешении ссуд, проверять хозяйственное положение просителей, закупать хлеб, руководить его доставкой на места и производить непосредственные выдачи. С этой целью крестьянским начальникам Кузнецкого уезда была ассигнована денежная сумма размером в 12 тыс. руб., а начальникам Мариинского уезда – 45 тыс. руб. Кроме того, начальнику II участка Кузнецкого уезда было отпущено около 2 тыс. руб. для организации продовольственной помощи инородцам. Итого, порядка 60 тыс. руб. бюджетных денежных средств было израсходовано на проведение продовольственной кампании 1901 г. в Кузбассе. Напомним, что в прошлом, 1900 г., соответствующая сумма равнялась 3,5 тыс. руб., но тогда и цены на хлеб держались в обычных пределах.

Помимо продовольственного содействия в пострадавших районах Кузбасса были организованы общественные работы, за выполнение которых потерпевшим от неурожая крестьянам выплачивалась заработная плата. В марте 1901 г. в Мариинский уезд прибыл инспектор Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах с целью организации в уезде различного рода земляных и лесных работ на сумму более 5 тыс. руб. Поскольку продовольственный кризис в наибольшей степени ощутили на себе переселенцы, им и нужно было в первую очередь предоставлять дополнительный заработок. Одной из серьезных проблем для мигрантов, проживавших в специально сформированных переселенческих поселках, было отсутствие связи со старожильческими населенными пунктами вследствие крайней неудовлетворительности дорожных сообщений. В этой связи было решено убить сразу двух зайцев: во-первых, руками самих крестьян возвести необходимые дорожные сооружения, во-вторых, предоставить пострадавшему от недорода населению оплату их труда по строительству дорог. В этом плане в Мариинском уезде был произведен довольно значительный объем работ. В частности, были расширены дорожные просеки, устроены мосты, гати на дорожном полотне от старожильского села Васина до пе-

реселенческих поселков Трофимовского и Топкого Ручья. За это дело работникам было выплачено в общей сложности около 1 тыс. руб. Также были проложены две новые дороги на переселенческие участки Нефёдовский и Абрамовский Суловской волости, уже зачисленные за ходоками, но бывшие ранее недоступными для колесного сообщения. Здесь была произведена просека, устроены гати, проложены два моста через р. Тяжин. За это рабочим было выплачено более 2 тыс. руб. Помимо того, была поставлена задача обустройства дорожного сообщения со вновь отведенными переселенческими участками по р. Альбедете. Здесь строители получили за свои работы более 1 тыс. руб. и т.д. Нельзя не отметить еще один вид благотворительной деятельности Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах: открытие в наиболее пострадавших от недорода селениях яслей-приютов для содержания и прокормления голодных детей. Одни из таких яслей были открыты в с. Колыоне Мариинского уезда. Кроме того, на благотворительные пожертвования в г. Кузнецке было учреждено Особое попечительство для оказания [продовольственной] помощи населению Кузнецкого уезда, которое устраивало специальные столовые [48. С. 3–4; 49. С. 3–10].

Таким образом, в самом начале XX в. впервые в Кузбассе была реализована широкомасштабная продовольственная кампания по поддержке населения, пострадавшего от неурожая, ставшая уже, к сожалению, привычной в юго-восточных и восточных губерниях Европейской России. Возникает логичный вопрос: «Почему же в прежние неплодородные годы (1883, 1888) население справлялось с неурожаями без правительственных дотаций, за счет собственных внутренних резервов, а теперь – нет»? Что же изменилось за 10-летие 1890-х гг.? Почему оценки уровня обеспеченности населения продовольствием вследствие неурожайных лет в 1900/1901 гг. поменялись на диаметрально противоположные в сравнении с 1883 и 1888 гг.?

Достаточно квалифицированный ответ представляет правительственный агроном по Томской губернии Иосиф Константинович Окулич (1871–1949). Чтобы продемонстрировать влияние Великого сибирского пути на состояние сельского хозяйства в кузбасском регионе позволим себе привести его мнение почти целиком. В предисловии к «Краткому сельскохозяйственному обзору Томской губернии за весенний период 1901 года по данным текущей статистики» он пишет: «...печальной памяти 1900–1901 гг. являются временем первого крупного перелома в Западно-Сибирском народном хозяйстве. Неурожай, как известно, были и до 1900–1901 гг., но от них население не страдало так, как ныне, из деревни не шли страшные вести о голоде, о разорении целых семей, о гибели скота, о недостатке посевных семян; глубокого влияния на народное хозяйство эти неурожай не оказывали. Население здесь обладает большим количеством земли, оно еще не расслоилось на эксплуатирующую и эксплуатируемую часть, общинная связь в деревне еще сильна, словом, здесь все данные за то, что у нас нет и долго не будет такой части населения, которая в России и в урожайные годы стоит на краю голода – деревенского проле-

тариата, и за то, что неурожаи будут пережиты населением без серьезного потрясения хозяйства. На деле же оказалось совсем другое: один-два года крупного неурожая – и население требует обильной государственной помощи, хозяйство края переживает тяжелый кризис. Очевидно, была глубокая причина, изменившая положение деревни, если население теперь оказалось неспособным бороться со случайностями недорода. Такой причиной могло быть только торжественное вступление капитала в сибирскую деревню, вызванное проведением Великого сибирского рельсового пути. Азарт первоначального периода капиталистической эксплуатации нетронутых богатств обширной страны охватил массу российских, иностранных и местных капиталистов, вызвал огромный отлив хлебных и иных естественных запасов из Сибири в Россию и за границу. Капитал пока почти ничего не дал Сибири, а только увозил из нее то, что в ней и до него было, пустил в оборот мертвые капиталы страны и тем поставил более бедную часть населения в бедственное положение при первом же неурожае, когда явилась потребность в использовании местных запасов хлеба. Вот почему, нам кажется, первый серьезный неурожай поставил население лицом к лицу с нуждой, вызвал необычайный подъем цен на хлеб и распродажу скота и может быть причиной серьезной ломки народного хозяйства» [60. С. 3–4]. Мнение И.К. Окулича представляется нам в определенной степени верным, но несколько односторонним. Он указал лишь на факт негативного влияния Транссиба на сельское хозяйство сибирской глубинки, но была и другая сторона.

В Приложении к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора за 1889 г. отмечается: «Предыдущий – 1888 год был год неурожайный, [в результате в 1889 г.] семян не хватило не только для посева, но даже и для продовольствия жителей». Между тем о каком-либо правительственном содействии пострадавшим от неурожая с целью обеспечения их семенами и продовольствием в указанном Обзоре нет ни единого слова, по той причине, что его попросту не было. В 1900 г. ситуация была уже кардинально иной. Населению Томской губернии и Мариинского уезда в частности была оказана «правительственная помощь, развившаяся в ассигновании соответствующих кредитов, из которых производилась, по распоряжению местного губернского начальства, выдача ссуд как на продовольствие, так и на обсеменение полей» [48. С. 3]. Оказание государственного содействия пострадавшим от неурожая крестьянам мы связываем не только с вывозом из губернии хлебных запасов, но и с распространением на жителей Сибири нового продовольственного закона 1900 г. [1. С. 224–228]. Таким образом,

Транссиб, связавший западную и восточную части страны железнодорожной линией, интегрировал вторую в единый народно-хозяйственный организм. Теперь «восточные окраины» страны включались в общееимперское правовое и экономическое пространство. Проводя аналогии с Европейской Россией, можно заключить, что неурожайное двухлетие 1900/1901 гг. в Томской губернии в целом и в кузбасском регионе в частности по уровню «переломности» события можно сравнить с таким явлением как «царь-голод» 1891/1892 гг. Именно в начале 1890-х гг. в России как во время, так и после «голода» впервые столь остро и однозначно были поставлены вопросы о продуктивности отечественной аграрной сферы и необходимости ее совершенствования и развития. Спустя десятилетие данная проблема достигла и кузбасской провинции.

Нельзя не отметить, что была и существенная разница между Россией и Кузбассом, которая заключалась в том, что на территории первой череда недородных лет повторилась в период первой русской революции, в Кузбассе же в начале века такого больше не наблюдалось. Десятилетие 1903–1912 гг. в кузбасском регионе отличалось исключительной плодородностью (см. табл. 3). Тем не менее следует признать, что агроном И.К. Окулич сделал вполне правильные замечания «на вырост». Проникновение (вместе с Транссибом) капитализма в Сибирь в целом и Кузбасс в частности и, таким образом, включение зауральских территорий в общероссийский рынок, расселение здесь десятков тысяч «расейских» крестьянских мигрантов – все это изменило привычные условия хозяйствования в сибирской глубинке и требовало реформ в ее аграрной сфере. С одной стороны, Трансб и переселенцы принесли вместе с собой остроту российского «крестьянского вопроса» в провинциальные районы страны, в том числе и на пространства кузбасского региона, с другой – они вдохнули новую жизнь в «восточные окраины». Сибирь и Кузбасс как ее составная часть, до сих пор стоявшие как бы особняком, теперь все более интегрировались в состав России, включаясь не только в российскую, но и в международную систему хозяйственных связей, что несло в себе как новые угрозы, так и, безусловно, дополнительные возможности. Великий сибирский путь оказался не просто железной дорогой, он стал своеобразным трансфером качественно новых социально-экономических связей и отношений. Поэтому в начале XX в. как никогда ранее требовались разработка и реализация новой и хорошо продуманной стратегии по эффективному включению Сибири и Кузбасса в общееимперскую экономическую систему и их развитию в составе Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб.: Тип. В. Киришаума, 1909. Ч. I: Продовольственное дело в прошлом и настоящем. 599 с.
2. Об организации в Кемеровском педагогическом институте Министерства просвещения РСФСР специальности «История» и о прекращении приема в Сталинский педагогический институт по той же специальности : приказ по Министерству высшего образования СССР 19.04.1954 № 229 // Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-104 (Кемеровский педагогический институт Министерства просвещения РСФСР). Оп. 1. Д. 10 «А» (Приказы Министерства высшего образования СССР, Министерства просвещения РСФСР). 01.01.1954–31.12.1954. 158 л.

3. Волчек В.А., Щербакова Ю.С. Жизненный путь З.Г. Карпенко: человек, исследователь // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко) : материалы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006.
4. Штатный формуляр профессорско-преподавательского состава Кемеровского педагогического института на 1956–57 уч. год // ГКУКО ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 11 «А» (Книга штатных формуляров профессорско-преподавательского состава Кемеровского пединститута за 1954–1955, 1955–1956, 1956–1957 уч. г.). 1954–1957. 61 л.
5. Отчет о работе Кемеровского государственного педагогического института за 1955–56 уч. год // ГКУКО ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 18 «А» (Отчет о работе Кемеровского государственного педагогического института). 1955–1956. 233 л.
6. Карпенко З.Г. Об изучении истории Кузбасса // Вопросы истории. 1957. № 6.
7. Отчет о работе Кемеровского государственного педагогического института за 1958–59 уч. год // ГКУКО ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 38 «А» (Отчет о работе Кемеровского пединститута). 1958–1959. 83 л.
8. Заболотская К.А. Зинаида Георгиевна Карпенко и становление историографии индустриального развития Кузбасса Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко) : материалы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006.
9. Редькин П.К. Преображенная деревня. Создание и укрепление материально-технической базы социалистического сельского хозяйства в Западной Сибири (1929–1937 гг.). Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1977. 176 с.
10. Кирчик О.И. Дисциплинарные границы как границы символические: случай аграрной экономики // Символическая власть: социальные науки и политика. Socio/ЛОГОС'2011 : сб. ст. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Университетская книга, 2011. 348 с.
11. Путин В.В. Обращение по случаю Дня работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности 08.10.2017 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55792> (дата обращения: 10.05.2018).
12. Ведомость о посевах и урожае хлебов в Томской губернии за 1883–1912 годы // Обзор Томской губернии за 1893–1912 годы : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1894–1913.
13. Милов Л.В. О некоторых методологических аспектах изучения аграрного рынка второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Проблемы источниковедения и историографии : материалы II научных чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко. М. : РОССПЭН, 2000.
14. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб. : Алетей, 2016. 1080 с.
15. Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами: итоги к XX веку. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1901. 369 с.
16. Обухов В.М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М. : Тип. рабочего изд-ва «Прибой» им. Евг. Соколовой, 1927. Ч. I.
17. Просеков А.Ю. Проблемы продовольственных кризисов России и опыт их решения. Кемерово : Кемер. Технолог. Ин-т пищевой промышленности (университет), 2018. 240 с.
18. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб. : Алетей, 2010. 830 с.
19. Череванин Ф.А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет – 1883–1923 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М. : Тип. рабочего изд-ва «Прибой» им. Евг. Соколовой, 1927. Ч. I.
20. Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб. : Изд. М.И. Семенова, 1911. 527 с.
21. Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М. : Тип. рабочего издательства «Прибой» им. Евг. Соколовой, 1927. Ч. II. 200 с.
22. Просеков А.Ю. Ретроспективы голода: уроки прошлого и вызовы будущего // Техника и технология пищевых производств. 2017. Т. 47. № 4. С. 5–20.
23. Просеков А.Ю. Научное осмысление голода в XVIII–XX вв. и формирование продовольственной политики России // Пищевая промышленность. 2018. № 1. С. 30–34.
24. Николай – Он (Даниельсон Н.Ф.) Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб. : Тип. А. Бенке, 1893. 353 с.
25. Просеков А.Ю. Дореволюционное, советское и современное законодательство в сфере продовольственной политики // Пищевая промышленность. 2018. № 3. С. 32–35.
26. Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. Ч. II: Итоги прошлого и задачи будущего. 145 с.
27. Аграрная история XX века : историография и источники. Самара : Самарский университет, 2014. 486 с.
28. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4–14.
29. Корнилов Г.Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 1. С. 36–50.
30. Корнилов Г.Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 2. С. 78–92.
31. Александровский М.Г. Очерк природных условий сельского хозяйства Томской губернии // Экономические очерки Томской губернии: Томский губисполком V губернскому Съезду Советов. Томск, 1925. 263 с.
32. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа : отчет. / сост. Н.А. Ваганов, А.П. Ухтомский. [СПб. : б. и., 1886]. Ч. II: Кузнецкий округ. 74 с.
33. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет. Сост.: Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [СПб.]: [б. и.], [1886]. Ч. III. Томский округ. 35 с.
34. Обзор Томской губернии за 1893 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1894. 75 с.
35. Карпинец А.Ю. Земледелие на территории Кузбасса в период 1880-х – начала 1890-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2 (59). С. 201–209.
36. Карпинец А.Ю. Крестьянское землепользование и земледелие в Кузбасском регионе в «пореформенный» период 1860-х – начала 1890-х гг.: проблемы и особенности состояния и эволюции // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 235–248.
37. Просеков А.Ю. Хлебозапасная система в дореволюционной России: формирование и совершенствование // Пищевая промышленность. 2018. № 2. С. 12–15.
38. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234 (Томский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 9 а (Статистические сведения по Томской губернии за 1861 г.: материалы к Приложению к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора / Положения о губстаткомитете, статсведения по округам, табели о народонаселении). 08.04.1861–12.11.1862.
39. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 183 (Статистические сведения по Бийскому, Каинскому, Мариинскому и др. округам за 1891 год). 1891. 964 л.
40. Обзор Томской губернии за 1888 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Тип. губернского правления, 1889. 47 [75] с.
41. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб. : Полторак, 2013. 416 с.
42. Обзор Томской губернии за 1894 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1895. 48 с.
43. Бразников П.Н. Технология возделывания озимой ржи в северной таежной зоне. Томск, 2007. 14 с.
44. Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1892. 270 с.
45. Доклад об организации общественных работ в Оренбургской губернии // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2900 (Материалы о работе Комиссии помощи голодающим при Президиуме / доклады, протоколы, ведомости, переписка и др./ Том 1). 02.01.1921–28.03.1922.

46. Страшная А.И., Максименкова Т.А., Чуб О.В. Агрометеорологические особенности засухи 2010 года в России по сравнению с засухами прошлых лет // Методический кабинет Гидрометцентра России. URL: http://method.meteorf.ru/publ/tr345/strash_d.pdf (дата обращения: 09.08.2017).
47. Обзор Томской губернии за 1883 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1884. 108 с.
48. Обзор Томской губернии за 1900 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1901. 48 с.
49. Обзор Томской губернии за 1901 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1902. 55 с.
50. Ведомость № 1. О посеве и урожае хлебов в Томской губернии за 1906 год // Обзор Томской губернии за 1906 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1907. 38 с.
51. Ведомость № 1. О посеве и урожае хлебов в Томской губернии за 1908 год // Обзор Томской губернии за 1908 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1909. 65 с.
52. Юткина Анна Кондратьевна: 19.04.1894–22.03.1983. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14213 (дата обращения: 10.06.2018).
53. Карпинец А.Ю. Миграционные процессы на казенных землях Кузнецкого региона в «пореформенный» период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1 (73). С. 31–38.
54. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии (по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. Томского губернатора, подворного исследования). СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1895. Т. I. Описание отдельных поселков и поселенные таблицы, ч. I: Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа / Описание поселков и приселений Мариинского округа. 1895. 177 с.
55. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т. I, ч. I: Поселенные таблицы по Мариинскому округу. СПб., 1895. 177 с.
56. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. // Т. I, ч. II: Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Томского округа / Описание поселков и приселений Томского округа. 1895. 140, 81 с.
57. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. Т. I, ч. II: Поселенные таблицы по Томскому округу. 140, 81 с.
58. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1896. Т. II, ч. I: Итоговые и комбинационные таблицы. 150, 337 с.
59. Карпинец А.Ю. Крестьяне-переселенцы на государственных землях Кузбасского региона в последней четверти XIX века : статистический анализ экономического состояния домохозяйств // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 122–135.
60. Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за весенний период 1901 года по данным текущей статистики. Томск : Паровая типолитография П.И. Макушина, 1902. 51 с.

Alexey Yu. Karpinets, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: naukarpinets@mail.ru

Alexsandr Yu. Prosekov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rector@kemsu.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE GRAIN PRODUCTION IN EUROPEAN PART OF THE RUSSIAN EMPIRE AND KUZBASS REGION IN THE PERIOD OF THE END OF XIX – THE BEGINNINGS OF THE 20TH CENTURIES BASED ON INFORMATION MATERIALS OF GRAIN STATISTICS

Keywords: grain production, Kuznetsk region, period of «imperialism».

Research objective – identification of problems and features of grain production in the Kuznetsk region (Kuzbass) in comparison with the European provinces of the Russian Empire during the period of the end of XIX – the beginning of the 20th centuries. By the term «Kuzbass» we mean the term «Kuznetsk Region» – the space of the modern Kemerovo region which for the considered time included the most parts of territories of the Kuznetsk and Mariinsky counties and also the southern outskirts of the Tomsk county of the Tomsk province. Under the term «Russia» we mean 50 provinces of the European part of the Russian Empire.

The grain statistics of the Ministry of Internal Affairs collected by police and districts boards, processed by provincial statistical committee and bodies of provincial management and published in Supplements to imperial reports of the Tomsk governor was the main sources of information on the Kuznetsk region. Processing of the statistical data which are contained in «Sheets about crops and a harvest of bread» led us to drawing up tables on the 10-anniversaries of 1883–1892 / 1893–1902 / 1903–1912 years. In this case we adhered to methodology of the authoritative expert in the agrarian history of Russia of the academician of RAS L.V. Milov (1929–2007) who recommended to carry out studying of domestic agriculture of the XVIII – XIX centuries on the 10-year periods.

As a result of the conducted research it was succeeded to establish the following. First, it was established that in Kuzbass the cyclic repeatability of poor harvest years making so destructive impact on agricultural producers of the southern and southeast provinces of the European Russia was not observed. Problems of impoverishment of broad masses of country people owing to periodically happening poor harvests years, thus, in the considered time did not become relevant for inhabitants of the Kuznetsk region yet. At the same time with inclusion of the territory of Kuzbass in all-imperial space owing to carrying out the Trans-Siberian Railway, negative trends got here that was expressed in «the first Kuzbass famine of 1900/01 years». Secondly, it was succeeded to establish that if cyclic fluctuations of grain yields of cultures in Kuzbass were a little less expressed, than in Russia, then the level of productivity was approximately identical (near sam-5). At last, the research showed one of the general trends characteristic both for the Kuznetsk region, and for the country in general which consisted in reduction of crops, and, respectively, gross collecting a rye, and, on the contrary, increase in crops and gathering wheat and potatoes, and in Kuzbass it was shown more distinctly.

REFERENCES

1. Ermolov, A.S. (1909) *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros* [Our crop failures and the food issue]. Part. 1. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
2. The Ministry of Higher Education of the USSR. (1954) *Order No. 229 on the Ministry of Higher Education of the USSR of April 19, 1954, "On the organization of the specialty "History" at Kemerovo Pedagogical Institute of the Ministry of Education of the RSFSR and on the termination of admission to the Stalin Pedagogical Institute in the same specialty.* The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund R–104. List 1. File 10A. (In Russian).
3. Volchek, V.A. & Shcherbakova, Yu.S. (2006) *Zhiznennyy put' Z. G. Karpenko: chelovek, issledovatel'* [The life path of Z.G. Karpenko: a human, a researcher]. In: Volchek, V.A. & Adamenko, A.M. (eds) *Sibir' v istorii Rossii (k 100-letiyu Zinaidy Georgievny Karpenko)* [Siberia in the history of Russia (on the 100th anniversary of Zinaida Georgievna Karpenko)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
4. Kemerovo State Pedagogical Institute. (1954–1957) *Shtatnyy formulyar professorsko-prepodavatel'skogo sostava Kemerovskogo pedagogicheskogo instituta na 1956–57 uch. god* [The staffing of Kemerovo Pedagogical Institute faculty 1956–57 academic year]. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund R–104. List 1. File 11A.

5. Kemerovo State Pedagogical Institute. (1955–1956) *Otchet o rabote Kemerovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta za 1955 – 56 uch. god* [Report on the work of Kemerovo State Pedagogical Institute for 1955–56 academic year]. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-104. List 1. File 18A.
6. Karpenko, Z.G. (1957) Ob izuchanii istorii Kuzbassa [On the study of Kuzbass history]. *Voprosy istorii*. 6.
7. Kemerovo State Pedagogical Institute. (1958–1959) *Otchet o rabote Kemerovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta za 1958 – 59 uch. god* [Report on the work of Kemerovo State Pedagogical Institute for 1958–59 academic year]. Fund R-104. List 1. File 38.
8. Zabolotskaya, K.A. (2006) Zinaida Georgievna Karpenko i stanovlenie istoriografii industrial'nogo razvitiya Kuzbassa [Zinaida Georgievna Karpenko and the formation of the historiography of Kuzbass industrial development]. Volchek, V.A. & Adamenko, A.M. (eds) *Sibir' v istorii Rossii (k 100-letiyu Zinaidy Georgievny Karpenko)* [Siberia in the history of Russia (on the 100th anniversary of Zinaida Georgievna Karpenko)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
9. Redkin, P.K. (1977) *Preobrazhennaya derevnya. Sozdanie i ukreplenie material'no-tehnicheskoy bazy sotsialisticheskogo sel'skogo khozyaystva v Zapadnoy Sibiri (192–1937 gg.)* [The Altered Village. Creation and Strengthening of the Material and Technical Base of Socialist Agriculture in Western Siberia (1929–1937)]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Kirchik, O.I. (2011) Distitsiplinarnye granitsy kak granitsy simvolicheskie: sluchay agrarnoy ekonomiki [Disciplinary boundaries as symbolic borders: the case of the agrarian economy]. In: Shmatko, N.A. (ed.) *Simvolicheskaya vlast': sotsial'nye nauki i politika* [Symbolic power: social sciences and politics]. Moscow: Universitetskaya kniga.
11. Putin, V.V. (2017) *Obrashchenie po sluchayu Dnya rabotnika sel'skogo khozyaystva i pererabatyvayushchey promyshlennosti. 8 oktyabrya 2017 goda* [Address on the occasion of the Day of the Worker of Agriculture and Processing Industry. October 8, 2017]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55792> (Accessed: 10th May 2018).
12. Tomsk Governor. (1894–1913) *Vedomost' o poseve i urozhay khlebov v Tomskoy gubernii za 1883 – 1912 god* [The balance sheet on grain sowing and harvesting in Tomsk province for 1883–1912]. In: *Obzor Tomskoy gubernii za 1893–1912 god: Prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu Tomskogo gubernatora* [Overview of the Tomsk province for 1893–1912: Appendix to the All-Authentic Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
13. Milov, L.V. (2000) O nekotorykh metodologicheskikh aspektakh izucheniya agrarnogo rynka vtoroy poloviny XVIII – pervoy treti XIX vv. [On some methodological aspects of the study of the agricultural market in the second half of the 18th – the first third of the 19th centuries]. In: Karpov, S.P. (ed.) *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii* [Problems of Source Study and Historiography]. Moscow: ROSSPEN.
14. Davydov, M.A. (2016) *Dvadsat' let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty Years Before the Great War: Witte-Stolypin's Modernization of Russia]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Lokhtin, P.M. (1901) *Sostoyanie sel'skogo khozyaystva v Rossii sravnitel'no s drugimi stranami: Itogi k XX veku* [The state of agriculture in Russia in comparison with other countries: Results by the 20th century]. St. Petersburg: The Ministry of Railways.
16. Obukhov, V.M. (1927) *Dvizhenie urozhayev zernovykh kul'tur v Evropeyskoy Rossii v period 1883 – 1915 gg.* [The movement of grain crops in European Russia in 1883–1915]. In: Groman, V.G. (ed.) *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii* [The influence of crop failures on the Russian national economy]. Moscow: Priboy.
17. Prosekov, A.Yu. (2018) *Problemy prodovol'stvennykh krizisov Rossii i opyt ikh resheniya* [Problems of food crises in Russia and their solutions]. Kemerovo: Kemerovo Technological Institute of Food Industry.
18. Davydov, M.A. (2010) *Vserossiyskiy rynek v kontse XIX – nachale XX vv. i zhelezнодорожная статистика* [All-Russian market in the late 19th – early 20th centuries and railway statistics]. St. Petersburg: Aleteyya.
19. Cherevanin, F.A. (1927) *Vliyanie kolebaniy urozhayev na sel'skoe khozyaystvo v techenie 40 let – 1883 – 1923 gg.* [Influence of crop fluctuations on agriculture for 40 years – 1883–1923]. In: Groman, V.G. (ed.) *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii* [The influence of crop failures on the Russian national economy]. Moscow: Priboy.
20. Finn-Enotaevesky, A.Yu. (1911) *Sovremennoe khozyaystvo Rossii (1890 – 1910 gg.)* [Modern Economy of Russia (1890–1910)]. St. Petersburg: Izdanie M.I. Semenova.
21. Groman, V.G. (ed.) (1927) *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii* [The influence of crop failures on the Russian national economy]. Moscow: Priboy.
22. Prosekov, A.Yu. (2017) Famine in retrospect: past experience and future challenges. *Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv – Food Processing: Techniques and Technology*. 47(4). pp. 5–20. (In Russian). DOI: 10.21603/2074-9414-2017-4-5-20
23. Prosekov, A.Yu. (2018) Scientific understanding of famine in the 18th – 20th centuries and the food policy in Russia. *Pishchevaya promyshlennost' – Food Processing Industry*. 1. pp. 30–34. (In Russian).
24. Nikolay – On (Danielson, N.F.) (1893) *Ocherki nashego poreformennogo obshchestvennogo khozyaystva* [Essays on our post-reform social economy]. St. Petersburg: Tipografiya A. Benke.
25. Prosekov, A.Yu. (2018) Pre-revolutionary, Soviet and modern legislation in the field of food policy. *Pishchevaya promyshlennost' – Food Processing Industry*. 3. pp. 32–35. (In Russian).
26. Ermolov, A.S. (1909) *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros* [Our crop failures and the food issue]. Part. 2. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
27. Kabytova, N.N., Kabytov, P.S. & Kondrashin, V.V. (eds) (2014) *Agrarnaya istoriya XX veka: istoriografiya i istochniki* [Agrarian history of the 20th century: Historiography and Sources]. Samara: Samara State University.
28. Kornilov, G.E. (2008) Agrarnaya modernizatsiya Rossii v XX v.: regional'nyy aspekt [Agrarian modernization of Russia in the 20th century: a regional aspect]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2. pp. 4–14.
29. Kornilov, G.E. (2018a) Agrarian transition in Russia in the twentieth century: features, rates, results. *Istoriya nauki i tekhniki – History of Science and Engineering*. 1. pp. 36–50. (In Russian).
30. Kornilov, G.E. (2018b) Agrarian transition in Russia in the twentieth century: features, rates, results. *Istoriya nauki i tekhniki – History of Science and Engineering*. 2. pp. 78–92. (In Russian).
31. Aleksandrovsky, M.G. (1925) *Ocherk prirodnikh usloviy sel'skogo khozyaystva Tomskoy gubernii* [Essay on the natural conditions of agriculture in Tomsk province]. In: Aleksandrovsky, M.G. et al. *Ekonomicheskie ocherki Tomskoy gubernii: Tomskiy gubispolkom V gubernskomu S'ezdu Sovetov* [Economic essays of Tomsk Province: Tomsk Provincial Executive Committee of the Fifth Provincial Congress of Soviets]. Tomsk: Tomsk Gubispolkom.
32. Vaganov, N.A. & Ukhtomsky, A.P. (1886a) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie volostey Altayskogo okruga* [Economic and statistical description of the volosts of Altai district]. [St. Petersburg]: [s.n.].
33. Vaganov, N.A. & Ukhtomsky, A.P. (1886b) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie volostey Altayskogo okruga* [Economic and statistical description of the volosts of the Altai district]. Part 3. [St. Petersburg]: [s.n.].
34. Tomsk Governorate. (1894) *Obzor Tomskoy gubernii za 1893 god: Prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of Tomsk province for 1893: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
35. Karpinets, A.Yu. (2014) Agriculture in Kuznetsk and Mariinsk districts of Tomsk Province in the 1880s – early 1890s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3 – 2(59). pp. 201–209. (In Russian).
36. Karpinets, A.Yu. (2016) Peasant Land Use and Agriculture in Kuzbass in Post-Reform Period of 1860-ies – Beginning of 1890-ies: Problems and Peculiarities of Condition and Evolution. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 11(59). pp. 235–248. (In Russian).

37. Prosekov, A.Yu. (2018) Grain stocks system in pre-revolutionary Russia: its formation and development. *Pishchevaya promyshlennost' – Food Processing Industry*. 2. pp. 12–15. (In Russian).
38. Tomsk Governorate. (1861) *(Statisticheskie svedeniya po Tomskoy gubernii za 1861 g.: materialy k Prilozheniyu k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora / Polozheniya o gubstatkomitete, statsvedeniya po okrugam, tabeli o narodonaselenii)*. 08.04.1861 – 12.11.1862 [Statistical information about Tomsk province for 1861: materials for the Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor / Regulation on the Provincial Committee, statistics on the districts, tables of population]. 04/08/1861 – 11/12/1862]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 234. List 1. File 9a.
39. Tomsk Governorate. (1891) *Statisticheskie svedeniya po Biyskomu, Kainskomu, Mariinskomu i dr. okrugam za 1891 god* [Statistical information on Biysk, Kain, Mariinsky and other districts for 1891]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 234. List 1. File 183.
40. Tomsk Governorate. (1889) *Obzor Tomskoy gubernii za 1888 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of Tomsk Province for 1888: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
41. Ostrovsky, A.V. (2013) *Zernovoe proizvodstvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Grain production of European Russia in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Poltorak.
42. Tomsk Governorate. (1895) *Obzor Tomskoy gubernii za 1894 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of Tomsk Province for 1894: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
43. Brazhnikov, P.N. (2007) *Tekhnologiya vozdeleyvaniya ozimoy rzhii v severnoy taezhnoy zone* [Technology of winter rye cultivation in the northern taiga zone]. Tomsk: [s.n.].
44. Ermolov, A. S. (1892) *Neurozhay i narodnoe bedstvie* [Crop failure and national disaster]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
45. Orenburg Governorate. (1921–1922) *Doklad ob organizatsii obshchestvennykh rabot v Orenburgskoy gubernii* [Report on the organization of public works in Orenburg Governorate]. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 3429. List 1. File 2900.
46. Strashnaya, A.I., Maksimenkova, T.A. & Chub, O.V. (n.d.) *Agrometeorologicheskie osobennosti zasukhi 2010 goda v Rossii po sravneniyu s zasukhami proshlykh let* [Agrometeorological features of the drought in 2010 in Russia compared to droughts in previous years]. [Online] Available from: http://method.meteorf.ru/publ/tr345/strash_d.pdf (Accessed: 9th August 2017).
47. Tomsk Governorate. (1884) *Obzor Tomskoy gubernii za 1883 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1883: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
48. Tomsk Governorate. (1901) *Obzor Tomskoy gubernii za 1900 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1901: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
49. Tomsk Governorate. (1902) *Obzor Tomskoy gubernii za 1901 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1901: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
50. Tomsk Governorate. (1907) *Obzor Tomskoy gubernii za 1906 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1906: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
51. Tomsk Governorate. (1909) *Obzor Tomskoy gubernii za 1908 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1908: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya..
52. Warheroes.ru. (n.d.) *Yutkina Anna Kondrat'evna: 19.04.1894 – 22.03.1983* [Yutkina Anna Kondratyevna: April 19, 1894 – March 3, 1983]. [Online] Available from: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14213 (Accessed: 10th June 2018).
53. Karpinets, A.Yu. (2018). Migration processes on the public lands of the Kuznetsk region in the “post-reform” period. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 1(73). pp. 31–38. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-31-38
54. Kaufman, A.A. (1895–1896a) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. St. Petersburg: V. Bezobrazov i K.
55. Kaufman, A.A. (1895–1896b) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. Vol. 1(1). St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
56. Kaufman, A.A. (1895–1896c) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. Vol. 1(1). St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
57. Kaufman, A.A. (1895–1896d) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. Vol. 1(2). St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
58. Kaufman, A.A. (1896) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province]. Vol. 2. St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
59. Karpinets, A.Yu. (2016) Peasant Settlers on State Lands of Kuzbass Region in the Last Quarter of XIX Century: Statistical Analysis of Economic Status of Households. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 9(57). pp. 122–135. (In Russian).
60. Tomsk Governorate. (1902) *Kratkiy sel'skokhozyaystvennyy obzor Tomskoy gubernii za vesenniy period 1901 goda po dannym tekushchey statistiki* [A brief agricultural outline of Tomsk province for the spring of 1901 according to current statistics]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P. I. Makushina.

УДК 94
DOI: 10.17223/19988613/64/4

С.Я. Ковганов

ПОДГОТОВКА СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ С НАЧАЛОМ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Раскрывается процесс подготовки военных контрразведчиков в Новосибирской средней специальной школе МГБ-КГБ СССР. С началом «холодной войны» западные спецслужбы резко активизировали разведывательно-диверсионную деятельность против своего недавнего союзника СССР. В этих условиях подготовка квалифицированных кадров советских военных контрразведчиков, способных обеспечить надежную защиту войск и военных объектов от проникновения агентуры противника, приобрела особое значение. Учебный цикл подготовки включал теоретическую часть, военно-физическую и строевую подготовку, юридические дисциплины, оперативно-практические занятия и др. Школа внесла достойный вклад в дело подготовки кадров военных контрразведчиков.

Ключевые слова: «холодная война»; контрразведка; подготовка кадров.

Скоро исполнится тридцать лет с окончания «холодной войны», однако споры о ее причинах, «виновниках» развязывания, идеологических и геополитических основаниях военно-политического противостояния США и СССР продолжают и сегодня.

Многие исследователи полагают, что идеологические мотивы, послужившие основанием для стран Запада опустить «железный занавес» между Западной и Восточной Европой, были только предлогом для реализации ими своих геополитических планов. Сразу после войны, как пишет В.О. Печатнов, «...стратегическая концепция разгрома России стала быстро обретать очертания конкретных военных планов: уже в сентябре 1945 г. был разработан первый из таких, предусматривавший стратегические бомбардировки 20 крупнейших советских городов с использованием атомного оружия» [1. С. 46].

Сразу после окончания Второй мировой войны США, Великобритания и Франция начали активно противодействовать своему недавнему союзнику СССР. В их оккупационных зонах в 1945 г. находилось около семи миллионов советских граждан, подлежащих репатриации на Родину [2. С. 142]. Для спецслужб союзников репатриация являлась удобным каналом для засылки на территорию СССР своей агентуры. Это обстоятельство существенно активизировало пропагандистскую и вербовочную работу западных разведок среди советских репатриантов.

Обстановка на территории Австрии и Германии была исключительно сложной, отношения между бывшими союзниками постоянно обострялись, что часто приводило к инцидентам с обеих сторон. Например, в июне 1948 г. в английском секторе Вены произошла попытка захвата английскими военнослужащими оперативного уполномоченного отдела контрразведки МГБ Баденского гарнизона лейтенанта В.Г. Алексеева [Там же. С. 164].

Спецслужбы США и Великобритании уже в 1945 г. начали использовать для проведения подрывной деятельности на территории СССР агентуру из числа членов

организации украинских националистов, оказавшихся в их оккупационных зонах.

Руководство советских органов госбезопасности считало наиболее опасными противниками английскую и американскую разведки. По уровню организации стратегии и тактики разведывательной работы в послевоенные годы большую опасность представляла опытная и профессионально подготовленная английская разведка, но к началу 1950-х гг., благодаря своему влиянию на Великобританию и мощным финансовым возможностям, на первый план вышла американская разведка.

Весьма сложной и напряженной была оперативная обстановка и на территории СССР. Начиная с 1949 г. англичане и американцы пытались создать на территории Советского Союза разветвленную агентурную сеть на случай войны. В этих целях были осуществлены многочисленные заброски агентов-нелегалов на территории Прибалтики, Украины, Закавказья, Дальнего Востока и юга России.

Пик активности западных разведок в подрывной деятельности, например, против Группы советских войск в Германии пришелся на середину 1950-х гг. Проявлялась она в буквальном смысле в тотальном насаждении агентуры в районах расположения советских частей и в организации плотного наблюдения за военнослужащими с использованием всех оперативных возможностей. Обстановка диктовала необходимость предпринять по наиболее активно действующим органам разведки и ее агентуре ответные действия, которые должны были не только парализовать их деятельность, но и разоблачить перед мировой общественностью подлинную роль разведок западных стран в обострении политической и военной напряженности. В этих целях была разработана и проведена в апреле 1955 г. контрразведывательная операция под условным названием «Весна». Суть ее состояла в одновременном задержании всех установленных к тому времени шпионов, проходивших по материалам военной контрразведки Группы советских войск в Германии, МГБ ГДР, а также

инспекции по безопасности Верховного комиссара СССР в Берлине. Управлением Особых отделов была передана немецким коллегам для реализации оперативная информация в отношении 43 человек из окружения военных объектов, причастность которых к шпионажу не вызывала сомнений. Все они после задержания дали развернутые признательные показания. В ходе бесед с задержанными военными контрразведчиками были получены сведения о методах вербовки советских военнослужащих, способах сбора информации, приготовлениях к организации разведывательной деятельности в военное время. В результате проведения операции было арестовано свыше 500 вражеских агентов [2. С. 174].

С обострением «холодной войны» противник стал активно наращивать свои разведывательные усилия. Его приоритетной целью стало агентурное проникновение непосредственно в войска путем приобретения источников информации из числа советских военнослужащих. Подобный замысел имел далеко идущие цели: ведь направление со временем такого агента для прохождения дальнейшей службы во внутренние военные округа, а возможно и в центральный аппарат Министерства обороны или Генштаб, да еще с повышением, делало его для противника потенциальным источником ценнейшей информации. Реализацией подобной политики явилась, например, вербовка в 1953 г. в Вене проходившего там службу сотрудника ГРУ П.С. Попова, который до своего разоблачения в 1959 г. нанес существенный ущерб обороноспособности СССР.

В первое послевоенное десятилетие в СССР вместе с восстановлением разрушенного войной народного хозяйства шла реализация программ повышения обороноспособности страны. В этом контексте укрепление органов военной контрразведки, повышение эффективности их деятельности в новых исторических условиях выступали на передний план.

В послевоенный период перед органами МГБ СССР стояли сложные задачи. Для их решения требовалось поднять качество оперативной работы. Специальная комиссия, созданная в мае 1946 г. по поручению Политбюро ЦК ВКП(б), констатировала наличие в ведомстве ряда серьезных недостатков. Одним из них была слабая подготовка кадров, что являлось прямым следствием ускоренного обучения и ввода в строй оперативного состава в годы Великой Отечественной войны. В постановлении предписывалось: «...пересмотреть систему переподготовки кадров в целях повышения квалификации работников, установить твердые сроки обучения в ныне существующих школах, которые давали бы возможность готовить квалифицированные чекистские кадры. Организовать общеобразовательную подготовку сотрудников органов МГБ без отрыва их от работы». В целях стимулирования изучения иностранных языков сотрудниками МГБ СССР устанавливалась надбавка к зарплате в размере от 5 до 20% за знание одного и более иностранных языков [3. С. 154]. По решению ЦК ВКП(б) была организована сеть курсов для подготовки руководящего и оперативного состава органов государственной безопасности как в составе Высшей школы МГБ СССР, так и в учебных заведениях на периферии.

Достаточно большая часть военных контрразведчиков после войны готовилась в Новосибирске в школе контрразведки «Смерш» и Межкраевой школе МГБ СССР. В рамках совершенствования системы ведомственных учебных заведений 31 марта 1948 г. закончила свою работу Новосибирская школа контрразведки «Смерш». Все имущество, учебные пособия и прочее было передано Новосибирской школе МГБ СССР. Туда же переводилась часть командно-преподавательского состава. История этого учебного заведения отражает особенности подготовки военных контрразведчиков в СССР в указанный период. В 1949 г. начинался новый этап в его развитии.

Обстановка предъявляла серьезные требования к первичной подготовке сотрудников органов госбезопасности, принимаемых на службу. С целью удовлетворения потребностей в подготовленных кадрах контрразведчиков для Вооруженных Сил, которые обострились после прекращения деятельности школы «Смерш», по указанию МГБ СССР параллельно с переподготовкой сотрудников территориальных органов госбезопасности в Новосибирскую школу был произведен набор курса подготовки оперативного состава для органов военной контрразведки с годичным сроком обучения. В школу зачислялись лица, демобилизовавшиеся из Советской Армии, в основном со средним образованием. В числе курсантов были сержанты, старшины и младшие офицеры.

В 1949 г. на преподавательскую работу в школу были приняты опытные сотрудники военной контрразведки С.А. Демочкин, Д.В. Денисов, А.И. Корчагин, которые проработали в школе более двадцати лет.

Существовавший в школе учебный распорядок был достаточно напряженным. На лекции и семинары отводилось по восемь часов в день, четыре часа – на самостоятельную подготовку. Программа подготовки включала изучение основополагающих общегосударственных и ведомственных нормативных документов, а также материалов о разведывательно-диверсионных формированиях иностранных спецслужб, формах и методах их шпионской и другой подрывной деятельности против Вооруженных Сил СССР. Рассматривались комплексные меры по эффективному противодействию их враждебным устремлениям. Изучался опыт контрразведывательной защиты и ограждения войск в период Великой Отечественной войны.

Вместе с учебой курсанты хоть и редко, но отдыхали. Вот выписка из плана празднования Международного дня 8 марта в 1949 г.: «Доклад. Объявление приказа начальника школы. Концерт. Праздничный ужин. Буфет. Танцы. Начало вечера в 22 часа, окончание в 2 часа ночи» [4. Л. 33]. Вспоминая годы учебы в школе, выпускник лета 1950 г. Ю.С. Умнов писал: «В школе поддерживались образцовый порядок и дисциплина. Каждый день проводились вечерняя проверка и прогулка по Красному проспекту, в баню ходили только строем» [5]. Выпускники тех лет не только становились контрразведчиками в стенах школы, но и находили в Новосибирске свое семейное счастье. Вот что вспоминал выпускник 1950 г. Ю.А. Николаев: «К зданию школы, расположенному на Красном проспекте, пристало

название “Дом женихов”, так как большинство обучающихся были холостяками. После окончания школы многие выпускники обзаводились семьями и сотнями увозили молодых сибирячек с собой» [6. С. 34].

В 1951 г. на должность начальника учебного отдела прибыл бывший начальник отделения отдела контрразведки МГБ Ленинградского округа, Герой Советского Союза подполковник Василий Григорьевич Миловатский. Это был зрелый человек с интересной биографией. В молодости Василий Григорьевич был рабочим-арматурщиком, а в 1932 г. по путевке комсомола направлен на учебу в Сталинградский пединститут, который окончил в 1936 г. До января 1942 г. преподавал математику в средней школе. Затем был призван в Красную Армию и направлен на курсы переподготовки офицерского состава Черноморского флота. В апреле 1942 г. В.Г. Миловатский был назначен командиром взвода, а затем роты 322-го батальона морской пехоты, вместе с которым убыл на Крымский фронт. За активное участие в обороне Северного Кавказа и проявленные в боях мужество и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Начальник учебного отдела школы В.Г. Миловатский вложил много труда и своего опыта в процесс обучения, сделал его ближе к практике оперативной работы. В связи с принятым в августе 1952 г. решением ЦК ВКП(б) и Советского правительства об улучшении юридического образования в стране и в целях повышения качества подготовки оперативного состава для органов военной контрразведки 2 декабря 1952 г. Новосибирская школа реорганизовалась в среднюю специальную школу № 311 МГБ СССР.

Срок обучения был определен в два года, в течение которых наряду с чекистской подготовкой предполагалось и освоение программы среднего юридического образования. Курсантам, окончившим школу, выдавался диплом о среднем юридическом образовании. Был создан цикл юридических дисциплин, учебно-методический план которого включал 15 предметов. В штат цикла вошли преподаватели, имевшие высшее юридическое образование. В их числе были А.И. Корчагин, Н.М. Кочнева, В.К. Давыдова и др.

Принимались меры к укреплению цикла военно-физической подготовки. На преподавательскую работу и начальниками курсов были назначены офицеры с высшим военным образованием: А.В. Бабушкин, М.И. Кузьмичев, С.Ф. Пажильцев, А.С. Мордовин, А.И. Фомин, А.П. Михайлов, Г.П. Плужников. С их приходом в школе улучшилось преподавание военного дела, повысились требования к курсантам по выполнению общевоинских уставов Вооруженных Сил. Была пересмотрена программа военно-физической подготовки, так как многие слушатели и курсанты не имели военной подготовки. Ставилась задача научить будущих работников военной контрразведки тому, что им необходимо для работы в войсках. Учитывая слабое знание курсантами оружия, было выделено дополнительное время на изучение нескольких видов вооружения, которым в те годы была оснащена Советская Армия. Серьезное внимание обращалось на физическую и строевую подготовку. Все курсанты учились ходить на

лыжах, стрелять из личного оружия, владеть основными приемами самбо.

Преобладание в учебном плане юридических и общеобразовательных дисциплин создало опасность отрыва обучения будущих контрразведчиков от практики работы органов военной контрразведки. Этот пробел быстро заметили в органах военной контрразведки, куда направлялись выпускники школы.

Анализ учебной работы показал, что некоторые лекции по специальным и юридическим дисциплинам слабо увязывались с практикой оперативной деятельности в войсках. На лекциях и семинарских занятиях упор делался на то, что необходимо делать, и мало говорилось о том, как следует решать те или иные конкретные вопросы с учетом оперативной обстановки в различных видах (родах) войск Советской Армии и на Военно-Морском Флоте. Существенным недостатком было и то, что курсанты не проходили оперативную практику в войсках, поэтому на первых порах испытывали большие трудности в организации оперативной работы на военных объектах.

В целях устранения указанных недостатков в короткий срок были пересмотрены программы и учебно-тематические планы, переработан лекционный курс, обновлены или созданы новые сборники задач, которые отражали практику оперативной работы в войсках. На преподавательскую работу были назначены опытные работники военной контрразведки Н.А. Лосев и И.П. Шешенин, окончившие специальные годичные курсы подготовки преподавателей специальных дисциплин для учебных заведений МГБ при Высшей школе МГБ СССР в Москве. По указанию Управления учебных заведений МГБ СССР в конце учебного года курсанты под руководством опытных преподавателей цикла специальных дисциплин стали проходить практику в особых отделах КГБ военных округов.

Несколько улучшилось оснащение кабинетов специальных и юридических дисциплин, были приобретены новые учебные кинофильмы, оборудована фотолaborатория, изготовлены наглядные пособия. Однако учебная база школы оставляла желать лучшего в техническом оснащении и нуждалась в пополнении и обновлении. Важное значение для дальнейшей деятельности органов госбезопасности имело Постановление ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «О работе органов государственной безопасности», в котором был дан анализ состояния дел в органах государственной безопасности, отмечены основные недостатки, указаны пути их устранения и определены основные задачи [3. С. 187].

В соответствии с этим Постановлением 13 марта 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР образовал Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, на который возложил охрану государственной безопасности. Особое внимание ЦК КПСС обратил на необходимость укрепления органов КГБ квалифицированными работниками, способными со знанием дела решать серьезные задачи по защите страны. Свыше 10 тысяч коммунистов и комсомольцев были направлены на оперативную работу в органы КГБ [Там же. С. 192]. С 10 апреля 1954 г. учебное заведение стало средней специальной школой № 311 КГБ

при Совете Министров СССР. В связи с расформированием дислоцировавшейся в Могилеве 301-й школы более 200 ее курсантов прибыли для продолжения учебы в Новосибирск. На юридический цикл был принят прибывший из Могилева опытный юрист и педагог М.М. Кудрин, проработавший в школе № 311 до 1971 г.

С 1955 г. в школу стали направляться кадровые офицеры Советской Армии и Военно-Морского Флота, а также офицеры запаса, имевшие высшее образование. В дальнейшем на учебу прибывали только кадровые офицеры со средним военным образованием. Это обстоятельство положительно сказалось на качестве обучения и становлении выпускников школы как оперативных работников особых отделов КГБ.

Меры, направленные на совершенствование учебно-воспитательной работы, дали свои положительные результаты. Выпускники 1957 г. (это был последний выпуск чекистов со средним юридическим образованием) по основным предметам показали хорошие теоретические знания. Тридцать выпускников получили диплом с отличием.

Руководство школы, преподаватели циклов постоянно искали новые формы обучения, где можно было тесно соединить знания, полученные в школе, с практикой работы особых отделов КГБ и способствовать выработке и закреплению у слушателей необходимых им качеств. Таким требованиям отвечало комплексное занятие под условным наименованием «Кедр».

Впервые такое занятие было проведено по инициативе цикла военно-физической подготовки в октябре 1958 г. по теме: «Поиск и ликвидация диверсионно-разведывательной группы противника». Занятие преследовало цель показать, как на практике организуются поиск и захват агентов, нелегально забрасываемых через границу на территорию Советского Союза. При этом создавались ситуации, которые побуждали слушателей показать свои знания и практические умения по топографии (работа с картой, ориентация на местности), по организации засады и захвату агента-диверсанта «противника», по оформлению его задержания и обыска.

С образованием в Советском Союзе в 1960 г. Ракетных войск стратегического назначения для оперативных работников нового вида Вооруженных Сил

СССР важное значение стали иметь техническая подготовка, знание инженерно-технических особенностей нового оружия. Ветераны военной контрразведки, которые первыми налаживали контрразведывательное обеспечение нового вида Вооруженных Сил, обращали внимание, что эта работа может быть успешной только в том случае, если сотрудники Особого отдела сами уделяют постоянное внимание своей военно-технической подготовке. Военным контрразведчикам необходимо было обстоятельно изучить боевые ракетные комплексы и системы вооружения, иметь четкое представление об эксплуатации и обслуживании как наземного оборудования, так и самих ракет, их бортовых систем и агрегатов, глубоко разбираться во всех аспектах, связанных с постановкой на боевое дежурство и подготовкой к пускам.

Требовались знания уязвимых мест, а также специфических правил техники безопасности на конкретных участках. Оперативные работники в силу своих служебных обязанностей должны были владеть этими вопросами так же досконально, как это положено профессиональным военным специалистам в ракетных войсках. Важно было также знать нормативные требования, предъявляемые на этапе строительно-монтажных работ, с тем чтобы упреждать возможные нарушения технологии производства, которые могут отрицательно сказаться на выполнении боевой задачи.

Как вспоминал ветеран военной контрразведки генерал-лейтенант Ю.А. Николаев, стоявший у истоков нового вида Вооруженных Сил СССР, военно-техническая учеба осуществлялась без отрыва от служебной деятельности. «Начали с того, что с помощью командования и ведущих специалистов отработали тематический план оперативной учебы оперативного состава с привлечением знающих свое дело офицеров, который неукоснительно исполнялся. Занятия проводились по четыре–пять часов ежедневно» [6. С. 128].

Сотрудники 311-й школы КГБ при СМ СССР в Новосибирске в 1940–1960-х гг. внесли достойный вклад в дело подготовки военных контрразведчиков. Многие выпускники тех лет стали руководителями органов военной контрразведки окружного и армейского звена, более десяти человек были удостоены генеральских званий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Печатнов В.О. От союза к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война 1945–1963 гг. историческая ретроспектива : сб. ст. М. : ОЛМА-пресс, 2003.
2. Военная контрразведка. История, события, люди / гл. ред. А.Г. Безверхний. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. Кн. 1.
3. Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М., 2013.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 18.
5. Из коллекции экспозиционных материалов Комнаты истории Института ФСБ России (г. Новосибирск).
6. Николаев Ю.А. Будни военного контрразведчика (1949–1991). М. : Русь, 2005.

Sergey Ya. Kovganov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kovsy@yandex.ru

EDUCATION OF MILITARY COUNTERINTELLIGENCE OFFICERS SINCE THE BEGINNING OF COLD WAR

Keywords: Cold War, counterintelligence, training of personnel.

The article describes in brief the international situation immediately after the end of the Second World War, when USA, Great Britain and other Western countries started their struggle against their war time ally – USSR. The beginning of the Cold War as worldwide phenomenon has expressed itself in different regions and in numerous contradictions between opponents, and it has been clear that one of the main features of the Cold War was arms race, especially in the field of nuclear weapons development. Therefore, protection of defense secrets and enhancement of security of armed forces grew as basic aim for military counterintelligence.

The article provides convincing evidence of initiation and strong activation of subversive and clandestine actions by western intelligence services against the Soviet Union. Numerous measures were used: recruitment of soviet citizens located in western countries before their repatriation, enlistment for subversive actions of members of Ukrainian nationalistic organizations having escaped to western occupation zones, organization of wide spy networks around locations of Soviet military units, especially in Group of Soviet Army in Germany, penetration of undercover agents into Baltics, Ukraine, Caucasus and other regions. These new conditions created the need for education and training of qualified personnel for military counterintelligence detachments being able to effectively encounter and neutralize subversive efforts of western special services. One of specialized educational schools was Novosibirsk school of the Ministry of State Security, later named middle-level school of the Ministry of State security, later renamed middle-level school of the Committee of State Security.

Curriculum of the school is analyzed in the article. It comprised of numerous different disciplines: legislation and manuals on law enforcement, detailed information on foreign intelligence services and methods of their cover-up and subversive activities against armed forces of Soviet Union. Special courses explained complex methods for disclosure and neutralization of hostile agents using effective experience in the field of successful counterintelligence defense and protection of the army at the period of the Great Patriotic War. Serious attention was paid to military training and physical fitness of young officers. In the course of education, the experience has proved the acute need for on-the-job training as means of gaining practical operational abilities in counterintelligence detachments of the armed forces units.

Novosibirsk school had provided essential input in the preparation for service of military counterintelligence officers. Many of its graduates grew to the commanding positions in special detachments of the field army and military district level. More than dozens of them were promoted to generalship rank.

REFERENCES

1. Pechatnov, V.O. (2003) *Ot soyuza k vrazhde (sovetsko-amerikanskije otnosheniya v 1945–1946 gg.)* [From union to hostility (Soviet-American relations in 1945–1946)]. In: Egorova, N.I. & Chubaryan, A.O. (eds) *Kholodnaya vojna 1945 – 1963 gg. istoricheskaya retrospektiva* [The Cold War of 1945–1963: a historical retrospective]. Moscow: Olma-Press.
2. Bezverkhny, A.G. (ed.) (2008) *Voennaya kontrrazvedka. Istoriya, sobytiya, lyudi* [Military counterintelligence. History, events, people]. Moscow: Olma-Media-Grup.
3. Anon. (2013) *Kadrovaya sluzhba organov bezopasnosti: istoriya i sovremennost'* [Personnel service of security agencies: history and modernity]. Moscow: [s.n.].
4. The State Archives of the Novosibirsk Region. Fund P – 494. List 1. File 18.
5. From the collection of exposition materials of the History Room of the Institute of the FSB of Russia (Novosibirsk).
6. Nikolaev, Yu.A. (2005) *Budni voennogo kontrrazvedchika (1949–1991)* [The everyday life of military counterintelligence (1949–1991)]. Moscow: Rus'.

УДК 94(517.3)
DOI: 10.17223/19988613/64/5

Л.В. Курас, Н. Хишигт

ЯКОВ БЛЮМКИН В МОНГОЛИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований – Министерства образования, культуры и науки (Монголия) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

Анализируется степень участия российских евреев в подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г. (Б.З. Шумяцкий), а также в создании органов государственной безопасности Монгольской Народной Республики – Государственной внутренней охраны (С.М. Шпигельглас). Особое внимание уделяется деятельности Якова Григорьевича Блюмкина, который по рекомендации руководителя ИНО ОГПУ М.А. Трилиссера в течение 8 месяцев был представителем ОГПУ и Главным инструктором Государственной внутренней охраны (ГВО) МНР, одновременно осуществляя оперативные мероприятия на севере Китая и в Тибете.

Ключевые слова: Монгольская революция 1921 г.; Монгольская Народная Республика; Яков Блюмкин; Государственная внутренняя охрана МНР.

В революционных событиях в России и Монголии не последнюю роль сыграли представители еврейского этноса. И если имена российских революционеров еврейского происхождения, оставивших достойный след в революционной истории, до сих пор на слуху, то место евреев в Монгольской революции пока что не являлось предметом специального исследования. Между тем в этой череде следует выделить прежде всего имя первого Председателя Центросибири Б.З. Шумяцкого [1]. Для нас же важно то, что именно он стал «архитектором» и идеологом Монгольской революции. В течение 1920–1921 гг. Борис Захарович возглавлял восточный отдел НКВД по Сибири и Монголии и непосредственно занимался Монголией, был творцом Монгольской революции, создателем первого революционного правительства. Об этом красноречиво свидетельствуют документы Коминтерна [2]. В знак признания заслуг перед МНР Б.З. Шумяцкий получил звание «Почетный гражданин Монгольской Народной Республики» и орден Красного Знамени Монголии № 1 [3. С. 83].

Особая заслуга Б.З. Шумяцкого состоит в проведении кадровой политики. Причем речь идет не об официальных представителях или инструкторах, а о массовом притоке в Монголию профессиональных кадров, способных трудиться на любых постах государственной службы, в экономических отраслях, образовании и культуре. При этом Б.З. Шумяцкий, учитывая специфику Монголии, в кадровой политике не придавал решающего значения партийной принадлежности, а главным критерием определял знание Монголии, деловые качества и лояльность. Эта оценка представляется нам особенно важной, во-первых, потому, что в российской и монгольской историографии истории Монголии недостаточно полно учитываются личностный фактор, место и роль отдельных исторических личностей из Советской России. А во-вторых, потому, что кадровая политика Б.З. Шумяцкого есть одна из форм

проявления панмонголизма, который сыграл не последнюю роль в революционном процессе монгольского мира в первой четверти XX в. [Там же. С. 83–84].

Но если во всех областях национально-государственного строительства незаменимыми оказались специалисты-буряты, большая группа которых прибыла в Монголию (будучи активными и хорошо подготовленными специалистами, они оказали огромную помощь монгольским революционерам в решении насущных задач), то строительством системы государственной безопасности и в России, и в Монголии занимались преимущественно евреи, что было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами:

- во-первых, массовым участием евреев в революции и абсолютной преданностью ее идеалам;

- во-вторых, способностью выживания в «чужом» обществе и врожденной предрасположенностью к изучению иностранных языков;

- в-третьих, высоким уровнем образования по сравнению с другими этносами Российской империи;

- в-четвертых, основателем ИНО ВЧК-ОГПУ (службы внешней разведки) был участник Свеаборгского восстания, отбывавший каторгу в Шлиссельбургской крепости, член Центросибири, защитник «Белого дома» в Иркутске Меер Абрамович Трилиссер, прекрасно знавший о перечисленных преимуществах.

На наш взгляд, эти факторы и стали причиной того, что у истоков создания спецслужб Монголии встал Сергей Михайлович Шпигельглас (Дуглас), которого журналисты позднее назвали личным «инквизитором» И. Сталина. Он окончил школу в Варшаве и юридический факультет Московского университета, школу прапорщиков, воевал на фронтах Первой мировой, принимал активное участие в революционных событиях, владел польским, немецким и французским языками, был лично причастен к похищению генерала Миллера, убийству Скоблина, Коновальца и Клемента, перебежчиков Георгия Агабекова и Игнатия Рейсса.

Еще в 1937 г. под его руководством были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (вермахта) [4]. В 1938 г. он исполнял обязанности начальника ИНО, занимался подготовкой разведчиков-нелегалов. В качестве уполномоченного ИНО С.М. Шпигельглас с 1922 по 1926 г. находился в Монголии, где занимался вербовкой, ликвидацией остатков белогвардейских формирований и созданием госбезопасности в МНР – Государственной внутренней охраны (ГВО), а также агентурной сети в Японии, Китае и на Дальнем Востоке Советской России.

Что же представляла собой Государственная внутренняя охрана? Мы располагаем данными монгольского исследователя истории органов государственной безопасности Монголии Д. Тода о численности монгольских чекистов в 1925 г.: «В ГВО личный состав составлял 42 человека, из которых 17, или 40,4% составляли советские инструкторы и представители российских спецслужб» [5. С. 165–166]. Сохранилась докладная записка аналитического характера, находящаяся на хранении в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации, подготовленная в марте 1926 г. предшественником Я.Г. Блюмкина на посту главного инструктора ГВО А.П. Балдаевым (родной брат известного бурятского ученого-фольклориста и этнографа С.П. Балдаева), адресованная руководству ОГПУ. «Госвнуохрана, созданная в процессе развития национально-революционного строительства Независимой Монголии и существующая на правах Отдела Правительства, имеет перед собой те же задачи, что и ОГПУ СССР, и построена она по тому же принципу», – писал А.П. Балдаев, в будущем один из руководителей разведуправления РККА. «Штаты Центрального управления ГВО на 1926 г. были утверждены правительством в количестве 53–60 человек. При руководстве ГВО работали пять ответственных советских инструкторов, а также рядовые и технические работники из СССР. В списках всего значатся 11 человек» [6]. Таким образом, численность советских инструкторов значительно сократилось по сравнению с 1925 г. Была вакантна даже должность Главного инструктора ГВО [5. С. 163]. По этому поводу уполномоченный Исполкома Коминтерна в Монголии М.И. Амагаев в ноябре 1925 г. на заседании ЦК МНРП выразил протест и предложил увеличить число советских инструкторов ГВО, что нашло понимание у руководства страны и вылилось в Постановление Правительства МНР [7]. Тогда же руководитель ГВО Н. Хаянхирваа разработал «Устав о полномочиях инструкторов», который вступил в силу 3 декабря 1926 г. [5. С. 164].

Исследователь спецслужб Монголии Д. Тод пишет, что уже с 1924 г. в деятельности ГВО МНР начали проявляться нарушения революционной законности. Это выражалось в том, что советские чекисты активно вмешивались в дела органов монгольской госбезопасности. Для исправления ситуации, обусловленной самостоятельной деятельностью и специфическими методами работы советских инструкторов, 22 июля 1925 г. на заседании Правительства МНР были приняты решительные меры:

а) освободить К.К. Баторуна от занимаемой должности руководителя ГВО и назначить вместо него комиссара МНРА Ц. Насанбата;

б) учредить должность политкомиссара, на которого возложить обязанности осуществления политического контроля над деятельностью ГВО. На эту должность был назначен руководитель партшколы Н. Хаянхирваа (разведчик периода Монгольского теократического государства);

в) создать комиссию во главе с Председателем Малого Хурала МНР А. Амаром для контроля над деятельностью ГВО и его сотрудников [Там же. С. 161–162].

В конце 1926 г. в ответ на запрос ГВО Правительству «о назначении на должность Главного инструктора человека грамотного» ОГПУ СССР отправил в МНР Я.Г. Блюмкина.

В российской историографии нет однозначной оценки Блюмкина как личности: убийца, авантюрист, убежденный революционер, хвостун, лгун, друг Есенина и Маяковского, литератор-дилетант, разведчик-нелегал, талантливый коммерсант и, несомненно, романтик. И это все Яков Блюмкин [8].

Следует отметить, что руководитель ГВО МНР Н. Хаянхирваа, зная Я.Г. Блюмкина как убийцу германского посла в России графа Мирбаха, с самого начала недоверчиво относился к нему и стремился ограничить его доступ к делам своей организации, о чем свидетельствует его Приказ № 46 от 4 декабря 1926 г. о назначении Я. Блюмкина на должность. И здесь руководство ОГПУ учитывало несколько факторов:

1) за два с половиной года учебы в Академии Генштаба на восточном отделении, которая прерывалась многочисленными командировками, Я.Г. Блюмкин показал себя грамотным оперативником, хотя и склонным к авантюрам. Особенно ярко его организаторские способности и авантюристические наклонности проявились в Персии, где он фактически создал Компартию. В сентябре 1920 г. на съезде народов Востока в Баку, в котором приняли участие 2 000 делегатов из 30 стран, он был в составе иранской делегации;

2) он отличался мистическим интересом к Востоку и, зная иврит, выучил турецкий, арабский, китайский и монгольский языки;

3) в сентябре 1925 г. в соответствии с распоряжением председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского Я. Блюмкин был руководителем экспедиции в Тибет, в Лхасу, задача которой состояла в уточнении географических маршрутов, поиске «городов богов» с целью получения технологии ранее неизвестного оружия, а также революционной агитации и пропаганде;

4) в это же время готовилась экспедиция Н. Рериха в Тибет, которая должна была проследовать через Монголию и за которой нужен был догляд. Кроме того, советская разведка хотела использовать связи Н. Рериха для борьбы с влиянием англичан в Центральной Азии.

Я.Г. Блюмкин (Исаев, Макс, Владимиров – прототип главного героя романа Ю. Семенова «Бриллианты для диктатуры пролетариата») прибыл в Монголию в конце 1926 г. и был назначен представителем ОГПУ и Главным инструктором Государственной внутренней

охраны МНР. Поскольку ГВО обладала в Монголии огромным влиянием, а Яков Григорьевич должен был направлять ее на «правильный путь работы», то власть его была огромной, и он не смог с ней совладать. Он пробыл в Монголии с небольшими перерывами почти 8 месяцев, после чего ЦК МНРП и правительство МНР потребовали отозвать его в Москву. Уже тогда его отношения с монгольскими товарищами и советскими специалистами были очень напряженными. Работая в архиве ФСБ России по Республике Бурятия над материалом, опубликованном в еженедельнике «Совершенно секретно» [9], один из авторов данной статьи наткнулся на рапорт полпреда СССР в Монголии, бывшего премьера ДВР П.М. Никифорова о поведении Я.Г. Блюмкина в Монголии на новогоднем банкете 31 декабря 1926 г.: «...т. Блюмкин напился, обнимался со всеми, кричал безобразно, чем сильно дискредитировал себя перед монголами». Потом он подходил к портрету Ленина, смотрел на него, как на икону, отдавал ему пионерский салют. Его тошнило прямо перед портретом. При этом он говорил: «Ильич, гениальный вождь, прости меня! Я же не виноват! Виновата обстановка! Я же провожу твои идеи в жизнь!».

Что касается экспедиции Н. Рериха, то лично для Я.Г. Блюмкина наблюдение за ней не являлось работой особой важности. Судя по всему, он переложил ее на своих подчиненных. Большую часть времени, пока Рерих оставался в Монголии, Блюмкина там не было. Еще в начале 1927 г. он отправился с секретной миссией в Китай [10], где исполнял функции советника китайского генерала и будущего маршала Китайской республики Фэн Юйсяня, которому советская власть благоволила, снабжая деньгами и оружием, и вернулся в Монголию только в апреле, когда Рерих уже выехал из Улан-Батора. Кроме того, Я.Г. Блюмкин имел резидентские задания в Тибете, Внутренней Монголии и некоторых районах Китая, а также по заданию заместителя председателя ОГПУ М.А. Трилиссера занимался выявлением, регистрацией и высылкой из Монголии «бывших белых элементов», ибо большое количество белоэмигрантов в Монголии сильно беспокоило советские спецслужбы. Он способствовал усилению координации в деятельности ОГПУ и ВГО, периодически

проводил учебу монгольских контрразведчиков. Однако деятельность советских инструкторов никак не регламентировалась, что приводило к превышению их полномочий. Это вызывало справедливое недовольство со стороны руководства МНРП, и партийные функционеры открыто говорили на своих заседаниях, что буряты и русские используют ГВО для гонений на желтую веру. В 1925 г., еще до приезда Я. Блюмкина, в Улан-Баторе произошел громкий скандал: советский инструктор Нетупский по заданию М.А. Трилиссера попытался завербовать одного из руководителей ГВО. Назначая Я.Г. Блюмкина своим представителем в Монголии, советское руководство надеялось, что тому удастся наладить координацию ОГПУ и ГВО, укрепить дружеские отношения между спецслужбами и сделать работу «монгольских товарищей» более эффективной. Но Я. Блюмкина понесло, он почувствовал себя вершителем живой истории: начал «воспитывать» советских специалистов, распекал их по любому поводу в оскорбительной форме, не стеснясь в выражениях, вел себя высокомерно. Но в сравнении с «кафейной» жизнью в Москве уже не выхватывал пистолет и не стрелял из него. Хотя до сих пор гуляют неподтвержденные слухи о том, что гибель одного из руководителей партизанского движения в Сибири, военного советника в Монголии, руководителя партичейки П.Е. Щетинкина – дело рук Я. Блюмкина. На Блюмкина пошел поток жалоб в Центр по линии ОГПУ, полпреда, военной резидентуры...

Впоследствии, в 1929 г., в своих показаниях на Лубянке он подчеркивал, что вел себя «безупречно в сложной и гнилой обстановке монгольской работы, отстаивая подлинную, оправданную жизнью советскую линию, проводил большую партийную и чекистскую работу, не раз сознательно физически рискуя собою» [Там же. С. 223]. В апреле 1927 г. Я. Блюмкин был отозван в Москву, застав в столице последний всплеск партийной оппозиции.

Таков «еврейский след» в Монгольской революции, в истории которой не последнее место занимает и Я.Г. Блюмкин, и таково свидетельство общности судеб и общности революционной модели, которые мы рассматриваем через призму транснациональной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агалаков В.Т. Подвиг Центросибиря. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 152 с.
2. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) : в 2 ч. / авт.-сост. И.И. Кудрявцев, Б.В. Базаров, В.Б. Базаров, Л.В. Курас, С.М. Розенталь, В.Н. Шепелев; науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. I: 1919–1929. 527 с.; Ч. II: 1930–1934. 480 с.
3. Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. Ц.П. Ванчикова. Иркутск : Оттиск, 2017. 188 с.
4. Судоплатов П. Разведка и Кремль (записки нежелательного свидетеля) М. : Алгоритм, 2017. 478 с.
5. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байгууллагын түүхийн эхэн үе. 1922–1930. Түүхийн ухааны дэд докторын зэрэг горилсон диссертаци. УБ., 1999. 182 тал. [Тод Д. Первый период истории органов государственной безопасности Монголии. 1922–1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Батор, 1999. 182 с.].
6. Тепляков А.П. Интересное о Монголии. URL: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle...=1&isAllowed=y>
7. Рошин С.И. М.И. Амагаев: годы в Монголии // Восток. 1997. № 6. С. 43–52.
8. Муромов И. 100 великих авантюристов [Яков Блюмкин]. М. : Вече, 1999. С. 325–330.
9. Курас Л.В. Золотая лихорадка. Как ГПУ искало клад Унгерна // Совершенно секретно. 1997. № 5 (99).
10. Матонин Е.В. Яков Блюмкин: ошибка резидента. М. : Вече, 2016. 306 с. (ЖЗЛ).

Norovsambuu Khishigt, Institute of History and Ethnography of Mongolian academy of sciences (Ulan-Bator, Mongolia). E-mail: khishigt_58@yahoo.com

YAKOV BLUMKIN IN MONGOLIA

Keywords: Mongolian revolution 1921, the Mongolian People's Republic, Yakov Blumkin, State Internal Security of the MPR.

The purpose of article is to uncover the place and role of Russian revolutionists of Jewish descent in the victory of Mongolian revolution of 1921, as well as in the formation of security apparatus of the Mongolian People's Republic – the State Internal guard (SIS) of the MPR. Used sources can be divided into six groups: documents from the archives of security services that we have already introduced into scientific use; documents of the Comintern; the work by a Mongolian researcher in history of security services of Mongolia; memoirs of famous Soviet Chekist P. Sudoplatov; researches of Russian scientists in Mongolian studies; popular scientific literature. The analysis of the sources have revealed “Jewish trace” in the Mongolian revolution of 1921.

Modern Mongolian studies highlights the issue of Mongolian revolution considering it as one of the links of the revolutions in the beginning of XX c. such as the Russian revolution of 1905-1907, the Xinhai revolution 1911-1912, October revolution of 1917, Mongolian revolution of 1921. Moreover, the special attention is paid to transnational history of the Mongolian world. In this regard, it is uncontroversial that the Buryat nation takes place and role in national-state building of Mongolia.

Along with that, other ethnic groups, including the Jews, played significant role in Mongolian revolution and establishment of modern Mongolian state. Particularly, B.Z. Shumyatskiy is known as ideologist of the Mongolian People's revolution. He was the Chairman of the Cetrosibir, the head of Siberian Bolshevik underground during the Civil war, one of the former and leader of the Far Eastern Republic.

Also, the Russian revolutionists of the Jewish descent were pioneers of security services of the MPR. The former of foreign department in the Cheka A.M. Trilisser controlled the situation during and after the revolution in Mongolia. One of the formers and activists of the Cheka S.M. Spigelglas had stayed in Mongolia during three years since 1922. He had taken a lot of effort to form and manage the security services of the MPR, as well as for identification and disposal of foreign agents and inner counterrevolution.

Finally, a well-known terrorist, adventurer and revolutionist Ya.G. Blyumkin made many actions for establishment of the system of security services in Mongolia, for creation of agent system in Inner Mongolia, northern part of China and Tibet. Therefore, it is no coincidence that he participated in revolutionary actions in Russia, Iran and China. In addition, his activities as Chief Instructor of State internal security are still of special interest among the researchers in history of security services.

The authors concluded that: The Mongolian revolution of 1921 is a clear example of transnational history of the Mongolian world; “Jewish trace” is clearly traced as representation of real internationalism is visible in history of Mongolian revolution; Jewish people have played a significant role in the process of national-state building in the first ten years of the Mongolian People's Republic; Ya.G. Blyumkin has taken a certain place in the formation of security services.

REFERENCES

1. Agalakov, V.T. (1968) *Podvig Tsentrosibiri* [The Feat of the Central Executive Committee of Siberian Soviets]. Irkutsk: Vost. Sib. kn. izd-vo.
2. Bazarov, B.V. (ed.) (2012) *Mongoliya v dokumentakh Komintern (1919–1934)* [Mongolia in the documents of the Comintern (1919–1934)]. Ulan-Ude: SB RAS.
3. Kuras, L.V. (2017) *Panmongolizm kak proyavlenie etnichnosti mongol'skogo mira v pervoy chetverti XX veka* [Pan-Mongolism as a manifestation of the Mongolian world ethnicity in the first quarter of the twentieth century]. Irkutsk: Ottisk.
4. Sudoplatov, P. (2017) *Razvedka i Kreml' (zapiski nezheletel'nogo svidetelya)* [Intelligence and the Kremlin (notes of an undesirable witness)]. Moscow: Algoritm.
5. Tod, D. (1999) *Mongol ulsyn ayuulgyi baydlyg khangakh bayguullagyn tyikhiyn ekhen ye. 1922–1930* [The first period in the history of Mongolia state security bodies. 1922–1930]. History Cand. Diss. Ulan-Bator.
6. Teplyakov, A.P. (n.d.) *Interesnoe o Mongolii* [Interesting facts about Mongolia]. [Online] Available from: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/1&isAllowed=y>
7. Roshchin, S.I. (1997) M.I. Amagaev: gody v Mongolii [M.I. Amagayev: years in Mongolia]. *Vostok*. 6. pp. 43–52.
8. Muromov, I. (1999) *100 velikikh avanyuristov [Yakov Blyumkin]* [100 great adventurers [Yakov Blyumkin]]. Moscow: Veche. pp. 325–330.
9. Kuras, L.V. (1997) Zolotaya likhoradka. Kak GPU iskalo klad Ungerna [The Gold Fever. How the GPU was looking for Ungern's treasure]. *Sovershenno sekretno*. 5(99).
10. Matonin, E.V. (2016) *Yakov Blyumkin: oshibka rezidenta* [Yakov Blyumkin: a resident's mistake]. Moscow: Veche.

Е.В. Луков, В.В. Безгачева

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (1992–2018): ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-311-00287
«Политика переселения соотечественников, проживающих за рубежом, на территорию России
как механизм улучшения демографической ситуации в регионах Сибирского федерального округа».*

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников федерального и регионального уровня анализируется эволюция концептуальных основ политики по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации в 1990–2000-е гг. Представлены выводы о роли региональной субъектности в общегосударственном взаимодействии с зарубежными соотечественниками.

Ключевые слова: соотечественники; миграция; регионоведение; государственная политика; региональная политика; поддержка соотечественников, проживающих за рубежом.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. в общественно-политическом дискурсе России появляется категория «соотечественники». До официального закрепления в 1999 г. на нормативном, институциональном и практическом уровнях были обозначены два основных направления государственной политики в отношении соотечественников: взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом (в рамках внешней политики), и прибывающими на территорию России (в рамках миграционной политики).

Как отечественными, так и зарубежными исследователями отмечается инструментальный характер российской политики в отношении соотечественников [1–4]. Речь идет об использовании дискурса о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, а также их ресурсов (социально-экономических, демографических, интеллектуальных и др.) для обеспечения интересов российского государства. Широка направлений взаимодействия обеспечивается рассмотрением соотечественников как фактора национальной безопасности государства с точки зрения внешнеполитических и внутривнутриполитических задач [5]. Этому подчинено и установление широких границ в обозначении категории соотечественников как объекта государственной политики в попытках удовлетворить интересы разных субъектов – «ученых, политиков, юристов, представителей государственных структур» [6. С. 10] – при преобладающей роли федерального центра. Вопросы юридического разграничения полномочий органов власти Российской Федерации и ее субъектов рассматриваются в статье Г. Андреевой, которая отмечает, что несмотря на то, что в Конституции РФ не урегулированы сферы деятельности в отношении соотечественников, имплицитно их поддержка может входить в круг международных и внешних связей субъектов [7], что можно видеть на практическом уровне [8].

Проблема и актуальность исследования связаны с разрывом между федеральным и региональным дис-

курсивным и инструментальным подходами к соотечественникам и политике в отношении к ним. Дискурс о необходимости поддержки соотечественников и концепции «Русского мира» в большей степени имеет значение для федерального центра, регионы же в своей деятельности руководствуются более прагматичными принципами с точки зрения региональной повестки. В условиях утверждения российских регионов после распада СССР как политических сообществ и акторов политического процесса [9] представляется необходимым учет регионального аспекта при разработке государственных стратегических приоритетов с точки зрения региональной самостоятельности (субъектности). Реализация Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на территорию России на практическом уровне показала разные подходы федерального центра и регионов к концепции стимулирования возвращения соотечественников. Целью исследования является выявление роли российских регионов как субъектов реализации политики по поддержке соотечественников в стратегических приоритетах современной России.

Еще до распада СССР были определены первоочередные задачи, связанные с необходимостью формирования законодательной базы, созданием компетентного органа для организации работы в сфере изучения и прогнозирования миграционной ситуации, финансовым обеспечением его функционирования [10, 11]. Несмотря на использование термина «соотечественник» в отношении лиц, проживающих за пределами РСФСР [12], в миграционной политике еще до принятия законов «О беженцах» [13] и «О вынужденных переселенцах» [14] утвердился подход, при котором переселение соотечественников рассматривалось в контексте вынужденной миграции, а не репатриации (несмотря на то, что неофициально в отношении миграционных процессов на бывшем советском пространстве использовалось

понятие «стихийная репатриация» [15]). До принятия первой миграционной программы [16] и упомянутых выше законов правовую основу регулирования миграционных процессов в данном направлении составляли распоряжения и постановления органов власти [12, 17], в том числе – по каждому конкретному случаю присвоения соответствующего статуса [18]. После принятия федеральных законов в основу статусного различия был заложен гражданский принцип (беженцем могло быть признано лицо, не являющееся гражданином РФ), а также наличие факторов, подтверждающих вынужденный характер миграции.

Принятые меры в сфере миграции носили ситуативный характер ответа на интенсификацию миграционных процессов с конца 1980-х гг., когда в России появились первые беженцы. Рассматривая же поддержку соотечественников как направление внешнеполитической деятельности государства, следует признать ее инструментальный характер с точки зрения сохранения единого пространства на территории бывшего СССР. В частности, в этом же контексте оценивается идея нового союзного договора и создания института двойного гражданства, который теоретически мог снизить миграционную нагрузку на Российскую Федерацию. В первой Концепции внешней политики России (23.04.1993) [19] соотечественники не были выделены в качестве объекта или механизма государственной политики, что позволяет предположить отсутствие концептуальных предпосылок выделения данного направления внешней политики в этот период, в том числе в связи с обозначенными выше инициативами. Таким образом, принятие в 1994 г. «Основных направлений государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом», а в 1996 г. – Программы мер по поддержке соотечественников за рубежом на стратегическом уровне отображали задачи, во-первых, «предотвращения массового исхода» [20] из бывших союзных республик в условиях невозможности реализации обозначенных выше механизмов [3] (в большей степени из-за позиции правительств новых суверенных государств; в этом контексте в федеральной миграционной программе 1994 г. расширение связей и сотрудничества с соотечественниками определялось в качестве меры организации управления миграционными процессами [21]), во-вторых, интеграции соотечественников в странах проживания при укреплении связей с Россией (в том числе, через возможность «переезда на историческую родину» [22]). Исследователи отмечают смещение взаимодействия с соотечественниками из миграционной плоскости в культурно-образовательную [23. С. 15], при этом, как было отмечено выше, миграционное направление носило реакционный характер и не отражало ни ресурсного, ни репатриационного подхода.

На этом этапе регионам преимущественно отводилась роль территорий вселения без субъектного характера деятельности (к компетенции местных органов управления было отнесено содействие в размещении переселенцев, в том числе проведение медицинского освидетельствования и предоставление прав приобретения жилой площади, анализ возможностей предо-

ставления земельных участков и т.д.) [16]. В этом контексте можно говорить о запаздывающем характере законодательных решений и фактическом закреплении уже имеющихся практик. Исследователи отмечают случаи прямого нарушения Конституции РФ в сфере права свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства, налогообложения на компенсацию затрат социально-культурной инфраструктуры и других прав [24. С. 162]. Это позволяет говорить также и о наличии вынужденной субъектности регионов, обусловленной не только пробелами в федеральном законодательстве, но и необходимостью оперативного реагирования на меняющуюся миграционную ситуацию. В миграционных программах 1994, 1996 и 1998 гг. был закреплён основной механизм региональной деятельности в сфере миграции – региональные и межрегиональные миграционные программы. Перед центральными органами власти ставилась задача координации работы с органами власти субъектов по вопросам миграционной политики. Финансирование реализации региональных миграционных программ проходило на паритетной основе по заявкам территориальных органов [25], причем предполагалась наибольшая нагрузка на федеральный бюджет, однако реально деньги поступали с значительным опозданием и в меньших объемах. Несмотря на это, регионы накопили определенный опыт практической реализации взаимодействия с соотечественниками в миграционном направлении. В области же внешнего взаимодействия полномочия регионов не были четко определены, предполагаемые мероприятия, в которых планировалось участие регионов (создание в крупных центрах России региональных обществ по связям с соотечественниками [20]; организация летнего отдыха детей из социально неблагополучных семей [26]), носили единичный характер, что в значительной степени объяснялось отсутствием достаточной финансовой базы и механизмов реализации. Лидерами среди субъектов, осуществлявших деятельность по поддержке соотечественников, являлись Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область и Республика Татарстан, в отношении которых можно говорить о систематической деятельности в данном направлении. Однако и в других регионах (прежде всего, приграничных) имели место подобные практики. Так, в Алтайском крае в 1997 г. был создан Совет по связям с соотечественниками, проживающими в приграничных с Алтайским краем областях Республики Казахстан, который содействовал в том числе поступлению выпускников школ Восточного Казахстана в вузы Барнаула, проведению культурно-творческих мероприятий [27].

К середине 1990-х гг. можно отнести формирование ресурсного подхода к соотечественникам на стратегическом уровне, связанного в первую очередь с интеграционным потенциалом на территории бывшего СССР [28]. В 1996 г. поддержка соотечественников была обозначена в качестве одного из основных принципов государственной национальной политики (прежде всего, по вопросам обеспечения развития связей с Россией в странах проживания, сохранения и развития языка, культуры, традиций) [29]. В контексте же миграцион-

ной ситуации в условиях отсутствия репатриационного подхода сокращение общего миграционного притока из постсоветских республик во второй половине 1990-х гг., а в особенности в начале 2000-х гг., хоть и снизило нагрузку на федеральные и региональные органы власти, но долгосрочный характер вопросов взаимодействия с переселенцами, сохраняющими свой статус в течение нескольких лет, по-прежнему обуславливал остроту миграционной ситуации. В данный период миграция на концептуальном уровне стала тесно связываться с вопросами национальной безопасности [30], что определило ограничительный характер миграционной политики [31]. В этом ключе характерно, что в федеральном законе 1999 г. миграционное направление не рассматривается в качестве механизма поддержки зарубежных соотечественников [32]. Концепция регулирования миграционных процессов 2003 г. была направлена, прежде всего, на борьбу с незаконной миграцией [33]; в отношении соотечественников речь шла об обеспечении приоритета при осуществлении трудовой, учебной деятельности на территории России и реализации инвестиционных проектов, однако реальных механизмов для его формирования не было. Отсутствие дифференцированного подхода, нашедшее отражение в новой законодательной базе начала 2000-х гг. (федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и др.), разрыв между реальной и декларативной миграционной политикой [24] при структурных изменениях миграционного притока в Россию обусловили концептуальное рассмотрение вопросов миграции соотечественников в контексте национальной безопасности, а не инструментального подхода. В отношении регионов во второй половине 1990-х гг. была проведена работа по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, выстроена жесткая вертикаль организационного подчинения. В этих условиях следует согласиться с исследователями, характеризующими региональную миграционную политику как комплекс мер (практик), принимаемых региональными властями в рамках федеральной миграционной политики [31].

Федеральный закон 1999 г. определил полномочия регионов в сфере взаимодействия с зарубежными соотечественниками; к ним были отнесены участие в разработке основ государственной политики РФ и федерального законодательства, формирование регионального законодательства, а также деятельность по проведению политики в данной области (через реализацию федеральных и региональных программ) [32]. Кроме того, субъекты становились источниками финансирования политики в данной области. Таким образом, на законодательном уровне были определены достаточно широкие границы региональной субъектности по поддержке зарубежных соотечественников. В законодательстве отсутствовало четкое разграничение компетенций по направлениям данной поддержки для федерального центра и российских субъектов. Регионы могут выступать исполнителями федеральных

программ по работе с соотечественниками, разрабатывать собственные программы и проводить мероприятия по всем направлениям. Директор Департамента по работе с соотечественниками МИД РФ А.В. Чепурин в 2008 г. заявлял, что возможности субъектов целесообразнее задействовать «на решении гуманитарных проблем, развитии молодежных, спортивных связей, обменах художественными коллективами, бизнес-сотрудничестве и т.д.» [34]. Также отмечалось, что эффективным в условиях небольшого регионального бюджета на взаимодействие с соотечественниками может быть наличие у региона двух-трех стран сотрудничества или отдельных областей крупных государств. На практическом же уровне, как и в первой половине 1990-х гг., лишь некоторые регионы осуществляли систематическое взаимодействие с соотечественниками за рубежом и их организациями; региональные практики, как правило, реализовывались в рамках иных направлений политики [35].

Повышение субъектности регионов было частично обеспечено рассмотрением их как дополнительного источника финансового обеспечения политики по поддержке соотечественников, в чем не были заинтересованы региональные власти (в частности, дискурс «мягкой силы» преимущественно отображает интересы федерального центра, а не регионов). Исследователи отмечают зависимость масштабов региональной активности в данной сфере от географического положения, финансовых и организационных ресурсов, наличия опыта по приему и обустройству переселенцев, состояния межнациональных отношений, количественных и качественных показателей диаспоры (необходимость защиты и заинтересованность в сохранении связей с Россией) [8. С. 54]. Во второй половине 1990-х гг., а в особенности в 2000-х гг. можно говорить о расширении географии взаимодействия российских регионов со странами проживания соотечественников (не только с приграничными государствами и государствами постсоветского пространства, но и со странами традиционного зарубежья вне зависимости от наличия общих границ), однако преимущественно региональная субъектность выражалась совокупностью региональных практик (за исключением отмеченных выше регионов).

Как было отмечено выше, во второй половине 1990-х гг. взаимодействие с соотечественниками было отнесено к приоритетам национальной политики. Этот вектор в отношении внешнеполитического направления деятельности в данной сфере был продолжен в 2000-е гг.: в Концепции внешней политики РФ 2000 г. защита прав российских граждан за рубежом и соотечественников обозначена в качестве одного из приоритетов международной деятельности государства [36]. Исследователями отмечается потенциал политики по поддержке соотечественников как механизма формирования имиджа России за ее пределами [37], что вписывается в концепцию «мягкой силы». С другой стороны, имиджу страны способствует интенсивный миграционный приток из-за рубежа [38]. Речь идет прежде всего о добровольной миграции вне «шоковой» ситуации и стимулирующей, а не реакционной государственной политике. В условиях отсутствия

дифференцированного подхода в начале 2000-х гг. и рассмотрения миграции преимущественно в контексте национальной безопасности данный стратегический вектор не был использован на государственном уровне. Между тем уже в первой концепции демографического развития России 2001 г. признавалось, что главенствующее влияние на демографическую ситуацию в стране оказывает внешняя иммиграция на постсоветском пространстве [39]. В Концепции поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе (2001 г.) в качестве одного из направлений поддержки соотечественников отмечается «обеспечение прав на свободу передвижения, переселения в Россию на добровольной основе или в силу чрезвычайных обстоятельств», в том числе с учетом демографических, социально-экономических условий и потребностей регионов [40].

Несмотря на то, что в концепциях 2001 и 2007 гг. миграции уделено меньшее внимание, чем мерам по стимулированию естественного прироста населения [41], обратим внимание, с одной стороны, на определение в качестве приоритета привлечения иммигрантов из стран СНГ и Балтии, с другой – на создание условий для возвращения эмигрантов, являющихся высококвалифицированными специалистами. В документах четко прослеживается тесная связь демографического и социально-экономического развития страны. В концепции демографического развития 2001 г. отмечается необходимость регулирования миграционных потоков в интересах социально-экономического развития и замещения естественной убыли населения [39]. Практически в том же ключе данные положения перешли и в концепцию 2007 г., утвердившую необходимость комплексных мер регулирования демографической ситуации в стране в сфере рождаемости, смертности и миграции [42]. В этом контексте в качестве одного из приоритетных механизмов реализации декларируются переселение соотечественников и стимулирование возвращения эмигрантов, привлечение иностранных специалистов и молодежи, прежде всего из СНГ и Балтии.

Для организации переселения соотечественников была разработана Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Исследователями отмечается, что на фоне общей миграционной политики рассмотрение миграционного потенциала постсоветского пространства как ресурса для внутреннего развития страны «оказывалось довольно революционной новацией» [23. С. 18]. Как отмечалось выше, ресурсный подход проявлялся еще в первых документах о государственной политике в отношении соотечественников, с принятием же программы можно говорить о формировании такого механизма, объектом которого концептуально становятся соотечественники как категория (здесь необходимо иметь в виду возможности лиц, попадающих под категорию соотечественников, прибыть на территорию России в рамках иных миграционных механизмов и тот факт, что на практике программа не является основным из данных механизмов).

Концепция программы была тесно связана как с Концепцией демографической политики 2007 г., так и

с Концепцией социально-экономического развития 2008 г. [43]. В документах сделан акцент на необходимость дифференцированного подхода к миграционной политике в интересах России в целом и ее регионов. В отношении регионов речь идет прежде всего о геополитически важных территориях с миграционным оттоком населения [42]. К территориям приоритетного развития также отнесены регионы Сибири и Дальнего Востока. Из 12 пилотных регионов-участников программы переселения 6 регионов входили в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (в 2013 г. в соответствии с новой редакцией программы только регионы указанных округов стали территориями приоритетного заселения).

Роль миграции в социально-экономическом развитии рассматривалась не только с точки зрения формирования рынка труда в конкретных регионах, но и оптимизации миграционных процессов с формированием общего рынка труда «в рамках интеграционного процесса евразийского пространства» [43]. Таким образом, концептуально переселение соотечественников выходит за рамки решения непосредственно социально-экономических и демографических проблем регионов. Исследователями отмечается в том числе и символический характер программы как элемента взаимодействия с соотечественниками, когда в большей степени имеет значение само наличие программы, нежели ее результаты [23]. Справедливо указывается, что в сравнении с первоначальными плановыми показателями и возлагавшимися на программу ожиданиями ее реальные итоги приходится признать неудовлетворительными. Между тем еще на первых этапах ее реализации научное сообщество отмечало ошибки при расчете миграционного потенциала соотечественников [38], однако и на государственном уровне, и в особенности в средствах массовой информации широко транслировалось, что программа не работает по причине срыва заявленных показателей.

В данном контексте необходимо учитывать общую логику формирования процессов добровольной миграции: при отсутствии «шоковой» ситуации 1990-х гг. переселение соотечественников вписывается в миграционные тенденции в стране, обуславливаемые миграционной привлекательностью регионов. В этой связи ожидание массового притока в регионы со стабильным оттоком населения и оценка программы как механизма замещения миграционной убыли представляются нецелесообразными. На примере регионов Сибирского федерального округа можно сделать вывод, что количественные показатели программы коррелируют с общей миграционной ситуацией в каждом из них (в частности, с привлекательностью для миграции из-за рубежа). Исключение составляет Омская область, характеризующаяся стабильной миграционной убылью населения, но входящая в число сибирских регионов-лидеров по количеству участников программы, однако это объясняется прежде всего ее приграничным положением и обусловленной этим привлекательностью для транграничных мигрантов.

Формат региональных программ, с одной стороны, обуславливает региональную субъектность при реали-

зации политики переселения соотечественников через корректировку типовой программы с учетом региональных интересов. С другой стороны, возникает вопрос о концептуальных подходах к переселению на федеральном и региональном уровнях. В частности, речь идет о незначительности «символического» контекста программы для региональной повестки [23]. С прагматической же точки зрения региональные программы представляются более рациональными в контексте реальной ситуации в регионе, что недооценивается федеральным центром, в особенности в первые годы реализации программы. Так, на первом этапе разработки региональной программы в Новосибирской области было предложено несколько проектов, при этом преимущество отдавалось привлечению молодежи из числа соотечественников для обучения в вузах области. Федеральным же центром был одобрен проект «Столица Сибири», направленный на привлечение высококвалифицированных специалистов, в частности в технопарк Академгородка. «Студенческий» аспект стал реализовываться региональными властями в дополнение к основной программе. Подобный вывод можно сделать и в отношении плановых показателей: в первых программах из трех «пилотных» сибирских регионов (Новосибирская и Иркутская области, Красноярский край) достичь заявленных показателей удалось лишь Новосибирской области, что можно связать не только с миграционной привлекательностью (наряду с Красноярским краем), но и с близким расположением относительно основных стран проживания соотечественников-переселенцев (показатели Красноярского края были достигнуты лишь на 9%). Однако несмотря на то, что в сравнении с иными направлениями миграционной политики переселение соотечественников в наибольшей степени предусматривает возможности для региональной субъектности, она носит характер региональных практик, а не стратегической компоненты. В частности, реализация программы слабо связана со стратегиями развития регионов, акторами которых являются не только региональные органы власти, но и иные субъекты.

Практически одновременно с Государственной программой переселения были приняты такие документы, как Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006–2008 гг.» (последующие программы – 2009–2011, 2012–2014, 2015–2017 гг.) и федеральная целевая программа «Русский язык 2006–2010» (после окончания срока действия предшествующей программы на 2002–2005 гг.). В документах отражен комплекс мероприятий по разным направлениям поддержки соотечественников с распределением ответственных исполнителей на федеральном и региональном уровнях. Обращают на себя внимание широкие рамки мероприятий, предусматривающих региональный уровень реализации, не только в сфере культуры, образования, информационного обеспечения, но и защиты прав и свобод соотечественников, совершенствования законодательства. В законодательстве отсутствует четкое разграничение компетенций по деятельности в каждом из обозначенных выше направлений для федерального центра и российских субъектов. Регионы могут высту-

пать исполнителями федеральных программ работы с соотечественниками, разрабатывать собственные программы и проводить мероприятия по всем направлениям. Говоря о систематическом характере, следует обозначить миграционное направление как основное для российских регионов. На внешнеполитическом направлении реализация взаимодействия осуществляется либо на основе региональных целевых программ, либо (в большинстве регионов) в рамках целевых программ в области культуры, социальной сферы, образования и т.д. В связи с этим внесение изменений в федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в 2004 г. в сторону ограничения роли субъектов в реализации данной политики, в том числе прав финансирования деятельности по поддержке соотечественников из региональных бюджетов, не оказало существенного влияния на региональные практики, а после разработки Государственной программы содействия переселению соотечественников потеряло практический смысл (прежние положения федерального закона были возвращены в 2010 г.; подробно данный сюжет анализируется в статье Г. Андреевой [7]).

Несмотря на расширение инструментального подхода в отношении соотечественников после принятия программы переселения, на концептуальном уровне соотечественники напрямую не фигурировали в качестве фактора обеспечения национальной безопасности страны. Так, в Стратегии национальной безопасности 2009 г. использована более узкая конструкция при обозначении главных направлений политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности – «российские граждане за рубежом» [44], в отношении миграционного направления акцент сделан на регулирование трудовой и противодействие нелегальной миграции [45]. В последующих документах фокус смещается на качественные характеристики мигрантов в связи не только непосредственно с социально-экономическим и демографическим направлениями, но и со снижением уровня образования, знания русского языка, профессиональной подготовки у «нового поколения» мигрантов из стран СНГ [46], которые составляют наибольшую долю в общем миграционном притоке.

В Концепции государственной миграционной политики, принятой в 2012 г., в качестве негативной характеристики миграционного законодательства отмечалась ориентация на временное привлечение иностранных работников [46]. Принятая в том же году Стратегия государственной национальной политики после пяти лет реализации программы фиксировала недостаточный уровень урегулирования миграционных процессов в интересах России, а также нерешенность проблем беженцев и вынужденных переселенцев [47]. С учетом данной оценки в 2013 г. была принята новая редакция программы, которая расширила перечень категорий возможных участников (студенты, обучающиеся в российских вузах, предприниматели и т.д.), также был совершен отход от утверждения заявлений «под рабочие места». Несмотря на то, что в этой редакции не был упразднен ряд организационных элементов, под-

вергавшихся критике со стороны научного, экспертного сообществ и самих переселенцев (в частности, трактовка постоянного проживания как наличия регистрации по месту жительства [48]), можно говорить о значительном качественном улучшении программы с точки зрения механизма поддержки соотечественников.

На внешнеполитическом направлении в качестве угрозы рассматривается снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания, в том числе за рубежом [49]. Это оказывает влияние, с одной стороны, на адаптивность миграционных потоков, с другой – на уровень консолидации зарубежных соотечественников и их организаций. В данном контексте культура выступает с точки зрения направления обеспечения национальной безопасности и противодействия утрате идентичности российских граждан за рубежом [50], что также отражено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г [51].

Обращает на себя внимание приоритет роли молодежи из числа соотечественников в стратегических документах. Так, в Основах государственной молодежной политики соотечественники рассматриваются наряду с молодежью – гражданами России [52], что объясняется наибольшим потенциалом данной категории в возможном содействии реализации государственных интересов. В редакции Госпрограммы 2013 г. особая роль также принадлежит привлечению молодежи, в том числе для обучения в российских учебных заведениях.

Отдельно следует обозначить место, отведенное соотечественникам в Концепциях внешней политики 2013 и в особенности 2016 г. В документах подчеркивается место соотечественников в государственной политике не только как объекта, но и как партнера [53], вносящего значительный вклад в сохранение русского языка и русской культуры [54]. Этот вектор напрямую нашел отражение в Комплексном плане основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2018–2020 годы [55]. Эксперты справедливо отмечают расширение стратегического «использования» соотечественников в качестве инструмента «мягкой силы» [56]. В концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом данная деятельность связывается, во-первых, с целями сохранения «этнокультурной и языковой идентичности соотечественников», во-вторых, отмечается в качестве фактора, позволяющего «активизировать использование инструментов “мягкой силы” на международной арене» [57]. В данном контексте можно говорить о преодолении разрыва на стратегическом уровне между миграционным и внешнеполитическим направлением взаимодействия с соотечественниками и с точки зрения объединения их потенциала с государственными интересами.

В последнее десятилетие наблюдается тенденция сближения на государственном уровне вопросов социально-экономического и пространственного развития. Ключевыми документами являются Стратегия научно-технологического развития 2016 г. и Стратегия пространственного развития 2019 г. Особое внимание

уделено прежде всего вопросам кадров и человеческого капитала, а также сотрудничеству и интеграции на международном и межрегиональном уровнях. Несмотря на то, что в первом документе соотечественники не выступают в качестве отдельного объекта реализации, практики взаимодействия в сфере науки имеют большое значение на современном этапе. На международном уровне высококвалифицированная эмиграция уже не воспринимается как полная потеря человеческого капитала [58]. Если в 1990-е гг. стратегическим приоритетом являлось предотвращение научной эмиграции, то в 2000-е гг. – приток высококвалифицированных специалистов [59]. В этом контексте речь идет о формировании механизмов взаимодействия с эмигрантами, в том числе в научной сфере. В числе таких механизмов исследователи называют программу мегагрантов, привлечение ученых-соотечественников к экспертизе научных проектов, программы обучения, повышения квалификации [60] и др.

С точки зрения пространственного развития в качестве угрозы определяется дисбаланс в региональном развитии российских субъектов, в том числе миграционный отток из стратегически важных регионов [61]. В этой связи вероятное сокращение миграционного притока из стран СНГ рассматривается как фактор, способный уже в ближайшее время оказать негативное воздействие на социально-экономическое и демографическое развитие ряда территорий. При этом в новой редакции Стратегии государственной национальной политики 2018 г. как угроза национальной безопасности отмечен отток русского и русскоязычного населения с Кавказа, из Сибири и с Дальнего Востока [62]. В 2008 г. Росстат был вынужден прекратить публикацию статистики по национальности, что связывается исследователями с сокращением доли русских и коренных народов России [41]. Теперь же этот факт официально признан на стратегическом уровне. В данном контексте переселение соотечественников следует рассматривать в качестве одного из механизмов преодоления вышеуказанных тенденций. В конце 2018 г. были внесены изменения в программу переселения с точки зрения упрощения условий участия, что можно связать с формированием нового вектора политики, в том числе в области пространственного развития.

Таким образом, интенсификация деятельности регионов в качестве субъектов реализации политики по поддержке соотечественников в 1990-е гг. была обусловлена разрывом между федеральным и региональным законодательством, а также декларируемой и реальной политикой, что приводило к складыванию региональных практик, нередко противоречащих федеральным законам. Формирование инструментального подхода в отношении соотечественников можно отнести к середине 1990-х гг., имея в виду внешнеполитическое направление интеграционного процесса на территориях бывшего СССР. В области миграции региональная субъектность носила реакционный характер, в первых федеральных документах отражалась роль регионов как территорий вселения, обеспечивающих прием и размещение вынужденных мигрантов, а не субъектов миграционной политики. Последующие же документы

фактически закрепляли уже сложившиеся практики, обусловившие региональную субъектность в разрыв с федеральным законодательством. При этом взаимодействие с соотечественниками за пределами России имело большее стратегическое значение для федерального центра, а на региональном уровне оно носило несистемный характер (как с точки зрения вовлеченности регионов, так и практик реализации).

2000-е гг. стали периодом расширения инструментального подхода со стороны федерального центра не только к соотечественникам как объекту политики, но и к регионам как механизмам ресурсного обеспечения достижения государственных интересов на внешне- и внутриполитическом направлениях. Взаимодействие с соотечественниками рассматривается в контексте совокупности разных направлений внешней и внутренней государственной политики. Это позволило, с одной стороны, обеспечить более комплексный подход к осознанию роли и перспектив взаимодействия с соотечественниками, с другой – выработать реальные его механизмы в контексте межведомственной работы. На внешнеполитическом направлении государством предусматривается широкое привлечение регионов к деятельности по поддержке соотечественников в каче-

стве субъектов, что должно способствовать как качественному расширению форм взаимодействия, так и формированию более устойчивых («точечных») связей (прежде всего, за счет приграничных регионов). Однако, несмотря на достаточно широкие границы региональной субъектности по направлениям поддержки, предусмотренным федеральным законодательством, следует отметить недостаточный учет региональных интересов на стратегическом уровне, в частности в контексте стратегических приоритетов регионального развития, что в особенности проявляется при реализации программы переселения соотечественников.

В последние годы на концептуальном уровне отмечается тенденция к актуализации вопросов пространственного развития в контексте укрепления национальной безопасности. В этой связи широта направлений взаимодействия с соотечественниками в контексте обеспечения государственных интересов при обозначенном выше рассмотрении регионов в качестве субъектов политики по поддержке соотечественников позволяет предположить со стороны федерального центра интенсификацию использования потенциала соотечественников регионами, прежде всего в миграционном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chawryło K. A new concept of migration policy in Russia. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2012-06-20/a-new-concept-migration-policy-russia>
2. Byford A. The Russian Diaspora in International Relations: 'Compatriots' in Britain // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, is. 4.
3. Зевелев И. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // *Россия в глобальной политике*. 2008. Т. 6, № 1.
4. Котбашян Т. Защита соотечественников за пределами Российской Федерации. URL: <http://www.pandia.org/text/77/340/35078.php>
5. Вышеславов В.В. Соотечественники, проживающие за рубежом, как фактор национальной безопасности современной России : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
6. Баранов Ю.А. Политика Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
7. Андреева Г. О разграничении полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам поддержки соотечественников за рубежом. URL: <http://www.materick.ru/index.php?bulid=89&bulsectionid=7969§ion=analitics>
8. Скринник В.М. Политика России в отношении соотечественников за рубежом: общегосударственный и региональный уровни : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
9. Володин А.В. О политической субъектности регионов Российской Федерации // *Власть*. 2012. № 6.
10. О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам : постановление Совета министров РСФСР от 22.11.1990 № 539. URL: <https://www.lawmix.ru/sssrf/2288>
11. О дополнительных мерах по оказанию помощи в размещении беженцев, прибывающих в РСФСР : постановление Совета министров РСФСР от 19.07.1990 № 257. URL: <https://www.lawmix.ru/sssrf/3076>
12. Об организации работы по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам : распоряжение Президента РСФСР от 14.12.1991 № 123-рп. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901606545>
13. О беженцах : федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1. URL: <http://base.garant.ru/10105682/#ixzz4eZs9rybp>
14. О вынужденных переселенцах : закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1. URL: <http://base.garant.ru/10105693/#ixzz4eZsUp9Ae>
15. Письмо заместителя министра по делам национальностей и региональной политики Х.Х. Бокова первому заместителю министра иностранных дел И.С. Иванову от 25.08.1994 № 06/3-1812 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10121. Оп. 2. Д. 37. Л. 51.
16. Миграция : республиканская долговременная программа от 18.05.1992. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901608017>
17. О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам : постановление Правительства РФ от 03.03.1992 № 135. URL: <https://www.lawmix.ru/zkrf/42699>
18. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М., 2016.
19. Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002 : хрестоматия*. М., 2002. Т. 4.
20. Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом от 31.08.1994. URL: <http://zatulin.ru/institute/wbook/201.shtml>
21. Федеральная миграционная программа от 09.08.1994. URL: <http://base.garant.ru/186359/>
22. Программа мер по поддержке соотечественников за рубежом от 17.05.1996. URL: <http://zatulin.ru/institute/wbook/201.shtml>
23. Соотечественники и историческая родина: взаимные дискурсы и практики: монография / под ред. Н.Г. Галеткиной, К.В. Григоричева. Иркутск, 2014.
24. Мукомель В.И. Миграционная политика России : постсоветские контексты / Ин-т социологии РАН. М., 2005.
25. Письмо Федеральной миграционной службы в Министерство РФ по сотрудничеству с государствами – участниками СНГ от 03.07.97 № Пр/351 // ГАРФ. Ф. 10096. О. 2. Д. 655. Л. 62.
26. О мерах по поддержке соотечественников за рубежом : постановление Правительства Российской Федерации от 31.08.1994 № 1064. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106359/
27. О Совете по связям с соотечественниками, проживающими с приграничных с Алтайским краем областях Республики Казахстан : постановление Алтайского краевого законодательного собрания от 04.11.1997 № 362. URL: <http://docs.cntd.ru/document/940701832>

28. Об укреплении Российского государства : послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html
29. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации от 15.06.1996. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>
30. Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 17.12.1997. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>
31. Дятлов В., Григоричев К., Гуль Н. и др. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.
32. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ. URL: base.garant.ru/12115694/#5
33. Воронина Н.А. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации (тезисы доклада). URL: <http://www.igpran.ru/public/VoroninaThesises.pdf>
34. Вклад регионов в налаживание связей с зарубежным Русским миром. URL: http://ricolor.org/rus/rus_mir/sootchestvenniki/2/
35. Филиппов В.И. Переселение российских соотечественников из постсоветских государств: политико-правовой анализ : дис. ... канд. полит. Бишкек, 2011.
36. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28.06.2000 // Рос. газ. 2000. 11 июля. № 133.
37. Грачев С.И., Герцун А.А. Роль соотечественников, проживающих за рубежом, в формировании имиджа России // KANT. 2012. № 3 (6).
38. Кириллова Е.К. Государственная программа по переселению соотечественников: преемственность и некоторые итоги // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2009. № 7.
39. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года от 24.09.2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901797442>
40. Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе от 30.08.2001. URL: <http://sngcom.ru/key-issues/compatriots/conception.html>
41. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Реализация концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения // Социологические исследования. 2016. № 6.
42. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года от 09.10.2007. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html>
43. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года от 17.11.2008. URL: <https://www.lawmix.ru/prof/3297>
44. Zakem V., Saunders P., Antoun D. Mobilizing Compatriots: Russia's Strategy, Tactics, and Influence in the Former Soviet Union. CNA, 2015.
45. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года от 13.05.2009. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>
46. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 13.06.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>
47. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 19.12.2012. URL: <https://www.lawmix.ru/prof/93499>
48. Нашатырева Е.С. Проблемы приобретения гражданства бывшими соотечественниками и пути их решения // Конституционные чтения. 2006. № 5.
49. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года от 29.02.2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/
50. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации от 01.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>
51. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31.12.2015. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
52. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации от 29.11.2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/
53. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/
54. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248
55. Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2018–2020 годы. URL: https://www.mid.ru/activity/compatriots/commission/-/asset_publisher/ic6G4m61ZGUP/content/id/3208269
56. Бурлинова Н. Концепция внешней политики 2016 и «мягкая сила» России. URL: <http://www.picreadi.ru/koncepciya-vneshney-politiki-2016-i-myagkaya/>
57. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом от 03.11.2015. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50644>
58. Вартанян А.А. Укрепление связей с диаспорой и привлечение бывших соотечественников как ключевые инструменты государственного регулирования международной трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2018. Т. 3, № 4.
59. Дежина И.Г. Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками // Экономика і прогнозування. 2012. № 2.
60. Турко Т.И. Сотрудничество с учеными-соотечественниками, работающими за рубежом // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2015. № 2 (15).
61. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года от 13.02.2019. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/>
62. О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 : указ Президента РФ от 07.12.2018. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/59348/>

Evgeniy V. Lukov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lev74@mail2000.ru

Veronika V. Bezgacheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikabezgacheva@mail.ru

COMPATRIOTS IN THE STRATEGIC PRIORITIES OF MODERN RUSSIA (1992–2018): FEDERAL AND REGIONAL ASPECT

Keywords: compatriots, migration, regional studies, government politics, regional politics, support for compatriots living abroad.

The article analyzes the evolution of the conceptual foundations of Russian policy to support compatriots living abroad in terms of the strategic priorities of the state after the collapse of the Soviet Union. The problem and relevance of the study are related to the gap between the federal and regional discursive and instrumental approach to compatriots and the policy in relation to them. The discourse on the need to support compatriots and the concept of the “Russian World” is more important for the federal center, while the regions are guided by more pragmatic principles from the point of view of the regional agenda. The aim of the study is to identify the role of Russian regions as subjects of the implementation of policies to support compatriots in the strategic priorities of modern Russia. The source base of the study was archival and published documents at the federal and regional levels. Based on a comparative analysis, the factors of the formation of regional subjectivity in the field of support for compatriots living abroad in the 1990s and 2000s were identified. Intensification of the activities of regions as subjects of the implementation of policies to support compatriots in the 1990s was due to the gap between federal and regional legislation, as well as declared and real policies. In the field of migration, regional

subjectivity was of a reactionary nature, and both at a practical and conceptual level was more systematic. Interaction with compatriots outside of Russia was of greater strategic importance for the federal center, while at the regional level it was of a singular nature (both in terms of regional involvement and implementation practices). 2000s years became a period of expanding the instrumental approach by the federal center not only to compatriots as an object of politics, but also to regions as mechanisms of resource support for the achievement of state interests in foreign and domestic political directions. However, despite the rather wide boundaries of regional subjectivity in the areas of support stipulated by federal legislation, it should be noted that regional interests are insufficiently taken into account at the strategic level, in particular in the context of regional development strategic priorities, which is especially evident when implementing the resettlement program for compatriots. The growing role of spatial development issues in the political agenda for the federal center, including in the context of strengthening national security, suggests that the federal center will intensify the use of compatriots' potential by regions, primarily in the migration direction.

REFERENCES

1. Chawryło, k. (2012) *A new concept of migration policy in Russia*. [Online] Available from: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2012-06-20/a-new-concept-migration-policy-russia>.
2. Byford, A. (2012) The Russian Diaspora in International Relations: 'Compatriots' in Britain. *Europe-Asia Studies*. 64(4). pp. 715–735. DOI: 10.1080/09668136.2012.660764
3. Zevelev, I. (2008) Russia's policy toward compatriots in the former Soviet Union. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 6(1).
4. Kotbashyan, T. (n.d.) *Zashchita sootechestvennikov za predelami Rossiyskoy Federatsii* [Protection of compatriots outside the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.pandia.org/text/77/340/35078.php>.
5. Vysheslavov, V.V. (2009) *Sootechestvenniki, prozhivayushchie za rubezhom, kak faktor natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii* [Compatriots abroad as a national security factor in modern Russia]. Political Science Cand. Diss. Stavropol.
6. Baranov, Yu.A. (2004) *Politika Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom* [The Russian policy towards the compatriots abroad]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Moscow.
7. Andreeva, G. (n.d.) *O razgranichenii polnomochiy organov gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii po voprosam podderzhki sootechestvennikov za rubezhom* [On delimitation of state authorities in Russia and its constituent entities on issues of supporting compatriots residing abroad]. [Online] Available from: <http://www.materick.ru/index.php?bulid=89&bulsectionid=7969§ion=analitics>.
8. Skrinnik, V.M. (2004) *Politika Rossii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom: obshchegosudarstvennyy i regional'nyy urovni* [Russian policy towards compatriots abroad: the national and regional levels]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
9. Volodin, A.V. (2012) *O politicheskoy sub"ektnosti regionov Rossiyskoy Federatsii* [On political subjectivity of the regions in the Russian Federation]. *Vlast'*. 6.
10. The Council of Ministers of the RSFSR. (1990a) *Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 22.11.1990 N 539 "O merakh po okazaniyu pomoshchi bezhentsam i vyunuzhennym pereselentsam"* [Decree N 539 of the Council of Ministers of the RSFSR of November 22, 1990, "On measures to provide assistance to refugees and internally displaced persons"]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/sss/2288>
11. The Council of Ministers of the RSFSR. (1990b) *Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 19.07.1990 N 257 "O dopolnitel'nykh merakh po okazaniyu pomoshchi v razmeshchenii bezhentsov, pribyvayushchikh v RSFSR"* [Decree N 257 of the Council of Ministers of the RSFSR of July 19, 1990, "On additional measures to assist in the accommodation of refugees arriving in the RSFSR"]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/sss/3076>
12. The RSFSR. (1991) *Rasporyazhenie Prezidenta RSFSR ot 14.12.1991 N 123-rp "Ob organizatsii raboty po okazaniyu pomoshchi bezhentsam i vyunuzhennym pereselentsam"* [Order N 123-rp of the President of the RSFSR dated December 12, 1991, "On the organization of work to provide assistance to refugees and internally displaced persons"]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901606545>
13. The Russian Federation. (1993a) *Federal'nyy zakon ot 19.02.1993 N 4528-I "O bezhentsakh"* [Federal Law N 4528-I of February 19, 1993, "On Refugees"]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/10105682/#ixzz4eZs9rybp>
14. The Russian Federation. (1993b) *Zakon RF ot 19.02.1993 N 4530-I "O vyunuzhennykh pereselentsakh"* [Law N 4530-I of the Russian Federation of February 19, 1993, "On Forced Migrants"]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/10105693/#ixzz4eZsUp9Ae>
15. Bokov, Kh.Kh. (1994) *Pis'mo zamestitelya ministra po delam natsional'nostey i regional'noy politiki Kh.Kh. Bokova pervomu zamestitelyu ministra inostrannykh del I.S. Ivanovu ot 25.08.1994 №06/3-1812* [Letter No. 06/3-1812 from Kh.Kh. Bokov, Deputy Minister of Nationalities and Regional Policy, to I.S. Ivanov of August 25, 1994]. The State Archive of the Russian Federation. Fund 10121. List 2. File 37.
16. *The Republican Long-Term Program "Migration" of May 18, 1992*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901608017>
17. The Government of the Russian Federation. (1992) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.03.1992 N 135 "O merakh po okazaniyu pomoshchi bezhentsam i vyunuzhennym pereselentsam"* [Decree N 135 of the Government of the Russian Federation of March 3, 1992, "On measures to provide assistance to refugees and internally displaced persons"]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/zkrf/42699>
18. Vorobieva, O.D., Rybakovsky, L.L., & Rybakovsky, O.L. (2016) *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Ekon-Inform.
19. The Russian Federation. (2002) *Osnovnye polozheniya kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 23 aprelya 1993 g.* [The main provisions of the Russian Federation foreign policy concept of April 23, 1993]. In: Torkunov, A.V. et al. (eds) *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii 1991–2002* [Foreign policy and security of modern Russia 1991–2002]. Vol. 4. Moscow: [s.n.].
20. The Russian Federation. (1994) *Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom ot 31.08.1994* [The main directions of the Russian Federation state policy towards compatriots residing abroad of August 31, 1994]. [Online] Available from: <http://zatulin.ru/institute/wbook/201.shtml>.
21. The Russian Federation. (1994) *Federal'naya migratsionnaya programma ot 09.08.1994* [The Federal Migration Program of August 9, 1994.]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/186359/>
22. The Russian Federation. (1994) *Programma mer po podderzhke sootechestvennikov za rubezhom ot 17.05.1996* [The program of supporting measures for compatriots abroad of May 17, 1996]. [Online] Available from: <http://zatulin.ru/institute/wbook/201.shtml>.
23. Galetkina, N.G. & Grigoriev, K.V. (eds) (2014) *Sootechestvenniki i istoricheskaya rodina: vzaimnye diskursy i praktiki* [Compatriots and Historical Homeland: Mutual Discourses and Practices]. Irkutsk: Irkutsk State University.
24. Mukomel, V.I. (2005) *Migratsionnaya politika Rossii: Postsovetkie konteksty* [Russian Migration Policy: Post-Soviet Contexts]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
25. The Federal Migration Service of the Russian Federation. (1997) *Pis'mo Federal'noy migratsionnoy sluzhby v Ministerstvo RF po sotrudnichestvu s gosudarstvami – uchastnikami SNG ot 03.07.97 № Pr/351* [Letter No. Pr / 351 of the Federal Migration Service to the Ministry of the Russian Federation for Cooperation with CIS Member States July 3, 1997]. The State Archive of the Russian Federation. Fund 10096. List 2. File 655.
26. The Government of the Russian Federation. (1994) *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31.08.1994 N 1064 "O merakh po podderzhke sootechestvennikov za rubezhom"* [Decree N 1064 of the Government of the Russian Federation of March 31, 1994, "On measures to support compatriots abroad"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106359/

27. The Altai Territory Legislative Assembly. (1997) *Postanovlenie Altayskogo kraevogo zakonodatel'nogo sobraniya ot 04.11.1997 N 362 "O Sovete po svyazyam s sootchestvennikami, prozhivayushchimi s prigranichnykh s Altayskim kraem oblastyakh Respubliki Kazakhstan"* [Resolution N 362 of the Altai Territory Legislative Assembly of November 4, 1997, "On the Council for Relations with Compatriots Residing in the Regions of the Republic of Kazakhstan Bordered with the Altai Territory"]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/940701832>
28. The President of the Russian Federation. (2007) *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu "Ob ukreplenii Rossiyskogo gosudarstva"* [Address from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly "On the Strengthening of the Russian State"]. [Online] Available from: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html
29. The Russian Federation. (1996) *Kontseptsiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii ot 15.06.1996* [The concept of state national policy of the Russian Federation of June 15, 1996]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>
30. The Russian Federation. (1997) *Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii ot 17.12.1997* [The concept of national security of the Russian Federation of December 17, 1997]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>
31. Dyatlov, V.I. (ed.) (2009) *Transgranichnye migratsii i prinimayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoy adaptatsii* [Cross-border migrations and the host society: mechanisms and practices of mutual adaptation]. Ekaterinburg: Ural State University.
32. The Russian Federation. (1999) *Federal'nyy zakon ot 24.05.1999 g. N 99-FZ "O gosudarstvennoy politike Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom"* [Federal Law N 99-FZ of May 24, 1999, "On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad"]. [Online] Available from: base.garant.ru/12115694/#5.
33. Voronina, N.A. (n.d.) *Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii (tezisy doklada)* [The concept of state migration policy of the Russian Federation (abstract)]. [Online] Available from: <http://www.igpran.ru/public/VoroninaThesises.pdf>
34. Chepurin, A. (2008) *Vklad regionov v nalazhivanie svyazey s zarubezhnym Russkim mirom* [The contribution of the regions in establishing ties with the Russians abroad]. [Online] Available from: http://ricolor.org/rus/rus_mir/sootchestvenniki/2/
35. Filippov, V.I. (2011) *Pereselenie rossiyskikh sootchestvennikov iz postsovetsskikh gosudarstv: politiko-pravovoy analiz* [Resettlement of Russian compatriots from post-Soviet states: a political and legal analysis]. Political Science Cand. Diss. Bishkek.
36. The Russian Federation. (2000) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 28.06.2000* [The concept of foreign policy of the Russian Federation of June 28, 2000]. *Rossiyskaya gazeta*. 11th July.
37. Grachev, S.I. & Gertsun, A.A. (2012) *Roľ sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, v formirovanii imidzha Rossii* [The role of compatriots residing abroad in shaping the image of Russia]. *KANT*. 3(6).
38. Kirillova, E.K. (2009) *Gosudarstvennaya programma po pereseleniyu sootchestvennikov: preemstvennost' i nekotorye itogi* [State program for the resettlement of compatriots: succession and results]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 7.
39. The Russian Federation. (2001a) *Kontseptsiya demograficheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2015 goda ot 24.09.2001* [The concept of demographic development of the Russian Federation till 2015 as of September 24, 2001]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901797442>
40. The Russian Federation. (2001b) *Kontseptsiya podderzhki Rossiyskoy Federatsii sootchestvennikov za rubezhom na sovremennom etape ot 30.08.2001* [The concept of support by the Russian Federation for compatriots abroad at the present stage of August 30, 2001]. [Online] Available from: <http://sngcom.ru/key-issues/compatriots/conception.html>
41. Rybakovsky, O.L. & Tayunova, O.A. (2016) *Realizatsiya kontseptsii demograficheskoy politiki Rossii v oblasti postoyannoy migratsii naseleniya* [Implementation of the concept of Russia's demographic policy in the field of constant population migration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6.
42. The Russian Federation. (2007) *Kontseptsiya demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda ot 09.10.2007* [The concept of demographic policy of the Russian Federation for the period until 2025 as of October 9, 2007]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/znani/konceptiya/konceptiya25.html>
43. The Russian Federation. (2008) *Kontseptsiya dolgosrochnnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda ot 17.11.2008* [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020 as of November 17, 2008]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/prof/3297>
44. Zakem, V., Saunders, P. & Antoun, D. (2015) *Mobilizing Compatriots: Russia's Strategy, Tactics, and Influence in the Former Soviet Union*. CNA.
45. The Russian Federation. (2009) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda ot 13.05.2009* [The national security strategy of the Russian Federation until 2020 as of May 13, 2009]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/424>
46. The Russian Federation. (2012a) *Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda ot 13.06.2012* [The concept of state migration policy of the Russian Federation until 2025 as of June 13, 2012]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>
47. The Russian Federation. (2012b) *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda ot 19.12.2012* [The strategy of state national policy of the Russian Federation until 2025 as of December 19, 2012]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/prof/93499>
48. Nashatyreva, E.S. (2006) *Problemy priobreteniya grazhdanstva byvshimi sootchestvennikami i puti ikh resheniya* [Problems of acquiring citizenship by former compatriots and ways to solve them]. *Konstitutsionnye chteniya*. 5.
49. The Russian Federation. (2016a) *Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda ot 29.02.2016* [The strategy of the state cultural policy until 2030 as of February 29, 2016]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/
50. The Russian Federation. (2016b) *Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii ot 01.12.2016* [The strategy of scientific and technological development of the Russian Federation of December 1, 2016]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>
51. The Russian Federation. (2015a) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2015* [The national security strategy of the Russian Federation of December 31, 2015]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
52. The Russian Federation. (2014) *Osnovy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii ot 29.11.2014* [Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation of November 29, 2014]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/
53. The Russian Federation. (2013) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 12.02.2013* [The concept of foreign policy of the Russian Federation of February 12, 2013]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/
54. The Russian Federation. (2016c) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 30.11.2016* [The concept of foreign policy of the Russian Federation of November 30, 2016]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/2542248
55. The Russian Federation. (n.d.) *Kompleksnyy plan osnovnykh meropriyatiy po realizatsii gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, na 2018–2020 gody* [A comprehensive plan of the main measures for the implementation of the state policy of the Russian Federation with respect to compatriots residing abroad, for 2018–2020]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/activity/compatriots/commission/-/asset_publisher/ic6G4m61ZGUP/content/id/3208269
56. Burlinova, N. (n.d.) *Kontseptsiya vneshney politiki 2016 i "myagkaya sila" Rossii* [The concept of foreign policy 2016 and the "soft power" of Russia]. [Online] Available from: <http://www.picreadi.ru/konceptiya-vneshney-politiki-2016-i-myagkaya/>
57. The Russian Federation. (2015b) *Kontseptsiya gosudarstvennoy podderzhki i promovirovaniya russkogo yazyka za rubezhom ot 03.11.2015* [The concept of state support and promotion of the Russian language abroad of November 3, 2015]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/50644>

58. Vartanyan, A.A. (2018) Ukreplenie svyazey s diasporoy i privlechenie byvshikh sootechestvennikov kak klyuchevye instrumenty gosudarstvennogo regulirovaniya mezhdunarodnoy trudovoy migratsii [Strengthening ties with the diaspora and attracting former compatriots as key tools of state regulation of international labor migration]. *Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye – Migration and Social Development*. 3(4).
59. Dezhina, I.G. (2012) Russian policy as to the development of cooperation with Russian speaking scientists abroad. *Ekonomika i prognozuvannya – Economy and Forecasting*. 2. pp. 9–23. (In Russian).
60. Turko, T.I. (2015) Sotrudnichestvo s uchenymi-sootechestvennikami, rabotayushchimi za rubezhom [Cooperation with compatriots scientists working abroad]. *Innovatika i ekspertiza – Innovatics and Expert Examination*. 2(15).
61. The Russian Federation. (n.d.) *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda ot 13.02.2019* [The spatial development strategy of the Russian Federation until 2025 of February 13, 2019]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/>.
62. The President of the Russian Federation. (2012) *Ukaz Prezidenta RF ot 07.12.2018 "O vnesenii izmeneniy v Strategiyu gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda, utverzhdannuyu Ukazom Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666"* [Decree of the President of the Russian Federation of December 7, 2018 "On Amendments to the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025, approved by Decree No. 1666 of the President of the Russian Federation of December 19, 2012"]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/59348/>

УДК 94(571.1/5)«19/20»
DOI: 10.17223/19988613/64/7

И.В. Нам, Н.И. Наумова, В.Ю. Рабинович

«БЫТЬ ЕВРЕЕМ»: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ СИБИРСКИХ ЕВРЕЕВ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке
Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.*

На основе анализа широкого историографического материала рассматриваются механизмы и практики институционализации этничности сибирских евреев в условиях революции и гражданской войны. Показано, что иницирующей и мобилизующей силой выступали сионистские партии и Бунд. Центральное место занимал вопрос о демократической реорганизации еврейской общины, которой предназначалась роль «ядра» в системе национального самоуправления, формирующегося на основе культурно-национальной автономии.

Ключевые слова: Сибирь; евреи; институционализация; идентичность; этничность.

Феномен «этничности» (этнической идентичности), ее формирование и трансформации представляют собой важную исследовательскую задачу. Несомненный интерес для изучения представляет переход от конфессиональной идентификации, привычной для сословного устройства Российской империи, к этнической, ставшей одной из примет новейшей истории российского государства в позднеимперский период. Свои особенности имели в этот период идентификационные процессы в сибирском переселенческом обществе, формирующемся как часть общества сословного, традиционалистского, вступающего в эпоху модернизации. Массовые миграционные процессы XIX – начала XX в., как добровольные, так и принудительные, имели своим результатом увеличение этнической гетерогенности населения Сибири и формирование этнических диаспор. Чтобы выжить в новых условиях, успешно адаптироваться в чуждой социокультурной среде, мигрантам недостаточно было рассчитывать только на собственные силы. Адаптация к новым условиям проживания и интеграции в сибирский социум диктовала необходимость групповой консолидации, выбора в пользу диаспорных стратегий адаптации. Не менее важными были ценности идентификации – конфессиональной и / или этнической. «...Сибирский еврей не набожен: он редко ходит в “молельню”, торгует по субботам, а некоторые даже по праздникам, если последние совпадают с базарными днями, постов он также не соблюдает, но он все же упорно добивается, чтобы его мальчик знал “что-нибудь” по-еврейски...» [1. С. 26]. Суровые условия Сибири меняли заскоруждые обычаи, но не отменяли этнической сути.

Понятиями «этническое» и «этничность» обычно обозначают социальные категоризации, основанные на признаках языка, культуры, происхождения и т.п. Общей чертой, связывающей все интерпретации этничности, является ее групповое измерение – этничность рассматривается как «атрибут определенного сообщества людей, и уже в силу этого – как черта отдельно

взятого индивида» [2. С. 202]. В рамках эссенциалистского подхода этничность возводится либо к природе, либо к истории и рассматривается как сущностное свойство индивида, изначально ему присущее. В конструктивистской традиции, получившей широкое распространение в последние пять десятилетий, этничность предстает как «маркер различия, *знак*, вокруг которого организуются любые различия – от биологических до социальных. Те или иные характеристики, отличающие одних индивидов от других (расовые, антропологические, языковые, культурные), выступают как *символ*, по отношению к которому могут выстраиваться социальные различия» [3. С. 115].

В символическом производстве этничности выделяется два уровня – дискурсивный (нарративный), обеспечивающей трансляцию совместного опыта, который обозначается в исследовательской литературе как «коллективная память», и недискурсивный, имеющий дело с визуальными, аудиальными и тактическими образами (национальная музыка, кухня, архитектура, детали одежды и внешнего облика, особенности диалекта и пр.), с помощью которых производится (конструируется) определенная этническая идентичность. Грань между этими измерениями в символическом производстве этнически размыта. Промежуточным звеном между ними является *религия* [3. С. 124–128].

При изучении процессов, связанных с актуализацией и политизацией этничности, перспективным является неинституционалистский подход, основанный на представлении о том, что институты не столько ограничивают пространство группы, сколько создают саму группу с ее идентичностью, интересами и прочими атрибутами. Значение этничности как политического фактора определяется тем, «как этничность институционализирована», а институционализация этничности осуществляется множеством агентов – общественными движениями, государственными структурами, этническими активистами, академическим сообществом. Под механизмами институционализации этничности пони-

мается определенная «совокупность практик, в том числе дискурсивных» [2. С. 203–204].

В настоящей статье предпринимается попытка анализа механизмов институционализации этничности в сибирском переселенческом обществе на примере евреев, переселявшихся в Сибирь в течение трех столетий. К началу XX в. по путям прихода в Сибирь евреи подразделялась на следующие группы: ссыльные всех категорий; потомки евреев-земледельцев, приехавших в Сибирь в 1836 г., и отставных николаевских солдат, которым в 1867 г. было разрешено селиться вне черты еврейской оседлости; евреи привилегированных сословий (купцы 1-й и 2-й гильдий и лица с высшим образованием), евреи-ремесленники [1. С. 84; 4. С. 20], а также высленцы и беженцы, оказавшиеся в регионе в годы Первой мировой войны.

Права евреев в Сибири российским законодательством ограничивались в двух направлениях – запрещение въезда в Сибирь¹ и введение для них в 1896 г. специальной черты оседлости². Местом постоянной оседлости считался тот город или село, к которым они или их предки были приписаны. Введение «сибирской черты оседлости» повлекло за собой периодически повторявшиеся массовые выселения евреев из мест, где они провели большую часть жизни, имели «домовладение», в места их приписки [5. С. 88; 6. С. 79]. Правовые ограничения в передвижении и занятиях определяли выбор преимущественно городских профессий и сфер занятости – привычную для них роль «торгового меньшинства». Обладая большим опытом торгового посредничества, евреи сумели закрепиться на торговом рынке Сибири. Другой сферой их деятельности стала золотодобыча, преимущественно мелкая, золотничная. Немало евреев сколотили в Сибири значительный капитал, заняли ведущие позиции в ряде отраслей экономики, особенно в Восточной Сибири, и были допущены в общество, несмотря на ограниченность в правах [5. С. 88; 7. С. 14; 8. С. 30–31]. Но ограничения в передвижении пределами волости и уезда, которые евреи не могли покидать без специального разрешения, затрудняли их адаптацию в сибирском социуме. Вместе с тем эти ограничения выполняли консолидирующую функцию, объединяя всех евреев в особую группу, нуждающуюся в специальных институтах для защиты их интересов.

Успешность групповой стратегии адаптации (диаспорализации) для евреев была обусловлена главным образом тем, что жизнь в диаспоре была для них нормой и до переселения в Сибирь. Проживая компактными этноконфессиональными анклавами в черте оседлости, они накопили к моменту переселения за Урал большой опыт проживания в диаспоре, который перенесли и в Сибирь. В отсутствие устоявшейся культурной среды и традиционных институтов, консервирующих национальную жизнь, сибирские евреи показали пример успешной инкорпорации в сибирскую субкультуру. Современники отмечали, что к началу XX в. «еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыне пробита заметная брешь» [9. С. 16], объясняя это тем, что «Си-

бирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превратить в сибиряков безразлично инородцев и иноземцев» [10. С. 363]. В условиях доминирования русского языка и культуры «осибиричание» евреев происходило без глубокой трансформации культурных норм. Предпосылкой этому был выбор именно групповых стратегий консолидации, благодаря чему они сформировали в Сибири устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм [11. С. 263]. Самыми многочисленными были еврейские общины в Томске и Иркутске (таблица)

Численность еврейского населения в городах Сибири и Дальнего Востока в 1910 г. (по данным ЦСК МВД) [12]

Города	Евреи	
	Количество	%
Тобольск	1 157	5,5
Курган	107	0,4
Тюмень	315	1,0
Томск	5 984	5,6
Каинск	1 608	25,8
Новониколаевск	642	1,2
Красноярск	1 665	5,4
Иркутск	5 072	6,7
Якутск	378	4,7
Верхнеудинск	1 202	7,9
Хабаровск	610	1,5

С середины XIX в., когда в Сибири возникают официально разрешенные синагоги и молитвенные школы, а общинная жизнь приобретает устойчивый характер, вплоть до конца XIX в. жизнь еврейской диаспоры была сосредоточена вокруг традиционных конфессиональных институтов (синагоги, духовные правления, богадельни, талмуд-торы). Обращение к традиции – закономерный этап развития диаспоры. Религия была «носителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории... механизмом связи с исторической родиной» [11. С. 263]. На этой стадии община как социальный институт выполняла интегрирующую функцию – как «институт взаимопомощи, школа самоуправления, культурный очаг» [13. С. 39, 46, 53]. Имея значительное влияние, община в действительности не представляла всех евреев, поскольку право выбора ее руководящих органов имела небольшая, наиболее состоятельная часть ее членов. Поэтому к концу XIX в. часть еврейского населения, преимущественно представители интеллигенции, стала высказываться за необходимость реформирования общины, превращения ее из религиозного в национально-демократическое объединение [14. С. 289].

В системе общинных институтов ключевая роль принадлежала церкви, которая создавала инфраструктуру для обслуживания нужд общины – религиозные, благотворительные, культурные, образовательные организации. К началу XX в. молитвенные дома и синагоги действовали в Томске, Омске, Мариинске, Каинске, Татарске, Барнауле, Новониколаевске, Нижнеудинске, Иркутске, Красноярске. Одну из основ общинной жизни евреев составляла благотворительность, предписываемая и регламентируемая еврейским религиозным

законом – Галахой. В Томске благотворительное общество имело уже в 1886 г., в 1887 г. открылась еврейская богадельня, в 1911 г. на средства купца И.С. Быховского был построен дом призрения престарелых и бедных евреев, устроенный по образцу домов призрения Германии, он считался одной из лучших богаделен Сибири. В Иркутске действовали Общество призрения престарелых евреев (1905), Благотворительное общество помощи еврейскому ссыльному элементу (1907), Благотворительное общество пособия бедным евреям (1909), Общество охранения здоровья еврейского населения. Общества пособия бедным евреям имелись в Красноярске, Енисейске, Канске и Ачинске, во Владивостоке [6. С. 81; 15. С. 165; 16. С. 323–326; 17. С. 144–150]. Они выделяли денежные пособия, предоставляли приют, иногда работу, помогая одеждой, едой, оказывая медицинскую помощь, устраивая престарелых и неимущих в богадельни, малолетних – в сиротские дома, убежища, училища.

По инициативе общины и под ее патронатом создавалась в Сибири еврейская школа как социальный институт. До середины 1870-х гг. еврейские дети получали национальное образование в талмуд-торах – начальных бесплатных школах для бедных и осиротевших мальчиков, в которых все преподавание сводилось к обучению беглому чтению по молитвеннику. Изучение еврейского языка преследовало преимущественно конфессиональные цели. Русский язык не преподавался вовсе или преподавался бессистемно «случайными» лицами, например учениками местных гимназий, как это было в Иркутске. Несмотря на примитивность обучения в талмуд-торах, они послужили исходной базой для открытия полноценных начальных национальных школ [16. С. 311–312]. Содержались дореволюционные еврейские школы за счет частных пожертвований, доходов от благотворительных вечеров, спектаклей, концертов и т.п.

С разложением к началу XX в. сословного строя в его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Частью этого процесса становится формирование этнической идентичности. Наряду с конфессиональными социальными институтами создаются светские культурные организации, самостоятельное значение приобретает язык, возникает национальная школа, формируется представление об общности исторической судьбы. Процессы диаспорализации в сибирском переселенческом обществе приобретают этническую окраску. Происходит институционализация этничности – «вызревание этнических диаспор... как культурного феномена» [11. С. 266].

Очевидно, что подобный переход не мог произойти сиюминутно. По сути, на протяжении всего XIX в. многие представители и власти, и элиты, и оппозиции искали возможные составляющие национальной идентичности, признавая тем самым, что сословно-конфессиональное деление государства уже «не работает». Неслучайно премьер-министр П.А. Столыпин предпринимает в 1909 г. попытку введения в закон о выборах национального идентификатора вместо сословного [18. С. 102–103].

На первый план выходит светская, современно образованная элита – учителя и преподаватели, журна-

листы, профессура, лица свободных профессий, предприниматели и чиновники. Новая элита, в отличие от традиционной, самоопределяется «не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры» [11. С. 266]. Именно светская элита становится носителем национальных чувств и национальной (этнической) идентичности.

Набиравшие силу процессы конструирования наций и рост национальных движений в России стали еще одним фактором, оказавшим влияние на процессы этнизации диаспоральных институтов. Мощным импульсом, подтолкнувшим процессы институционализации и политизации этничности, стала революция 1905–1907 гг. Манифестом 3 июня 1907 г. правительство решило учитывать национальность депутатов и избирателей, ограничив избирательные права «инородцев», активно включившихся в политическую жизнь России. Это означало «превращение национальности в политическую категорию» и ее институционализацию. Одновременно утратили прежнее значение категории сословной и религиозной принадлежности [18. С. 80–81, 101–102].

Вслед за Европейской Россией в Сибири возникают светские культурно-просветительские организации, основной задачей которых было национальное просвещение. Воспитание национальных чувств «в духе обычаев и нравов еврейского народа» было главным направлением деятельности Общества распространения просвещения между евреями (ОПЕ) и Еврейского литературного общества, отделения которых были созданы в Томске и Иркутске. В мае 1914 г. в Томске открылась первая в Сибири библиотека-читальня ОПЕ, в ноябре 1915 г. – курсы для взрослых евреев, в декабре 1916 г. – Общество ремесленного труда [6. С. 81–83; 19. С. 43]. В 1915 г. появляется уникальное издание «Евреи в Иркутске» [4]. Инициатором этого знакового проекта стало Иркутское отделение ОПЕ. Сплотившие евреев идеи иудаизма «потеснились», освобождая место «для других сторон общинной жизни». Национальная светская культура и национальное просвещение становятся основой духовного развития. Формируются механизмы реализации этой задачи, новые институты этнической идентификации [16. С. 340]. В 1911–1912 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке действовало 21 еврейское училище разных типов, в которых обучались 532 ученика [19. С. 152].

Большая роль в этих процессах принадлежала политическим ссыльным, членам Бунда и сионистских социалистических партий, которые привнесли в жизнь сибирских общин «политику». Особенно заметной была деятельность сионистов, которые занимали ключевые позиции в еврейских организациях и провели два съезда: в 1903 г. в Томске и в 1912 г. в Иркутске. Социалистическую идеологию привносили в еврейскую среду Сибири политические ссыльные, члены социалистических сионистских организаций и Бунда. К моменту Февральской революции бундовских организаций в Сибири было только две – в Иркутске и Канске. При всех различиях в политических взглядах еврейские партии имели близкие позиции в отношении решения еврейского вопроса в России: самоуправле-

ние в форме экстерриториальной автономии на основе либо традиционной (ортодоксы), либо светской (социалисты) еврейской общины [6. С. 81–83; 20. С. 43].

Таким образом, к началу Первой мировой войны, окончательно похоронившей традиционную сословную систему, уже существовал мощный мировоззренческий фундамент, ставший плодородной почвой для чрезвычайно быстрой трансформации идентичности и институционализации этничности. Война сопровождалась процессами принудительных миграций и депортаций по национальному признаку, изменившими этнодемографическую структуру населения российской провинции [6. С. 68]. Беженцы и выселенцы, среди которых евреи составляли третью по численности национальную группу в Сибири после поляков и латышей, приезжали в составе полных семей (дети, старики), что сразу же сломало устоявшуюся демографическую и социальную структуру сибирских еврейских общин. Большинство новых мигрантов были бедняками, среди них было много сторонников Бунда. Беженцы встретили в Сибири других евреев, непохожих на них. Отсюда острое неприятие сибирских «богачей», что в значительной мере подготовило грядущую демократизацию общины. Депортационные процессы были лишь частью плана по классификации и категоризации индивидов. В проекте второй всеобщей переписи населения, запланированной на 1915 г., но отмененной из-за войны, было увеличено количество вопросов, касавшихся определения этнической принадлежности – о родном и разговорном языке, об образовании и грамотности на русском или другом языке и др. [18. С. 103–105]. Приписыванием этнической идентичности во время войны занимались и сами национальные общины через создание отделений Еврейского комитета помощи беженцам, которые своей деятельностью способствовали консолидации общин вокруг общей цели оказания помощи соплеменникам.

Февральская революция завершила процесс разрушения сословного устройства российского социума. В результате отмены Временным правительством всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений национальные меньшинства получили возможность создания национально-культурных объединений, свободу этнокультурного и политического самовыражения, что необычайно стимулировало процессы актуализации, политизации и мобилизации этничности в самых различных формах: политических, культурных, социальных, экономических. Отмена национальных ограничений уравнила евреев в правах, подвергавшихся при прежнем режиме наибольшей правовой дискриминации. В списке подлежащих отмене правовых актов значилось 140 законов, извлеченных из Свода Законов Российской Империи, которые в совокупности составляли целый «кодекс еврейского бесправия» [21. С. 115]. Для национальных меньшинств институционализация этничности становится не только способом выживания в условиях социальных катаклизмов, но и стратегической задачей, определяющей их развитие в условиях новой России. Период между февральской и октябрьской революциями был временем, когда институционализация этнической идентичности про-

исходила как изнутри – через национальную самоорганизацию³, так и при поддержке извне со стороны властных и общественно-политических структур.

На демократической волне, вызванной Февральской революцией, повсюду стали создаваться еврейские «общенациональные» учреждения, претендовавшие на представительство интересов своего народа – комитет еврейских общественных организаций в Иркутске, объединенный комитет еврейской общины в Красноярске [6. С. 133]. Основные проблемы, решаемые в этот период, концентрировались вокруг форм и способов решения «еврейского вопроса» в России. Центральное место занимал вопрос о демократической реорганизации еврейской общины, которой предназначалась роль «ядра» в системе национального самоуправления, формирующегося на основе национально-культурной (персональной) автономии. Иницилирующей и организующей силой национальной самоорганизации выступили политические партии, в первую очередь сионисты и Бунд.

Возрождались старые и создавались новые организации сионистов в Омске, Томске, Иркутске, Каинске, Мариинске, Новониколаевске, Ачинске, Красноярске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Никольск-Уссурийске и других городах Сибири и Дальнего Востока. Руководство и координация их деятельностью были сосредоточены в руках Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского районных комитетов в Томске и Иркутске. Сионисты проявили колоссальную энергию, чтобы создать широкую сеть своих организаций, способную охватить *все* слои еврейского населения в регионе. Ортодоксальные сионисты опирались на молодежные организации – студенческой сионистской молодежи «Геховер»⁴, младосионистов «Цеире-Цион», «Тарбут», «Гистадрут» и др. В Томске издавался двухнедельный орган «Известия Западно-Сибирского районного комитета сионистских организаций», с начала 1918 г. выходивший под названием «Сионистская мысль» [6. С. 133–136; 22. С. 14, 19–20].

Большое значение сионисты придавали привлечению в свои ряды молодежи. Так, в Иркутске они организовали союз учащейся молодежи, а в сентябре 1917 г. провели конференцию учащейся молодежи, в работе которой участвовали делегаты от Томска, Мариинска, Петропавловска, Красноярска, Черемхова, Иркутска, Кабанска, Читы, Сретенска и Баргузина. Конференция постановила объединить различные по названию кружки («Кадима», «Гатхио», «Гашахар» и др.) в единый сибирский союз национально-еврейской молодежи «Гашахар» («Заря») с целью ее воспитания в духе сионизма. Просионистские молодежные группы и кружки «Кадима» действовали в Барнауле и Владивостоке. Кружок еврейской молодежи в Красноярске, формально внепартийный, издавал журнал «Первый луч», отдававший видимое предпочтение идеям сионизма [6. С. 135; 23. С. 105].

Важная роль в процессе национальной самоорганизации сибирского еврейства принадлежала решениям 3-го Всесибирского сионистского съезда, проходившего в ноябре 1918 г. в Томске, которыми была сформулирована программа культурно-просветительной работы,

направленная на консолидацию сибирского еврейства, «доселе чуждавшегося своего народа, незнакомаго со своей историей, литературой, искусством, своими национальными ценностями». Программа охватывала школьное и внешкольное образование на основе обучения на «иврисе», языке, «единственно способном» связать старую и новую еврейскую культуру, стать средством объединения евреев. Содержание образования должно было иметь «национальный характер», приобщать молодежь к «национальному коллективу и его духовным ценностям», в том числе через еврейскую музыку, театр. Это была часть плана подготовки «страны для народа и народа для страны» [6. С. 278–282; 24]. По решению съезда сионисты взяли на себя «почин» в организации в Сибири спортивных союзов «Маккаби». Вопрос о необходимости поощрять физическую подготовку евреев обсуждался на сионистских съездах еще до революции, где было сформулировано понятие «евреи с мускулами». Создавались они и в Сибири, например в Чите и Иркутске. Их целью, как было записано в уставе иркутского общества, зарегистрированного Иркутским окружным судом в июне 1919 г., было «содействие нравственному и физическому развитию еврейской молодежи». Особо оговаривалось, что языком команды в спортивных группах должен быть еврейский язык («иврис») [23. С. 110–111].

По решению 3-го съезда сионистов до восстановления связи с ЦК Сионистской организации в России (СОБР) Иркутское бюро выполняло функции общероссийского руководящего органа. Большое значение сионисты придавали легализации деятельности своего движения. В феврале 1919 г. члены Временного центрального исполнительного бюро (ВЦИБ), располагавшегося в Иркутске, М.А. Новомейский, А.М. Евзоров и З.И. Шкундин обратились в регистрационный отдел Иркутского окружного суда с заявлением о регистрации Устава Российской сионистской организации, в котором подчеркивались связь СОБР с Всемирной сионистской организацией (ВСО), приверженность принятой в 1897 г. в Базеле на Всемирном сионистском конгрессе программе деятельности. После восстановления связи с ЦК СОБР предусматривалась реорганизация ВЦИБ во Всесибирский краевой комитет Сионистской организации, а его печатного органа – в общесибирский орган [6. С. 323–324].

Основными оппонентами сионистов были бундовцы. В течение первых месяцев революции сеть бундовских организаций покрыла всю бывшую «черту еврейской оседлости». Организации Бунда возникли в центре России, на Кавказе, в Поволжье, на Урале и в Сибири. Большинство организаций Бунда в Сибири образовалось в марте–мае 1917 г. Их организаторами были в основном бывшие политические ссыльные, а социальную базу составляли рабочие и ремесленники из числа беженцев. К сентябрю 1917 г. организации и группы Бунда существовали, по свидетельству «Сибирского вестника Бунда», не менее чем в 13 пунктах Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, Томск, Омск, Харбин, Чита, Владивосток, Новониколаевск, Маньчжурия, Урга и др.). Идеологи Бунда считали свою партию марксистской, являвшейся в своей

политической программе «выразителем последовательного меньшевизма» [6. С. 136–138; 22. С. 26–28].

При всех различиях, существовавших между сионистами и Бундом, а равно и между другими еврейскими партиями, все они имели близкий взгляд на проблему решения еврейского вопроса в России: самоуправление в форме экстерриториальной автономии на основе либо традиционной (ортодоксы), либо демократизированной (социалисты) еврейской общины. Поэтому после падения самодержавия всеми политическими течениями была поддержана идея созыва Всероссийского еврейского съезда, которая еще до революции выдвигалась еврейским историком С.М. Дубновым. Основным предметом межпартийных дебатов был вопрос о включении в программу съезда проблем возрождения еврейской государственности в Палестине, а также положения еврейского населения в Польше и Румынии.

Наряду с созывом Всероссийского еврейского съезда одной из ближайших задач в достижении разделяемой всеми еврейскими политическими партиями и течениями цели – устройства жизни евреев в России на основе национально-персональной (синонимы: культурной, экстерриториальной) автономии – являлась реорганизация традиционной еврейской общины на демократических началах. «Сионистская мысль», призывая строить новые общины, писала: «...Мы не можем вернуться к “коробке” и “казенному” раввину, к бесчисленным “хеврес”, большим и малым, опекавшим еврейство, мы не можем вернуться к правлению “балатим” и “пней”, к попечению общественных “благодетелей”. Жизнь властно требует новых форм автономии, новых форм быта» [6. С. 146].

После Февральской революции, когда возможность демократической реорганизации общин стала вполне реальной, деятельность общины раздваивается. С одной стороны, продолжала функционировать «старая» община, т.е. заплатившие членский взнос прихожане местных синагог и молитвенных домов и их хозяйственные правления. С другой стороны, еврейской общественностью обсуждается устройство «новой» демократизированной общины с широкими функциями, построенной по национальному принципу, – основы будущей национально-персональной автономии, потребовать которую у Всероссийского учредительного собрания предстояло Всероссийскому еврейскому съезду. Влияние старых правлений быстро убывает, переходя к общественным организациям и политическим партиям. Основная борьба развернулась между сторонниками национальной общины, сохраняющей в числе своих функций вопросы религиозного быта, и светской общины, в которой не должно было быть места основывающимся на религии институтам [6. С. 147].

Сионисты выступали с лозунгом «*демократической, самоуправляющейся, единой еврейской общины*», которая вместе с тем должна была сохранять конфессиональный характер. Эта формула означала, что община должна объединять всех евреев иудейского исповедания «без различия социального положения и мировоззрений». По замыслу сионистских идеологов, община должна была быть автономной в своем внут-

реннем самоуправлении, стать «своеобразным государством в государстве. Отстаивая универсальный характер общины, сионисты, с одной стороны, выступали против сведения ее функций к конфессиональным задачам, и в этом смысле были сторонниками «светской общины». В то же время они считали неприемлемым выделение религиозных функций из ведения общины, утверждая, что этот лозунг «ведет к неслыханному абсурду – предоставлению полных прав в общине *ренегатам*», т.е. евреям, отпавшим от иудаизма и принявшим христианство или другие вероисповедания.

Бундовцы отстаивали лозунг «*демократической светской общины*». Идеологи Бунда объясняли необходимость изъятия религиозных функций из компетенции общины тем, что новая демократическая община как публично-правовой институт всего русского еврейства, как местный орган национального самоуправления не может вести делами, касающимися только части еврейства. Они считали, что точно так же, как демократическая Россия ставит своей задачей отделение церкви от государства, так и Бунд должен добиваться, чтобы все вопросы, относящиеся к религии и религиозным обычаям, были изъятые из ведения общины. Функции, связанные с социально-экономической помощью, должны были быть переданы в ведение городского самоуправления, а в общине должны быть сосредоточены лишь дела, касающиеся культурной жизни нации (школьное и просветительское дело, дошкольное и внешкольное образование, развитие литературы, искусства, устройство библиотек, музеев и т.п.). Культурные потребности еврейского народа должны удовлетворяться на родном языке еврейских народных масс – идише. Реорганизованная таким образом община должна была стать этапом на пути к осуществлению культурно-национальной автономии [6. С. 148].

В Сибири бундовцы на своей I конференции, проходившей в августе 1917 г. в Иркутске, заявили о решимости «стоять за передачу еврейских культурных учреждений реорганизованной общине» и создание в рамках общины автономной национальной школы с преподаванием на еврейском языке. Признавалось возможным преподавание еврейской истории и литературы на русском языке, который стал для сибирских евреев родным. Учитывая разногласия в подходах к реорганизации общины, было постановлено посылать представителей Бунда в организационные комитеты по реорганизации общины только при условии признания ими светского характера общины и ограничения ее функций культурными делами [Там же. С. 149].

Разница в подходах к вопросу о реорганизации общины привела к тому, что начавшаяся в апреле–мае 1917 г. подготовка к созданию новых общин затянулась. Отношения между политическими партиями были настолько конфликтными, что найти компромиссное решение оказалось чрезвычайно трудно. При общем мнении о необходимости демократической реорганизации старой замкнутой общины баланс сил в пользу того или иного решения вопроса на местах складывался по-разному. В итоге к началу 1918 г. ни одна из общин в Сибири не была реорганизована. И бундовцы, пози-

ции которых в сибирских общинах были значительно слабее, чем сионистов, вынуждены были пойти на компромисс. Вторая общесибирская конференция Бунда, проходившая в Иркутске в апреле 1918 г., признала необходимость «вести планомерную и систематическую работу», направленную на превращение благотворительных учреждений общины в органы социальной помощи, которые постепенно должны передаваться органам местного самоуправления. Для борьбы с «реакционно-клерикальными элементами» рекомендовалось «мобилизовать все демократические силы местного еврейского общества», координируя действия с социалистическими и радикальными группами, вплоть до заключения в отдельных случаях, с разрешения ОК, избирательных соглашений с ними. В области секуляризации общины впредь до решения этого вопроса в общегосударственном масштабе допускалось выделение религиозных функций общины в особый отдел, управляемый представителями религиозных групп населения [6. С. 149; 25. С. 67].

Однако постановления конференции мало способствовали успеху Бунда в борьбе за демократизацию общин. В первой половине 1918 г. были реорганизованы только общины в Благовещенске и Томске. Сионисты в Томске одержали убедительную победу: вместе с близкой к ним ортодоксальной группой «Ахдус» они провели в общинный совет 18 представителей, в то время как Бунд и беженский комитет – по три представителя, а «Поалей-Цион» – одного [6. С. 208; 25. С. 67–68].

Совершившийся 18 ноября 1918 г. переворот, в результате которого власть на востоке России перешла к правительству А.В. Колчака, мало сказался на судьбе еврейского населения Сибири. Продолжался процесс реорганизации общин, проводились выборы в общинные советы, формировалась их структура. Право участия в выборах предоставлялось всем евреям, достигшим 20 лет, без различия пола, за исключением состоявших под судом по уголовным делам и недееспособных. Выборы производились по партийным спискам. Основными соперниками выступали сионисты и социалистические партии (Бунд, «Поалей-Цион» и др.) Формировались и беспартийные списки. Неоднородность партийного состава общинных советов, в большинстве которых доминировали сионисты (к примеру, во Владивостоке сионистам принадлежало 15 из 23 мест в общинном совете) [27. С. 173–174], а социалистические партии составляли незначительное меньшинство, приводила к острым разногласиям и дискуссиям, чаще всего заканчивавшимся победой сионистов.

Структура формирующегося общинного самоуправления не была одинаковой. Совет общины выделял из своей среды исполнительный орган – общинную управу. Структурные подразделения (отделы и комиссии) различались между собой и по количеству, и по содержанию. Так, в совете Красноярской общины были созданы религиозный, культурно-просветительный, социально-экономический, финансово-хозяйственный отделы, а также отдел статистики, регистрации и метрикации. В Томском общинном совете, выборы в который прошли в мае 1918 г., но работа началась только осенью, было сформировано 6 отделов: культурно-

просветительный, социально-экономической помощи, финансовый, хозяйственный, призрения и народного здоровья, регистрации и статистики. Были также созданы комиссия по делам беженцев и ревизионная комиссия. Религиозные задачи в функции общинного совета в Томске не включались. Предполагалось, что в ведение совета перейдут все еврейские учреждения города. Бюджет общинных советов формировался на основе самообложения евреев, за счет благотворительности и других источников.

К январю 1919 г. реорганизация общин была осуществлена в Благовещенске, Баргузине, Томске, Омске, Иркутске, Красноярске, Мариинске, Верхнеудинске, Новониколаевске, Чите. Но в целом процесс реформирования общин затягивался, они были слабо связаны между собой, структура и функции формирующегося самоуправления в разных общинах были неодинаковы. Первоначальный энтузиазм, с которым еврейские деятели после февраля 1917 г. принялись реформировать старые общины, угас. Многие активисты общинного строительства поддались разочарованию и усталости. Как сообщалось в одной из газет, «только в двух-трех городах Сибири имелись общинные советы, правильно избранные, да и те – накануне распада. В остальных городах нет ни советов, ни хозяйственных правлений. Вся общинная работа ведется двумя-тремя лицами, по-семейному, без плана, без системы... Руководители устали от бессистемной работы, деятели поменьше вовлечены в общую вакханалию торгашества» [6. С. 311]. В таких условиях важно было придать общинному строительству новый импульс. Эта роль отводилась съезду еврейских общин Сибири, проходившему в январе 1919 г. в Иркутске.

Съезд рассмотрел широкий круг вопросов, касавшихся организационных форм, правового статуса и компетенции общин, источников финансирования и основных направлений их деятельности. По докладу М.А. Новомейского было принято решение об объединении еврейских общин Сибири и Урала в Союз общин. Каждое еврейское поселение, насчитывающее не меньше двадцати семей с числом не менее тридцати граждански совершеннолетних членов, образовывало общину, осуществляющую на территории поселения функции самоуправления через избранный на демократических началах исполнительный орган в лице общинного совета (ваада). Исполнительным органом ваада являлась общинная управа в составе трех, пяти и семи членов. Общины с числом семей менее пятидесяти могли ограничиться избранием одной общинной управы, избираемой на общем собрании ее членов тайным голосованием.

Предусматривалась широкая компетенция руководящих органов общины – советов и управ: содержание и поддержание институтов, ведающих культурно-просветительными делами, вопросами религиозного быта, социально-экономической помощи, народного здоровья, общественного призрения, регулирования переселения и эмиграции, метрикации, регистрации и статистики и др. Планировалось формирование централизованного управления общинами, объединенными в Союз еврейских общин Сибири и Урала. Высшим

органом Союза становился съезд, созываемый один раз в год. На съезде формировался представительный орган – Национальный совет, состоящий из представителей реорганизованных общин: по одному от общин, имевших не менее двухсот семей; по два – от общин, насчитывавших не менее 1 000 семей. В Национальный совет входили также представители областных объединений политических организаций и партий, насчитывающих не менее 400 членов в губерниях Сибири и Урала, по одному от каждой. Компетенция Национального совета включала решение всех задач, которые возлагались на него съездом и не могли быть разрешены отдельными общинами – в культурно-просветительной сфере, социальной помощи, эмиграции и др. Бюджет Национального совета составлялся из пропорциональных отчислений бюджетов отдельных ваадов. Избранный съездом исполнительный орган Национального совета обязывался принять в срочном порядке меры, которые бы узаконили публично-правовое положение еврейских общинных учреждений, их организационные формы и компетенции.

На общину возлагалась обязанность заботиться о материальном благополучии своих членов. Основной принцип хозяйственной жизни должен был заключаться не в филантропии, а строиться на основах «здоровой социально-экономической помощи и взаимопомощи». При каждом общинном совете создавался отдел социально-экономической помощи, регулирующий внутреннюю жизнь еврейского населения, развивая его самостоятельность, способствуя организации и развитию потребительских кооперативов и открытию кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, бирж труда. К числу важных социальных проблем был отнесен вопрос о беженцах, помощь которым рассматривалась как «общественное дело» каждой общины. Исполнительному органу поручалась организация специального руководящего органа, объединяющего все беженское дело в регионе.

Религия, как фактор сохранения «народа в течение многих веков», включалась в круг компетенции еврейских общин. Общине следовало заботиться «об удовлетворении и регулировании религиозных потребностей еврейского населения данной местности» и избирать раввина на основе общих выборов. Предусматривалось формирование верховного раввината, избираемого съездом раввинов Сибири и Урала. Представителю раввината предоставлялось право решающего голоса в исполнительном органе Национального совета и его пленума при решении религиозных проблем. Община обязывалась заботиться о предоставлении всем нуждавшимся «кошерной пищи». Национальному совету предписывалось добиваться замены воскресного отдыха субботним.

Съезд постановил создать единую еврейскую школу, где языком преподавания всех предметов, кроме государственного языка, становился древнееврейский язык «иврис», без которого было «немыслимо возрождение еврейского народа». Съезд постановил составлять программу обучения в соответствии с педагогической теорией и практикой так, чтобы школа могла осуществлять «возлагаемые на нее национальные и

просветительские задачи». Кроме этого, община обязывалась решать просветительские задачи дошкольного и внешкольного образования. Важной задачей Национального совета становилось обеспечение школ учителями на основе организации специальных подготовительных курсов.

Признавая печатное слово «могущественным средством национализирования еврейства», съезд отнес издательскую деятельность к числу важнейших задач Национального совета. В первую очередь рекомендовалось удовлетворить острую нужду в учебниках для еврейской школы и в молитвенниках и приступить к изданию собственного печатного органа на русском языке, а по возможности и на еврейском и разговорно-еврейском языках. С февраля 1919 г. по решению съезда в Иркутске стал выходить еженедельный общественно-политический журнал «Еврейская жизнь». Цель издания, как говорилось в передовой статье первого номера, заключалась в том, чтобы отражать и освещать еврейскую общественную жизнь в России и в мире.

Большое значение придавалось «участию общин в деле национального строительства в Палестине». Признавая «невозможность нормальной национальной жизни всякого народа без своей территории», национальное строительство в Палестине – «делом всего еврейского народа», а ее экономическое возрождение зависящим от самостоятельности народа, съезд постановил включить работу по палестиностроительству в круг ведения общин Сибири и Урала. С этой целью при общинных советах учреждались палестинские комиссии, в задачи которых включались регулирование еврейской эмиграции в Палестину, поддержка палестинских институтов социально-экономического и культурного характера, активное участие во всех областях национального строительства в Палестине. Особое внимание комиссии обязывались уделять содействию Еврейскому национальному фонду в выкупе земли и предоставлении ее в собственность всего народа, Пионерскому фонду и группам «Гехолуц», готовящим переезд в Палестину «для укрепления там позиций еврейского труда» [6. С. 311–314; 22. С. 224–233].

Решения Иркутского съезда активизировали процесс реорганизации тех общин, где это еще не было сделано. Как сообщала «Еврейская жизнь», «...после длительной борьбы была побеждена косность и... приступлено, наконец, к организации выборов общинного совета на демократических началах» в Ачинске. 20 февраля собранием сионистской организации в Харбине был утвержден список на выборах в общинный совет. 5 марта вопрос о предстоящих выборах в общинный совет обсуждался на объединенном заседании ваадов еврейских обществ и политических организаций в Тобольске. На собраниях реорганизованных общин разрабатывались и обсуждались уставные документы. Одной из первоочередных задач, которую необходимо было решать, являлся перевод функций культурно-просветительных и благотворительных еврейских обществ – ОПЕ, ОЗЕ, ЕКОПО, пособия бедным евреям и др. – в ведение общинных ваадов. Большие трудности вызывало налаживание финансовой деятельности общинных советов. Практически невоз-

можно было введение подоходного налога, самообложение членов общин не позволяло покрывать все расходы общин. Финансовым комиссиям приходилось прибегать к старым способам добывания средств – устройству концертов, лотерей, спектаклей [6. С. 315–316]. Поэтому именно культурно-просветительная деятельность, направленная на формирование национального самосознания через приобщение к национальной культуре, оставалась наиболее заметной в условиях гражданской войны.

Практическая задача по ее реализации возлагалась на общинные культурно-просветительные отделы и общество «Тарбут», отделения которого функционировали в Томске, Омске, Иркутске, Благовещенске. С его помощью в феврале 1919 г. открылись курсы по изучению еврейского языка и литературы в Иркутске. В июне 1919 г. в Томске стали действовать педагогические курсы по подготовке учителей начальных классов для школ Сибири. В программу курсов были включены предметы по изучению методики преподавания еврейского языка, истории, Библии в школе, основы педагогики и др. При курсах была организована бесплатная детская площадка [22. С. 181, 198–199].

Однако заметных сдвигов в реформировании общин не произошло. Во Владивостоке, например, старый совет общины признал необходимость реформирования только в конце декабря 1919 г. Слишком неблагоприятной для размеренного общинного строительства была общественно-политическая ситуация. Показательна в этом смысле судьба еврейской общины Кустаная. Приказом начальника гарнизона от 25 февраля 1919 г. было предписано «ввиду крайне осложнившегося квартирного вопроса... выселить из города в уезд за 100 верст от железной дороги всех евреев и военнообязанных, без различия национальностей». Выселению не подлежали только «нужные люди» – врачи, фельдшеры, служащие аптек и аптекарских магазинов, а также служащие на электрической станции. За укрывательство и содействие укрывательству назначался штраф до 3 тыс. руб. или трехмесячное тюремное заключение. Приказ предусматривал его безусловное исполнение в течение 7 дней, но так как он был опубликован только 28 февраля, выселяемые вынуждены были покинуть город за четыре дня, распродав за бесценок свое имущество. Городская дума предпочла не реагировать на этот антисемитский приказ. В результате кустанайская община, ведущая свое существование с 1909 г., распалась. Часть ее членов переехала в Боровое, часть – на восток [26. С. 95–96]. Нелегко пришлось в условиях режима атамана И.П. Калмыкова Хабаровской общине, сократилась ее численность, многие выехали в Харбин [27. С. 147].

Хотя в Сибири антисемитизм не получил столь широкого распространения как, например, на юге России и Украине, его проявления все же имели место, особенно в армейской среде. Национальный совет собрал множество фактов проявлений антисемитизма в Сибирской армии: евреев-добровольцев не принимали в военные училища и школы младших командиров, отстраняли от должностей переводчиков, писарей и т.п., офицеров-евреев во Владивостоке ставили на

особый учет и т.д. О тревожном положении евреев в прифронтовой полосе отделение Национального совета в Омске попыталось поставить в известность правительство, обратившись 10 марта 1919 г. к главе Совета министров П.В. Вологодскому с докладной запиской, в которой сообщалось, что в Челябинске «образовалась группа лиц, поставивших цель вести в войсках пропаганду антисемитизма и разжигания националистических страстей». К записке прилагались прокламации, распространяемые в Челябинском направлении прифронтовой полосы. Тот факт, что антисемитская карта в Сибири разыгрывалась в меньшей степени, чем на Юге, объяснялось, очевидно, меньшей остротой «еврейского вопроса» для Сибири и личными взглядами руководителей колчаковской пропаганды и редакторов сибирских газет. Во всяком случае, помощник руководителя Русского бюро печати, известный публицист Н.В. Устрялов упоминает лишь два «досадных случая антисемитских выпадов» в изданиях бюро [6. С. 316–321]. Несмотря на то, что источником антисемитской агитации нередко являлся штаб Верховного главнокомандующего, сам адмирал Колчак, судя по воспоминаниям современников, антисемитом не был. Еврейские общественные деятели в Сибири отмечали «самое благожелательное отношение со стороны представителей высшей власти». О том, что Колчаку не был присущ антисемитизм, свидетельствовал М.М. Винавер, известный еврейский общественный деятель и один из лидеров партии кадетов. На встрече, посвященной положению российского еврейства, которая была организована 5 июня 1919 г. в Париже комиссией Всемирного еврейского союза⁵, Винавер заявил, что личное знакомство с А.В. Колчаком и А.И. Деникиным позволяет утверждать, что ни тот ни другой не являются реакционерами и антисемитами [28. С. 531; 29. С. 375–376].

В отличие от сионистских организаций, большинство бундовских групп и организаций в Сибири, как и других организаций социалистической направленности, в условиях колчаковской власти распалось. Левые элементы Бунда сближаются с большевиками, устанавливая связь с подпольными большевистскими организациями, и фактически отходят от Бунда. Остальные руководили деятельностью своих фракций в еврейских общинах, рабочих клубах и т.п. В ноябре 1918 г. в Иркутске был образован рабочий клуб «Цукунфт». После съезда еврейских общин было решено расширить сферу и масштабы деятельности рабочего клуба и образовывать в противовес Национальному совету евреев Сибири и Урала сибирскую лигу еврейской культуры «Цукунфт» (сибирер идише культурлиге «Цукунфт»). Лига была зарегистрирована Иркутским окружным судом в апреле 1919 г. Ее деятельность распространялась на всю Сибирь, включая Дальний Восток и Приуралье, правление находилось в Иркутске. Главная цель лиги, как говорилось в уставе, заключалась в «содействии развитию светской культуры на еврейском языке (идиш) во всех отраслях человеческого творчества» – литературе, искусстве, науке, музыке, театре, народном образовании, физическом воспитании. Особо подчеркивалось, что «официальным национальным

языком еврейского народа» должен быть признан идиш. Устав лиги предусматривал возможность создания и развития учебно-воспитательных заведений (школ, гимназий, детских садов, курсов, учительских семинарий), театрально-концертной деятельности (хоров, театров, оркестров, художественных студий), открытия библиотек, книжных и музыкальных магазинов, издания газет, журналов и книг. Кроме Иркутска, отделения лиги были созданы в Новониколаевске, Ачинске, Канске, Красноярске, Верхнеудинске, Владивостоке и Харбине. Лига имела свое книгоиздательство и книжный магазин, издавала ежемесячник «Цукунфт», книги о еврейских писателях, пишущих на идиш – И.-Л. Переце и Шолом-Алейхеме [6. С. 325–326; 30. С. 77–80]. В целом, однако, влияние бундовцев на умонастроения еврейского населения Сибири оставалось незначительным вплоть до окончания гражданской войны.

Таким образом, на всем протяжении гражданской войны на востоке страны сохранялись возможности для институционализации этнической идентичности евреев через политическую и общественную деятельность, демократическую реорганизацию общин, создание национальных организаций (политических, культурных, спортивных), национальных школ, а также на дискурсивном уровне – язык лекций, докладов, литературы, обращение к исторической памяти. В этих процессах шла борьба за осуществление двух «национальных проектов» решения еврейского вопроса – сионистов и Бунда. Оба варианта предусматривали создание системы национального самоуправления в форме культурно-национальной (национально-персональной) автономии на основе реорганизованных на демократических началах общин. Одновременно велась активная сионистская деятельность, направленная на освоение Палестины и создание национального государства.

С установлением советской власти все общинные учреждения были ликвидированы. Так, Омский губревком сразу после занятия города Красной Армией ликвидировал почти все структуры общинного совета. Отделу социального обеспечения и признания был передан дом дешевых квартир, построенный на средства местной общины и «Джойнта». К этому же отделу перешло общежитие для инвалидов. Отдел народного здоровья взял в свое ведение выстроенную общиной больницу. К нему же перешла и школа общины. Президиум Омского общинного совета попытался найти управу на действия губревкома, обратившись в конце января 1920 г. с докладной запиской в Сибирский революционный комитет (Сибревком). В ней был поднят вопрос «об общем отношении» советской власти в Сибири к органам еврейского национального самоуправления. Подчеркивалось, что речь идет о «коллективном праве народа иметь свои органы национального самоуправления», сущность которого состоит, во-первых, в том, что «евреи как нация имеют свой представительный орган, который полномочен говорить от имени еврейского народа», и во-вторых, что «учреждения еврейской национально-персональной (а не территориальной) автономии удовлетворяют те специфические

нужды в области образования, социального обеспечения и пр., которые не покрываются общими заботами государства» [6. С. 325–326]. Прекращают свою деятельность и сионистские организации, а затем и Бунд. Летом 1920 г. постановлением Иркутского губревкома была запрещена деятельность сионистских организаций.

И все же советская власть не могла не учитывать масштабности процессов институционализации этничности и поэтому на первых порах способствовала их развитию, но без конфессиональной составляющей. Институционализация этничности по-советски осуществлялась посредством введения категории «национальность» / «национальная принадлежность» в переписи

населения, паспорта, разного рода анкеты и другие персональные документы. Активно пропагандировались символические признаки национальной (этнической) идентичности – национальные языки, музыка, одежда, кухня. Однако переформатирование общества по национальному признаку сочеталось с постепенным вытеснением этничности из публичного дискурса и практик повседневной жизни. Но, как оказалось, не навсегда. Глобальные социальные трансформации конца XX – начала XXI в., сопровождающиеся ростом транснациональных миграций, вновь актуализировали проблему институционализации этничности и на дискурсивном, и на визуально-аудиальном уровне и для евреев России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правовые ограничения не касались потомков всех перечисленных категорий, а также членов семей, добровольно следующих за ссыльными и каторжанами, и достаточно широкого круга льготников периода великих реформ (механики, дипломированные специалисты, приказчики, аптекари, повивальные бабки, врачи и т.д.). Право свободного жительства в Империи имели евреи-выкrestы, католики и представители других вероисповеданий.

² До 1896 г. за сибирскими евреями признавалось право свободного передвижения по всей Сибири, за исключением 100-верстной пограничной полосы. 26 апреля 1896 г. последовал указ Правительствующего сената по делу еврея Мариупольского, в котором разъяснялось, что евреи в Сибири имеют право проживать вне места их приписки лишь временно. С этого момента местом постоянной оседлости сибирских евреев считался тот город или село, где они были приписаны. По сути дела, Сенат прикрепил евреев даже не к месту их жительства, а к тем селам и деревням, к которым они или их предки были когда-то приписаны. В 1903 г. последовало разъяснение Сената, что «специальной чертой оседлости» для сибирских евреев признается тот уезд, в котором они состоят на приписании [6. С. 78–80].

³ После Февральской революции идея национально-персональной (культурно-национальной) автономии становится программным лозунгом многих национальных движений и большинства политических партий (кадетов, эсеров, меньшевиков).

⁴ Организации студентов-сионистов «Геховер» возникли в 1911–1912 гг. в Западной Европе. Их задачей была борьба против ассимиляторских тенденций и за национальное самоопределение студентов-евреев, выходцев из России. С началом Первой мировой войны кружки «Геховера» в Германии, Австрии и Бельгии прекратили свое существование. Большинство студентов возвратилось в Россию. Преемником европейского «Геховера» стал российский «Геховер», который вел счет своего существования от учредительной конференции в Базеле в 1911 г. В августе 1914 г. в Петербурге, где было сосредоточено наибольшее количество студентов-евреев, был образован Центральный комитет. Отсюда он распространял свое влияние на все университетские города России. Первая конференция «Геховера» в России состоялась в 1915 г. Конференция констатировала, что целью «Геховера» является «подготовка активной сионистской интеллигенции, опытной в организационном отношении и образованной в отношении национальном» [31. С. 299–304].

⁵ Всемирный еврейский союз был создан в 1860 г. в Париже для оказания помощи евреям в области защиты гражданских прав. Впоследствии его деятельность сосредоточилась преимущественно на сфере образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.
- Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности // Сообщества как политический феномен. М. : РОССПЭН, 2009. С. 202–221.
- Малахов В.С. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. М. : Гендальф, 2001. С. 115–137.
- Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 393 с.
- Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2008. С. 86–90.
- Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
- Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 6–14.
- Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск : Кларетианум, 2002. 240 с.
- Моравский В. Сибирские евреи и конституция // Сибирские вопросы. 1939. № 35. С. 15–19.
- Максимов С.В. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб., 1871. Ч. I: Несчастные. 459 с.
- Дятлов В.И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока позднимперской России // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 263–269.
- Города России в 1910 г. СПб., 1914. 1200 с.
- Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт, 2001. 176 с.
- Рабинович Я.И. В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. М., 2001. Кн. 1.
- Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 242 с.
- Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 423 с.
- Орехова Н.А., Кофман Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.) Красноярск : Красноярский писатель, 2009. 328 с.
- Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890–1940. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.
- Нам И.В. Еврейские школы в Сибири (конец XIX в. – начало 1919 г.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : сб. материалов VI регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 августа 2005 г. Красноярск–Барнаул : Кларетианум, 2005. С. 148–164.
- Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – XX начало в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 34–49.
- Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим ; М., 2002. С. 115–158.

22. Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 г.). Красноярск : Кларетианум, 2003. 272 с.
23. Наумова Н.И. Еврейские молодежные организации Сибири в годы Гражданской войны // Евреи Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск : Красноярский писатель, 2007. С. 102–113.
24. Наумова Н.И. 3-й Всесибирский сионистский съезд (ноябрь 1918 г.) // Евреи в Сибири : сб. ст. Томск, 2000. С. 26–34.
25. Нам И.В. Демократизация еврейских общин Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917–1918 гг.) // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск-Иркутск, 2001. Вып. 6: Материалы II регион. науч.-практ. конф. (25–27 августа 2001 г.). С. 64–70.
26. Рабинович В.Ю. Жизнь евреев Сибири и Урала в 1919 г.: рассказывают документы // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 90–99.
27. Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке: история взаимоотношений (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) Красноярск : Кларетианум, 2001. 292 с.
28. Будницкий О.В. Русский либерализм и еврейский вопрос (1917–1920) // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 517–541.
29. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. : РОССПЭН, 2005. 552 с.
30. Наумова Н.И. Лига «Цукунфт» и ее деятельность. 1918–1919 гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск : Кларетианум, 2004. Вып. 7. С. 77–80.
31. Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим : Библиотека Алия, 1977. 455 с.

Iraida V. Nam, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru

Natalia I. Naumova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomnin@yandex.ru

Vladimir Yu. Rabinovich, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: rabinovichv@mail.ru

‘TO BE JEWISH’: THE INSTITUTIONALISATION OF JEWISH IDENTITY IN SIBERIA DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

Keywords: Siberia, Jews, institutionalisation, identity, ethnicity.

The article examines the mechanisms and practices of institutionalisation of the Siberian Jews' ethnic identity (ethnicity) during the Revolution and the Civil War from 1917 to 1919, where ethnic identity is understood by the authors in symbolic terms. On the basis of analysis of a wide spectrum of historiographic materials, the authors show that the decay of estate and confessional system in the Russian Empire by the early twentieth century was followed by the emergence of secular institutions, which constituted one of the factors in the rise and politisation of ethnicity. Another factor included the process of nation building and national movements. A number of distinctive features can be attributed to the institutionalisation of ethnicity in the Siberian society, including among the local Jews, who opted for a diasporic model of integration. The Revolution of 1905–1917, the First World War and the Civil War all acted as mobilising factors with regard to this process. The period between the February and the October Revolutions became the time when the institutionalisation of ethnic identity was taking place from both within – through national self-organisation – and from outside – with support from power and political institutions. Of central importance was the question of democratic reorganisation of the Jewish community which was to play the role of the ‘core’ of the system of national self-government on the basis of national-cultural (personal) autonomy. The driving force behind this became political parties, first of all, Zionists and the Bund. The Zionists advocated a ‘*democratic, self-governing and united Jewish community*’ which had to retain its religious character. The Bund followers supported the idea of a ‘*democratic secular community*’. According to both approaches, a system of national self-government had to be created in the form of cultural and national (national-personal) autonomy which would encompass the reorganised Jewish communities. The institutionalisation of Jewish ethnicity in the east of the country was still possible throughout the Civil War – through political and social activity, the democratic reorganisation of the Jewish communities, and the creation of Jewish organisations (political, cultural and sport ones) and schools, but also on the level of discourse (narrative) – through exploration of historical memory. With the establishment of Soviet power, however, all the communities were eradicated. The institutionalisation of ethnicity under the Soviet government meant the introduction of the ‘nationality’ category for censuses, in passports and on different types of application forms and other personal documents. Actively propagandised were symbolic aspects of national (ethnic) identity such as national languages, music, clothes, and cuisine. Reforming the society this way was gradually forcing ethnicity out of public discourse and the practices of everyday life.

REFERENCES

1. Ostrovsky, Yu. (1911) *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Osipov, A.G. (2009) Mekhanizmy institutsionalizatsii etnichnosti [Ethnicity institutionalization mechanisms]. In: Panov, P.V., Sulimov, K.A. & Fadeeva, L.A. (eds) *Soobshchestva kak politicheskiy fenomen* [Communities as a Political Phenomenon]. Moscow:ROSSPEN. pp. 202–221.
3. Malakhov, V.S. (2001) Simvolicheskoe proizvodstvo etnichnosti i konflikt [Symbolic production of ethnicity and conflict]. In: Olcott, M.B. & Semenov, I. (eds) *Yazyk i etnicheskii konflikt* [Language and Ethnic Conflict]. Moscow: Gendal'f. pp. 115–137.
4. Voytinsky, V.S. & Gornstein, A.Ya. (1915) *Evrei v Irkutske* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk: [s.n.].
5. Kalmina, L.V. (2008) [Diasporas in Siberia: patterns and characteristics of integration (mid-19th – early 20th centuries)]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i formiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya Aziatskoy Rossii* [Adaptation mechanisms and practices in traditional and emerging societies: the experience of developing Asian Russia]. Proc. of the All-Russian Conference. Novosibirsk, November 17–18, 2008. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izd-vo. pp. 86–90. (In Russian).
6. Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Dyatlov, V.I. (1996) Evrei: diaspory i “torgovyy narod” [Jews: the diaspora and the “trading people”]. *Sibirskiy evreyskiy sbornik*. 2. pp. 6–14.
8. Rabinovich, V.Yu. (2002) *Evrei dorevolutsionnogo Irkutska: menyayushcheesya men'shinstvo v menyayushchemsya obshchestve* [Jews of pre-revolutionary Irkutsk: a changing minority in a changing society]. Krasnoyarsk: Kleretianum.
9. Moravsky, V. (1939) *Sibirskie evrei i konstitutsiya* [Siberian Jews and the Constitution]. *Sibirskie voprosy*. 35. pp. 15–19.
10. Maksimov, S.V. (1871) *Sibir' i katorga* [Siberia and Katorga]. St. Petersburg: A. Transhel.
11. Dyatlov, V.I. (2012) Mekhanizmy adaptatsii predstaviteley migrantskikh men'shinstv v pereselencheskom obshchestve vostoka pozdneimperskoy Rossii [Adaptation mechanisms for representatives of migrant minorities in the East resettlement society of late-imperial Russia]. *Izvestiya Irkutskogo gos. universiteta. Ser. Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 2(3). pp. 263–269.
12. Karelin, A.P. (ed.) (1914) *Goroda Rossii v 1910 g.* [Russian Cities in 1910]. St. Petersburg: [s.n.].
13. Levin, Z.I. (2001) *Mentalitet diaspory (sistemnyy i sotsiokul'turnyy analiz)* [The diaspora mentality (a systemic and sociocultural analysis)]. Moscow: Kraft.

14. Rabinovich, Ya.I. (2001) *V poiskakh sud'by. Evreyskiy narod v krugovorote istorii* [In search of fate. Jewish people in the cycle of history]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.
15. Galashova, N.B. (2006) *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Jews in the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
16. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (mid-19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
17. Orekhova, N.A. & Kofman, Ya.M. (2009) *Evreyskie obshchiny na territorii Eniseyskoy gubernii (XIX – nachalo 30-kh gg. XX vv.)* [Jewish communities on the territory of the Yenisei province (the 19th – early 1930s)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
18. Cadio, J. (2010) *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1890–1940* [Laboratory of the Empire: Russia / USSR, 1890–1940]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Nam, I.V. (2005) *Evreyskie shkoly v Sibiri (konets XIX v. – nachalo 1919 g.)* [Jewish schools in Siberia (late 19th – early 1919)]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Krasnoyarsk; Barnaul: Klaretianum. pp. 148–164.
20. Nam, I.V. (2014) Institutionalization of Ethnicity in Siberian Resettlement Society (late 19th – early 20th Century). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 10. pp. 34–49. (In Russian).
21. Goldenweiser, A.A. (2002) *Pravovoe polozhenie evreev v Rossii* [The legal status of Jews in Russia]. In: Goldenweiser, A.A. & Aronson, G. (eds) *Kniga o russkom evreystve: ot 1860-kh godov do revolyutsii 1917 g.* [Book on Russian Jewry: from the 1860s to the 1917 Revolution]. Jerusalem; Moscow: Mosty kultury. pp. 115–158.
22. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2003) *Evreyskaya diaspora Sibiri v usloviyakh smeny politicheskikh rezhimov (mart 1917 – fevral' 1920 g.)* [The Jewish diaspora of Siberia in the changing political regimes (March 1917 – February 1920)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
23. Naumova, N.I. (2007) *Evreyskie molodezhnye organizatsii Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [Jewish youth organizations in Siberia during the Civil War]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Krasnoyarsk; Barnaul: Klaretianum. pp. 102–113.
24. Naumova, N.I. (2000) *3-y Vsesibirskiy sionistskiy s"ezd (noyabr' 1918 g.)* [The 3rd All-Siberian Zionist Congress (November 1918)]. In: *Evrei v Sibiri* [Jews in Siberia]. Tomsk: [s.n.]. pp. 26–34.
25. Nam, I.V. (2001) *Demokratizatsiya evreyskikh obshchin Sibiri v usloviyakh revolyutsii i grazhdanskoy voyny (1917–1918 gg.)* [Democratization of the Jewish communities in Siberia during the Revolution and Civil War (1917–1918)]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evreyskie obshchiny Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Jewish Communities of Siberia and the Far East]. Issue 6. Krasnoyarsk-Irkutsk: Klaretianum. pp. 64–70.
26. Rabinovich, V.Yu. (1996) *Zhizn' evreev Sibiri i Urala v 1919 g.: rasskazyvayut dokumenty* [The Life of the Jews of Siberia and the Urals in 1919: Documents Tell]. *Sibirskiy evreyskiy sbornik*. 2. pp. 90–99.
27. Romanova, V.V. (2001) *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke: istoriya vzaimootnosheniy (vtoraya polovina XIX – 20-e gody XX v.)* [Power and Jews in the Far East: a history of relations (the second half of the 19th and 1920s)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
28. Budnitsky, O.V. (2002) *Russkiy liberalizm i evreyskiy vopros (1917–1920)* [Russian liberalism and the Jewish question (1917–1920)]. In: Korableva, E.Yu. (ed.) *Grazhdanskaya vojna v Rossii: sobytiya, mneniya, otsenki* [Civil War in Russia: Events, Opinions, Assessments]. Moscow: Raritet. pp. 517–541.
29. Budnitsky, O.V. (2005) *Rossiyskie evrei mezdu krasnymi i belymi (1917–1920)* [Russian Jews between the Reds and the Whites (1917–1920)]. Moscow: ROSSPEN.
30. Naumova, N.I. (2004) *Liga "Tsukunft" i ee deyatel'nost'. 1918–1919 gg.* [The Zukunt League and its activities. 1918–1919]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Issue 7. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 77–80.
31. Maor, I. (1977) *Sionistskoe dvizhenie v Rossii* [Zionist movement in Russia]. Jerusalem: Biblioteka Aliya.

УДК 94(470)"16/18"
DOI: 10.17223/19988613/64/8

Л.Г. Степанова

ПРИРОДНАЯ СРЕДА НОВОЛАДОЖСКОГО УЕЗДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО СВЕДЕНИЯМ КАМЕРАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 16-01-00283
«Экологические аспекты крестьянского землепользования и освоения окружающей среды
по материалам русских земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени».*

Анализируются материалы Камеральных экономических примечаний к Генеральному межеванию Российской империи, описывающие природную среду Новолadoжского уезда Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в. Для анализа используется электронная база данных, составленная с использованием метода сплошной выборки и содержащая сведения о составе леса на 870 дачах уезда, о видах млекопитающих и птиц на 819 дачах. Данные базы данных позволяют оценить природные ресурсы указанной территории, выявить видовой состав деревьев и кустарников в лесах уезда, а также наиболее распространенные виды животных и птиц в XVIII в., определить последствия воздействия человека на окружающую среду.

Ключевые слова: Камеральные экономические примечания; Генеральное межевание; Новолadoжский уезд; Санкт-Петербургская губерния; лес; млекопитающие; птицы.

В последние годы российские исследователи стали чаще обращать внимание на проблемы экологической истории. Но до сих пор вне поля их зрения остаются актуальные вопросы освоения окружающей среды в различные исторические эпохи. Между тем отношения человека с окружающей средой, под которой в первую очередь подразумеваются определенные природные условия местности, носят двусторонний характер: как человек влияет на природу, так и она оказывает несомненное влияние на человека. Однако, увлекаясь социальными проблемами, мало кто задумывается о том, что окружающая среда постоянно меняется, а это в дальнейшем сказывается на уровне и качестве жизни людей.

В фундаментальной работе Йохима Радкау «Природа и власть» высказана мысль, что экологическая история, по сути, изучает непредумышленные последствия человеческих действий [1. С. 15]. С этим нельзя не согласиться. Бездумное уничтожение лесов, распахивание больших массивов земель, бесконтрольная охота на зверей и птиц, хищнический вылов рыбы привели к уничтожению многих видов флоры и фауны, изменению климата и в целом к оскудению природных ресурсов. Отношение человека к природе в каждом уголке мира имеет собственную историю.

Рост экологических проблем в середине XX в. привел к тому, что западные историки стали поднимать в своих исследованиях актуальные темы, связанные с изучением взаимоотношений человека и окружающей среды в разные периоды времени. Исследователей в первую очередь интересовали последствия европейской колонизации [2], аграрного производства, религиозные аспекты природопользования, вопросы лесопользования, развития рыболовства [3], принятие государственных программ, направленных на сохранение

окружающей среды [4], становление экологического сознания [5]. Расширение тематики исследований шло от региональных и страноведческих проблем к глобальным, волнующим мировое сообщество, но вместе с тем выяснилось, что без изучения отдельных регионов фундаментальные выводы сделать невозможно.

Экологическая история в России находится только на первоначальном этапе своего становления, а среди изучаемых оказываются темы, в основном связанные с экологическими последствиями промышленного развития, экологической историей городов, изучением проектов преобразования окружающей среды в советские годы. В то же время проблемы, возникшие от воздействия человека на природную среду в более ранние периоды, освещаются лишь в отдельных работах [6–8]. Между тем многие современные экологические проблемы уходят своими корнями в глубину веков. В то же время, по мнению специалистов, экологический подход может открыть потрясающие возможности изучения российской истории [9. С. 62].

Методология экологической истории основывается на детальной проработке материала на микроуровне. Применить такой подход при изучении отдельных регионов России позволяют материалы Генерального межевания земель, которые предоставляют возможность оценить состояние окружающей среды как на уровне регионов, так и на уровне отдельных поселений. В ходе Генерального межевания земель, начавшегося в царствование Екатерины II и продолжавшегося более века, был выполнен огромный объем работ по описанию и картографированию земельного фонда в 35 губерниях Российской империи. Наибольший интерес в этом комплексе документов представляют Камеральные и Полные экономические примечания, содержащие помимо прочих данных подробное описание

природной среды размежеванных дач, представлявших собой участки земли в рамках действительных границ владений. В территорию одной дачи могли входить земли как одного, так и нескольких владельцев, которые находились в округе определенного селения или пустоши вместе с расположенными на них лесами и пашнями, сенокосами и болотами, проселочными дорогами и речками, ручьями и озерами.

Камеральные экономические примечания к Генеральным планам являются наиболее ранним вариантом Экономических примечаний, составленных во второй половине XVIII в. на первом этапе межевых работ [10. С. 119]. По мнению Л.В. Милова, проводившего тщательный источниковедческий анализ Экономических примечаний, этот вариант Примечаний является весьма содержательным [11. С. 71]. Особую ценность данным источникам придает тот факт, что они в большинстве случаев составлялись на основании крестьянских «сказок», служивших исходными материалами для землемеров, поэтому сохранили до наших дней достаточно подробные сведения о природных особенностях конкретной местности, выражающиеся в описании состава флоры и фауны размежеванной дачи.

Основной фонд Экономических примечаний к Генеральному межеванию составляют Краткие экономические примечания, которые ранее исследователи достаточно успешно использовали при изучении социально-экономической истории. Однако они являются малоинформативными в отношении природной среды. Описания конкретных видов деревьев, животных и птиц встречаются в них лишь в редких случаях, что не позволяет получить целостную картину изучаемой территории. В то же время Камеральные экономические примечания дошли до наших дней не по всем уездам и далеко в не полной сохранности, поскольку в ходе работы в межевых конторах они использовались в качестве источников справочной информации. Поэтому нахождение в архиве варианта Камеральных экономических примечаний по отдельным территориям Российской империи является большой удачей.

В межевом отделе РГАДА сохранились Камеральные экономические примечания по Новоладожскому уезду Санкт-Петербургской губернии, где Генеральное межевание земель проводилось в 1781–1795 гг. Новоладожский уезд располагался в северо-восточной части губернии, его территория тянулась вдоль побережья Ладожского озера. Уезд был образован в 1727 г. на основе Ладожского уезда Водской пятины и входил сначала в Новгородскую губернию, а с 1776 г. – в Новгородское наместничество. К началу Генерального межевания уезд вошел в состав Санкт-Петербургской губернии. Земли Новоладожского уезда были заселены с глубокой древности. Старая Ладога была известным торговым центром на пути «из варяг в греки». Город Новая Ладога был основан Петром I в 1704 г. на месте впадения реки Волхов в Ладожское озеро. В 1719 г. Петр начал строительство канала вдоль берега Ладожского озера, который должен был соединить Волхов с Невой. В XVIII–XIX вв. Петровский (Староладожский) канал обеспечивал судоходство на этой территории в обход Ладожского озера, отличавшегося частыми

штормами, приводившими к гибели кораблей. Эта важная миссия выполнялась им вплоть до строительства Новоладожского канала в 1861–1866 гг. Близость к судоходным транспортным артериям и к самой столице наложили отпечаток на природную среду уезда, подвергавшуюся воздействию со стороны людей. Староладожский судоходный канал вбирал в себя воду из протекавших рядом рек и речушек, его берега искусственно укреплялись, рядом были построены искусственные пруды-резервуары. Более интенсивно развивалась и прилегающая к нему территория, появились новые поселения, развивались промыслы и ремесла. Изучение видового состав растений и животных и их распространенности позволяет выявить последствия воздействия человека на окружающую среду и оценить природные ресурсы данной территории в конкретную историческую эпоху.

В Кратком табеле к Генеральному межеванию города Новой Ладogi и уезду, сочиненному после межевания в Новгородской межевой конторе, содержатся сводные данные о количестве различных земельных угодий в Новоладожском уезде в конце XVIII в. В это время в уезде вместе с градской насчитывалось 742 396 д. 542 с. земли, в том числе 38 387 д. 2 236 с. пашни, 564 382 д. 675 с. лесу дровяного и строевого, 18 385 д. 1 972 с. сенокосу и 119 525 д. 603 с. различной неудобной земли. Под поселениями находилось 1 714 д. 2 256 с. земли [12. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1154. Л. 283–284].

Для оценки состояния лесов, определения наиболее распространенных в это время видов деревьев и кустарников, зверей и птиц была создана электронная база данных, в основу которой легли данные Камеральных экономических примечаний к Генеральному плану города Новой Ладogi с уездом [Там же. Л. 1–282]. При создании базы данных использовался метод сплошной выборки, когда записи о деревьях и кустарниках, животных и птицах вносились в базу по мере их встречаемости в источнике. Использование данного метода позволило получить исчерпывающиеся данные по конкретному региону и, несмотря на большую трудоемкость, было более оправданно по сравнению использованием метода случайной выборки, который более приемлем на больших массивах данных при сравнительном изучении регионов. Благодаря этому в базу данных в отличие от других работ с использованием сведений Экономических примечаний попали все упоминания о конкретных видах флоры и фауны изучаемой территории.

В результате в электронную базу данных, характеризующую природную среду Новоладожского уезда, вошли 870 из 1 059 дач (82,2% от всех дач уезда). На основании данных Краткого табеля лесистость уезда, свидетельствующая о соотношении пространства, занятого лесом, к общему количеству земли в уезде, составляла 76%. Под лесом испокон веков понималось пространство, покрытое растущими и рослыми деревьями. Лес использовался людьми и для строительства домов, и для изготовления различных промысловых и столярных изделий, и для обогрева помещений. В Новоладожском уезде межевщики выделяли дровяной, мелкий дровяной и строевой лес. При этом дровяной лес был отмечен на территории 735 дач (84,5% от дач,

вошедших в базу), мелкий дровяной – на территории 99 дач (11,4%), строевой – только на территории 6 дач (0,7%). На 250 дачах (28,7%) состав леса не приводился, на остальных дачах землемеры перечисляли конкретные виды произрастающих деревьев и кустарников.

Анализ базы данных позволил заключить, что в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии

в конце XVIII в. лес по своему составу был смешанным. Выясняется, что береза упоминалась на 583 дачах (67%), ель – на 564 (64,8%), сосна – на 538 (61,8%), ольха – на 516 (59,3%), можжевельник – на 390 (44,8%), осина – на 304 (34,9%), ива – на 163 (18,6%), рябина – на 61 (7%), черемуха – на 12 (1,4%), липа – на 7 (0,8%) (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Состав леса в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в.

№	Деревья	Весь лес		Дровяной		Мелкий дровяной		Строевой	
		дач	%	дач	%	дач	%	дач	%
1	Береза	583	67	485	65,9	98	99	6	100
2	Ель	564	64,8	466	63,4	98	99	6	100
3	Сосна	538	61,8	442	60,1	96	96,7	6	100
4	Ольха	516	59,3	435	59,2	81	81,8	6	100
5	Можжевельник	390	44,8	301	41	89	89,9	4	66,7
6	Осина	304	34,9	297	40,4	7	7,1	4	66,7
7	Бредовой	208	23,9	205	27,9	3	3	5	83,3
7	Ива	162	18,6	92	12,5	70	70,7	–	–
8	Рябина	61	7	61	8,3	–	–	4	66,7
9	Черемуха	12	1,4	12	1,6	–	–	1	16,7
10	Липа	7	0,8	–	–	7	7,1	–	–
11	Не описаны	250	28,7	249	28,7	1	1	–	–

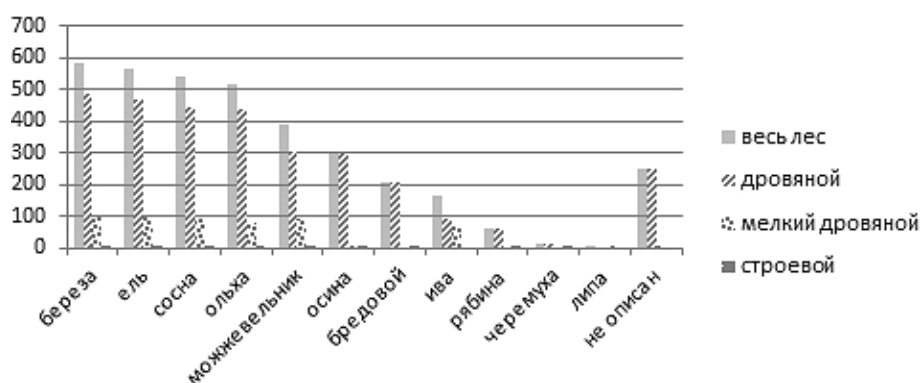


Рис. 1. Общее количество упоминаний видов деревьев в лесах Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в.

Кроме этого, на 208 дачах (23,9%) лес характеризовался как бредовой. Подобное название леса использовалось в Камеральных экономических примечаниях по Санкт-Петербургской губернии наряду с упоминанием ивового леса, но оно не встречалось, к примеру, в Полных экономических примечаниях, описывающих природную среду соседней Новгородской губернии [13. С. 345–355]. В Толковом словаре В.И. Даля бредовым называется нечто состоящее или сделанное из бредины. В свою очередь, к бредине отнесены различные виды деревьев, в том числе ива, верба, ветла, ракета, лоза. Отмечается, что в русских названиях виды этого рода шатки [14. С. 128]. «Бредовой лес» является собирательным наименованием деревьев и кустарников, произрастающих, как правило, в сырых местах, по берегам рек или рядом с водой на переувлажненных почвах.

Несмотря на большие площади, занятые лесом в уезде, в целом он ценился не очень высоко из-за отсутствия хорошего строевого, а тем более мачтового или заповедного леса. На небольшом количестве дач в составе строевого леса назывались ель и сосна, достигавшие в отрубе от 6–7 до 8–10 вершков и вышины от 9 до 11 сажень. Рядом с этими деревьями в подлеске

упоминались также береза, ольха, осина, рябина, черемуха, можжевельник и та же бредина. Основная часть леса в Новолодожском уезде относилась к дровяному лесу. В его составе преобладали береза (65,9%), ель (63,4%), сосна (60,1%) и ольха (59,2%). Затем по распространенности шли осина (40,4%) и можжевельник (41%). Особое место занимал бредовой лес, встречающийся на четвертой части от всех дач (27,9%). На каждой десятой даче росла ива (12,5%), нередко встречалась и рябина (8,3%). В то же время черемуха была представлена лишь в небольшом количестве (1,6%).

Достаточно часто в Новолодожском уезде фиксировался и мелкий дровяной лес. В Камеральных экономических примечаниях он упоминается на 99 дачах. Его состав был идентичен дровяному лесу, но виды деревьев и кустарников находились в другом соотношении друг с другом: береза и ель произрастали на 98 дачах (98,9% от всего мелкого дровяного леса), сосна – на 96 (96,7%), можжевельник – на 89 (89,9%), ольха – на 81 дачах (81,8%), ива – на 70 (70,1%), осина и липа – на 7 (7,1%). Бредовой лес упоминался только на 3 дачах (3%).

Состав зверей в лесах Новолодожского уезда землемеры зафиксировали на 819 дачах (94,3% от всех

дач, включенных в базу). В представленную выборку было включено 3 601 упоминание о животных, относящихся к 7 видам млекопитающих.

Среди крупных зверей на 692 дачах (84,5%) назывался медведь. На 701 даче уезда (85,6%) водились волки и лисицы, на 683 дачах (83,4%) – зайцы, на 632 (77,2%) – белки. Как выясняется, в конце XVIII в. в уезде имелись пушные животные с ценным мехом.

Так, на 21 даче (2,6%) были отмечены горностаи – небольшие хищные зверьки семейства куньих, на 92 даче (11,2%) – куницы. На 70 дачах (8,5%) названия животных не приводились, подчеркивалось только, что на них водятся звери разных пород. При описании 3 дач отмечалось, что в лесу бывают звери разных родов, еще на 3 дачах встречались только звери мелких родов (табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Видовой состав зверей в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в.

№	Животные	Весь лес		Дровяной		Мелкий дровяной		Строевой	
		дач	%	дач	%	дач	%	дач	%
1	Медведи	692	84,5	608	82,7	84	84,8	6	100
2	Волки	702	85,7	613	83,4	89	89,9	6	100
3	Лисицы	702	85,7	618	84,1	84	84,8	5	83,3
4	Зайцы	683	83,4	594	80,8	89	89,9	5	83,3
5	Белки	633	77,3	567	77,1	66	66,7	6	100
6	Куницы	92	11,2	92	12,5	–	–	2	33,3
7	Горностаи	21	2,6	10	1,4	11	11,1	–	–
8	Разных пород	70	0,4	68	9,3	2	2	–	–
9	Мелких пород	3	0,4	3	0,4	–	–	–	–
10	Бывают разных пород	3	0,4	3	0,4	–	–	–	–
11	Не описаны	19	2,3	11	1,5	8	8,1	–	–

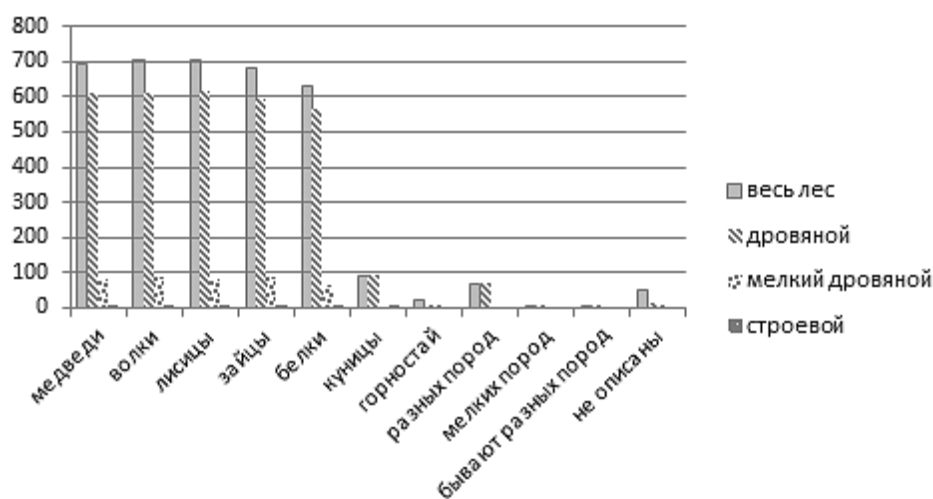


Рис. 2. Общее количество упоминаний видов зверей в лесах Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в.

На всех шести дачах со строевым лесом были перечислены обитавшие в нем звери. Как выяснилось, в строевом лесу обязательно присутствовали медведи, волки и белки, почти всегда были лисицы и зайцы. Однако не были отмечены горностаи, и только в двух случаях назывались куницы. Также крупные и хищные животные почти повсеместно водились и в мелком дровяном лесу. Так, медведи и лисицы встречались на территории 84 (84,8%) из 99 дач с мелким дровяным лесом, волки – на 89 (89,9%) дачах. Широко в нем были также распространены зайцы (89,9%), на более чем половине дач – белки (66,7%). Здесь не встречались куницы, выбиравшие для поселения высокие деревья с дуплами. Зато в мелком лесу было зафиксировано 11 горностаев, предпочитающих селиться по берегам и поймам рек, озер, речушек и ручьев, а также в зарослях кустарника, что составляет чуть более половины от встречающихся в Новолодожском уезде.

В дровяном лесу водились все 7 видов млекопитающих, упоминаемых в Камеральных экономических примечаниях по Новолодожскому уезду. Помимо этого, именно в дровяном лесу отмечались различные виды животных, в том числе и мелких, без конкретного названия. Распространенность видов животных в дровяном лесу примерно совпадает с их распространенностью во всех лесах Новолодожского уезда, что объясняется преобладанием такого леса на данной территории. Однако в чаще в дровяном лесу упоминались лисицы (84,1%), затем шли волки (83,4%) и медведи (82,7%). Чуть реже в дровяном лесу, чем в мелком дровяном, фиксировались зайцы (80,8%). И, в отличие от мелкого дровяного леса, здесь на 92 дачах (12,5%) зафиксированы почти все куницы, на 10 дачах (1,4%) упомянуты горностаи.

Различные виды лесных, полевых и речных птиц были названы в Новолодожском уезде также на 819 дачах. В выборку включено 4 930 упоминаний названий птиц в Камеральных экономических приме-

чаниях, представленных 19 их видами (табл. 3, рис. 3).

Наиболее часто на дачах в уезде упоминались охотничьи виды птиц: тетерева отмечены на 738 дачах (90,1%), рябчики – на 723 дачах (88,3%), куропатки – на 655 (88,3%). На 285 дачах (35%) имелись перепелки, на 160 дачах (19,5%) – дикие утки. На 128 дачах (15,6%) встречались также дикие голуби, на 61 даче (7,5%) зафиксированы дикие гуси. Среди

лесных птиц наиболее распространенными были чижи, отмеченные на 437 дачах (53,4%), дрозды, которые встречались на 406 дачах (49,6%), а также щеглы, водившиеся на 352 дачах (43%). В лесах уезда имелись соловьи (29,2%), дятлы (14,4%), кукушки (14,1%), синицы (12,1%). Среди полевых птиц часто упоминались жаворонки, которые встречались на 280 дачах (34,2%), при водах – кулики, отмеченные на 121 даче (14,8%).

Таблица 3

Видовой состав птиц в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в.

№	Птицы	Весь лес		Дровяной		Мелкий дровяной		Строевой	
		дач	%	дач	%	дач	%	дач	%
1	Тетерева	738	90,1	649	84,2	89	89,9	6	100
2	Куропатки	655	80	572	74,2	83	83,8	5	83,3
3	Дрозды	406	49,6	393	51	13	13,1	–	–
4	Синицы	99	12,1	99	12,8	–	–	3	50
5	Перепелки	287	35	265	34,4	22	22,2	3	50
6	Рябчики	723	88,3	634	82,2	89	89,9	5	83,3
7	Чижи	437	53,4	417	54,1	20	20,2	6	100
8	Щеглы	352	43	346	44,9	6	6,1	5	83,3
9	Жаворонки	280	34,2	258	33,5	22	22,2	3	50
10	Соловьи	239	29,2	223	28,9	16	16,2	2	33,3
11	Дятлы	118	14,4	118	15,3	–	–	4	66,7
12	Дикие голуби	128	15,6	119	15,4	9	9,1	–	–
13	Ястребы	1	0,1	–	–	1	1	–	–
14	Кукушки	119	14,3	119	15,4	–	–	4	66,7
15	Журавли	4	0,5	2	0,3	2	2	–	–
16	Кулики	121	14,8	103	13,4	18	18,2	3	50
17	Дикие утки	160	19,5	137	17,8	23	23,2	3	50
18	Дикие гуси	61	7,5	45	5,8	16	16,2	–	–
19	Чайки	2	0,2	–	–	2	2	–	–
20	Разных пород	118	14,4	110	14,3	8	8,1	2	33,3
21	Мелких родов	185	22,6	177	23	8	8,1	1	16,7
22	Не описаны	51	6,3	43	5,6	8	8,1	–	–

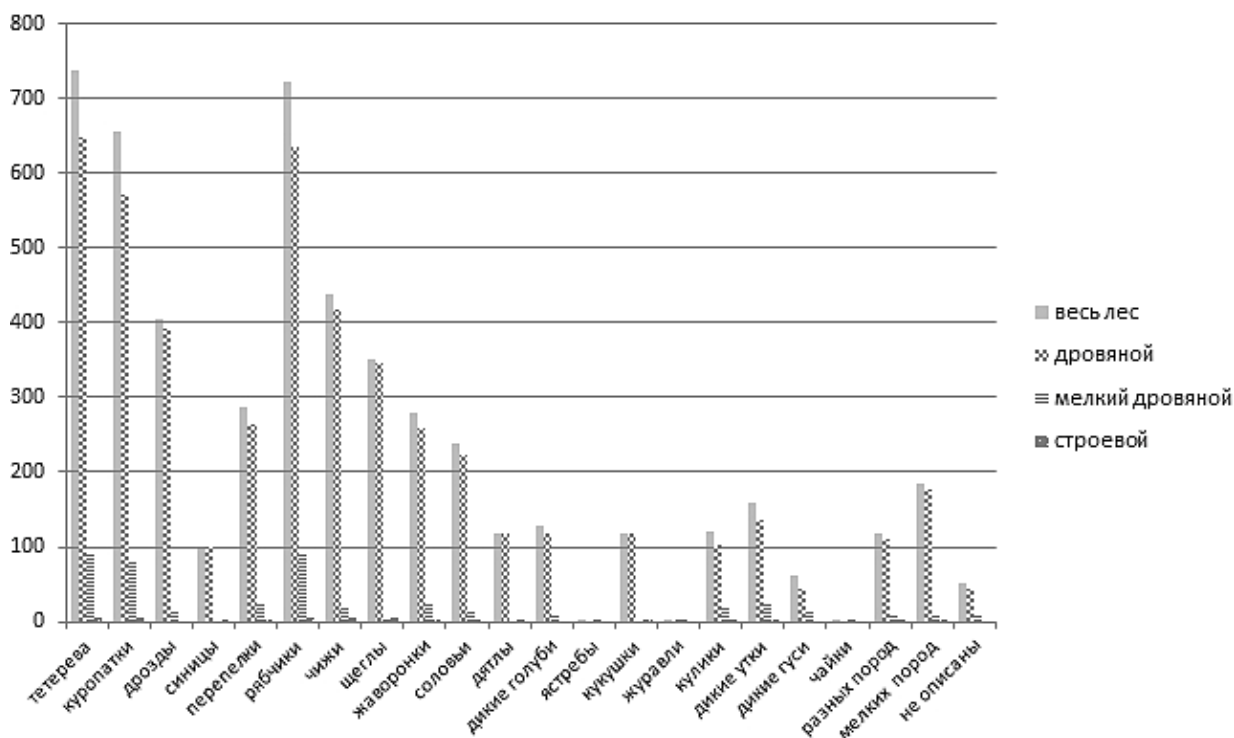


Рис. 3. Общее количество упоминаний видов птиц в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в.

Кроме названных видов птиц в Камеральных экономических примечаниях встречаются отдельные записи о журавлях (4 случая, или 0,4%), чайках (2 случая, 0,2%) и ястребах (1 случай, 0,1 %). Но зачастую при описании птиц их конкретные виды не назывались, землемеры ограничивались лишь словами: «водились птицы разных пород» (118 дач, 14,4%) и «водились птицы мелких пород» (185 дач, 22,6%). При более детальном рассмотрении выясняется, что видовой состав птиц и их соотношение в дровяном лесу в целом совпадает с видовым составом и соотношением птиц во всех лесах Новолодожского уезда. Тем не менее единственный зафиксированный в Экономических примечаниях ястреб упоминается на даче с мелким дровяным лесом, как и чайки, обитающие во внутренних водоемах. На дачах с мелким дровяным лесом не встречались синицы, дятлы, кукушки, но чаще, чем на дачах с дровяным лесом, упоминались тетерева, куропатки, рябчики, кулики, дикие утки и дикие гуси, что объясняется естественным распределением данных видов птиц в зависимости от среды обитания. Среди пернатых на дачах со строевым лесом не упоминались дрозды, дикие голуби, журавли, дикие гуси и чайки.

Таким образом, созданная база данных на основании сведений Камеральных экономических примечаний к Генеральному межеванию позволила оценить видовой состав леса, животных и птиц в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в. и распространенность конкретных видов на данной территории. Выясняется, что в Камеральных экономических примечаниях по Новолодожскому уезду зафиксировано 9 видов деревьев и кустарников, 7 видов млекопитающих и 20 видов птиц. Несомненно, это количество не отражает всего биоразнообразия растительного и животного мира уезда, но позволяет сделать заключение, что в Камеральных экономических примечаниях записи о конкретных деревьях и кустарниках, живот-

ных и птицах делались исходя из их большей распространенности на конкретной территории и значимости для населения. Несмотря на это, наличие и распространенность определенных представителей флоры и фауны может служить своеобразным индикатором происходящих в природной среде процессов.

Анализ базы данных позволил сделать вывод о том, что природная среда Новолодожского уезда в конце XVIII в. уже отражала результаты антропогенной нагрузки, выражавшейся в преобразовании ее природных ландшафтов. Выяснилось, что в конце XVIII в. в уезде не было в достаточном количестве строевого леса, а имеющийся не отличался высоким качеством. В лесах Новолодожского уезда было зафиксировано лишь небольшое количество ценных пушных зверей. В уезде очень редко упоминались хищные птицы. Тем не менее крупные млекопитающие, такие как медведь, волки, лисы, встречались достаточно часто. Повсеместно в конце XVIII в. в Новолодожском уезде были распространены зайцы и охотничьи виды птиц – тетерева, куропатки, рябчики, перепелки, встречались дикие гуси и дикие утки. Наличие в это время большого количества упоминаний о крупных млекопитающих, а также об охотничьих видах зверей и птиц позволяет заключить, что в уезде в это время еще имелись значительные природные ресурсы. Уже после Генерального межевания в течение двух столетий численность многих видов сократилась до критической отметки. В Красную книгу природы Ленинградской области теперь внесены серая и белая куропатки, обыкновенный перепел, серый гусь, серая утка. К редким видам отнесены и многие виды лесных птиц [15. С. 333–430.]. Все изменения, произошедшие в природной среде данной территории, стали последствием антропогенного воздействия, заключавшегося в хозяйственной деятельности человека, приводящей к разрушению природных экосистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
2. Crosby A.W. Ecological Imperialism: the Overseas Migration of Western Europeans as Biological Phenomenon // The Texas Quarterly. 1978. Vol. 21. P. 10–22.
3. Stubbs B.J. Land Improvement or Institutionalized Destruction? The Ring barking Controversy, 1879–1884, and the Emergence of a Conservation Ethic in New South Wales // Environment and History. 1998. Vol. 4. P. 145–167.
4. Grove R.H. Ecology, Climate and Empire: Colonial-ism and Global Environmental History, 1400–1940. Cambridge, 1997. 237 p.
5. Kula E. History of Environmental Economic Thought. London, 1998. 235 p.
6. Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А. Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 165–169.
7. Румянцев В.Ю., Голубинский А.А., Солдатов М.С., Хитров Д.А. Земледельческое освоение и состояние фауны Европейской России по материалам Генерального межевания // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013. № 1. С. 89–107.
8. Дубман Э.Л. Источниковедческие аспекты реконструкции природных условий Южного Средневожья в середине XVII – начале XVIII в. // Человек и природа: история взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики : материалы XXX Междунар. науч. конф. М. : РГГУ, 2017. С. 114–117.
9. Мак-Нилл Дж.Р. О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история / под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемейера, Ю. Лайус. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге ; Алетей, 2008. С. 23–83.
10. Горский А.А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века: опыт количественного анализа // История СССР. 1984. № 6. С. 117–122.
11. Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М. : МГУ, 1965. 312 с.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
13. Stepanova L. Natural environment of Valdai on the materials of General land survey // Bylye Gody. 2016. Vol. 40, is. 2. P. 345–355.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.–СПб. : Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. 1. 808 с.
15. Красная книга природы Ленинградской области. СПб. : Мир и семья, 2002. Т. 3: Животные. 480 с.

Liliya G. Stepanova, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: liliya_stepanova@list.ru

THE NATURAL ENVIRONMENT OF THE NOVOLADOZHISKY UYEZD OF ST. PETERSBURG PROVINCE ON THE INFORMATION OF THE CAMERAL ECONOMIC NOTES TO THE GENERAL LAND SURVEYING OF THE RUSSIAN EMPIRE

Keywords: Cameral economic notes; General land surveying; Novoladozhsky uyezd; St. Petersburg province; forest; mammals; birds.

The purpose of this study is to assess the anthropogenic impact of humans on the natural environment of the Novoladozhsky uyezd in the St. Petersburg province at the end of the 18th century. The Cameral economic notes to the General land surveying of the City of Novaya Ladoga and the uyezd containing the description of 1,059 dachas (summer houses) became the sources of the study. Unlike the Brief economic notes, the Cameral economic notes contain, among other things, a description of the natural environment of delimited dachas. On the basis of these data, an electronic database which included information on the composition of the forest on the territory of 870 dachas, on the species of mammals and birds on the territory of 819 dachas in the uyezd was compiled. When creating the database, the method of continuous sampling was used, so all records of trees and shrubs, animals and birds were added to the database as they were found in the source. Analysis of the database made it possible to obtain new data on the natural environment of the uyezd at the end of the 18th century. It turned out that forestry part of the uyezd was 76%. The main part of the forest was related to wood, the amount of timber was insignificant. The forest in its composition was mixed with the prevalence of birch, spruce, pine and alder. In the fifth part of the dachas, the forest was called delirious. It is a forest characterized by different types of trees, including willow, salley, vine, growing on the banks of rivers or near the water. In the uyezd's forests the Cameral economic notes recorded seven species of mammals, including bears, wolves, foxes, hares and squirrels, whose abundance was very high. Among the fur-bearing animals there were martens in 92 cottages and ermines were found in 21 dachas. The rest of the animals were collectively called "beasts of different breeds". 19 species of birds are found in forests, fields and at the waters of the county. Black grouse, hazel grouse and partridges were the most common species in every eighth and ninth dacha. In every third dacha there were quails, on every fifth one wild ducks lived. Wild pigeons and wild geese were found in the uyezd as well. Among the forest birds, the most common were the siskins, thrushes, and goldfinches, found at half part of the dachas. In the forests of the uyezd, nightingales, woodpeckers, cuckoos, tits were also born. Among the field birds, larks and waders were often mentioned. There are also separate records about cranes, gulls, hawks. The remaining species are recorded in the source as "birds of different species".

The study showed that the presented species of plants, animals and birds did not reflect all the biodiversity of flora and fauna of the uyezd. Records on specific species in the Cameral economic notes were made on the basis of their greatest prevalence and significance for the population. At the same time, their presence and prevalence in the territory can serve as a kind of indicator of the processes taking place in the natural environment. By the end of the 18th century the natural environment of the Novoladozhsky Uyezd had already reflected the results of the anthropogenic load, expressed in the transformation of its natural landscapes. It presented itself in the absence of a sufficient amount of timber and its poor quality, and in a small number of fur-bearing animals, a rare mention of birds of prey as well. However, the presence of a large number of references to large mammals, as well as hunting species of animals and birds, suggests that there were still significant natural resources in the county.

REFERENCES

1. Radkau, J. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and power. World Environment History]. Translated from German. Moscow: HSE.
2. Crosby, A.W. (1978) Ecological Imperialism: The Overseas Migration of Western Europeans as Biological Phenomenon. *The Texas Quarterly*. 21. pp. 10–22. DOI: 10.1017/CBO9781139173599.006
3. Stubbs, B.J. (1998) Land Improvement or Institutionalized Destruction? The Ring barking Controversy, 1879–1884, and the Emergence of a Conservation Ethic in New South Wales. *Environment and History*. 4. pp. 145–167. DOI: 10.3197/096734098779555628
4. Grove, R.H. (1997) *Ecology, Climate and Empire: Colonialism and Global Environmental History, 1400–1940*. Cambridge: White Horse.
5. Kula, E. (1998) *History of Environmental Economic Thought*. London: Routledge.
6. Khitrov, D.A., Golubinsky, A.A. & Chernenko, D.A. (2013) Lesa Tsentral'nogo Chernozem'ya v materialakh General'nogo mezhevaniya [Central Chernozem Region forests in the ordinance survey documentation]. *Vestnik VGU. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 1. pp. 165–169.
7. Rumyantsev, V.Yu., Golubinsky, A.A., Soldatov, M.S. & Khitrov, D.A. (2013) Zemledel'cheskoe osvoenie i sostoyanie fauny Evropeyskoy Rossii po materialam General'nogo mezhevaniya [Agricultural development and the state of the fauna of European Russia according to the Ordinance Survey documents]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1. pp. 89–107.
8. Dubman, E.L. (2017) [The source studies of the reconstruction of the natural conditions in the Southern Middle Volga in the middle of the 17th – early 18th century]. *Chelovek i priroda: istoriya vzaimodeystviya, istochniki i informatsionnye resursy, vizual'nye obrazy i issledovatel'skie praktiki* [Man and Nature: History of Interaction, Sources and Information Resources, Visual Images and Research Practices]. Proc. of the 30th International Conference. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 114–117. (In Russian).
9. McNeill, J.R. (2008) O prirode i kul'ture ekologicheskoy istorii [On the nature and culture of environmental history]. In: Aleksandrov, D., Bruggemayer, F.-J. & Laus, J. (eds) *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya* [Man and Nature: Environmental History]. St. Petersburg: Aletyya. pp. 23–83.
10. Gorsky, A.A. (1984) Ekonomicheskie primechaniya k General'nomu mezhevaniyu kak istochnik po istorii sel'skogo khozyaystva Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka: opyt kolichestvennogo analiza [Economic notes to the General land surveying as a source on the history of agriculture in Russia in the second half of the 18th century: an experience of quantitative analysis]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 117–122
11. Milov, L.V. (1965) *Issledovanie ob "Ekonomicheskikh primechaniyakh" k General'nomu mezhevaniyu (K istorii russkogo krest'yanstva i sel'skogo khozyaystva vtoroy poloviny XVIII v.)* [A study on the "Economic Notes to the General Land Survey (On the history of the Russian peasantry and agriculture in the second half of the 18th century)"]. Moscow: Moscow State University.
12. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA).
13. Stepanova, L. (2016) Natural environment of Valdai on the materials of General land survey. *Bylye Gody*. 40(2). pp. 345–355.
14. Dal, V.I. (1880) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: M.O. Wolf.
15. Noskov, G.A. (ed.) (2002) *Krasnaya kniga prirody Leningradskoy oblasti* [Red Data Book of Nature of the Leningrad Region]. Vol. 3. St. Petersburg: Mir i sem'ya.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(470)

DOI: 10.17223/19988613/64/9

С.В. Бирюков

ГАЛИЧИНА–УКРАИНА: СОВРЕМЕННЫЕ АНТИНОМИИ ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

На основании материалов периодической печати Украины и трех областей Галичины, публицистики и экспертных интервью предлагается обобщенный анализ особенностей и внутренних противоречий галичанского политического дискурса, исходя из особенностей позиционирования этого региона по отношению к остальной Украине. Изучается современное состояние галичанского дискурса, являющееся реакцией на политические и идеологические изменения в стране после 2014 г., а также на результаты президентских выборов 31 марта – 21 апреля 2019 г.

Ключевые слова: Галичина; Украина; дискурс; культурная идентичность; миссия; национально-государственное строительство; политические проекты.

Политический дискурс, продвигаемый той или иной политической силой либо общностью людей, нуждается в регулярном обновлении. Ибо в случае, если его содержание придет в противоречие с реальностью, он рискует превратиться в симулякр – потеряет способность быть основанием символического капитала и легитимности определенного политического проекта. Особенно если речь идет о дискурсах национального самосознания и национальной идеи.

Как справедливо заметил в свое время один из крупнейших историков XX в. Э. Хобсбаум, «не нации формируют государства, но государства формируют нации» [1]. В случае же отсутствия у определенной этнической общности собственного «титального» государства ею может быть использована модель культурной нации (на основе единой разделяемой культурной идентичности – общих ценностей, символов и др.). В исторической этнологии со времен Ф. Майнеке понятие нации имеет двойственное значение – Volknation и Staatnation [2], т.е. этнонации и нации в простом гражданском смысле. Рано или поздно возникает ситуация, когда «культурная нация» перерастает свои прежние формы, и трансформируется в политическое сообщество граждан. Однако в процессе такого национализма возможна специфическая ситуация, когда ограниченная рамками одного региона «авангардная» протонация не может выйти за свои культурные «рубежи» и превратиться в государственную нацию, распространяя свою идентичность и культуру на целую страну.

Именно таким, на взгляд автора, является случай Галичины по отношению к остальной Украине. Галичина, имеющая свое особое видение «украинской идеи», несмотря на свои политические и культуртрегерские успехи последних полутора десятилетий, все же неспособна пока утвердить выработанное ею видение национально-государственной и культурно-цивилизационной идентичности в масштабах всей Украины.

Галичане, как справедливо отмечают некоторые исследователи, исторически отягощены рядом комплексов, обособляющих их от остальной Украины, – комплексами мессианства и верховенства и одновременно комплексом уязвимости перед «большой Украиной», которая испытывает на себе значительное русское влияние и тем самым, по мнению политикума и значительной части социума Галичины, угрожает галичанской самобытности и миссии [3]. По мнению львовского публициста В. Павлива, «Галичина все еще едина в своей архаической провинциальной европейскости (которой и в Европе самой-то не сыщешь уже), в своем антикоммунизме и русофобии, в закостенелой верности “традициям предков”, кто бы что под этим не подразумевал» [4].

Наиболее значимым для Галичины является противоречие между восприятием себя в качестве «малой культурной нации», сложившейся в особом региональном пространстве и ориентированной на Европу, и политической ролью «украинского Пьемонта», предполагающей экспансию и подчинение себе (политическое, но прежде всего идеологическое) «большой Украины» в рамках условного «соборного проекта»; в противном случае многолетняя миссия Галичины по сохранению «аутентичной украинскости» лишается смысла. Собственных ресурсов Галичины (политических, экономических, демографических, культурно-информационных), как показал политический опыт XX в., для выполнения этой миссии неизменно оказывалось недостаточно (вспомним печальный опыт «злуки» УНР и ЗУНР на короткий период в 1919 г.). Таким образом, складывалась ситуация, когда миссия Галичины могла быть востребована в случае благоприятной ситуации в масштабах «большой Украины», в то время как распространение на последнюю политического влияния «русского мира» грозило поместить Галичину в политическую и идеологическую «изоляция».

Как следствие, многие значимые вопросы политического бытия «украинского Пьемонта» остаются пока без ответа. Каковы в современных условиях пределы экспансии Галичины в пределы остальной Украины? Какая модель взаимоотношений «острова Галичина» и «Украины за Збручем» являются оптимальными? В чем могли бы состоять гарантии сохранения за Галичиной особого статуса и миссии по отношению к остальной Украине, которые бы не предполагали чрезмерного перенапряжения сил и потери ею своей культурной и цивилизационной самобытности? Политическая история Украины после обретения ею независимости в 1991 г. не предложила окончательных ответов на эти вопросы, в то время как галичанская политическая мысль сформулировала несколько основных подходов к ее возможному решению.

1. Галичанский сепаратизм с обращением к модели «малого государства» и к опыту Королевства Галиции и Лодомерии, с отказом от идеи большой и единой Украины – подобные идеи выдвигает О. Хавич, директор Института Западно-Украинских исследований (Черновцы), ныне проживающий в эмиграции в Польше [5]. Подобная позиция сегодня, очевидно, не имеет популярности и перспектив ни в Галичине, ни в остальной Украине.

2. Дистанцирование от украинского проекта с целью сосредоточения на самой себе как части центрально-европейского (восточно-европейского) пространства – подобный проект выдвигал до 2014 г. львовский журналист О. Дроздов [6]. Однако ресурсы Галичины – политические и иные – сегодня, очевидно, недостаточны для такого самодостаточного «сосредоточения», в то время как динамично протекающие процессы в «большой Украине» неизбежно влияют и на сообщество трех упомянутых областей, не позволяя им сосредоточиться на себе.

3. Позиция галицкой автономии – сохранение Галичины на особом статусе в составе Украины как «новой Швейцарии», что предполагает признание мультикультурности и многообразия как самой Галичины, так и «большой Украины» в целом [7]. Однако Галичина, как полагают некоторые исследователи, по сию пору не едина в собственном политическом и цивилизационном выборе, а современная Украина в своей политически активной части желает скорее единства, нежели многообразия, и не склонна к федеративной модели.

4. Политическая экспансия в масштабах всей Украины с подчинением ее себе («Бандеровская армия перейдет Днепр», по словам львовского историка и члена политического объединения «Свобода» Ю.А. Михальчишина), однако для этого сегодня у Галичины не хватает ни экономических, ни политических, ни культурных, ни демографических ресурсов.

Неразрешенность «основного вопроса» политического бытия Галичины предопределяет особую позицию этого региона в отношении общеукраинского политического процесса. С момента обретения Украиной независимости в 1991 г. Галичина, оказывая активное политическое и идеологическое влияние на Киев и «большую Украину», стремилась не допустить ее повторного и однозначного «разворота» в сторону Рос-

сии, опасаясь возможного «поглощения» и новой «потери идентичности».

В складывавшейся ситуации представители политически активной части галичан, акцентируя свои и предшественников заслуги в деле достижения Украиной независимости, активно работали в культурно-образовательной сфере, делали карьеру на госслужбе и в основных общеукраинских политических партиях (принадлежащих к самым разным частям украинского политического спектра – от «Свободы» до «Партии регионов»), поддерживая на уровне «большой Украины» политиков проевропейской и атлантистской ориентации, стремящихся увести Украину из «русского мира» и обеспечить ей европейский вектор развития (как правило, не-галичан, понимая затрудненность прихода уроженцев Галичины к власти в масштабах всей страны).

При этом постоянно сохранялось подсознательное опасение ассимиляции «острова Галичина» (если применить в данном случае категорию В.Л. Цымбурского) в рамках «большого» центрально- и восточноукраинского пространства. Различные политики Украины (от Л.Д. Кучмы до В.Ф. Януковича) пытались выстроить «мосты» над линиями культурно-цивилизационного разлома, но в целом разделение на «Галичину и всех остальных» до определенного момента сохранялось.

Победа Евромайдана и последовавшие за этим потеря Крыма и военный конфликт на Донбассе заметно изменили и одновременно запутали ситуацию. С одной стороны, активное участие галичан в Евромайдане (вспомним состав «Небесной сотни») улучшило их имидж в восприятии немалой части киевлян, жителей Центральной и (частично) Восточной Украины, что позволило некоторым киевским политикам говорить о достигнутом таким образом национально-гражданском единстве.

С другой стороны, в сознании самих галичан произошел подъем украинского патриотизма, побуждающий многих из них ограничивать собственные амбиции и жертвовать собой ради ставшего возможным украинского единства (проекта создания единой украинской нации на волне победы «революции достоинства» и политического и идеолого-пропагандистского противостояния с Россией).

С другой стороны, в результате победы Евромайдана галичане получили гарантии «безальтернативности европейского выбора Украины», что внешне гарантировало им невозможность снова принудительно вернуться в «русский мир». Продвигаемый ими десятилетиями проект политического и цивилизационного самоопределения Украины внешне стал безальтернативным. В то же время последствия победы «Революции достоинства» оказались не столь однозначными.

На фоне вооруженного конфликта на Донбассе (АТО) сложился феномен «русскоязычного украинского патриотизма» (и даже «русскоязычного праворадикализма»), представители которого, принимая некоторые политические идеи галичан («прочь от России»), не были слишком склонны принимать их культурно-цивилизационное европейское наследие и систему ценностей. В итоге возник вызов идее галицкой «культурной нации» в рамках «большой Украины»

(от носителей русскоязычного украинского патриотизма), что, очевидно, неблагоприятно для галичан как многолетних культуртрегеров и носителей «аутентичной украинскости».

В итоге и сам Донбасс оказался для галичан не такой большой ценностью, чтобы за него умирать, а столкновение с «жесткой Россией» и вовсе видится нежеланной перспективой. По словам того же В. Павлива, «...война на всех действует угнетающе... Главные выводы: мы на деле не такие уж смелые и сильные, как на словах. А поэтому нужно быть осторожнее со словами. Государство наше при первом же серьезном испытании оказалось беспомощным... Миру мы, собственно, не очень-то и нужны, а поэтому свои проблемы придется решать самим. От России лучше держаться подальше. А Донбасс (о, бедный Донбасс) нам не настолько дорог, чтоб за него погибать» [4].

В рамках галицкого политикума все больше распространяется убеждение в том, что пришедшие на волне Евромайдана политические деятели (несмотря на свершившиеся декоммунизацию и разрыв многих связей с Россией) не озабочены обустройством демократических и правовых институтов, гарантирующих Украину от возврата в прошлое. Возникает вопрос – какая политическая идея или платформа может помочь галичанам эффективно отстаивать свои интересы в споре с бюрократическим, коррумпированным и не слишком спешащим с «европейскими реформами» Киевом?

Украинское гражданское общество, поднявшееся и консолидировавшееся «на волне Майдана», с точки зрения галицких наблюдателей, сегодня атомизировано и дезориентировано. Развитие гражданского общества, по мнению некоторых из региональных наблюдателей, сознательно сдерживалось после 2014 г. сторонниками «олигархического порядка» на Украине (консолидированными до последнего времени вокруг того же П. Порошенко), что означало для галичан, по мнению одного из видных галичанских публицистов, «игру с огнем» [8].

Незадолго до президентских выборов 2019 г. некоторые представленные в галичанских медиа авторы пришли к заключению, что на волне масштабного недовольства действующей украинской властью к власти рвались «популисты и псевдопатриоты», готовые ради своих властных амбиций торговать государственным суверенитетом и раскалывать украинское общество, ставя под сомнение завоевания февраля 2014 г. и «постреволюционного» периода истории страны [9]. Последующее избрание президентом Украины Владимира Зеленского по итогам второго тура выборов 21 апреля 2019 г. только усилило подобные опасения.

Само политическое самосознание галичан в сложившейся после президентских выборов ситуации выглядит расколотым и все чаще задается масштабными вопросами, на которые пока нет ответа. Как остаться либералами и европейцами в ситуации подъема национализма в масштабах всей Украины? Как нести дальше свои идеи стране, в которой национализм движется на Восток – но национал-либеральная и национал-демократическая идеи воспринимаются все

более проблемно и искаженно, и украинское национально-демократическое движение, в свое время выпестованное Галичиной, рискует раствориться в правом радикализме и «нелиберальном» национализме, набирающими популярность в остальной Украине?

В конечном итоге, как справедливо полагают некоторые эксперты в Галичине, без решения вопроса о самоидентификации всех украинцев любые выборы ничего принципиально не решают, но несут угрозу сложившимся политико-идеологическим конструкциям и установкам [10].

Политический вызов со стороны Владимира Зеленского и его команды, а также добившейся убедительной победы на выборах в Верховную Раду пропрезидентской партии «Слуга народа» все более явно побуждает галичанских интеллектуалов переписать «дискурс Галичины» в новом ключе (с соборно-унитаристского на консервативно-автономистский, федералистский или даже сепаратистский). Речь идет об исследовании, которое по заказу киевского еженедельника «Зеркало недели» провел Киевский международный институт социологии (КМИС) [11–13].

Сам этот опрос, вызвавший немалый резонанс в украинском политикуме, был озаглавлен «Мнения и взгляды жителей Галичины: апрель–май 2019». При этом вопросы, содержавшиеся в опросе КМИС, являлись судьбоносными и показательными. Сформулированы они так: «Какой вы видите судьбу Галичины? 1. В составе унитарной Украины в рамках действующей Конституции. 2. В составе унитарной децентрализованной Украины, где области и местное самоуправление получают широкие полномочия и большую бюджетную самостоятельность. 3. Галичина должна стать субъектом федерации в составе федеративной Украины. 4. Галичина должна стать отдельным независимым государством, включая Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области. 5. Галичина должна присоединиться к Польше» [14]. Сам факт проведения подобного опроса, равно как реакция на него силовых структур и фактический запрет на обнародование его результатов, подтвердили остроту и значимость затронутых в нем вопросов, связанных с дальнейшим самоопределением галичанского региона.

При этом авторы опроса решительно отвергли звучащие в их адрес обвинения в сепаратизме. По словам генерального директора КМИС Владимира Паниотто, опрос имел цель как раз выявить признаки сепаратизма в Галичине, «тем более что мы не распространяли его в Интернете, наши интервьюеры лично опрашивали людей, а уже они его фотографировали и публиковали в сети». Появись он в любое другое время, скорее всего, такой преувеличенной реакции не было бы. Однако убедительная победа Владимира Зеленского по итогам второго тура президентских выборов способствовала поляризации электоральных позиций как в масштабах всей Украины, так и в пределах Галичины. По итогам голосования во втором туре выборов единственным регионом страны, где Порошенко одержал верх, стала Львовская область. Подобная ситуация сильно обеспокоила «украинский Пьемонт», неожиданно для самого себя обособившийся от остальной Украины. По мне-

нию директора социологической группы «Рейтинг» Алексея Антиповича, «львовяне не воспринимают выбор, который сделала Украина, и обзывают три четверти населения “зедебилами”. Исходя из таких настроений, можно предположить, что в Галичине могут проявиться сепаратистские взгляды» [15].

Результаты второго тура президентских выборов действительно шокировали галичан. «Львовяне шокированы результатами выборов, – написал львовский портал *Zaxid.net*. – Мы напуганы и растеряны. Причины этого страха можно понять. С конца 1980-х именно львовяне активно двигали страну вперед: сначала к независимости, а затем в Европу. Голодали на граните, спали в палатках на Майдане, шли под пули. В конце страна признала наш весомый вклад и... выбрала президентом “клоуна”. Это нож в спину, контрольный выстрел. Обычно львовяне такого не прощают, но на этот раз придется смириться. Сепаратизм – не наш вариант, потому что от дедов-прадедов мы грезили о соборной Украине. Неутомимо поднимали на лугу склоненную красную калину. И вот оно – уже предел не по Збручу, не по Днепру и даже не по Северскому Донцу. Вот только скорбящую Украину развеселили и объединили не мы, а комик из Кривого Рога. И хуже всего даже не то, что родные соотечественники за него голосовали. Катастрофа заключается в том, что украинцы выступили решительно против нашего кандидата» [16]. Наиболее радикальные критики из числа галичанских интеллектуалов призывали к «закрытию» проекта «Украина», поскольку, отвергнув на последних выборах кандидатуру Порошенко, украинский народ показал, что он «не хочет перемен, он тяжело, если не безнадежно, болен» [17].

В случае возможной ревизии Зеленским политических результатов Евромайдана, активно поддержанного во всех трех областях Галичины, галичане в лице своего «политического актива» заявляют о готовности к «ревизии» прежней политико-идеологической платформы и к переходу на «автономистские рельсы». По мнению писателя из Ивано-Франковска, лауреата премии имени Гете Ю. Андруховича, в случае своего голосования за «Слугу народа» и Зеленского «Галичина перестает существовать как отдельное политическое целое, проливающее для всей страны неоднозначные, но очень нужные смыслы», без которых Украина «давно представляла бы из себя... увеличенную Беларусь» [18], и поэтому пространство для компромисса с новым президентом страны является весьма ограниченным. При этом проект «Республики Галичина» выглядит сегодня практически нереализуемым, федерализация Украины не поддерживается большинством украинцев [15] и грозит усилением веса идеологических оппонентов «украинского Пьемонта» в масштабах немалой части Украины. Наконец, в случае, если администрация Зеленского начнет реализовывать проект трансформации Украины из «Анти-России» в «Киевскую Русь» или в альтернативную Россию, когда Киев должен будет «лишить Кремль монополии на русский язык и единоличное право защищать русскоязычных», отобрать у Москвы монополию на славное советское прошлое и победу в Великой Отечественной войне [10], скорее

всего, галицкий политикум будет занимать выжидательную позицию.

Так или иначе, возможная активизация Зеленским условного проекта «Киевской Руси» как альтернативной России может размыть и ослабить продвигавшийся П. Порошенко «украинский соборный проект» и поддерживающий его (жесткий и конфронтационный по своему характеру) дискурс в их галичанской версии. В статье галичанского публициста М. Рябчука на портале «Збруч» и вовсе высказывается предположение о том, что «если же случится чудо и Зеленский реализует свой малороссийский проект как действительно современный, т.е. европейский, перспективы украинского проекта, по крайней мере восточнее Збруча, станут такими же призрачными, как и перспективы кельтского проекта в Республике Ирландия. Самое время тогда будет галичанам заинтересоваться опытом Каталонии или провинции Квебек в Канаде» [19]. Последнее будет означать неизбежное «сворачивание» галичанского модернизационного проекта для остальной Украины (преимущественно существующего в сознании узкой группы интеллектуалов) [20] и последующую автономизацию Галичины. Вопрос о жизнеспособности дискурса «Киевской Руси» и «Альтернативной России», приписываемого Зеленскому некоторыми экспертами, и строящейся на его основе Украины остается сегодня открытым – равно как и о возможности превращения его в инструмент «мягкой силы», используемый с целью ослабления позиций России на постсоветском пространстве.

Поскольку В. Зеленский на сегодняшний день еще не преодолел влияния консервативно-националистического дискурса, сформированного П. Порошенко, и пытается стоять над схваткой («услышу каждого»), ситуация с интеграцией различных регионов Украины в новый политический проект далека от завершения. Показательно, что во время своего нашумевшего пятичасового пресс-марафона общавшийся со страной в режиме онлайн Зеленский так и не дал ясного ответа на вопрос львовской журналистки о том, намерен ли он продолжить политику распространения «галичанских ценностей» на всю Украину. В то же время отдельные намеки на формирование «политического моста» с Галичиной все же делаются: по итогам последних выборов в Верховную Раду Украины объединение «Голос» С. Вакарчука – не только перспективный коалиционный партнер для «Слуг народа» в парламенте, но и своеобразный «мост» для В. Зеленского и его сторонников в Галичину и во Львов в деле продвижения предполагаемых и декларируемых «проевропейских реформ». «Электоральная вотчина» П. Порошенко, которой по итогам президентских выборов стала Львовская область, будет ослаблена, а строить «бастион против Зеленского» (к чему еще недавно призывали галичанские интеллектуалы Ю. Андрухович и М. Мариневич) не будет больше смысла. Однако последнее предположение – не более чем ситуативная гипотеза.

Таким образом, галицкий дискурс находится сегодня в своеобразной точке бифуркации, когда возможно несколько направлений его трансформации, ни одно из которых (националистическое, автономистское,

либеральное, модернизационно-реформистское) не выглядит однозначно выигрышным в существующей ситуации. И определять его судьбу будут общественно-политические трансформации в масштабах всей Украины. Как можно предположить, за периодом его очередного пассионарного «перегрева» и экспансии Галичины с высокой степенью вероятности последует период «сжатия». В итоге Галичина на определенный

период останется «наедине с собой» и получит возможность для новых политико-философских рефлексий о проблемах самоопределения и национально-государственного строительства, что будет означать пересмотр отношения к остальной Украине, ее социуму и политикуму. При этом полное обособление галичанского политического проекта от общеукраинского выглядит сегодня откровенно фантастичным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hobsbawm E. Nationalism Studies. URL: <https://nationalismstudies.wordpress.com/2013/10/30/eric-hobsbawm> (accessed: 15.10.2019).
2. Meinecke F. Weltbürgertum und Nationalstaat. München-B; 1908.
3. Павлів В. Кто не любит Галичан? // Киевский телеграф. 2013. 15 марта.
4. Павлів В. Донбасс для галичан не настолько дорог, чтобы за него погибать. URL: <https://ukraina.ru/interview/20151117/1014846060.html> (дата обращения: 15.10.2019).
5. Хавич О. Вместо Западной Украины будет Рутения. URL: <https://www.politnavigator.net/vmesto-zapadnojj-ukrainy-budet-ruteniya.html> (дата обращения: 15.10.2019).
6. Дроздов О. Геть від України-Євразії. URL: <http://www.federal-ukraine.com/articles/0004.php> (дата обращения: 15.10.2019).
7. Павлів В. Рух відродження Галичини. URL: <http://www.zaxid.net>. 2012. 28.12 (дата обращения: 15.10.2019).
8. Расевич В. Розірвати країну. URL: https://zaxid.net/rozirvati_krayinu_n1478508 (дата обращения: 15.10.2019).
9. Сущук М. Як зупинити популізм та поляризацію суспільства. URL: <https://zbruc.eu/node/88535> (дата обращения: 15.10.2019).
10. Стремидловский С. Судьба Львова – вхождение в Польшу или отделение от Киева? URL: <https://regnum.ru/news/polit/2619133.html> (дата обращения: 15.10.2019).
11. СБУ не нашло нарушений в КМИС в связи с опросом о возможном отделении Галичины от Украины. URL: <https://gordonua.com/news/politics/sbu-ne-nashlo-narusheniy-u-kmis-v-svyazi-s-oprosom-o-vozmozhnom-otdelenii-galichiny-ot-ukrainy-916832.html> (дата обращения: 15.10.2019).
12. Kyiv International Institute of Sociology. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus> (дата обращения: 15.10.2019).
13. КМІС опитав жителів Галичини про відділення регіону. СБУ відкрила справу. URL: https://espreso.tv/news/2019/04/24/kmis_opytav_zhyteliv_galichyny_pro_vidyednannya_regionu_sbu_vidkryla_spravu (дата обращения: 15.10.2019).
14. Як виявити сепаратизм на Галичині? URL: <http://topnews.volyn.ua/society/2019/04/24/12623.html> (дата обращения: 15.10.2019).
15. Новости Украины: Более половины украинцев не поддерживает предоставления особого статуса Донбассу. URL: <https://nv.ua/ukraine/events/bole-polo-viny-ukraincev-ne-podderzhiva-yut-predostavleniye-osobogo-statusa-donbassu-novosti-ukrainy-50047463.html> (дата обращения: 15.10.2019).
16. Дрозда А. Страх и ненависть у Львові. URL: https://zaxid.net/strah_i_nenavist_u_lvovi_n1480214 (дата обращения: 15.10.2019).
17. Возняк Т. Соціальна база поразки України. URL: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/voznayak/5cb307b68c06a/> (дата обращения: 15.10.2019).
18. Андрухович Ю. Хай чабан! – усі гукнули. URL: <https://zbruc.eu/node/91063> (дата обращения: 15.10.2019).
19. Рябчук М. Страшний сон патріота // zbruc.eu. 2019. 22 апр. URL: <https://zbruc.eu/node/88723?fbclid=IwAR32o6Vcumoe1bgGu7QVD3AzyxROMuiPiBEVLa-DwuKmxoONmylCedoSy98> (дата обращения: 15.10.2019).
20. Мариневич М. Україна або модернізується – або її не буде. URL: <https://zbruc.eu/node/78082> (дата обращения: 15.10.2019).

Sergey V. Biryukov, East China Normal University (Shanghai, China). E-mail: birs.07@mail.ru

GALICIA – UKRAINE: THE ANTINOMIES OF ONE CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE

Keywords: Galicia, Ukraine, discourse, cultural identity, mission, national-state building, political projects.

The article under consideration is meant to analyze the contradictions of Galicia region discourse and its self-positioning toward Ukraine. On the one hand, Galicia has own cultural identity and projecting its own influence and discourse throughout Ukraine. It also presumes that the generated and supported by Galicia project of “Cathedral Ukraine” should be accepted by the rest of the country. On the other, Galicia is trying to protect its original regional culture, which are different enough from the culture of the rest Ukraine. Thirdly, the lack of resources and existing cultural differences make it difficult to promote the project “Cathedral Ukraine” formed with the direct and active participation of Galicians. Because of that, the situation in Galicia and the content of its political discourse depend on the overall political situation in Ukraine. This factor determined the controversial internal dynamic of Galician political discourses, which have had to balance between liberalism and nationalism, autonomism and territorial integrity of Ukraine, pro-EU reforms and conservative values of Galicia community.

To achieve the above mentioned purpose we will deal with the following objectives: 1) to consider the dynamics of public mood in Galician regional community after the victory of Euromaidan in 2014; 2) to describe the reaction of Galician community to Petro Poroshenko regime crisis and its propaganda defeat; 3) to analyze the process of transformation of Galicia political discourse after the coming to power of the new Ukrainian President Vladimir Zelensky in the context of his new political deal.

The research has been carried out within the methodological frameworks of the political discourse theory. It has applied modern politologist definitions of the concept «political discourse» within the field of the public policy. This approach allows avoiding the simple empirical description of the current political situation in Ukraine and Galicia and makes it possible to study the prospect strategy and political behavior of the regional community in the context of continuing political transformations.

The research relies on a range of published documents. The materials of Galician Internet journals and periodical press have been used. As the result of the research, the author has come to the following conclusions. Euromaidan of 2014 and the five-year rule of Petro Poroshenko, marked the rejection of the “Russian world” on a symbolic level and the formal triumph of conservative-nationalist ideology, initially seemed to provide Galicia with the necessary guarantees of its mission and privileged status in Ukraine, as well as the role of the vanguard force of the Ukrainian political process; moreover, the administration of P. Poroshenko made attempts to ensure the Galician discourse (in its radical nationalist version) almost monopoly status. However, the fall of personal popularity of P. Poroshenko and electoral victory of Vladimir Zelensky recreated the situation of opposition of the “Ukrainian Piedmont” to the rest of Ukraine. The fear of revision and rejection of the new President of Ukraine from the Galician discourse as a key component of the state ideology

raised the question of revising the relations of this region with the rest of the country. As the author of the article notes, the Galician discourse is now in a kind of bifurcation point, and further directions of its transformation have not yet been determined due to the general uncertainty of the political situation in Ukraine.

REFERENCES

1. Hobsbawm, E. (n.d.) *Nationalism Studies*. [Online] Available from: <https://nationalismstudies.wordpress.com/2013/10/30/eric-hobsbawm> (Accessed: 15th October 2019).
2. Meinecke, F. (1908) *Weltbürgertum und Nationalstaat*. Munich: [s.n.].
3. Pavliv, V. (2013) Kto ne lyubit Galichan? [Who does not love Galicians?]. *Kievskiy telegraf*. 15th March.
4. Pavliv, V. (2015) *Donbass dlya galichan ne nastol'ko doro, chtoby za nego pogibat'* [Donbass is not so important for Galicians to die for it]. [Online] Available from: <https://ukraina.ru/interview/20151117/1014846060.html> (Accessed: 15th October 2019).
5. Khavich, O. (2017) *Vmesto Zapadnoy Ukrainy budet Ruteniya* [Western Ukraine will be substituted for Ruthenia]. [Online] Available from: <https://www.politnavigator.net/vmesto-zapadnojj-ukrainy-budet-ruteniya.html> (Accessed: 15th October 2019).
6. Drozdov, O. (2012) *Get' vid Ukraini-Evrazii* [Away from Ukraine-Eurasia]. [Online] Available from: <http://www.federal-ukraine.com/articles/0004.php> (Accessed: 15th October 2019).
7. Pavliv, V. (2012) *Rukh vidrodzhennya Galichini* [Movement for the Revival of Galicia]. [Online] Available from: www.zaxid.net. 28 /12/2012 (Accessed: 15th October 2019).
8. Rasevich, V. (2019) *Rozirvati kraïnu* [Break the Country]. [Online] Available from: https://zaxid.net/rozirvati_krayinu_n1478508 (Accessed: 15th October 2019).
9. Sushchuk, M. (2019) *Yak zupiniti populizm ta polarizatsiyu suspil'stva* [How to stop populism and polarization of society]. [Online] Available from: <https://zbruc.eu/node/88535> (Accessed: 15th October 2019).
10. Stremidlovsky, S. (2019) *Sud'ba L'vova – vkhozhdenie v Pol'shu ili otdelenie ot Kiev?* [The fate of Kiev – to join Poland or separate from Kyiv?]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2619133.html> (Accessed: 15th October 2019).
11. Gordonua.com. (n.d.) *SBU ne nashlo narusheniy v KMIS v svyazi s oprosom o vozmozhnom otdelenii Galichiny ot Ukrainy* [SBU found no violations in KIIS about the survey on the possible separation of Galicia from Ukraine]. [Online] Available from: <https://gordonua.com/news/politics/sbu-ne-nashlo-narusheniy-u-kmis-v-svyazi-s-oprosom-o-vozmozhnom-otdelenii-galichiny-ot-ukrainy-916832.html> (Accessed: 15th October 2019).
12. Ukraine. (n.d.) *Kyiv International Institute of Sociology*. [Online] Available from: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus> (Accessed: 15th October 2019).
13. Espresso.tv. (2019) *KMIS opytav zhyteliv Galichini pro viddilennya regionu. SBU vidkryla spravu* [KIIS interviewed residents of Galicia about the separation of the region. The SBU launched an investigation]. [Online] Available from: https://espresso.tv/news/2019/04/24/kmis_opytav_zhyteliv_galichyny_pro_vidyennannya_regionu_sbu_vidkryla_spravu (Accessed: 15th October 2019).
14. Topnews.volyn.ua. (2019) *TYak viyaviti separatizm na Galichini?* [How to identify separatism in Galicia?]. [Online] Available from: <http://topnews.volyn.ua/society/2019/04/24/12623.html> (Accessed: 15th October 2019).
15. Nv.ua. (2019) *Novosti Ukrainy: Bolee poloviny ukrainsev ne podderzhivaet predostavleniya osobogo statusa Donbassu* [News of Ukraine: More than half of Ukrainians do not support granting special status to Donbass]. – [Online] Available from: <https://nv.ua/ukraine/events/bolee-poloviny-ukraincev-ne-podderzhivayut-predostavlenie-osobogo-statusa-donbassu-novosti-ukrainy-50047463.html> (Accessed: 15th October 2019).
16. Drozda, A. (2019) *Strakh i nenavist' u L'vovi* [Fear and hate in Lviv]. [Online] Available from: https://zaxid.net/strakh_i_nenavist_u_lvovi_n1480214 (Accessed: 15th October 2019).
17. Voznyak, T. (2019) *Sotsial'na baza porazki Ukraïni* [Social Base of Ukraine's Defeat]. [Online] Available from: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/voznayak/5cb307b68c06a/> (Accessed: 15th October 2019).
18. Andrukhovich, Yu. (2019) *Khay chaban! – usi guknuli* [Long live the shepherd! – everyone called]. [Online] Available from: <https://zbruc.eu/node/91063> (Accessed: 15th October 2019).
19. Ryabchuk, M. (2019) *Strashniy son patriota* [A patriot's nightmare]. [Online] Available from: <https://zbruc.eu/node/88723?fbclid=IwAR32o6Vcumoe1bgGu7QVD3AzyxROMuiPiBEVLa-DwuKmxoONmyICedoSy98> (Accessed: 15th October 2019).
20. Marinovich, M. (2019) *Ukraïna abo modernizuct'sya – abo її ne bude* [Ukraine will modernize – or will be not]. [Online] Available from: <https://zbruc.eu/node/78082> (Accessed: 15th October 2019).

УДК 327(73+569.4)
DOI: 10.17223/19988613/64/10

В.П. Румянцев

«ДАВИД И ГОЛИАФ»: Д. БЕН-ГУРИОН И РАЗНОГЛАСИЯ С США ПО ВОПРОСУ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИЗРАИЛЯ, 1960–1963 гг.

Статья посвящена одному из наиболее острых моментов американо-израильских отношений за весь более чем 70-летний период их существования – разногласиям по вопросу ядерной программы Израиля, едва не принявшим форму личного конфликта президента США Дж.Ф. Кеннеди и премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона. На протяжении нескольких лет правительству Д. Бен-Гуриона удавалось успешно отбивать все американские попытки получения от него гарантий сохранения сугубо мирного характера ядерной программы Израиля. В своем противостоянии с Соединенными Штатами по этому вопросу глава израильского правительства избрал тактику проволочек, которая оказалась весьма эффективной.

Ключевые слова: Д. Бен-Гурион; Израиль; Дж.Ф. Кеннеди; Соединенные Штаты Америки; ядерное нераспространение.

В середине декабря 1960 г. в центральных американских периодических изданиях появились сенсационные сообщения о строительстве в Израиле атомного реактора, способного через несколько лет обеспечить производство ядерного оружия [1, 2]. Эта информация не была «газетной уткой». Израиль действительно в течение нескольких лет в обстановке строжайшей секретности соорудил два атомных реактора. Один – маломощный – в нескольких десятках километров южнее Тель-Авива, в Нахаль Сореке, другой – мощностью в 42 мегаватт – в пустыне Негев, между Беэр-Шевой и Мертвым морем, в Димоне. Ядерный проект Израиля осуществлялся при технологической помощи Франции. Начало франко-израильскому ядерному сотрудничеству было положено в октябре 1956 г., когда на тайном совещании в предместье Парижа Севре израильские и французские лидеры согласовали основные положения договора о постройке ядерного реактора в Димоне, а также договорились об организации поставки топлива для него [3. С. 139].

Утечка информации об израильской ядерной программе положила начало постепенному разгоравшемуся кризису в отношениях США и Израиля, пик которого пришелся на последние месяцы пребывания Д. Бен-Гуриона в должности премьер-министра Израиля в 1963 г. Но в 1960 г. Соединенные Штаты еще не обладали всей полнотой информации об этих ядерных объектах. Впрочем, в докладе Центрального разведывательного управления (ЦРУ) говорилось: «Тот факт, что Израиль работает в данной области, ни для кого не секрет, так как почти каждый ученый-ядерщик, который работал над созданием американского ядерного оружия, был евреем, и огромное число выдающихся ученых-ядерщиков уехало потом в Израиль» [4].

Администрация Д. Эйзенхауэра испытывала подозрения в отношении декларируемого мирного характера ядерной программы Израиля, который своими действиями лишь усиливал эти подозрения. Так, Д. Бен-Гурион заявлял, выступая в кнессете, что мощность реактора в Димоне составляла 24 мегаватт. У ЦРУ были данные,

что реальная цифра была почти в два раза больше. Это несоответствие вызывало раздражение у американских политиков. На слушаниях в комитете сената по внешней политике сенатор-республиканец из Айовы Б. Хикенлупер не скрывал своего гнева: «Израиль врал нам самым бессовестным образом» [5]. Руководство США прикладывало максимальные усилия, чтобы убедиться, что атомные реакторы в Нахаль Сореке и особенно в Димоне будут использоваться исключительно в мирных целях. Эксперты ЦРУ оценивали, что реактор в Димоне после введения его в эксплуатацию сможет производить 8–10 кг плутония в год, чего было достаточно для создания одной атомной бомбы [6. Р. 391–392, 399–400].

Следует учитывать, что в 1960 г. у США, да и у всего международного сообщества не было рычагов воздействия на страну, которая стремилась стать очередным членом так называемого «ядерного клуба». Не существовало еще никаких правовых норм, сдерживавших кого бы то ни было от подобного шага. Об этом в свое время говорил бывший госсекретарь США Дж.Ф. Даллес, сетовавший на то, что у Соединенных Штатов нет никаких законных оснований требовать от других стран – неважно, крупных или не очень, – придерживаться принципов ядерного нераспространения [7. Р. 5].

Действуя через американское посольство в Тель-Авиве, США попытались добиться гарантий неиспользования израильских реакторов в военных целях. Это было воспринято в Израиле как попытка ограничения суверенитета страны. Д. Бен-Гурион заявил американскому послу О. Рейду: «Вы должны разговаривать с нами на равных или не разговаривать вообще» [8. Р. 567]. Гнев премьер-министра вызвало требование американской стороны, чтобы Израиль дал ответ на пять вопросов, касавшихся его ядерной программы, в течение нескольких часов. Мало кто из лидеров малых стран рискнул бы поставить Соединенные Штаты на место таким решительным образом. Разумеется, Д. Бен-Гурион и его окружение несколько не сомневались в том, что

новость о ядерной программе Израиля вызовет гневную реакцию Соединенных Штатов. Вопрос был в том, насколько далеко США будут готовы зайти в своем гневе. Заместитель министра обороны Ш. Перес и занимавший в то время пост министра сельского хозяйства М. Даян были уверены, что в Вашингтоне пошумят, но успокоятся. Во всяком случае, никаких жестких мер, таких как санкции, по их мнению, ожидать не следовало [9. Р. 195].

Администрация Д. Эйзенхауэра действительно не стала раздувать скандал из ядерной программы Израиля. Новость об этой программе поступила, когда истекали последние дни правления в Белом доме президента-республиканца. Д. Эйзенхауэр даже при всем желании не смог бы ничего сделать. Решать эту проблему пришлось уже его преемнику – демократу Дж.Ф. Кеннеди. Еще до инаугурации Дж.Ф. Кеннеди интересовался у предшествующей администрации тем, какие из стран, не входящих в так называемый «ядерный клуб», способны производить ядерное оружие. Ему ответили, что Израиль и Индия обладают достаточной информацией о создании подобного оружия, причем Израиль уже к 1963 г. может произвести необходимое количество плутония. Оставляя пост госсекретаря, К. Гертер рекомендовал новому хозяину Белого дома контролировать ситуацию вокруг реактора в Димоне и как можно скорее отправить туда инспекцию [10. Р. 35].

35-й президент США считал угрозу распространения ядерного оружия одной из самых серьезных проблем для всего человечества. Вопрос о ядерном реакторе в Димоне касался, по мнению Кеннеди, не только Израиля или Ближнего Востока. Он напрямую затрагивал способность Соединенных Штатов противостоять распространению ядерного оружия по всему миру. И если бы Израиль, маленькое государство, но с большим научным потенциалом, смог бы получить ядерное оружие, то как можно было удержать от подобного шага другие, более крупные страны? Один раз Дж.Ф. Кеннеди заметил: «Я знаю, что это прозвучит немного наивно, но для нашего поколения уже ничего в мире не изменить, однако для поколения Каролины [дочери президента. – В.Р.] еще не все потеряно, и я готов сделать все, что понадобится, чтобы заключить соглашение о ядерном оружии с русскими» [11. Р. 27]. Израиль же воспринимал эту проблему по-иному, связывая ядерное оружие с вопросом элементарного сохранения и выживания самого государства.

Позицию Израиля можно понять из письма Д. Бен-Гуриона британскому философу Б. Расселу, который ранее заявлял об опасности распространения ядерного оружия в Ближневосточном регионе. Израильский премьер-министр, ссылаясь на трагический опыт Холокоста, дал понять своему прославленному адресату, что ядерное оружие является, наверное, самым эффективным способом сдерживания врагов Израиля от нападения при помощи обычного вооружения: «Я понимаю, почему Вы опасаетесь ядерного оружия, но я надеюсь, что и Вы поймете, почему мы точно так же боимся конвенционального оружия. Шесть миллионов евреев были убиты конвенциональным оружием» [12. Р. 25].

Угроза ядерной гонки на Ближнем Востоке была отнюдь не эфемерной. Лидер Объединенной Арабской Республики (ОАР) египтянин Г.А. Насер заявил, что если Израиль создаст атомную бомбу, то «ОАР тоже получит ее, любой ценой» [13. Р. 264]. В начале 1961 г. пресс-атташе посольства ОАР в Вашингтоне М. Хабиб в беседе с референтом посольства СССР в США Б.Н. Давыдовым поинтересовался, на каких условиях Советский Союз мог бы предоставить египетско-сирийскому государству атомное оружие [14. С. 357]. Москва дала понять, что это невозможно.

Таким образом, в повестке дня американо-израильских отношений для демократической администрации вопрос нераспространения ядерного оружия в Ближневосточном регионе был одним из важнейших. 19 января 1961 г. американское посольство в Тель-Авиве сообщало, что ни для кого не является секретом, что Израиль энергично работает в области ядерных исследований, и создать на этой почве оружие ему проблем не составит [15. Р. 34]. Соединенные Штаты настаивали на визите американских экспертов на атомный реактор в Димоне, остерегаясь пока оказывать сильный нажим на Израиль. 10 апреля 1961 г. посол Израиля в Вашингтоне А. Харман информировал руководство США о готовности правительства Д. Бен-Гуриона пригласить в Димону во второй половине мая американских специалистов при условии строжайшей секретности их миссии [16. Р. 75].

Спорные моменты американо-израильских отношений планировалось обсудить на личной встрече Дж.Ф. Кеннеди и Д. Бен-Гуриона. Вообще говоря, израильский премьер хотел встретиться с новым хозяином Белого дома уже в самом начале 1961 г., но администрация Кеннеди, опасаясь реакции в арабском мире, не хотела, чтобы Бен-Гурион стал первым иностранным лидером, которого примут с официальным визитом в США. В результате приоритет был отдан президенту Туниса Х. Бургибе [17. Р. 164]. Дата встречи Кеннеди и Бен-Гуриона несколько раз переносилась. Израильская сторона настаивала на конце апреля 1961 г., но Соединенные Штаты решили сначала дождаться результатов проверки реактора в Димоне. Д. Бен-Гурион нервничал – ему приходилось менять график своей поездки не только в США, но и в Канаду, Великобританию и Францию. Целью вояжа было расширение военных поставок в Израиль. Это турне, как оценивали британские дипломаты, представляло для Бен-Гуриона возможность укрепить собственные позиции внутри Израиля, подчеркивая расположенность к нему западных лидеров, что было совсем нелишнее в свете предстоявших в августе выборов в кнессет [18].

В итоге встреча глав двух государств была назначена на 30 мая 1961 г. Накануне встречи свой доклад о поездке в Димону представили У. Стэблер, заместитель директора комиссии по атомной энергии США, и Дж. Кроач, ученый из университета Дюпона, специалист по тяжелой воде. Их визит состоялся 18 мая, в субботу, в разгар шаббата, поэтому людей на реакторе было мало, а те, что присутствовали, ответили на все заданные им вопросы. Ничего, что могло бы свидетельствовать о намерении производить ядерное ору-

жие, обнаружено американскими экспертами не было [16. Р. 125–127]. Да они и не могли при всем желании ничего обнаружить за те несколько часов, которые были предоставлены израильской стороной для инспекции реактора. Документов им никаких не показали, фотографировать ничего не разрешили, мотивируя секретностью объекта. В итоговом докладе американских ученых утверждалось, что теоретически реактор в Димоне способен вырабатывать плутоний для военных нужд, но сейчас нет доказательств, что Израиль намерен осуществить это на практике [9. Р. 198–199].

Тем не менее в преддверии встречи с Кеннеди Д. Бен-Гурион предполагал, что Соединенные Штаты займут жесткую позицию в отношении реактора в Димоне, что могло бы ослабить его собственные позиции внутри партии «Мапай». Глава Израиля, конечно, не собирался уступать предполагаемому давлению Соединенных Штатов. Он опасался, что полемика по вопросу Димоны может отразиться и на других пунктах переговоров. Перед отъездом в США Бен-Гурион отправил личное послание Ш. де Голлю, объяснив в нем, во что именно он собирается посвятить американского президента. В своем ответе глава Франции попросил, чтобы израильский премьер-министр не информировал Кеннеди о секретном франко-израильском соглашении 1956 г. [3. С. 188].

Вопреки опасениям израильского лидера, Соединенные Штаты не стали выдвигать никаких требований в отношении режима работы реактора в Димоне. Президент США предложил сообща подумать над тем, «как бы развеять различные слухи о реакторе, чтобы у других наций рассеялись все сомнения относительно мирных целей Израиля». Известный ловелас, Кеннеди полуслушав, заметил, что Израилю, словно «женщине, следует быть не только добродетельной, но и уметь казаться такой». Бен-Гурион никак не это не отреагировал. По мнению американского дипломата У. Барбура, через несколько дней после этой встречи возглавившего американское посольство в Тель-Авиве, у израильского премьер-министра отсутствовало чувства юмора, поэтому шутка Кеннеди своей цели не достигла [19. Р. 21].

Гораздо больше Бен-Гуриона на тот момент интересовал другой вопрос, а именно возможность поставок Израилю американских управляемых ракет «Хок» класса «земля–воздух». Но эти ракеты представляли собой высокотехнологичное оружие, которое Соединенные Штаты не продавали никому за пределами Организации Североатлантического договора (НАТО), а уж тем более стране, вовлеченной в конфликт со своими арабскими соседями.

В 1961 г. Израиль не добился поставок «Хоков». Он сделал это в следующем, 1962 г. Изменение позиции США по поставкам управляемых ракет в Израиль было частью сложного многосоставного американского плана, в котором расчет строился по принципу «услуга за услугу». И такой услугой должна была стать уступчивость Израиля в вопросе о палестинских беженцах. Расчет не оправдался. Д. Бен-Гурион категорически отверг американский план возвращения части палестинских беженцев в Израиль [20. С. 204–207].

В отечественной и зарубежной историографии можно встретить мнение, что поставки «Хоков» имели цель вынудить Израиль отказаться от развития ядерного оружия [8. Р. 568–569; 21. С. 141; 22. Р. 210]. Наличие связи между поставками американских управляемых ракет и ядерной программой Израиля оспаривается авторами, которые указывают, что нет ни одного документа, подтверждающего ставку администрации Дж.Ф. Кеннеди на то, что в ответ на продажу «Хоков» Израиль позволил бы регулярные инспекции в Димону [9. Р. 204; 23. Р. 46]. Определенная связь между поставками «Хоков» и ядерной программой Израиля все же была. Для правительства Д. Бен-Гуриона ракеты «земля–воздух» были необходимы в том числе и для того, чтобы защитить атомный реактор в Димоне от ударов с воздуха. Во время Шестидневной арабо-израильской войны 1967 г. среди потерь израильской авиации числился и один самолет, сбитый ракетой «земля–воздух» в районе Димоны. Этот самолет возвращался с боевого задания и по непонятным причинам не отзывался на позывные [24. Р. 176].

Следует отметить, что значительный пласт американских архивных материалов, связанных с ядерными проектами не только США, но и других стран, до сих пор не рассекречен. Однако в одном из интервью в рамках организованного библиотекой Дж.Ф. Кеннеди проекта «устной истории» помощник 35-го президента США Р. Комер признавал: «Был один хороший способ удерживать их [т.е. израильтян. – В.Р.] от создания ядерного оружия: способствовать развитию их сил конвенционального сдерживания» [25. Р. 76].

Косвенным свидетельством возможности реципрокной сделки по принципу ««Хоки» взамен ядерного оружия» являются лакуны в публикации серии дипломатических документов «Внешняя политика Соединенных Штатов». В меморандуме комитета начальников штабов (КНШ), подготовленном к лету 1961 г., часть мер, призванных удерживать Израиль от создания собственного ядерного оружия, осталась засекреченной. Среди допущенных к печати были достаточно банальные средства, такие как «убеждать Израиль использовать атомную энергию только в мирных целях... настаивать, что обладание ядерным оружием не соответствует интересам Израиля, Ближнего Востока и свободного мира». Составители меморандума, видимо, и сами понимали, что если Израиль решит создать ядерное оружие, то остановить его не сможет никто. Поэтому аналитики КНШ рекомендовали на всякий случай разработать комплекс мер для снижения психологического эффекта на ближневосточные и африканские страны от возможного испытания ядерного оружия Израилем [16. Р. 220–221].

Показательно, что США рассматривали свою политику в отношении ядерной программы Израиля как сугубо американское дело, не терпящее участия третьей стороны. Например, свое влияние на этот вопрос пыталась оказать Великобритания, самый ближайший союзник Соединенных Штатов. В Лондоне предлагали включить в состав инспекций в Димону представителей «нейтральных» государств, выдвигая кандидатуру

Канады. Вообще британская сторона небезосновательно подозревала, что Соединенные Штаты не делятся с ней всей информацией о реакторе в Димоне [26, 27].

Удержание Великобритании в стороне от американо-израильского диалога по вопросу ядерной программы Израиля объяснялось несколькими соображениями. Престиж Соединенного Королевства на Ближнем Востоке падал, и привлекать непопулярную сторону к решению столь принципиального вопроса было нецелесообразно. В случае же успеха, т.е. получения контроля над ядерной программой Израиля, США рассчитывали на сдвиг и в других ключевых вопросах ближневосточных дел. И делиться плодами этого успеха в Вашингтоне не собирались ни с кем.

Можно предположить, что руководство Соединенных Штатов рассчитывало на взаимность со стороны правительства Д. Бен-Гуриона не только по проблеме палестинских беженцев, но и в вопросе режима инспекций на объекты атомной промышленности Израиля. Анализ бесед американских дипломатов и политиков с представителями Израиля показывает сохранение определенной логики переговоров: почти все израильские попытки заострить внимание на необходимости получения управляемых ракет переводились американскими участниками переговоров на задачи нераспространения ядерного оружия в регионе.

Атомная дипломатия США активизировалась после Карибского кризиса 1962 г. В его обстановке большинством американских политиков и военных признавалось, что появление ядерного оружия в Израиле способно подорвать хрупкое равновесие на Ближнем Востоке. Министерство обороны США представило доклад, в котором перечислялись 16 стран, близких к созданию ядерного оружия. На первом месте значилась Китайская Народная Республика, на втором — Израиль. Причем Израиль, как признавалось, мог провести первые испытания в 1966–1967 гг. [7. Р. 6].

Усиливая давление на правительство Д. Бен-Гуриона, США пытались добиться регулярных инспекций на реактор в Димоне, ссылаясь на то, что с момента первой инспекции прошло больше года. Тогда израильский лидер пошел на хитрость. В конце сентября 1962 г. два американских ученых из комиссии по атомной энергии совершали вполне заурядный визит на реактор в Нахаль Сореке. Неожиданно им предложили посетить еще и Димону, куда их немедленно и отвезли. Этот незапланированный визит продлился всего 40 минут и вполне предсказуемо завершился выводом американских экспертов о сугубо мирном характере израильской ядерной программы [28. Р. 196–197].

И дело было, видимо, не в том, что израильская сторона пыталась что-то утаить во время этого быстрого визита. Скорее всего, утаивать было нечего. Очень точно об этом визите отзывались британские дипломаты, считавшие, что на первом этапе развития ядерного проекта в Димоне Израиль и не собирался производить оружие. Это можно было сделать и позже. Как сообщало британское посольство в Тель-Авиве, «есть доказательства, что израильское правительство работает над возможностью создания ядерно-

го оружия в будущем....Пока же его политика такова — удерживать Каир в сомнениях, давая туманные заверения великим державам» [29]. В соответствии с этой линией и действовал Д. Бен-Гурион. Во время встречи с журналистами 30 ноября 1962 г. его спросили: считает ли он, что Ближний Восток должен оставаться зоной, свободной от ядерного оружия? Премьер-министр ответил, что у Израиля должно быть нечто, что будет сдерживать Египет [30].

Судя по ужесточению риторики Дж.Ф. Кеннеди по проблеме Димоны, попытка выдать 40-минутный визит на реактор за полноценную инспекцию была воспринята в Вашингтоне как насмешка. Тон коммуникаций между Вашингтоном и Иерусалимом становился все более холодным. Апофеоз американо-израильских разногласий по ядерному вопросу случился весной 1963 г. и имел характер резкого обмена мнениями.

4 мая 1963 г. Дж.Ф. Кеннеди в устном послании Д. Бен-Гуриону, переданном через посла У. Барбура, настойчиво отстаивал идею об инспекциях на реактор в Димоне каждые полгода. Премьер-министр на это ответил, что такие визиты сделают из Израиля сателлит США, которым он ни в коем случае не является [31]. Через неделю Д. Бен-Гурион в письме, адресованном главе Белого дома, использовал проверенный прием — он повернул разговор к теме предоставления американских гарантий безопасности Израиля, отмечая, что для того, «чтобы быть уверенными, что с евреями не случится нового Холокоста, Израиль должен иметь возможность угрожать потенциальному захватчику уничтожением». В министерстве иностранных дел уговаривали премьер-министра смягчить тон письма или не отправлять его вовсе, но Бен-Гурион был непреклонен [9. Р. 213].

Ответ на это послание со стороны президента США был выдержан в еще более строгих тонах. Дж.Ф. Кеннеди отметил, что предложение о двух инспекциях в год является принципиальным. Кроме того, американский лидер фактически обвинил своего израильского визави в недобросовестном оперировании фактами. Ранее Д. Бен-Гурион заявлял, что ядерная программа Израиля является ответом на аналогичную программу Египта. Дж.Ф. Кеннеди указывал на то, что у Г.А. Насера и в помине не было ничего, схожего с ядерным реактором в Димоне. «Если Вы располагаете иными данными, — отмечал Кеннеди, — то я хотел бы получить их через посла У. Барбура. У нас будет возможность проверить их» [32].

Что еще подогревало гнев президента США, так это то, что израильский премьер-министр во всеуслышание заявил о желании получить американские гарантии безопасности во время интервью израильскому телевидению [12. Р. 13]. Такой ход можно было объяснить либо желанием сузить официальному Вашингтону свободу маневра, ведь публичный отказ от гарантий ухудшал положение президента-демократа внутри США, а предоставление их ухудшало американские позиции в арабском мире, либо внутрипартийными соображениями, которыми руководствовался Д. Бен-Гурион. Внутри партии «Мапай» шла нешуточная фракционная борьба, в условиях которой Бен-Гуриону

нужно было обеспечить преимущество своим сторонникам, обозначив твердость израильской позиции по такому принципиально важному вопросу, как безопасность страны. Жесткость израильских политиков вообще стала притчей во языцех в кругу американских дипломатов этого периода. Глава ближневосточного отдела госдепартамента США Ф. Тэлбот отзывался о ней, к примеру, так: «Если израильтяне говорят “нет”, то это вероятнее всего означает “нет”, если не оказывать на них очень сильного давления. Если же арабы говорят “нет”, то тут еще можно поторговаться, чтобы выяснить, насколько твердое это “нет”» [33. Р. 24].

Прибегнуть к усилению давления на Израиль и решили Соединенные Штаты весной–летом 1963 г. Причиной изменения политики Вашингтона израильский автор З. Шалом считает то, что к этому времени Дж.Ф. Кеннеди уже приобрел уверенность в своих действиях в качестве национального лидера, а вот Д. Бен-Гурион, наоборот, терял свой авторитет в Израиле в результате внутренних неурядиц. Кроме того, ослабли связи Израиля и Франции после предоставления правительствам Ш. де Голля независимости Алжиру в 1962 г., что усиливало зависимость Израиля от Соединенных Штатов [12. Р. 3–4]. Однако следует учитывать и то, что в Вашингтоне испытывали серьезное раздражение по поводу политики Д. Бен-Гуриона. Красноречивее всех об этом раздражении высказался Р. Комер, который считал, что Соединенные Штаты, предложив Израилю «Хоки», поддержав план по развитию долины р. Иордан, оказав масштабную экономическую помощь и заверив правительство Д. Бен-Гуриона в заинтересованности США в обеспечении безопасности Израиля, ничего не получили взамен. «Счет 4:0 [в пользу Израиля. – В.Р.]», – сокрушался помощник 35-го президента США [34]. Израиль, по мнению окружения Кеннеди, нужно было поставить на место.

15 июня 1963 г. Дж.Ф. Кеннеди в очередном послании предупредил Д. Бен-Гуриона, что если Израиль откажется допускать инспекторов в Димону, то это «может самым серьезным образом повлиять на обязательство нашего правительства содействовать Израилю» [35]. В переводе с дипломатического языка это означало возможность резкого сокращения экономической, политической и военной поддержки Израиля со стороны Соединенных Штатов. Угроз такого уровня от 35-го президента США в адрес еврейского государства до этого дня еще не исходило. Но вручать это жесткое послание пришлось уже другому премьер-министру. 16 июня 1963 г. Д. Бен-Гурион подал в отставку, и новым главой израильского правительства стал Л. Эшколь.

Вряд ли американо-израильские осложнения по ядерной проблеме стали причиной отставки Д. Бен-Гуриона, хотя такое мнение и встречается в зарубежной историографии [36. Р. 117]. Причины были, скорее, внутренними. Неприятности для Д. Бен-Гуриона нарастали с самого начала 1960-х гг., начавшись с очередного обострения так называемого «дела Лавона» – расследования провала диверсионной операции израильских спецслужб в Египте в 1954 г., в котором обвиняли бывшего министра обороны Израиля П. Лавона. Но

основные упреки в адрес Бен-Гуриона сводились к обвинению его в авторитаризме. Острее всего было противостояние с министром иностранных дел Г. Меир, критиковавшей своего патрона за отход от традиционных ценностей социалистического сионизма [37. С. 277, 298–299]. Сама отставка, возможно спонтанная, оказалась неожиданной даже для ближайшего окружения Бен-Гуриона. Можно напомнить, что «Старик», как его называли многие в Израиле, уже уходил в отставку в 1953 г. Тогда она оказалась временной. Возможно, и сейчас один из ключевых создателей еврейского государства рассчитывал вернуться на свой пост через какое-то время.

Как бы то ни было, но давление США на Израиль по ядерному вопросу ничуть не снизилось. Дж.Ф. Кеннеди не умерил свою жесткую риторику, и его первое послание новому премьер-министру Израиля почти слово в слово повторяло тезисы, озвученные Д. Бен-Гуриону. Кроме того, Соединенные Штаты увеличили число полетов своих самолетов-разведчиков «У-2» над пустыней Негев, что говорило о сохранении подозрений в отношении ядерного реактора, расположенного там [38]. Однако это давление почти сразу же прекратилось после убийства Дж.Ф. Кеннеди 22 ноября 1963 г. Новый президент США Л. Джонсон не придавал вопросу о ядерной программе Израиля такого же значения, как его предшественник. Вопрос о Димоне практически исчез из американо-израильской повестки дня, что, конечно же, с облегчением было воспринято в Израиле.

Разумеется, резкое изменение позиции Вашингтона по вопросу ядерной программы Израиля, произошедшее после смерти Дж.Ф. Кеннеди, породило ряд конспирологических версий трагедии в Далласе 22 ноября 1963 г. Американский исследователь У. Басс указывает на то, что во многих арабских странах убийство Кеннеди связывали с заговором «мирового сионизма» [9. Р. 243–244]. Оставляя в стороне псевдонаучные версии этой трагедии, можно предложить такую трактовку стратегии Д. Бен-Гуриона по проблеме ядерной программы Израиля: целью «Старика» было тянуть время в расчете на возникновение более благоприятных условий диалога с Вашингтоном по данной проблеме. Эту линию должен был продолжать Л. Эшколь, признанный мастер дипломатической гибкости и изворотливости при внешней мягкости, столь контрастировавшей с упрямством его предшественника. Проволочки должны были дотянуть ситуацию до начала избирательной кампании в США в 1964 г., которая сковала бы свободу маневра для Дж.Ф. Кеннеди. Убийство 35-го президента Соединенных Штатов неожиданно облегчило эту задачу израильской политики.

Метафорическое сравнение противостояния США и Израиля с библейским сюжетом о Давиде и Голиафе, вынесенное в название данной работы, было сделано не только из-за совпадения имен царя Израильско-иудейского царства и первого премьер-министра Израиля. Характерна также тактическая гибкость или, если угодно, хитрость, которую демонстрировала менее сильная сторона. Р. Комер эту манеру израильского поведения откровенно называл коварством. Но следу-

ет признать, что Д. Бен-Гуриону удалось использовать весьма разнообразный арсенал приемов, в котором присутствовали и хитроумие, и жесткость, и изобретательность. При всем этом ему надо было проводить такую политику, которая не поколебала бы основ американо-израильских отношений. То упорство, с кото-

рым он отстаивал свою позицию по Димоне, говорило не только о ершистости «Старика», но и о принципиальном для Израиля характере вопроса о его ядерной программе. В конечном счете тактика проволок, избранная Д. Бен-Гурионом в ведении дел с США по вопросу ядерного нераспространения, себя оправдала.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Washington Post. 1960. December 18.
2. The New York Times. 1960. December 19.
3. Эпштейн А. Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. М., 2014. Т. I: Эпоха межгосударственных войн: от Второй мировой до Войны Судного дня. 1945–1973.
4. John F. Kennedy Library (JFKL). President's Office Files (POF). Box 119a. Israel. CIA Information Report. 1961. January 18.
5. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee. (Historical Series). Washington, 1984. Vol. XIII, pt. 1, 87th Congress, 1st Session. 1961. January 6.
6. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960. Washington, 1992. Vol. XIII: Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa.
7. Cohen A. Israel and the Evolution of U.S. Nonproliferation Policy: The Critical Decade (1958–1968) // The Nonproliferation Review. 1998. Vol. 5, № 2.
8. Little D. The Making of a Special Relationship: the United States and Israel, 1957–1968 // International Journal of Middle East Studies. 1993. Vol. 25, № 4.
9. Bass W. Support Any Friend: Kennedy's Middle East and the Making of the U.S.–Israel Alliance. Oxford, 2003.
10. Summit A. John F. Kennedy and U.S.–Middle East Relations: a History of American Foreign Policy in the 1960s. Lewiston, 2008.
11. JFKL. Oral History Interview (OHI). Chester Bowles.
12. Shalom Z. Kennedy, Ben-Gurion and the Dimona Project, 1962–1963 // Israel Studies. 1996. Vol. 1, № 1.
13. Hahn P. Caught in the Middle East: U.S. Policy toward the Arab-Israeli Conflict, 1945–1961. Chapel Hill ; London, 2004.
14. Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967 : в 2 т. / отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003. Т. 2: 1957–1967.
15. Druks H. John F. Kennedy and Israel. Westport ; London, 2005.
16. FRUS. 1961–1963. Washington, 1995. Vol. XVII: Near East, 1961–1962.
17. Kenen I.L. Israel's Defence Line: Her Friends and Foes in Washington. Buffalo, 1981.
18. The National Archives of the United Kingdom (TNA). PREM 11/3400. Hancock to Foreign Office. 1961. May 27.
19. JFKL. OHI. Wilbur Barbour.
20. Румянцев В.П. «Новый фронтир» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961–1963 гг.). Томск, 2015.
21. Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. М., 2005.
22. Shlaim A. The Iron Wall. Israel and Arab World. London, 2001.
23. Goldman Z. The Cold War and Israel. Ties that Bind: John F. Kennedy and the Foundations of the American-Israeli Alliance // Cold War History. 2009. Vol. 9, № 1.
24. Oren M. Six Days of War: June 1967 and the Making of the Modern Middle East. New York, 2002.
25. JFKL. OHI. Robert W. Komer. 5th Interview.
26. TNA. FO 371/164363. Memo by British Foreign Office. 1962. August 8.
27. TNA. FO 371/175843. Memo by British Foreign Office. 1963. May 26.
28. FRUS. 1961–1963. Washington, 1995. Vol. XVIII: Near East, 1962–1963.
29. TNA. FO 371/164363. From Tel-Aviv to Foreign Office. 1963. January 15.
30. TNA. FO 371/164363. Memo by British Foreign Office. 1963. January 2.
31. JFKL. National Security Files (NSF). Box 119. Israel. General. W. Barbour to D. Rusk. 1963. May 5.
32. JFKL. POF. Box 119a. Israel. Security. John F. Kennedy to D. Ben-Gurion. 1963. May 18.
33. JFKL. OHI. Philips Talbot. 2nd Interview.
34. JFKL. NSF. Box 148. Palestine Refugees. General. 12/62-11/63. R.Komer to J.F. Kennedy. 1962. December 5.
35. JFKL. POF. Box 119a. Israel. Security. John F. Kennedy to D. Ben-Gurion. 1963. June 15.
36. Hersh S. The Samson Option: Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy. New York, 1991.
37. Штереннис М. История государства Израиль. 1896–2002. Герцлия, 2003.
38. TNA. FO 371/170579. Memo by British Foreign Office. 1963. September 16.

Vladimir P. Rumyantsev, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumv@mail.ru

“DAVID AND GOLIATH”: DAVID BEN-GURION AND DISAGREEMENT WITH THE UNITED STATES ON THE ISRAEL'S NUCLEAR PROGRAM, 1960–1963

Keywords: D. Ben-Gurion, Israel, J.F. Kennedy, United States of America, nuclear nonproliferation.

This paper is devoted to disagreement between the US and Israel over the Israel's nuclear program, which arose during David Ben-Gurion's premiership. The purpose of the paper is to find out the reasons that prompted the United States to take a tough stance against its ally in the Middle East and to identify Ben-Gurion's tactics designed to withstand American pressure. The paper is based on American and British archival materials.

Israel's nuclear program began to be implemented in 1956, but the United States became aware of it only in 1960. The United States tried to obtain guarantees that Israeli reactors would not be used for military purposes. The US President John F. Kennedy considered the threat of proliferation of nuclear weapons as one of the most serious problem that faced his administration. Therefore, the United States insisted that American experts should visit the nuclear reactor located in the Israeli settlement of Dimona. This visit took place on May 18, 1961. American experts discovered nothing that would be evidence of an intention to produce nuclear weapons. Most likely, Israel did not plan to produce nuclear weapons at an early stage of their nuclear program. At that time, David Ben-Gurion was much more concerned about another issue, namely, the possibility of delivering American surface-to-air Hawk missiles to Israel.

The Hawk missiles were promised to Israel in 1962. The deliveries were a part of a complex multi-component US plan, which was based on the principle of “quid pro quo”. Washington expected Israel to show some flexibility with regard to the issue of Palestinian refugees. The United States government expected the same intention from the members of Ben-Gurion's government on the issue of the inspection regime for Israeli nuclear facilities. However, expectations were not met. Ben-Gurion categorically rejected the American

plan to return a part of the Palestinian refugees to Israel. American pressure on the nuclear program was also perceived in Israel as an attempt to limit the country's sovereignty.

Throughout the development of the crisis around Israel's nuclear program, Ben-Gurion's goal was to play for time in order to obtain favorable conditions for the dialogue with Washington on this issue. The delays were supposed to hold out before the start of the US election campaign in 1964, which would hamper the freedom for John F. Kennedy's maneuver. The assassination of the 35th President of the United States unexpectedly eased this task of Israeli politics. The new US president, Lyndon Johnson, did not give relevance to the issue of Israel's nuclear program as his predecessor did.

REFERENCES

1. *The Washington Post*. (1960) 18th December.
2. *The New York Times*. (1960) 19th December.
3. Epstein, A. (2014) *Blizhayshe soyuzniki? Podlinnaya istoriya amerikano-izrail'skikh otnosheniy* [Close Allies & United States and Israel: The Hidden History]. Vol. 1. Moscow: Mosty kultury.
4. John F. Kennedy Library (JFKL). (1961) *President's Office Files (POF)*. Box 119a. Israel. CIA Information Report. 18th January.
5. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. (1961) *Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee. (Historical Series)*. Vol. XIII. Pt. 1. Washington.
6. McMahon, R.J. (ed.) (1992) *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1958–1960. Vol. XIII. Washington: United States Government Printing Office.
7. Cohen, A. (1998) Israel and the Evolution of U.S. Nonproliferation Policy: The Critical Decade (1958–1968). *The Nonproliferation Review*. 5(2).
8. Little, D. (1993) The Making of a Special Relationship: the United States and Israel, 1957–1968. *International Journal of Middle East Studies*. 25(4). DOI: 10.1017/S0020743800059262
9. Bass, W. (2003) *Support Any Friend: Kennedy's Middle East and the Making of the U.S.-Israel Alliance*. Oxford: Oxford University Press.
10. Summit, A. (2008) *John F. Kennedy and U.S.-Middle East Relations: A History of American Foreign Policy in the 1960s*. Lewiston: Edwin Mellen.
11. JFKL. (n.d.) *Oral History Interview (OHI)*. Chester Bowles.
12. Shalom, Z. (1996) Kennedy, Ben-Gurion and the Dimona Project, 1962–1963. *Israel Studies*. 1(1). DOI: 10.1353/is.2005.0041
13. Hahn, P. (2004) *Caught in the Middle East: U.S. Policy toward the Arab-Israeli Conflict, 1945–1961*. Chapel Hill and L.: University of North Carolina Press.
14. Naumkin, V.V. (ed.) (2003) *Blizhnevostochnyy konflikt: Iz dokumentov arkhiva vneshney politiki RF, 1947–1967* [Middle East conflict: From documents of the archive of foreign policy of the Russian Federation, 1947–1967]. Vol. 2. Moscow: MFD.
15. Druks, H. (2005) *John F. Kennedy and Israel*. Westport, L.: [s.n.]
16. McMahon, R.J. (ed.) (1995) *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1961–1963. Vol. XVII. Washington: United States Government Printing Office.
17. Kenen, I.L. (1981) *Israel's Defence Line: Her Friends and Foes in Washington*. Buffalo: Prometheus Books.
18. The National Archives of the United Kingdom (TNA). PREM 11/3400. Hancock to Foreign Office. May 27, 1961.
19. JFKL. OHI. Wilbur Barbour.
20. Rumyantsev, V.P. (2015) "Novyy frontier" administratsii Dzh.F. Kennedi na Blizhnem i Srednem Vostoke (1961–1963 gg.) [The "New Frontier" of J.F. Kennedy's administration in the Near and Middle East (1961–1963)]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Zvyagelskaya, I.D., Karasova, T.A. & Fedorchenko, A.V. (2005) *Gosudarstvo Izrail'* [The State of Israel]. Moscow: RAS.
22. Shlaim, A. (2001) *The Iron Wall. Israel and Arab World*. London: W. W. Norton & Company.
23. Goldman, Z. (2009) The Cold War and Israel. Ties that Bind: John F. Kennedy and the Foundations of the American-Israeli Alliance. *Cold War History*. 9(1). DOI: 10.1080/14682740802170941
24. Oren, M. (2002) *Six Days of War: June 1967 and the Making of the Modern Middle East*. New York: Presidio Press.
25. JFKL. OHI. Robert W. Komer. 5th Interview.
26. TNA. FO 371/164363. *Memo by British Foreign Office, August 8, 1962*.
27. TNA. FO 371/175843. *Memo by British Foreign Office, May 26, 1963*.
28. McMahon, R.J. (ed.) (1995) *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1961–1963. Vol. XVIII. Washington: United States Government Printing Office.
29. TNA. FO 371/164363. *From Tel-Aviv to Foreign Office, January 15, 1963*.
30. TNA. FO 371/164363. *Memo by British Foreign Office, January 2, 1963*.
31. JFKL. *National Security Files (NSF)*. Israel. General. W. Barbour to D. Rusk. May 5, 1963. Box 119.
32. JFKL. Israel. Security. John F. Kennedy to D. Ben-Gurion, May 18, 1963. POF. Box 119a.
33. JFKL. OHI. Philips Talbot. 2nd Interview.
34. JFKL. Palestine Refugees. General. 12/62–11/63. R.Komer to J.F. Kennedy. December 5, 1962. NSF. Box 148.
35. JFKL. Israel. Security. John F. Kennedy to D. Ben-Gurion, June 15, 1963. POF. Box 119a.
36. Hersh, S. (1991) *The Samson Option: Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy*. New York: Random House.
37. Shterenshis, M. (2003) *Istoriya gosudarstva Izrail'. 1896–2002* [A History of the State of Israel. 1896–2002]. Herzliya: ISRADON.
38. TNA. FO 371/170579. *Memo by British Foreign Office, September 16, 1963*.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 908; 930.253; 398.1
DOI: 10.17223/19988613/64/11

Е.А. Берман Н.А. Орехова

ПИСЬМА ИРКУТСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАВВИНА С.Х. БЕЙЛИНА Г.Н. ПОТАНИНУ (ИЗ ФОНДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Анализируются десять писем писателя и публициста, исследователя еврейского фольклора, раввина Иркутска С.Х. Бейлина к Г.Н. Потанину, написанные в 1901 по 1910 г. Их уникальность в том, что они содержат ценные сведения о дружбе и точках профессионального соприкосновения двух незаурядных личностей. Эти письма являются к настоящему моменту единственной найденной личной перепиской С.Х. Бейлина. Они содержат ранее неизвестные факты научной и личной биографии С.Х. Бейлина, а также ссылки на неизвестные ранее его дореволюционные публикации в области еврейского и сравнительного фольклора.

Ключевые слова: этнография; сибиреведение; сибирская иудаика; субботники; еврейский фольклор.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея (далее – КККМ) хранятся материалы (личные документы, фото, книги, брошюры) Григория Николаевича Потанина (1835–1920) – российского географа, этнографа, фольклориста, ботаника, публициста, общественного деятеля и крупнейшего организатора науки в Сибири. Из Отчета по Красноярскому городскому музею за 1920 г. известно, что в исторический архив музея личные бумаги Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина поступили от Н.Н. Козьмина, российского историка и этнографа, который в 1910–1919 гг. жил и работал в Красноярске [1. Л. 39]. Огромный интерес для исследователей имеют письма к Г.Н. Потанину. Он имел огромный круг корреспондентов (более 200) в разных уголках России и за рубежом. В личном фонде Г.Н. Потанина насчитывается около 2 000 источников документального фонда. Среди них большая часть писем на русском языке.

Состоял Григорий Николаевич и в переписке с Соломоном Хаимовичем Бейлиным – иркутским общественным (казенным) раввином, еврейским публицистом и этнографом, стоявшим у истоков еврейской фольклористики в России и посвятившим изучению и систематизации еврейского фольклора всю свою жизнь. С.Х. Бейлин родился в 1857 г. (по другим источникам в 1858 г.) в черте постоянной еврейской оседлости в г. Новогрудок Минской губернии в семье купца 2-й гильдии. Первым его образованием стала начальная еврейская религиозная школа (хеде́р), где детям давали традиционное еврейское образование, заключающееся в изучении иврита и главных еврейских книг Торы и Талмуда. Затем он получил светское домашнее образование: изучал русский и немецкий языки, а также математику. В 1880 г. С.Х. Бейлин окончил 6-классное Пинское реальное училище и более 10 лет работал еврейским учителем (меламедом),

обучая детей еврейскому закону и языкам в Варшаве, Санкт-Петербурге, Царском Селе. В 1891 г. он становится общественным (казенным) раввином¹ г. Рогачева Могилевской губернии и занимает эту должность до середины 1901 г.

В 1901 г. по приглашению иркутских купцов-евреев Соломон Хаимович переезжает с семьей в Иркутск, чтобы возглавить самую крупную еврейскую общину в Сибири. Будучи казенным раввином Иркутска с 1901 по 1921 г. С.Х. Бейлин вошел в историю общины как один из самых образованных руководителей и ярких общественных деятелей. Благодаря его деятельности в первые десятилетия XX в. в Иркутске расцвела еврейская национально-культурная жизнь. В 1909 г. С.Х. Бейлин становится членом только что образованного в Санкт-Петербурге Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО), и многие иркутяне следуют его примеру (к 1914 г. в ЕИЭО состояли 44 члена из Иркутска). В 1914 г. по его инициативе в Иркутске открылся филиал Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), в 1917 г. под председательством С.Х. Бейлина в Иркутске работало отделение Еврейского литературно-художественного общества им. Л. Переца [2].

Записывать еврейский фольклор Соломон Бейлин начал еще в 70–80-е гг. XIX в., а в последнее десятилетие XIX в. (с 1895) он начал публиковать его на немецком языке в журнале «Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde»² (Германия) и на русском языке в различных изданиях по фольклору и этнографии в России. В 1898 г. в Одессе и Вильне вышли два сборника записанных им еврейских сказок на русском языке. Будучи последователем академика А.Н. Веселовского, С.Х. Бейлин публикует ряд статей (1895–1906), касающихся историко-сравнительного анализа фольклора разных народов, а в 1907 г. эти исследования входят в его

книгу «Странствующие повести и сказания в древнераввинской письменности». В 1909–1915 гг. публицистика и статьи С.Х. Бейлина о еврейском фольклоре размещаются на страницах журналов «Еврейская Старина» (Санкт-Петербург), «Пережитое» (Санкт-Петербург), «Будущности» (Санкт-Петербург), «Сибирский архив» (Иркутск) и др. В существующих на сегодняшний день публикациях нет указаний на то, что еврейский фольклор издавался кем-либо на территории России раньше С.Х. Бейлина [3].

После Октябрьской революции, в 1920-е гг., начинается короткий подъем советской еврейской культуры на языке идиш, поддерживаемый государством и просуществовавший менее двух десятилетий. В 1924 г. одним из центров по исследованию языка идиш в СССР становится еврейский отдел Института белорусской культуры (Минск), выпускающий журнал «Цайтшрифт», а главным международным центром – Еврейский научный институт (ИВО). В этот период С. Бейлин также переходит в своих статьях на идиш и публикуется в журналах: «Цайтшрифт», еврейского отдела Института белорусской культуры (Минск) – «Анекдоты, поговорки, остроты, пословицы» (1928); «Филологише шрифтн», Еврейского научного института (Вильно) – «Ученые и маскильские шутки» (1929); «Шрифтн» (Киев) – «Сравнения» (1928) [4]. В 1926 г. его имя входит в капитальный труд еврейского филолога и историка литературы Залмана Рейзена «Лексикон литературы, журналистики и филологии на идиш» [5. Р. 265–268].

В конце 1920-х гг. Соломон Бейлин, перешагнув свой 70-летний рубеж, вместе с семьей переезжает из Иркутска в Москву. В первые дни войны, 30 июня 1941 г., вместе с одной из дочерей, Зинаидой, он уезжает из Москвы в эвакуацию в г. Тулун Тулунского района Иркутской области³, где 31 июля 1942 г. умирает в возрасте 85 лет⁴. После смерти Бейлина до нашего времени сохранилось большое количество документов, отражающих его профессиональную деятельность в качестве казенного раввина Иркутска и его научную деятельность, связанную с еврейским фольклором и этнографией, – публикации на немецком, русском языках и идише, а также его неопубликованные материалы на идише.

Предлагаем вниманию читателей десять сохранившихся писем С.Х. Бейлина Г.Н. Потанину из фондов ККМ. В данных письмах обсуждаются книги и статьи, вышедшие на немецком языке в Германии, в том числе книги Г. Эстерли «Римские деяния» (1872), охватывающие темы христианской, латинской и дидактической литературы, С. Крауса «Жизнь Христа по еврейским источникам» (1902), сборник этнографических статей Ф. Либрехта «Zur Volkskunde» (1879) и др., а также некоторые параллели сказок из еврейской и христианской литературы, отсылки к ранее неизвестным статьям самого С.Х. Бейлина. Письма также подтверждают его инициативу в подготовке материалов для будущей книги по истории иркутской еврейской общины [6], этнографический интерес к жизни сибирских сектантов-субботников [7] и многое другое.

Поскольку личного архива С.Х. Бейлина к моменту написания статьи авторам найти не удалось, уникаль-

ность данных писем не только в том, что они содержат ценные сведения о дружбе и точках профессионального соприкосновения двух незаурядных личностей, но и в том, что они являются единственной найденной к настоящему моменту неофициальной перепиской С.Х. Бейлина. Все письма Соломона Хаимовича Бейлина рукописные, подлинные и подписаны собственноручным автографом. Письма публикуются впервые, охватывают временной промежуток с 1901 по 1910 г. и приводятся в хронологическом порядке.

1. «Иркутск, 14 сентября 1901 г.»⁵

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

От имени жены моей и также моего милости просим Вас не отказать пожаловать к нам на обед к 12 или к 12½ часам. Завтра, 15 сего сентября, я и жена после молитвы будем целый день свободны⁶.

С совершенным и глубоким почтением С. Бейлин» [8].

2. «Иркутск, 12 декабря 1901 г.

Глубокопочтительный Григорий Николаевич!

Вместе с сим возвращаю Вам Вашу книгу *Zur Volkskunde von Felix Liebrecht*⁷ – очень Вам благодарен. Нет ли у Вас на немецком языке: 1) *Oesterley – Gesta Romanorum*⁸ и 2) *Barlaam und Josaphat*⁹ (на русском или на немецком языке)? Также не знаете ли, по каким сочинениям на русском или на немецком языке можно ознакомиться близко с содержанием этих 2-х сочинений. *Die Quellen des Barl u Jos* я в *Liebrechte* прочел, но мне необходимо прочесть весь роман с начала до конца по какому-нибудь научному изданию. Тоже самое и о Римских деяниях.

На днях получил отзыв из редакции “Восход”, что работа моя “Евангельская мораль в сравнении с талмудическою” пройдет, но придется изменить название ее и кое-что выбросить¹⁰. Мне было бы очень желательно, если бы удалось прочесть ее на секции этнографии: подобные вещи должны иметь двойной интерес: в религиозно-нравственно-примирительном смысле и чисто фольклористическом отношении. Отголоски книги “Товит” я отослал в редакцию “Восход” и надеюсь, что ее охотно поместят. Ваши замечания от Вашего имени привожу (о Еруслане Лазаревиче).

С совершеннейшим почтением С. Бейлин» [9].

3. «Иркутск, 8 октября 1902 г.

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич!

Помнится мне, что Вы интересуетесь книгою *Toldot Jeschu*, потому считаю нужным обратить Ваше внимание на научное издание ее (делаю Вам выписку из № 38 “Восхода” с.г. из отдела “библиография”: *Krauss. Das Leben Jesu nach juedischen Quellen*. Berlin. Verl. Calvary, 1902 (Краус. Жизнь Христа по еврейским источникам)¹¹. “Более 1500 л. тому назад появилась в свет рукопись под названием *Toldot Jeschu*, получившая большую известность среди еврейских ученых. В ней рассказывалась история основателя Христианской религии. Переиздавая теперь эту рукопись, на основании всех дошедших до нас текстов ЕС, г. Краус сделал безусловно хорошее дело. Для того, чтобы правильно понять содержание этой книги, надо хорошо знать все особенности той эпохи, в которую она появилась, и те источники, откуда было почерпнуто ее содержание. В последнем отношении Краус ока-

зал несомненную услугу, доказав, что Toldot Jeschu основана на христианских источниках. Выяснение этого обстоятельства важно в том отношении, что оказывается возможным предполагать, что в названном произведении было не порождение злой воли, а полемическое изображение фактов действительности. – Издатель произвел сопоставление между всеми существующими текстами книги и перевел еще неперевершенные варианты. В обширном введении он излагает историю книги. Мы узнаем, что отзывы языческих философов о ней сходятся с мнениями, встречаемыми в Талмуде и Мидраше. Историческое существование книги или другого произведения, подобного ей, относится к 9 в.; в 13 в. опять упоминается о ней. В спорах христиан с евреями она играла настолько видную роль, что евреи считали нужным продать или предать ее. Краус вполне объективно излагает все отзывы о книге, перечисляет все варианты. Особенный интерес представляют результаты его изысканий по вопросу об отношении книги к Евангелию, новозаветным апокрифам истории апостолов, Талмуду, Мидрашу и Корану. Затем он говорит об отношении к книге караимов и о значении ее в средневековой полемической литературе. Было бы слишком долгим излагать все содержание этого крайне интересного вступительного очерка. Можно сказать, что работа Крауса займет видное место в истории возникновения христианства и развития еврейской религиозной мысли”. (№ 38 Восход, 1902 Allgemeine Zeitung des Judenthums 1902).

Одновременно с сим я обратился в книжный магазин “Товарищество М.О. Вольф, СПб” с просьбою выслать мне 2 экземпляра этой книжки, если она Вам нужна, то по получении, один экземпляр вышлю Вам.

Как живете-можете, надолго ли оставили Вы Иркутск? Жена моя и дети кланяются Вам. Вместе с сим имею честь и удовольствие прислать Вам №№ 32 и 33 “Будущности”, где помещена моя “Сказка Геродота о Кольце и популярности ее”. После напечатания я натолкнулся на чудную параллель (о драгоценном камне, найденном в желудке рыбы) в церковно-учительной книге “Пролог” (на 7 декабря в поучительном рассказе “Дающий милостыню убогим Богу дает и сторицею будет вознагражден” (приложение к Страннику за 1896 г.), а также на редкую, малоизвестную еврейскую параллель о находке в рыбе живого младенца – Иисуса Навина. Этой еврейской легенде благоприятствует то обстоятельство, что Нун (Навин) – по-арамейски значит “рыба”. Jeheschus bin Nun (Иисус сын Нуна (Навина), а также сын рыбы). Обе ли эти параллели посланы мною в редакцию Будущности как дополнения, если будут помещены, то вышлю Вам.

Жму Вашу крепкую руку. Глубокопочитающий Вас С. Бейлин» [10].

4. «Иркутск, 2 сентября 1904 г.

Глубокочтимый Григорий Николаевич!

До сих пор я не имел возможности прислать Вам сказку Геродота о кольце, так как собранный мною за последние два года дополнительный материал не был еще напечатан. Ныне я с удовольствием присылаю Вам №№ 32 и 33/1902 г. “Будущности” и №№ 3826 и 3831 от 28 августа и 2 сентября 1904 г. “Иркутских

Губернских Ведомостей” и убедительнейшее прошу Вас, если это Вас не затруднит, просмотреть внимательно мою работу (материала почти вдвое больше того, что читал в здании музея в сентябре 1901 г., а некоторые варианты – о Иисусе Навине, а также из Пролога – малоизвестны даже специалистам и представляют глубокий интерес своею своеобразностью).

Если же Вам известны еще какие либо рассказы или варианты, в которых фигурирует кольцо или драгоценная находка во внутренностях рыбы или других животных, а тем более из бурятских, японских, китайских и африканских сказок, или если Вам знакомы какие либо специальные работы по этому вопросу, не откажите сообщить мне, чем премного обяжете.

Ваш отъезд из Иркутска, Ваше отсутствие – для меня чувствительная потеря во всех отношениях. Положительно я скучаю по Вас, добрейший Григорий Николаевич, беседы с Вами, в особенности по фольклору, для меня сердечным праздником и глубоко поучительными. К сожалению, здесь нет людей (или я их не знаю), близко знакомых с научною литературою народного творчества, в особенности по вопросу о странствующих сказках, к которым я бы мог обратиться за указаниями и разъяснениями.

Мои «Отголоски Книги Товита» помещены в 3 т. Сборника Будущности (1902 г.). Книжка “Толдот Ешшу”, о которой я Вам писал года два тому назад (рецензия из Восхода) по сие время не получена мною. Если Вы ее получили, потрудитесь сообщить мне содержание ее заглавного листа и оглавления. Библиотека при синагоге устроена и функционирует почти год. Имеется свыше 1 300 книг, между ними несколько ценных. По частному объяснению в Губернском правлении нет надобности в разрешении раз синагога утверждена Правительством.

Живу немного стесненно, так как семейство увеличивается, дети подрастают (две девочки учатся в гимназии, мальчик – в городском училище, а еврейским предметам на дому), а дороговизна здесь сильная. Жена целый день суетится, не покладая рук по хозяйству, то репетируя с детьми. Как Вас Господь Бог милует, как Ваше здоровье, спокойствие духа, литературные занятия? Если Вам не затруднительно, напишите нам несколько слов о себе и доставите мне и жене моей большое удовольствие.

Нет ли у Вас Gesta romanorum Grass (Das älteste Märchen und Legendbuch christlichen Mittelalters oder die Gesta romanorum von Grässe¹², 1850), а также притчи о трех друзьях в старинной редакции или по славянской редакции Гистории о Варлааме и Иоасафе.

Жму Вам крепко руку с глубоким уважением С. Бейлин» [11].

5. «Иркутск, 8 ноября 1906 г.

Глубокочтимый Григорий Николаевич!

Будьте добры – сообщите мне о судьбе моих трех статей по всемирному и сравнительному фольклору, оставленных у вас в конце июля месяца сего года. Если Вам не удалось устроить их в Этнографическое Обозрение, то нельзя ли поместить их в местной (г. Томска) ежедневной газете с Вашими примечаниями или дополнениями.

Как Ваше здоровье и как себя чувствуете? Листок из книжного магазина я получил недели 3–4 тому назад и отослал обратно в магазин выполненным.

Для меня смерть академика Александра Николаевича Веселовского невозвратимая утрата. Мне больно, как бы я лишился близкого родного человека! Моя мечта была хоть когда-нибудь приехать в Петербург специально лично познакомиться с ним и близко ознакомиться с моей мыслью о великом значении и глубоко влиянии сказочных и назидательных сюжетов из древней раввинской письменности на таковые из западно-европейских литератур в особенности русской. Написанный Вами некролог о нем читал я.

Жена моя и дети кланяются Вам. С глубоким почтением С. Бейлин

Адрес: Иркутск Раввину С.Х. Бейлину» [12].

6. «Иркутск 3 декабря 1906 г.

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич!

Третьего дня я получил из магазина Эггерса “Das Leben Jesu nach jüdischen Quellen”. При чтении вспомнился мне смутно один вариант из Toldot Jeschu, который слышал в хедере (еврейской начальной школе) лет 40 тому назад. Так как Вы интересуетесь этим вопросом, то считаю нужным сообщить Вам.

Иосиф Пандра, развращенный молодой человек, был товарищем жениха Мариам – Марии (имени жениха не помню или не сообщили мне). Этот Иосиф, подражая голосу жениха, пришел к Марии на брачное ложе в ночь свадьбы ее. Обман она обнаружила к великой скорби ее поздно, уже после соития, и таким образом, она должна была стать матерью от чужого человека, не принадлежа ему и будучи обрученицей другого. Впоследствии и народ узнал об обмане, и потому мальчика Йошуу, плода этого обмана, школьники-товарищи дразнили позорную кличкой “мамзер” (незаконнорожденный бастард).

От матери он все не мог добиться объяснения, даже и когда пришел уже в возрасте, отчего его срамят (зовут) незаконнорожденным. И решил он узнать причину во чтобы-то ни стало. И вот однажды, накануне субботы (в пятницу), отправляясь по обычаю в баню, он попросил у матери свежего белья. Она приподняла крышку сундука, засунула туда голову и руки, чтобы достать просимое. Йошуу быстро захлопнул крышку над перегнутом туловищем матери своей и пригрозил раздавить ее, если она не скажет ему всю правду о своем происхождении.

И она ему рассказала все. Учился Йошуу прекрасно. Сделавшись взрослым, стал глубоким ученым («танна»), он записал (в храме) 72-х буквенное имя Господа (шемхамфора), тетограмма – таинственное и всемогущее имя Бога, которым всякий в состоянии совершать чудеса, записку зашил себе под икрами ноги своей и, таким образом, стал летать в небо (про странство), выдавая себя за Бога.

Чтобы парализовать его самозванство, другой танна (ученый времен 2-го Иерусалимского Храма) тоже выписал чудодейственное 72-х буквенное имя Господне, зашил под икрами ноги своей, тоже взлетел в небо еще выше Йошуу и, приблизившись к нему на лету, умышленно осквернил его выпущенною на него

струею мочи и, таким образом, Йошуу стал спускаться все ниже и ниже, и очутился он (случайно) как раз над таким местом, где в это время женщины (еврейские) рубили (шинковали?) капусту. Завидев падающего (спускающегося) Йошуу, они забросали его кочанами капусты, и таким образом он был ими убит.

Дело в том, что Йошуу заклил (заколдовал?) себя, чтобы никакое орудие не могло убить его, пересчитал он все смертоносные орудия и, конечно, о кочанах капусты и не помышлял. Дальнейшие события не помню. Кажется, что на этом рассказ и останавливается.

Быть повешенным на кочане капустном – это невероятно, неправдоподобно. Гораздо естественнее быть заброшенным капустными кочанами хотя бы и до смерти. Сюжет о захлопывании крышки сундука над перегнувшимся человеком слышал я или читал (не помню когда и где): разбойник, ворвавшись ночью в дом одинокой старухи, стал таскать вещи и драгоценности из сундука: в то время, когда грабитель всунул голову в ящик, хозяйка быстро захлопнула тяжелую крышку, навалилась на нее всем корпусом и, таким образом, задавила грабителя.

8-го прошлого месяца я Вам писал: спрашивал о судьбе моих трех статей по фольклору. Возможно ли их где-нибудь пристроить?

Жена и дети кланяются Вам.

С глубоким почтением С. Бейлин» [13].

7. «Иркутск, 2 января 1907 г.

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич!

Спасибо Вам за Ваше письмо от 3-го прошлого месяца и за присылку мне Сибирских сказок. Касательно времени составления Toldot Jeschu, к сожалению, пока ничего не могу сказать, так как этот вопрос мне мало знаком. Я даже не успел прочесть всю книгу Kraussa. Большой свет могли бы пролить те места из Талмуда, которые говорят о первых христианах. Но все эти места, как полагают, выброшены с давних времен как цензорами, так даже и самими евреями и из опасения гонений и преследований со стороны христиан.

Но есть одно заграничное издание на еврейско-арамейском (раввинском) языке – небольшая книжка, в которой собраны по старинным рукописям Талмуда все тексты, выброшенные цензорами. Я думаю, что подобное сочинение может пролить некоторый свет на интересующий Вас вопрос. Эту книжку я скоро буду иметь. Она находится между книгами, подаренными на днях Синагогальной библиотеке (до 600 томов) прихожанами здешней Синагоги – братьями Мееровичами. (Кстати, о синагогальной библиотеке нашей: в ней уже имеется свыше 3 тысяч книг по разным отделам Юдаики и Гебраики). В истории еврейской литературы Густ. Карнелеса (русский перевод, стр. 354) сказано, что Toldot Jeschu составлена не ранее IV или V в. по Р.Х.

В прошлом моем письме к Вам вкралась ошибка: там приведено слово – “тетограмма”, которую надо и прошу зачеркнуть. Тетраграмма – это 4-х буквенное имя Бога J.h.W.h. (отсюда “Яегова”), которое евреи никогда не произносят точно, согласно звуку этих букв (дозвучно), а заменяют, даже при произнесении молитв и при богослужении, – словами: “адонай” (Господин, Господь), Рибон шел-олам (Властелин мира,

вселенной) *hakodosch boruch-hu* (Святой, Благословенный), а в обыденной жизни или разговоре не произносятся даже слова “адонай”. Имя Бога до того свято, что точное, созвучное произнесение его считается святотатством.

42-х буквенное и 72-х буквенное имя Господа в настоящее время никому не известно, но по поверию евреев – это полное имя Бога находилось написанным (начертанным, вырезанным) в Храме в Святой-Святых (или другом укромном или потайном в Храме месте). Обладатель этого “точного”, или ясно обозначенного 42-х, (а по другим 72-х) буквенного имени Бога (*Shem ha-Mephorash*) мог творить чудеса: летать в воздухе, воскрешать мертвых и т.д. Этим незаконно воспользовался *Jeschu*. Сюжет о захлопывании крышки сундука над перегнувшимся человеком имеется в сборнике Афанасьева в сказке “Разбойники”, т. II, № 199 – 2 вариант стр. 203 изд. 1897 г.

К профессору Миллеру я не писал, жду получения новой книги Этнографического Обозрения – авось там и помещена работа. В Энциклопедии Слов Брокгауза сказано, что Бальдур¹³ отождествляется с Христом. Больше о Бальдуре, Бальдусе там не имеется. Не можете ли указать мне, где могу найти более подробных сведений о Бальдуре или вкратце изложить, что Вам известно об этом легендарном лице? Этим обяжете.

Жму Вашу крепкую руку и поздравляю с Новым годом. Пожелал бы, чтобы он был далеко не похож на старый кровавый год: чтоб он был годом счастья, прогресса и обновления.

Уважающий Вас С. Бейлин. Жена и дети кланяются Вам сердечно» [14].

8. «Иркутск. 27 января 1908 г.

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Имею к Вам просьбу. Не можете ли узнать у университетского начальства в Томске – не могу ли я получить звание домашнего учителя по специальности русского языка или словесности, не подвергаясь экзамену – на основании моего аттестата об окончании 6-ти классов реального училища (в 1880 г.)¹⁴ и моей работы “Странствующие или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности”¹⁵.

Говорят, что, будь книга написана на немецком языке, я бы получил в Германии звание доктора словесности. Об этом в России не смею даже мечтать: мне хоть бы звание – домашнего учителя¹⁶. При подобном звании я бы открыл вместе с женою еврейское училище или несколько классов с программой низших классов средне-учебных заведений¹⁷. Скорым ответом обяжете меня.

Местные евреи, в том числе и я, переживаем теперь очень трудное время в материальном и моральном отношении: наши Гаманы ополчились против нас всю – с яростью цепных собак¹⁸.

С глубоким почтением С. Бейлин.

Р.С. Жена и дети нижайше кланяются Вам» [15].

9. «Иркутск, 12 февраля 1908 г.

Глубокочтимый Григорий Николаевич!

Ваш ответ от 5 октября своевременно получил и благодарю Вас. У нас при синагоге теперь составила комиссия из 5 человек, которая собирает материалы

для истории Иркутской еврейской общины. Пока собираем сырой материал по воспоминаниям старожилов, общественным и синагогальным протоколам, надписям на кладбищенских памятниках и т.д. Когда материал будет сгруппирован по отделам: истории первого поселения евреев в Иркутске и окрестностях, истории возникновения общины, синагоги, кладбища, училища, богадельни, библиотеки и прочих благотворительных и просветительских учреждений, постараюсь по мере сил сделать извлечение из всего этого для Сибири¹⁹. Убедительно прошу Вас по возможности похлопотать о моем деле – это для меня очень важно.

С совершенным почтением С. Бейлин

М.Я. Тернеру мой поклон, если видите его в редакции» [16].

10. «Иркутск, 30 мая 1910 г.

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич!

Давно я хотел Вам писать, в особенности выразить мою искреннейшую признательность за Ваш лестный для меня и моей книги отзыв в «Сибирской жизни» (№ 33/1909)²⁰, и все откладывал до случая. Благодарю Вас от души и с нетерпением жду случая повидаться с Вами в Томске и иметь удовольствие пожать Вам руку и пожелать Вам глубокой и бодрой старости при плодотворной деятельности.

Я рассчитываю взять отпуск на 4 месяца (с августа по декабрь) сего года и, если к тому не будет посторонних помех, по дороге в Европейскую Россию (на родину в г. Новогрудок Минской губернии) использую мой отпуск отчасти для ознакомления поближе с сибирскими субботниками, для чего остановлюсь в селе Зима Балаганского уезда Иркутской губернии, Мариинске Томской губернии и в селе Юдине²¹. В последнем, как мне передавали, будто находится до тысячи семейств субботнических. В подобном месте я готов пробыть дней десять для изучения их быта, верований, экономического положения и т.д.

К сожалению, я понятия не имею, где находится это Юдино, и как туда едут из Томска. В географическо-статическом словаре Российской Империи (1866) значится одно только “Юдино” (село Юдинское) Тобольской губернии. Ныне в Тюркалинском округе, прежде же в Омском, в 173 верстах к В.-Ю. В. от Омска, на западном берегу озера Чаны и т.д., но ничего о субботниках не сказано. Не есть ли это какое-нибудь другое Юдино²².

Моя просьба к Вам, дорогой Григорий Николаевич, сообщить мне: во-первых, если Вам известно, маршрут на Юдино (субботническое) из Иркутска или Томска, Новониколаевска или Омска; во-вторых, к кому мне обратиться заблаговременно за снабжением меня бумагой или вроде этого, чтобы мне не препятствовали пребыванию в Юдине, как еврею, не имеющему права жительства вне черты еврейской оседлости, а также, чтобы полицейское начальство или местное православное духовенство не заподозрило в моем невинном, чисто научном посещении субботников какие-либо прозелитические цели, пропаганду иудейства; к какому губернскому начальству (не Иркутской губернии) мне надо обратиться за разрешением или к какому ученому обществу за рекомендательным

письмом для беспрепятственного посещения юдинских субботников²³.

Все это необходимо мне заготовить заблаговременно, чтобы продуктивнее использовать время: мне нужно также побыть в Москве, Варшаве и Петербурге, а если мои финансы позволят, не уплывут между пальцами, то и махну в сторону от Волги, к Самарским и Саратовским субботникам, а также и к кавказским субботникам. Но это, увы, как говорят, только одна «сладкая мечта поэта»²⁴.

На мои вопросы, будьте добры, дайте мне ответ, чем обяжете.

Как Ваше здоровье и состояние духа (выражусь современным языком самочувствие Ваше)?

Я прямо горю нетерпением освежиться немного, вырваться из Иркутска, дать нервам и мозгу отдохнуть немного, или же по крайней мере набраться новых впечатлений и побыть на родине. Последнее время положительно тоска по ней у меня дошла чуть ли не до болезненности несмотря на то, что живу при семье и занят делом, к которому чувствую склонность!²⁵

Мои старшие дочери (перешли в 7, 6 и 4 классы) на будущую неделю поедут в Томск на дачу к сестре моей (жене доктора Гершкопфа). Я просил их зайти к Вам передать нижайшее почтение от меня и жены моей, но они, к сожалению, страшно застенчивые барышни-подростки и да вряд ли исполнят мою просьбу.

Сын мой (старший) практически занимается в детстве фольклором: за десятикопеечное вознаграждение со штуки, с каждой отыскиваемой для меня параллели к талмудическим сказкам и сказаниям, уже 3-ю неделю в Варшаве у своей тети (сестры моей). Он туда поехал для операции – у него сильное растяжение вен на правой ноге. Готовится он в 8-й класс гимназии.

Жена моя шлет Вам свой привет и благопожелания.

В Петербурге под редакцией С.М. Дубнова (известного еврейского историка) издается с 1 января 1909 г. трехмесячник «Еврейская старина», посвященный еврейской истории в России и этнографии (издание Еврейского историко-этнографического общества, Васильевский остров, 8-я линия, д. № 33, кв. 11). В трех книжках 1910 г. помещены мои небольшие работы: 1) Хедерные задачи и загадки литовских евреев²⁶; 2) Анекдоты о еврейской бесправии²⁷; 3) Рассказы о кантонистах²⁸.

С глубоким уважением С. Бейлин» [17].

Поскольку к моменту написания статьи ответы на письма авторам найти не удалось, приводим полностью рецензию Г.Н. Потанина, опубликованную в газете «Сибирская жизнь» (Томск, 1909) на книгу С.Х. Бейлина «Странствующие, или Всемирные повести и сказания в древнераввинской письменности» (Иркутск, 1907). Этот текст в некоторой степени можно отнести к ответам на данные письма.

«Томск, 27 апреля 1909 г.

Ученый труд по истории народного предания, напечатанный не в Германии и даже не в Европейской России, где-нибудь в Вильно или в Варшаве, а в Сибири, в Иркутске. Автор книги С.Х. Бейлин, ученый раввин в Иркутске, может быть признан первым знатоком Талмуда в Сибири. Покойный академик А.Н. Веселов-

ский, оставивший после себя обширные труды по истории средневековой западно-европейской и славянской литературы, натолкнувшись на глубокие талмудические влияния, должен был вступить в переписку с выдающимися талмудистами в Европе; он не обошел своим вниманием и нашего сибирского талмудиста, обращаясь и к нему за справками из области Талмуда. В свою очередь, г. Бейлин всегда внимательно следил за трудами А.Н. Веселовского, которого считал вдохновителем своих работ и памяти благоговейно посвятил свою книгу.

Задачей, которую ставил себе автор этой книги, как он сам о том заявляет в предисловии к ней, было показать на нескольких примерах, какую великую роль сыграла древнераввинская письменность в деле развития, сохранения и распространения всемирных сказочных мотивов и сюжетов. С этой целью г. Бейлин берет из Талмуда или Мидраша один сюжет за другим и следит за фильтрацией каждого из них в средневековую европейскую литературу; каждому такому сюжету посвящена особая глава; всех глав в книге 24. В этих главах указаны талмудические материалы к сказке Геродота о Поликратовом кольце, к славянскому сказанию о гордом Аггее, к псковскому преданию о горе Судом, к русским былинам о 40 каликах и о Чуриле, к сказке Лессинга о трех кольцах и многое другое.

Громадное участие древнераввинской литературы в распространении сказочных сюжетов несомненно. Распространителями так называемых сказочных повестей и сказок, кроме евреев, были также византийцы и арабы, но роль их была уже второстепенная; и арабы, и византийцы получали свой багаж от евреев. Еврейский мир стоял на рубеже между Востоком, где зарождались сказочные схемы, и Западом. В этом мире возникает древнераввинская письменность, развивающаяся и размножающаяся в течении длинного периода почти в полторы тысячи лет (за три, четыре века до разрушения второго Иерусалимского храма и свыше тысячи двухсот лет после этого события). В течение полутора тысяч лет эта литература вбирает в себя сказочный материал Востока и пускает его в дальнейший оборот на Западе.

Иногда г. Бейлину удается доказать, что известный сюжет мог попасть в западные литературы только через посредство Талмуда. Отражения древнераввинской литературы на Западе замечаются даже в новейшей литературе Европы. Как на удачный пример сопоставления новейшей европейской литературы с древнераввинской, сделанного г. Бейлиным, можно указать на XVII главу его книги, в которой указано совпадение завещания умирающего гренадера Гейне с завещанием одного рабби из Талмуда. Рабби Иеремий выразил свою предсмертную волю в словах: «Заверните меня после смерти в белую одежду, обуяйте обе мои ноги и в руки дайте мне посох, чтобы я был готов, когда придет Мессия». Гейне перенес этот эпизод в другую среду. Умирающий наполеоновский гренадер просит положить с ним в гроб его орден и шпагу, и ружье; когда император воскреснет и гренадер выйдет из гроба при шпаге и с ружьем в руке, готовый идти в битву.

Во многих случаях, однако, нельзя признать прямого участия древнераввинской литературы в пересадке сюжета. Нахождение одного и того же сюжета и на Западе, и в древнераввинской литературе еще не ведет непременно к заключению, что запад заимствовал этот сюжет из этой, а не какой-либо другой литературы. Сюжет мог попасть на Запад непосредственно из того источника, из которого он попал и в саму древнераввинскую литературу; автор книги несколько не преувеличивает роли этой литературы, хотя и считает ее за могущественного посредника в распространении сказочных сюжетов. Древнераввинская литература в очень малой дозе снабдила Запад произведениями собственного еврейского творчества; большая часть того, что она пересадила на Запад, в свою очередь, заимствовано ею у отдаленного Востока.

Поток сказочных сюжетов с дальнего востока Азии в Европу до сей поры исследователями народных не расчленился на отдельные струи; прежде всего следовало бы отделить предания североазиатского происхождения от преданий происхождения южноазиатского. Г. Бейлин принадлежит к числу тех немногих фольклористов, которые начинают выдвигать роль хазарской народности в истории расселения сюжетов. Вслед за галицким ученым Ив. Франко г. Бейлин говорит, что внесение в древнерусскую и южнорусскую письменность непосредственно из Талмуда и Мидраша некоторых апокрифических сюжетов следует приписать влиянию хазар, правящие классы которых держались Моисеева закона. Это указание на роль хазар есть первый шаг к детальному рассмотрению путей, по которым расселялись сказки. Хазарская среда могла пересаживать с Востока на Запад предания не южной Азии, а северной.

Нельзя не отметить субъективного отношения автора этой книги к предмету своей специальности. Предания для него не голые факты для научного оперирования; он восхищается их художественностью, удивляется их глубокому смыслу. Его влекут к этим занятиям не одно только те откровения науки, которые поднимают кабинетного ученого над уровнем обыденной жизни и наполняют его душу чистою радостью, но

он с глубоким интересом относится также и к морально-практическому значению назидательных рассказов Талмуда и Мидраша. Что заставило древнего еврейского писателя привести народный рассказ в данном месте, для истолкования какой моральной истины? Подобное побочное обстоятельство, говорит г. Бейлин, подчас интереснее самой сказки. И национальная гордость автора находит глубокое удовлетворение в сознании, что рабби, его единоплеменники, создавая эту назидательную литературу, совершили такой огромный труд на пользу гуманизма.

Книга г. Бейлина издана на средства, доставленные иркутскими евреями, любителями просвещения. Иркутское общество евреев самое передовое среди сибирского еврейства; поэтому-то в Иркутске прежде, чем в каком-либо другом сибирском городе, был приглашен на кафедру раввина человек, сделавший свое имя известным занятиями по светской науке. Пригласив на кафедру, иркутское еврейское общество старалось привязать г. Бейлина к Иркутску, оказывая ему всяческое покровительство и содействие в его общественных предприятиях и облегчения занятия наукой. Оно дало г. Бейлину возможность при местной синагоге устроить хорошую, по всей вероятности, самую большую в Сибири еврейскую библиотеку, в которой собрана еврейская литература по истории евреев и по еврейскому вопросу. Я слышал, что один сибирский город пытался переманить к себе г. Бейлина, но отказался; иркутские евреи создали ему такую обстановку для научных занятий, какую он не найдет ни в одном сибирском городе. Да и иркутяне его не отпустили бы! Нельзя не выразить сочувствия просвещенному обществу иркутских евреев за то, что они выказали такую предупредительность и оказали денежную поддержку просвещенным планам своего гуманиста-раввина. Г. Потанин» [18. С. 4–5].

Авторы надеются, что опубликованные в статье письма С.Х. Бейлина Г.Н. Потанину откроют для исследователей новые страницы из биографии двух талантливых личностей и будут востребованы для дальнейшего изучения сибирской этнографии в целом и конкретно сибирской иудаики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общественный (казенный) раввин – административная должность главы еврейской общины при МВД, появилась в законодательной системе Российской империи в 1857 г.

² Журнал «Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde», Германия, Hamburg–Wien, издавался Обществом еврейского фольклора и был единственным в конце XIX в. на Западе журналом, посвященным вопросам еврейской этнографии и фольклора; его редактором-издателем был раввин, историк и фольклорист Макс Грунвальд.

³ Информация Центра розыска и информации Российского Красного Креста.

⁴ Информация Службы ЗАГС Иркутской области.

⁵ Письмо написано на визитке Соломона Хаимовича Бейлина, Иркутского общественного раввина.

⁶ По все видимости, в письме речь идет об утренней молитве в шаббат (шабес) и дальнейшем свободном времени выходного дня. К моменту переезда С.Х. Бейлина в Иркутск Потанин еще проживал в городе (в Иркутске он жил в 1887–1902 гг., пока окончательно не переселился в Томск).

⁷ Речь идет о сборнике этнографических статей и заметок «Zur Volkskunde» (1879) немецкого фольклориста еврейского происхождения Феликса Либрехта (1812–1890), главное место в котором занимают статьи о Мышиной башне (предание о Гаттоне), об источниках повести о Варлааме и Иосафате, о Вольфдитрихе, о бросании камней на могилу, а также обзор немецких, шотландских и норвежских преданий.

⁸ Вышедшая в 1872 г. в Германии в Берлине (изд. Вайдман) книга «Римские деяния» Германа Эстерли (1834–1891), охватывающая темы христианской, латинской (средневековой и современной) и дидактической литературы.

⁹ «Варлаам и Иосафат» («Барлаам и Иосафат») – средневековый роман-житие индийского происхождения, по своему сюжету восходящий к преданиям о Будде, представленном в романе под именем Иосафа (Иосафата). Распространен в нескольких восточных литературах: персидско-пехлевийской, арабской, еврейской, эфиопской, грузинской, армянской, а также в европейских переводах на греческий, латинский, церковнославянский и другие языки.

¹⁰ Статья, о которой идет речь в письме, в «Восходе» не вышла. За все время существования данного журнала в нем была опубликована одна статья С.Х. Бейлина: Бейлин С.Х. Сказания о гордом Аггее и его источники // Книжки Восхода. СПб. : Типо-Литография А.Е. Ландау, 1899. Кн. 11 (ноябрь). С. 97–116. Информация взята из книги: Восход. Книжки Восхода. Роспись содержания. 1881–1906 / сост. А.Р. Румянцев; предисл. В.Е. Кельнера. СПб. : Гершн, 2001. 262 с.

¹¹ Toldot Jeschu (Жизнь Иисуса) – ранний еврейский текст, который считается альтернативной биографией Иисуса. Существует в нескольких различных версиях, ни одна из которых не является канонической или нормативной в раввинской литературе. Данные тексты были широко распространены в Европе и на Ближнем Востоке в средневековом период. Книга Самуила Краусса «Das Leben Jesu nach juedischen Quellen» (Жизнь Иисуса по еврейским источникам), опубликованная в Берлине в 1902 г., содержала исследование девяти различных версий Жизни Иисуса и остается ведущей научной работой в этой области.

¹² Речь идет о книге немецкого литературоведа и библиографа Иоганн-Георг-Теодора Грессе (Grässe; 1814–1885) «Римские деяния: старейшая книга сказок и легенд христианского средневековья», Лейпциг, 1850. «Римские деяния» (Gesta Romanorum) – средневековый сборник кратких легенд из жизни римских царей на латинском языке, снабженных нравоучительными рассуждениями. Предназначался для нравоучительного чтения в монастырях. До начала XVI в. сборник Gesta Romanorum был одной из самых распространенных книг и был переведен с латыни на французский, английский, немецкий, голландский и русский языки. Грессе в своем издании Gesta Romanorum называет автором монаха Элинанда (немца или англичанина), умершего ок. 1227 г.

¹³ Бальдер (Бальдур) – бог весны и света в германо-скандинавской мифологии, подобный присутствующим в мифологии многих народов богам умирающей и возрождающейся природы.

¹⁴ О том, что в 1880 г. С.Х. Бейлин оканчивает 6-классное Пинское реальное училище, известно из Формулярного списка о службе Иркутского казенного раввина Соломона (Шолома) Бейлина: ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2. Л. 431–432.

¹⁵ Речь идет о книге: Бейлин С.Х. Странствующие, или Всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности. Иркутск : Паровая тип. И.П. Казанцева, 1907. 351 с.

¹⁶ В 1912 г. С. Бейлин получил Свидетельство на звание меламеда (еврейского учителя) «на занятия обучением еврейских детей закону их веры, а равно чтению и письму по-еврейски в частных школах»: ГАИО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 325. Л. 1 (об).

¹⁷ Разрешение открыть частное двухклассное еврейское училище для детей обоего пола с преподаванием французского и немецкого языков супруга С.Х. Бейлина – Р.И. Бейлин – получила в 1912 г.: ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 173. Л. 76.

¹⁸ Гаман (Аман) – персонаж Ветхого Завета (Книга Есфирь), связанный с еврейским праздником Пурим. Аман, царедворец персидского царя Артаксеркса, задумавший из зависти к своему сопернику Мордехею истребить всех евреев Персии, до исполнения замысла поплатился собственной жизнью после жалобы царицы Эсфири: он был повешен на виселице, приготовленной им для еврея Мордехая. История козней Амана, как и его падения, ежегодно публично читается в праздник Пурим. Постепенно Аман стал в еврейской традиции символом антисемита.

¹⁹ Речь идет о сборе материалов для книги: Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск : Типо-Лит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 394 с.

²⁰ Речь идет о рецензии: Потанин Г. Библиография. С.Х. Бейлин. Странствующие или всемирные повести и сказания в древнераввинской письменности. Иркутск. 1907 г. // Сибирская жизнь. Томск, 1909. № 33 (27 апр.). С. 4–5.

²¹ Субботники – одно из сектантских течений, близких к иудаизму, получивших широкое распространение в центральных районах России в среде русских помещичьих крестьян во второй половине XVIII в. Поскольку подобные секты возникали среди русского населения за чертой постоянной еврейской оседлости, и контактов с представителями иудейского вероисповедания у сектантов быть не было, считается, что толчком для отказа от православия стало у сектантов самостоятельное чтение Ветхого Завета на церковно-славянском языке и выполнение, без толкования еврейских законоучителей, некоторых ветхозаветных заповедей, аналогичных иудаизму. В начале XIX в., с вступлением на престол Николая I, против таких сект начинаются систематические официальные гонения. Уличенные в соблюдении еврейских обычаев крестьяне забирались в армию или целыми деревнями ссылались в Закавказье или в Сибирь. В итоге подобных мероприятий на Кавказе и в ряде сибирских губерний возникли поселения так называемых субботников.

²² О иудинских (иудинских) субботниках подробно написано в статье: Орехова Н.А., Кузнецкий С.С. Иудействующие в Сибири // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : материалы IV регион. науч.-практ. конф. Красноярск–Биробиджан : Кларетианум, 2003. С. 149–155.

²³ По всей видимости, в с. Юдина (Иудино) С.Х. Бейлину попасть не удалось. В 1914 г. вышла его обзорная статья: Бейлин С.Х. Из исторических журналов. История села Юдина. Иудействующие в Сибири // Еврейская старина. Петроград, 1914. Т. VII. С. 492–494.

²⁴ Бейлин С.Х. Кое-что о зиминских субботниках // Пережитое : сб., посвященный общественной и культурной истории евреев в России. СПб., 1913. Т. 4. С. 288–297.

²⁵ О том, что С.Х. Бейлин получил отпуск только «с 15 мая по 15 августа 1912 г., из какового явился (вернулся из отпуска ранее срока за месяц) 15 июля 1912 г.» известно из Формулярного списка о службе Иркутского казенного раввина Соломона (Шолома) Бейлина: ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2. Л. 431–432.

²⁶ Речь идет о статье: Бейлин С.Х. Хедерные загадки и задачи литовских евреев // Еврейская старина / под ред. С.М. Дубнова. СПб., 1909. Т. I. С. 189–204.

²⁷ Речь идет о статье: Бейлин С.Х. Анекдоты о еврейском беспорядке // Еврейская старина / под ред. С.М. Дубнова. СПб., 1909. Т. II. С. 269–281.

²⁸ Речь идет о статье: Бейлин С. Из рассказов о кантонистах // Еврейская старина / под ред. С.М. Дубнова. СПб., 1909. Т. II. С. 115–120.

ЛИТЕРАТУРА

1. Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея (НА КККМ). Оп. 1. Д. 357. Л. 39.
2. Берман Е.А. Книга жизни и творчества Соломона Бейлина. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2018. 172 с.
3. Берман Е.А. Сказки забытого раввина. Этнокультурное наследие Соломона Бейлина: еврейский фольклор, авторская публицистика, рассказы, воспоминания : сб. науч.-популярных произведений. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2019. 244 с.
4. Берман Е.А., Кержнер А.Г. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4. С. 131/ под ред. С.М. Дубнова 140.
5. Reyzen Z. Leksikon fun der yidisher literatur, prese, un filologie. Vilne : Vilner farlag fun B. Kletskin, 1926. Bd. 1. S. 265–268.
6. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск : Типо-Лит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 394 с.
7. Берман Е.А. Историко-культурные особенности секты субботников (иудействующих) села Зима Балаганского уезда Иркутской губернии XIX–XX веков // Этнос и конфессия : материалы Восемнадцатых междунар. С.-Петерб. этнографических чтений. СПб. : ИПЦ СПГУТД, 2019. С. 61–66.
8. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф. 7928/124. Д. 11315/124.
9. КККМ. О/ф. 7928/125. Д. 1315/125.
10. КККМ. О/ф. 7928/126. Д. 1315/126.
11. КККМ. О/ф. 7928/127. Д. 1315/127.
12. КККМ. О/ф. 7928/128. Д. 1315/128.
13. КККМ. О/ф. 7928/129. Д. 1315/129.
14. КККМ. О/ф. 7928/130. Д. 1315/130.

15. КККМ. О/ф. 7928/131. Д. 1315/131.
16. КККМ. О/ф. 7928/132. Д. 1315/132.
17. КККМ. О/ф. 7928/2329. Д. 1315/2329.
18. Потанин Г. Библиография. С.Х. Бейлин. Странствующие или всемирные повести и сказания в древнераввинской письменности. Иркутск. 1907 г. // Сибирская жизнь. Томск, 1909. № 33 (27 апр.). С. 4–5.

Elena A. Berman, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

Natalya A. Orekhova, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: orekhova.vladimir2010@yandex.ru

LETTERS FROM THE IRKUTSK OFFICIAL RABBI S.KH. BEILIN TO G.N. POTANIN (FROM THE FUNDS OF THE KRASNOYARSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE)

Keywords: ethnography, study of Siberia, Siberian Judaica, Sabbath sectarian's community, Jewish folklore.

The Archive of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore contains a lot of personal documents, photos, books, brochures of Grigory Potanin (1835-1920) who was a Russian geographer, ethnographer, folklorist, public figure and the greatest organizer of science in Siberia. These materials entered to the museum's archive from the Russian historian and ethnographer Nikolai Kozmin, who had lived and worked in Krasnoyarsk in 1910-1919. Among these documents, there are letters from colleagues of G. Potanin from different parts of Russia, which are of great interest to researchers.

Grigory Potanin was in correspondence with the Irkutsk official rabbi Solomon Beilin (1857-1942). Beilin was a Jewish publicist and ethnographer who stood at the origins of Jewish folklore in Russia. He was born in the Pale of Settlement and had received there an excellent religious and secular education, then he came to Irkutsk as the official rabbi. Here he led the largest Jewish community in Siberia from 1901 to 1921, and made it into its history as one of the most educated leader and bright public figure.

Solomon Beilin has begun to record of Jewish folklore in the eighties of the 19 century. In the last decade of the 19 century, since 1895, he is published in the *Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde* journal (in German) and had a various publications in Russian journals on folklore and ethnography (in Russian).

Two collections of Jewish fairy tales written by S.Kh. Beilin in Russian were published in 1898 in Odessa and Vilna. As a follower of academician A.N. Veselovsky he has published a number of articles (1895–1906) concerning the historical and comparative analysis of folklore of different natives. In 1907 these studies were included in his book "Wandering tales and legends in the ancient rabbinical script". In 1909-1915 journalistic and science articles by S.Kh. Beilin about Jewish folklore were published on the pages of the "Jewish Old Man" (St. Petersburg), "Relived" (St. Petersburg), "Future" (St. Petersburg), "Siberian Archive" (Irkutsk), etc. journals. Among the publications that exist today, the authors did not find indications that Jewish folklore was published in Russia by anyone earlier than S.Kh. Beilin.

The ten surviving letters from S. Beilin to G. Potanin are published for the first time and cover the period from 1901 to 1910. In these letters Beilin and Potanin discussed books and articles that had been published in German (Germany), including books by G. Estherli "The Roman Acts" (1872), covering Christian, Latin and didactic literature, and S. Kraus "The Life of Christ from Jewish Sources" (1902), a collection of ethnographic articles by F. Librecht "Zur Volkskunde" (1879), some parallels of fairy tales from Jewish and Christian literature and references to previously unknown articles by S.Kh. Beilin. The letters also confirm his initiative in preparing materials for his future book on the history of the Irkutsk Jewish community and his ethnographic interest in the life of Siberian Sabbath sectarians.

The letters are unique not only in that they contain valuable information about friendship and professional contact between two outstanding personalities, but also in that they are the only unofficial correspondence of S. Beilin found to date.

REFERENCES

1. The Research Archive of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (NA KKKM). List 1. File 357. p. 39.
2. Berman, E.A. (2018) *Kniga zhizni i tvorchestva Solomona Beylina* [The book of life and work of Solomon Beilin]. Irkutsk: IRNITU.
3. Berman, E.A. (2019) *Skazki zabytogo ravvina. Etnokul'turnoe nasledie Solomona Beylina: evreyskiy fol'klor, avtorskaya publitsistika, rasskazy, vospominaniya* [Tales of a forgotten rabbi. Ethnocultural heritage of Solomon Beilin: Jewish folklore, author journalism, stories, memoirs]. Irkutsk: IRNITU.
4. Berman, E.A. & Kerzhner, A.G. (2019) Historical and cultural heritage of the official rabbi of Irkutsk Solomon Beilin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 15(4). pp. 131–140. (In Russian).
5. Reyzen, Z. (1926) *Leksikon fun der yidisher literatur, prese, un filologye*. Vol. 1. Vilnius: Vilner farlag fun B. Kletskin. pp. 265–268.
6. Voytinsky, V.S. & Gornstein, A.Ya. (1915) *Evrei v Irkutske* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk: Tipo-Litografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina.
7. Berman, E.A. (2019) Istoriko-kul'turnye osobennosti sekty subbotnikov (iudeystvuyushchikh) sela Zima Balaganskogo uezda Irkutskoy gubernii XIX–XX vekov [Historical and cultural features of the subbotnik (Judaic) sect of Zima village, Balagansky Uezd, Irkutsk Province of the 19th – 20th centuries]. *Etnos i konfessiya* [Ethnicity and Denomination]. Proc. of the 18th International Readings. St. Petersburg: IPTs SPGUTD. pp. 61–66.
8. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/124 D 11315/124.
9. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/125 D 1315/125.
10. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/126 D 1315/126.
11. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/127 D 1315/127.
12. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/128 D 1315/128.
13. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/129 D 1315/129.
14. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/130 D 1315/130.
15. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/131 D 1315/131.
16. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/132 D 1315/132.
17. The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). o/f 7928/2329 D 1315/2329.
18. Potanin, G. (1909) *Bibliografiya. S.Kh. Beylin. Stranstvuyushchie ili vseмирnye povesti i skazaniya v drevneravvinskoy pis'mennosti*. Irkutsk. 1907 g. [Bibliography. S.Kh. Beilin. Wandering or global tales and legends in ancient rabbinical writing. Irkutsk, 1907]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th April. pp. 4–5.

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/64/12

Л.А. Гаман

«ИСТОРИЮ Я ВИЖУ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...»: Н.А. БЕРДЯЕВ О СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (1939–1948 гг.)

Рассматриваются представления русского религиозного мыслителя Н.А. Бердяева (1874–1948) о Советской России в поздний период творчества. Подчеркивается сложность предпринятого им анализа советской системы. Отмечается, что в качестве религиозного мыслителя, для которого было характерно эсхатологическое восприятие христианства, он положительно оценивал революцию 1917 г. и советское строительство, несмотря на многие негативные их стороны. Анализируются его представления о технической цивилизации и ее неоднозначном влиянии на современный мир, в том числе на Советскую Россию.

Ключевые слова: Советская Россия; революция; техническая цивилизация.

Советский период является одним из наиболее сложных и трагичных этапов российской истории. Среди объяснительных версий революции 1917 г. и советского строительства в России важное место занимают концепции русских религиозных мыслителей первой волны эмиграции, получившие широкое признание на родине лишь в постсоветский период. Особо подчеркнем вклад выдающегося ученого и педагога, профессора Б.Г. Могильницкого, признанного лидера Томской историографической школы, в изучение богатейшего идейно-теоретического наследия русских религиозных эмигрантских авторов, начатое на рубеже 1980–1990-х гг.

В данной работе освещаются представления о Советской России Н.А. Бердяева (1874–1948) в поздний период его творчества, которые являются важной составной частью его богатейшего творческого наследия, продолжающего вызывать научный интерес российских и зарубежных исследователей вплоть до настоящего времени [1]. Представления этого религиозного мыслителя о Советской России отличаются семантической сложностью, дискуссионностью, отражают противоречивый характер советского строительства, обусловленный различными факторами, как эндогенными, так и международными по своему характеру. Их ведущая тональность определялась его настойчивым стремлением «встраивать» советский период истории в единый исторический процесс в режиме «долгого времени», что усложняло его концепцию советской истории и расширяло его исследовательские возможности. Современники Бердяева отмечали неоднозначный характер его взглядов на революцию 1917 г. и советское строительство, что отражено в работах Ф.А. Степуна [2], Г.П. Федотова [3, 4], М. Карповича [5], других авторов. До настоящего времени сохраняет актуальность монография Н. Полторацкого, в которой изложены представления мыслителя о российской истории в целом [6]. Среди современных исследователей вызывают интерес работы Б.Г. Могильницкого [7, 8], А.А. Ермичева [9], О.В. Волгогоновой [10]. Автором данной статьи в ряде работ уделяется специальное внимание анализу представлений Бердяева о Русской

революции 1917 г. и советской истории [11. С. 23–129, 12].

В качестве основных источников для данной работы выступают произведения Бердяева, написанные им в 1930–1940-е гг., в том числе не публиковавшиеся ранее в России, ныне хранящиеся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Важным источником также являются эго-документы, принадлежавшие ему и его современникам, обращение к которым способствует углубленному пониманию отдельных аспектов его концепции революции 1917 г. и советского строительства, как и пониманию своеобразия эпохи, в которой ему довелось жить и творить.

Касаясь взглядов Бердяева позднего периода творчества, необходимо принимать во внимание культурно-исторический и политический контекст конца 1930–1940-х гг., обусловленный целым рядом важных событий. Достаточно указать на Вторую мировую войну и вклад СССР в победу над фашистской Германией и ее союзниками, на начало холодной войны с сопутствующей ей гонкой вооружений и становление двуполярного мира со свойственным ему «блоковым мышлением». Важен и такой факт, как создание атомной бомбы, когда стало предельно ясно, что победителей в новой войне не будет, что заостряло проблему международной интеграции. Свою роль играла и напряженная атмосфера, характерная для российской эмигрантской среды в 1930–1940-е гг., обусловленная главным образом неоднозначностью интерпретаций и оценок революции 1917 г. в России и ее последствий. В такой непростой обстановке Бердяев, являвшийся сторонником персоналистического социализма, следуя эсхатологическому пониманию христианства, делая акцент на концепте преображения мира (что, по его убеждению, соответствовало русской идее), предложил свое видение советского строительства в свете комплекса христианских идей с доминирующей идеей направленности истории в сторону «преображения» общества и с учетом мировых тенденций развития. Комплекс этих его историко-религиозных представлений сохраняет свою научную ценность и актуальность,

несмотря на полемический характер многих выводов и оценок.

В своем исследовании Советской России Бердяев опирался на междисциплинарную исследовательскую стратегию, сочетающую в себе достижения различных наук на основе принципа «взаимной дополнительности» [11. С. 24–41]. Одним из главных для него как христианского мыслителя являлся метод религиозного символизма [2. 132–147]. В соответствии с ним фундаментальным признавалось теоретическое положение о «двухуровневой» структуре истории, состоящей из уровня собственно исторического, пространственно-временного, и метаисторического, коррелятивно связанных друг с другом. Подчеркивая *богочеловеческую* природу истории, Бердяев рассматривал обращение к комплексу христианских идей как способ углубленного изучения истории, позволявший находить новые грани и смысловые уровни исторических событий. Для понимания основной интенции его размышлений о советской истории существенным является его указание на то, что выявление негативных ее проявлений – при всей своей важности – не должно заслонять положительных ее сторон. «Вопрос совсем не в том, есть ли в Советской России много дурного, за что ее с большой легкостью могут обличать... – писал он в 1946 г., – а в том, что в ней нужно увидеть задатки развития к лучшей жизни, и что все нужно делать, чтобы помочь этому развитию» [13]. При этом Бердяев не ограничивался констатацией положительных или отрицательных сторон советской действительности, диалектическое единство которых он настойчиво подчеркивал. Свою версию Советской России он моделировал «на пересечении» ретроспективного анализа сюжетов российской истории, анализа настоящего и видения ее будущего с учетом вызовов современности. Такой подход позволял ему находить линии преемственности в развитии страны, культурно-историческую обусловленность многих явлений советской истории. С этой же целью он использовал в своем анализе сравнительно-исторический метод, сравнивая отдельные сюжеты российской истории и истории западных стран, в частности революцию 1917 г. в России и Французскую революцию, советскую индустриализацию и подобные процессы в Европе [12].

Русскую революцию 1917 г. наряду с Первой мировой войной Бердяев рассматривал как рубежное событие, открывавшее «новую историческую эру», отличительной чертой которой являлось формирование социального строя, противоположного, по его мнению, исчерпавшей себя капиталистической системе, базированной на принципах индивидуализма, частной собственности, конкуренции. Констатируя системный кризис европейской цивилизации, выразившийся в двух мировых войнах, революции 1917 г. в России, других масштабных конфликтах XX в., Бердяев был далек от мысли рассматривать его как некий исторический тупик. Напротив, по его убеждению, христианское человечество, следуя евангельскому Откровению, этому центральному факту истории, призвано было искать пути преодоления кризиса, перехода на качественно иной уровень развития. Эту глубоко религи-

озную исходную установку мыслителя очень точно выразил его современник: «Кризис был для него не явлением вырождения, а кризисом роста» [14. С. 141]. В свете поисков путей преодоления кризиса он, независимо от политической конъюнктуры, положительно оценивал «смелый опыт» русского народа по построению социалистического общества. Самую возможность социалистического строительства, начатого Россией, он связывал с ее «антибуржуазным и антикапиталистическим характером», сформировавшимся исторически, с особенностями российского менталитета [15]. Выражая свое отношение к самой сути советского строительства, он отмечал: «Вопрос тут не в эксцессах, которые, конечно, подлежат нравственному осуждению, а в самом социальном перевороте, который хочет уничтожить эксплуатацию человека человеком» [13]. Не сомневаясь в принадлежности христианскому периоду истории «опыта русского коммунизма», который «ставит перед христианством новые задачи» [16. С. 194], Бердяев акцентировал внимание на положительных сторонах пореволюционного строительства, значимых в режиме «долгого времени», в перспективе формирования в мировом масштабе «нового общества», религиозного в своей основе.

Необходимость формирования такого общества являлась для него очевидной и в связи с основными тенденциями развития индустриального общества с его массовым производством, активизацией широких народных масс и массовой культурой. «Современный мир требует большей социальной справедливости, – отмечал он в своем докладе на международной встрече в Женеве в 1947 г., – он идет к социальной организации общества, употребляя эти слова в широком смысле. Этого требует самый процесс индустриального развития... В нынешней своей стадии индустриальный капитализм перестал быть либеральным и индивидуальным. Он принял коллективные формы. Старый мир был несправедлив, и это одна из причин его гибели. В стремлении к большей социальной справедливости правда современного движения общества» [17. Л. 16]. В соответствии со своим пониманием «миссии русского народа в мире» [18. Л. 8; 19. С. 275] он отводил лидирующую роль России в формировании нового общества, основу которого должно было составлять признание высшей ценности человеческой личности. В этой части размышлений Бердяева отчетливо просматривается его стремление учесть сложную диалектику глобального и национального в историческом процессе.

Констатируя неизбежность перехода к новому этапу исторического развития, высоко оценивая начатый русским народом «необычайно смелый опыт» построения более справедливого социального строя [19], Бердяев в то же время критически воспринимал многие стороны советского политического режима с характерными для него насильственными методами воздействия на общество и репрессированием свободы. Предельно полно он выразил свое отношение к нему в одном из писем в 1946 г.: «Отношение к советской власти не может не быть двойственным. Она делает много дурного, и непосредственно у меня к ней нет никакой симпатии. Но она является единственной ис-

торической властью, принужденной защищать Россию перед лицом мира» [20. С. 263]. По его убеждению, систематическое ущемление и подавление свободы в стране являлось основным препятствием для раскрытия положительного потенциала советской системы, определяло многие ее негативные стороны, способствовало формированию «тяжелой моральной атмосферы» в стране. Касаясь этой сложной проблемы, он писал в июле 1945 г.: «Если Сов. Россия (так в тексте. – Л.Г.) хочет создать новую жизнь, – а я хочу верить, что она хочет, – то она должна поставить во главу угла достоинство и ценность человеческой личности, чего мы нигде не видим...» [21. Л. 15]. Не случайно свою последнюю книгу «Царство духа и царство Кесаря» Бердяев написал, как отмечает Степун, протестуя против ущемлений свободы в Советской России [2. С. 124]. В этой связи показательным вниманием мыслителя к специфике советской морали, многое объясняющей в противостоянии коммуникации Советской России. Ее ядро составлял моральный релятивизм, связанный с коммунистической идеологией, способствовавший грубым нарушениям естественных прав и свобод человека в стране. Моральный релятивизм, отрицающий универсальную мораль, полагал Бердяев, лежал также в основе внешней политики советского государства, что особенно отчетливо проявилось накануне Второй мировой войны. «Отрицание универсальной морали, объединяющей все человечество, – писал он в 1940 г., – ведет коммунизм к оправданию всех средств борьбы для достижения ими своих целей» [22. Л. 16–17]. Одновременно с тем, отмечал он, советская мораль парадоксальным образом задавала и высокие стандарты социального поведения советских граждан [15, 23].

На рубеже 1930–1940-х гг. Бердяев, подобно другим эмигрантским авторам, например Федотову [11. С. 201], усмотрел признаки завершения революции в России и начала «контрреволюции». «Многих удивляют, – писал он в 1940 г. – изменения, происходящие в Советской России. Между тем как в этих изменениях есть типические черты конца революций. В известном смысле можно сказать, что в стране советов происходит контр-революция (так в тексте. – Л.Г.), и она делается теми же силами, которые делали революцию. Во всяком случае революция кончена, нет более ее стихии и пафоса» [18. Л. 3]. При сохранении марксистской символики и риторики, подчеркивал он, в стране происходили глубокие изменения, свидетельствовавшие о преодолении революции, что нашло свое символическое трагическое выражение в развязывании террора против самих творцов революции. «Такова фальшь и лож московского процесса, – негодовал Бердяев, – неслыханного в своей низости. Правящий слой отвратительно разделался со старыми коммунистами. Троцкий, который остался верен интернациональному революционному коммунизму, объявляется контр-революционером (так в тексте. – Л.Г.), фашистом, агентом Гестапо, защитником капитализма. Без этой лжи и этой расправы совсем нельзя сохранить старые символы марксизма и коммунизма, остались бы люди, которые могут изобличать совершающуюся комедию» [Там же. Л. 4–5]. Важными показателями «контр-революции» в России

для Бердяева также стали появление новых форм социального неравенства, зарождение «новой буржуазии», а также непрерывно возрастающая милитаризация страны в национальных интересах, а не в интересах мировой революции [Там же. Л. 6]. Убедительным аргументом в пользу преодоления революции в Советской России для Бердяева выступали также такие положительные изменения, происходившие в Советской России в 1930–1940-е гг., как сокращение гонений на религию и возврат к целому ряду консервативных по своей природе ценностей: патриотизму, семье, личной собственности. Можно предположить, что одним из источников информации о происходивших в пореволюционный период сдвигах в повседневной жизни советского человека для Бердяева стали письма Е. Герцык [24], часть из которых была опубликована под названием «Письма оттуда» в нескольких номерах эмигрантского журнала «Современные записки», о которых он упоминает в своей философской автобиографии [25. С. 153]. Большое положительное значение он видел в советском неогуманизме, симптомы которого наметились в 1930-е гг., находил положительные стороны советской трудовой этики, связанной с принципом социального служения [18. Л. 8–9], а по окончании Второй мировой войны указывал на провозглашение в Советской России «права на труд, права на отдых, права на образование» [26].

Бердяев полагал, что в комплексе причин, вызвавших многие обозначенные выше трансформации в России, ведущее место принадлежит воздействию «процессов жизни», прежде всего социальных ожиданий народных масс. «Средний человек масс требует, – писал он, – чтобы революция кончилась... Правительство Сталина принуждено уступать процессам жизни...» [Там же. Л. 5]. Подчеркнем значение, которое придавалось мыслителем понятию «процесс жизни» в работах позднего периода творчества. Не давая ему развернутого определения, он тем не менее постоянно оперировал им, анализируя те или иные стороны советской реальности, подчеркивая их роль в преодолении многочисленных изъянов советской системы или объясняя ее положительные стороны, в частности необычайный динамизм и социальный титанизм советского народа. Так, рассуждая о положении церкви в послевоенный период в СССР, он призывал к толерантному отношению к ее политике вынужденного взаимодействия с властью, полагая, что «жизненные процессы» помогут преодолеть его отрицательные стороны [13]. Сходной позиции по отношению к положению церкви в СССР в послевоенный период придерживался Степун, однако, в отличие от Бердяева, резко критиковавший поддержку сталинского режима некоторыми высшими церковными иерархами, определявшими церковную политику [27. С. 155–156]. В более широком смысле внимание к «процессам жизни», согласно Бердяеву, являлось необходимым условием объективного научного исследования. По сути, речь шла методологическом подходе, согласно которому в исследовательской практике необходимым являлся всесторонний анализ культурно-исторического контекста как условия снижения вероятности поверх-

ностных или предвзятых интерпретаций «на основе отвлеченных принципов» [28]. Уместно в данном случае подчеркнуть актуальность для современной историографии подобного подхода к проблеме контекста [29].

Положительные достижения Советской России наряду с ее решающим вкладом в победу над фашистской Германией, полагал Бердяев, способствовали росту ее международного авторитета в послевоенный период. Отмечая рост влияния СССР в послевоенном мире, в особенности на страны второго и третьего эшелонов развития [19], Бердяев скептически относился к обвинениям советского государства в империалистических притязаниях. Касаясь этой проблемы, между прочим, сложно связанной с традиционными национальными интересами России, он писал: «Несправедливо обвинение Советской России в склонности к националистическому империализму. Но ей свойствен некоторый социальный империализм, желание социального влияния на другие страны, прежде всего на страны балканские...» [26]. Вспомним в данном случае его оригинальную интерпретацию идеи о Москве как Третьем Риме, одной из ключевых в его интерпретации революции 1917 г. и советского строительства. С началом холодной войны Бердяев прилагал усилия к преодолению «блокового» принципа в международной политике, который стал весомым фактором изоляции СССР от западных капиталистических стран. Отмечая негативное значение изоляции от Европы для «освободительных процессов» в Советской России [26], он особенно подчеркивал опасность реактуализации в историческом сознании народа архаического комплекса «свой–чужой», враждебного свободе, способствовавшего закреплению деспотизма власти в стране, затруднявшего формирование «европейской федерации народов», необходимой для обеспечения устойчивого развития послевоенного мира, немислимой, по его убеждению, без России [19. С. 278].

В комплексе размышлений Бердяева о Советской России, ее мировом призвании и лидирующей роли в становлении нового типа общества значительное место занимает его стремление учитывать при анализе советской системы различные аспекты становления технической цивилизации, ключевые элементы которой (наука, техника, массовое общество, массовая культура) изменили не только среду обитания человека, но и всю систему взаимоотношений в мире, напрямую затронув и Советскую Россию. Впервые обратившись к данной проблеме на рубеже 1920–1930-х гг. [30], он вновь и вновь возвращался к ней в поздний период творчества. В этой связи большой интерес вызывает доклад Бердяева «Человек в технической цивилизации», с которым он выступил на международной встрече в Женеве в 1947 г. [17]. В докладе в развернутом виде представлены его зрелые размышления о природе современного индустриального общества и перспективах его дальнейшего развития. Положительно оценивая научно-технические достижения XX в., Бердяев одновременно указывал на неоднозначные последствия их широкого применения в разных сферах общества. Характер революций, войн и тоталитарных режимов XX в., многие экономические проблемы,

прежде всего безработицу, он напрямую связывал с результатами и последствиями научно-технического прогресса [17. Л. 7]. Указывал он и на глубокие изменения в самой природе современного общества, которое он квалифицировал как *организованное*, типологически иное, чем общество *органическое*, характеризовавшееся неразрывной связью человека с религией и природой. Рассматривая технику как фактор, влекущий за собой многочисленные угрозы человеческой экзистенции, – а после создания атомной бомбы и угрозу существования самой человеческой цивилизации [Там же. Л. 8], – Бердяев был далек от отрицания ее, рассматривая ее в качестве важного ресурса для повышения качества жизни людей, настаивая на необходимости ее подчинения духовным началам. «Техника должна быть подчинена духу, – настойчиво подчеркивал мыслитель, – машина стать послушным орудием человека. Это означает гуманизацию техники, имеющей тенденцию стать бесчеловечной и бездушной. Нельзя остановить научные открытия, которые делает человек, на том основании, что их применения в последствии могут быть опасны» [Там же. Л. 25].

В контексте становления технической цивилизации он рассматривал советскую индустриализацию [12], имевшую свои отличительные черты, обусловленные спецификой советской политической системы и особенностями российского менталитета [17. Л. 11]. Ценным в условиях формирования технической цивилизации Бердяеву представлялось сохранение положительных свойств русского народа, особенно «коммюнитарности», воспитанной православием, свойства, связанного с «соборностью», не тождественного коллективизму, характерному для индустриальной эпохи с ее массовым производством. «Много раз уже указывали, – подчеркивал он, – что механизированная и рационализированная индустрия ведет к утрате индивидуального и индивидуальности. Все производится в сериях. Это есть царство безличности. Все становится коллективным, подчеркиваю, коллективным, а не коммюнитарным, что есть очень большая разница. Коммюнитарность есть реальная общность, братство людей, она предполагает изменение и преобразование людей, она органична. Коллективизм есть принудительное и механическое сцепление людей» [Там же. Л. 13; 15].

В числе первых Бердяев обратил внимание на глобальную внутреннюю взаимообусловленность возрастания этатизма в современном мире и развития науки и техники, особенно направлений, связанных с военными целями и задачами. Он подчеркивал общемировой характер тенденции укрепления государства в условиях технической цивилизации, конечно, специфически преломившейся в советской политической системе с ее исторически сложившимися традициями власти. «Этатизм совсем не есть особенность только советского строя, – настаивал он, – это явление мировое. И огромную роль тут играет возрастающая сила техники» [17. Л. 10]. Усиление власти государства в ущерб интересам личности, широкая практика государственного регулирования в экономике, распространившаяся в мире в XX в. в результате мировых войн, расширение возможностей для манипуляций общественным сознанием,

инерционное действие психологии войны, ярко проявившееся в «блоковом мышлении» [19], – все это с разной степенью выраженности присутствовало, по объективному наблюдению Бердяева, в любом современном государстве в условиях технической цивилизации.

Важной составляющей становления технической цивилизации Бердяев считал демократизацию общества, «активное вступление в историю человеческих масс, огромных количеств». Этими своими размышлениями он внес вклад в изучение массового общества и его психологии, наряду с такими его исследователями, как Э. Фромм, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Канетти, Ф. Степун. Предостерегая от упрощенных интерпретаций данной проблемы, он настаивал на строгой дифференциации понятий «масса» («толпа») и «народ», представляющий собой соборный коллектив, имеющий свою нормативно-ценностную систему. Демократизация общества, происходившая на фоне интенсивного вытеснения на периферию общественного сознания религиозных верований и традиционных ценностей народа («консервативных элементов»), вела к понижению общего культурного уровня населения, широкому распространению массовой культуры, к антропологическому кризису. Настаивая на глубоком различии между «народом» и «массой», Бердяев писал: «Масса... формируется прессой, пропагандой партий, спортом, радио, кинематографом, популярной литературой невысокого качества. Это не может не означать понижения человеческого типа. И это свойственно технической эпохе...» [17. Л. 12; 21]. Понижение качества подлинной культуры в Советской России, вызванное революцией 1917 г., в интерпретации Бердяева сложно коррелировалось с общемировой тенденцией формирования массовой культуры.

Таким образом, Бердяев осуществлял исследование советской реальности в глобальной перспективе, с учетом общемировых тенденций, учитывая при этом своеобразие России. О глубине его переживаний за судьбы

России на закате жизни свидетельствует фрагмент одного из его писем (1946): «Очень сложно мое отношение к Советской России и ко всему тому, что там происходит. Я готов защищать Советскую Россию, как мою родину, вижу в ней и правду, которую многие не хотят видеть. Но многое меня возмущает и отталкивает, особенно в последнее время. Не происходит тех изменений к лучшему, на которые можно было рассчитывать после потрясения войны. Трудно примириться с таким количеством лжи и насилия. Все это очень мучительно. Но я продолжаю верить в великую миссию России» [20. С. 260]. Не раз уже отмечалось, что свойственное ему видение советского строительства нередко вызывало непонимание и острую критику, едва ли всегда аргументированную. Несомненно, Бердяев, стремясь обосновать ведущее место Советской России в построении нового типа общества, недооценивал масштабы практиковавшегося в СССР насилия, не ставил во всей остроте проблемы цены советских достижений. Однако следует признать его заслугой стремление рассматривать советский период как один из этапов единой российской истории, в рамках которого диалектически переплелись положительные и отрицательные процессы, при глубокой убежденности в том, что жизненные силы русского народа, его лучшие национальные свойства, позволят преодолеть многочисленные «срывы» пореволюционного строительства и раскрыть положительный потенциал советской системы. И это несмотря на то, что, вопреки прогнозам Бердяева, Россия вернулась к капиталистической системе отношений. Существенным является и то, что избранный им ракурс исследования революции и советского строительства в свете христианских идей при одновременно внимательном отношении к основным тенденциям мирового развития, с учетом достижений современной науки позволил ему поставить ряд важных проблем, сохраняющих свою актуальность вплоть до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.А. Бердяев и единство европейского духа / под ред. В. Поруса. М. : Библейско-Богословский ин-т св. апостола Андрея, 2007. 336 с. (Сер. «Религиозные мыслители»).
2. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб. : Владимир Даль, 2012. 479 с.
3. Федотов Г.П. Ответ Н.А. Бердяеву // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. / прим. С.С. Бычкова. М. : Мартис, 2004. Т. 9: Статьи американского периода. С. 194–210.
4. Федотов Г.П. Н.А. Бердяев – мыслитель // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. / прим. С.С. Бычкова. М. : Мартис, 2004. Т. 9: Статьи американского периода. С. 278–291.
5. Карпович М. Комментарии. В поисках «третьего исхода» (о статье Н.А. Бердяева) // Новый журнал. 1953. № 32. С. 281–287.
6. Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России Н.А. Бердяева). Нью-Йорк : О-во друзей русской культуры, 1967. 270 с.
7. Могильницкий Б.Г. Бердяев о Русской революции // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 54–67.
8. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 1: Кризис историзма. 206 с.
9. Ермичев А.А. Три свободы Николая Бердяева // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. С. 241–266.
10. Волкогонова О.Д. Бердяев. М. : Молодая гвардия, 2010. 390 с.
11. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 332 с.
12. Гаман Л.А. Русская революция 1917 г. и модернизация: Н.А. Бердяев о некоторых аспектах революции в России // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 111–116.
13. Бердяев Н. Судьба русской церкви // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 223. Статьи 1945–1946 гг.
14. Вильчковский К. Н.А. Бердяев и мировой кризис // Новоселье. 1949. № 39/40. С. 139–143.
15. Бердяев Н.А. Личность и общинность (коммунотарность) в русском сознании // Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи : сб. ст. // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. С. 235–261.
16. Бердяев Н.А. Пути гуманизма // Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи : сб. ст. // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. С. 180–194.
17. Бердяев Н.А. Человек в технической цивилизации // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 103. 27 л.

18. Бердяев Н.А. Перерождение коммунизма в Советской России (1939–1940) // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 3–10.
19. Бердяев Н.А. Третий исход // Новый журнал. 1953. № 32. С. 271–280.
20. «В четвертом измерении пространства...»: письма Н.А. Бердяева кн. И.П. Романовой 1931–1947 / публ., предисл. и ком. В. Аллоя и А. Добкина // Минувшее. 1994. № 16. С. 209–264.
21. Бердяев Н.А. О личности и толпе (Ответ Б.Г. Пантелеймонову) // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 223. Статьи 1945–1946 гг. Л. 11–15.
22. Бердяев Н.А. Советская Россия и мировая война (1939–1940) // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 14–23.
23. Бердяев Н.А. Две морали // Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи : сб. ст. // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. С. 195–209.
24. Переключки через «железный занавес»: письма Е. Герцык, В. Гриневич, Л. Бердяевой / [публ., сост., вступ. ст. и коммент. Т.Н. Жуковской; подгот. текста М.А. Котенко]. М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына : Русский путь, 2011. 560 с.
25. Бердяев Н.А. Самопознание. М. : ДЭМ, 1990. 336 с.
26. Бердяев Н.А. Почему Запад не понимает Советской России // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 223. Статьи 1945–1946 гг.
27. Степун Ф.А. Письма / сост., археограф. работа, вступ. ст. к тому и разделам В.К. Кантора. М. : РОССПЭН, 2013. 683 с.
28. Бердяев Н.А. Нужно пережить судьбу русского народа // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 223. Статьи 1945–1946.
29. Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый : статьи и публикации разных лет. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 384 с.
30. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь, 1933. № 38 (май). С. 3–37.

Lidia A. Gaman, Seversk Technological Institute – branch of National Research Nuclear University “MEPhI” (Seversk, Russian Federation) (Seversk, Russian Federation). E-mail: GamanL@yandex.ru

“I SEE HISTORY IN THE ESCHATOLOGICAL PERSPECTIVE...”: N.A. BERDYAEV ABOUT SOVIET RUSSIA IN HIS LATE WORK PERIOD (1939–1948)

Keywords: Soviet Russia, revolution, technological civilization.

The aim of the article is to study Berdyaev's historical and religious views about Soviet Russia concerning his late work period. There is a modern researchers' interest in his oeuvre. The relevance of the subject is proved. The sources are analyzed, basis of which are Berdyaev's works, written in 1930–1940, as well as the thinker's ego-documents and his contemporaries. The peculiarities of Berdyaev's methodology being cross-disciplinary in character, within which the achievements of various social sciences and humanities were combined on the basis of mutual complementarity, are considered. The key significance for his religious symbolism methodology as a cognition method related to a Christian paradigm of history is pointed out. For Berdyaev's work the importance of the cultural and historical context peculiar to 1930–1940 is emphasized. The large-scale conflicts of the first half of the 20th century including two world wars and the Russia revolution of 1917 consolidated his view of the European civilization systemic crisis which he regarded not as a historical impasse, but as a growth crisis presumed finding ways to overcome it.

Following the eschatological understanding of Christianity, emphasizing the idea of transforming the world, associating the Russian idea with it, being a supporter of personalist socialism, Berdyaev offered his vision of the Soviet construction in the light of the Christian ideas complex with the dominant idea in the history orientation towards the formation of a new society. The complexity of his approach to Soviet Russia connected with his desire to take into account the world development trends in the 20th century, due to the technological civilization formation with its characteristic development of science and technology, mass production, mass society, the increasing state role, is emphasized. It is noted the significance of Berdyaev's ideas complex for his interpretation of various Soviet reality angles whether Soviet industrialization or Soviet etatism is. The positive and negative aspects of Soviet society identified by him are analysed, and his ideas of the dialectic unity is discussed. His thoughts about occurred revolution in Soviet Russia between 1930–1940 are considered. The consequences he touched upon both negative, especially repression, and positive, contributed to the normalization of the Soviet people lives, are covered. As proposed by Berdyaev, positive achievements of Soviet Russia promoted the growth of its international authority are noted. The negative significance for the post-war world of “block thinking” is pointed out. In his opinion, the main obstacle to the exposure of the Soviet system positive potential was the freedom repression in the USSR.

The conclusion about the content and relevance of the concept of the Russian revolution in 1917 and Berdyaev's Soviet history, despite the controversial type of his conclusions and assessments, is made.

REFERENCES

1. Porus, V. (2007) *N.A. Berdyaev i edinstvo evropeyskogo dukha* [N.A. Berdyaev and the unity of the European spirit]. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute.
2. Stepun, F.A. (2012) *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical vision. Five images of Russian symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepak, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dal'. pp. 112–220.
3. Fedotov, G.P. (2004) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 9. Moscow: Martis. pp. 194–210.
4. Fedotov, G.P. (2004) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 9. Moscow: Martis. pp. 278–291.
5. Karpovich, M. (1953) Kommentarii. V poiskakh tret'ego “iskhoda” (o stat'e N.A. Berdyaeva) [Comments. In search of a “third exodus” (about N.A. Berdyaev's article)]. *Novyy zhurnal*. 32. pp. 281–287.
6. Poltoratsky, N. (1967) *Berdyaev i Rossiya (Filosofiya istorii Rossii N.A. Berdyaeva)* [Berdyaev and Russia (N.A. Berdyaev's Philosophy of Russian History)]. New York: Obshchestvo Druzey Russkoy kul'tury.
7. Mogilnitsky, B.G. (1995) Berdyaev o Russkoy revolyutsii [Berdyaev about the Russian revolution]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 6. pp. 54–67.
8. Mogilnitsky, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka* [The historical thought of the 20th century]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 92–109.
9. Ernichev, A.A. (2014) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and Plots of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 241–266.
10. Volkogonova, O.D. (2010) *Berdyaev* [Berdyaev]. Moscow: Molodaya gvardiya.
11. Gaman, L.A. (2008) *Revolutsiya 1917 g. i sovetская история v osveshchenii russkoy religioznoy emigrantskoy mysli* [The 1917 Revolution and Soviet history in the coverage of Russian religious emigrant thought]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Gaman, L.A. (2018) Russian revolution of 1917 and modernization: Nikolai Berdyaev on some aspects of the revolution in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 429. pp. 111–116. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/429/13
13. Berdyaev, N. (n.d.) *Sud'ba russkoy tserkvi* [The fate of the Russian Church]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1496. Berdyaev. List 1. File 223.
14. Vilchkovsky, K. (1949) N.A. Berdyaev i mirovoy krizis [Berdyaev and the global crisis]. *Novosel'e*. 39/40. pp. 139–143.
15. Berdyaev, N.A. (1997) *Istina i Otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and Revelation. Prolegomes to the criticism of Revelation]. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 235–261.

16. Berdyaev, N.A. (1997) *Istina i Otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and Revelation. Prolegomes to the criticism of Revelation]. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 180–194.
17. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Chelovek v tekhnicheskoy tsivilizatsii* [Man in technical civilization]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1496. Berdyaev. List 1. File 103.
18. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Pererozhdenie kommunizma v Sovetskoj Rossii (1939–1940)* [The rebirth of communism in Soviet Russia (1939–1940)]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1496. Berdyaev. List 1. File 219. pp. 3–10.
19. Berdyaev, N.A. (1953) Tretiy iskhod [Third Exodus]. *Novyy zhurnal*. 32. pp. 271–280.
20. Berdyaev, N. (1994) V chetvertom izmerenii prostranstva...: Pis'ma N.A. Berdyaeva kn. I.P. Romanovoy 1931–1947 [“In the fourth dimension of space ...”: Letters from N.A. Berdyaev to Prince I.P. Romanov, 1931–1947]. *Minuvshee*. 16. pp. 209–264.
21. Berdyaev, N.A. (n.d.) *O lichnosti i tolpe (Otvet B.G. Panteleymonovu)* [On the individual and the crowd (Reply to B.G. Panteleimonov)]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1496. Berdyaev. List 1. File 223. pp. 11–15.
22. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Sovetskaya Rossiya i mirovaya vojna (1939–1940)* [Soviet Russia and World War (1939–1940)]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1496. Berdyaev. List 1. File 219. pp. 14–23.
23. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Na poroge novoy epokhi* [On the threshold of a new era]. [s.l.; s.n.] pp. 195–209.
24. Gertsyk, E. (2011) *Pereklichka cherez “zheleznyy zhanaves”*: Pis'ma E. Gertsykh, V. Grinevich, L. Berdyaevoy [Roll call through the “Iron Curtain”: Letters from E. Gertsyk to V. Grinevich, L. Berdyaeva]. Moscow: Russkiy put'. pp. 23–354.
25. Berdyaev, N.A. (1990) *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: DEM.
26. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Pochemu Zapad ne ponimaet Sovetskoy Rossii* [Why the West does not understand Soviet Russia]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1496. Berdyaev. List 1. File 223.
27. Stepun, F.A. (2013) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: ROSSPEN.
28. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Nuzhno perezhit' sud'bu russkogo naroda* [It is necessary to survive the fate of the Russian people]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1496. Berdyaev. List 1. File 223.
29. Yurganov, A.L. (2018) *Kul'turnaya istoriya Rossii. Vek dvadtsatyy. Stat'i i publikatsii raznykh let* [The cultural history of Russia. Twentieth Century. Articles and publications of various years]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
30. Berdyaev, N.A. (1933) *Chelovek i mashina (Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki)* [Man and Machine (The Problem of Sociology and Metaphysics of Technology)]. *Put'*. 38. pp. 3–37.

О.П. Дорошенко

**Г.Е. КАТАНАЕВ И ОБЛАСТНИЧЕСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ СИБИРЕВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Показан процесс постепенного вовлечения историка сибирского казачества Г.Е. Катанаева в «наукотворчество» как движение по пути от общей заинтересованности региональной проблематикой к научному изучению истории сибирского казачества. Дается оценка влияния идеологии областничества на взгляды исследователя, который видел в областничестве средство для воспитания местной интеллигенции.

Ключевые слова: история Сибири и Степного края; сибирское областничество; Г.Е. Катанаев; регионалистика; сибиреведение.

Одной из актуальных задач отечественной исторической науки является изучение процесса формирования и становления сибирской интеллигенции. Зачастую этот вопрос связывался с проблемой сибирского областничества, как «системы взглядов части местной интеллигенции на прошлое, настоящее и будущее региона в составе Российского государства» [1. С. 1] и движения, пытавшегося пропагандировать эти взгляды. Областничество получило в отечественной историографии различные оценки. Одни считали его сугубо просветительским, культурническим движением [2, 3], разновидностью народничества [4. С. 131]. Часть исследователей [5–11] определяли областничество как разновидность буржуазного либерализма на протяжении всей истории существования. Другая группа историков [12–15] считала, что областничество эволюционировало от революционного демократизма к буржуазному либерализму. М.В. Шиловский, рассматривавший эволюцию областничества более комплексно, выделял в движении три периода, связанных с качественными изменениями в его развитии [1. С. 10–11]. В 90-е гг. XX в. наметилась трактовка областничества не как определенно оформленного движения, «партийной платформы» или «политической доктрины», а как своеобразного «сибирского умонастроения», образа мышления и действий [16. С. 177]. В современном дискурсе предпринимаются попытки осмысления идеологии сибирских областников «с современных философских позиций» [17], областничество рассматривается в контексте таких широких явлений российской общественной мысли, как западничество и евразийство [18, 19].

Следует отметить, что в основном исследователи областничества сосредоточивали свое внимание на лидерах движения, зачастую оно практически сводилось к личностям Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Постепенно «удалось расширить состав областнического “актива” до 15 человек» [20. С. 11–13]. В настоящее время в связи с развитием регионалистики вырос интерес к жизнедеятельности и творчеству сибирских областников. Но, как справедливо подчеркивал

М.В. Шиловский, до сих пор не решен вопрос, кого же считать областниками [1. С. 9]. Не выработан оценочно-измерительный канон, позволяющий определить принадлежность того или иного деятеля к движению областничества. Многие единомышленники сибирских областников, сторонники и деятели движения областничества (в том числе и Г.Е. Катанаев) остались практически «за бортом» исследовательских изысканий историографов движения. Расширение же круга областников, установление новых имен адептов и участников этого движения представляется крайне важным. Дело в том, что, с одной стороны, исследование единичного случая (в данном контексте – одного представителя движения), конечно, не обладает практически никакими обобщающими возможностями. С другой стороны, это исследование может достичь обобщающих выводов по отношению к существующим теориям и способствовать новым теоретическим продвижениям, эмпирическим дополнениям.

Основная задача данного исследования – показать и проанализировать процесс зарождения, становления и последовательного развития научно-исследовательского интереса Г.Е. Катанаева как одного из ярких представителей сибирской интеллигенции в рамках общего развития сибиреведения второй половины XIX в. и определить степень влияния на этот процесс идеологов областничества.

При написании работы использован широкий круг источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Ведущими являются материалы, хранящиеся в фонде Г.Е. Катанаева (Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 366): опубликованные и неопубликованные рукописи, материалы биографического характера, воспоминания, дневники, наброски и черновики статей. Большое значение для характеристики процесса становления научно-исследовательских идей Г.Е. Катанаева и степени влияния на этот процесс философии областничества имеют сохранившиеся «заметки на память», заметки «на полях» и достаточно многочисленные реферативные выписки из прочитанных книг и журнальных статей, сделанные самим Г.Е. Катанаевым.

Вторую по объему группу источников составили материалы фонда Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества (ИАОО. Ф. 86): положение об организации Отдела; протоколы заседаний распорядительного комитета и общих собраний; годовые отчеты о научной деятельности Отдела по организации и по участию Отдела в научных экспедициях; переписка с научными организациями по вопросам научно-исследовательской работы и пр. Кроме этого, использовались печатные издания Отдела за период 1877–1921 гг. Исследование данной группы источников позволило выявить и систематизировать научные доклады, сообщения и рефераты Г.Е. Катанаева, определить тематику его научных изысканий.

Большой интерес для решения поставленной задачи представляют эпистолярные источники, отзывы о Г.Е. Катанаеве и его трудах в письмах современников. Особенно примечательна в этом отношении переписка Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева за период 1872–1876 гг., а также два неопубликованных письма Г.Е. Катанаева к Г.Н. Потанину, хранящиеся в архиве Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета (НБ ТГУ) [21].

Интерес Г.Е. Катанаева к истории Сибири вообще и сибирского казачества в частности пробуждается во время обучения в Сибирском кадетском корпусе (1857–1866). Большое влияние на становление и развитие личности Г.Е. Катанаева оказали преподаватели корпуса Н.Ф. Костылецкий, страстный поклонник В.Г. Белинского, В.П. Лобадовский, знакомивший кадетов с критическими и публицистическими статьями Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Е.И. Старков, широко известный в сибирском обществе своей историко-географической начитанностью и неподдельным патриотизмом, и Э.К. Зедергольм, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученик историка С.М. Соловьева. На уроках Э.К. Зедергольма Г.Е. Катанаев получил первоначальные знания о позитивистской методологии, теоретические установки которой впоследствии найдут отражение в его сочинениях. Будучи кадетом, Г.Е. Катанаев посещал литературно-музыкальные вечера, организуемые молодыми областниками. Личное же его знакомство с идеологами сибирского областничества состоялось в 1866 г. во время омского заключения «сибирских сепаратистов».

Следует признать, что молодой Г.Е. Катанаев был близок областникам 60-х гг. XIX в. как «представителям протестующего и вместе с тем мечтающего регионального самосознания» [18. С. 107]. Впоследствии он назовет Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева своими «духовными отцами» [22. Л. 6], наставниками и «руководителями первых шагов его участия в литературе и служении родине (Сибири)» [Там же].

Источники формирования областнической идеологии многообразны. По мнению А.В. Ремнева, идеология эта представляла собой сложный сплав российских социально-мессианских надежд с западными социальными доктринами [19. С. 155]. Большая часть сторонников сибирского областничества «имела западную идейную и цивилизационную ориентацию» [18. С. 107].

А.В. Малинов полагает, что философско-методологическую основу областнической идеологии составили народничество, позитивизм и славянофильство [23. С. 41]. Он указывает на три разновидности областничества: российское, украинское и сибирское, общей чертой которых можно считать последовательное отстаивание принципов федерализма в различных его формах (от автономизма и децентрализации до перехода к конфедеративному устройству государства) [Там же. С. 46]. Программа областничества, как подчеркивает А.В. Малинов, была обращена к провинциальной интеллигенции и направлена на изменение ее сознания, а часто и на фактическое создание такой интеллигенции [Там же. С. 42]. Задачей интеллигенции, в понимании областников, было служение местным интересам, социально-экономическому, политическому и культурному развитию своего края. В конечном счете зарождение национальной интеллигенции, ее культурно-просветительская работа должны были активно проявить себя в процессе формирования региональной «интеллектуальной элиты». Главным для провинциальных философов было формирование местной интеллигенции как особого культуротворческого слоя [24. С. 39]. Идеологи сибирского областничества – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – понимали, что «предстоит кропотливая работа по воспитанию “собственных сил”» [25. С. 209].

Под влиянием областников и отчасти по их «рекомендации» Г.Е. Катанаев начинает читать определенную литературу. Выбор этой литературы достаточно тенденциозен. Зачастую это произведения, оказавшие наибольшее влияние на философию областничества. По красноречивому выражению Н.М. Ядринцева, идеологи сибирского областничества буквально «напихивали» молодого Г.Е. Катанаева «общими вопросами», «общей теорией» [26. С. 300]. Так, в личном фонде Г.Е. Катанаева (ИАОО. Ф. 366) сохранились выписки из трудов популярного в России 1870-х гг. английского историка и социолога-позитивиста Г.Т. Бокля (История цивилизации в Англии. СПб., 1862–1864), сочинений Архиепископа Филарета об истории Слободской Украины (Историко-статистическое описание Харьковской Епархии. М., 1852–1859); труда славянофильского историка И.Д. Беляева (О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства. До царя Алексея Михайловича. М., 1846), работ историка-федералиста Н.И. Костомарова (Очерк домашней жизни и нравов Великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860), статьи первого теоретика «областности» А.П. Щапова, «которого не без оснований называли “русским Боклем”» [27. С. 53], «Историко-этнографическая организация русского народонаселения» («Русское слово». 1865. № 1–3), публицистических статей и исторических романов сторонника «земства» Д.Л. Мордовцева (Гайдамачина. СПб., 1870), известного сочинения этнографа-беллетриста С.В. Максимова (Сибирь и каторга. СПб., 1871), фундаментальных трудов историка П.А. Словцова (Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886) и этнографа А.Н. Пыпина (История русской этнографии, 1890–1892) и др.

Личные беседы с областниками укрепили желание Г.Е. Катанаева дальнейшего образования, расширения

кругозора и поля деятельности. С подачи и при содействии Г.Н. Потанина Г.Е. Катанаев в конце 1867 г. уезжает в Москву и поступает в Петровскую земледельческую и лесную академию (Г.Н. Потанин достает для Г.Е. Катанаева программу академии и снабжает его двумя рекомендательными письмами: известному славянисту и славянофилу, профессору Московского университета О.М. Бодянскому и известному натуралисту и путешественнику А.П. Федченко). Но связь Г.Е. Катанаева с областниками не прерывается. Он пишет письма сначала Г.Н. Потанину, а затем (с весны 1872 г.) и Н.М. Ядринцеву. Наиболее активная переписка Г.Е. Катанаева с Г.Н. Потаниным приходится на начало 1880-х гг., когда идеолог сибирского областничества, «преодолев радикальные устремления 1860-х гг., занимает более умеренную и реалистичную позицию» [18. С. 108]. По воспоминаниям Г.Е. Катанаева, стараясь как можно больше заинтересовать его Сибирью, Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев писали «об ее природе и богатстве; об ее населении; специально на темы о сибирской женщине, о сибирской молодежи, об ее абсентеизме и нелюбви к родине; о необходимости возврата в Сибирь всех учащихся в столичных высших учебных заведениях сибиряков; о необходимости изучения этой страны» [28. С. 46–47]. Приводились целые библиографические указатели о том, что писалось и что нужно читать о Сибири. От Г.Е. Катанаева, в свою очередь, требовалось время от времени сообщать, что он делает, что читает; главнейшая же его обязанность заключалась в том, «чтобы давать возможно полные обзоры того, что делается на свете, в обществе, литературе и особенно о том, какие... появились новые книги, сочинения и статьи о Сибири и ее делах с кратким изложением таковых» [Там же. С. 47]. Надо отметить, что Г.Е. Катанаев старался выполнять указания и наставления своих старших товарищей. Так, в одном из писем Г.Н. Потанину он сообщил о создании по его инициативе из «петровцев» и студентов университета сибирского кружка – «землячества», продолжающего традиции подобных объединений 1860-х гг. и собирающегося еженедельно для «обмена мыслями и чтения книг и статей о Сибири и ее нуждах» [29. Л. 38].

Во время учебы в Москве Г.Е. Катанаев продолжает изучать литературу о Сибири. Более того, он неоднократно ездит в Петербург специально для занятий в Императорской публичной библиотеке. Г.Е. Катанаев тщательно изучает труды С.У. Ремезова, Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, П.С. Палласа, И.И. Георги, П.И. Небольсина, А. Левшина, В. Вильяминова-Зернова, И.И. Завалишина, К. Риттера и многих других. В одном из писем Н.М. Ядринцеву Г.Н. Потанин пишет, что Г.Е. Катанаев «литературу... всю прочитал, по крайней мере больше нашего... и не пропустил даже таких специальных журналов, как «Горный журнал» [26. Т. 1. С. 94]. При поддержке Г.Н. Потанина Г.Е. Катанаев даже задумывает и на протяжении весны–лета 1872 г. упорно работает над созданием каталога книг о Сибири. Им был собран значительный по объему материал, планировалось издать целый том, содержащий не только перечень книг и статей о Сибири, но и краткое реферативное изложение таковых, и отражающий проблемы

сибирской беллетристики, журналистики и культуры в целом. Г.Н. Потанин оценивал эту работу Г.Е. Катанаева как «труд почтенный», в котором «сквозят и субъективные взгляды составителя» [Там же]. К сожалению, Г.Е. Катанаеву не удалось завершить работу, и каталог так и не был издан. Примечательно, что об этой «библиографии журнальных статей о Сибири» как о «попытке, не увидевшей света и хранящейся у его составителя», упоминает В.И. Межев в предисловии к первому тому своей «Сибирской библиографии» [30].

Осенью 1872 г., после окончания курса Петровской земледельческой и лесной академии, Г.Е. Катанаев возвращается в Омск. Г.Н. Потанин связывал с возвращением Г.Е. Катанаева в Сибирь определенные надежды, полагая, что он «оживит омское ученое общество» [26. Т. 1. С. 94]. Н.М. Ядринцев же посвятил возвращению Г.Е. Катанаева (наряду с возвращением в Сибирь А.П. Нестерова) одно из своих патриотических стихотворений, озаглавленное «Welcome! Welcome!» Стихотворение имеет подстрочник: «Посвящается А. П. Н. и Г. Е. К.». Впервые оно было напечатано в «Камско-Волжской газете» (1873. № 41) в цикле «Песни» за подписью «Семилуженский», перепечатано в «Сборнике избранных статей, стихотворений, фельетонов Николая Михайловича Ядринцева» [31. С. 171–172], а затем в 5-м томе «Литературного наследия Сибири» в разделе «Стихотворения Н.М. Ядринцева» [32. Т. 5. С. 180–181]. В последнем издании к стихотворению сделано примечание: «Послано Потанину 7 февраля 1873 г. Является откликом на освобождение из ссылки А.П. Нестерова и Г.Е. Катанаева, осужденных вместе с Потаниным и Ядринцевым» [Там же. С. 220]. Это неверно. Стихотворение посвящено Андрею Павловичу Нестерову и Георгию Ефремовичу Катанаеву и является откликом не на освобождение их из ссылки (ни А.П. Нестеров, ни Г.Е. Катанаев по делу «сибирских сепаратистов» осуждены и высланы не были), а на их возвращение в родную Сибирь после длительного в ней отсутствия (что подтверждается текстом и смыслом самого стихотворения). Г.Е. Катанаев провел долгое время учебы в Москве, А.П. Нестеров был в длительной служебной командировке в Петербурге. Оба они, возвращаясь в конце лета – начале осени 1872 г. в Сибирь (Г.Е. Катанаев – в Омск, А.П. Нестеров – на Амур), побывали предварительно у Г.Н. Потанина в Тотьме.

В 70-е гг. XIX в. Г.Е. Катанаев делает свои первые шаги на литературно-публицистическом поприще и в научных изысканиях. В 1873 г. по настоянию Г.Н. Потанина он начинает сотрудничество в качестве омского корреспондента с «Камско-Волжской газетой», которую Г.Н. Потанин называл «родоначальником сибирской областной печати» [32. Т. 4. С. 316] и которая стала «ярким явлением отечественной пореформенной журналистики» [23. С. 44]. Достаточно показателен выбор публицистического псевдонима Г.Е. Катанаевым – он подписывал свои статьи в «Камско-Волжской газете» «Жорж-бай» (или просто «Ж.-Б.»), подчеркивая тем самым свою «генетическую принадлежность» не только Сибири, но и Степному краю как региону межэтнических, межкультурных и межрелигиозных контактов.

Областники призывали Г.Е. Катанаева писать о Сибири как можно больше и использовать любую возможность для публикаций; намечались темы, на которые необходимо писать: о народном образовании, об университете, гласном суде, земстве, о вреде штрафной колонизации, о бесчеловечности истребления и спаивания северных инородцев. В конце 1874 г., с переходом редакторства иркутской газеты «Сибирь» к В.И. Вагину, Г.Е. Катанаев начинает сотрудничать и с ней. В «Сибири» в 1875 и 1876 гг. были помещены статьи Г.Е. Катанаева «К вопросу о Сибирском университете» [33] и «Омск или Томск? (к вопросу о Сибирском университете)» [34], принесшие ему наибольшую известность и популярность не только среди областников и сибирского общества в целом, но и далеко за пределами Сибири.

Исследования и деятельность областников объективно способствовали становлению краеведения (регионоведения). Во второй половине XIX в. функции главных региональных организаций в Сибири выполняли отделы Русского географического общества. Известно, что инициатива создания Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) принадлежала генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову и была составной частью его программы экономического и культурного реформирования региона. Вместе с тем создание ЗСОИРГО было «обусловлено совокупностью причин объективного и субъективного характера: особенностями социально-экономического развития региона, неравномерностью его исследования, наличием интеллектуальной базы для создания подобной организации и конкретных личностей, заинтересованных в ее работе» [35. С. 14]. Среди последних был и Г.Е. Катанаев, ставший одним из членов-учредителей отдела.

ЗСОИРГО стал «правоприемником» «Общества исследователей Западной Сибири» (1876–1878) – первой профессиональной корпорации местных краеведов и общественных деятелей, членом которой состоял и Г.Е. Катанаев. Действительным же членом ЗСОИРГО Г.Е. Катанаев был со дня его основания по день своей смерти (за исключением периода с 1898 по 1908 г.) на протяжении более 30 лет, последовательно занимая ряд административных должностей и ведя обширную научно-исследовательскую и практически-экспедиционную деятельность. Следует подчеркнуть, что в рамках своей научно-экспедиционной деятельности Г.Е. Катанаев исследовал Сибирь и Степной край как свой родной регион. Он был степняком по рождению, вырос во «фронтирной зоне», Прииртышье считал своей «малой родиной». Изучение сохранившихся протоколов общих собраний, отчетов о деятельности ЗСОИРГО и его распорядительного комитета позволяет подсчитать, что Г.Е. Катанаевым в стенах Отдела было сделано более 40 докладов, рефератов и научных сообщений. Тематика и география научных интересов Г.Е. Катанаева обширна и разнообразна, но большее внимание в своих исследованиях он уделял Степному краю, его природно-географическому и экономическому потенциалу.

В 1870–1890-х гг. приоритетным направлением исследовательской работы ЗСОИРГО становятся вопросы

выявления и характеристики условий для организации переселенческого движения. В марте 1885 г. Г.Е. Катанаев делает свое первое сообщение по теме «О поступательном движении киргизов Средней орды к границам западной Сибири, его значении и вероятных причинах», подкрепляя исследование картографическими изысканиями. Летом 1885 г. Г.Е. Катанаев войсковым начальством Сибирского казачьего войска был командирован на озеро Нор-Зайсан для исследования и изучения на месте войсковых оброчных рыболовных статей. По результатам этой поездки им в ЗСОИРГО в декабре 1885 г. было сделано сообщение «Озеро Нор-Зайсан и рыболовство в нем». Осенью 1889 г. Г.Е. Катанаев устроил публичные чтения на тему: «Западно-Сибирские казаки-землеисследователи». Чтения Г.Е. Катанаева имели интерес уже потому, что кроме печатных источников он пользовался рукописными материалами, извлеченными из архивов Главного Штаба и Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Теме социально-экономических проблем, возникающих в ходе освоения русскими переселенцами новых районов, посвящены два доклада Г.Е. Катанаева в ЗСОИРГО: «О способности сибирского крестьянина приспосабливаться к условиям местной природы» (1892) и «Несколько данных по вопросу о пригодности Киргизских степей к земледельческой культуре» (1894). На заседаниях ЗСОИРГО в октябре–декабре 1892 г. Г.Е. Катанаевым были прочитаны два отрывка из его историко-географического изыскания о Киргизских степях, Средней Азии и Северном Китае. Эти доклады явились лишь началом многолетних исследований Г.Е. Катанаева по данной проблематике, составивших материалы его многочисленных исторических работ (как опубликованных, так и неопубликованных). Зимой 1893 г. на общем собрании членов Отдела Г.Е. Катанаевым был прочитан доклад «Историко-географический обзор состояния Западно-Сибирских степей XVII столетия», в котором он остановился на истории пограничной службы сибирских служилых людей в эпоху Смутного времени и описании первых соляных экспедиций к Ямышевскому озеру (1614–1626).

В числе научных задач, поставленных ЗСОИРГО к разработке в 1893 г., была и достаточно актуальная для Западно-Сибирского региона проблема усыхания водоемов. Г.Е. Катанаев составил подробную (в 29 вопросных пунктах) программу для сбора сведений об озерах и реках Степного района Западной Сибири и разработал форму дневника климатологических наблюдений [36]. Во время своей летней служебной поездки по Омскому, Петропавловскому, Кокчетавскому и Атбасарскому уездам Г.Е. Катанаев опросил старожилов 40 оседлых казачьих и крестьянских поселений по вышеозначенной программе. Обработанные материалы опросов и личные наблюдения позволили Г.Е. Катанаеву сделать в ЗСОИРГО доклад «По вопросу об организации наблюдений над водными бассейнами Степного района западной Сибири» и сообщение «Об усыхании водоемов западной Сибири». Кроме того, в 1894 г. им был прочитан доклад «Об усыхании степных озер» на соединенном заседании отделений физической географии и этнографии Центрального

географического общества в Петербурге. Гидрологические исследования Г.Е. Катанаева получили достаточно высокую оценку специалистов.

В рамках деятельности ЗСОИРГО были предприняты первые попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колонизационного потенциала сословий Степного края: коренного населения, казачества и крестьян-переселенцев из Европейской России. Одним из наиболее острых для Г.Е. Катанаева-исследователя был вопрос о судьбе казачества в условиях курса на аграрную колонизацию Степного края. В своих работах он акцентировал внимание на первопроходческой и землеисследовательской деятельности сибирского казачества [37, 38]. Актуальным для него оставался и популярный у областников «инородческий вопрос», в своих исследованиях он уделяет внимание вопросам перехода «инородцев» в оседлое состояние, пригодности степных участков к культурному земледелию, материальной культуры и быта кочевого населения, взаимопроникновения и взаимовлияния соседствующих культур. [39, 40]

Необходимо подчеркнуть, что деятельность Г.Е. Катанаева в ЗСОИРГО, безусловно, способствовала становлению исследовательской культуры будущего историка казачества и широкому вовлечению его в работу общественно-культурного и просветительского характера. Вместе с тем в рамках деятельности в ЗСОИРГО Г.Е. Катанаевым были лишь намечены векторы его дальнейших исследований, положено начало его многолетним изысканиям по истории Сибирского казачьего войска, ставшим делом всей его жизни.

В заключение следует признать, что сближение Г.Е. Катанаева с идеологами областничества происходило на «почве сибирского патриотизма, своего рода “сибирефильства”, горячей любви к сибирской родине» [18. С. 107]. Областники сыграли значительную

роль в становлении научно-исследовательского интереса Г.Е. Катанаева в рамках сибиреведения второй половины XIX – начала XX в. Г.Е. Катанаев, безусловно, разделял областнические взгляды. Но с течением времени он, оставаясь сибирским патриотом, делает выбор в пользу изучения истории Сибири и сопредельных регионов Евразии и дорогого его сердцу сибирского казачества, в пользу культурно-просветительской работы и популяризации своих знаний, добытых в архивах и сформировавшихся под влиянием научной литературы. По мнению Н.М. Ядринцева, выразившегося в его резких оценочных суждениях, Г.Е. Катанаев постепенно становится одним из тех, кого тоже «провинция трогает, но коих приковывает к ней только ее мелкая практическая жизнь, ее трепетанье, и радует самое малое ее пробуждение» [26. Т. 2. С. 300]. «Сколько не напихивали его общими вопросами, сколько не вдохновляли общей теорией, но его влечет другое, – пишет Н.М. Ядринцев о Г.Е. Катанаеве в одном из своих писем Г.Н. Потанину. – Он практик, он не может парить в этой области светлого голубого пространства, связывая жизнь только с общей орлиной идеей и с ее полета смотря на действительность...» [Там же. С. 287]

Г.Е. Катанаев воспринял идеи областничества как просветительское движение, как действенную программу оживления культурной жизни провинции с ярко выраженной патриотической окраской. Областничество для Г.Е. Катанаева – культуртрегерская идея («своего рода культурное миссионерство, направленное на просвещение граждан, пропаганду исторических и культурных ценностей, распространение знаний о прошлом и настоящем Сибири» [41. С. 47]), идея, позволяющая объединить ради решения общесибирских проблем людей с разным мировоззрением, но одинаково преданных Сибири, идея, способствующая сохранению и умножению местной интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиловский М.В. Сибирское областничество во второй половине XIX – начале XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 33 с.
2. Крутовский В.М. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. 1917. № 1. С. 53; № 2. С. 56–76.
3. Сватиков С.Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX в.) // Отечество : краеведческий альманах. М., 1995. Вып. 6. С. 100–112.
4. Колосов Е.Е. Молодое народничество 60-х годов (сибиряки в общерусском социал-революционном движении) // Сибирские записки. 1917. № 3. С. 125–140.
5. Зайцев Д.М. Общественное движение в Сибири // Образование. 1906. № 3. С. 53–73.
6. Вегман В.Д. Областные иллюзии, рассеянные революцией // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89–116.
7. Круссер Г.В. Сибирские областники. Новосибирск, 1931. 99 с.
8. Козьмин Б.П. А.П. Щапов и Сибирь // А.П. Щапов в Иркутске. Иркутск, 1938. С. 3–11.
9. Бородавкин А.П. С.С. Шашков как историк Сибири // Труды Томского университета. 1957. Т. 136. С. 209–218.
10. Разгон И.М., Плотнокова М.Е. Г.Н. Потанин в годы социалистической революции и гражданской войны в Сибири // Труды Томского университета. 1965. Т. 158. С. 138–153.
11. Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества второй половины XIX века: (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX века). Томск, 1974. 138 с.
12. Гудошников М.А. Классовая природа областничества // Будущая Сибирь. 1931. № 1. С. 100–105.
13. Кошелев Я.Р. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962. 347 с.
14. Коваль С.Ф. Характер общественного движения 60-х годов XIX века в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 35–54.
15. Лапин Н.А. Революционно-демократическое движение 60-х годов XIX в. в Западной Сибири. Свердловск, 1967. 186 с.
16. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 228 с.
17. Головинов А.В. Культурфилософская концепция сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2010. 19 с.
18. Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 107–115.
19. Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб. : Европейский Дом, 1997. С. 142–156.

20. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX в. Новосибирск, 1989. 144 с.
21. Научная Библиотека ТГУ. Архив Г.Н. Потанина. Св. 115. Л. 323–324, 326–329.
22. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 357. 11 л.
23. Малинов А.В. Областиничество в истории русской мысли // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 41–52.
24. Головинов А.В. Идеологи областничества о роли интеллигенции в развитии русской провинциальной культуры // Областинская тенденция в русской философской и общественной мысли : к 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 32–40.
25. Колосов Е. Сибирские областники о пришлое и краевой интеллигенции // Сибирские записки. 1916. № 3 С. 206–220.
26. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987–1992.
27. Бразевич С.С. О формировании социолого-антропологической концепции А.П. Щапова // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 48–57.
28. Катанаев Г.Е. Из воспоминаний об инициаторах учреждения первого сибирского университета в Томске Н.Г. Казнакове, Г.Н. Потанине, Н.М. Ядринцеве // Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания : воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 33–121.
29. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 359. 199 л.
30. Межов В.И. Сибирская библиография : указатель книг и статей о Сибири. СПб., 1903. Т. 1, 2.
31. Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск, 1919. 223 с.
32. Литературное наследство Сибири : в 8 т. Новосибирск, 1969–1988.
33. Катанаев Г.Е. К вопросу о Сибирском университете // Сибирь. 1875. № 16, 17, 24, 25.
34. Катанаев Г.Е. Омск или Томск? (к вопросу о Сибирском университете) // Сибирь. 1876. № 18.
35. Скалабан И.А. ЗСОИРГО в последней четверти XIX – начале XX веков (1877–1919) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 21 с.
36. Катанаев Г.Е. Доклад по вопросу об организации наблюдений над водными бассейнами степного района Западной Сибири с программой для сбора сведений о водах района и с формой дневника климатологических наблюдений // Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества (ЗСОИРГО). 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–18.
37. Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим запискам, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых людей // Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XIV, вып. 1. С. 1–72.
38. Катанаев Г.Е. Еще раз об Ермаке и его Сибирском походе (новая вариация на старую тему) // Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–36.
39. Катанаев Г.Е. При-Иртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–38.
40. Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бель-Агачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV, вып. 2. С. 1–24.
41. Костякова Ю.Б. Публикаторская деятельность Н.М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г.Н. Потанину за 1872–1873 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 45–53.

Olga P. Doroshenko, Tomsk Institute of Retraining and Agribusiness (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dop@tipkia70.ru

G.E. KATANAEV AND REGIONALISM: THE FORMATION OF RESEARCH IDEAS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF SIBERIAN STUDIES IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Keywords: history of Siberia and Steppe Region, Siberian Regionalism, G.E. Katanaev, regionalism, Siberian Studies.

The article is devoted to the clarification of the context of the formation of research ideas and the process of the formation of the research culture of G.E. Katanaev within the framework of the development of Siberian Studies of the second half of the 19th century. The purpose of the article is to show the process of gradual involvement of the historian of Siberian Cossacks G.E. Katanaev in “scientific creativity”, as a movement on the way from the common interest of regional issues to the scientific study of the history of Siberian Cossacks. Within the framework of achieving the goal, the author solves important tasks - to assess the degree of influence of the ideology of regionalism on the views of the researcher and to show the specific-event participation of the leaders of Siberian Regionalism in the process of formation of G.E. Katanaev as a bright representative of the “local cultural intelligentsia”.

The author of the article notes that the initial interest of G.E. Katanaev in the history of Siberian Cossacks is awakened during his studies in the Siberian Cadet Corps in the post-reform period of the 1860s. Then the author reveals the process of forming the world view of G.E. Katanaev. Initially, a significant influence on this process is the personal familiarity of the future historian of Siberian Cossacks with the leaders of Siberian Regionalism and the study, under their influence, of literature, which was a “precursor” and sources of formation of regional philosophy and ideology. Further formation of G.E. Katanaev in the context of the development of “regional identity” leads him in the field of literary and journalistic activity, educational work and scientific research. Then the universal interdisciplinary and encyclopedic characteristic of the researchers of the 19th century is gradually transformed by G.E. Katanaev into a passion for regionalism, historical and geographical surveys on the territory of Western Siberia and Steppe Region. Highly appreciating the research and practically-expeditionary work of G.E. Katanaev within the framework of the activities of the West Siberian Division of the Imperial Russian Geographical Society of the second half of the 19th century, the author of the article emphasizes that the scientific reports of G.E. Katanaev to the above mentioned Society only outlined the vector directions of his further research, started his many years of research on the history of the Siberian Cossacks Troops, which became the work of his life.

In conclusion, the author concludes that G.E. Katanaev’s rapprochement with the ideologists of the Regionalism occurred based on “Siberian patriotism, a kind of “sibirefilism”, a hot love for the Siberian homeland”. Of course, the regionalists played a significant role in the formation of the scientific and research interest of G.E. Katanaev within the framework of the Siberian Studies of the second half of the 19th century. But over time, G.E. Katanaev, remaining a Siberian patriot, makes a choice in favor of studying the history of Siberia and neighbouring regions of Eurasia and dear to his heart Siberian Cossacks and in favor of cultural and educational work and popularization of their knowledge, obtained in archives and formed under the influence of scientific literature.

REFERENCES

1. Shilovsky, M.V. (1992) *Sibirskoe oblastничество vo второй половине XIX–nachale XX vekov* [Siberian regionalism in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
2. Krutovsky, Vs.M. (1917) *Iz istorii sibirskogo oblastничества* [From the history of Siberian regionalism]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 53. pp. 56–76.
3. Svatikov, S.G. (1995) *Rossiya i Sibir' (K istorii sibirskogo oblastничества v XIX v.)* [Russia and Siberia (On the history of Siberian regionalism in the 19th century)]. *Otechestvo: Kraeved. al'm.* 6. pp. 100–112.

4. Kolosov, E.E. (1917) Molodoe narodnichestvo 60-kh godov (Sibiryaki v obshcherusskom sotsial-revolutsionnom dvizhenii) [Young Narodniks of the 1860s (Siberians in the All-Russian Social-Revolutionary Movement)]. *Sibirskie zapiski*. 3. pp. 125–140.
5. Zaytsev, D.M. (1906) Obshchestvennoe dvizhenie v Sibiri [Social movement in Siberia]. *Obrazovanie*. 3. pp. 53–73.
6. Wegman, V.D. (1923) Oblastnicheskie illyuzii, rasseyannye revolyutsiei [Regional illusions scattered by the revolution]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 89–116.
7. Krusser, G.V. (1931) *Sibirskie oblastniki* [Siberian Oblastniki]. Novosibirsk: Ogiz. Zapsibotd-nie.
8. Kozmin, B.P. (1938) A.P. Shchapov i Sibir' [A.P. Schapov and Siberia]. In: Shchapov, A.P. *A.P. Shchapov v Irkutsk* [A.P. Schapov in Irkutsk]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. pp. 3–11.
9. Borodavkin, A.P. (1957) S.S. Shashkov kak istorik Sibiri [S.S. Shashkov as a historian of Siberia]. *Trudy Tomsk. un-ta*. 136. pp. 209–218.
10. Razgon, I.M. & Plotnikova, M.E. (1965) G.N. Potanin v gody sotsialisticheskoy revolyutsii i grazhdanskoj vojny v Sibiri [G.N. Potanin during the Socialist Revolution and Civil War in Siberia]. *Trudy Tomsk. un-ta*. 158. pp. 138–153.
11. Sesyunina, M.G. (1974) G.N. Potanin i N.M. Yadrintsev – ideologi sibirskogo oblastnichestva vtoroy poloviny XIX veka: (K voprosu o klassovoy sushchnosti sibirskogo oblastnichestva vtoroy poloviny XIX veka) [G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev as ideologists of Siberian regionalism of the second half of the 19th century: (On the class nature of Siberian regionalism of the second half of the 19th century)]. Tomsk: [s.n.].
12. Gudoshnikov, M.A. (1931) Klassovaya priroda oblastnichestva [Class nature of Oblastnichestvo]. *Budushchaya Sibir'*. 1. pp. 100–105.
13. Koshelev, Ya.R. (1962) *Russkaya fol'kloristika Sibiri* [Russian folklore of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Koval, S.F. (1967) Kharakter obshchestvennogo dvizheniya 60-kh godov XIX veka v Sibiri [The nature of the social movement of the 1860s in Siberia]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Materialy po istorii Sibiri. Sibir' perioda kapitalizma* [Materials on the history of Siberia. Siberia of the period of capitalism]. Novosibirsk: Nauka. pp. 35–54.
15. Lapin, N.A. (1967) *Revolutsionno-demokraticeskoe dvizhenie 60-kh godov XIX v. v Zapadnoy Sibiri* [Revolutionary-democratic movement of the 1860s in Western Siberia]. Sverdlovsk: [s.n.].
16. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (1991) G.N. Potanin: Opyt osmysleniya lichnosti [G.N. Potanin: Experience of understanding the personality]. Novosibirsk: SB RAS.
17. Golovinov, A.V. (2010) Kul'turfilosofskaya kontseptsiya sibirskogo oblastnichestva: etnosotsial'nye i tsennostnye osnovaniya [The cultural and philosophical concept of Siberian regionalism: the ethnosocial and value bases]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Barnaul.
18. Seliverstov, S.V. (2007) G.N. Potanin: sibirskoe oblastничество mezhdz zapadnichestvom i evraziystvom (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [G.N. Potanin: Siberian regionalism between Westernism and Eurasianism (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik TGU – Tomsk State University Journal*. 300-1. pp. 107–115.
19. Remnev, A.V. (1997) Zapadnye istoki sibirskogo oblastnichestva [Western sources of Siberian Oblastnichestvo]. In: Sherrer, Yu. & Ananich, B. (eds) *Russkaya emigratsiya do 1917 goda laboratoriya liberal'noi i revolyutsionnoi mysli* [Russian Emigration until 1917, the Laboratory of Liberal and Revolutionary Thought]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom. pp. 142–156.
20. Shilovsky, M.V. (1989) *Sibirskie oblastniki v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii v kontse 50-kh – 60-kh godakh XIX v.* [Siberian regional residents in the socio-political movement in the late 1850s – 1860s]. Novosibirsk: Nauka.
21. The Research Library of Tomsk State University. G.N. Potanin's Archive. Sv. 115. pp. 323–324, 326–329.
22. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 357.
23. Malinov, A.V. (2013) Oblastничество v istorii russkoy mysli [Regionalism in the history of Russian thought]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 16(1). pp. 41–52.
24. Golovinov, A.V. (2010) Ideologi oblastnichestva o roli intelligentsii v razviti russkoy provintsial'noy kul'tury [The ideologists of regionalism on the role of the intelligentsia in the development of Russian provincial culture]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva* [Regionalist trend in Russian philosophical and social thought: On the 150th anniversary of Siberian Oblastnichestvo]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 32–40.
25. Kolosov, E. (1916) Sibirskie oblastniki o prishloy i kraevoy intelligentsii [Siberian Oblastniki on the non-Siberian and regional intelligentsia]. *Sibirskie zapiski*. 3. pp. 206–220.
26. Potanin, G.N. (1987–1992) *Pis'ma G. N. Potanina: v 5 t.* [G.N. Potanin's Correspondence: in 5 vols]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo.
27. Brazevich, S.S. (2011) O formirovani sotsiologo-antropologicheskoy kontseptsii A.P. Shchapova [On the formation of A.P. Schapov's sociological and anthropological concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 48–57.
28. Katanaev, G.E. (2005) *Na zare sibirskogo samosoznaniya. Vospominaniya general-leytenanta Sibirskogo kazach'ego voyska* [At the dawn of Siberian Identity. Memoirs of the Lieutenant General of the Siberian Cossack Army]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 33–121.
29. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 359.
30. Mezhev, V.I. (1903) *Sibirskaya bibliografiya. Ukazatel' knig i statey o Sibiri* [Siberian Bibliography. Index of Books and Articles about Siberia]. Vol. 1 & 2. St. Petersburg: [s.n.].
31. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sbornik izbrannykh statey, stikhotvoreniy i fel'etonov* [Selected Articles, Poems and Feuilletons]. Krasnoyarsk: The Yenisei Provincial Union of Cooperatives.
32. Potanin, G.N. (1969–1988) *Vospominaniya* [Memoirs]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 8 t.* [Siberian Literary Heritage: in 8 vols]. Novosibirsk: OGIZ.
33. Katanaev, G.E. (1875) K voprosu o Sibirskom universitete [On the University in Siberia]. *Sibir'*. 16, 17, 24, 25.
34. Katanaev, G.E. (1876) Omsk ili Tomsk? (k voprosu o Sibirskom universitete) [Omsk or Tomsk? (on the Siberian University)]. *Sibir'*. 18.
35. Skalaban, I.A. (1994) *ZSOIRGO v posledney chetverti XIX–nachale XX vekov (1877–1919)* [ZSOIRGO in the last quarter of the 19th – early 20th centuries (1877–1919)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
36. Katanaev, G.E. (1893) Doklad po voprosu ob organizatsii nablyudeni nad vodnymi basseynami stepnogo rayona Zapadnoy Sibiri s programmoy dlya sbora svedeni o vodakh rayona i s formoy dnevnika klimatologicheskikh nablyudeni [Report on the organization of observations over water basins of the steppe region of Western Siberia with a program for collecting information about the waters of the region and with a climatological observation diary]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva (ZSOIRGO)*. 15(2). 1893. pp. 1–18.
37. Katanaev, G.E. (1893) Kirgizskie stepi, Srednyaya Aziya i Severnyy Kitay v XVII i XVIII stoletiyakh. Po pokazaniyam, razvedkam, doezzhim zapisyam, otchetam i issledovaniyam zapadno-sibirskikh kazakov i prochikh sluzhilykh lyudey [Kyrgyz steppes, Central Asia and North China in the 17th and 18th centuries. According to testimonies, reconnaissance, access records, reports and studies of the West Siberian Cossacks and other service people]. *Zapiski ZSOIRGO*. 15(1). pp. 1–72.
38. Katanaev, G.E. (1893) Eshche raz ob Ermake i ego Sibirskom pokhode (novaya variatsiya na staruyu temu) [On Ermak and his Siberian campaign (a new variation on the old theme) (revisited)]. *Zapiski ZSOIRGO*. 15(2). 1893. pp. 1–36.
39. Katanaev, G.E. (1893) Pri-Irtyshskie kazaki i kirgizy Semipalatinskogo uезда v ikh domashney i khozyaystvennoy obstanovke (k voprosu o kul'turnom vzaimodeystvii ras) [Pri-Irtysh Cossacks and Kyrgyz of the Semipalatinsk Uezd in their home and household environment (on the cultural interaction of races)]. *Zapiski ZSOIRGO*. 15(2). pp. 1–38.
40. Katanaev, G.E. (1893) Khlebobopashestvo v Bel'-Agachskoy bezvodnoy stepi Altayskogo gornogo okruga [Grain farming in the Bel-Agach waterless steppe of the Altai mountain district]. *Zapiski ZSOIRGO*. 15(2). pp. 1–24.
41. Kostyakova, Ju.B. (2019) Publication activities of N.M. Yadrintsev's work in exile: causes and results (on the letters to G.N. Potanin for 1872–1873). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 62. pp. 45–53. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/62/6

УДК 94(571).08:930
DOI: 10.17223/19988613/64/14

С.В. Макаручук, Е.С. Генина, Ю.М. Гончаров

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН СИБИРИ XX – НАЧАЛА XXI в. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Представлены результаты проведенного анализа ситуации, сложившейся в современной отечественной историографии истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI в. Авторы выявили и изучили основные концепции исследователей – представителей сибирской иудаики. Определены основные направления исследований и их специфика. Выявлены географическая локализация исследований, научные центры, действующие в Восточной и Западной Сибири. Обозначены возможные перспективы продолжения изучения темы.

Ключевые слова: историография; современные отечественные исследователи; еврейские общины Сибири; исторические концепции; направления исследований.

К истории еврейских общин в Сибири обращались многие исследователи. Первый библиографический указатель отечественной литературы по проблеме «Евреи Сибири и Дальнего Востока» содержал более 400 наименований [1]. Вышедший через несколько лет дополненный указатель включал уже более тысячи наименований. В специально выделенном разделе «История еврейских общин» насчитывалось 80 названий [2. С. 83–91].

Положено начало историографическому осмыслению отдельных проблем истории еврейских общин Сибири. В.И. Дятлов дал оценку освещения истории еврейских общин в журнале «Диаспоры» [3]. В.Ю. Рабинович охарактеризовал общее состояние сибирской иудаики, указал на сложившиеся научные центры изучения ее проблем в Иркутске, Красноярске, Хабаровске, Кемерове, Улан-Удэ, Барнауле. Он констатировал «определенный кризис изысканий» и заявил о необходимости «совершить теоретический прорыв, введя в научный оборот принципиально новую проблематику» [4. С. 4]. Была отмечена необходимость изучения взаимоотношений, сложившихся внутри общин, и исследования роли верхушки еврейской общины, которая, по мнению В.Ю. Рабиновича, «становится частью элиты принимающего общества» [Там же. С. 17].

А.Р. Ивонин, используя количественный метод в историографии, проанализировал научные конференции, проводившиеся Региональным методическим центром представительства «Джойнт» в Сибири и на Дальнем Востоке. К 2006 г. этим центром было издано 22 книги по проблемам еврейской истории региона. В 2000–2002 гг. они выходили в серии «Еврейские общины в Сибири и на Дальнем Востоке», в 2003–2006 гг. – «Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке». В это же время под редакцией Я.М. Кофмана вышли в свет материалы семи научно-практических конференций.

Основываясь на материалах предыдущих шести конференций, А.Р. Ивонин подсчитал, что наибольшее число статей – 58,5% – посвящено проблемам дореволюционной истории и периоду с 1917 по 1930-е гг. Только в 7,2% статей рассматривается еврейская история 1940–1980-х гг. и в 34,3% статей – история 1991–

2005 гг. Из всех 224 статей религиозной и общественной жизни евреев посвящено 56, или 25%, культуре и образованию – 22, или 9,8%. Вместе с тем автор не выделил статьи, посвященные внутриобщинным процессам [5]. Это связано с тем, что отдельные сюжеты темы лишь затрагивались в материалах другой проблематики.

Высокую оценку изданиям «Джойнта» и роли Якова Михайловича Кофмана дал Л.В. Курас. Он не без оснований считал, что само понятие современной сибирской еврейской историографии тесно связано с организационно-научной деятельностью Я.М. Кофмана. В статье Л.В. Кюраса приведена историографическая оценка не только материалов всех восьми конференций «Джойнта», но монографий и статей в сборниках, выпущенных по итогам конференций, а также некоторых «внеджойнтовских» публикаций [6. С. 53].

Историографическими обзорами сопровождалась все диссертационные и монографические исследования, посвященные еврейским проблемам в регионах Сибири. Во многих из них отмечена необходимость проведения фундаментального исследования, обобщающего закономерности и особенности развития еврейских общин Сибири на протяжении всех лет их существования. Мы уверены, что предвять эту работу должен такой же фундаментальный историографический труд, появление которого вполне назрело. Первая попытка историографической характеристики основных работ сибирских исследователей всех поколений по всем спектрам еврейского быта в Сибири предпринята Л.В. Кальминой [7]. Мы также надеемся внести свой вклад, проанализировав научные труды современных исследователей, касающиеся внутреннего состояния сибирских еврейских общин и важнейших направлений их деятельности в XX – начале XXI в.

Большинство историков относят зарождение современного этапа отечественной историографии к началу 1990-х гг. По отношению к истории еврейских общин – это время возрождения российской еврейской историографии после ее полного застоя в советский период.

В предлагаемой статье проанализированы концепции развития сибирских еврейских общин с XX в. При

проведении исследования авторы использовали принципы историзма, объективности, целостности, ценностного подхода, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования, а также методы периодизации, ретроспективного (возвратного) и перспективного анализа.

Именно к началу XX в. получили официальное разрешение на регистрацию большинство фактически существовавших кое-где с 1830-х гг. еврейских общин Сибири. К этому времени возросла численность евреев диаспоры, в ее составе увеличилась доля политических ссыльных и, как следствие, в функционировании общин значительно расширилась политическая составляющая. Досоветский период истории еврейских общин региона, по мнению исследователей, завершился в 1920-е гг., когда их деятельность была запрещена советской властью. Именно этому периоду посвящено большинство исследований в современной сибирской историографии проблемы.

Пионером разработки еврейской темы в Сибири, по справедливому замечанию Л.В. Кальминой, стала иркутская историческая школа. В историографическом очерке монографии ее представителей проанализированы два выпуска «Сибирского еврейского сборника» и материалы двух проведенных в Иркутске международных конференций. Кроме того, иркутские исследователи обращали внимание на статьи сибирских авторов в выходящем с 1999 г. в Москве журнале «Диаспоры» [8. С. 9–17].

С 1995 г. появились новые историографические источники по сибирским еврейским общинам в виде диссертационных и монографических работ. Первой в этом ряду стала книга А. Гройсмана (Гройсман А. Евреи в Якутии. Якутск, 1995. Ч. I: Община.). Автор, хотя и не являлся историком по специальности, на основе архивных источников подробно описал дореволюционную жизнь якутской общины и раскрыл принципы ее взаимоотношений с окружающим миром. В 1997 г. вышла брошюра Ю.М. Мучник, кратко показывающая жизнь евреев в досоветский период в Сибири, в том числе состояние их общин в начале XX в. [9].

1998 г. ознаменовался защитой сразу двух кандидатских диссертаций: Л.В. Кальминой – о еврейской общине Западного Забайкалья, и В.Ю. Рабиновича – о евреях дореволюционного Иркутска. Вскоре на их основе вышли монографии [10, 11]. В первой из них особое внимание обращено на хозяйственную деятельность и культурно-религиозную жизнь общины. В.Ю. Рабинович указал на слабую изученность «внутренней жизни» еврейской общины Иркутска. Он выделил негативные черты общинной жизни: полупустую синагогу, незнание идиша, внутреннее противостояние по линиям «богатые–бедные», «приезжие–старожилы», «ассимиляторы–изоляционисты». Характеризуя хозяйственную и предпринимательскую деятельность общины и отдельных ее членов, прежде всего купцов, автор пришел к выводу, что иркутские евреи вели себя к началу XX в. как «представители типичного предпринимательского меньшинства, демонстрируя характерные поведенческие и психологические стереотипы» [11. С. 198].

Продолжающаяся активная научная и публикационная работа Л.В. Кальминой привела к появлению в 2002 г. еще одной монографии [12] и защите автором в 2003 г. докторской диссертации, обобщающей состояние, правовое положение, хозяйственную деятельность, общественную и внутриобщинную жизнь еврейских общин всего восточносибирского региона. В том же году вышла монография Л.В. Кальминой по данной проблематике [13].

Предметом исследования Л.В. Кальмина определила еврейские общины Восточной Сибири – «общности людей, сложившиеся по принципу исповедования иудейской религии» [Там же. С. 4]. Подробно изучив законодательство о евреях, она пришла к выводу, что в нем нет понятия «еврейская община», хотя предполагается, что это прежде всего молитвенное общество с рядом благотворительных, просветительных и других учреждений, включавшее также «пассивных» членов – тех, кто этими учреждениями пользовался. Л.В. Кальмина выявила причины достаточно позднего складывания основного института общинного самоуправления – раввината – и исследовала его проблемы вплоть до 1917 г. Проанализирована сложившаяся к началу XX в. система еврейского национального просвещения, в частности способствовавшие ему благотворительные, культурно-просветительные общества. Введен в научный оборот новый источник – приходно-расходные книги общин, на основании которых реконструированы многие общинные бюджеты.

Для исследований Л.В. Кальминой характерно представление общин не только в узком смысле слова – как организованных прихожан синагоги и самоуправляемого еврейского населения, но и в широком смысле – как всех евреев, проживавших на определенной территории. Из их состава она исключила только увлекшихся революционной идеей и изменивших иудейской вере. Однако этот вопрос, по нашему мнению, нуждается в дополнительном изучении. В.Ю. Рабинович отмечает, что даже известные социал-демократы Иркутска не порывали своих связей с общиной. М.А. Цукасова принимала активное участие в еврейских благотворительных и образовательных обществах, а В.Е. Мандельберг даже провел обряд обрезания своего сына [11. С. 192].

В монографии В.Ю. Рабиновича поставлена также проблема фиктивного разрыва с иудаизмом и вынужденного перехода в православие. Он считает, что в XX в. одним из способов проникновения евреев в Сибирь и другие местности вне «черты оседлости» было принятие христианства. Находились и другие причины. Б.Г. Патушинского, к примеру, на этот шаг сподвигло участие в коммерции, причем его жена и дети оставались иудеями, а сам он принимал активное участие в делах общины [Там же. С. 132–133].

В 2007 г. кандидатскую диссертацию по еврейским общинам Енисейской губернии защитила Н.А. Орехова, а в 2009 г. вышла ее совместная с Я.М. Кофманом монография [14]. Н.А. Орехова расширила хронологические рамки исследования, продлив первый (дореволюционный) период традиционного развития общин вплоть до начала 1930-х гг. и обратив внимание на

попытку их политической трансформации в первые советские годы. Особое внимание обращено на проблему реорганизации общин, их демократизацию и придание им светского характера.

Н.А. Орехова считает, что в начале XX в. центром общественно-политической жизни евреев Сибири, в которой основными политическими силами были сионисты и бундовцы, стал Красноярск. Она указывает на значительное влияние социал-демократов в городе и высокую прослойку евреев в их среде. Но, как правило, это были приезжие евреи, не связанные с общиной. Местные евреи принимали в социал-демократическом и революционном движении незначительное участие [14. С. 217–219].

Следует отметить, что в рассматриваемой работе в одинаковой степени затрагивается как «внутриобщинная», так и «внеобщинная» деятельность евреев региона. В главе «Основные направления внутриобщинной деятельности евреев Енисейской губернии» к таковым отнесены: создание молитвенных домов, совершенствование системы раввината и общинной структуры, благотворительная, образовательная и хозяйственная деятельность общин.

Наряду с обобщающими исследованиями стали появляться специальные диссертационные и монографические труды, посвященные отдельным сторонам деятельности еврейских общин. Первой такой работой по Восточной Сибири стала защищенная в 2005 г. в Улан-Удэ кандидатская диссертация Е.А. Белых об общественной и культурно-просветительной деятельности еврейских общин на территории Забайкалья, которая позднее с добавлением материалов соавторов вышла в форме коллективной монографии [15]. Кроме традиционных разделов об участии евреев в культурно-просветительной, благотворительной, образовательной деятельности в монографии содержатся главы, впервые подробно освещающие роль общин в развитии здравоохранения, типографского и издательского дела, сферы досуга и развлечений.

С 2000-х гг. центр изучения еврейских общин постепенно стал перемещаться из Восточной Сибири в Западную. В 2004 г. кандидатскую диссертацию о евреях Томской губернии защитила Н.Б. Галашова, а в 2006 г. вышла ее монография по этой тематике [16]. Государственную политику в отношении евреев и их общин конца XIX – начала XX в. она определила как антиеврейскую и поставила цель работы – дать социокультурную характеристику евреям Томской губернии посредством исследования внутренней жизни еврейских общин [Там же. С. 16].

Исследование общин опирается на впервые вводимые в научный оборот архивные документы, такие как ходатайства (прошения) евреев, приходно-расходные и метрические книги. Большое внимание уделено молитвенным обществам, а также сложившимся к началу XX в. религиозным традициям, обычаям, обрядности. Они представлены в том числе на примере деятельности построенной в Томске в XX в. Большой хоральной синагоги.

Н.Б. Галашова вслед за дореволюционными исследователями еврейской общины разделила ее членов на

«активных» и «пассивных», причисляя к последним всех тяготевших к общинным институтам и каким-либо образом содействовавшим их развитию. Именно с этой точки зрения рассмотрено участие евреев в образовательных, культурно-просветительных, благотворительных и других общественных организациях.

О.С. Ульянова избрала предметом исследования еврейское население губернского города Томска, в 2009 г. защитила кандидатскую диссертацию, а в следующем году по ее материалам вышла монография [17]. Она значительно продлила хронологические рамки исследования – вплоть до начала 1930-х гг., впервые рассмотрев внутриобщинную жизнь в 1917–1930 гг., начиная от процесса демократизации до закрытия общинного совета, национальных школ и роспуска общественных организаций при советской власти.

Автором двух монографий, обобщивших дореволюционную историю еврейских общин Западной Сибири, стал барнаульский историк Ю.М. Гончаров. В его работах применена отработанная схема анализа населения и общин. Охарактеризованы правовое положение, численность и расселение, изучены демографические процессы и хозяйственная деятельность евреев. Показана внутриобщинная и религиозная жизнь, определена роль евреев и их общинных институтов в сибирском социуме. Обращено внимание на общины малых городов региона – Мариинска, Каинска, Татарска [18, 19].

В обобщающих монографиях В.В. Романовой затронуты все проблемы еврейского населения и деятельности общин на Дальнем Востоке с XIX в. до 1920-х гг. [20, 21]. Для ее работ характерно применение сравнительно-исторического анализа дальневосточного материала по еврейской истории и материалов по сибирским регионам. К тому же в начале XX в. Сибирь официально включала территории от Урала до Тихого океана.

Компаративный анализ диаспоральных общин Приморья на протяжении всех лет их существования приняла И.О. Сагитова [22]. По сопредельному региону Восточного Казахстана, который в начале XX в. входил в Степное генерал-губернаторство (центр – Омск), имеется труд Н.В. Крутовой [23]. И. Левитац обобщил внутреннюю жизнь еврейских традиционных общин с возникновения до 1917 г. на территории России [24].

Между тем в Сибири появились работы, в которых изучены коренные изменения в деятельности еврейских общин, происходившие в 1917–1920-х гг. В монографии томских историков И.В. Нам и Н.И. Наумовой на материалах Сибири прослежена динамика изменений общинной жизни в периоды между революциями 1905–1907 гг., от октября 1917 г. до ноября 1918 г. и при колчаковской власти [25].

И.В. Нам защитила докторскую диссертацию и опубликовала монографию, в которых расширила территориальные рамки исследования, включив в них Дальний Восток, и предметом исследования избрав, наряду с еврейской, все общины и диаспоры, существовавшие на территориях регионов. Впервые в сибирской исторической литературе проведен столь

фундаментальный сравнительно-исторический анализ всех форм бытия национальных меньшинств (евреев, корейцев, поляков, украинцев, латышей, литовцев, эстонцев, немцев, мусульман) на историческом переломе в условиях смены политических режимов в 1917–1922 гг. [26, 27].

Межэтническая тематика была успешно продолжена в монографии В.Н. Шайдурова о немцах, поляках и евреях в Западной Сибири в XIX – начале XX в. [28]. В 2016 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную формированию и развитию европейских общин в Западной Сибири [29].

Законодательная политика российского государства в отношении евреев и их общин, в том числе в преломлении к сибирским евреям, охарактеризована в монографиях М.Н. Савиных и С.Л. Курас. Вместе с разделами о правовом положении евреев в Сибири обобщающих монографий они создали целостный историографический образ правового поля сибирского еврейства [30, 31].

В ряде монографий, посвященных различным аспектам истории Сибири, затронуты проблемы сибирской истории евреев и их общин. Следует отметить фундаментальную монографию кемеровского историка А.Н. Ермолаева о Мариинске, в которой специально выделены проблемы горожан иудейского вероисповедания, состояния еврейской общины и ее функционеров (раввина, ученого еврея, казначея), активности общинников в сферах экономической и общественно-политической деятельности [32]. К различным вопросам жизни евреев Енисейска обратились А.В. Аксенова и Н.В. Гонина. Исследователи констатировали «достаточно тесное взаимодействие православных христиан и представителей еврейской общины города» [33. С. 60–68, 164–168, 180–181].

Совершенно иная ситуация с исследованиями, отражающими советский период в истории еврейских общин Сибири. Данные работы не столь многочисленны, а круг их авторов значительно ограничен. Их основная проблематика – взаимоотношения государства и еврейских общин. Появились работы, специально посвященные тематике возросшего государственного давления на еврейские общины в 1920-е – начале 1930-х гг. [34–36].

Основное внимание авторов, занимавшихся проблематикой советского периода, было привлечено к истории еврейских общин во время кампании по борьбе с космополитизмом (1949–1953). Ими в первую очередь изучена жизнедеятельность нелегальных еврейских общин Кузбасса, функционировавших в Сталинске (ныне Новокузнецк), Кемерове и Прокопьевске. Сложившееся положение представляется закономерным, поскольку Кемеровская область стала сибирским центром борьбы с космополитизмом, а история еврейской общины Сталинска неразрывно связана с историей репрессивного «дела КМК» (1949–1952). К указанной теме обратились Г.В. Костырченко, В.Л. Каганов, А.В. Горбатов, Е.С. Генина [37. С. 476–482; 38; 39. С. 41, 91; 40. С. 11–65; 41. С. 37–116].

Суть взаимоотношений власти и официально действовавшей еврейской общины Омска в 1940–1960-е гг.

раскрыта Л.И. Сосковец и А.В. Горбатовым [39. С. 29, 37–44; 42]. Факт ареста председателя правления омской еврейской общины и троих членов правления в 1953 г. привел С.А. Чарный. Исследователь дал объяснение ему как одной из применявшихся властями форм преследований еврейских общин СССР в период «дела врачей» (1953) [43. С. 109].

История еврейских общин Сибири периода кампании по борьбе с космополитизмом реконструирована Е.С. Гениной. Автор выявила официально существовавшие общины (Омск, Новосибирск, Иркутск), а также существовавшие нелегально (Томск, Кемерово, Прокопьевск, Сталинск, Красноярск), определила характер и специфику взаимоотношений органов государственной власти и общин в зависимости от легального или нелегального статуса общины. Ею установлены факты репрессивного и идеологического воздействия, связанные с общинами [44. С. 121–159, 197–220]. Как только начинающую формироваться отметить тенденцию появления работ о деятельности современных еврейских организаций [45; 46. С. 357–358].

Обобщенные сведения о евреях и их общинах имеются в вышедших энциклопедиях сибирских городов и регионов. Так, в энциклопедии «Новосибирск» размещены материалы «Евреи Новосибирска» и «Иудейская религиозная община» [47, 48]. В «Исторической энциклопедии Сибири» имеется статья «Евреи» [49].

Многие упомянутые выше монографические исследования, прежде всего касающиеся непосредственно сибирских еврейских общин, вышли благодаря содействию фонда «Джойнт» и Института социальных и общинных работников Сибири и Дальнего Востока. После прекращения поддержки «Джойнтом» научных изысканий количество монографий по сибирской еврейской проблематике пошло на спад. По мнению Л.В. Кальминой, исследователи «потеряли системность и регулярность, сибирские “еврееведы” работают в автономном режиме, без какого-либо организующего начала» [7. С. 154].

С этого времени среди групп историографических источников стали преобладать статьи и материалы конференций. Еще в 1994 г. в Москве был создан Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». К настоящему времени им проведено 26 международных ежегодных научных конференций по иудаике. Публикуются работы сибирских исследователей, в том числе по состоянию и деятельности еврейских общин [50, 51]. Конференции «Сэфера» во многом сыграли роль центра притяжения для евреев Сибири, так как после прекращения региональных конференций они остались без координационного центра. Но все же интерес не угасает, просто сократилась возможность публикации крупных монографических исследований. Они в настоящее время сменились статьями, публикуемыми в академических научных журналах [52–54].

Социокультурному облику и общественной деятельности еврейских общин Западной и Восточной Сибири на протяжении XIX–XXI вв. посвятили свои научные статьи В.А. Герасимова [55] и А.В. Гимельштейн [56]. Это одна из первых попыток проследить

отдельные проблемы истории общин в крупных регионах Сибири за все периоды их существования: от возникновения до наших дней. Однако такие широкие хронологические обобщения нехарактерны для современной историографии. Она, как правило, делит историю общин на досоветский, включая инерцию первых советских лет, советский и постсоветский периоды. Для первого из них характерно относительно мирное, беспрепятственное и легальное развитие общин по сравнению с советским периодом, которому присущи государственные преследования и репрессии в отношении еврейских общин и вынужденный переход их на нелегальное существование.

Таким образом, в начале XXI в. произошел значительный подъем интереса исследователей к проблемам

истории еврейских общин в Сибири. В регионе формируются научные центры по изучению исторической иудаики, публикуются не только многочисленные статьи, но и обобщающие монографические работы, защищаются диссертации. Исследователи вводят в научный оборот новые источники, применяют для обработки данных современный методологический аппарат исторической науки. Весьма важной для организации исследований явилась практика регулярных тематических конференций, проводившихся в различных городах. Одним из значимых итогов можно назвать появление специальных библиографических работ. Очевидна необходимость подготовки обобщающей коллективной монографии по истории еврейских общин Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке : библиографический указатель отечественной литературы / сост. Л.В. Кальмина, Л.В. Курас. Красноярск : Кларетианум, 2001. 60 с.
2. Евреи Сибири и Дальнего Востока : библиографический указатель литературы на русском языке / сост. Л.В. Кальмина, Л.В. Курас, Т.А. Немчинова. Красноярск : Кларетианум, 2004. 160 с.
3. Дятлов В.И. Журнал «Диаспоры» и изучение истории еврейских общин Сибири // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов I регион. науч.-практ. конф. 4–5 ноября 2000 г. / под ред. Э.И. Черняка и Я.М. Кофмана. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 3–4.
4. Рабинович В.Ю. История сибирских евреев: проблемы и поиски // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках : сб. ст. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск : Кларетианум, 2004. С. 3–19.
5. Ивонин А.Р. Некоторые итоги изучения истории еврейского населения Сибири и Дальнего Востока на региональных научно-практических конференциях // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: сб. материалов VII регион. науч.-практ. конф. Кемерово, 21–22 августа 2006 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск–Кемерово : Красноярский писатель, 2006. С. 166–171.
6. Курас Л.В. Профессор Я.М. Кофман и современная сибирская иудаика, или Прерванная песня // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2013. № 2 (5). С. 53–68.
7. Кальмина Л.В. Сибирские евреи в трудах сибирских исследователей // История исторической науки в России XVIII–XXI вв. // Одиннадцатые Щаповские чтения : материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 12 октября 2018 г. / отв. ред. А.С. Маджаров. Иркутск : Оттиск, 2018. С. 147–157.
8. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX – февраль 1917 г.). Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2003. 423 с.
9. Мучник Ю.М. Очерки из истории евреев в досоветской Сибири. Томск : Пилад, 1997. 60 с.
10. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 172 с.
11. Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск : Кларетианум, 2002. 240 с.
12. Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX в. – 1917 г.). Красноярск : Кларетианум, 2002. 164 с.
13. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – 1917 г.). Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2003. 423 с.
14. Орехова Н.А., Кофман Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX в.). Красноярск : Красноярский писатель, 2009. 328 с.
15. Белых Е.А., Кальмина Л.В., Курас Л.В. Общественная и культурно-просветительная деятельность евреев Забайкальской области (конец 60-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2010. 191 с.
16. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 242 с.
17. Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 246 с.
18. Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Барнаул : Азбука, 2005. 108 с.
19. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – нач. XX вв.). Барнаул : Азбука, 2013. 174 с.
20. Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.). Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2000. 256 с.
21. Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX – 20-е гг. XX в.). Красноярск : Кларетианум, 2001. 292 с.
22. Сагитова И.О. Диаспоральные общины Приморского края: история и современность. Владивосток : ВФ РТА, 2007. 168 с.
23. Крутова Н.В. Евреи на земле Восточного Казахстана (нач. XVIII – XXI вв.). Усть-Каменогорск : Изд-во Обл. дома дружбы малой ассамблеи народов Восточного Казахстана, 2006. Ч. 1. 235 с.; Шыгыс-Полиграф, 2012. Ч. 2. 316 с.
24. Левитац И. Еврейская община в России (1772–1917 гг.). М. : Текст, Книжники, 2013. 656 с.
25. Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск : Кларетианум, 2003. 272 с.
26. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 50 с.
27. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
28. Шайдуров В.Н. Немцы, поляки, евреи в Западной Сибири XIX – начала XX вв. СПб. : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с.
29. Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 53 с.
30. Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине 19 – начале 20 вв. Омск, 2004. 164 с.
31. Курас С.Л. Ссылка евреев в Сибирь в законодательных актах и делопроизводственной документации (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2010. 159 с.

32. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. 743 с.
33. Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века : очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2017. 279 с.
34. Цыремпилова И.С. Еврейские общины в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е годы // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов II регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 25–27 августа 2001 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск : Кларетианум, 2001. С. 107–111.
35. Курас Л.В., Цыремпилова И. С. К вопросу о закрытии Иркутской синагоги в 1932 г. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов II регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 25–27 августа 2001 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск : Кларетианум, 2001. С. 116–119.
36. Курас Л.В., Цыремпилова И. С. Новые документы о закрытии Иркутской синагоги // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов III регион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 26–27 августа 2002 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск : Кларетианум, 2002. С. 140–143.
37. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия) : в 2 ч. М. : Междунар. отношения, 2015. Ч. II: На фоне холодной войны. 672 с.
38. Каганов В. Нелегальные еврейские общины Кузбасса. Конец 40-х – начало 50-х гг. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2. С. 46–53.
39. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 408 с.
40. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск : Кларетианум, 2003. 140 с.
41. Генина Е.С., Макаручук С.В. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953 гг.). Кемерово : КРИПО, 2018. 176 с.
42. Сосковец Л.И. Иудейская община в Омске: проблемы повседневности (1940–1960-е гг.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы IV регион. науч.-практ. конф. Биробиджан, 25–26 августа 2003 года / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск–Биробиджан : Кларетианум, 2003. С. 179–183.
43. Чарный С. Еврейские религиозные общины во время «дела врачей» // Ксенофобия: История. Идеология. Политика. / редкол.: К.Ю. Бурмистров, Р.М. Капланов, В.В. Мочалова. М. : Сэфер, 2003. С. 106–117. (Академическая серия. Вып. 13).
44. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 2009. 255 с.
45. Турецкая Е.М. Еврейские организации Новосибирска в период 1989–2004 гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : сб. материалов VIII регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 19–20 ноября 2007 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск : Красноярский писатель, 2007. С. 342–349.
46. Зарубина С.А., Макаров В.Д. Местечко тихое – Юрга... // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : сб. материалов VIII регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 19–20 ноября 2007 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск : Красноярский писатель, 2007. С. 350–358.
47. Хенкин Е.М. Евреи Новосибирска // Новосибирск : энциклопедия / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 290–291.
48. Хенкин Е.М. Иудейская религиозная община // Новосибирск : энциклопедия / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 387.
49. Романов Р.Е., Ключева В.П. Евреи // Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В.А. Ламин; отв. ред. В.И. Клименко. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. А–И. С. 514–520.
50. Кальмина Л.В. Синагога как средство самоидентификации сибирских евреев // Материалы Одиннадцатой ежегод. Междунар. междисциплинарной конф. по иудаике. / редкол.: Р.М. Капланов, В.В. Мочалова. М. : Пробел-2000, 2004. Ч. 2. С. 447–454. (Академическая серия. Вып. 16).
51. Генина Е.С. Еврейские общины Сибири в период кампании по борьбе с космополитизмом (1949–1953) // Научные труды по иудаике : материалы XVII Междунар. ежегод. конф. по иудаике. / отв. ред. В. В. Мочалова. М. : Пробел-2000, 2010. Т. II. С. 282–292. (Академическая серия. Вып. 31).
52. Кальмина Л.В. Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018. Т. 23. С. 55–61.
53. Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX – начале XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 179–185.
54. Кашаева М.В. Иудейская община Бийска в первой половине XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2 (76). С. 100–103.
55. Герасимова В.А. Еврейские общины Западной Сибири в XIX–XXI вв.: социокультурный облик // Научный диалог. 2019. № 6. С. 305–320.
56. Гимельштейн А.В. Общественная деятельность еврейских общин губернских и областных центров Восточной Сибири как средство национальной самоидентификации во второй половине XIX – XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 1. С. 127–134.

Sergey V. Makarchuk, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Elena S. Genina, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena_genina@mail.ru

Yuri M. Goncharov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yuriig@yandex.ru

ISSUES OF THE HISTORY OF JEWISH COMMUNITIES IN SIBERIA OF THE 20th – EARLY 21st CENTURY AS VIEWED BY CONTEMPORARY RUSSIAN RESEARCHERS

Keywords: historiography, contemporary Russian researchers, Jewish communities of Siberia, historical concepts, fields of research.

The current stage of historiography on the history of the Jewish communities of Siberia can be dated from the mid-1990s to the early 21st century. During this period, the main areas of research have been formed, historiographic schools established, and the geographical localization of research determined. The purpose of this paper is related to summarizing reconstruction of the research field of the authors who mainly represent the Siberian Judaic studies. This summary will allow us to form an idea of research results on the history of the Jewish communities of Siberia in the 20th – early 21st century obtained so far. Historiographic sources of this research include monographs, papers published in journals and in collections of articles issued as a result of scientific conferences, in encyclopaedic publications, as well as author's abstracts of theses and bibliographic indexes, thus, covering a significant range of studies on the issues under consideration. When conducting the analysis, the authors used the principles of historicism, objectivity, integrity, value-based approach, comparative historical and problem-chronological research methods, periodization method, retrospective (reverse) analysis and perspective analysis methods.

The author's analysis of the current historiographic situation showed that, based on the composition of studies on the history of Jewish communities in Siberia in the 20th – early 21st century, three problematic and conceptual blocks can be clearly identified. The first of them – the dominant one – covers works on the history of the Jewish communities of Siberia during the period preceding October revolution. Authors of those works reflected the trends of intracommunity life, the role and influence of communities in society,

and their existence in terms of law. The pre-revolutionary trends in the life of communities can be traced until the 1920s. The second block of works includes studies on the history of the Jewish communities of Siberia in the Soviet (Communist) period. The dominating issue in those works is characterizing the confrontation between the government and communities which manifested during the anticommopolitanism campaign of 1949–1953. The works of the third block related to the life of the Jewish communities in Siberia during the post-Soviet period are quite few. It is worth noting the emerging trend: the publication of papers generalizing the history of the Jewish communities in Siberia over all the periods of their existence.

Currently, research centres are operating both in Eastern and Western Siberia. The period of 2000–2007 should be regarded as the time of most active research due to the fact that several conferences were held on the history of the Jews of Siberia and the Far East. At present, the most pressing issue is that of developing research on the history of the Jewish communities in Siberia during the Soviet period. The need to continue studying the history of the Jewish communities of Siberia in the post-Soviet period also appears a significant task. The overall objective is the preparation of a summarizing collective monograph on the history of the Jewish communities in Siberia.

REFERENCES

- Kalmina, L.V. & Kuras, L.V. (2001) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: bibliograficheskiy ukazatel' otechestvennoy literatury* [Jews in Siberia and the Far East: a bibliographic index of Russian literature]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
- Kalmina, L.V., Kuras, L.V. & Nemchinova, T.A. (2004) *Evrei Sibiri i Dal'nego Vostoka: bibliograficheskiy ukazatel' literatury na russkom yazyke* [Jews of Siberia and the Far East: A bibliographic index of literature in Russian]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
- Dyatlov, V.I. (2000) Zhurnal "Diaspora" i izuchenie istorii evreyskikh obshchin Sibiri ["The Diaspora" Magazine and the history of the Jewish communities in Siberia]. In: Chernyak, E.I. & Kofman, Ya.M. (eds) *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka* [History of the Jewish communities in Siberia and the Far East]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–4.
- Rabinovich, V.Yu. (2004) Istoriya sibirskikh evreev: problemy i poiski [History of Siberian Jews: problems and searches]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Nekotorye problemy istorii evreev Sibiri v XIX–XX vekakh* [Some problems of the history of Siberian Jews in the 19th – 20th centuries]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 3–19.
- Ivonin, A.R. (2006) Nekotorye itogi izucheniya istorii evreyskogo naseleniya Sibiri i Dal'nego Vostoka na regional'nykh nauchno-prakticheskikh konferentsiyakh [Some results of studying the history of the Jewish population in Siberia and the Far East at regional conferences]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Issue 7. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 166–171.
- Kuras, L.V. (2013) Professor Ya. M. Kofman and Contemporary Siberian Judaica or a Stopped Song. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" – The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 2(5). pp. 53–68. (In Russian).
- Kalmina, L.V. (2018) Sibirskie evrei v trudakh sibirskikh issledovateley [Siberian Jews in the works of Siberian researchers]. In: Madzharov, A.S. (ed.) *Istoriya istoricheskoy nauki v Rossii XVIII–XXI vv.* [History of Historical Science in Russia in the 18th – 21st centuries]. Irkutsk: Otkis. pp. 147–157.
- Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [The Eastern Siberian Jewish communities (the middle of the 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
- Muchnik, Yu.M. (1997) *Ocherki iz istorii evreev v dosovetskoy Sibiri* [Essays on the history of Jews in pre-Soviet Siberia]. Tomsk: Pilad.
- Kalmina, L.V. & Kuras, L.V. (1999) *Evreyskaya obshchina v Zapadnom Zabaykal'e (60-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.)* [The Jewish community in Western Transbaikalia (the 1860s – February 1917)]. Ulan-Ude: SB RAS.
- Rabinovich, V.Yu. (2002) *Evrei dorevolutsionnogo Irkutsk: menyayushcheesya men'shinstvo v menyayushchemsya obshchestve* [Jews of pre-revolutionary Irkutsk: a changing minority in a changing society]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
- Kalmina, L.V. (2003) *Evrei Vostochnoy Sibiri: "dukhovnaya territoriya" (seredina XIX v. – 1917 g.)* [Jews of Eastern Siberia: "spiritual territory" (mid-19th century – 1917)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
- Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (mid-19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
- Orehova, N.A. & Kofman, Ya.M. (2009) *Evreyskie obshchiny na territorii Eniseyskoy gubernii (XIX – nachalo 30-kh gg. XX vv.)* [Jewish communities on the territory of the Yenisei province (the 19th – early 1930s)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
- Belykh, E.A., Kalmina, L.V. & Kuras, L.V. (2010) *Obshchestvennaya i kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' evreev Zabaykal'skoy oblasti (konets 60-kh gg. XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Social, cultural and educational activities of Jews in the Transbaikalia region (the late 1860s – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
- Galashova, N.B. (2006) *Evrei v Tomskoy gubernii vo vt. pol. XIX – nachale XX vv.* [Jews in Tomsk Province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
- Ulyanova, O.S. (2010) *Evreyskoe naselenie v ekonomicheskoy, sotsiokul'turnoy i obshchestvenno-politicheskoy zhizni goroda Tomsk (vt. pol. XIX – 20-e gg. XX stoletiya)* [The Jewish population in the economic, sociocultural and socio-political life of Tomsk (the second half of the 19th – 1920s)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Goncharov, Yu.M. (2005) *Ocherki istorii evreyskikh obshchin Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX vv.)* [Essays on the history of the Jewish communities of Western Siberia (the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka.
- Goncharov, Yu.M. (2013) *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX – nach. XX vv.)* [Jewish communities of Western Siberia (the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka.
- Romanova, V.V. (2000) *Evrei na Dal'nem Vostoke Rossii (2-ya pol. XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Jews in the Far East of Russia (the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries)]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
- Romanova, V.V. (2001) *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya vzaimootnosheniy (vt. pol. XIX – 20-e gg. XX v.)* [Power and Jews in the Far East of Russia: the history of relations (the second half of the 19th century – 1920s)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
- Sagitova, I.O. (2007) *Diasporal'nye obshchiny Primorskogo kraia: istoriya i sovremennost'* [Diasporal communities of the Primorie Territory: history and modernity]. Vladivostok: VF RTA.
- Krutova, N.V. (2012) *Evrei na zemle Vostochnogo Kazakhstana (nach. XVIII – XXI vv.)* [Jews in the East Kazakhstan (early 18th – 21st centuries)]. Ust-Kamenogorsk: Regional House of Friendship of the Small Assembly of Peoples of East Kazakhstan.
- Levitats, I. (2013) *Evreyskaya obshchina v Rossii (1772–1917 gg.)* [The Jewish community in Russia (1772–1917)]. Moscow: Tekst, Knizhniki.
- Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2003) *Evreyskaya diaspora Sibiri v usloviyakh smeny politicheskikh rezhimov (mart 1917 – fevral' 1920 g.)* [The Jewish diaspora of Siberia in the changing political regimes (March 1917 – February 1920)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
- Nam, I.V. (2008) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East in the conditions of the revolution and the Civil War (1917–1922)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
- Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskoy perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Shaydurov, V.N. (2013) *Nemtsy, polyaki, evrei v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX vv.* [Germans, Poles, Jews in Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: The Nevsky Institute of Language and Culture.

29. Shaydurov, V.N. (2016) *Formirovanie i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye evropeyskikh obshchin v Zapadnoy Sibiri v usloviyakh obshchestvennykh transformatsiy XIX – nachala XX vv.* [The formation and socio-economic development of European communities in Western Siberia in the context of social transformations of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Barnaul.
30. Savinykh, M.N. (2004) *Zakonodatel'naya politika rossiyskogo samoderzhaviya v otnoshenii evreev vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 vv.* [The legislative policy of the Russian autocracy towards Jews in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Omsk: [s.n.].
31. Kuras, S.L. (2010) *Ssylka evreev v Sibir' v zakonodatel'nykh aktakh i deloproizvodstvennoy dokumentatsii (vt. pol. XIX v. – fevral' 1917 g.)* [The exile of Jews to Siberia in legislative acts and paperwork (the second half of the 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
32. Ermolaev, A.N. (2008) *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gg.* [Provincial Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
33. Aksanova, A.V. & Gonina, N.V. (2017) *Eniseysk v posledney treti XIX – nachale XX veka. Ocherki sotsiokul'turnogo razvitiya provintsial'nogo goroda* [Yeniseysk in the last third of the 19th – early 20th centuries. Essays on the socio-cultural development of a provincial city]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University.
34. Tsyrempilova, I.S. (2001) *Evreyskie obshchiny v Buryat-Mongol'skoy ASSR v 1920-e gody* [Jewish communities in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s]. In: Kofmana, Ya.M. (ed.) *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka* [History of the Jewish communities of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 107–111.
35. Kuras, L.V. & Tsyrempilova, I.S. (2001) *K voprosu o zakrytii Irkutskoy sinagogi v 1932 g.* [On the closure of the Irkutsk synagogue in 1932]. In: Kofmana, Ya.M. (ed.) *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka* [History of the Jewish communities of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 116–119.
36. Kuras, L.V. & Tsyrempilova, I.S. (2002) *Novye dokumenty o zakrytii Irkutskoy sinagogi* [New documents on the closure of the Irkutsk synagogue]. In: Kofmana, Ya.M. (ed.) *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka* [History of the Jewish communities of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 140–143.
37. Kostyrchenko, G.V. (2015) *Taynaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm (Novaya versiya): v 2 ch.* [Secret policy of Stalin. Power and anti-Semitism (New version): in 2 parts]. Part 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
38. Kaganov, V. (1994) *Nelegal'nye evreyskie obshchiny Kuzbassa. Konets 40-kh – nachalo 50-kh gg.* [Illegal Jewish communities of Kuzbass. The end of the 1940s – early 1950s]. *Vestnik Evreyskogo universiteta v Moskve*. 2. pp. 46–53.
39. Gorbатов, A.V. (2008) *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e – 1960-e gody* [State and religious organizations of Siberia in the 1940s – 1960s]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
40. Genina, E.S. (2003) *Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Kuzbasse (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.)* [Campaign to combat cosmopolitanism in the Kuzbass (the late 1940s – early 1950s)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
41. Genina, E.S. & Makarchuk, S.V. (2018) *Bor'ba s kosmopolitizmom: politicheskie dela i razoblacheniya v Kemerovskoy oblasti (1949–1953 gg.)* [The fight against cosmopolitanism: political affairs and exposures in the Kemerovo region (1949–1953)]. Kemerovo: KRIRPO.
42. Soskovets, L.I. (2003) *Iudeyskaya obshchina v Omske: problemy povsednevnosti (1940 – 1960-e gg.)* [The Jewish community in Omsk: problems of everyday life (1940 – 1960s)]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Krasnoyarsk; Birobidzhan: Klaretianum. pp. 179–183.
43. Charnyy, S. (2003) *Evreyskie religioznye obshchiny vo vremya “dela vrachei”* [Jewish religious communities during the “case of doctors”]. In: Burmistrov, K.Yu., Kaplanov, R.M. & Mochalova, V.V. (eds) *Ksenofobiya: Istoriya. Ideologiya. Politika* [Xenophobia: History. Ideology. Politics]. Moscow: Sefer. pp. 106–117.
44. Genina, E.S. (2009) *Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (1949–1953 gg.)* [Campaign to combat cosmopolitanism in Siberia (1949–1953)]. Kemerovo: Kemerovo State University.
45. Turetskaya, E.M. (2007) *Evreyskie organizatsii Novosibirsk v period 1989–2004 gg.* [Jewish organizations of Novosibirsk in 1989–2004]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'. pp. 342–349.
46. Zarubina, S.A. & Makarovskiy, V.D. (2007) *Mestechko tikhoe – Yurga...* [Yurga, a quiet place]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'. pp. 350–358.
47. Khenkin, E.M. (2003) *Evrei Novosibirsk* [The Jews of Novosibirsk]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Novosibirsk: entsiklopediya* [Novosibirsk: An Encyclopedia]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 290–291.
48. Khenkin, E.M. (2003) *Iudeyskaya religioznaya obshchina* [The Jewish Religious Community]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Novosibirsk: entsiklopediya* [Novosibirsk: An Encyclopedia]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. p. 387.
49. Romanov, R.E. & Klyueva, V.P. (2009) *Evrei [Jews]*. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 514–520.
50. Kalmina, L.V. (2000) *Sinagoga kak sredstvo samoidentifikatsii sibirskikh evreev* [Synagogue as a means of Siberian Jews' self-identification]. In: Kaplanov, R.M. & Mochalova, V.V. (eds) *Materialy Odinnadsatoy Ezhegodnoy Mezhdunarodnoy Mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaikie* [Proceedings of the Eleventh Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies]. Moscow: Probel-2000. pp. 447–454.
51. Genina, E.S. (2010) *Evreyskie obshchiny Sibiri v period kampanii po bor'be s kosmopolitizmom (1949–1953)* [The Jewish communities in Siberia during the campaign against cosmopolitanism (1949–1953)]. In: Mochalova, V.V. (ed.) *Nauchnye trudy po iudaikie* [Proceedings on Jewish Studies]. Vol. 2. Moscow: PROBEL-2000. pp. 282–292.
52. Kalmina, L.V. (2018) *Jewish Community in Transbaikalia: Peculiarities of the Regional Self-Government. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya” – The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 23. pp. 55–61. (In Russian).
53. Goncharov, Yu.M. (2010) *Religious life as a form of national self-organization of West Siberian Jewish communities in the middle of 19th – early 20th centuries. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. 2(13). pp. 179–185. (In Russian).
54. Kashchaeva, M.V. (2012) *The Biysk's Jewish Community in the First Half of the XX Century. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4–2(76). pp. 100–103. (In Russian).
55. Gerasimova, V.A. (2019) *Jewish communities of Western Siberia in the 19th – 21st centuries: the sociocultural appearance. Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 6. pp. 305–320. (In Russian).
56. Gimelshteyn, A.V. (2012) *Public activity of Jewish communities in provincial and regional centers of Eastern Siberia as a method of national identification in the second half of the 19th – 20th centuries. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya” – The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 1. pp. 127–134. (In Russian).

М.С. Шаповалов, Э.Р. Григорян

ПРОСТРАНСТВЕННО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАИНСКА: «СИБИРСКИЙ ИЕРУСАЛИМ» ИЛИ «ВТОРОЙ ИЕРУСАЛИМ»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-10062
«Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.»*

Статья посвящена вопросам создания, эволюции и трансформации пространственно-семиотических конструктов на примере метафор с субъектом Каинск: «Сибирский Иерусалим» и «Второй Иерусалим». Обращается внимание на важность цитирования научных трудов в создании, распространении и укреплении смыслов в топонимике. Иллюстрируется способ формирования палестинской топонимики в регионе. Обозначается важность прессы и научного дискурса в реализации пространственно-семиотических конструктов, что, в свою очередь, образует культурно-пространственный феномен.

Ключевые слова: Сибирский Иерусалим; Второй Иерусалим; топонимика; Каинск; иудаика; национальная идентичность.

Метафора «Сибирский Иерусалим» хорошо и давно известна специалистам в области иудаики в Сибири. Еще в 1990-х – начале 2000-х гг. новосибирские исследователи Г.А. Ноздрин и М.В. Шиловский, а также барнаульский историк Ю.М. Гончаров широко применяли в своих работах этот пространственно-семиотический конструкт по отношению к городу Каинску (современный г. Куйбышев в Новосибирской области) [1; 2. С. 26–28; 3; 4. С. 26–28]. Палестинская номинация Каинска связывалась исследователями с заметным еврейским присутствием в жизни города. В этой связи идея обозначения Каинска «еврейским Иерусалимом» в научной литературе не вызывает отдельных исследовательских вопросов и воспринимается историками как общее место. Однако в 2010-х гг. в официальных документах г. Куйбышева и публицистических текстах распространение получил другой конструкт, вербализованный в метафоре «Каинск – “Второй Иерусалим”», где пространственно-семиотическая модель строится на ассоциации «Иерусалим – место нахождения многих объектов основополагающей религиозной значимости». Таким образом, на данный момент по отношению к Каинску применяются сразу две метафоры: «Сибирский Иерусалим» с сигнификатом «еврейский», популяризируемый научным сообществом, и «Второй Иерусалим» с сигнификатом «межконфессиональный», продвигаемый в журналистской и официальной среде. Такой поиск пространственно-семиотической идеи города, своего рода конкуренция конструктов, выраженных в метафорах «Сибирского» и «Второго» «Иерусалимов», вызывает отдельный научный интерес. Усиливает внимание к проблеме и неясность в цитировании исторических источников, к которым обращаются авторы. Поэтому в данной статье, оставив текстологический анализ метафоры «Сибирский Иерусалим» для отдельного исследования, зададимся вопросом именно формирования и эволюции пространственно-семиотических конструктов, содержащихся в метафорах с субъектом

Каинск: «Сибирский Иерусалим» и «Второй Иерусалим».

На данный момент нам неизвестен изначальный текст, в котором впервые появился конструкт «Сибирский Иерусалим». Исследователи указывали в своих работах, что такое обозначение Каинска применялось еще в XIX в. Стоит заметить, что евреи в Сибири действительно были одним из важнейших источников формирования палестинской топонимики. Библейский народ начал появляться за Уралом еще в XVII в., к XIX в. евреи, преимущественно населявшие города и приписанные к мещанскому сословию, помимо торговли, приняли участие в «сибирской золотой лихорадке». В результате к концу XIX в. евреи заняли важное место в социальном ландшафте сибирской провинции [5. С. 55], а в некоторых городах, таких как Каинск, Мариинск, Томск, проводили настолько активную и значимую деятельность (преимущественно экономическую), что стали влиять на семантические поля названий городов. Этот феномен не редкость: например, общеизвестно, что Вильнюс, считавшийся главным еврейским городом Восточной Европы, называли «Литовским Иерусалимом» [6. С. 155].

Конструкт, выраженный в метафоре «Каинск – Иерусалим», сохранился в двух публицистических текстах путешественников: этнографа и писателя Ипполита Иринарховича Завалишина, который в 1862 г. опубликовал книгу «Описание Западной Сибири», и известного российского этнографа-беллетриста Сергея Васильевича Максимова, посетившего Сибирь в начале 1860-х гг. В своей книге И.И. Завалишин писал: «Каинск – “Иерусалим” Евреев. Нигде в целой Сибири нет их столько, как в этом городе...» [7. С. 87–88]. На страницах текста С.В. Максимова была дана похожая характеристика: «Каинск сибиряки справедливо прозвали “жидовским Иерусалимом” (евреи составляют 4/5 части всего городского населения)» [8. С. 128]. Важно отметить, что С.В. Максимов в своей книге не только определяет Иерусалим значением «город, где

много евреев», но и особенно отмечает христианский контекст, который и применяет к городу Иркутску на той же странице, где рассуждает о Каинске: «...в Якутской области есть и богатые поселенцы, и изворотливые люди. Это – переселенные из Туруханского края (с Енисея на Лену) скопцы, человек до 500... Ссылка в Сибирь для них имеет еще тот религиозно-мистический смысл, что Сибирь для них обетованная земля, а Иркутск – Иерусалим, ибо сюда был сослан их живой бог, Кондратий Селиванов» [8. С. 128]. Любопытно, что сразу же после описания Каинска С.В. Максимов рассказывает про еще один город, где «евреи устраивают такой же кипучий оборотливый городок» [Там же. С. 129], речь идет о Баргузине. Значимо, что впоследствии исследователь Л.В. Кальмина назовет Баргузин по аналогии с Каинском «Забайкальским Иерусалимом» [9. С. 30].

Таким образом, этнографы С.В. Максимов и И.И. Завалишина применяли к Каинску номинацию «Иерусалим» в контексте значительного присутствия еврейского населения, метафора же «Сибирский Иерусалим» не встречалась в их текстах ни разу. На данный момент мы не можем подтвердить конструкт «Каинск – Иерусалим» другими источниками XIX в. (в том числе местной прессой) и ответить на вопрос: насколько он действительно был распространен среди местного населения. В советский период мы также не фиксируем упоминаний конструктов, выраженных в метафорах «Каинск – Иерусалим» и «Сибирский Иерусалим». Новыми властями Каинск прочно ассоциировался с названиями советского периода, в 1935 г. город был переименован в Куйбышев [10. С. 49].

Появление метафоры «Сибирский Иерусалим», очевидно, приходится на 1990-е – начало 2000-х гг. и связано, прежде всего, с именами Г.А. Ноздрин, М.В. Шиловского и Ю.М. Гончарова. При этом Г.А. Ноздрин и М.В. Шиловский (в известных нам работах) не давали ссылок на источники XIX в. с указанием метафоры «Сибирский Иерусалим». Г.А. Ноздрин лишь упоминал ее: «Особенностью того же Каинска являлось наличие крупной еврейской общины, составляющей до 30% населения, за что его называли “Сибирским Иерусалимом”» [2. С. 27]. Ю.М. Гончаров же сделал значительный шаг вперед в верификации конструкта «Сибирский Иерусалим». С 2005 по 2010 г. он несколько раз воспроизвел в своих работах текст, в котором, ссылаясь на авторов XIX в., назвал Каинск «Сибирским Иерусалимом». Приведем отрывки из его работ: «Декабрист И.И. Завалишин отметил, что Каинск в шутку называют “сибирским жидовским Иерусалимом”», – и далее: «Из города Каинска евреи умудрились сделать такой же город, каких неисчислимое множество во всем западном крае России. Каинск сибиряки справедливо называют “сибирским Иерусалимом”...» [1. С. 25, 28; 11. С. 213; 12. С. 54–55; 13. С. 32, 43]. В первом отрывке Ю.М. Гончаров приводит слова И.И. Завалишина (ссылку на работу И.И. Завалишина при этом не дает), а во втором отрывке ссылается уже на текст С.В. Максимова.

Таким образом, цитируемые Ю.М. Гончаровым тексты И.И. Завалишина и С.В. Максимова содержат

метафору «Сибирский Иерусалим», тогда как, подчеркнем еще раз, изначальные тексты XIX в. С.В. Максимова и И.И. Завалишина ее не упоминают. Первым на это рассогласование обратил внимание исследователь В.Н. Шайдуров: «Сибиряки, по сведениям С.В. Максимова, именовали Каинск не иначе как “жидовский Иерусалим” (в некоторых работах современных авторов приводится иное название Каинска – “сибирский Иерусалим” (В.Н. Шайдуров дает ссылку на статью Ю.М. Гончарова 2010 г. – *М.Ш., Э.Г.*), что не соответствует действительности)» [14. С. 83]. Подмена номинации в тексте Ю.М. Гончарова может быть объяснена попыткой избежать автором употребления неполиткорректной формулировки «жидовский Иерусалим» и заменой ее на более нейтральную. Такая версия кажется еще более состоятельной, если рассматривать ее в контексте истории переиздания работы С.В. Максимова. В 2002 г. издательство «ЭКМО-Пресс» выпустило в серии «Архив русского сыска» очередную версию книги С.В. Максимова с названием на обложке «Каторга империи» (напомним, что оригинальное название текста Максимова издания 1900 г. «Сибирь и каторга»). В издании «ЭКМО-Пресс» текст про Каинск также отличался от версии 1900 г.: «Из города Каинска евреи успели сделать такой же город, каких неисчислимое множество во всем западном крае России. Каинск сибиряки справедливо прозвали “еврейским Иерусалимом”» [15. С. 160]. Таким образом, метафора «жидовский Иерусалим» 1900 г. С.В. Максимова трансформировалась в 2002 г. в другую – в «еврейский Иерусалим» издательства «ЭКМО-Пресс», а в 2005 г. в третью – «Сибирский Иерусалим» у Ю.М. Гончарова. В случае с цитированием И.И. Завалишина Ю.М. Гончаров трансформировал метафору, взятую в первоисточнике, «Каинск – “Иерусалим” сибирских евреев» в метафору «Каинск – “Сибирский Иерусалим”».

Сформированная в научном экспертном сообществе метафора «Сибирский Иерусалим» практически без проверки стала тиражироваться СМИ (прежде всего, Новосибирской области). Ключевым текстом, где получила распространение версия «Сибирского Иерусалима» Ю.М. Гончарова, стала статья главного редактора Владимира Ивановича Кузменкина в газете «Вечерний Новосибирск» от 6 октября 2006 г.

Редактор подчеркивал: «Лишь в последние годы появились работы профессиональных историков, затрагивающие тему жизни евреев в Сибири. Пожалуй, самая обстоятельная и глубокая из них — книга уже знакомого читателям “ВН” алтайского историка Юрия Гончарова “Очерки истории еврейских общин Западной Сибири”» [16. С. 6–7]. Автор статьи «Вечернего Новосибирска» транслировал в своем тексте вариант Ю.М. Гончарова цитат С.В. Максимова («Каинск сибиряки справедливо называют “сибирским Иерусалимом”») и И.И. Завалишина («Каинск в шутку называют “сибирским Иерусалимом”»). При этом В.И. Кузменкин пошел дальше в формировании метафоры «Сибирский Иерусалим». Заголовочный комплекс его материала состоит из самого заголовка «Сибирский Иерусалим» и подзаголовка «Неизвестные страницы истории Каинска». Еще только приступая к ознаком-

лению с текстом, адресат вычитывает из заголовочно-го комплекса следующее послание: история Каинска содержит этап (или же, по-другому, «страницы») «сибирского Иерусалима», но до сих пор это было неизвестным. Так автор подчеркивал значимость своего материала: он открывал неизвестное читателю, в то же время восстанавливал забытое в истории родного города. Редактор газеты «Вечерний Новосибирск» построил текст так, чтобы читатель ответил на вопрос, почему Каинск считается «сибирским Иерусалимом»: «Каинск был одним из первых сибирских городов, в начале XIX в. официально определенных в качестве места расселения евреев» [16. С. 6–7]. Далее в материале с помощью статистических цифр и цитат доказывалось развитие города в торгово-промышленном ключе, развитие еврейской общины, и это все, в свою очередь, как рассказывает автор, приводит к появлению центра еврейской общины – синагоги. Итак, мы видим, что ведущий мотив аргументации – это евреи и «переделывание» города под свою национальную специфику.

Текст новосибирской газеты получил широкое распространение через размещение на сайте «Библиотека сибирского краеведения». Благодаря печатке в тексте статьи «Вечернего Новосибирска» (автор называет этнографа Ипполита Завалишина декабристом Иваном Завалишиным), мы можем проследить дальнейшее распространение метафоры «Сибирский Иерусалим». В 2012 г. в информационном справочнике по культуре города Куйбышева Новосибирской области (к 290-летию г. Куйбышева) «Мал городок да талантлив» авторы дословно воспроизвели текст из «Вечернего Новосибирска»: «Декабрист Иван Завалишин в шутку называл Каинск “Сибирским Иерусалимом”» [17. С. 352]. В 2016 г. в израильской газете «Еврейская панорама» вышел материал «Морозоустойчивые евреи. Так полтора века говорили о жителях сибирского Каинска», где также приводился вариант цитат Ю.М. Гончарова: «Декабрист И.И. Завалишин отметил: Каинск называют “сибирским жидовским Иерусалимом”» [18. С.42]. Помимо публицистики, метафора «Сибирский Иерусалим» стала распространяться через художественную литературу. В 2014 г. «Сибирский Иерусалим» появился на страницах книги новосибирского писателя-фантаста А.Ю. Дементьева [19].

Приведенные цитаты, за исключением той, что в газете «Еврейская панорама», обращают внимание на локализацию воспроизведения конструкта «Каинск – “сибирский Иерусалим”» в пределах Новосибирского региона. Именно для новосибирских властей и – шире – новосибирской общественности стал актуален вопрос нового поиска пространственно-семиотической идеи Куйбышева (Каинска).

При этом вариант, предлагаемый научным сообществом: «Каинск – “еврейский сибирский Иерусалим”», оказался неактуальным. Изменение конфессиональной карты Куйбышева и Новосибирской области в целом, кардинальное сокращение доли еврейского населения привело в 2010-х гг. к идее «Второго Иерусалима». Показательным в этой связи можно считать два текста: первый, уже упомянутый выше, – справочник 2012 г.

«Мал городок да талантлив», а второй – статья 2012 г. в новосибирской газете «В Сочи – через Сибирский Иерусалим». Авторы справочника, помимо метафоры «Сибирский Иерусалим» с сигнификатом «еврейский», предложили в тексте читателю конструкт «Второй Иерусалим». Справочник пояснял: «Каинск по праву называли вторым Иерусалимом, поскольку это было единственное место в Западной Сибири, где развивалось содружество культур разных национальностей (поляков, евреев, русских, татар)» [17. С. 8]. В статье «Советской Сибири» Каинск сохранил уже известную номинацию «Сибирский Иерусалим», однако ее сигнификат (значение, содержание конструкта) отделился от еврейского контекста и приобрел нееврейский контекст: «В свое время Каинск называли Сибирским Иерусалимом именно за многоконфессиональность» [20].

Продвижение и легализация идеи «Каинска – Иерусалима» со значением «многоконфессиональности» и «многонациональности» осуществлялось в 2010-е гг. новосибирской региональной прессой и краеведческими центрами Новосибирской области. Самым тиражируемым объяснением конструкта «Второй Иерусалим» стала формулировка: «В свое время Каинск называли даже вторым Иерусалимом, ведь это был единственный город в Западной Сибири, где находились не только православные храмы, но и синагога, и римско-католический польский костел» [21].

Именно с этим планом содержания метафора «Второй Иерусалим» вошла в текст инвестиционного паспорта Куйбышевского муниципального района: «Каинск называли вторым Иерусалимом, поскольку именно здесь было единственное место в Западной Сибири, где существовали синагога, римско-католический (польский) костел, немало и православных храмов» [22].

Метафора «Сибирский Иерусалим» со значением «город, где много евреев», в новосибирской региональной прессе и краеведческих материалах полностью уступила место более конфессиональным значениям. Фактически значение «Второго Иерусалима» подменило первоначальное значение «Сибирского Иерусалима», при этом тексты сохранили и даже усилили идею «Каинск – Иерусалим». Заместитель руководителя культурно-досугового центра Куйбышевского района Н.И. Павлова объясняла метафору: «В Каинске в те времена сосуществовали католический костел, синагога и православные храмы. Из-за этого он получил название “сибирский Иерусалим”. Современный Куйбышев сохранил многоконфессиональность и многонациональность как основу культурного наследия» [23. С. 16–20].

Не останавливаясь на критике исключительного положения Каинска в Сибири в конфессиональном и национальном отношении, отметим слабость данного тезиса для научного мира. Определение Каинска как «Второго Иерусалима» не получило поддержки в научном дискурсе, нами не выявлено ни одной научной работы, в которой бы использовалась данная метафора применительно к Каинску. Научное сообщество, несмотря на общий дискурс, продолжило транслировать метафору «Сибирский Иерусалим» с еврейским значением [24; 25. С. 171–174].

Пример эволюции пространственно-семиотических конструкторов, вербализованных в метафорах с субъектом Каинск: «Сибирский Иерусалим» и «Второй Иерусалим», или – шире – идеи «Каинск – Иерусалим» демонстрирует нам живой пример формирования палестинской топонимики в регионе. Евреи как универсальный носитель библейской семиотики создавали культурно-семиотический мост между Сибирью и Палестиной, отголосками которого становились палестинские топонимы. Однако к XXI в. начался процесс замещения еврейских смыслов христианскими (например, скалы Иерусалима около деревни Бальзино в Забайкальском крае). Еврейская составляющая конструктора «Каинск – “Сибирский Иерусалим”» нивелировалась также в публицистических текстах и была заменена на межконфессиональный «Каинск – “Второй Иерусалим”». Учитывая, что, очевидно, сам конструктор «Сибирского Иерусалима» имеет современное происхождение, этот процесс поиска и эволюции идеи «Каинск – Иерусалим» занял не более двух десятилетий. Интересно также, что именно от конструктора «Каинск – “сибирский Иерусалим”» была запущена цепочка создания «Сибирских Иерусалимов» в Енисейске, Баргузине («Забайкальский Иерусалим»), Албазино, Благовещенске, Биробиджане («Дальневосточные Иерусалимы»).

В этой связи нужно признать, что мы имеем дело не со случайной опечаткой источников, которая повлекла за собой трансформацию метафоры «жидовский Иерусалим» на «еврейский Иерусалим», а с целым отдельным культурно-пространственным феноменом. Мы имеем дело не просто с заменой слова, а с целым сотворчеством пространственно-семиотической модели города, реализующейся в метафорах «Каинск – “Сибирский Иерусалим”» и «Каинск – “Второй Иеру-

салим”». Пространственно-семиотическая модель города, выстроенная из данных конструкторов, в свою очередь, определила дальнейшую траекторию его развития – тому доказательство «Инвестиционный паспорт Куйбышевского муниципального района» [22].

Конструкторы заставляют нас думать не только о том, почему «Каинск – это Иерусалим», но и о том, по какой причине в качестве вспомогательного субъекта выбран Иерусалим и какой образ он несет в себе.

Существование разных Иерусалимов: «жидовских», «сибирских», «забайкальских», «литовских», «дальневосточных», «вторых», – актуализирует сакральные и концептуальные коннотации Иерусалима и генерализует их в архетипический символ. А символ, как известно, связан с памятью культуры [26. С. 20]. Без данного понимания невозможно ответить на вопрос, на каком основании Каинск (или другой город) отождествляется с ним. Иерусалим предстает как символ, в котором заключено два обобщенных значения: на данный момент «Иерусалимом» становится тот город, в котором евреи возделывают пространство, делают его процветающим, подстраивают под свои интересы, проявляют свою национальную идентичность, и город, в котором наблюдается сакрализация его пространства христианскими смыслами.

Исходя из того, что мы имеем дело с особенными пространственно-семиотическими конструкторами города (Каинск), в которых заключен символ «Иерусалим», можем сказать, что, несмотря на их отличающиеся планы содержания («Сибирский Иерусалим» и «Второй Иерусалим»), они сосуществуют в современной топонимике и культуре в целом и, взаимодействуя, эволюционируя, противопоставляясь друг другу, создают целый культурно-пространственный феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул : АзБука, 2005. 108 с.
2. Ноздрин Г. Взаимодействие уездных городов и деревни Сибири во второй половине XIX – XX в. (на примере Каинска) // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. Новосибирск, 1997. 116 с.
3. Ноздрин Г. Ерофеевы // Деловая элита старой Сибири : исторические очерки. Новосибирск : Сова, 2005.
4. Шиловский М.В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1999. С. 16–37.
5. Герасимова В.А. Сибирь толерантная? К вопросу об отношении к евреям в Западной Сибири в дореволюционный период // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2018. № 3 (42). С. 54–63.
6. Щяучонайте-Вербицкене Ю. Наша общая культура: «выученная память» о литовском Иерусалиме // Ab imperio. 2004. № 4. С. 155–167.
7. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 512 с.
8. Максимов С.В. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб., 1900. Ч. 1. 492 с.
9. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.
10. Горюшкин Л.М. Из истории Каинска в дореволюционный период // Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. Ч. I. С. 49–65.
11. Гончаров Ю.М. «Сибирский Иерусалим» (город Каинск в XIX – начале XX века) // Проблемы еврейской истории : материалы науч. конференций Центра «Сэфер» по иудайке 2007 г. 2008. С. 212–221.
12. Гончаров Ю.М. «Сибирский Иерусалим»: еврейская община города Каинска в XIX – начале XX в // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68). С. 54–57.
13. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2013. 174 с.
14. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб., 2013. 260 с.
15. Максимов С.В. Каторга империи. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 478 с.
16. Кузменкин В.И. Сибирский Иерусалим // Вечерний Новосибирск. 2006. 6 окт. С. 6–7.
17. «Мал городок да талантлив» : информационный справочник по культуре города Куйбышева Новосибирской области : (к 290-летию г. Куйбышева). Куйбышев, 2012. 403 с.
18. Шабесзон П. Морозоустойчивые евреи. Так полтора века говорили о жителях сибирского Каинска // Еврейская панорама. 2016. № 1. С. 42.
19. Дай А.Ю. Без повода : фантастический роман. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2014. 377 с.
20. Смирнов А. В Сочи – через Сибирский Иерусалим // Советская Сибирь. 2012. 6 дек. URL: <http://www.sovsibir.ru/news/126336> (дата обращения: 18.12.2019).
21. Игошин В. Автопопег «Комсомольской правды» «Ворота в Азию»: чудеса, которые мы открывали в Новосибирской области // Комсомольская правда – Новосибирск. 2017. URL: <http://bks-premier.tilda.ws/page1704742.html> (дата обращения: 18.12.2019).

22. Инвестиционный паспорт Куйбышевского муниципального района. Куйбышев, 2016. 24 с.
23. Павлова Н.И. Мы возрождаем историю... (о проекте «Каинск исторический» Куйбышевского района) // Народное творчество Новосибирской области. 2017. № 1. С. 16–20.
24. Бойко В.П., Ситникова Е.В., Богданова О.В., Шагов Н.В. Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX в. и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск). Томск : Изд-во ТГАСУ, 2017. 324 с.
25. Крестьянников Е.А. Города и горожане Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: недавние исследования сибирских историков // Российская история. 2016. № 6. С. 171–174.
26. Лотман М.Ю. Символ в системе культуры : труды по знаковым системам // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1987. Вып. 754. 144 с.

Mikhail. S. Shapovalov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: elizagri@mail.ru

Eliza R. Grigoryan, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

SEMIOTIC-SPATIAL METAPHORS ABOUT KAINSK: “SIBERIAN JERUSALEM” OR “THE SECOND JERUSALEM”

Keywords: Siberian Jerusalem, The Second Jerusalem, toponymy, Kainsk, Judaic science, national identity.

The article is devoted to the creation, evolution and transformation of semiotic-spatial constructs on the example of metaphors about Kainsk: “Siberian Jerusalem” and “The Second Jerusalem”. When and how have appeared these metaphors about Kainsk? What is the role of science and the media? How does toponymy denote the trajectory of the development of the city history? When is the question about searching a new semiotic-spatial city idea actualized? This is the main aim of our researching.

Siberian researchers (G.A. Nozdrin, M.V. Shilovskiy, Yu.V. Goncharov) used the semiotic-spatial metaphors about Kainsk in their works in 1900–2000, they named Kainsk (it is Kuibyshev today) “Siberian Jerusalem”. But we see the different metaphor about Kuibyshev (“The Second Jerusalem”) in official documents and the media in 2010. We can say about different associative bases of these metaphor-constructs: Kainsk as the city for Jews and Kainsk as the city that is important place of many religious objects. The values contained in the symbol “Jerusalem” are displayed, which determine the plans for the metaphors content: “Siberian Jerusalem” means “Jewish”, “The Second Jerusalem” means “interfaith”.

We continue to research the Jews as one of the main origins of Palestinian toponymy. The method of realizing of Palestinian place names in the region is illustrated. As an argument we can read about Vilnius as “Lithuanian Jerusalem” in works by Yu. Shchyauchyunayte-Verbitsken.

Our attention is accented to the importance of citing scientific works that can create, disseminate and improve of toponymy meanings that can be contributing to a certain trajectory of the historical development of the city.

The article analyzes the text of the newspaper “Evening Novosibirsk” (“Vecherniy Novosibirsk”) about Kainsk that is headlined “Siberian Jerusalem”. This text began to use and to boost this metaphor-construct that was created in scientific discourse. Why do this quoted texts contain metaphors about Kainsk as “Siberian Jerusalem” but at the same time there are no such metaphors in the original texts? There is the significance of the mass-media and scientific discourse in the implementation of semiotic-spatial constructs which forms a cultural and spatial phenomenon. Also, the metaphor “Siberian Jerusalem” continues to live in fiction literature. We see that the question about searching a new semiotic-spatial idea is actualized.

At the same time the metaphor “The Second Jerusalem” does not become in demand in scientific sphere.

The article mentions that the metaphor about Kainsk “Siberian Jerusalem” introduces to creating “Siberian Jerusalems” in Yeniseisk, in Barguzin (“Transbaikalian Jerusalems”), in Albazino, in Blagoveshchensk, in Birobidzhan (“Far East Jerusalems”).

REFERENCES

1. Goncharov, Yu.M. (2005) *Ocherki istorii evreyskikh obshchin Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Essays on the history of the Jewish communities of Western Siberia (19th – early 20th century)]. Barnaul: Az Buka.
2. Nozdrin, G. (1997) *Vzaimodeystvie uездnykh gorodov i derevni Sibiri vo vtoroy polovine XIX – XX v. (na primere Kainska)* [Interaction of district cities and villages of Siberia in the second half of the 19th – 20th centuries (a case study of Kainsk)]. In: Nozdrin, G. et al. *Sibir' na rubezhe XIX – XX vekov* [Siberia at the turn of the 19th – 20th centuries]. Novosibirsk: [s.n.].
3. Nozdrin, G. (2005) Erofeevy [The Erofeevs]. In: Strartsev, A.V. (ed.) *Delovaya elita staroy Sibiri: istoricheskie ocherki* [Business Elite of Old Siberia: Historical Essays]. Novosibirsk: Sovo.
4. Shilovsky, M.V. (1999) Chernosotno-monarkhicheskoe dvizhenie v Sibiri nachala XX v. [The Black-Hundred-monarchist movement in Siberia at the beginning of the 20th century]. In: Shilovsky, M.V. et al. *Voprosy istorii Sibiri XX v.* [Questions of the history of Siberia of the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 16–37.
5. Gerasimova, V.A. (2018) Is Siberia Tolerant? To the question of the attitude to jews in Western Siberia in the pre-revolutionary period. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya – Perm University Herald. History*. 3(42). pp. 54–63. (In Russian). DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-54-63
6. Shchyauchyunayte-Verbitskene, Yu. (2004) *Nasha obshchaya kul'tura: “vyuchennaya pamyat” o litovskom Ierusalime* [Our common culture: the “learned memory” of Lithuanian Jerusalem]. *Ab imperio*. 4. pp. 155–167.
7. Zavallishin, I.I. (2005) *Opisanie Zapadnoy Sibiri* [Description of West Siberia]. Tyumen: Mandr i Ka.
8. Maksimov, S.V. (1900) *Sibir' i katorga* [Siberia and Katorga]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Kalmina, L.V. (2016) Jewish merchants in Transbaikalian region in the late 19 to the early 20 century: the merchant class elite. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 21–40. (In Russian).
10. Goryushkin, L.M. (1978) Iz istorii Kainska v dorevolutsionnyy period [From the history of Kainsk in the pre-revolutionary period]. In: Lukinsky, F.A. (ed.) *Istoricheskie aspekty ekonomicheskogo, kul'turnogo i sotsial'nogo razvitiya Sibiri* [Historical aspects of the economic, cultural and social development of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp.49–65.
11. Goncharov, Yu.M. (2008) “Sibirskiy Ierusalim” (gorod Kainsk v 19th–nachale XX veka) [“Siberian Jerusalem” (Kainsk in the 19th and early 20th centuries)]. In: Mochalova, V. (ed.) *Problemy evreyskoy istorii. Materialy nauchnykh konferentsiy Tsentra “Sefer” po iudaizme 2007 goda* [Questions of Jewish history. Part 1. Proceedings of Sefer Center 2007 Scholarly Conferences in Jewish Studies]. Moscow: Knizhniki. pp. 212–221.
12. Goncharov, Yu.M. (2010) “The Siberian Jerusalem”: the Jewish Community of the Kainsk Town in the 19th – early 20th Centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4-3(68). pp. 54–57. (In Russian).
13. Goncharov, Yu.M. (2013) *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX–nachalo XX v.)* [Jewish communities of Western Siberia (the 19th – early 20th century)]. Barnaul: Azbuka.
14. Shaydurov, V.N. (2013) *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX–nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – early 20th century]. St. Petersburg: The Neva Institute of Language and Culture.

15. Maksimov, S.V. (2002) *Katorga imperii* [The penal servitude of the empire]. Moscow: EKSMO-Pres.
16. Kuzmenkin, V.I. (2006) Sibirskiy Ierusalim [Siberian Jerusalem]. *Vecherniy Novosibirsk*. 6th October. pp. 6–7.
17. Zueva, L.A. (2012) “*Mal gorodok da talantliv*”: *informatsonnyy spravochnik po kul'ture goroda Kuybysheva Novosibirskoy oblasti (k 290-letiyu g. Kuybysheva)* [“Little town has many talents”: an informational guide to the culture of Kuibyshev in Novosibirsk Region (on the 290th anniversary of Kuibyshev)]. Kuybyshev: Barabinskaya tipografiya.
18. Shabeszon, P. (2016) Morozoustoychivye evrei. Tak poltora veka govorili o zhitelyakh sibirskogo Kainska [Frost-resistant Jews. A century and a half they talked about the inhabitants of Siberian Kainsk]. *Evreyskaya panorama*. 1. pp. 42.
19. Day, A.Yu. (2014) *Bez povodyrya: Fantasticheskiy roman* [Without a guide: A fantastic novel]. Moscow: AL"FA-KNIGA.
20. Smirnov, A. (2012) V Sochi — cherez Sibirskiy Ierusalim [To Sochi — through Siberian Jerusalem]. *Sovetskaya Sibir'*. 6th December. [Online] Available from: <http://www.sovsibir.ru/news/126336> (Accessed: 18th December 2019).
21. Igoshin, V. (2017) Avtoprobg “Komsomol'skoy pravdy” “Vorota v Aziyu”: chudesa, kotorye my otkryvali v Novosibirskoy oblasti [Motor rally “Komsomolskaya Pravda” “Gateway to Asia”: the miracles that we discovered in the Novosibirsk region]. *Komsomol'skaya pravda–Novosibirsk*. [Online] Available from: <http://bks-premier.tilda.ws/page1704742.html> (Accessed: 18th December 2019).
22. Kuybyshev. (2016) *Investitsionnyy pasport Kuybyshevskogo munitsipal'nogo rayona* [Investment passport of Kuibyshev Municipal District]. Kuybyshev: [s.n.]. pp. 24.
23. Pavlova, N.I. (2017) My vozrozhdaem istoriyu... (o proekte “Kainsk istoricheskiy” Kuybyshevskogo rayona) [We are reviving history ... (about the Kainsk Historical project in Kuybyshev District)]. *Narodnoe tvorchestvo Novosibirskoy oblasti*. 1. pp.16–20.
24. Boyko, V.P., Sitnikova, E.V., Bogdanova, O.V. & Shagov, N.V. (2017) *Formirovanie arkhitekturnogo oblika gorodov Zapadnoy Sibiri v XVII–nachale XX v. i mestnoe kupechestvo (Tobol'sk, Tyumen', Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk)* [The formation of the architectural appearance of the cities of Western Siberia in the 17th – early 20th centuries and local merchants (Tobolsk, Tyumen, Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk)]. Tomsk: Tomsk State University of Building and Architecture.
25. Krestyannikov, E.A. (2016) Goroda i gorozhane Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: nedavnie issledovaniya sibirskikh istorikov [Cities and townspeople of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: recent studies of Siberian historians]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 171–174.
26. Lotman, M.Yu. (1987) Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the system of culture]. In: Lotman, M.Yu. (ed.) *Simvol v sisteme kul'tury. Trudy po znakovym sistemam* [Symbol in the system of culture. Proceedings on sign systems]. Issue 754. Tartu: [s.n.].

УДК 930.2

DOI: 10.17223/19988613/64/16

Е.С. Кирсанова

ВКЛАД Б.Г. МОГИЛЬНИЦКОГО В РАЗВИТИЕ ТОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (К 90-ЛЕТИЮ Б.Г. МОГИЛЬНИЦКОГО)

Рассматривается ранний период творчества Б.Г. Могильницкого, приходящийся на период конца 60-х – 70-е гг. XX в. Подчеркивается роль лекций, спецкурсов, методологических семинаров в выработке принципов научности и привитии навыков историографического анализа, показаны особенности взаимодействия Б.Г. Могильницкого с учениками. На примере первой монографии ученого рассматриваются принципы научного анализа, акцентируются системность анализа и вклад ученого в развитие советской историографической науки.

Ключевые слова: Б.Г. Могильницкий; историография; методология истории; философия; методологический семинар; научный руководитель; научная школа; идеология; наука.

Осмысление истории и особенностей томской историографической школы было начато самим Борисом Георгиевичем Могильницким. При этом он постоянно подчеркивал, что основания школы были заложены А.И. Даниловым, его учителем, известным историком и организатором науки [1]. В данной статье предпринимается попытка показать вклад самого Бориса Георгиевича в развитие этой школы, в формирование принципов научного историографического исследования, благодаря чему томская школа признана исследователями «...как одна из самых сильных, если вообще не самая сильная, в России школа историографических исследований» [2. С. 100; 3–5]. И, наконец, помимо юбилейной даты и желания отдать дань памяти учителю (в 2019 г. ему исполнилось бы 90 лет), есть еще одно обстоятельство, которое побуждает обратиться к этой теме.

После распада Советского Союза в работах профессиональных историков все отчетливее стала проявляться тенденция к отказу в статусе научности исторической науки советского периода, ее, по сути, объявили служанкой идеологии. Эта позиция, представленная известной коллективной монографией под редакцией Ю.Н. Афанасьева [6], вызвала дискуссию среди историков, которая продолжается до настоящего времени. Указанное обстоятельство актуализирует необходимость в исследовании советской науки уже с позиций сегодняшнего дня, и в последние годы появился целый ряд работ, авторы которых пытаются решить проблему соотношения идеологии и научности в трудах корифеев советской исторической науки [7–9 и др.].

В качестве источника для анализа выбраны работы раннего периода творчества Бориса Георгиевича, посвященные отечественной историографии XIX – начала XX в., это преимущественно период конца 60-х – 70-х гг. XX в., которые можно считать годами расцвета томской историографической школы, а также личные наблюдения, накопленные в годы студенчества, обучения в аспирантуре и совместной работы на историко-филологическом факультете ТГУ.

Знакомство с преподавательской манерой и научным подходом Б.Г. Могильницкого начиналось с его

лекций. Первая лекция, прочитанная им для нас, первокурсников, была о предмете исторической науки; кроме этой лекции до третьего курса он нам больше ничего не читал тогда. Но эта лекция врезалась в память сразу. Он вошел в аудиторию и написал на доске: «*Historia magistra vitae est*», – и этой фразой сразу обозначил одну из серьезнейших задач и проблем исторической науки. Как я узнала позже, когда напомнила ему об этом, ни до нас, ни после так свою лекцию он не начинал. Но это был 1969 г. – год издания его первой монографии, где эта проблема связи исторической науки и современности была, пожалуй, основной. Потом были лекции Б.Г. по методологии истории для всего потока историков, спецкурс по историографии всеобщей истории, но это было позже.

На лекциях всегда собирались полные аудитории. Лишенные внешней аффектации, лекции Б.Г. Могильницкого привлекали слушателя безупречной логикой построения, насыщенностью (на лекциях рассматривались вопросы, не освещавшиеся в те годы в учебной литературе, недостаток, а часто и полное отсутствие которой был весьма ощутимы для студентов), аналитичностью, спокойной уверенной манерой чтения, за которой ощущались и владение материалом, и высокий уровень общей культуры лектора. Переработанные в учебные пособия и изданные большими тиражами, сегодня лекции по истории исторической мысли выполняют свою информационную функцию для всех, кто интересуется методологическими и историографическими вопросами исторической науки.

Не одно поколение студентов, специализирующихся на кафедре истории Древнего мира и Средних веков, хранят в памяти спецсеминары Б.Г. Могильницкого. [10, 11]. На них в процессе обсуждения студенческих докладов, посвященных конкретным историографическим вопросам, Борис Георгиевич настойчиво стремился привить студентам исходные установки, без которых немислимо настоящее историографическое исследование: прежде, чем оценивать и критиковать исторические взгляды историка прошлого, надо реконструировать и понять их суть, хорошо знать события

прошлого, о которых исследуемый автор ведет речь, учитывать социально-исторический контекст, в котором создано произведение, – так у студентов складывалось представление о сложности и многослойности историографического исследования. Обязательным условием было то, что оценка и критика исторических концепций должны вестись с позиции уважительного отношения к их создателям. «Помните, – любил повторять он, – что они не могут Вам ответить». «Забудьте “лакеев” и “приказчиков буржуазии”, – вторил ему его младший коллега по кафедре, Г.К. Садретдинов, имея ввиду ленинские оценки, – для вас они – ученые, принесшие славу и признание отечественной медиевистике».

Нельзя обойти вниманием ежемесячные факультетские методологические семинары под руководством Б.Г. В то время, когда на некоторых факультетах посещение методологических семинаров обеспечивалось директивно, на «семинары Могильницкого» старались не опаздывать, так как для опоздавших попросту не оставалось мест в большой поточной студенческой аудитории. Эти семинары считали «своими» не только историки, но и философы, филологи, экономисты, причем не только университетские. Обсуждение докладов, которые, как правило, посвящались дискуссионным вопросам социально-исторического познания, длилось порой часами. Кульминационным же моментом семинара всегда было выступление Бориса Георгиевича. Его ждали, зная, что «он воздаст по заслугам» каждому участнику дискуссии, несомненно, отметив сильные и слабые стороны их позиций, и выскажет и свое мнение по поводу обсуждавшейся проблемы. «Я прихожу сюда учиться», – говорила о семинарах Б.Г. Могильницкого профессор М.Е. Плотникова, одна из ярких представительниц преподавательского корпуса истфака в 60–80-е гг., исследовавшая проблемы Гражданской войны в Сибири и обучившая за свою жизнь несколько поколений студентов и аспирантов. Эти же слова с еще большим основанием могли сказать десятки молодых преподавателей, начинавших свою педагогическую деятельность.

Известно, что А.И. Данилов оказал определяющее влияние на формирование научных интересов Бориса Георгиевича. Главным, чем обязан Могильницкий своему учителю, следует считать привитие любви к научному творчеству. Позже эта зародившая в конце 1940-х – начале 1950-х гг. духовная связь между учеником и учителем переросла в тесное научное сотрудничество, продолжавшееся до самой кончины А.И. Данилова в 1980 г., сотрудничество, основным результатом которого стали не только совместно написанные работы [12–14], но и – главное – начавшая формироваться уже тогда (в начале 1960-х гг.) томская историографическая школа.

В серии ранних статей, посвященных творчеству Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина, И.Д. Луцицкого, Б.Г. Могильницкий предстает как исследователь, владеющий всеми приемами историографического мастерства, усвоенного им от своего учителя: тщательный анализ историографического материала, умелое сопоставление историографических источников при

их интерпретации, доказательность выводов и историографических оценок. В этих же работах проявилось и то, что подметила Л.Т. Мильская, хорошо знавшая Бориса Георгиевича и Александра Ивановича (с которым она не один год проработала в редакционной коллегии сборника «Средние века»). «Добросовестность и объективность как человеческие черты, роднящие Б.Г. Могильницкого и А.И. Данилова, были присущи научному творчеству Бориса Георгиевича всегда», – сказала она мне в одном из разговоров. Слова Лидии Тихоновны перекликаются с высказываниями Генриха Кутдусовича Садретдинова (ученика А.И. Данилова, вместе со своим учителем прибывшего в Томск из Казанского университета, читавшего нам лекции по истории Средневековья) о том, что именно увлеченность наукой и порядочность – это те черты, которые Данилов видел в своем ученике и очень любил и ценил его за это.

Уже в своих ранних работах, как и в кандидатской диссертации, посвященной творчеству Д.М. Петрушевского, защищенной им в 1958 г. в МГУ, Б.Г. Могильницкий особое внимание уделил идейно-методологическим основам исторических работ историков, рассматривая их в широком контексте идейно-политической борьбы в пореформенной России. Именно внимание к парадигмальной стороне анализируемых исторических воззрений Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина и И.Д. Луцицкого позволило Б.Г. Могильницкому прийти к выводу о существовании в русской медиевистике единого направления, связанного общностью научной проблематики, методологических и политических позиций. В 1965 г. в статье «У истоков социально-экономического направления в русской буржуазной медиевистике» Б.Г. Могильницкий дал название этому направлению, которое стало общепринятым в советской историографии.

Вскоре после защиты в 1967 г. докторской диссертации Б.Г. издает на ее основе монографию «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 1900-х гг.». Эта монография явилась свидетельством того, что в отечественную историографию пришел ученый, достойный продолжателем принципов методологического исследования, которые были выдвинуты и реализованы в эталонном для научной историографической школы исследовании А.И. Данилова, его монографии «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв.». Подчеркнем, не только продолжать, но и двигаться дальше, развивая эти принципы и создавая новые парадигмальные образцы исследований в сфере историографии.

Данный труд Б.Г. Могильницкого был отмечен специалистами в области историографии. Так Е.В. Гутнова среди достоинств работы отмечает, например, стремление избежать схем и шаблонов в оценке рассматриваемых историографических явлений, сопоставление взглядов рассматриваемой группы историков с историческими воззрениями представителей аналогичных течений западноевропейской либеральной историографии, наблюдения автора над методическими приемами медиевистов и др. [15. С. 160]. Пере-

числим главное, что дает основания считать эту работу образцом концептуального историографического исследования и сегодня.

1. Производит впечатление масштаб исследования, для которого характерно внушительное количество произведений историков, избираемых авторов в качестве предмета исследования. Это труды Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина, И.Д. Лучицкого, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера и В.К. Пискорского. Б.Г. Могильницкий объединяет их в единое «социально-экономическое направление» на основе общности их методологических воззрений и сходства политических взглядов. При этом ученый подчеркивает, что понятие «русская медиевистика» употребляется им расширительно. В него включаются не только медиевисты в собственном смысле этого слова, но и те историки, которые на протяжении своей научной деятельности интересовались проблемами западноевропейского феодализма и оставили в этой области оригинальные исследования, т.е., по сути, речь идет о всеобщих историках [16. С. 6].

2. При чтении этой работы обращаешь внимание на глубокое знание ее автором философских концепций, на основании которых выстраивались исторические взгляды историков, чьи работы подвергались анализу. Указанное обстоятельство выгодно отличало монографию Могильницкого от большинства отечественных историографических работ 60-х гг. XX в., авторы которых имели, как правило, весьма смутные представления как о немарксистской философии, так и о марксистской тоже. Это позволяло автору избежать трафаретных ярлыков и оценок методологических платформ творчества русских медиевистов и разговаривать, что называется, «на равных» с героями своего произведения.

3. В своем исследовании Б.Г. Могильницкий едва ли не впервые в отечественной историографической науке предпринимает сознательную попытку соединить и применить при анализе исторической мысли три основных подхода. Это подходы структурный, генетический и функциональный.

Анализируя взгляды русских историков на исторический процесс Б.Г. Могильницкий выявляет взаимозависимость и взаимосвязь конкретно-исторических элементов в его структуре с философскими, методологическими и политическими элементами, подчеркивая в то же время относительную *независимость*, самостоятельность указанных элементов. Демонстрируя преемственность выявленного им историографического направления установкам предшествующего этапа развития медиевистики, подчеркивая при этом и эволюцию во взглядах отдельных историков, автор реализует генетический подход. Использование функционального метода позволило ему раскрыть воздействие выводов, к которым приходили ученые относительно исторического процесса, на общественно-политическую атмосферу в стране, что, в свою очередь отражалось и на формировании леволиберальной идеологии. Стоит особенно подчеркнуть последний момент, так как для большинства историков 60-х гг. XX в. был характерен подход, акцентирующий влияние не историков на вы-

работку идеологии, а, наоборот, подчеркивалось воздействие идеологических установок на творчество историков [16. С. 38–39].

4. Монография Б.Г. Могильницкого насыщена выводами, имеющими концептуальный характер для историографии. Это выделение этапов в развитии либеральной медиевистики в России, акцентирование несовпадения времени начала кризиса методологии в западноевропейской и российской исторической науке, выводы о характере неоднозначности влияния позитивизма, «наложившего неизгладимый отпечаток» на методологию русских историков, в своей историографической практике уклонявшихся от «генерального пути, начертанного для них теоретиками позитивизма», о влиянии дискуссии о судьбах русской общины, развернувшейся во второй половине XIX в. в российской научной и публицистической литературе, на научную проблематику работ русских историков, о научной ценности трудов русских историков, посвященных исследованию европейского феодализма, их влиянии на западноевропейскую медиевистику и др. После выхода монографии одни ученые станут солидаризироваться с утверждениями Могильницкого, другие – оспаривать их, но благодаря появлению его работы перечисленные выводы превратились в историографические факты, свидетельствовавшие о складывании нового, более основательного осознания эволюции исторической науки в XIX в. в советской историографической науке 70–80-х гг. XX столетия.

5. Наконец, являясь по своему характеру историографической, монография, по сути, может рассматриваться как первое системное изложение сложившихся у Б.Г. Могильницкого к концу 1960-х гг. методологических идей, касающихся природы и функций исторического познания, предмета исторической науки, специфики исторического факта и исторической теории, соотношения субъективного и объективного подходов в практике исторического исследования, о природе исторической закономерности. Не все эти идеи в монографии артикулированы, но позиция автора по данным вопросам достаточно хорошо видна в его анализе идейно-теоретических основ социально-экономического направления историографической практики принадлежавших к нему историков. Учитывая то, что в 1970–1990-е гг. исследовательский интерес Б.Г. Могильницкого будет направлен в первую очередь на разработку теории исторического познания, можно сказать, что из его первой монографии «вышли» не только его многие ученики. Из нее, если иметь в виду поздний период творчества ученого, «вышел» он сам.

Оценивая значение ранних работ Б.Г. Могильницкого, хотелось бы обратить внимание на один важный момент. Гносеологическая проблематика исторической науки находится на стыке интересов историков и философов. Возможно, по причине отсутствия интереса к рефлексии своей методологии со стороны большинства советских историков, возможно, вследствие невысокого уровня их философской культуры эта проблематика с конца 1960-х гг., когда появилась возможность ее изучения, оказалась в поле исследова-

тельского внимания прежде всего философов (И.С. Кон, А.В. Гулыга, В.В. Косолапов, А.И. Ракитов, Э.Н. Лоонэ и др.). В Томске, в частности, разработкой проблем теории исторического познания занялся ряд талантливых учеников выдающегося советского философа П.В. Копнина (А.И. Уваров, Г.М. Иванов, М.П. Завьялова и др.), которые часто выступали на методологических семинарах историков, участвуя в дискуссиях по проблемам исторического познания. Как подчеркивал в свое время ученик Могильницкого Л.Н. Хмылев, «...теоретико-методологическое перевооружение исторической науки началось не в 80-е, а в 60-е гг. и протекало в форме возрождения методологии истории, в частности дискуссий о предмете исторической науки и азиатском способе производства» [17. С. 44].

Работы философов об историческом познании в то время сыграли, безусловно, положительную роль в пробуждении интереса историков к методологическим основам своего творчества и философии в целом. Однако в этих работах проявилось и то, что напоминало историков томской историографической школы: экстраполяция общеполитической теории познания, разработанной на основе анализа познавательного процесса главным образом в естествознании, на познавательную ситуацию в исторической науке. Пола-

гая, что метод исторического исследования невозможно вывести из общеполитических доктрин и тем более из гносеологических принципов других областей знания, Б.Г. Могильницкий являлся, пожалуй, самым последовательным в отечественной науке сторонником идеи о методологии истории как следствии анализа уроков исторической науки прошлого и ее современного состояния. По его убеждению, только изучая сложный процесс развития исторического познания и расплетая канву столкновений научных направлений, школ и исторических концепций от прошлого до современности, мы можем получить представление о том, какие методы исторического исследования наиболее результативны сегодня и какие перспективы ожидают историческое познание в будущем.

На основании только перечисленного можно утверждать, что и сегодня первая монография Б.Г. Могильницкого, подводящая итог его ранним исследованиям, может рассматриваться как образец теоретического историографического исследования. Его работы конца 1960-х – 1970-х гг. принесли известность и признание молодому ученому, и уже в начале 70-х гг. XX в. исследователи в области историографии и методологии истории стали говорить о томской историографической школе [17. С. 117].

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильницкий Б.Г. Творческий путь А.И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века // *Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории*. М., 2006. Вып. 17. С. 200–223.
2. Согрин В.В. Современная историографическая революция // *Новая и Новейшая история*. 2009. № 3. С. 99–106.
3. Шарифжанов И.И., Ягудин Б.М. Историографическая революция последней трети XX века (рец. на кн.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века) // *Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории*. М. : ИВИ РАН, 2010. № 33. С. 361–373.
4. Гросул В.Я. Проблемы методологии истории в современной российской литературе // *Труды по теории истории*. М., 2014. С. 484–500.
5. Мягков Г.П., Чиглинец Е.А. Б.Г. Могильницкий: «...отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося ученого // *Ученые записки Казанского университета*. 2014. Т. 156, кн. 3: Гуманитарные науки. С. 283–288.
6. Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьев и др. М. : РГГУ, 1996. 592 с.
7. Репина Л.П. Идеи – концепции – люди, или Как писать историю медиавистики сегодня? (К 100-летию Е.В. Гутновой) // *Средние века*. 2014. № 3-4. С. 406–422.
8. Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М. : ИРИ РАН, 2017. 248 с.
9. Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века : очерки. М. : ИРИ РАН, 2014. 218 с.
10. Кирсанова Е.С. Борису Георгиевичу Могильницкому – 75 лет // *Борису Георгиевичу Могильницкому – 75 лет / сост. и авт. вступ. ст. Е.С. Кирсанова*. Томск, 2003. С. 3–18.
11. Рамазанов С.П. О педагогической деятельности Б.Г. Могильницкого // *Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории*. М. : ИВИ РАН, 2014. № 47. С. 15–20.
12. Данилов А.И., Могильницкий Б.Г. Германия в XII–XIII вв. // *История средних веков*. М., 1966. Т. 1.
13. Данилов А.И., Могильницкий Б.Г. Общинная теория // *Советская историческая энциклопедия*. М., 1967. Т. 10.
14. Данилов А.И., Могильницкий Б.Г. Рец. : М.А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XIII вв. // *Новая и новейшая история*. 1974. № 3. С. 191–193.
15. Гутнова Е.В. Рец. на кн.: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиавистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. 408 с. // *Вопросы истории*. 1972. № 2. С. 160–163.
16. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиавистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. 408 с.
17. Хмылев Л.Н. Проблемы кризиса современной исторической науки. // *Историческая наука на рубеже веков : материалы Всерос. науч. конф.* / отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. 1. С. 41–48.
18. Grabski A.F. Prace historykow tomskich z zakresu metodologii historii i historii historiografii // *Historyka*. 1972. Т. III.

Ekaterina S. Kirsanova, Seversk Technological Institute – branch of National Research Nuclear University “MEPhI” (Seversk, Russian Federation), E-mail: zavkir@mail.ru

CONTRIBUTION OF B.G. MOGILNITSKI TO THE DEVELOPMENT OF THE TOMSK HISTORIOGRAPHICAL SCHOOL (TO THE 90th ANNIVERSARY OF B.G. MOGILNITSKI)

Keywords: B.G. Mogilnicki, historiography, history methodology, philosophy, methodological seminar, scientific leader, scientific school, ideology, science.

The appeal to the work of the scientist famous by his works on historiography and methodology of the history is relevant for several circumstances. It is not limited only by the desire to pay tribute to the memory of the teacher in connection with the anniversary date. In addition to this important reason, there is also a need to emphasize his contribution to the development of the Tomsk Historiographical School, the foundations of which were laid by the B.G. Mogilnitski's teacher A.I. Danilov, about which Boris Georgievich himself wrote repeatedly. At the same time, the rethinking of Soviet historiographical science, taking place in modern Russian historiography and often

expressed in its refusal in the status of science, requires a concrete analysis of the works of outstanding Russian historians and to sift out ashes from cinders, rather than bare denial. The article considers the works of the early period of the creativity of Boris Mogilnitski, late 60s – 70s of the 20th century, among which a special place is taken by the monograph, the final study devoted to the national historiography of the 19th – early 20th century and presented by the names of D. M. Petrushevsky, A.N. Savin, I.D. Lucitsky, M.M. Kovalevsky, N.I. Kareev, P.G. Vinogradov, R.Y. Vipper and V.K. Piskorsky. This period of scientific activity of Mogilnitski can also be considered the years of the rise of the Tomsk Historiographic School.

Based on the analysis carried out, the author of the article comes to the following conclusions such as: 1. Certain scale of a research. 2. It is noted that for the first time in the Russian historiographic science Mogilnitski made a conscious attempt to combine and apply in the analysis of historical thought three main approaches – the structural, genetic and functional approaches. The systemicity of the analysis allowed the scientist to combine the group of investigated historians into a single “socio-economic direction”.

3. It is also worth noting the author’s conclusion about the influence of historians on the production of ideology, while his contemporaries researchers insisted on the influence of ideological attitudes on the creativity of historians. The principles of the scientific approach implemented by Mogilnitski in research were instilled in students and postgraduate students in his pedagogical practice, where regular methodological seminars took a special place.

On the basis of the above, it can be argued that today, despite the Marxist paradigm within which the study was carried out, this work can be considered as a model of theoretical historiographic research. Thanks to which researchers already in the early 1970s began to talk about the Tomsk Historiographic School.

REFERENCES

1. Mogilnitsky, B.G. (2006) *Tvorcheskiy put' A.I. Danilova i problema preemstvennosti v razvitiy otechestvennoy istoriko-teoreticheskoy mysli XX veka* [A.I. Danilov’s creative way and the problem of continuity in the development of Russian historical and theoretical thought of the 20th century]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii*. 17. pp. 200–223.
2. Sogrin, V.V. (2009) *Sovremennaya istoriograficheskaya revolyutsiya* [Modern historiographic revolution]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 3. pp. 99–106.
3. Sharifzhanov, I.I. & Yagudin, B.M. (2010) *Istoriograficheskaya revolyutsiya posledney treti XX veka* [The historiographic revolution of the last third of the twentieth century]. *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii*. 33. pp. 361–373.
4. Grosul, V.Ya. (2014) *Problemy metodologii istorii v sovremennoy rossiyskoy literature v sbornike: Trudy po teorii istorii* [Problems of the methodology of history in modern Russian literature. In the collection: Proceedings of the Theory of History]. Moscow: [s.n.]. pp. 484–500.
5. Myagkov, G.P., Chiglintsev, E.A. & Mogilnitsky, B.G. (2014) “...otyskat' vozmozhnost' dukhovno-nravstvennogo vrozozhdeniya nauki i vsego obshchestva”. *Pamyati vydayushchegosya uchenogo* [“... to find an opportunity for a spiritual and moral revival of science and the whole society”. In memory of an outstanding scientist]. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta*. 156(3). pp. 283–288.
6. Afanasiev, Yu.N. et al. (1996) *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
7. Repina, L.P. (2014) Ideas – conceptions – persons, or How we should write a history of medieval studies today? *Srednie veka*. 3-4. pp. 406–422.
8. Sidorova, L.A. (2017) *Sovetskie istoriki: dukhovnyy i nauchnyy oblik* [Soviet historians: spiritual and scientific appearance]. Moscow: RAS.
9. Tikhonov, V.V. (2014) *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka* [Historians, ideology, power in Russia of the 20th century]. Moscow: RAS.
10. Kirsanova, E.S. (2003) *Boristu Georgievichu Mogil'nitskomu – 75 let* [Boris Georgievich Mogilnitsky –75 years]. In: Kirsanov, E.S. (ed.) *Boristu Georgievichu Mogil'nitskomu – 75 let* [Boris Georgievich Mogilnitsky –75 years]. Tomsk: [s.n.]. pp. 3–18.
11. Ramazanov, S.P. (2014) *O pedagogicheskoy deyatel'nosti B.G. Mogil'nitskogo* [About B.G. Mogilnitsky’s pedagogical activity]. *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii*. 47. pp. 15–20.
12. Danilov, A.I. & Mogilnitsky, B.G. (1966) *Germaniya v XII – XIII vv.* [Germany in the 12th – 13th centuries]. In: Karpov, S.P. (ed.) *Istoriya srednikh vekov* [History of the Middle Ages]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
13. Danilov, A.I. & Mogilnitsky, B.G. (1967) *Obshchinnaya teoriya* [Community Theory]. In: Zhukov, E.M. (ed.) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 10. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
14. Danilov, A.I. & Mogilnitsky, B.G. (1974) *Rets.: M.A. Alpatov. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa XII — XIII vv.* [Review: M.A. Alpatov. Russian historical thought and Western Europe in the 12th – 13th centuries]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 3. pp. 191–193.
15. Gutnova, E.V. (1972) *Rets. na kn.: Mogil'nitskiy B.G. Politicheskie i metodologicheskie idei russkoy liberal'noy medievistiki serediny 70-kh godov XIX v. – nachala 900-kh godov*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1969. 408 s. [Review: Mogilnitsky B.G. Political and Methodological Ideas of Russian Liberal Medieval Studies of the Mid-70s of the 19th – early 1900s. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1969. 408 p.]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 160–163.
16. Mogilnitsky, B.G. (1969) *Politicheskie i metodologicheskie idei russkoy liberal'noy medievistiki serediny 70-kh godov XIX v. – nachala 900-kh godov* [Political and Methodological Ideas of Russian Liberal Medieval Studies of the Mid-70s of the 19th – early 1900s]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Khmylev, L.N. (1999) *Problemy krizisa sovremennoy istoricheskoy nauki* [Problems of the modern historical science crisis]. In: Mogilnitsky, B.G. (ed.) *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov* [Historical science at the turn of the century]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 41–48.
18. Grabski, A.F. (2006) *Prace historykow tomskich z zakresu metodologii historii i historii historiografii*. *Historyka*. 3. pp. 117.

УДК 94(47+57)«1900-1940»
DOI: 10.17223/19988613/64/17

И.В. Сидорчук

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-20006
«Российская наука в эпоху системных трансформаций, 1914–1934 гг.».*

ПРОБЛЕМА КОМПРОМЕТАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ «БОЛЬШОЙ НАУКИ»

Осуществлена попытка рассмотрения особенностей изменений установок в области гуманитарного знания на основе нескольких кейсов из истории отечественной науки конца XIX – первой трети XX в. Речь идет о проектах радикального пересмотра методов гуманитарных наук. Автор приходит к выводу, что подобные идеи являлись неотъемлемой чертой поля научных экспериментов периода системной трансформации научного знания и создания «большой науки». При этом они могли приводить к девальвации и компрометации гуманитарного знания.

Ключевые слова: история науки; наука и власть; методы гуманитарных наук; наука в СССР; братья Гордины.

По мнению литературоведа Ихаба Хассана, известного своими работами по исследованию постмодернизма, несмотря на то что современность всегда стремилась провозгласить смерть культурных форм, «гуманитарные науки меняются и все еще сохраняют свою прометеевскую роль». Дух исследователя и преобразователя жизни вдохновляет их представителей и показывает их истинную смелость и магию, являясь залогом спасения их дисциплин [1. Р. 600, 611]. Подобные рассуждения, призванные утвердить веру в значимость гуманитарного знания, весьма типичны в условиях распространенности критики авторитета официальной науки и частой неочевидности границ науки и околонатуры. Проблемы приспособления под чужие, подчас крайне невыгодные для них, правила игры, формирования аутоимиджа и борьбы с угрозой маргинализации из-за своей чистой академичности в сочетании с дисциплинарной изоляцией и отчужденностью от естественных наук видятся актуальными как отечественным, так и зарубежным ученым [2, 3]. Для России подобная ситуация не нова, учитывая противоречивость насыщенного социально-политическими и идеологическими изменениями XX века. [4. С. 3–4], когда вектор развития научного и технического знания зависел не только от решений непосредственно ученого сообщества, но и от воли государства, являвшегося главным, а в советских условиях и единственным источником его финансирования. В данной работе нам бы хотелось обойти традицию обращения к 1917 г. как к границе в истории науки, так как период строительства «большой науки», под которой, вслед за А. Кожевниковым, мы понимаем результат реформирования науки, включавший в себя создание новой, поддерживаемой государством институциональной системы исследований, национальную сеть исследовательских институтов и ориентацию на национальные практические потребности, начался раньше [5. С. 88–89]. Ключевым в переходе к нему для России, как и для ряда других стран, стало начало Первой мировой войны [6–8]. Она

нанесла сильнейший удар по научному интернационализму, и идея общечеловечности науки сменилась ее пониманием как способа помощи стране и нации, носителями и пропагандистами которого являлись в том числе и ученые [9. Р. 49]. В статье предпринята попытка на основе нескольких кейсов из истории отечественной науки рассмотреть некоторые особенности изменений установок в области гуманитарного знания, которые, как нам представляется, могут дополнить картину истории отечественной науки и допускают актуализацию на современном этапе развития научного знания.

Неслучайным фоном существования гуманитарных наук в рассматриваемый нами период являлось наличие стремления к редуцированию устоявшегося научного знания, что могло сочетаться как с попытками подрыва доминирующих консервативных устоев, так и с научным ревизионизмом. Практики компрометации той или иной теории в рамках гуманитарных дисциплин традиционно связываются с ранним советским периодом, хотя такие их составляющие, как подчинение идеологической схеме, безапелляционность и провозглашение альтернативной лженаукой, отнюдь не являются творением большевиков и борцов за марксизацию 1920–1930-х гг. Например, студенты в императорской России в рамках обязательного университетского курса богословия почти наверняка слышали про опасность «лжеучений», способных отвести молодого человека от пути истинного христианина. Так, занимавший более 40 лет (1874–1915) кафедру богословия в Санкт-Петербургском университете В.Г. Рождественский сообщал о «новейших врагах Христова», более опасных, чем гонители христианства прошлого, «потому что новейшие враги Христова действуют оружием несравненно более опасным, чем даже огонь и меч, каким действовали гонители первых христиан: они действуют оружием искусного слова, авторитетным именем науки, распространяя под знаменем последней разнообразные лжеучения, прельщающие умы не-

опытные своей новизною, лстящие человеческой гордости, в особенности человеческой чувственности» [10. Стб. 1585]. Таким образом, профессора богословия, транслируя с кафедры или амвона университетской церкви идеи верности монархии и веры как необходимой составляющей научного познания, давали прекрасный пример критики неугодных теорий, далекий от академических дискуссий.

При этом взамен подчас предлагались идеи, далекие от научности и лишь способствовавшие компрометации и дискредитации гуманитарного знания. Ярким примером является творчество Дмитрия Павловича Мартынова (1856–1900). Он был сыном священника, окончил Ярославскую духовную семинарию, после чего поступил на физико-математический факультет Московского университета. До 1886 г. преподавал математику в различных провинциальных гимназиях, а затем был назначен инспектором народных училищ Новгородской губернии. С 1891 г. и до своей кончины являлся директором народных училищ Олонецкой губернии [11. С. 1–2]. Его коллеги видели в нем искренне преданного своему делу человека, много сделавшего для развития образования в регионе [12]. Он являлся преданным сторонником режима, стремившимся распространить то же верноподданничество среди учащихся. В предисловии к своей книге для чтения по отечественной истории он заявлял, что «каждый русский человек с юных лет должен возлюбить свою веру, своего царя и свое отечество – возлюбить их всем сердцем своим и всем помышлением своим», а, следовательно, курс истории в народных училищах должен быть курсом «первой любви» к ним [13. С. 2 обл.]. Стоит ли говорить, что книга изобилует предвзятыми интерпретациями и искажениями прошлого страны [14]. Известность же он получил благодаря идеям в области языкознания. Именно с ним Н.С. Трубецкой сравнивал создателя «нового учения о языке» Н.Я. Марра [15. Р. 317] благодаря книге «Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания» (1897), ставшей популярной у психиатров и поэтов-авангардистов. В ней Мартынов, в частности, утверждал, что вся речь происходит от слова «есть». А вот пример объяснения происхождения слов: «А что есть истина? Отвечаю: истина есть истень=ястень=ясьть=ясьсь=яцьць=ць! ць! ць!.. Вот начало и вот конец премудрости! *Безпрерывное богоначертанное мировое ядство, безпрестанно созидающее более совершенных ядов – вот что есть истина*» [16. С. 91]. Психиатр Е.П. Радин упоминал Мартынова в связи с появлением языка кубофутуристов и уверенно признавал душевнобольным [17. С. 29].

С приходом к власти большевиков тема защиты гуманитарного знания не потеряла своей актуальности, но по иным причинам: отныне внимание стало концентрироваться на развитии технических и естественнонаучных дисциплин. Техника являлась в глазах руководителей Советской России ключевым фактором успеха в защите и экспансии революции, а также в культурном преображении человека, причиной чего стали создание некоего «культы машины», ориентация на передовую западную промышленность и стремле-

ние уподобить жизнь строителей коммунизма работе хорошо отлаженной машины [18. Р. 145–149]. Советские лидеры постоянно озвучивали идею о ликвидации технологического отставания от Запада как важнейшей составляющей в условиях идеологической конфронтации и угроз национальному суверенитету. В.И. Ленин в первые годы после прихода к власти заявлял, что надо или «преодолеть высшую технику, или быть раздавленным» [19. С. 53]. В ряде интервью американским изданиям он говорил о том, что экономические связи с Америкой, наиболее промышленно развитым государством, жизненно важны для России, и американские промышленные изделия будут нужны ей более, чем товары любой другой страны [20. С. 174; 21]. Впоследствии лозунг «догнать и перегнать» брался на вооружение И.В. Сталиным и Н.С. Хрущевым, об этом говорили Г.К. Орджоникидзе [22. С. 261] и Л.Д. Троцкий [21. С. 46]. В то же время лидеры партии прекрасно понимали свою некомпетентность в вопросах техники, и этим во многом объясняется более лояльное отношение к техническим специалистам и их политическим взглядам, нежели к гуманитариям. Один из самых ярких примеров – И.П. Павлов, который мог позволить себе не сдерживаться в критике новой власти. Также можно указать на химика В.Н. Ипатьева, убежденного монархиста, до конца 1920-х гг. продолжавшего работать в России [23. Р. 87]. Ученые были нужны в качестве экспертов, а не властителей дум и культурной элиты, на что они претендовали в дореволюционный период. Главным аргументом в пользу поддержки той или иной образовательной и научной инициативы была не столько идеологическая актуальность, сколько «прикладной, практический характер предлагаемых проектов; их нацеленность на решение актуальных задач “государственного строительства”» [24. С. 415].

Следствиями новых установок власти в отношении науки также стала борьба с едва ли не сакральной для дореволюционной профессуры идеей академической свободы и пренебрежительное отношение к «чистой науке». Среди ученых, начавших сотрудничество с новой властью, весьма яркие публицистические тексты писал об этом филолог-славист, ректор Петроградского / Ленинградского университета с 1923 по 1925 г. Н.С. Державин [25]. В частности, он декларировал неизбежность забвения старой интеллигенции и ее идеалов: «Законы природы везде одни и те же. Старая интеллигенция умерла, потому что ее классовая идеология в процессе развития жизни сыграла свою роль и перестала быть живым началом в новых условиях жизни, живым началом, отвечающим интересам новых общественных отношений» [26]. Своего апогея утверждение примата развития технологических знаний достигло в период Первой пятилетки, когда все силы должны были быть брошены на решение практических задач ускоренного развития промышленности. В 1928 г. Н.И. Вавилов, тогда директор Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, в заметке об изменениях в научной работе Академии наук замечал: «Новый устав Академии наук, расширение числа кафедр по естественно-историческим, эконо-

номическим и техническим наукам представляет крупный шаг, соответствующий общему развитию научно-исследовательской работы в нашей стране... Новые штаты впервые уделяют внимание также техническим наукам. При огромном значении техники, которая характеризует наше время, этот смелый почин союзного правительства и Академии наук, порывающей с традицией, нам представляется глубоко правильным» [27].

В подобных условиях идеи полного переосмысления роли гуманитарного знания не могли не найти и радикальных сторонников. Одними из мыслителей, наиболее громко заявившими об этом уже в первые послереволюционные годы, были известные анархисты братья Аба и Вольф Гордины. Настроенные на сотрудничество с большевиками, они разработали массу планов обустройства человеческой жизни, в которых особое место отводилось именно технике. В июле 1918 г. Вольф отправил в Научный отдел Наркомпроса записку о субсидировании издания его философского труда «Пантехникализм». В ней он описал актуальность своей работы, над которой, по его заверению, работал 20 лет. Задачей труда, претендующего на то, чтобы «делать эпоху», он видел «опровержение всех основных начал науки, отрицание теории познания и.д. и утверждение истинности одной лишь техники» [28. Л. 14]. Также он отмечал, что «труд заслуживает внимания и субсидирования его издания именно из-за его новизны, нешаблонности, отсутствия ходячих истин, отступления от всего общепринятого, освященного традициями и заветами авторитетами»: «Класс, сумевший освободиться от политической власти буржуазии, должен уметь и освободиться от духовных цепей науки буржуазии». Россия крайне бедна техническими познаниями, поэтому «такой апофеоз техники – и пусть односторонний и преувеличенный – ничего кроме пользы принести не может» [Там же. Л. 14–15]. Идея не была поддержана, так же как и разработанный им позже проект международного языка, в котором вместо букв использовались только цифры [29. С. 792–794].

Идеи Гординых благодаря другим их публикациям достаточно широко известны, чего нельзя сказать о целом ряде авторов поистине нетривиальных теорий реформирования научного знания, например о выпускнике Петербургского историко-филологического института, а в 1920-х гг. преподавателе Вятского педагогического училища Павле Михайловиче Арбузове [30]. В современной литературе подчеркиваются его эрудированность и талант, позволившие воспитать много выдающихся литераторов и журналистов [31], однако нам он интересен как создатель рукописи «Метод научного синкретизма», датированной 13 ноября 1926 г., которую он отправил Н.Я. Марру. В сопроводительном письме он утверждал, что «подобно тому, как научный коммунизм представляет собой учение, материалистически доказывающее неизбежность наступления коммунизма, научный синкретизм ставит своей целью материалистически доказать неизбежность наступления эпохи синкретизма. Научный синкретизм с этой точки зрения есть коммунизм идей, как параллель научному коммунизму – коммунизму людей» [32. Л. 3].

Метод научного синкретизма «является методом, при помощи которого можно достигнуть слияния наук в единую науку, как при помощи диалектического метода материализма можно добиться осуществления будущего коммунистического общества». Автор связывал свою теорию с идеями И. Канта, «Социализмом науки» А.А. Богданова и «Теорией исторического материализма» Н.И. Бухарина. Реализация идеи на практике потребовала бы «просмотра всех существующих наук» и привела к созданию некоего единого научного знания: «Но представьте себе, что синкретизм завоевал себе признание, что специальными синкретическими институтами проработаны все те науки, которые могут быть подвергнуты такой обработке. Что тогда получится? Получится совсем неожиданная картина хранения знаний. Какая же это картина? Для значительной части знания нужды в б[иблиоте]ках не будет, потому что каждый будет в состоянии иметь свою библиотеку основного знания, а эта библиотека будет состоять всего из двух книг: одна книга будет изложением основной науки, включающей в себе все основное знание; вторая книга будет словарем, с помощью которого можно будет переводить эту науку или с литературно-художественного текста основной науки в какое-либо литературное произведение. Вы находите нужную Вам страницу книги, открываете нужную Вам страницу словаря и переводите содержание основной науки на язык той науки, или типа художественных произведений, которые Вас интересуют» [Там же. Л. 6]. При этом, как и многие истинные революционеры (и как его адресат Н.Я. Марр), он не сомневался в торжестве своего метода: «Нет никаких сомнений в неизбежности наступления эпохи коммунизма – коммунизма людей; не может быть никаких сомнений и в неизбежности наступления эпохи научного синкретизма – коммунизма идей. Наше представление о нем может быть далеко не точно, но синкретизм неизбежно придет, как неизбежно придет и коммунизм» [Там же. Л. 7–7 об.].

Выбранные нами примеры – одни из наиболее ярких и, к счастью, не получившие достаточной поддержки. Одновременно они являлись доведенными до радикализма идеями, транслировавшимися как учеными, так и властью: пересмотр гуманитарного знания на новых основаниях, жесткая привязка к официальной идеологии, принцип пользы как основной аргумент за их реализацию. Как и «бумажная архитектура» советского авангарда, подобная «бумажная наука» интересна в качестве дополнительной характеристики климата эпохи. Феномены Мартынова, Гординых или Арбузова, равно как и значительной части тех, кому были адресованы их труды, – с одной стороны, пример работы эффекта Данинга-Крюгера [33], выпадов уверенных в своей правоте слабых ученых, покушающихся на ниспровержение устоявшихся догм. С другой – неотъемлемая черта поля научных экспериментов, приводивших к девальвации, дискредитации и компрометации гуманитарного знания и не вызвавших достойного отпора ученого сообщества и власти. Позже это затронет и остальные науки. В 1930 г. профессор кафедры математики Педагогического института им. А.И. Герцена в

Ленинграде и один из главных инициаторов реформы преподавания математики Л.А. Лейферт утверждал, что в области общественных наук «пробил уже последний час идеализма и метафизики. Философия и общественные науки СССР уже могут и развиваются только на основах диалектического материализма Маркса–Энгельса–Ленина, только диалектический материализм осуществляет свое руководство в области

общественных наук». Очередь была за естественными и техническими, ведь «общий размах культурной революции требует таких же темпов в перестройке всех наук, под новым пролетарским руководством» [34]. Лейферта в 1938 г. расстреляют, но его призывы начнут воплощаться, в частности, в лысенкоизме, борьбе с кибернетикой и отстаивании «национальных приоритетов» в области науки и техники.

ЛИТЕРАТУРА

- Hassan I. The Educated Heart: The Educated Heart: The Humanities in the Age of Marketing and Technology // *The Antioch Review*. 2015. Vol. 73. № 4. P. 600–611.
- Баранова Е.В. Соотношение гуманитарной и технической составляющих в системе образования студентов технических вузов // *Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. СоциокINETика*. 2016. Т. 22, № 1. С. 121–124.
- Mittelstrass J. Humanities under Pressure // *Humanities*. 2015. № 4. P. 80–86.
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 1. 206 с.
- Кожевников А. Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов*. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 87–111.
- Дмитриев А.Н. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой Мировой войны*. СПб. : Нестор-История, 2007. С. 32–56.
- Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 6 (88). С. 10–38.
- Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1996. № 3. С. 3–24.
- Crawford El. Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 158 p.
- Рождественский В.Г. О долге исповедания веры // *Церковный вестник*. 1901. 13 дек. № 50. Стб. 1585–1588.
- Д[митрий] П[авлович] Мартынов [1856] † 28 мая 1900 г. : [некролог, речи и стихотворения по поводу его кончины]. Петрозаводск : Губернская тип., 1900. 24 с.
- Ширшова О.Б. Педагогическая деятельность Д.П. Мартынова как пример организации дела народного просвещения в регионе в конце XIX в. // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология*. 2017. Вып. 3. С. 73–78.
- Мартынов Д. Русская история в самых простых рассказах со сборником исторических стихотворений : для школы и народа. М. : Тип. Э. Лесснера и Ю. Романа, 1894. 98 с.
- Сидорчук И.В., Мосенц М.С. Курс «первой любви к вере, царю и отечеству»: Д.П. Мартынов и его книга по истории для народных училищ // *Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Междунар. науч.-теор. конф., 25–26 октября 2019 г.* СПб. : Политех-Пресс, 2019. С. 469–473.
- Jakobson R. Autobiographical notes on N.S. Trubetzkoy // *Trubetzkoy N.S. Principles of phonology*. Second print. Berkeley ; Los-Angeles, 1971. P. 309–323.
- Мартынов Д.П. Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1897. 91 с.
- Радин Е.П. Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. СПб. : Н.П. Карбасников, 1914. 48 с.
- Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York : Oxford University Press, 1989. 308 p.
- Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного Съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М. : Гос. изд-во, 1920. 160 с.
- Шпотов Б.М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг. // *Экономическая история : ежегодник*. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 2005. Т. 2005. С. 172–196.
- Супоницкая И.М. Американизация Советской России в 1920–1930-е гг. // *Вопросы истории*. 2013. № 9. С. 46–59.
- Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2011. 477 с.
- Graham L.R. Science in Russia and The Soviet Union. A Short Story. Cambridge University Press, 1993. 352 p.
- Долгова Е.А. «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 405–416.
- Державин Н.С. Высшая школа и революция. М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. 46 с.
- Державин Н. Трагедия интеллигенции // *Последние новости*. 1923. 26 марта. № 13 (35). С. 2.
- Перед выборами новых академиков // *Ленинградская правда*. 1928. 12 мая. № 109. С. 2.
- Записка В. Гордина о его труде Пантехникализм. 24 июля 1918 г. // *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. А2307. Оп. 2. Д. 159. Л. 14–15.
- Аролович А.В. Концепция слова и языка у русских анархистов-универсалистов начала XX в. // *Анархизм: pro et contra : социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей : антология*. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2015. С. 788–797.
- Сидорчук И.В. От триумфа до гротеска: развитие идей междисциплинарного синтеза в гуманитарном знании в России первой трети XX в. // *История : электрон. науч.-образ. журнал*. 2012. № 7 (15). С. 32–33. URL: <http://history.jes.su>
- Рашковский А. Из переписки Е.Д. Петряева и Павла Михайловича Арбузова и выдержек из рукописей П.М. Арбузова // *Топос : сетевое изд.* 2013. 25 апр. URL: <http://www.topos.ru/article/zhizn-kak-est/lyubopytnye-podrobnosti-zhizni-v-vyatskom-krae> (дата обращения: 05.07.2019).
- Арбузов П. Метод научного синкретизма (материалистический синкретический метод схватывания) // *Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН)*. Ф. 800. Оп. 3. Д. 4.
- Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, № 6. P. 1121–1134.
- Лейферт Л. Математика и диалектический материализм // *Ленинградский университет*. 1930. 15 дек. № 4-5 (57-58). С. 2.

Ilya V. Sidorchuk, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru
THE PROBLEM OF COMPROMISING HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN RUSSIA DURING THE CREATION OF THE “BIG SCIENCE”

Keywords: history of science, science and state power, methodology of Humanities, science in the USSR, the Gordin brothers.

The purpose of the research is analysis of the features of changes in attitudes toward the Humanities in Russia during the construction of the “Big Science”. The author turned to the problem of compromising and discrediting humanitarian knowledge, which is still topical. He considered the ideas of such little-known figures of Russian science and education as Dmitry Martynov, Wolf Gordin and Pavel Arbuzov.

The research based on published works of chosen scholars and manuscripts of their works and correspondence found in the collections of the State archive of the Russian Federation and the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The author also used the works of their contemporaries: scientists and politicians, which allowed understanding their attitude toward the role and importance of humanitarian knowledge during the large-scale social transformations of the 1st third of the 20 century.

Time of building “Big Science” was characterized by a desire to scientific revisionism, to reduce established scientific knowledge, which could be combined with attempts to undermine the dominant conservative customs and practices. Instead, they could offer theories that were far from scientific and contributed to compromising and discrediting humanitarian knowledge. Bright examples are the ideas of Dmitry Martynov, especially his language theory. With the coming to power of the Bolsheviks, the topic of protection of humanitarian knowledge has not lost its relevance, but for other reasons: attention began to focus on the development of technical and natural science disciplines. In such circumstances, the idea of a complete rethinking of the role of humanitarian knowledge found radical supporters. One of the thinkers who most loudly declared this was the anarchist Wolf Gordin. In his unpublished book “Pantechicalism” (1918) he wrote about the need to refute all the basic principles of science and assertion the truth of technology alone. Another striking example of a non-trivial theory of reforming scientific knowledge, which appeared in the first post-revolutionary years, is the “method of scientific syncretism” proposed by Arbuzov to Nikolas Marr. In it, he argued that scientific syncretism is a communism of ideas, and all sciences must be combined into one.

The author comes to the conclusion that the chosen examples were ideas transferred by both scientists and the authorities, but brought to radicalism: revision of humanitarian knowledge on new grounds, strict subordination to the official ideology, and the principle of utility as the main argument for their implementation. Such “paper science” is interesting as an additional characteristic of the climate of the era. On the one hand, the phenomena of Martynov, Gordin, or Arbuzov are example of the Dunning-Kruger effect. On the other hand, it is an integral feature of the field of scientific experiments that led to the devaluation of humanitarian knowledge.

REFERENCES

- Hassan, I. (2015) The Educated Heart: The Humanities in the Age of Marketing and Technology. *The Antioch Review*. 73(4). pp. 600–611. DOI: 10.7723/antiochreview.73.4.0600
- Baranova, E.V. (2016) The relationship of humanitarian and technical components in the system of education of technical university students. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 22(1). pp. 121–124. (In Russian).
- Mittelstrass, J. (2015) Humanities under Pressure. *Humanities*. 4. pp. 80–86.
- Mogilnitsky, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka* [History of historical thought of the 20th century]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kozhevnikov, A. (2003) Pervaya mirovaya vojna, Grazhdanskaya vojna i izobretenie “bol'shoy nauki” [The First World War, Civil War and the invention of “Big Science”]. In: Smirnov, N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov* [Power and science, scientists and power: 1880s – early 1920s]. St. Petersburg : Dmitriy Bulanin. pp. 87–111.
- Dmitriev, A.N. (2007) Ot akademicheskogo internatsionalizma k sisteme natsional'no-gosudarstvennoy nauki [From academic internationalism to the system of national-state science]. In: Kolchinsky, E.I., Bayrau, D. & Layus, Yu.A. (eds) *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy Mirovoy vojny* [Science, technology and society of Russia and Germany during the First World War]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 32–56.
- Dmitriev, A.N. (2007) “Akademicheskii marksizm” 1920–1930-kh godov: zapadnyy kontekst i sovetskie obshchestvennye usloviya [“Academic Marxism” of the 1920s–1930s: Western context and Soviet circumstances]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(88). pp. 10–38.
- Aleksandrov, D.A. (1996) Pochemu sovetskie uchenye perestali pechatat'sya za rubezhom: stanovlenie samodostatochnosti i izolirovannosti otechestvennoy nauki, 1914–1940 [Why Soviet scientists ceased to be published abroad: the formation of self-sufficiency and isolation of Russian science, 1914–1940]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 3. pp. 3–24.
- Crawford, E.L. (1992) *Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rozhdestvensky, V.G. (1901) O dolge ispovedaniya very [On the duty of faith confession]. *Tserkovnyy vestnik*. 50. 13th December. Col. 1585–1588.
- Anon. (1900) *D[mitriy] P[avlovich] Martynov [1856] † 28 maya 1900 g.: [Nekrolog, rechi i stikhotvoreniya po povodu ego konchiny]* [D [Mitri] P [avlovich] Martynov [1856] † may 28, 1900: (Obituary, speeches and poems on his death)]. Petrozavodsk: Gubernskaya tipografiya.
- Shirshova, O.B. (2017) Pedagogicheskaya deyatel'nost' D.P. Martynova kak primer organizatsii dela narodnogo prosveshcheniya v regione v kontse XIX v. [Pedagogical activity of D. Martynov as an example of the regional public education organization in the late 19th century]. *Vestnik TvGU. Seriya “Pedagogika i psikhologiya”*. 3. pp. 73–78.
- Martynov, D. (1894) *Russkaya istoriya v samykh prostykh rasskazakh so sbornikom istoricheskikh stikhotvoreniy. Dlya shkol i naroda* [Russian history in the simplest stories with a collection of historical poems. For the school and the people]. Moscow: Tip. E. Lessnera i Yu. Romana.
- Sidorchuk, I.V. & Mosents, M.S. (2019) [The course of the “first love for faith, the Tsar and the Fatherland”: D.P. Martynov and his book on history for public schools]. *Kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva* [Communicative Strategies of the Information Society]. Proc. of the 11th International Conference. October 25–26, 2019. St. Petersburg: Politekh-Press. pp. 469–473. (In Russian).
- Jakobson, R. (1971) Autobiographical notes on N.S. Trubetzkoy. In: Trubetzkoy, N.S. *Principles of phonology*. Berkeley and Los-Angeles: University of California Press. pp. 309–323.
- Martynov, D.P. (1897) *Raskrytie tayny yazyka chelovecheskogo i oblichenie nesostoyatel'nosti uchenogo yazykoznaniya* [Disclosure of the human language mystery and denouncing the failure of scientific linguistics]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova.
- Radin, E.P. (1914) *Futurizm i bezumie. Paralleli tvorchestva i analogii novogo yazyka kubo-futuristov* [Futurism and madness. Parallels of creativity and analogies of the new language of Cubo-futurists]. St. Petersburg: N.P. Karbasnikov.
- Stites, R. (1989) *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.
- The RSFSR. (1920) *Stenograficheskiy otchet 4-go Chrezvychaynogo S'ezda Sovetov rabochikh, soldatskikh, krest'yanskikh i kazach'ikh deputatov* [Verbatim report of the 4th Extraordinary Congress of the Soviet of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo.

20. Shpotov, B.M. (2005) Uchastie amerikanskikh promyshlennykh kompaniy v sovetskoj industrializatsii, 1928–1933 gg. [American industrial companies in the Soviet industrialization, 1928–1933]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya* [EconomicHistory]. Vol. 2005. Moscow: RAS. pp. 172–196.
21. Suponitskaya, I.M. (2013) Amerikanizatsiya Sovetskoy Rossii v 1920–1930-e gg. [Americanization of Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 9. pp. 46–59.
22. Shattenberg, S. (2011) *Inzheneriy Stalina: Zhizn' mezhdu tekhnikoy i terrorom v 1930-e gody* [Stalin's Engineers: Life between technology and terror in the 1930s]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
23. Graham, L.R. (1993) *Science in Russia and The Soviet Union. A Short Story*. Cambridge University Press.
24. Dolgova, E.A. (2017) “Proektnaya nauka”: uchenye i mekhanizm gosudarstvennoy podderzhki nauchnykh iniciativ v postrevolyutsionnye gody [“Project science”: scientists and the mechanism of state support of scientific initiatives in the post-revolutionary years]. In: Mazur, L.N. (ed.) *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* [The Epoch of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social Transformations]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 405–416.
25. Derzhavin, N.S. (1923) *Vysshaya shkola i revolyutsiya* [Higher School and Revolution]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
26. Derzhavin, N. (1923) Tragediya intelligentsii [Tragedy of the intelligentsia]. *Poslednie novosti*. 13(35). 26th March. pp. 2.
27. Anon. (1928) Pered vyborami novykh akademikov [Before the election of new academicians]. *Leningradskaya pravda*. 109. 12th May. pp. 2.
28. Gordin, V. (1918) *Zapiska V. Gordina o ego trude Pantekhnikalizm. 24 iyulya 1918 g.* [V. Gordin's note about his work Pantekhnikalizm. July 24, 1918]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A2307. List 2. File 159. pp. 14–15.
29. Arolovich, A.V. (2015) Kontseptsiya slova i yazyka u russkikh anarkhistov-universalistov nachala XX v. [The concept of word and language in Russian anarchists-universalists in the early 20th century]. In: Bogatyrev, D.K. (ed.) *Anarkhizm: pro et contra: sotsial'no-politicheskoe yavlenie glazami ego rossiyskikh storonnikov, kritikov i otechestvennykh uchenykh-issledovateley* [Anarchism: pro et contra: a socio-political phenomenon through the eyes of its Russian supporters, critics and Russian researchers]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. pp. 788–797.
30. Sidorchuk, I.V. (2012) Ot triumfa do groteska: razvitie idey mezhdistsiplinarnogo sinteza v gumanitarnom znaniy v Rossii pervoy treti XX v. [From triumph to grotesque: the development of interdisciplinary synthesis in humanitarian knowledge in Russia of the first third of the 20th century]. *Istoriya*. 7(15). pp. 32–33.
31. Rashkovsky, A. (2013) Iz perepiski E.D. Petryaeva i Pavla Mikhaylovicha Arbuzova i vyderzhek iz rukopisey P.M. Arbuzova [From the correspondence of E.D. Petryaev and Pavel Mikhailovich Arbuzov and excerpts from P.M. Arbuzov's manuscripts]. *Topos*. 25th April. [Online] Available from: <http://www.topos.ru/article/zhizn-kak-est/lyubopytnye-podrobnosti-zhizni-v-vyatskom-krae> (Accessed: 5th July 2019).
32. Arbuzov, P. (n.d.) *Metod nauchnogo sinkretizma (Materialisticheskij sinkreticheskij metod skhvatyvaniya)* [Method of scientific syncretism (Materialistic syncretic method of grasping)]. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPF ARAN). Fund 800. List 3. File 4.
33. Kruger, J. & Dunning, D. (1999) Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments. *Journal of Personality and Social Psychology*. 77(6). pp. 1121–1134. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1121
34. Leyfert, L. (1930) Matematika i dialekticheskij materializm [Mathematics and dialectical materialism]. *Leningradskiy universitet*. 4-5(57-58). 15th December. pp. 2.

УДК 930.23

DOI: 10.17223/19988613/64/18

K.B. Umbrashko, N.E. Bulankina

«THE TIME OF TROUBLES»: HISTORIOGRAPHICAL, SOURCE AND EDUCATIONAL DOMINANTS

The article presents the analysis of the Concept of a new educational and methodological complex on Russian history in the framework of one of the “difficult” issues in Russian history, i.e. “attempts to limit the power of the head of the state during the period of Turmoil and in the time of Palace coups, possible causes and consequences for the failure of these attempts”. It is shown that the XVII and XVIII centuries cannot be connected with each other only by “attempts to limit” the power of the Supreme ruler, since this is not completely justified with historical literature and source studies. The article concludes with a tentative statement of mythologies for identifying the features of the Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century, many of which are misleading and controversial, even erroneous assumptions.

Keywords: historiography, source studies, «Time of Troubles», historical mythology. Historical and Cultural standard (ICS), «difficult» questions of history.

Introduction

In the year of 2013, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Russian historical society developed the Concept of a new educational and methodological complex on Russia’s history (the Concept) [1–4]. The Concept develops the Historical and Cultural Standard (ICS) and the List of «difficult questions» on Russia’s history. A lot of time has passed since the adoption of the Concept, but the List of «difficult questions» still causes a lot of controversy in the pedagogical, both historical and humanitarian environment [5–9].

Recent scholarship has formulated one of these «difficult questions» of Russian history in an innovative way in the ICS, as is the following, «Attempts to limit the power of the head of state during the period of Turmoil and in the era of Palace coups, possible reasons for the failure of these attempts». In the ICS this «difficult question» is divided chronologically into two parts, i.e. «Turmoil» and «Palace coups». The first part of «Time of Troubles» of the early XVII century is included into section II of the ICS «Russia in XVI–XVII centuries from the Grand Duke to the Kingdom». The second part, «Palace coups» of the XVIII century is included into section III of the ICS «Russia at the end of the XVII–XVIII centuries: from the Kingdom to the Empire».

In recent scholarship the events of the XVII and XVIII centuries are treated differently, sometimes quite the other way round. The fact is that the XVII century Russian history is not equal to the history of the XVIII century. The authors of modern history textbooks for high school decided to associate these two periods with the «attempts to limit» the power of the Supreme ruler by some agreements with him. It seems that this is not entirely justified in historical literature. Therefore, our article is devoted only to the first part of this «difficult question», i.e. the «Time of Troubles» at the beginning of the XVII century. At the same time, we did not limit ourselves to the historiographical and source aspects of this important and «difficult» historical problem. In brief, the purpose of this article is to identify by presentation its methodological potential fully.

Methodology and programme of the research

Thus, there presented the materials of the ICS for thorough discussion and investigation, where in the explanatory note of ICS there is a statement, according to which «...the struggle for power between the boyar families against the background of worsening socio-economic situation (famine, 1601–1603), as well as the intervention of frontier countries / neighbors, primarily, Commonwealth, into the internal affairs of Russia, contributed to the country’s accession for the first time in its history, the civil war, in terms of contemporaries received the title “the Time of Troubles”, which lasted during fifteen years (1604–1618)» [3. P. 24].

By the same token, the general idea of this statement does not contradict the conclusions of modern historiography. The only question is the chronology of the time of troubles. According to the N. M. Karamzin «History of the Russian state», the starting point of the troubles was considered to be the suppression of the Rurik dynasty in 1598, and its end, on the one hand, and the beginning of the Romanov dynasty in 1613, on the other hand, are found in traditional scholarship.

With some reservations, it still haunts the national historical tradition throughout the XIX century (S.M. Solovyov, V.O. Klyuchevskii, etc.) and the XX century (S.F. Platonov, R.G. Skrynnikov, etc.). The dating of the ICS (1604–1618) causes confusion both among educators and scientists, assessing the impact on Russian society, on historical literature, source criticism and studies of this period of time. It should be noted that this dating does not occur further on in the ICS text. Most likely, while working as a history teacher, one ought to adhere to the traditional chronology.

Other accents of the ICS explanatory note have more journalistic than scientific essence. There is a contrast between the negative and positive characteristics of the events. Negative characteristics assess a negative impact on recent scholarship because of the phrases like «a series of impostors», «foreign invaders», «occupation of cities, including the capital», «social actions», «separatism of the

countryside», «the threat of loss of national independence». Positive phrases sound as «consolidation of society», the success of the people's Militias, «council of all the Earth», the feat of Prince D. Pozharsky and the citizen K. Minin, preserving the independence of the Moscow state. These misleading descriptions of the Time are much more inaccurate byproducts of historical journalism than of authentic scholarship.

The effect of the conclusion of the ICS is the explanatory note about the high price that Russia paid for the turmoil of the Troubles, namely, the economic crisis, material, territorial, and human losses, these examples do not sound dramatically. Contrary to the drama of Russia's nightmarish Time of Troubles, the payment for the «frivolity» of the people of the early twentieth century was not as high as it could have been. Especially, after the election of the Zemstvo Council in 1613, since the time of the new Russian Tsar, Mikhail Fedorovich Romanov (1613–1645), there was a rapid and calm situation for the society and the restoration of state institutions. However, these state institutions had a completely different essence, the class representation took a firm course to formalize absolutism in Russia.

Unfortunately, the purpose and the mission of absolutism is not immediately apparent. The formation of a new configuration of the state leads to the strengthening of the Central government in a paradoxical way through the rapid activities of the Zemstvo councils in the first half of the XVII century, when the most important issues of both national and foreign policy were solved in a «democratic» way. But this was a «tactical retreat» of absolutism and ultimately contributed to the formation of an absolute monarchy at a new stage in Russian history of the XVIII century. That is why, in our opinion, it is not correct to compare historical processes of the XVII and XVIII centuries: a class-representative monarchy is not equal to an absolute monarchy. As is the case, it needs further consideration and investigation.

Discussion of the results

A closer look at the issues show that the above events are presented fully in the ICS work program where one can find slightly different accents, e.g. «Turmoil in Russia. The dynasty crisis. Zemsky Sobor in 1598, and the election of Tsar Boris Godunov. Boris Godunov's policy and the boyar clans. Opal of the Romanov family. The famine of 1601–1603 and the aggravation of the socio-economic crisis». «The time of troubles at the beginning of the XVII century, its causes and consequences. Impostors and pretenders. The identity of the pretender Dmitry I («false tsar») and his policies. The revolt (1606), and the murder of an impostor». «Tsar Vasili Shuiskii. The «Bolotnikov rebellion». The development of an internal crisis into the civil war. The pretender Dmitry II. Invasion of the territory of Russia by Polish-Lithuanian regiments / detachments. The Tushino camp of the pretender, near Moscow. Defence of the Trinity-Sergiev monastery. Vyborg Treaty between Russia and Sweden. The March of M.V. Skopin-Shuiskii's and Ya.-P. Delagardi's troops, and the collapse of the Tushinskii camp. Entry into the war against Russia

of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The Defence of Smolensk». «The overthrow of Vasili Shuiskii, and the transfer of power to the «Council of Seven». Agreement on the election of the Polish Prince Vladislav to the throne, and the entry of the Polish-Lithuanian army in Moscow. The rise of the national liberation movement. Patriarch Hermogenes. The Moscow uprising (1611), and the burning of the city by the occupants. The first and second militias. Capture of Novgorod by Swedish troops. «Council of the Whole Earth». Liberation of Moscow (1612)». «Zemsky Sobor (1613), and its role in strengthening the State. The establishment of the Romanov dynasty (starting with Mikhail Fedorovich). The fight against the Don cossacks' uprisings against the Central government. Stolbovsky peace with Sweden: loss of access to the Baltic Sea. Continuation of the war with the Polish-Lithuanian Commonwealth. Prince Vladislav's March to Moscow. Conclusion of the Deulin armistice with the Polish-Lithuanian Commonwealth. Results and consequences of the Time of Troubles» [3. P. 26].

In traditional scholarship, speaking of «attempts to limit the power of the head of state during the Turmoil», apparently means «the agreement on the recognition of the king's son, Vladislav as the new Russian Tsar». Here is a paragraph from this «Treaty...» (1610) for to be discussed. «<...> And on the measure the sovereign Prince Vladislav Zhigimontovich was established in the Russian state, and about that episode, we boyars, gave the Hetman a letter on articles, and on those articles the Hetman gave us, the boyars, a record, and approved it with his hand and seal, and on that record the Hetman and all the colonels kissed the cross for the great sovereign, Zhigimont the Tzar; and we, in the reigning city of Moscow, are to crown the state with a Royal crown on the former rank. And being the king's son, Vladislavovich Zhigimontovich, on the Russian state of the Church of God, in all the cities and villages, honor and protect from ruin, and the Holy Icons of God and miraculous relics of worship, churches and other faiths of prayer churches in the Moscow state do not put anywhere; and what the Hetman did say, so that in Moscow at least one Church could be for people of Poland and Lithuania, who, the king's son, with the Patriarch and with all the spiritual rank and boyars and with all the people of the Duma, speak; and our Christian Orthodox faiths of the Greek law do not destroy or dishonor anything, and do not introduce any faiths; so that our Holy Orthodox faith of the Greek law has its integrity and beauty. And what is given to the Churches of God and monasteries of serfdoms or lands, are not taken away. The boyars, nobles, and the rest of the people who have all sorts of state affairs are still there; and the Polish and Lithuanian people in Moscow do not have any affairs in the cities and *voivodeships* and clerks are not there. Former customs and ranks have not changed, and the Moscow princes and the boyar families, foreigners do not lower. Salary, money and lands, something had to be let alone still. The court alone is still the custom, and the law of the Russian state will *pochotal* what *popolnit* for strengthening ships, and the Emperor *on povolite* with the Duma of the boyars and of the whole world. And who is to blame, that the fault of his *kazniti*, condemning in advance with the boyars and Duma men;

a wife, children, brethren, that matter did not do, those do not kazniti, and estates they have *not ottimati/taken away*; and not find guilty and condemned by the court of all the boyars, *no kazniti*. The sovereign's revenues from cities, from counties, also from taverns and from the *tamog veleti* (the customs) are still collected by the sovereign, not *po-govori* with the boyars. And those cities from the war were desolate, and those cities and counties sent to the sovereign *to describe and dosirati*, a lot of things were lost, and the income of *veleti imati* on the inventory and on the watch; and on the emptied estates *dati benefits*, after talking to the boyars. Merchants can trade freely as before. And about the thief that is called Tsarevich, Dmitry Ivanovich, to the Hetman trade with us, boyars, as if that thief *izymati or kill*; and as the thief withdraw or will be killed, and to the Hetman and all his troops, from Moscow to depart. But only a thief Moscow *Popocat* what is the theft or enforced *cinity*, and the Hetman against that thief of state and fight with him. And in everything to the king's son, Vladislav Zhigimontovich, *delati* on our petition, and under the contract with the great sovereign, Zhigimont, and to this authorized record. And about Epiphany, so that the Sovereign, King's son, Vladislav Zhigimontovich, will be granted baptisms in our Orthodox Christian faith and be in our Orthodox Christian Greek faith; and about other false articles and about all sorts of affairs, as if between the sovereigns and their States, the agreement about everything, and the completion was made. And for approval to this record, we put our seals, the boyars, and the deacons attributed their hands» [10]. Thus, it's important to bear in mind the fact of that the King's son Vladislav never became a Russian Tsar. Perhaps because of the geopolitical claims of his father, the Polish King, Sigismund the Third.

In recent scholarship the study of the Troubles of the early XVII century covers the significant content potential of forming new approaches, techniques, and methods for key and problematic periods of Russian history. The turmoil in Russia at the beginning of the XVII century is undoubtedly one of the most interesting periods in the history of our Fatherland. The main source studies and historical literature of this time are the selection of texts where various aspects of the Troubles are under discussion. E.g. the relevance of the topic itself is of great importance; historiographic concepts of the Troubles, including mythologems; the specific historical event outline of the era; the content of sources are available for both teachers and researchers.

By the same token, the relevance of the above problem is confirmed by a modern researcher, D. A. Gutnov, who is sure of the fact that «It is not the first time when our Fatherland passes the stage of its development, which is traditionally called the Turmoil among the people. As is the case, the natural question arises: what is this phenomenon of our historical reality, under what conditions it occurs, what are its integral components, what are their main development trends, what are the consequences for the country, and what can be the ways and methods that allow, if not to pass this stage at all, then to weaken its negative consequences» [11. P. 4]. The historiographical aspects of the topic are closely related to its relevance «for all the times»: «Among such periods of timelessness throughout the historical path of our country, the time that most clearly

absorbed and reflected all the characteristics of the phenomenon of Russian Turmoil, are considered to be the events of the beginning of the XVII century, in the Moscow state. Most of the Russian scholars of the past considered the events of those distant days very closely and tried to make conclusions from them» [Ibid. P. 4].

According to R. G. Skrynnikov, the greatest Russian historian, «the historiography of the Time of Troubles» is very extensive. In traditional scholarship the XVIII century historians were influenced by the Russian chronicle tradition. V.N. Tatishchev saw the reasons for the «Turmoil» in the serfdom legislation of Boris Godunov. In the XIX century, the historiographer N. M. Karamzin, considered the Turmoil in Russia to be the result of foreign interference in the internal affairs of the Moscow state. Russian state, in his opinion, was the result of disharmony between the traditional ideas and principles of Russian statehood and the moral foundations of the Russian population that were shaken during the reign of Ivan IV. S. M. Solovyov linked the Turmoil with the dynasty crisis. N. I. Kostomarov saw a large role of the free cossacks in the events of the Troubles [12. P. 3].

Conclusion

As is the case, in terms of historiography, most of the above trends are significant. We think that it is a must to add some historiographical ideas as perspective ones:

- Turmoil as a political struggle for power between the old family aristocracy and the new palace nobility; as a socio-economic struggle for land and workers' hands (V.O. Klyuchevskii; S.F. Platonov). Turmoil is «a painful, full of stupid perplexity mood of society, which was created by the open outrages of oprichnina and dark Godunov intrigues» [13. P. 46]. V.O. Klyuchevskii clarified this statement: «...in the course of the Turmoil, two supported conditions are particularly clear: this is imposture / “false tsars” and social disorder / misery / chaos» [Ibid. P. 48].

- Turmoil / smuta – social / peasant revolution (M.N. Pokrovskii).

- Smuta – uprising under the leadership of I.I. Bolotnikov (I.V. Stalin).

- Smuta – Polish-Swedish intervention (Soviet historiographical tradition / traditional scholarship).

- Turmoil – myth, legend, anecdote (in the sense of an entertaining story).

As an example of myth-making, we can suggest for consideration a well-known change of the name of M.I. Glinka's opera, dedicated to the history of Ivan Susanin's feat: «Life for the Tsar» – «For the hammer and sickle» – «Ivan Susanin». This example is a byproduct associated with the cruelty of Ivan IV, the quietness and the sanctity of Fyodor Ioannovich, the bad blood of Boris Godunov, the interruption of the Rurik dynasty, the activity of “false tsars”, predictors Dmitrievs, the machinations of the Poles, and popular speeches. Myth-making was intertwined with naturalism and precise chronology. Russian historian N.I. Kostomarov wrote: «In different places of the Moscow Region, terrible storms uprooted trees, turned over bell towers in cities, and tore off roofs. Here no fish were caught in the water; there no birds were seen

at all; there a woman gave birth to a freak; there a pet produced such a monster that it was impossible to tell what it was. They began to see the two Suns and two months in the sky. To complete all the horrors, a comet appeared: it was so large that on the second Sunday after Trinity day, 1604, it was seen at noon [14. P. 51].

In recent foreign scholarship great interest for the Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century is noticed [15–18]. According to Chester S.L. Dunning, the Troubles ought to be a prime candidate for scrutiny by students of political violence in Russian history because of a tentative assessment of the impact both on Russian society and political culture of high level terror. This author is certain of the fact that the final stage of the Troubles witnessed a lot of acts of extreme cruelty, the usage of terror, a devastated country whose population longed for relief and stability.

Research on regional history is also essential for recent scholarship of the subject [19]. Based on historiography, the main historical ideas can be formulated this way:

– State origin of Russian history.

– Unusual, inverted events for contemporaries, when «no one is equal to oneself», and the order is followed by disorder. According to Russian historian S. M. Solovyov, «...dwelt a terrible habit not to respect life, honor and property of the others; the brokenness of the rights of the weak before the strong, in the absence of enlightenment, the fear of a public trial, fear of the court of other nations, in a society which had not yet come, the person is put in a

distressing situation, making him a victim of accidents, men were forced to comply with these accidents, but this habit to comply with contingencies, of course, could not contribute to the development of civil respect for their dignity, ability to choose civil devices/means for solution of purposes» [20. P. 377–378].

– Turmoil is a moment of testing the strength of state power, and at the same time, it is a factor of stabilization, strengthening of the state principle. N. M. Karamzin wrote about the false Dmitry I: «Ridiculous courage and unbelievable happiness of reaching the goal – some charm motivates the hearts and minds of men contrary to common sense – making (there is no equal example in History) a fugitive Monk, the Cossack-robber, and the servants of Lithuanian pan in three years into the King of a great Power, the Impostor seemed cool, calm, not surprised, among the glamour and grandeur, that surrounded him in this time of confusion, shame and shamelessness» [21. P. 119–120].

As is the case, the ICS does not consider most of the postulates of political events of the XVII and XVIII centuries. This leads to a deformation of historical logic. By the same token, the ICS does not take into account the results of both national and foreign historiography. It is clear that students do not have to tell about the birth of freaks and monsters. Clearly, that history teaches nothing, but only punishes for unlearned lessons [22. P. 347].

How prophetic these words of the great historian, V.O. Klyuchevskii are!

REFERENCES

1. *Vestnik obrazovaniya*. (2014). 13.
2. Gefter.ru. (2013) *Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii* [The concept of a new educational and methodological complex on national history]. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/10162> (Accessed: 20th January 2020).
3. Rushistory. (n.d.) *Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii* [The concept of a new educational and methodological complex on national history]. [Online] Available from: <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii.html> (Accessed: 20th January 2020).
4. Kommersant.ru. (2013) *Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii* [The concept of a new educational and methodological complex on national history]. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (Accessed: 20th January 2020).
5. Vyazemsky, E.E. & Strelowa, O.Yu. (2015) *Pedagogicheskie podkhody k realizatsii kontseptsii edinogo uchebnika po istorii* [Pedagogical approaches to the implementation of the concept of a unified history textbook]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Umbrashko, K.B. (2016) The concept of a new educational and methodological complex on Russian history: difficult questions of history or historiography. *Sibirskiy uchitel' – Siberian Teacher*. 5(108). pp. 16–21. (In Russian).
7. Umbrashko, K.B. & Fedina, N.G. (2017) *“Trudnye voprosy” otechestvennoy istorii i varianty ikh resheniy* [“Difficult questions” of national history and options for their solutions]. Novosibirsk: NIPKiPRO.
8. Umbrashko, K.B., Oleynikov, I.V., Solovieva, E.A. & Fedina, N.G. (2018) *Reshenie “trudnykh voprosov” istoriko-kul'turnogo standarta kak mekhanizm modernizatsii soderzhaniya predmeta v ramkakh realizatsii Kontseptsii novogo UMK po otechestvennoy istorii* [Solving the “difficult issues” of the historical and cultural standard as a mechanism for modernizing the content of the subject within the framework of implementing the Concept of a new Educational and Methodological Complex on National History]. Novosibirsk: NIPKiPRO.
9. Oleynikov, I.V. & Fedina, N.G. (2018) *“Trudnye voprosy” istorii Rossii pervoy poloviny XX veka* [“Difficult questions” of the Russian history of the first half of the 20th century]. Novosibirsk: NIPKiPRO.
10. Anon. (n.d.) *Dogovor o priznanii korolevicha Vladislava russkim tsarem* [Agreement on the recognition of the King's son, Vladislav, as the Russian Tsar]. [Online] Available from: <http://refdb.ru/look/1876311-p7.html> (Accessed: 20th January 2020).
11. Gutnov, D.A. (1994) *Lyudi i sobytiya Smutnogo vremeni* [People and events of the Time of Troubles]. Moscow: GITIS.
12. Skrynnikov, R.G. (1988) *Rossiya v nachale XVII v. Smuta* [Russia in the early 17th century. Turmoil]. Moscow: Mysl'.
13. Klyuchevsky, V.O. (1989) *Sochineniya. V 9 t.* [Works. In 9 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
14. Kostomarov, N.I. (1994) *Smutoe vremya Moskovskogo gosudarstva a nachale XVII stoletiya* [The Time of Troubles of the Moscow State in the Early 17th Century]. Moscow: Charli.
15. Dunning, Ch.S.L., Martin, R., Rowland, D.B. (2008) *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of R.O. Crumme*. Bloomington: Slavica.
16. Dunning, Ch.S.L. (2010) *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty*. University Park: Pennsylvania State University Press.
17. Mjør, K.J. (2018) Smuta: cyclical visions of history in contemporary Russian thought and the question of hegemony. *Studies in East European Thought*. 70(1). pp. 19–40. DOI: 10.1007/s11212-018-9298-0
18. Petersson, B. (2013) The eternal great power meets the recurring Time of Troubles: Twin political myths in contemporary Russian politics. *European Studies*. 30. pp. 301–326. DOI: 10.1163/9789401208895_013

19. Bulankina, N.E. & Umbrashko, K.B. (2018) Regional history in the formation and development of the personality of students. *Sibirskiy uchitel' – Siberian Teacher*. 1(116). pp. 69–74.
20. Soloviev, S.M. (1989) *Sochineniya v 18 kn.* [Works in 18 vols]. Moscow: Mysl'.
21. Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian Statehood]. Vol. 9. Moscow: Kniga.
22. Klyuchevsky, V.O. (2007) *Aforizmy i mysli ob istorii* [Aphorisms and thoughts about history]. Moscow: Eksmo.

Умбрашко Константин Борисович, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: hitstorian09@mail.ru

Буланкина Надежда Ефимовна, доктор философских наук, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: NEBN@yandex.ru

СМУТНОЕ ВРЕМЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ

Ключевые слова: историография; источниковедение; Смутное время; историческая мифология; Историко-культурный стандарт (ИКС); «трудные» вопросы истории.

Целью данного исследования является историографический и источниковедческий анализ Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории с точки зрения одного из «трудных» вопросов истории России: «Попытки ограничения власти главы государства в период Смуты и в эпоху дворцовых переворотов, возможные причины неудач этих попыток». Источниковая база данного исследования носит в основном историографический характер. Это тексты Н.М. Карамзина («История государства Российского»), С.М. Соловьева («История России с древнейших времен»), В.О. Ключевского («Курс русской истории»), Н.И. Костомарова («Смутное время Московского государства в начале XVII столетия») и др. Кроме того, подробно анализируются учебные и методические источники (Историко-культурный стандарт – ИКС). В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Современная историография по-разному, порой совершенно противоположным образом трактует события XVII и XVIII вв. Авторы современных учебников по истории для средней школы решили связать эти две эпохи «попытками ограничения» власти верховного правителя некими договоренностями с ним. Представляется, что «историографически» это не вполне оправданно. Курс на абсолютизм проявился не сразу. Формирование новой конфигурации государства привело к укреплению центральной власти через деятельность Земских соборов в первой половине XVII в., когда самые важные вопросы как внутренней, так и внешней политики решались «демократическим» образом. Это было «тактическим отступлением» абсолютизма и в конечном счете способствовало оформлению абсолютной монархии на новом этапе истории России в XVIII в. Поэтому авторы исследования ограничились историографическим анализом лишь первой части этого «трудного вопроса» – «Смуты» начала XVII в. При этом, помимо историографических и источниковедческих аспектов этой «трудной» исторической проблемы, выявлен ее методический потенциал. Охарактеризованы некоторые историографические тенденции: Смута как политическая борьба за власть между старой родовой аристократией и новой дворцовой знатью; как социально-экономическая борьба за землю и рабочие руки; Смута – восстание народных масс; Смута – польско-шведская интервенция; Смута – миф, легенда, анекдот. Отмечено, что и зарубежная историография проявляет большой интерес к событиям и урокам Смуты в России. Историки обращают внимание на необычность, «перевернутость» событий для современников, когда место порядка занимает беспорядок. Смута стала испытанием прочности государственной власти и, парадоксальным образом, фактором стабилизации, укрепления государственного начала. Историографические оценки показывают, что одинаковая трактовка политических событий XVII и XVIII вв. в ИКС приводит к деформации исторической логики, ИКС не учитывает тенденций в изучении Смуты отечественной и зарубежной историографии. Вне поля зрения ИКС остались и исторические мифологемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник образования. 2014. № 13.
2. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <http://geftr.ru/archive/10162> (дата обращения: 20.01.2020).
3. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii.html> (дата обращения: 20.01.2020).
4. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).
5. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Педагогические подходы к реализации концепции единого учебника по истории : пособие для учителей общеобразовательных организаций. М. : Просвещение, 2015. 78 с.
6. Умбрашко К.Б. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории: «трудные вопросы» истории или «трудные вопросы» историографии? // Сибирский учитель : науч.-метод. журнал. 2016. № 5 (108). С. 16–21.
7. Умбрашко К.Б., Федина Н.Г. «Трудные вопросы» отечественной истории и варианты их решений : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2017. 108 с.
8. Умбрашко К.Б., Олейников И.В., Соловьева Е.А., Федина Н.Г. Решение «трудных вопросов» Историко-культурного стандарта как механизм модернизации содержания предмета в рамках реализации Концепции нового УМК по отечественной истории : учеб. пособие. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2018. 156 с.
9. Олейников И.В., Федина Н.Г. «Трудные вопросы» истории России первой половины XX века: учебно-методическое пособие / под ред. А.В. Запороженко. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2018. 184 с.
10. Договор о признании королевича Владислава русским царем. URL: <http://refdb.ru/look/1876311-p7.html> (дата обращения: 20.01.2020).
11. Гутнов Д.А. Люди и события Смутного времени. М. : ГИТИС, 1994. 80 с.
12. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М. : Мысль, 1988. 283 с.
13. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. В.А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1989. Т. III: Курс русской истории, ч. 3. 414 с.
14. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М. : Чарли, 1994. 800 с.
15. Dunning Ch.S.L., Martin R., Rowland D.B. Rude & Barbarous Kingdom Revisited : Essays in Russian History and Culture in Honor of R.O. Crummey. Bloomington : Slavica, 2008. 513 p.
16. Dunning Ch.S.L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park, Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2010. 637 p.

17. Mjør K.J. Smuta: cyclical visions of history in contemporary Russian thought and the question of hegemony // *Studies in East European Thought*. 2018. Vol. 70, is. 1. P. 19–40.
18. Petersson B. The eternal great power meets the recurring Time of Troubles: Twin political myths in contemporary Russian politics // *European Studies*. 2013. Vol. 30. P. 301–326.
19. Буланкина Н.Е., Умбрашко К.Б. Regional history in the formation and development of the personality of students [Региональная история в становлении и развитии личности обучающихся] // *Сибирский учитель : науч.-метод. журнал*. 2018. № 1 (116). С. 69–74.
20. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. / отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М. : Мысль, 1989. Кн. IV: История России с древнейших времен, т. 7–8. 752 с.
21. Карамзин Н.М. История государства Российского : репринт. воспроизведение изд. 1842–1844 гг. : в 3 кн. с приложением. М. : Книга, 1989. Кн. III: Тома IX, X, XI, XII. Разд. паг.
22. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории. М. : Эксмо, 2007. 479 с.

УДК 930/94(47).08
DOI: 10.17223/19988613/64/19

А.Н. Худолеев

ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ЛИЧНОСТИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

Рассматриваются оценки научной теории и личности В.О. Ключевского в отечественной дореволюционной исторической периодике. Выделяется несколько ключевых моментов в подходах к историческим взглядам В.О. Ключевского в указанный период. Анализируются объективность и аргументированность позиций авторов. Делаются выводы о признании исторической концепции В.О. Ключевского научным сообществом, несмотря на критику отдельных ее положений, и о значении данного историка в деле развития отечественной научно-исторической и историко-педагогической мысли.

Ключевые слова: Василий Осипович Ключевский; историческая мысль; дореволюционная историография.

В.О. Ключевский в истории отечественной исторической науки является примером добросовестного и профессионального отношения к ремеслу историка. Это отмечалось многими его современниками, в том числе таким критически настроенным полемистом, как Д.И. Иловайский [1]. Работы В.О. Ключевского, ставшего преемником С.М. Соловьева в Московском университете и получившего научное признание после защиты докторской диссертации в 1882 г., не оставались без внимания коллег. Рецензии на выходившие труды В.О. Ключевского неоднократно публиковались в отечественных исторических журналах второй половины XIX – начала XX в. Много откликов получила диссертация, а затем и монография «Боярская дума древней Руси».

Так, профессор Императорского университета Св. Владимира, председатель Киевского общества летописца Нестора В.С. Иконников подчеркнул, что исследование В.О. Ключевского не является абсолютно новым, так как первый обстоятельный очерк, посвященный данному вопросу, принадлежит профессору Казанского университета Н.П. Загоскину [2]. Однако если Н.П. Загоскин сосредоточился на юридической стороне вопроса, то В.О. Ключевский собрал, сгруппировал и систематизировал массу исторических фактов, выстроил из них цепь умозаключений, хотя и «носящих иногда априористический характер» [3. С. 620]. По мнению В.С. Иконникова, работа московского историка страдает узостью, сосредоточенностью только на истории Руси, тогда как полезно было бы сравнить Боярскую думу с подобными институтами в других государствах, особенно в соседнем литовско-польском. Менее критично отзывался об исследовании В.О. Ключевского инспектор Учительской семинарии им. П. Ольденбургского и по совместительству сотрудник «Исторического вестника» И.Д. Белов (печатался под псевдонимом «И. Б-ъ»). Пройгнорировав труд Н.П. Загоскина, он заявил, что вопрос о Боярской думе «...ни разу не был поднят в нашей ученой исторической литературе...» [4. С. 214]. Более справедливыми выглядят мысли рецензента об определении В.О. Ключев-

ским исторической роли боярства, целей, задач, стремлений данного сословия, актуализации интереса к нему и его изучения, что отразилось затем в работах преподавателя истории Императорского Александровского лицея Е.А. Белова [5].

Близкую к В.С. Иконникову позицию занял профессор Казанского университета Д.А. Корсаков. Он также отметил, что до В.О. Ключевского в той или иной степени проблема Боярской думы затрагивалась в работах К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, Н.П. Загоскина. Однако «Боярская дума древней Руси» является «широкой кистью написанной картиной из истории боярства, главным образом средневековой Московской Руси, касаясь остальных древнерусских областей далеко не столь подробно» [6. С. 248]. Кроме того, Д.А. Корсаков кратко остановился на магистерской диссертации В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». Он охарактеризовал ее как произведение, соединившее в себе источниковедческую, историографическую и историко-литературную проблематику. Д.А. Корсаков выделил два основных положения магистерской диссертации В.О. Ключевского: 1) жития русских святых имели многочисленные редакции и правки, поэтому трудно найти в них оригинальную составляющую; 2) этот источник, вопреки бытовавшему мнению, не обладал широтой, полнотой, а тем более объективностью сведений об исторических событиях. С последним тезисом рецензент согласился лишь частично, потому что автор использовал только жития северо-восточной Руси, проигнорировав южные [Там же. С. 245].

Не остались без внимания научной общественности и издаваемые Василием Осиповичем лекционные материалы под названием «Курс русской истории». Профессор Санкт-Петербургского университета В.М. Грибовский отдавал должное широкой постановке вопросов, оригинальным обобщениям, научности, красоте и образности изложения курса. Рецензента как юриста по образованию, доктора государственного права прежде всего интересовало освещение В.О. Ключевским правовых аспектов жизни Киевской Руси (междукня-

жеских отношений, порядка замещения столов и т.д.). По мнению В.М. Грибовского, автор курса, вслед за С.М. Соловьевым [7], придерживается теории лестничного восхождения, которая «в настоящее время... должна быть признана окончательно устаревшей» [8. С. 1014]. С точки зрения рецензента, это доказывается работой профессора Санкт-Петербургского университета В.И. Сергеевича, отвергавшего теорию родового быта, основанную на легендарном сказании Никонской летописи, и считавшего, что волости в Киевской Руси не переходили по старшинству, а добывались князьями без учета родства и старшинства, в зависимости от собственной силы, доброй славы, по договору с вече и т.д. [9]. В результате В.О. Ключевский воспроизводит тот правовой порядок, который «если и существовал, то только в представлении членов данного княжеского рода, а не в действительной жизни» [8. С. 1015].

В отличие от В.М. Грибовского, сотрудник «Русской старины», печатавшийся под псевдонимом «В.Я.» (кому именно принадлежал псевдоним, установить не удалось) свел отзыв на четвертый том «Курса русской истории» к обширному и обильному цитированию, по результату которого пришел к умозаключению, что хотя курс, несомненно, принадлежит «к лучшим образцам русской научной литературы», однако по нему учиться нельзя, так как «в нем не содержится полного изложения событий, отсутствуют характеристики большинства государственных деятелей, мало внешнеполитической жизни России...» [10. С. 128].

Помимо основных трудов, интерес у научной аудитории вызывали и узкоспециализированные работы В.О. Ключевского. Например, небольшая монография «Русский рубль XVI–XVIII в. в его отношении к нынешнему», впервые опубликованная в виде большой статьи в 1884 г. [11]. Основные положения исследования были озвучены В.О. Ключевским в этом же году на заседании Императорского Московского археологического общества, где он критиковал книгу профессора Д.И. Прозоровского [12], поддержал точку зрения статистика М.П. Заблоцкого-Десятовского [13], и предложил свою систему перевода стоимости материальных ценностей какого-либо исторического периода на современные деньги [14]. Сотрудник «Исторического вестника», печатавшийся под псевдонимом «Х.Г.» (кому именно принадлежал псевдоним, установить не удалось), заметил, что «эта маленькая книжечка... полезна почти для ежеминутных справок» [15. С. 444]. Рецензент отметил, что отправной точкой отсчета автор выбрал отчет Департамента земледелия и сельской промышленности за 1882 г. [16], поскольку тогда, как и в средневековой Руси, не было значительного экспорта зерна за границу, цены были низкими, и распределение урожая имело некоторое сходство.

В.О. Ключевский также являлся значимой фигурой в области преподавания русской истории на рубеже XIX–XX вв. Профессорско-преподавательской корпорацией Московского университета были торжественно отмечены 30-летие его профессорской деятельности [17] и 30-летие научно-преподавательской деятельности [18]. Много откликов и личных воспоминаний

было напечатано в отечественных исторических журналах в связи с кончиной В.О. Ключевского в 1911 г. Так, заведующий архивом Департамента герольдии В.Е. Рудаков отметил популярность курса лекций московского профессора среди преподавателей всех уровней образования не только столичных городов, но и периферийных. Вопреки В.М. Грибовскому, В.Е. Рудаков считал, что по лекциям В.О. Ключевского «учились и учили, и будут еще учиться многие годы» [19. С. 983]. Это подтверждается гимназическими воспоминаниями князя Б.А. Щетинина. Кроме того, на юного ученика большое впечатление произвел странный образ именитого профессора: «С первого взгляда – что-то удивительно мало заметное, почти ничтожное: не то сельский дьячок, не то консисторский писец, получающий 15 рублей в месяц жалованья» [20. С. 225].

Библиограф, библиотекарь Государственной Думы А.М. Белов поделился личными впечатлениями о лекциях Василия Осиповича. Он подчеркнул их импровизационный характер, художественность, артистичность лектора, детальную, глубокую погруженность в освещаемую эпоху. В то же время, несмотря на мнение недоброжелателей, В.О. Ключевский не был простым популяризатором исторического знания, способным влиять с кафедры только на молодежную среду. От него «веяло строгой наукой» [21. С. 989]. Между тем переход В.О. Ключевского в конце 1879 г. из Московской духовной академии на историко-филологический факультет Московского университета не был легким. По свидетельству историка-краеведа А.А. Танкова, после кончины С.М. Соловьева лекции по русской истории с начала 1879–1880 учебного года не читались, так как поиски достойной кандидатуры затянулись. В студенческом кругу сложилось мнение, что заменить С.М. Соловьева может только Н.И. Костомаров. Если же на кафедру вступит какая-либо посредственность, то ее «никто и слушать, признавать за профессора не станет» [22. С. 693]. Сообщение о том, что читать лекции приглашен какой-то малоизвестный доцент духовной академии, было воспринято студенческой корпорацией негативно. Однако решено было предоставить ему один шанс. Если лекция окажется удовлетворяющей «нашим ожиданиям, то отнестись к ней с одобрением, если же нет, то освистать дебютанта и протестовать против его приглашения» [Там же. С. 694]. До В.О. Ключевского доходили слухи о настроениях студентов. Он хотел отказаться от приглашения, и лишь профессор А.М. Иванцов-Платонов смог убедить его в обратном.

Как представитель московской исторической школы, В.О. Ключевский интересовался современной ему политической жизнью страны, в частности процессом генезиса российского парламентаризма. Обобщить высказывания Василия Осиповича по данному вопросу постарался историк М.В. Ключков. Исторически Государственную Думу, призванную стать барометром потребностей и настроений общества, В.О. Ключевский связывал с Земскими соборами. Он выступал за проведение бессловесных выборов, без предоставления привилегированного положения дворянству,

поскольку это не согласуется с целью и задачами парламента как выразителя интересов всех общественных групп, его законодательского характера. Отсюда протекала мысль о необходимости того, чтобы «крестьяне-выборщики не выделялись в особую избирательную курию, но, слившись в одну массу с выборщиками от остальных групп населения, могли выбирать всякого, кто им покажется достойным» [23. С. 248].

Подводя итог оценкам научной концепции и личности В.О. Ключевского в дореволюционных отечественных исторических журналах второй половины XIX – начала XX в., можно сделать следующие выводы. Труды В.О. Ключевского постоянно находились в

центре внимания научной общественности. Рецензенты не обошли стороной ни одной значимой работы ученого; они подвергались аргументированной, доброжелательной критике, с подчеркиванием значительного вклада того или иного исследования в развитие русской исторической науки. Вызывали интерес образ В.О. Ключевского как преподавателя, профессора, труженика науки, его лекторское и педагогическое мастерство. Следствием этого внимания являлись отзывы в исторической периодике, изучение которых позволяет внести лепту в проблему осмысления значения и роли В.О. Ключевского в отечественной научно-исторической и историко-педагогической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иловайский Д.И. Поборники норманизма и туранизма // Русская старина. 1882. Т. 36, вып. 10-12. С. 585–620.
2. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань : Университетская тип., 1879. Т. II: Центральное управление Московского государства, вып. 1: Дума боярская. 156 с.
3. Иконников В.С. Рецензия на: «Боярская дума древней Руси» В. Ключевского. М., 1882 // Русская старина. 1882. Т. 36, вып. 10-12. С. 620–622.
4. И. Б-ъ Рецензия на: «Боярская дума древней Руси» В. Ключевского. М., 1882 // Исторический вестник. 1883. Т. 11. С. 214–221.
5. Белов Е.А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 243. С. 68–127; 233–305.
6. Корсаков Д.А. По поводу двух монографий В.О. Ключевского // Исторический вестник. 1911. Т. 126. С. 236–251.
7. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М. : Университетская тип., 1847. 670 с.
8. Грибовский В.М. Профессор Ключевский «Курс русской истории» Часть I. Москва, 1904 // Исторический вестник. 1904. Т. 96. С. 1013–1015.
9. Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1867. 413 с.
10. В.Я. XVIII век в освещении профессора В.О. Ключевского (от младенчества Петра Великого до переворота 1762 г.) // Русская старина. 1911. Т. 145, вып. 1-3. С. 113–128.
11. Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVIII в. в его отношении к нынешнему. (Материалы для истории цен) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1884. Кн. I. С. 1–72.
12. Прозоровский Д.И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб. : Тип. А. Траншели, 1865. 416 с.
13. Заблоцкий-Десятовский М.П. О ценностях в древней Руси : историческое исследование. СПб. : Тип. Королева и Ко., 1854. [Ч. 1 и единственная: О монетной системе]. 104 с.
14. Реферат профессора Ключевского о хлебных ценах в древней Руси // Исторический вестник. 1884. Т. 15. С. 693–694.
15. Х.Г. Рецензия на: «Русский рубль XVI–XVIII в. в его отношении к нынешнему» В. Ключевского. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1885 // Исторический вестник. 1885. Т. 19. С. 443–444.
16. 1882 год в сельскохозяйственном отношении, по ответам, полученным от хозяев : (сведения за осенний период и общий разбор года) / под ред. Ковалевского, Семенова, Шульца. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1883. 415 с.
17. Чествование В.О. Ключевского // Исторический вестник. 1901. Т. 86. С. 1273–1276.
18. Бороздин И. В.О. Ключевский (к тридцатилетию его научно-преподавательской деятельности) // Русская старина. 1910. Т. 142, вып. 4-6. С. 155–158.
19. Рудаков В.Е. Памяти В.О. Ключевского // Исторический вестник. 1911. Т. 124. С. 975–985.
20. Щетинин Б.А. Из воспоминаний о В.О. Ключевском // Исторический вестник. 1911. Т. 125. С. 223–226.
21. Белов А.М. В.О. Ключевский как лектор (из воспоминаний его слушателя) // Исторический вестник. 1911. Т. 124. С. 986–990.
22. Танков А.А. Памяти В.О. Ключевского (из воспоминаний его слушателя) // Исторический вестник. 1911. Т. 126. С. 692–696.
23. Ключков М.В. В.О. Ключевский о Государственной Думе // Исторический вестник. 1913. Т. 132. С. 243–249.

Aleksey N. Khudoleev, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: khudoleev73@mail.ru

THE ESTIMATES OF THE HISTORICAL CONCEPT AND PERSONALITY OF V.O. KLYUCHEVSKY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORICAL JOURNALS

Keywords: Vasily Osipovich Klyuchevsky, historical thought, pre-revolutionary historiography.

Vasily Osipovich Klyuchevsky was an outstanding figure in the Russian pre-revolutionary historical science and in the sphere of high education. He was a talented representative of the Moscow Historical School, a professional, a hard worker, the author of the popular course of lectures on the Russian history. Of course, such an extraordinary person could not lack attention of colleagues. The scientific outlook of V.O. Klyuchevsky provoked various assessments and discussions. This was especially clearly manifested in the reviews of his historical works, his famous studies *The Boyar Duma of Ancient Russia* and *The Course of the Russian History* in particular. The object of this paper is to analyze the assessments given to the historical outlook and the very personality of V.O. Klyuchevsky in Russian pre-revolutionary historical periodicals. This will allow us to outline the role of V.O. Klyuchevsky in the Russian historical and pedagogical scientific thought of the second half of the 19 - beginning of the 20 centuries. The article deals with the reviews of V.O. Klyuchevsky's works by such famous scholars as V.S. Ikonnikov, D.A. Korsakov, V.M. Gribovsky and others. Reviews of V.O. Klyuchevsky's works were published in the leading pre-revolutionary historical journals (*Russian Antiquity and Historical Bulletin*). They repeatedly emphasized the scholar's breadth of views and encyclopedic knowledge, his scrupulousness in studying the sources, his boldness in making assumptions and conclusions. At the same time, the reviewers noted that V.O. Klyuchevsky did not always take into account the works of his predecessors on the problem under study. As, for example, in the case with N.P. Zagoskin and V.I. Sergeevich. V.O. Klyuchevsky's lecturing and teaching skills are mentioned by V.E. Rudakov, A.M. Belov, A.A. Tankov and others. One interesting characteristics of V.O. Klyuchevsky's scientific approach noted by his contemporaries is the desire to create for his listeners the atmosphere of a certain historical period and make them feel it. This, according to V.O. Klyuchevsky, allowed to get comfortable with the

historical material and the historical period studied. In conclusion, the author states that the works of V.O. Klyuchevsky were constantly in the center of attention of the scientific community. As a rule, the reaction to them was positive, with bits of reasonable and benevolent criticism. In general, reviews clearly cut out the role and place of V.O. Klyuchevsky in the Russian historical science of the second half of the 19 - the beginning of the 20 centuries.

REFERENCES

1. Ilovaysky, D.I. (1882) Poborniki normanizma i turanizma [Advocates of Normanism and Turanism]. *Russkaya starina*. 36(10-12). pp. 585–620.
2. Zagoskin, N.P. (1879) *Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva* [History of the Moscow state law]. Vol. 2. Kazan': Universitetskaya tipografiya.
3. Ikonnikov, V.S. (1882) Retsenziya na: "Boyarskaya дума drevney Rusi" V. Klyuchevskogo. M., 1882 [Review on: "Boyar Duma of Old Rus" by V. Klyuchevsky. M., 1882]. *Russkaya starina*. 36(10-12). pp. 620–622.
4. I. B.-. (1883) Retsenziya na: "Boyarskaya дума drevney Rusi" V. Klyuchevskogo. M., 1882 [Review of "Boyar Duma of Old Rus" by V. Klyuchevsky. M., 1882]. *Istoricheskiy vestnik*. 11. pp. 214–221.
5. Belov, E.A. (1886) Ob istoricheskom znachenii russkogo boyarstva do kontsa XVII veka [On the historical significance of Russian boyars until the end of the 17th century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 43. pp. 68–127; 233–305.
6. Korsakov, D.A. (1911) Po povodu dvukh monografiy V.O. Klyuchevskogo [Regarding the two monographs of V.O. Klyuchevsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 126. pp. 236–251.
7. Soloviev, S.M. (1847) *Istoriya otnosheniy mezdu russkimi knyaz'yami Ryurikova doma* [The history of relations between the Russian princes of Rurik's home]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
8. Gribovsky, V.M. (1904) Professor Klyuchevskiy "Kurs russkoy istorii" Chast' I. Moskva, 1904 [Professor Klyuchevsky's "The Course of Russian History". Part I. Moscow, 1904]. *Istoricheskiy vestnik*. 96. pp. 1013–1015.
9. Sergeevich, V.I. (1867) *Veche i knyaz'.* *Russkoe gosudarstvennoe ustroystvo i upravlenie vo vremena knyazey Ryurikovichy* [Veche and the Prince. Russian Government and Administration in the Time of the Rurikovich Princes]. Moscow: A.I. Mamontov.
10. V. Ya. (1911) XVIII vek v osveshchenii professora V.O. Klyuchevskogo (Ot mladenchestva Petra Velikogo do perevorota 1762 g.) [The 18th century as told by Professor V.O. Klyuchevsky (From the infancy of Peter the Great to the coup of 1762)]. *Russkaya starina*. 145(1-3). pp. 113–128.
11. Klyuchevsky, V.O. (1884) Russkiy rubl' XVI-XVIII v. v ego otnoshenii k nyneshnemu. (Materialy dlya istorii tsen) [Russian ruble in the 16th – 18th century in relation to the present. (Materials for price history)]. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. 1. pp. 1–72.
12. Prozorovsky, D.I. (1865) *Moneta i ves v Rossii do kontsa XVIII stoletiya* [Coin and weight in Russia until the end of the 18th century]. St. Petersburg: A. Transheli.
13. Zablotsky-Desyatovsky, M.P. (1854) *O tsennostyakh v drevney Rusi: Istoricheskoe issledovanie* [About values in Old Rus: A historical research]. St. Petersburg: tip. Koroleva i Ko.
14. Klyuchevsky, V.O. (1884) Referat professora Klyuchevskogo o khlebnnykh tsenakh v drevney Rusi [Professor Klyuchevsky about bread prices in Old Rus]. *Istoricheskiy vestnik*. 15. pp. 693–694.
15. Kh.G. (1885) Retsenziya na: "Russkiy rubl' XVI-XVIII v. v ego otnoshenii k nyneshnemu" V. Klyuchevskogo. Izdanie Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. M., 1885. [Review on: Russian ruble in the 16th – 18th century in relation to the present. Publication of the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. M., 1885]. *Istoricheskiy vestnik*. 19. pp. 443–444.
16. Kovalevsky, Semenov & Shults. (eds) (1883) *1882 god v sel'skokhozyaystvennom otnoshenii, po otvetam, poluchennym ot khozyaev* [1882 in agricultural terms, according to responses received from the owners]. St. Petersburg: tip. V.F. Kirshbauma.
17. Anon. (1901) Chestvovanie V.O. Klyuchevskogo [Honoring V.O. Klyuchevsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 86. pp. 1273–1276.
18. Borozdin, I. (1910) V.O. Klyuchevskiy (K tridsatiletiyu ego nauchno-prepodavatel'skoy deyatel'nosti) [V.O. Klyuchevsky (on the thirtieth anniversary of his scientific and teaching activities)]. *Russkaya starina*. 142(4-6). pp. 155–158.
19. Rudakov, V.E. (1911) Pamyati V.O. Klyuchevskogo [In memory of V.O. Klyuchevsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 124. pp. 975–985.
20. Shchetinin, B.A. (1911) Iz vospominaniy o V.O. Klyuchevskom [From the memories of V.O. Klyuchevsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 125. pp. 223–226.
21. Belov, A.M. (1911) V.O. Klyuchevskiy kak lektor (Iz vospominaniy ego slushatelya) [V.O. Klyuchevsky as a lecturer (From the memoirs of his listener)]. *Istoricheskiy vestnik*. 124. pp. 986–990.
22. Tankov, A.A. (1911) Pamyati V.O. Klyuchevskogo (Iz vospominaniy ego slushatelya) [In memory of V.O. Klyuchevsky (From the memoirs of his listener)]. *Istoricheskiy vestnik*. 126. pp. 692–696.
23. Klovkov, M.V. (1913) V.O. Klyuchevskiy o Gosudarstvennoy Dume [V.O. Klyuchevsky about the State Duma]. *Istoricheskiy vestnik*. 132. pp. 243–249.

УДК 031 (367)
DOI: 10.17223/19988613/64/20

А.А. Чернышев

ИДЕЯ СЛАВЯНСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ КОНЦА XIX в.

Целью статьи является анализ энциклопедических изданий как источника по славянскому вопросу. Идея единства славянских народов была популярна в общественном сознании в XIX в. Достаточно полно идея славянства была отображена в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и «Большой энциклопедии» под ред. С.Н. Южакова. В целом наблюдаются попытки отобразить в словарно-энциклопедической литературе славянскую культуру, ее специфику и самобытность. Появление в дореволюционной России полноценных энциклопедических изданий способствовало распространению научных знаний и повышению образованности русского общества, отвечая его запросам и требованиям времени.

Ключевые слова: энциклопедические издания; энциклопедический словарь; Российская империя; славяноведение; идея славянства.

Идея славянства на протяжении последних двух столетий привлекала внимание многих ученых и исследователей. Особый интерес был сфокусирован на месте славян в истории, осмыслении проблем развития славянских народов, формировании их социально-исторического опыта, духовного своеобразия и их вкладе в мировую культуру и историю. Возрождение идеи славянства происходит в конце XVIII–XIX в. Тема славянства и славянского единства в России резонировала по многим причинам, среди которых складывание системы своей национальной общности и стереотипные представления о других общностях, а также борьба за национальные идеи. Эта тема находила отражение в публицистике, философии и с появлением словарно-энциклопедического дела стала проникать в российские энциклопедии, которые помогали российскому обществу осмыслить уровень знаний, накопленный в отечественной и мировой культуре.

В Российском государстве в начале XIX столетия происходит рост энциклопедической литературы, значительно увеличивается спрос на справочно-энциклопедические издания. Эталонами отечественной энциклопедистики в России стали такие издания, как «Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара (1835–1841); «Справочный энциклопедический словарь» Старчевского–Крайя (1847–1855); «Настольный словарь» Ф.Г. Толля (1863–1864). Событием особой важности стало появление «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, а затем и «Большой энциклопедии» (1900–1909). По сравнению со всеми появившимися энциклопедическими изданиями особая новизна подачи энциклопедического материала о идее славянского единства и славянстве присутствует в двух крупных изданиях: «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и «Большой энциклопедии». В раскрытии идеи славянства в этих энциклопедиях наблюдаются как совпадения взглядов, так и их отличия.

Не останавливаясь подробно на характеристике «Энциклопедического лексикона» петербургского издателя А.А. Плюшара, можно упомянуть, что круг его

участников был огромен для этого времени. Так, А.С. Пушкин, присутствовавший на одном из совещаний, посвященных изданию русского «Conversations Lexicon», записал в своем дневнике 17 марта 1834 г.: «...нас было много, со сто человек, большею частью неизвестных мне великих людей» [1. С. 321]. Создатели «Лексикона» оповестили подписчиков о ходе работ по написанию и редакции статейного материала: «Статьи, написанные Сотрудниками, поступали к Редактору, который по прочтении утверждал их и препровождал в Общую Редакцию» [2. С. V].

«Лексикон» А.А. Плюшара был богат по своему содержанию: в нем были представлены различные темы от истории до биологии и культурологии, однако большая часть статейного материала являлась по большому счету компиляцией с немецкой энциклопедии «Conversations-Lexicon».

В «Лексиконе» А.А. Плюшара славянская тематика была представлена немногочисленными обзорными статьями и биографическими персоналиями. Так, упоминание о «землях славянских» представлено в статье «Варяги». Автор, ссылаясь на повесть временных лет Нестора, поставил вопрос об особом пути развития Руси и о ее историческом призвании: «Отъ этихъ Варяговъ-Руссовъ, земля начала называться и “Русскою”» [3. С. 8]. О популярности данной темы в то время можно судить и по статье «Великая Россия» под авторством Н.И. Надежина [4], которая по исторической и этнографической значимости оставалась долгое время важным источником об области родины славян. В статье автор затрагивает взаимоотношения славян внутри русского народа. В решении славянского вопроса Н.И. Надеждин надеялся на всеславянское объединение, в котором главенствующая роль принадлежала бы Российскому государству.

Важно отметить, что начало XIX в. охарактеризовалось большим всплеском идеи славянского мира и его будущего. После продолжительного путешествия по южным и западнославянским землям взгляды Н.И. Надежина изменились. Главным выводом исследователя

стало принижение панславянских взглядов, которые утверждали о несомненном стремлении всех славянских народов к созданию единого общеславянского союза. В целом в «Энциклопедическом лексиконе» А.А. Плюшара были отражены взгляды русских мыслителей начала XIX в. на вопрос о необходимости славянского единства и роли России в ее интегрирующей исторической миссии.

Подготовка «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона стартовала в 80–90-е гг. XIX столетия, в эпоху существенных социально-экономических изменений, когда в Российской империи активно создавались солидные полиграфические компании. Редакцию энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона возглавил профессор Петербургского университета И.Е. Андреевский.

Среди всех вышедших к тому времени российских энциклопедий данное издание стало наиболее известным и влиятельным благодаря объединению в нем представителей разных течений публичной и научной мысли. Энциклопедию характеризовал определенный умеренно-либеральный стиль, отражавший взгляды, доминирующие среди российской интеллигенции. Авторский коллектив превысил 600 человек, в числе создателей были Д.Н. Анучин, Д.К. Бобылев, С.А. Венгеров, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, Г.Е. Грум-Гржимайло, Н.М. Лисовский, Н.А. Рубакин, Ф.Ф. Эрисман, И.И. Янжул, Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, А.И. Воейков, Н.И. Кареев, Вл.С. Соловьев, Г.Н. Потанин, П.Н. Милюков, В.И. Яковенко и др. Примечательно, что многие из них впоследствии работали над созданием других энциклопедий, а именно: «Большой энциклопедии», «Энциклопедического словаря» Ф.Ф. Павленкова и «Энциклопедического словаря» братьев Гранат.

Содержание энциклопедии было наполнено фактическими и статистическими сведениями из различных областей: литературы, истории философии, математики, естествознания и географии. «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона отличался высоким научным уровнем статейного материала, а также имел обширный библиографический фундамент.

В Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона качество информации, обилие фактического, в том числе и статистического, материала, раскрывающего славянскую тему, было продиктовано несколькими причинами, среди которых основной являлось то, что авторы, обладая значительной источниковой базой по данной теме, могли использовали ее максимально полно.

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона информационный пласт по славянской теме был сгруппирован в особые энциклопедические группы: статьи обзорного характера (5 статей); статьи в виде кратких справок (15 статей); биографические статьи (персоналии – 40 статей).

Отправным моментом является статья «Славяне», написанная двумя крупными учеными: антропологом Д. Анучиным и крупнейшим славистом В.И. Ламанским. Для удобства информирования читателя статья была поделена на два крупных раздела: «Славяне, ан-

тропологический тип» и «Славяне, народ»; каждый из разделов был представлен обширным материалом, который раскрывал общеславянское сознание и самосознание славянских народов, их хронологические, географические и национальные характеристики.

В разделе «Славяне, антропологический тип» Д. Анучин, используя как свои личные наблюдения, так взгляды антропологов Н.Ю. Зюгана, Г.И. Куликовского, Е.И. Якушкина, описывает два антропологических типа великорусского общества: «Первый – высокорослый, с русыми волосами, серыми глазами с правильным их прорезом и хорошо развитой растительностью на лице; второй – низкорослый, с темнорусыми / черными волосами, карими глазами с более узким разрезом и более слабой растительностью на лице» [5. С. 285]. Данные типы показывают географическую реальность. В этой же статье автор обращается к вопросам истории и культуры славянских народов. В данной статье Д. Анучин делает первую попытку расового анализа применительно к антропологии России. Дополняющий материал по расовой антропологии России был представлен в таких крупных статьях, как «Великорусы» [6] и «Россия. Население: Россия в антропологическом отношении» [7]. Каждая из статей заканчивается богатым справочно-библиографическим материалом, дополняющим данную тему. Важно подчеркнуть, что в дальнейшем исследователи П.И. Зенкевич, Н.Н. Чебоксаров дополняют, но не изменяют концепцию Д. Анучина, тем самым рассматривая ее как основу для всех последующих исследований.

Другой раздел «Славяне, народ» [8] был написан славянофилом и панславистом В.И. Ламанским, который, характеризуя славянские расы, указывает на то, что в ближайшем будущем не предвидится ни политического, ни литературного объединения. С исторической и этнографической позиций автор статьи выделяет три части Азийско-Европейского материка: Европу, Азию и «Средний мир» (греко-славянский), имеющий не только свой путь развития, но и свое место в судьбах цивилизации.

По своим убеждениям В.И. Ламанский являлся представителем культурного панславизма, а также одним из идеологов русского геополитического мышления. Однако идея славянского единства в том виде, как она представлялась В.И. Ламанскому и славянофилам, не получила исторического воплощения. Для лучшего представления о славянских народах статья была снабжена картами их местожительства.

В целом информация, затрагивающая славянскую тему, являлась существенно полной по тем временам. Единственным недостатком стало отсутствие библиографии, т.е. пристатейных списков литературы, что было бы весьма полезным для более тщательного ознакомления читателя с этой темой.

Дополнительный материал по данной теме содержит статья Ф. Зигеля «Славянское право» [9], где под последним понимается наука, которая раскрывает начала общественной жизни славян как единого целого. В статье приводится подтверждение принадлежности славян к арийской языковой группе: «...славянство есть ветвь арийцев, очень долго сохранявшая праарий-

ский быт; поэтому древнеславянский быт сходен в своих основах с древнейшим юридическим политическим бытом греков, римлян и т.д.» [9. С. 336]. Единственным минусом статьи вновь является отсутствие пристатейных списков литературы и источников.

Важно отметить, что еще с конца XVIII в. происходило возрождение отдельных славянских национальностей, и это способствовало изучению древнейшего славянского единства. На страницах энциклопедии в статье «Культура» дана развернутая характеристика различных славянских культур: польской, чешской художественных культур, также показаны эволюция развития славянского искусства и ее взаимоотношения с западными художественными направлениями.

Оригинальный материал по славянской теме был представлен в обзорной статье «Славяноведение» (Славистика) [10], автором которой выступил историк-славист К.Я. Грот. Ко времени создания энциклопедии он уже имел солидный опыт по данному направлению, поэтому в энциклопедии ученый попытался передать читателю сконцентрированные достижения по славяноведению.

К.Я. Грот приводит первоначальное (историческое) значение слова «славяноведение», затем его эволюционные модификации, подтверждаемые примерами из литературно-художественных, научных, официально-деловых текстов и фольклора. Сам термин «славяноведение» им определяется как «наука о славянстве в его целом и в частности о каждом члене племенной семьи славянской, во всех проявлениях его народного типа и его жизни в прошедшем и в настоящем – всестороннее изучение славян в отношениях лингвистическом и этнологическом, археологическом и историческом, историко-литературном и фольклористическом, религиозном, церковно-историческом и проч.» [Там же. С. 294].

Автор признает тот факт, что славистика – наука еще молодая, она встала на прочный фундамент только со второй половины XIX в. Причины такой отсталости, по мнению автора, «кроются главным образом в разобщенности исторических судеб славянства, в его культурной разрозненности и сравнительно позднем развитии общеславянского самосознания» [Там же. С. 295].

В статье большое внимание уделено истории зарождения идеи славянства. Так, К.Я. Грот, исследуя появление этого течения, указывает, что первыми славистами следует признать св. Кирилла и Мефодия: «Они первые изучили славянские языки и обогатили славян книжными сокровищами, которые были в состоянии духовно и литературно сблизить и оказались самыми прочными средствами культурного славянского единения» [Там же. С. 296]. Такое высказывание автора доказывает, что данная тема имеет глубокие корни, относящиеся ко времени Киевской Руси, но только в конце XVIII–XIX вв., в эпоху национального возрождения, она стала научно оформляться и развиваться. По мнению автора, источник славянской идеи – это «осознание племенного и в первую очередь языкового родства». [Там же].

Важно подчеркнуть, что данная статья содержит богатый информационный материал об ученых и по-

литических лидерах, которые занимались и занимаются этой темой. Это слависты из Чехии, Польши и других государств Европы. Особо представлены взгляды и идеи философов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В частности, К.Я. Грот считает, что Н.Я. Данилевский «мало-помалу восстанавливает по частям всю старую славянофильскую постройку, в которой славянство представляется исключительным звеном длинной цепи сменявшихся преемственно друг друга цивилизаций – и славянская идея является в этой связи высшим, наиболее полным разрешением задачи всемирно-исторического процесса» [Там же. С. 297]. Заканчивая статью, автор приводит богатый библиографический материал, дополняющий данную тему.

Оригинальный материал, характеризующий идею славянства, был представлен в аналитической статье П. Милюкова «Славянофильство» [11]. По мнению автора, «славянская идея провозглашает известную общность, взаимность культур и судеб славянских народов» [Там же. С. 309]. Автор указывает, что социальный фундамент славянофильства образовало такое явление русской жизни, как Отечественная война 1812 г., которая обострила патриотические чувства русского народа.

Интересна статья И. Половинкина «Русины» в которой данное понятие истолковывается согласно первоначальным энциклопедическим канонам: «Малоруссы, живут в Венгрии и Австрии, говорят малороссийским языком, близким к русскому» [12. С. 296].

В целом славянский вопрос играл заметную роль в духовной жизни российского общества XIX в. С этой точки зрения интересен материал, представленный в статье И. Бодуэн-де-Куртенэ «Славянские языки». Автор, давая определение этому понятию, указывает на то, что языковое пространство представляет собой «генетически близкое и достаточно компактное, очень сложное и разнообразное единство, которое характеризуется чрезвычайной динамичностью своего развития и тенденциями к расширению» [13. С. 320].

Также ученый подчеркивает, что славянские языки составляют одну из ветвей ариоевропейской отрасли языков и тем самым признает совершенство славян. Автор приводит полную на тот период характеристику славянского языкового мира с лингвистической точки зрения, выделяя общеславянское языковое состояние из состояния «праариоевропейского и дославянского» [Там же. С. 321].

И. Бодуэн-де-Куртенэ попытался раскрыть законы русского исторического словообразования, показать пути сравнительно-сопоставительного анализа исконно славянских и неславянских корней: «лат. anser – немец. Gans – русск. гусь; тюркск. tanga – русск. деньга» [Там же]. В статье также представлена подробная библиография по сравнительному рассмотрению всех славянских языков, равно как и по отдельным языкам этой группы.

Богатая информация по данной теме, подкрепленная обильным фактическим материалом, присутствует в биографических статьях о русских ученых, занимавшихся славянской филологией и историей. В частности, интересный материал представлен в статье В.И. Веселовского «Юрий Крыжанич». Автор пишет,

что это «ученый хорват, один из первых проповедников идеи панславизма» [14. С. 861].

Автор дает полное описание научной деятельности Ю. Крижанича и раскрывает его труды. По мнению автора, Ю. Крижанич всесторонне исследовал российское общество XVII в., предложив собственный проект социального устройства в своем труде «Политика». Несомненным плюсом статьи явилось то, что в ней приведена источниковедческая литература, помогающая читателю более подробно изучить интересующую тему.

Говоря о славянской теме, нельзя обойти вниманием и другую биографическую статью – о Н.С. Стеллецком, авторе многих трудов по славянской тематике.

Интересную информацию по данной теме содержит и биографическая статья о лексикографе П.А. Алексееве и его главной работе «Церковнославянский словарь», который дает «объяснения слов древний славянских».

Не менее интересна биографическая статья о В.И. Ламанском [15], написанная В. Соловьевым. Автор освещает круг интересов ученого, который был весьма широк – история славянских наречий, славянская этнография и духовная культура славян. В статье также присутствуют сведения о работах ученого, таких как «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями», «Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII вв.».

В. Соловьев пытается показать идею В.И. Ламанского «о славянском объединении под покровом русского языка как общего литературного языка всего славянства» [Там же. С. 288].

Важно отметить, что В.И. Ламанский был знаменит тем, что являлся одним из создателей исторического направления славянского учения в России и образовал школу русских славистов, преимущественно историков. Учениками В.И. Ламанского были А.Г. Ильинский, Ф.М. Истомин, А.Л. Погодин и другие ученые, которые в дальнейшем работали над созданием не менее популярной «Большой энциклопедии» (Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 22 т. / под ред. С.Н. Южакова [и др.]. СПб. : Просвещение, 1900–1909).

В.И. Ламанский защиту национальных интересов видел в России как в славянской державе, находя в русском искусстве, литературе, поэзии «родные славянские идеалы». Всеобщая потребность у всех славянских народов изучать русский язык, знакомиться с русской литературой позволит создать всеславянский политический союз.

Идеи славянства отражаются и в объемной биографической статье о крупном исследователе славянского вопроса Н.Я. Данилевском. Автор статьи выступил Вл. Соловьев, который через главный труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» представил образ «Славянского мира», в котором смысл и значение славяно-русской цивилизации строились через объединение и всесторонний расцвет славянства. По мнению Н.Я. Данилевского «славянство должно объединиться вокруг России как лидера и защитника славянского мира» [16.

С. 77]. Если же Россия не выполнит объединительной миссии, славянство растворится в европействе. Именно в монархическом устройстве России Н.Я. Данилевский видел силу и защиту интересов славянства.

Косвенное упоминание о славянах содержится в статье о крупном историке XVIII в. И.Н. Болтине, где упомянут его незавершенный славяно-русский словарь.

Не менее интересна статья об одном из выдающихся лингвистов того времени профессоре И.А. Бодуэне-Куртене, изучавшем говоры славянского языка. Именно он был привлечен к работе по написанию объемной статьи «Славянские языки». Славянская тема в творчестве историка не случайна, она наряду с общими для того времени проблемами выражает его размышления о единении народов и роли России в истории.

Некоторые славянские сюжеты получили в энциклопедии фрагментарное, порой недостаточно полное освещение. Как бы то ни было, издание получило значительный резонанс, пропуски, которые имелись, побуждали других издателей к публикации дополнений и даже к созданию конкурирующих трудов. Это свидетельствовало о том, что насколько острой и жизненной была потребность российского общества в полноценных энциклопедиях.

Из последующих отечественных энциклопедий заслуживает особого внимания появившаяся вслед за «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона «Большая энциклопедия». Ее редакторами являлись известный государственный деятель П.Н. Милюков и С.Н. Южаков.

В это время в издательской деятельности России отмечались серьезные перемены. Как и в других отраслях, в полиграфии создавались крупные предприятия, происходила концентрация производства. В состав авторского коллектива, готовившего материалы для «Большой энциклопедии», входили многие представители либеральной профессуры, выдающиеся научные и общественные деятели: М.А. Антонович, И.А. Бодуэн-де-Куртене, А.Н. Веселовский, В.В. Водовозов, М.Б. Вольфсон, С.И. Коржинский, Н.М. Лисовский, В.Н. Любименко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Г.Ф. Морозов, М.М. Покровский, П.К. Симон, А.А. Шахматов и др. Это свидетельствовало о высокой заинтересованности российского общества в дальнейшем становлении отечественного энциклопедического дела.

Издателям «Большой энциклопедии» удалось избежать многих ошибок своих предшественников благодаря тому, что многие авторы имели достаточный опыт работы по написанию статей для энциклопедий. П. Краснов в статье, опубликованной в журнале «Известия по литературе, наукам и библиографии книжного магазина» в 1902 г., отмечает: «Словарь производит гораздо более благоприятное впечатление, нежели другие начинания, как по полноте издания, так и по точности и объективности сообщаемых сведений» [17. С. 112].

Все, что касается России, все что «входит в сферу русских интересов и русского влияния», – все это будет составляться заново «избранными русскими силами» [18. С. 4]. Подобный факт свидетельствует о том, что пере-

довая российская общественность была заинтересована в развитии словарно-энциклопедической литературы.

Происходившее в это время в Российской империи возрождение русского национального самосознания также затронуло содержание энциклопедии. Русская тема определила характер статей о музыке, балете, архитектуре. В частности, был разработан особый раздел «Древнерусская письменность и славяноведение» который велся под общей редакцией А.К. Бороздина, выступившего автором статьи о протопопе Аввакуме; автором лингвистического отдела был языковед и литературовед Д.Н. Овсяннико-Куликовский.

Сам раздел «Древнерусская письменность и славяноведение» был представлен богатыми сведениями о славянском вопросе, однако статьи его были сжаты, т.е. не было таких пространственных материалов, как в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Так, в статье «Славяне» приведены лишь фрагментарные сведения о лингвистическом происхождении, при этом автор дополняет статью ссылкой на другие статьи данного издания: «Славянские языки», «Славяноведение».

Обзорная статья «Славяноведение» дает только определение термина «славистика»: «...славистика, или славянская филология, совокупность научных дисциплин посвященных изучению славян, их языков, литературы, истории, права и быта» [19. С. 514].

Все же следует сказать, что в энциклопедии акцентируется внимание на ученых, занимавшихся вопросами, связанными со славяноведением. Представлены биографии Д.Н. Бантыша-Каменского с упоминанием его путешествия в Сербию, А.Х. Востокова, который назван «светилом и творцом славянской филологии» и вполне заслуженно отнесен к основателям славяноведения, так как его работа «Рассуждение о славянском языке» положила начало изучению славянского языка и научным историческим исследованиям в данной области.

Приведены и сведения о Н.М. Карамзине, М.Т. Каченовском, П.И. Кеппене, М.В. Ломоносове и многих других отечественных ученых, занимавшихся вопросами славянства. Из зарубежных исследователей отмечены чешские (Г. Добнер, И. Добровский) и польские (С. Линде, который назван «знаменитым славянологом») филологи и историки.

На протяжении всего XIX в. в освещении славянского вопроса наблюдаются попытки отобразить в словарно-энциклопедической литературе славянскую культуру, ее специфику и самобытность. В конечном счете это свидетельствовало о мере и степени знакомства русского общества со славянской тематикой, вследствие чего энциклопедические труды приобретали историко-культурную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1962. Т. 7. 456 с.
2. Греч Н.И. Предисловие // Энциклопедический лексикон А.А. Плюшара. СПб., 1835. Т. I. С. V.
3. Варяги // Энциклопедический лексикон А.А. Плюшара. СПб., 1837. Т. 9. С. 8–9.
4. Надеждин Н.И. Великая Россия // Энциклопедический лексикон А.А. Плюшара. СПб., 1837. Т. 9.
5. Анучин Д. Славяне, антропологический тип // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1900. Т. XXX (59). С. 285–293.
6. Анучин Д. Великорусы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1892. Т. X. С. 828–843.
7. Россия // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1899. Т. XXVII (54).
8. Ламанский В.И. Славяне, народ // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1900. Т. XXX (59). С. 287–293.
9. Зигель Ф. Славянское право // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1900. Т. XXX (59). С. 335–348.
10. Грот К.Я. Славяноведение // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1900. Т. XXX (59). С. 294–310.
11. Милюков П. Славянофильство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1900. Т. XXX (59). С. 307–314.
12. Половинкин И.Н. Русины // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1899. Т. XXVII (53). С. 296–297.
13. Бодуэн-де-Куртенэ И. Славянские языки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1900. Т. XXX (59). С. 316–332.
14. Веселовский В.И. Крыжанич Юрий // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1895. Т. XVII (32). С. 861–862.
15. Соловьев В. Ламанский Владимир Иванович // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1896. Т. XVII (33). С. 288.
16. Соловьев Вл. Данилевский Николай Яковлевич // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1893. Т. X (19). С. 77–81.
17. Краснов П. Русские энциклопедии // Известия по литературе, наукам и библиографии книжного магазина Товарищества М.О. Вольф. М., 1902. № 12. С. 112.
18. Предисловие // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. СПб. : Просвещение, 1900. Т. 1. С. 4.
19. Славяноведение // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. СПб. : Просвещение, 1904. Т. 17. С. 514–515.

Alexander A. Chernyshev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru

THE IDEA OF SLAVDOM IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN ENCYCLOPEDIAS OF THE LATE XIX CENTURY

Keywords: encyclopedia, encyclopedic publications, reference literature, glossary of terms, a reference book, encyclopedic dictionary, encyclopedic culture, Russian empire, The slavistics.

Russia occupies one of the leading places in a world encyclopedistica, being an owner of many largest encyclopedic editions, which uniqueness was shown, first of all, in their pithiness and thematic variety of material.

The idea of Slavdom over the past two centuries has attracted the attention of many scholars and researchers. Special interest was focused on the place of the Slavs in history, understanding the problems of the development of Slavic peoples, the formation of their socio-historical experience, spiritual identity and their contribution to the world culture and history.

The purpose of this article is to analyze encyclopedic publications as a source on the Slavic issue. The idea of the unity of the Slavic peoples was popular in the public consciousness in the 19 century. The idea of Slavdom was rather full in the Encyclopedic Dictionary of A.F. Brockhaus and I.A. Efron and the "Great Encyclopedia" ed. by S. N. Yuzhakov. These publications have a number of specific features, consisting in the fact that the author's publishers not only disclose the Slavic question through an abundance of factual, statistical and biographical material, but also through a system of bibliographic references to literature. An important feature was that individual authorship in the creation of vocabulary and encyclopedic work, especially noticeable in the first half of the nineteenth century, was replaced by collective authorship.

In general, the coverage of the Slavic issue is seen in attempts to display the Slavic culture in its dictionary and encyclopaedic literature, its specificity and identity. The appearance of full-fledged encyclopedic publications in prerevolutionary Russia promoted the dissemination of scientific knowledge and the enhancement of the education of Russian society, responding to its needs and demands of the time.

Conclusion. In Russia, this century can be considered an era of laying the foundation of the Russian encyclopedist, when the necessary internal preconditions for the development of encyclopedic affairs, combined with the impact of external factors, were created. Encyclopedic works reflected the origins of Slavic studies as an integral part of Russian culture. This paradigm subsequently embodied in the work of scientists of the early 20 century.

REFERENCES

1. Pushkin, A.S. (1962) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: GIKhL.
2. Grech, N.I. (1835) Predislovie [Preface]. In: Plyushar, A.A. *Entsiklopedicheskiy leksikon A.A. Plyushara* [A.A. Plyushar's Encyclopedic Lexicon]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
3. Anon. (1837) Varyagi [Varangians]. In: Plyushar, A.A. *Entsiklopedicheskiy leksikon A.A. Plyushara* [A.A. Plyushar's Encyclopedic Lexicon]. Vol. 9. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 8–9.
4. Nadezhdin, N.I. (1837) Velikaya Rossiya [Great Russia]. In: Plyushar, A.A. *Entsiklopedicheskiy leksikon A.A. Plyushara* [A.A. Plyushar's Encyclopedic Lexicon]. Vol. 9. St. Petersburg: [s.n.].
5. Anuchin, D. (1900) Slavyane, antropologicheskiy tip [Slavs, anthropological type]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 30. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 285–293.
6. Anuchin, D. (1892) Velikorussiy [Great Russians]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 10. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 828–843.
7. Anon. (1899) Rossiya [Russia]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 27A. St. Petersburg: Brokgauz-Efron.
8. Lamansky, V.I. (1900) Slavyane, narod [Slavs, people]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 30. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 287–293.
9. Zigel, F. (1900) Slavyanskoe pravo [Slavic law]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 30. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 335–348.
10. Grot, K.Ya. (1900) Slavyanovedenie [Slavic Studies]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 30. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 294–310.
11. Milyukov, P. (1900) Slavyanofil'stvo [Slavophilism]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 30. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 307–314.
12. Polovinkin, I.N. (1899) Rusiny [Russians]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 27. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 296–297.
13. Baudouin de Courtenay, I. (1900) Slavyanskie yazyki [Slavic languages]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 30. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 316–332.
14. Veselovsky, V.I. (1895) Kryzhanich Yuriy [Kryzhanich Yuri]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 26A. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 861–862.
15. Soloviev, V. (1896) Lamanskiy Vladimir Ivanovich [Lamansky Vladimir Ivanovich]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 27. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 288.
16. Soloviev, V.I. (1893) Danilevskiy Nikolay Yakovlevich [Danilevsky Nikolay Yakovlevich]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 10. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. pp. 77–81.
17. Krasnov, P. (1902) Russkie ensiklopedii [Russian Encyclopedias]. *Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnogo magazina Tovarishchestva M.O. Vol'f*. 12. pp. 112.
18. Yuzhakov, S.N. (ed.) (1900a) *Bol'shaya ensiklopediya: slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otraslyam znaniya* [Big Encyclopedia: Dictionary of Publicly Available Information for All Branches of Knowledge]. Vol. 1. St. Petersburg: Prosveshchenie. pp. 4.
19. Yuzhakov, S.N. (ed.) (1900b) *Bol'shaya ensiklopediya: slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otraslyam znaniya* [Big Encyclopedia: Dictionary of Publicly Available Information for All Branches of Knowledge]. Vol. 17. St. Petersburg: Prosveshchenie. pp. 514–515.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 94(930)

DOI: 10.17223/19988613/64/21

А.А. Валитов, В.А. Герасимова

ОБРАЗ ЕВРЕЕВ В ЗАПИСКАХ СИБИРСКИХ ПАЛОМНИКОВ КАК ФАКТОР ОПРЕДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18 78 10062
«Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.».*

Статья посвящена образу евреев, сформированному в путевых записках сибирских паломников, и его влиянию на определение русской идентичности православных «пилигримов». Основным источником стали преимущественно дневники сибирских паломников (красноярского, туринского и иркутского) начала XX в., опубликованные в местных епархиальных ведомостях. Паломнические записки демонстрируют появление совершенно нового типа еврея – русского; можно предположить, что данный тип обладал большим количеством признаков «своего», чем «чужого» для русского паломника.

Ключевые слова: ментальные карты; Палестина; образ; идентичность; русские евреи; паломники; Святая земля.

Введение

Путешествия представляют собой универсальный инструмент формирования «ментальных карт» [1. С. 36] и «воображаемой территории», столкновение «своего» и «чужого» приводит к смещению восприятия пространства, происходит разрушение или подтверждение стереотипов. Словами М.Ю. Лотмана, путешествие предстает в качестве момента соприкосновения бинарных структур, различных культурных традиций, взаимообмена и взаимодействия культурных практик [2. С. 257].

Этот тезис применим и в отношении русских паломников в Палестине. Оказавшись на Святой земле, путешественники подвергали рефлексии окружающую их действительность, природу, быт, нравы как местных жителей, так и иностранных туристов. «Восприятие незнакомого мира для паломника имело следствием не только его освоение, но и его более отчетливую самоидентификацию как русского и православного» [3. С. 48]. Или «путем сравнения представлений паломников о том, каким должно быть поведение в общественных местах, как следует относиться к деньгам, богатству и т.д., не только формируется мнение о Другом, но и осуществляется идентификация “своего” и культурная самоидентификация православных путешественников» [4. С. 192–193].

Во многом очевидные формы соприкосновения «своего» и «чужого» при этом приобретали нелинейные формы в отношении евреев. С одной стороны, российский обыватель был хорошо знаком со «своими» – русскими евреями, в дороге на Святую землю его сопровождали потоки еврейских переселенцев в *Эрец-Исраэль*, с другой – в Палестине паломника

встречали «чужие» – ближневосточные евреи, эмигранты из иных государств. Отдельное место в палестинском нарративе для паломников занимала еврейская тема в контексте библейской истории. В целом вышеперечисленные условия, сопровождавшие российского «пилигрима», оказывали воздействие на более яркое восприятие образа еврея, но при этом способствовали самоидентификации русских за границей. Только изучив данные аспекты, возможно реконструировать образ евреев и еврейской Палестины как фактора определения русской идентичности.

Характеристика источников

Согласно статистическим данным в конце XIX в. ежегодное число российских паломников в Палестину составляло от 6 до 20 тыс. человек [5. С. 488]. Для сравнения: в конце XIX в. из Франции, Австрии и Италии суммарно приезжали только 800–1 000 католических паломников [6]. Сибирские паломники были не так многочисленны в общероссийском потоке, сведения о проживающих на русских постройках в 1912–1913 гг. содержат данные о 222 сибиряках: из Енисейской губернии 31, Забайкальской области 6, Иркутской губернии 6, Тобольской губернии 28, Томской губернии 158, Якутской области 2 [7. Д. 3. Л. 1, 1 об, 2].

Паломнические дневники могут выступать важными информативными источниками для исследователей [3, 8]. На сегодня известно всего три сохранившихся текста записок паломников-сибиряков в Палестину в 1880–1917 гг. В 1900–1902 гг. совершил паломничество иркутский священник (имя на данный момент не установлено, подписывался «М.И.П.»), в 1906 г. иерей И.А. Селихов из Тобольской епархии оправился в «па-

ломническое странствие» по Ближнему Востоку, а в 1908 г. состоялась «экскурсия» во Святую землю воспитанника Красноярской духовной семинарии Никона Уставщикова (родом из Нижегородской губернии). Очевидно, подобных текстов было больше. Иркутские епархиальные ведомости публиковали объявление о выходе из печати и продаже в одном из самых известных книжных магазинов Иркутска «Макушин и Посохин» путевых набросков протоиерея Михаила Сизого «Из Сибири в Святую Землю» (на данный момент не известно ни об одном сохранившемся экземпляре этого издания) [9. С. 199]. К сибирским текстам также следует отнести путевые очерки 1899 г. выходца из Тюмени, коммерсанта и старообрядца Н.М. Чукмалдина, получившего известность в торговом мире Сибири и России [10. С. 297].

Следует отметить, что еще на этапе планирования путешествия паломники в России попадали под внутреннее информационное влияние, в том числе официальной российской прессы, авторы будущих текстов уже были уведомлены о росте иноземного присутствия на Святой земле; здесь же следует указать на заметное взаимовлияние паломнических текстов, о чем пишет М.С. Шаповалов [11. С. 953]. Как отмечает М.В. Белов, «путешественник, отправившийся в чужую страну, несет с собой груз стереотипов, почерпнутых в своей социальной и интеллектуальной среде. Но, с другой стороны, его записки являются результатом непосредственного опыта пребывания в другом мире и «удивления» от него. В этой ситуации могут трансформироваться старые стереотипы и возникнуть новые формы восприятия» [12. С. 405].

Анализируя взгляд на евреев русских паломников первой половины XIX в., Е.Л. Румановская сделала вывод, что «православные путешественники почти не замечают находящиеся перед их глазами древнееврейские достопримечательности (например, Стену Плача) и не всегда пишут о самих евреях. Взгляд на еврейский Иерусалим зависит в основном от их образованности и предубежденности» [13. С. 78].

Во второй трети XIX в. на «образованность и предубежденность» русских путешественников стали оказывать дополнительное влияние два сравнительно новых процесса: рост антисемитизма в Российской империи (антисемитские погромы, последовавшие за убийством Александра II, антиеврейская политика Александра III, указы, запрещающие евреям селиться в деревнях, учиться в гимназиях) и распространение сионизма – движения, ратовавшего за возвращение еврейского народа на историческую родину. Нараставшее в Европе и России антисемитское движение способствовало распространению идей сионизма и активизации переселения евреев в Палестину.

Описывая Иерусалим, Н.Г. Гусев упоминает, что в городе проживают около 50 тыс. жителей, в их числе около 4 тыс. евреев, которые живут особняком [14. С. 767–768]. Если в 1880 г. на территории Святой земли проживало менее 25 тыс. евреев [15. Р. 13], то к концу XIX в. в Иерусалимском мутесаррифлике (санджаке) – около 34 тыс. евреев-туземцев и 5 тыс. евреев-переселенцев из общего 341-тысячного населения [16. С. 6,

32–44]. Число евреев неуклонно росло благодаря активной эмиграции. Русский путеводитель по Палестине 1890 г. сообщал: «Количество евреев в Сирии сравнительно с другими вероисповеданиями не особенно велико, преимущественно они встречаются в Иерусалиме, Твериате (Табария), Сафед, Дамаске, причем только обитающие в этом последнем городе принадлежат к местным старожилам, остальные – лишь поздние в Сирию переселенцы» [Там же. С. 230]. В 1904–1914 гг., после революции 1905 г., из России в Палестину эмигрировали более 30 тыс. евреев, общее число переселенцев составило 35 тыс. человек [15. Р. 14].

Еврейская тема в записках

Еврейская тема, занимавшая важнейшее место во внутритропическом и общественном дискурсе Российской империи, продолжала сопровождать русского путешественника на протяжении всей поездки на Святую землю. Активно способствовал этому процессу существовавший маршрут паломника из Российской империи в Палестину, который пролегал по населенным пунктам со значительной еврейской диаспорой: Одесса–Константинополь–Салоники–Смирна–Яффа–Иерусалим. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала в Одессе 123,6 тыс. носителей языка идиш (32,5% от общего населения) [17. С. 232]. В 1885 г. в Иерусалиме насчитывалось около 20 тыс. евреев (58,8% от общего населения), а к 1899 г. их число увеличилось до 41 тыс. (68,3%). В Яффе в 1895 г. еврейское население составляло 3 тыс. человек (14,2%), всего в яффской казе (районе) проживало около 5 тыс. евреев. Пожалуй, единственным городом на маршруте русского путешественника, где не числилось по данным на 1895 г. ни одного еврея, был Вифлеем [16. С. 6, 32–44].

Н. Уставщиков подробно описал свои встречи с представителями еврейского народа по пути в палестинскую Яффу и обратно.

Одесса: «Через вокзал прошли между двумя рядами агентов-евреев, предлагающих пассажирам карточки с названием гостиниц, отелей, номеров и проч. Нас буквально осаждала эта толпа, кричащая что-то и размахивающая руками» [18. 1909. № 17. С. 21].

В море: «На пароходе тихо. Лишь внизу слышны вздохи, шепот и чтение. То были вздохи и молитвы паломниц, а один из старичков читал в кружке житие какого-то Святого. Все были, казалось, в каком-то трепетном настроении. Не было видно этого у кружка незнакомцев. Среди них то и дело раздавался пронзительный крик и громкий хохот. То были евреи, едушие из России в Яффу» [Там же. 1909. № 20. С. 30].

Константинополь: «Меновщики [денег] евреи и отчасти греки» [Там же. 1910. № 1. С. 31].

Салоники: «По рассказам одного монаха, живущего в местном подворье, в Салониках до 170 000 жителей разных племен и наций; но главным образом преобладают испанские евреи... И действительно, всюду кишат евреи. Пришли мы на базар купить хлеба. Куда ни сунемся – евреи...» [Там же. 1910. № 4. С. 30].

Смирна: «Встречают суда, флаги всех наций. Жителей до 250 000. Преобладают греки, но и евреев немало (15 000)» [18. 1910. № 4. С. 32].

Обратный путь: «На вокзале – шум. Всегда он есть, где евреи бывают» [Там же. 1912. № 7. С. 21].

Обратный путь в порту Яффы: «Надоело уже слушать эти крики неугомонной еврейки: Давид! Давид! Сначала мы переглянулись, как бы спрашивая друг друга: кто, кого давит? Назойливые же эти евреи» [Там же. 1912. № 7. С. 21].

Обратный путь море: «Ложимся спать, но спать не дают соседи-евреи, громко обсуждая свои гешефты. Мы протестуем, но напрасно. А все-таки кое-как заснули» [Там же. 1912. № 11. С. 10].

На пути в Палестину русского паломника евреи вбирают в себя одну из центральных ролей «чужого», для красноярского семинариста евреи предстают в образе незнакомцев, что-то кричащей толпы, т.е. что-то как непонятное (Давид / Давид), на чужом языке. Любопытно при этом, что уже на обратном пути появляется новый образ – евреев как соседей.

Таким образом, евреи для христианских паломников, отправившихся в Палестину, выполняли роль «обобщенного другого». Яркими маркерами чуждости воспринимались следующие характеристики, приписываемые евреям: отношение к деньгам и занимаемому пространству, манера поведения в общественных местах. Выявлено, что меньшее значение для паломников имели религиозные отличия.

Образ еврея как «чужого» на пути в Палестину помогал определить идентичность русского паломника как православного. Отправляясь в Палестину, русский путешественник отрешался от земных дел, погружался в сакральный мир. Евреи же возвращали его назад в мир профанный, отвлекая вопросами обмена денег, покупкой билетов, номеров в гостинице и множеством других бытовых дел. Все это разрывало единство духовного странствия по Палестине, постоянно возвращая паломника к физическому перемещению по карте. Подобный пример мы можем наблюдать в записках законоучителя А. Трапицына: «Первое впечатление от города было не особенно хорошее, по крайней мере ничем не лучше впечатления от других восточных городов. Грязная, заваленная всякого рода дрянью и отбросами площадь, на которую мы вступили, тяжелый запах, охвативший нас тотчас же по входе в ворота, гортанные крики разношерстной восточной толпы, караваны осликов и верблюдов с тяжелыми ношами, масса спящих евреев с длинными пейсами и в лисьих шапках, – все это не соответствовало тому представлению, какое мы имели о св. городе» [19. С. 888]. Иркутский священник очень ярко передает свои впечатления: «Меня не тошнило так во время сильной качки на море, как тошнило на этой улице. В особенности грязен еврейский квартал. Идете, идете вы по городу, и хоть бы одна веселенькая постройка! Грустны здания, грустны лица...» [20. 1900. № 24. С. 554].

При этом, говоря о восприятии евреев в пути, стоит еще раз согласиться с тезисом Е.Л. Румановской об «образованности и предубежденности» автора записок. Н. Уставщиков в своих оценках более соответ-

ствует мнению представителей Центральной России и Поволжья, чем Сибири. Ни иркутский, ни тобольский паломники не пишут о евреях как раздражающем факторе, а И.А. Селихов даже приводит обратный пример, где русские странники стали источником раздражения для еврейских пассажиров парохода: «...скоро засияет нам Святая земля. В это утро люди забыли и про чай, лишь турки да некоторые евреи, укутываясь одеялами, изредка ворчат, что русские нарушили их сладкий сон» [21. 1907. № 2. С. 31].

Однако это не означает, что сибирские путешественники обладали некой особой «терпимостью» к евреям, скорее, они не замечали их в пути. Евреи – это не то, что хотели увидеть русские паломники в Палестине, но они были вынуждены обращать внимание на то, что удивляло их и выходило за рамки привычного, в том числе за рамки «своего». В этом контексте палестинских евреи выделялись для русского паломника прежнего всего внешним видом.

Путеводитель по Святым местам предупреждал паломников, что «евреев узнать можно по локонам волос на висках (известным и у нас в России “пейсам”), длиннополому сюртуку и черной широкополой войлочной (поярковой) шляпе или же меховой шапке» [16. С. 233]. Очевидно, такой же «типичный» образ еврея и преобладал среди русских обывателей. Уставщиков писал: «На вокзале [в Яффе] было пусто, а теперь, смотрите-ка – сколько народу! Типичные евреи, с пейсами, в пышных халатах» [18. 1910. № 4. С. 36].

Любопытно, что сибиряк Селихов упоминал евреев / иудеев в тексте всего три раза, уже в путешествии по самой Святой земле. И второе его упоминание демонстрирует изменение в факторах определения своей русской идентичности. Священник рассказывает историю, в которой к нему подошел «еврей, умеющий говорить по-русски» и предложил купить виноградного вина. Получив отказ, через некоторое время, «назойливый еврей вновь явился с предложением виноградного вина». Наблюдавший за ситуацией грек, «дружелюбно ломаным русским языком», кивнул головой на еврея со словом: «остерегайтесь». Когда стемнело, Селихов заметил, что «винопродавец-иудей ходит по сарайчику (не огражденному с боков) и пристально присматривается к каждому из нас. Тогда как наэлектризованные быстро все мы вскочили, и подозрительный субъект исчез по тьме... загадочный еврей как в землю провалился» [21. 1909. № 7. С. 177–179].

Этот рассказ является важным в ходе наших размышлений не с точки зрения сохранения характеристики «назойливости» еврея, а обращением автора записок к вопросу языковой принадлежности. «Чужой», «загадочный» (непонятный) еврей оказывается обладателем фундаментального качества «своего» – языка. А православный, «дружелюбный» грек практически теряет часть качества «своего».

Таким образом, фактор идентификации по конфессиональной принадлежности существенно дополняется фактором общности языка. И в данном случае евреи оказываются уникальными «своими» в Палестине именно благодаря языковой принадлежности. Этот

вывод подтверждают данные записок паломников из других регионов Российской империи.

Если в Порт-Саиде русского паломника православный грек («свой»), предупреждал, что в Палестине арабы и евреи («чужие») «все обманщики» [22. С. 57], то на Святой земле русский офицер, путешественник А.Г. Кацвалов записал: «Здесь был молодой еврей – из Варшавы, ехавший в Иерусалим на место и говоривший по-русски, чему я был очень рад, так как иначе не пришлось бы до Иерусалима не проронить ни слова» [23. С. 60].

Православные же греки, напротив, теряют часть свойств «своего». Соперничество в Палестине уже в пределах православного мира корректировало образ греков. Нередко греческое духовенство выступало на страницах дневниковых записей в роли «пятой колонны» русских интересов и интересов православного мира в Палестине, самого «несимпатичного» что видели русские паломники на Востоке [24. С. 3]. Морской офицер, инженер и писатель И.П. Ювачев отмечал: «...и, конечно, ничто не помешает им [грекам] при случае продать часть своих святых мест инославным вероисповеданиям, чему и были примеры» [25. С. 202].

Вторым фактором определения русской идентичности для православного паломника в Палестине выступала принадлежность к территории. Иркутский священник писал: «в особенности добродушно было лицо у одного араба, которого мы называли «нашим», ибо он ехал из России» [20. 1900. № 18. С. 451]. Обращаясь к несибирским примерам, можно привести диалог «на чистом русском языке» протоиерея Павла Боброва из Саратова с евреем из Новороссийского края [22. С. 119–120] и разговор народного учителя И.Н. Барциховского с «подольским евреем, который ушел от воинской повинности и принял турецкое подданство» [26. С. 105]. В обоих случаях признаки «своего» проявляются через язык и территориальную принадлежность.

Русский в Палестине переставал быть прежде всего православным, на первое место выходили признаки языковой и территориальной принадлежности. Евреи, в свою очередь, в этом контексте получали совершенно новое качество, которое наиболее ярко отразил в своих записках Г.А. Горбунов. Позволим себе подробно процитировать его: «Как я Яффе, так и в вагоне говорят все время по-русски, это особенно поражает после совершенного исчезновения нашего языка вместе с выездом нашим из Одессы. На русском языке в Яффе напечатаны все вывески, объявления, ведутся все разговоры на улице. В вагоне полная иллюзия русского захолустья, где-либо на юге России. В этом немалую роль играет группа колоний русских евреев, которые расположены по нашему пути. Задача евреев была возродить древнюю Иудею, но на деле они популяризируют русский язык, литературу и меньше всего сживаются с еврейским населением, поселившимся в первые годы колонизационного движения. Эти евреи ходят в старых библейских костюмах, носят пресловутые пейсы, русский же еврей, хотя и учит детей древнееврейскому языку, но в то же время не забывает русской литературы, прилагая старания лишь к уничтожению жаргона. Костюм еврея древнееврейского

типа кажется новому неудобным, а потому русский еврей носит общеевропейский, в котором он ничем не отличается от всех жителей Палестины. Земледельческий труд создал из еврея совсем иной антропологический тип: он крепок, коренаст, мускулист» [27. С. 8–9].

Этот отрывок демонстрирует нам появление в глазах паломников совершенно нового типа – русского еврея; можно предположить, что данный тип обладал большим количеством признаков «своего», чем «чужого». Горбунов называет среди них не только язык, общую территорию и внешний вид (общеевропейская одежда), но и более тонкие характеристики: принадлежность к русской культуре и даже антропологический тип. Более того, русский еврей в противовес еврею местному, восточному теряет частично и качество вредителя, Барциховский пишет: «Едва ли ошибусь, если выскажу тот взгляд, что евреи только в Иерусалиме вполне безвредны и вполне сознают свое ничтожество» [26. С. 105].

Наконец, именно в Палестине евреи наиболее ярко представляли для русских паломников в образе библейского народа.

М.И.П. так описывал железнодорожный вокзал в Яффе: «Русские богомольцы, восточные «человеки» и космополиты-евреи битком набили вокзал... наши мужички- богомольцы и отрепанные сыны Израиля» [20. 1900. № 22. С. 513]. В этом тексте сохраняется противопоставление «свой–чужой», при этом интересно, что автор лишает евреев современной ему территориальной принадлежности – «космополиты», что позволяет сделать временной переход образа: евреи как «сыны Израиля» – библейский народ, образ которого, в свою очередь, уже не содержит качество «чужого».

Процитируем демонстрирующие этот тезис размышления Н.М. Чукмалдина: «Мы, христиане, принявшие от евреев всю их дохристианскую историю, все библейские события, совершавшиеся на этом и около этого места, все книги и памятники, сохраненные Израильским народом, как-то забываем это и нередко платим им таким презрением, преследуем их, издеваемся над ними и даже теперь, в конце XIX столетия, не умеем отнестись сколько-нибудь терпимо и деликатно к религиозному чувству еврея. Так, наш проводник еврей в Иерусалиме привел нас к остаткам фундамента бывших стен двора, около храма Соломона, указал нам на подлинные камни того времени с такою силою благоговейного чувства к этой дорогой древности, сквозившего в интонации его голоса, в движениях его жестов, в замечании, сделанном им, что вот этот камень – гранит – в знак уважения поцеловал Австрийский крон-принц, и тут же рядом со мною какой-то турист начинает палкою отламывать кусочек камня, чтобы положить его в карман, на память. Такой вандализм, хотя, быть может, и бессознательный, но прямо бьющей оскорблением религиозного чувства нашего проводника, неуважением его к святыне, у которой все местные евреи совершают ежегодно свой «плач» об утраченном еврейском народом величии, – возмущил меня сильно и глубоко» [10. С. 34].

Иркутский священник не единожды в тексте возвращается к библейскому образу, для него история евреев – это и часть библейской традиции, с которой

неразрывно связаны Россия и русский народ, и история трагедии богоизбранного народа: «Поучительна природа Палестины, а еще поучительнее история рассеянных из своего отечества евреев. Эта история особенно часто припоминается во Св. земле». Стена плача как символ трагедии еврейского народа носила в записках назидательный образ: «Направились к другому печальному пункту – месту плача евреев... Здесь... около стены плача видели мы картину, достойную слез: женщины и мужчины, старцы и дети рассеянного народа еврейского толпились около жалких остатков своего национального и религиозного величия — около древнего Салима Мельхисидекова и храма Соломонова... Одни читали молитвы, другие приносили головой к святым камням, третьи целовали их и плакали... Погруженные в “печаль неисцеленную”, они не обращали на нас никакого внимания. Сердце наше сжималось, глядя на них... О чем они плакали? Они плакали о разрушенном святом граде, попоранном язычниками, о расхищенной его красе, об уничтоженном до основания единственном своем храме и более о том, чтобы Господь, отвративший лице Свое от них, опять бы их собрал около Сиона и воздвиг их из уничтожения... В глубоком молчании смотрели мы на плач Израиля, поучительный Плач для всех нас, ибо “еще Бог естественных ветвей не пощади, да не Како и тебе не пощадить”... и хотелось бы нам навсегда запечатлеть в своем сердце слова того же апостола: “Невысоко мудрствуй, но бойся” (Рим. XI, 20)» [20. 1902. № 5. С. 77–78].

Обращение к библейскому образу евреев – общее место для паломнических записей. Историк Е. Тарасов отмечал, что «с Иерусалимом у евреев связано все их прошлое, когда они жили в своей земле, имели своих царей, были свободны, и никто их не гнал» [28. С. 2–3]. Критик и этнограф Е.Л. Марков писал: «Гроб Давида навел меня на серьезные мысли. При общем презрении и ненависти к еврейству современных народов, при страшном материализме интересов, овладевших теперь еврейством, – не мешает остановиться с раздумьем на изумительной нравственной высоте и чистоте учения, которое внесло в древний мир древнее еврейство» [29. С. 131].

В контексте темы нашей статьи важно отметить сохранение в размышлениях паломников на библейские темы противопоставления «еврей (чужой) – русский паломник (свой)», но в то же время сближение образов «еврей» – «русский паломник» в контексте общей библейской истории. Этот тезис работает за редким исключением, которым, к примеру, является текст семинариста Н. Уставщикова: «Пройдя несколько узких улиц, мы подошли к городской стене, называемой “стеною плача”, где ежедневно можно найти несколько человек – плачущих евреев о своей судьбе и судьбе Иерусалима... Вокруг себя и вдоль стены я увидел несколько десятков евреев, большинство которых просто занимались разговорами о “гешефтах”. Плач – одна формальность» [18. 1910. № 18. С. 32].

Заключение

Переходя к выводам, следует повторить ряд важных тезисов, описанных подробно выше. Евреи – это не то, что хотели увидеть русские паломники в Палестине, но они были вынуждены обращать внимание на то, что удивляло их и выходило за рамки привычного, в том числе за рамки «своего». Образ еврея как «чужого» помогал определить идентичность русского паломника. На пути в Палестину и обратно евреи воспринимались в качестве иноверцев, подчеркивая для паломников прежде всего их православную идентичность. При этом для православного «пилигрима» (преимущественно лиц духовного звания) евреи во время путешествия выступали в качестве нарушителей сакрального пространства, поэтому в текстах паломников часто содержатся упоминания о шуме и назойливости евреев. Отправляясь в Палестину, русский путешественник отрешался от земных дел, погружался в сакральный мир. Евреи же возвращали его назад в мир профанный, отвлекая вопросами о мирских делах. Все это разрывало единство духовного странствия по Палестине, постоянно возвращая паломника к физическому перемещению по карте.

Оказавшись на Святой земле, русские паломники начинали испытывать изменения в восприятии своей идентичности; Палестина, наполненная представителями разных православных церквей, сложные отношения соперничества за преобладание на Святых местах (прежде всего речь о греках) снижали первостепенность православной идентификации. Православные паломники из Российской империи становились прежде всего русскими, на первое место в их идентичности выходили признаки языковой и территориальной принадлежности. Евреи, в свою очередь, в этом контексте получали совершенно новое качество, паломнические записки демонстрирует нам появление совершенно нового типа еврея – «русского»; можно предположить, что данный тип обладал большим количеством признаков «своего», чем «чужого» для русского паломника. Среди таких признаков паломники обращали внимание на язык, общую территорию, внешний вид (общеевропейская одежда), принадлежность к русской культуре и даже антропологический тип. Более того, в Палестине русский еврей в противовес еврею местному, палестинскому частично терял качество «вредителя». Наконец, именно в Палестине евреи наиболее ярко представляли для русских паломников в образе библейского народа. При этом важно отметить сохранение в размышлениях паломников на библейские темы противопоставления «еврей (чужой) – русский паломник (свой)», но в то же время сближение образов «еврей» – «русский паломник» в контексте общей библейской истории. В целом репрезентация и образы евреев у сибирских паломников соотносятся с образами евреев у русских паломников из других регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власюк О.А. Путешествие как способ формирования «ментальной карты» русских историков второй половины XIX в. // Актуальные проблемы отечественной истории и историографии (XVIII–XXI вв.). 2007. № 125. С. 36–43.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

3. Балдин К.Е. Русские в Святой Земле: паломнические мемуары как источник // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (10). С. 35–48.
4. Душакова И.С. Еврейская тема в дневниках и путевых заметках христианских паломников, посетивших Палестину в конце XIX — начале XX веков // Научный диалог. 2019. № 5. С. 184–196.
5. Грушевой А.Г. Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории до 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2013. Т. XXXII, № 32. С. 472–497.
6. Lamure B. Les Pèlerinages catholiques français en Terre sainte au XIXe siècle. Du pèlerin romantique au retour des croisés : doctoral dissertation. Lyon, 2006.
7. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 337. Оп. 873/7. Д. 30.
8. Цысь В.В., Цысь О.П. Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX – начале XX в // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 6 (61). С. 73–90.
9. Объявления // Иркутские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1913. № 6. С. 199.
10. Чукмалдин Н. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург, 1899. 79 с.
11. Шаповалов М.С. Иностранное присутствие в Палестине в дневниках и заметках русских путешественников конца XIX – начала XX в. // Новейшая история России. 2018. № 4. С. 951–965.
12. Белов М.В. Стереотипы, ментальные карты, имагология // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 403–418.
13. Румановская Е.Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006. 200 с.
14. Записки по святым местам Востока // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1874. № 21. С. 767–768.
15. Arian A. Politics in Israel. New Jersey, 1989. 281 p.
16. Путеводитель в Палестину по Иерусалиму, Святой земле и другим святыням Востока. Одесса, 1890. 602 с.
17. Музычко А. Украинцы и евреи в Одессе во второй половине XIX – начале XX в.: сложный опыт взаимопонимания // Научные труды по иудаике. М. : Сефэр, 2011. С. 231–240.
18. Уставщиков Н. Из дневника семинариста. Экскурсия воспитанников Красноярской духовной семинарии во Святую землю летом 1908 г. // Енисейские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1909. № 11; № 17; № 20; 1910. № 1; № 4; № 18; 1912. № 7; № 11.
19. Трапицын А. Из впечатлений паломника во св. землю // Вятские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1895. № 2. С. 883–890.
20. М.И.П. Ко Гробу Господню // Иркутские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1900. № 18; № 22; 1902. № 3; № 5.
21. Селихов И.А. О паломническом странствовании моем на ближний Восток в Турции // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1906. № 16; 1907. № 2; 1909. № 7.
22. Бобров П. Письма паломника. М., 1894. 127 с.
23. Кацвалов А.Г. Рассказ о путешествии по Западной Европе, Египту и Палестине в конце 1912 г. : из дневника воспоминаний, наблюдений и заметок артиллерийского офицера. Тифлис, 1913. 98 с.
24. Елисеев А.В. Поездка в Египет, Каменную Аравию и Палестину. СПб., 1895. 32 с.
25. Ювачев И.П. Паломничество в Палестину к гробу господню: очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. СПб., 1904. 361 с.
26. Барциховский И.Н. Палестина. Путевые заметки и впечатления народного учителя-паломника. Волгоград, 1895. 147 с.
27. Тарасов Е. Путешествие в Палестину. СПб., 1902. 66 с.
28. Горбунов Г.А. Несколько дней в Палестине. Впечатление туриста. СПб., 1913. 23 с.
29. Марков Е.Л. Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб., 1891. 523 с.

Alexander A. Valitov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: val11@bk.ru

Victoria A. Gerasimova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: gerasimova@bk.ru

IMAGE OF THE JEWS IN THE RECORDS OF SIBERIAN PILGRIMS AS A FACTOR FOR DETERMINING RUSSIAN IDENTITY

Keywords: mental maps, Palestine, image, identity, Russian Jews, pilgrims to the Holy Land.

The article analyzes the image of the Jews presented in travel notes of Siberian pilgrims and its influence on the definition of the Russian identity of Orthodox “pilgrims”. The main source was the diaries of Siberian pilgrims at the beginning of the 20th century (Krasnoyarsk, Turin and Irkutsk). The Siberian pilgrims were mainly represented by people from the clergy; their notes were published in local eparchial journals. In the first half of the 19 century Orthodox travelers did not pay attention to Jews in their notes. The pilgrims of the late 19 - early 20 centuries on the contrary began to give them a significant place in the diaries, their interest was caused by the influence of two factors: the growth of anti-Semitic sentiments in the Russian Empire and the spread of Zionism in the world, which stimulated the resettlement process for the return of Jews to Palestine. The Jewish theme occupied a special place in the pilgrim notes, revealing itself both through chance encounters with Palestinian and Russian Jews, as well as reflections on biblical themes. In this regard, the authors of the article answer a number of key questions: what image did Russian travelers reproduce? Did the general anti-Jewish mood in Russia affect them? How did the image of the Jews influence the definition of Russian identity abroad? Did it stay static? Answers to these questions will make it possible to reconstruct the image of Jews and Jewish Palestine as a factor in determining Russian identity. In methodological terms, the authors rely on the approach of “mental maps” and “imaginary territory”. The journey contributed to a more objective perception of “foreign” cultural traditions, with a deeper understanding of “their own” ones. The authors come to the conclusion that the image of a Jew as a “stranger” helped Russian pilgrims to shape his or her own identity. On the way to Palestine and vice versa, Jews were perceived as Gentiles, emphasizing for Orthodox pilgrims primarily their Orthodox identity. Finding them in the Holy Land, Siberian pilgrims began to undergo changes in the perception of their identity, they became primarily Russian, and signs of linguistic and territorial affiliation came first in their identity. Jews, in turn, received a completely new quality in this context, the pilgrimage notes show us the emergence of a completely new type of Jew - Russian in the Russian mental map, and it can be assumed that this type had more signs of “ours” than “alien” for a Russian pilgrim.

REFERENCES

1. Vlasjuk, O.A. (2007) Puteshestvie kak sposob formirovaniya “mental'noy karty” russkikh istorikov vtoroy poloviny XIX v. [Travel as a way of forming a “mental map” of Russian historians of the second half of the 19th century]. *Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii i istoriografii (XVIII-XXI vv.)*. 125. pp. 36–43.
2. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo.
3. Baldin, K.E. (2017) Russians in the Holy Land: Pilgrimage memoirs as a source. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3(10). pp. 35–48. (In Russian).

4. Dushakova, I.S. (2019) Jewish Theme in Diaries and Travel Notes of Christian Pilgrims who Visited Palestine in Late 19th – Early 20th Centuries. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 5. pp. 184–196. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-184-196
5. Grushevoy, A.G. (2013) Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo. Obzor istorii do 1917 g. [Imperial Orthodox Palestinian Society. A review of history before 1917]. *Vspomogatel'nye istoricheskie dissipliny*. 32(32). pp. 472–497.
6. Lamure, B. (2006) *Les Pèlerinages catholiques français en Terre sainte au XIXe siècle. Du pèlerin romantique au retour des croisés*. Doctoral dissertation. Lyon.
7. Tsys, V.V. & Tsys, O.P. (2014) Pilgrimage of West Siberian Residents to Palestine at the end of 19th – beginning of 20th century. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi – St. Tikhon's University Review. Series 2. History. Russian Church History*. 6(61). pp. 73–90. (In Russian).
8. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 337. List 873/ 7. File 30.
9. Anon. (1913) Ob'yavleniya [Announcements]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. pp. 199.
10. Chukmaldin, N. (1899) *Putevye ocherki Palestiny i Egipta* [Travel essays of Palestine and Egypt]. Ekaterinburg: Ural.
11. Shapovalov, M.S. (2018) Inostrannoe prisutstvie v Palestine v dnevnikakh i zametkakh russkikh puteshestvennikov kontsa XIX - nachala XX v. [Foreign presence in Palestine in the diaries and notes of Russian travelers of the late 19th - early 20th century]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 4. pp. 951–965.
12. Belov, M.V. (2011) Stereotipy, mental'nye karty, imagologiya [Stereotypes, mental maps, imagology]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [Historical Science Today: Theories, Methods, Prospects]. Moscow: LKI. pp. 403–418.
13. Rumanovskaya, E.L. (2006) *Dva puteshestviya v Ierusalim v 1830–1831 i 1861 godakh* [Two trips to Jerusalem in 1830–1831 and 1861]. Moscow: Indrik.
14. Anon. (1874) Zapiski po svyatyim mestam Vostoka [Notes on the holy places of the East]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. pp. 767–768.
15. Arian, A. (1989) *Politics in Israel*. New Jersey: Chatham House Publishers.
16. Anon. (1890) *Putevoditel' v Palestinu po Ierusalimu, Svyatoy zemle i drugim svyatynyam Vostoka* [A guide to Palestine in Jerusalem, the Holy Land and other shrines of the East]. Odessa: Mount Athos of St. Andrew.
17. Muzychko, A. (2011) Ukraintsy i evrei v Odessa vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: slozhnyy opyt vzaimoponimaniya [Ukrainians and Jews in Odessa in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries: a complex experience of understanding]. In: Mochalova, V.V. (ed.) *Nauchnye trudy po iudaizmu* [Proceedings of the Eighteenth Annual International Conference on Jewish Studies]. Moscow: Sefer. pp. 231–240.
18. Ustavshchikov, N. (1909) Iz dnevnika seminarista. Ekskursiya vospitannikov Krasnoyarskoy dukhovnoy seminarii vo Svyatuyu zemlyu letom 1908 g. [From the diary of a seminarian. Excursion of the Krasnoyarsk Theological Seminary pupils to the Holy Land in the summer of 1908]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 11.
19. Trapitsyn, A. (1895) Iz vpechatleniy palomnika vo sv. zemlyu [From the impressions of a pilgrim in Holy Land]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 2. pp. 893–890.
20. M. I. P. (1902) Ko Grobu Gospodnyu [To the Holy Sepulcher]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 18.
21. Selikhov, I.A. (1907) O palomnicheskom stranstvovanii moem na blizhniy Vostok v Turtsii [About my pilgrimage pilgrimage to the Middle East in Turkey]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 16.
22. Bobrov, P. (1894) *Pis'ma palomnika* [Letters of a Pilgrim]. Moscow: [s.n.].
23. Katsvalov, A.G. (1913) *Rasskaz o puteshestvii po Zapadnoy Evrope, Egiptu i Palestine v kontse 1912 g.: iz dnevnika vospominaniy, nablyudeniy i zametok artilleriyskogo ofitsera* [The story of a trip to Western Europe, Egypt and Palestine at the end of 1912: from a diary of memoirs, observations and notes of an artillery officer]. Tiflis: [s.n.].
24. Eliseev, A.V. (1895) *Poezdka v Egipet, Kamenistuyu Araviyu i Palestinu* [Trip to Egypt, Rocky Arabia and Palestine]. St. Petersburg: V. Bezobrazov i K^o.
25. Yuvachev, I.P. (1904) *Palomничество v Palestinu k grobu gospodnyu: Ocherki puteshestviya v Konstantinopol', Maluyu Aziyu, Siriuyu, Palestinu, Egipet i Gretsuyu* [Pilgrimage to Palestine to the Holy Sepulcher: Essays on the journey to Constantinople, Asia Minor, Syria, Palestine, Egypt and Greece]. St. Petersburg: Slovo.
26. Bartsikhovsky, I.N. (1895) *Palestina. Putevye zametki i vpechatleniya narodnogo uchitelya-palomnika* [Palestine. Travel notes and impressions of the demotic pilgrim teacher]. Volgograd: [s.n.].
27. Tarasov, E. (1902) *Puteshestvie v Palestinu* [Travel to Palestine]. St. Petersburg: [s.n.].
28. Gorbunov, G.A. (1913) *Neskol'ko dney v Palestine. Vpechatlenie turista* [A few days in Palestine. The impression of a tourist]. St. Petersburg: [s.n.].
29. Markov, E.L. (1891) *Puteshestvie po Svyatoy zemle: Ierusalim i Palestina, Samariya, Galileya i berega Maloy Azii* [Traveling in the Holy Land: Jerusalem and Palestine, Samaria, Galilee and the coast of Asia Minor]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

УДК 902.01

DOI: 10.17223/19988613/64/22

С.П. Грушин, Д.С. Леонтьева

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА СИГНАЛ-I)

Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Статья посвящена характеристике нетипичных андроновских погребальных памятников региона. На основе материалов, полученных на памятнике Сигнал-I, были выделены особенности погребальных конструкций (надмогильные каменные ограды, погребальные ящики, цисты, каменные столбы-obelisks и пр.), что позволило очертить круг сходных памятников, локализованных в Северо-Западном Алтае. Проведенное исследование дало возможность очертить границу двух локальных вариантов (Восточно-Казахстанского и Верхнеобского) андроновской историко-культурной общности.

Ключевые слова: андроновская культура; контактная зона; погребальный обряд.

Андроновская культурно-историческая общность XVIII–XV вв. до н.э. документирована памятниками, расположенными на огромной территории от Южного Урала до Минусинской котловины, в связи с чем обряд захоронения андроновских племен для различных регионов характеризуется разнообразием элементов. Это касается как надмогильных сооружений, так и устройства самих могил, положения в них погребенных. В историографии сложилось несколько подходов к делению андроновских (фedorовских) древностей на типы, варианты, культуры и т.д. Е.Е. Кузьмина на основании погребального обряда и керамического комплекса достаточно удачно, на наш взгляд, разделила фedorовский тип памятников на шесть вариантов по географическому принципу [1. С. 212–217]: Уральский, Северо-Казахстанский, Центрально-Казахстанский, Восточно-Казахстанский, Обской (Верхнеобской), Енисейский.

Территория Северо-Западного Алтая расположена в пограничной зоне распространения двух вариантов андроновской общности: «Восточно-Казахстанского и Верхнеобского, памятники которых значительно отличаются друг от друга. Верхнеобские памятники размещены на территории степей от предгорий Алтая по течению Верхней Оби и ее притоков, концентрируясь в районе Бийска и Барнаула, и по течению Томи до Кемерово и ниже. Северная граница варианта проходит к югу от Томска и к северу от Новосибирска по границе таежной зоны» [Там же]. В Барнаульско-Бийском Приобье преобладают грунтовые захоронения, могильные ямы встречаются без конструкций либо имеют деревянные конструкции (обкладку, раму, перекрытие, редко – столбики). Наиболее распространенный способ обращения с телом умершего – одиночная ингумация. Количество трупосожжений и следов огня в погребениях незначительно. Умерших укладывали скорченно, на левый бок, головой в юго-западный сектор [2. С. 59; 3. С. 25; 4. С. 65].

Восточно-Казахстанские памятники андроновской общности распространены в степях и предгорьях, простирающихся в верховьях Иртыша от озера Зайсан до Павлодара, включая окрестности Усть-Каменногогорска и Семипалатинска вплоть до течения р. Аягуз на западе [1. С. 200]. Некрополи в основном небольшие и включают по 10–20 разнотипных сооружений. Известны курганы высотой до 0,6 м с кольцом из плит, поставленных на ребро, круглые, овальные и прямоугольные ограды размером 3–6 м. Обычно ограда содержит одну, реже две могилы с одиночными захоронениями. Конструкции могил также разнообразны: преобладают грунтовые ямы, прямоугольные и овальные, иногда перекрытые каменными плитами, известны каменные ящики, цисты, комбинированные кладки, деревянные срубы. Разные конструкции сосуществуют и могут сочетаться в одной ограде. Господствует обряд скорченного труположения на левом боку, головой на запад [Там же. С. 200–201].

Границы (соприкосновения) двух вариантов андроновских памятников долгое время определялись условно по причине того, что Северо-Западный Алтай в течение продолжительного времени оставался «белым пятном». Лишь в последней четверти XX в. началось интенсивное обследование района в связи с сооружением мелиоративных и гидротехнических объектов (Гилевское водохранилище, Алейская оросительная система). Большое количество памятников было открыто и раскопано Алейской экспедицией Института археологии АН СССР [5. С. 4]. Северо-Западный Алтай как контактную зону впервые в своих работах рассматривает В.А. Могильников, который в раскопанных в 1971–1976 гг. некрополях Корболиха I и Гилево VI увидел параллели с памятниками Восточного и Центрального Казахстана [6]. Так, курганный могильник Корболиха I состоял из пяти земляных курганов с каменными оградой и перекрытиями [7], а памятник Гилево VI имел каменно-земляные насыпи [6], что

существенно отличало памятники от известных Верхнеобских. Расположенные по соседству «чересполосно» грунтовые андроновские захоронения (Гилево III), позволили исследователю говорить о Северо-Западных предгорьях Алтая как о «контактной зоне» [8].

Ландшафт рассматриваемого региона представлен веером снижающихся хребтов, образуя широкую полосу предгорий, в природных условиях которых нашли отражение и равнинные, и горные элементы. Район находится на стыке ландшафтных зон, где происходит резкий переход от Западно-Сибирской низ-

менности к Алтае-Саянской горной стране. В разные исторические периоды территория была пограничной не только в природно-климатическом, но и в историко-культурном отношении. Важность исследования контактных зон происходит главным образом из того обстоятельства, что они зачастую выступают в качестве исходного плацдарма культурного взаимодействия. Анализ археологических материалов в рамках контактных зон позволяет выявить специфичность культурной ситуации и культурно-исторического развития отдельно взятого региона или области [9. С. 170].

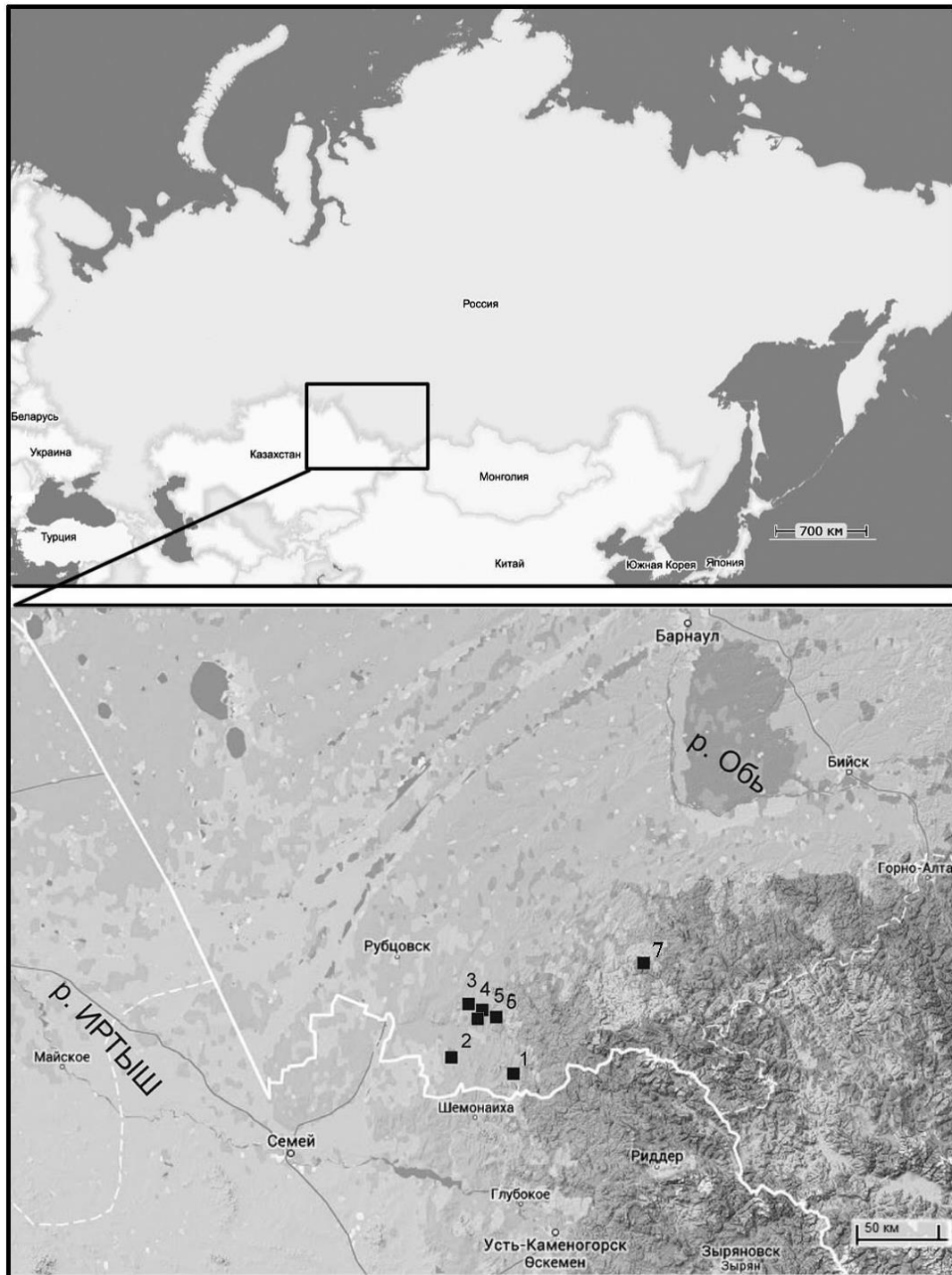


Рис. 1. Карта Верхнего Приобья с обозначением андроновских могильников:

1 – Сигнал-I; 2 – Самарка-IV; 3–6 – Гилево-VI, Чекановский Лог-II, X, Корболиха I; 7 – Чесноково-I

В ходе многолетних археологических исследований верховий р. Алей (бассейн р. Оби) выявлена серия подобных синкретичных памятников, большая часть из которых обнаружена в связи с их аварийным характером. Так, в 1991 г. был открыт разрушающийся памятник Сигнал-I на берегу р. Плоская. Погребальная конструкция состояла из каменного ящика [10]. В 1996 г. на правом берегу р. Чарыш, у села Куйбышево, в результате обвала стенки песчаного карьера найдено погребение в каменном ящике [11]. В прибрежной зоне Гилевского водохранилища (1997–2007) в грунтовом андроновском могильнике Чекановский Лог-II в могиле 39 удалось зафиксировать надмогильное сооружение в виде плохо сохранившейся каменной ограды [12], а на памятнике Чекановский Лог-X (раскопки 2002 г.) внутри могилы 54 располагался каменный ящик [13, С. 171]. В 2011 г. на левом берегу р. Грязнухи (приток р. Алей) открыт аварийный памятник Самарка-IV, где в ходе осмотра в обрыве берега зафиксировано два

каменных ящика [14]. В 2007, 2009, 2015 гг. экспедицией Алтайского госуниверситета проводились исследования могильника Сигнал-I [15–17]. В ходе изысканий получены новые данные о погребально-ритуальной практике андроновского населения в контактной зоне Северо-Западного Алтая, что позволяет не только дать подробную характеристику особенностей погребального обряда, но и очертить историко-культурную границу распространения различных погребальных традиций андроновского населения на юге Обь-Иртышского междуречья (рис. 1).

Надмогильные сооружения зафиксированы на могильнике Сигнал-I в виде безнасыпных оград, выполненных из ломаного гранитного камня (рис. 2). В одном случае камни прорезали слой грунта и укладывались на материк плашмя в один или несколько рядов (м. 3, 5, 6) (рис. 3, 1), в другом – каменные блоки были поставлены на ребро и вкопаны в неглубокие канавки (м. 4) (рис. 4, 2).

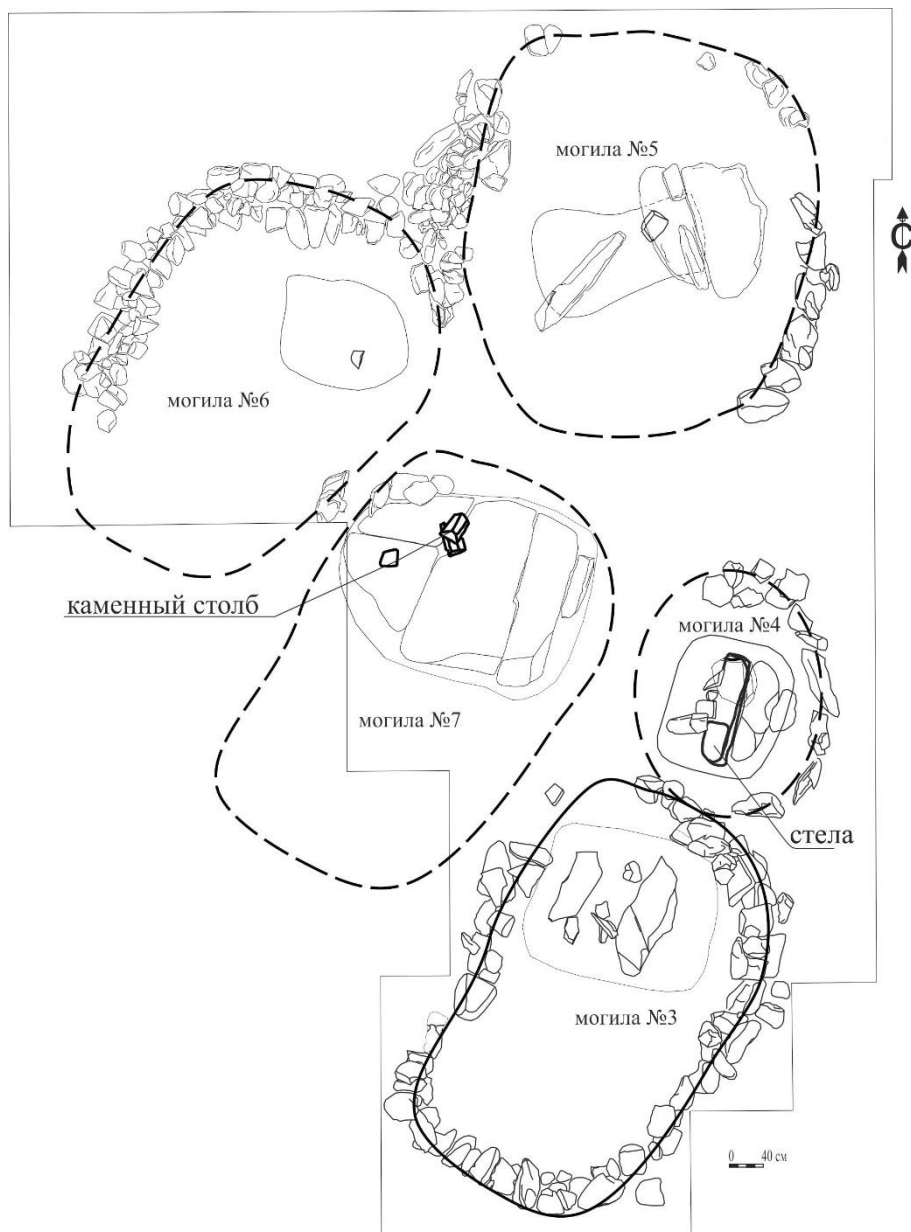


Рис. 2. План могильника Сигнал-I (раскоп 1)



Рис. 3. Погребальные конструкции могильника Сигнал-I: 1 – каменная ограда могилы 3; 2–4 – комбинированная циста из могилы 3; 5 – каменное перекрытие могилы 7 с вертикальным столбом; 6 – каменный ящик могилы 1

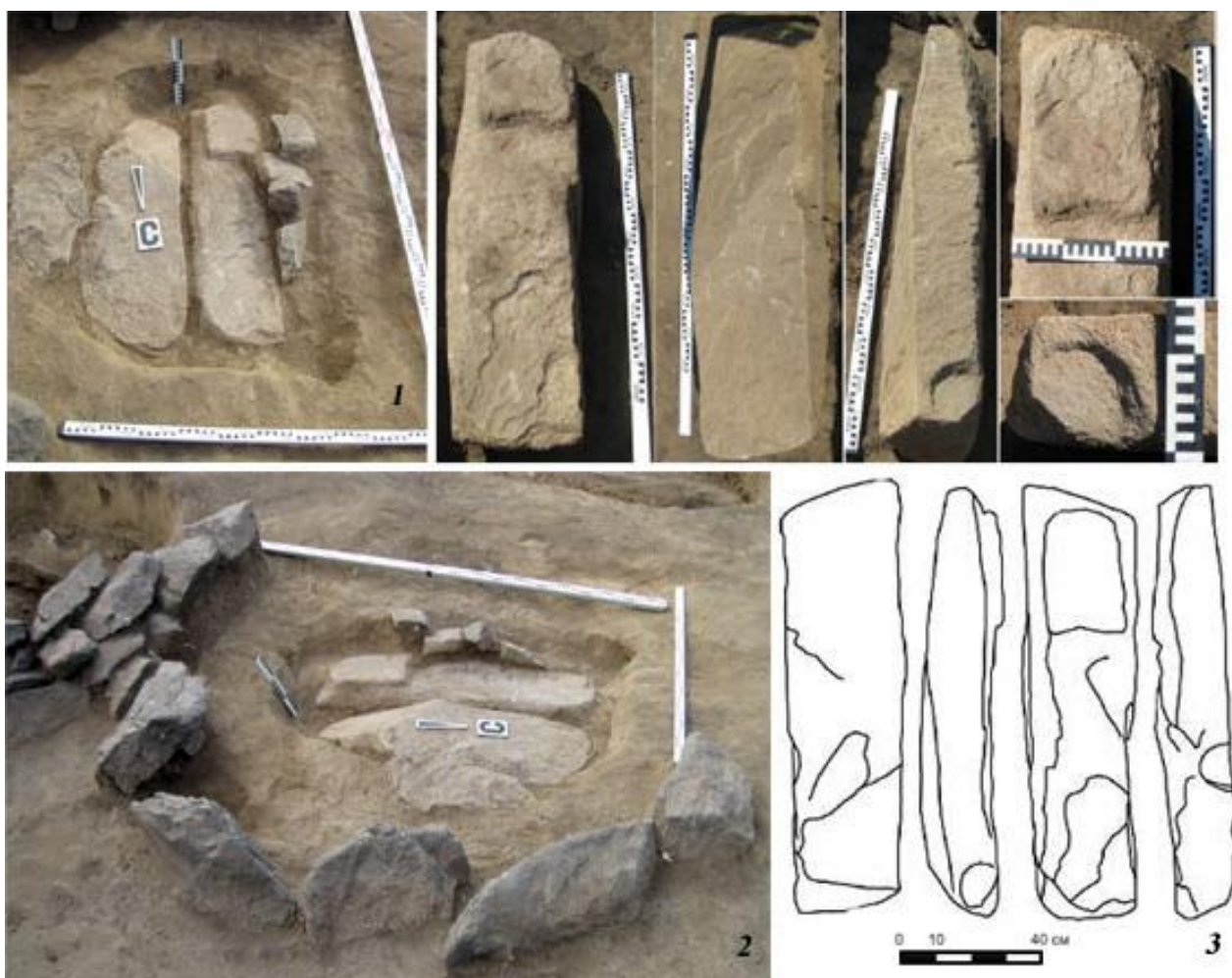


Рис. 4. Могильник Сигнал-I, могила 4:

1 – каменное перекрытие; 2 – ограда и перекрытие; 3 – переиспользованная каменная стела (одна из плит перекрытия)

Среди надмогильных конструкций представлены ограды округлой (м. 4) и овальной (м. 3, 5, 6) формы. Часть захоронений не имела надмогильных конструкций (м. 1, 2, 7). Ограды содержали по одному захоронению. Размеры оград варьируют от $2,2 \times 2,6$ м до $5,0 \times 5,0$ м. На исследованном участке выявлены центральное погребение и «периферийные» захоронения. Могила 7 в центральной ограде отличалась массивным перекрытием погребальной ямы в виде каменной плиты размером $2,6 \times 2,15$ м. С юга к ограде были пристроены надмогильные конструкции могил 3 и 4, к северу – могилы 5 и 6.

На территории Верхнего Приобья подобные надмогильные конструкции известны на трех памятниках. Некрополь Корболиха I состоял из каменных оград двух типов: подквадратной (курганы 1, 2, 5) – размерами $5,0-8,0$ м – и округлой (курган 4) – диаметром $8,2$ м – форм, выложенных рваным камнем в 1–2 ряда [8]. На могильнике Чекановский Лог-II в могиле 39 зафиксирована округлая незамкнутая каменная ограда, которая прослежена к северу от погребения [12. С. 27–28]. Диаметр надмогильной конструкции составлял около 5 м [Там же. Рис. 25]. Памятник Гилево VI насчитывает два каменно-земляных андроновских кургана; автор раскопок В.А. Могильников предполагает что камни, вероятнее всего, остались от развалившихся оград [6.

С. 108]. К сожалению, тип конструкции на данном памятнике невозможно установить.

Основной ареал каменных андроновских оград расположен к западу от Верхнего Приобья, включает территории Восточного и Центрального Казахстана. Судя по схожим андроновским памятникам Восточного Казахстана, ограды с пристройками встречаются достаточно редко. По мнению А.А. Ткачева, они появляются на заключительной фазе среднего бронзового века и бытуют в переходное от средней к поздней бронзе время, что связано с изменением структуры андроновского общества и возникновением больше семейных общин [18. С. 240]. Особенностью таких комплексов является то, что к основной ограде пристраивались дополнительные сооружения с юга, реже с севера [Там же], т.е. так же, как и в случае с могильником Сигнал-I.

Столбы-обелиски. В андроновских погребальных конструкциях встречаются вертикально установленные объекты, которые несли семантическую, а не утилитарную нагрузку. Подобные элементы обряда получили в литературе различные обозначения: менгиры [19. С. 27; 20. С. 14], камни-обелиски [21. С. 54], деревянные и каменные статуарные сооружения [22. С. 54], стелы [23] и т.д. Они изготовлены из дерева либо камня. Обычно материал, из которого выполнен столб,

соответствует материалу, выбранному для внутримогильного сооружения. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют говорить, что типы столбов обусловлены доступностью того или иного материала на рассматриваемых территориях. Пока зафиксирован лишь один случай на памятнике Танай-12, где каменный столб сочетается с деревянной погребальной конструкцией [22. С. 54].

Полные сводки андроновских погребальных столбов опубликованы в нескольких работах [21, 22, 24, 25], поэтому мы остановимся лишь на каменных столбах. Большая часть таких объектов в андроновских погребениях известна на Южном Урале и в Центральном Казахстане на памятниках Приплотный Лог-1, Путиловская Заимка-II, Бугулы [20. С. 147, 26. С. 63–64], на Среднем Енисее на могильниках Орак, Усть-Ерба, Косаголь-III [22, 24, 27–29], в Восточном Казахстане на могильниках Средняя база Беткудук [19. С. 28], Предгорное (раскопки Черникова, 1964), Аир-Тау [23]. Это далеко не полный перечень каменных столбовых конструкций в андроновских погребальных сооружениях Урало-Казахстанских степей. Хочется отметить, что в публикациях они упоминаются кратко, обычно не уточняются размеры, место расположения и форма, поэтому данные о них достаточно фрагментарны. Каменные столбы в сечении обычно четырехгранной либо прямоугольной формы, в некоторых случаях отмечена приостренная вершина. По высоте столбы делятся на приземистые, размером 0,55–0,56 м и высокие (0,95–2,5 м). Приземистые столбы зафиксированы на Среднем Енисее и оз. Танай (Танай-12, Усть-Ерба, Орак). Высокие столбы распространены на территории Алтая (Сигнал-I, Чесноково-1) и Восточного Казахстана (Средняя база Беткудук, Предгорное, Аир-Тау).

Камни устанавливали в западной части погребальной конструкции, ближе к стенке, в «голове» погребенного. В основном объекты расположены на перекрытии либо на 10–20 см выше перекрытия. На памятнике Аир-Тау каменные обелиски обнаружены в могильной яме, у западной стенки, за ящиком. Верхний конец столбов иногда фиксировался над уровнем древней поверхности, в других случаях их находят под насыпью либо разбитые на несколько частей (Косаголь-3, Сигнал-1). В настоящее время нельзя утверждать, что каменные столбы приурочены к определенному типу внутримогильной конструкции, так как они фиксируются совместно с каменными ящиками (чаще всего), цистами, деревянной рамой, грунтовой ямой с каменным перекрытием.

Долгое время в андроновских погребальных комплексах Верхней Оби был известен только один каменный столб с памятника Чесноково-1 [11]. В процессе раскопок 2015 г. могильника Сигнал-I над плитой перекрытия могилы 7 обнаружен отесанный каменный столб, разбитый на три части [17]. Одна часть сохранилась *in situ* в вертикальном положении в западной части, над каменным перекрытием и имела прямоугольное сечение размером 20 × 25 см, два других обломка лежали на центральной части перекрытия (рис. 3, 5). Общая высота столба составляла не менее 95 см. Также на памятнике Чекановский Лог-II (м. 39) в разру-

шенной грабителями погребальной камере, был обнаружен продолговатый, трапециевидно-треугольный в сечении камень длиной 65 см, в западной части погребения [12]. Возможно, найденный камень так же, как и на двух других памятниках, входил в состав надмогильного сооружения и выполнял функцию вертикально установленного столба. Таким образом, на сегодняшний день каменные столбы в Северо-Западном Алтае зафиксированы на трех памятниках. Судя по всему, традиция устанавливать совместно с надмогильными сооружениями вертикальные каменные столбы связана с андроновскими погребальными комплексами Восточного Казахстана.

Семантическое назначение данного элемента в андроновском погребальном обряде является предметом дискуссии. В.В. Бобров, обращаясь к проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Казахстана и юга Западной Сибири, приходит к выводу, что андроновские обелиски имеют прямую связь с мужскими захоронениями [21. С. 56–57]. Погребения по обряду ингумации позволили установить, что столбы (как деревянные, так и каменные) помещались в головы умерших мужского пола в возрасте от 25 до 50–60 лет. По мнению исследователя, камни-obelisks и столбы имеют общую мировоззренческую идею, которая в семантическом контексте олицетворяет трехчленность мира и, возможно, выполняла коммуникативную функцию. Но скорее всего, в объекты заложена полисемантическая идея [Там же. С. 57]. Как отмечает С.В. Сотникова, лишь на территории Среднего Енисея столбовые конструкции менее информативны и однородны по составу погребенных, так как они связаны с захоронением и мужчин, и женщин [25]. Исследователь считает, что пути формирования и трансформации традиции вертикальной направленности погребального ритуала в среде андроновского населения берут истоки от синташтинских и петровских традиций захоронений воинов-колесничих. Со временем образ колесницы становится все более символическим и приобретает вид погребений с вертикально установленными деревянными столбами. Образ колесницы утрачивает сходство с реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого укреплялось колесо или его символ. Не исключено, что в ходе ритуала имела место антропоморфизация столба с помощью реальных вещей, что получило дальнейшее развитие в ирменских камнях-obelisks и оленных камнях [Там же. С. 79].

Ю.И. Михайлов считает, что вертикальные столбы, стелы или оленные камни воплощали в себе символическое изображение позвоночника («вместилища жизненной силы»), который рассматривался как жизненное начало. Вместе с тем соматический код был подчинен прежде всего идеологической концепции, в которой уже не тело первосущества служило материалом для моделирования мироздания и социума, а прочный каркас социального и сакрального лидера становится арматурой новых общественных связей и отношений [30. С. 83–84]. Не вдаваясь в глубокий анализ и оценку имеющихся интерпретаций, отметим, что месторасположение столба в «голове» погребенного, «показывает»

непосредственную семантическую связь между усопшим и камнем, что позволяет обозначить такой элемент как обелиск. Немногочисленность подобных элементов в погребальном обряде, вполне вероятно, указывает на особый статус усопшего в обществе.

Перекрытия. Все могильные ямы на памятнике Сигнал-I были перекрыты каменными плитами (рис. 4, 1). Для перекрытия могилы 7 использовалась целая массивная плита размерами 2,6 × 2,15 м (рис. 3, 5), а для могил 3, 4 – несколько небольших плит.

Каменный ящик (м. 1) и циста (м. 3) были перекрыты 2–3 плоскими камнями. В Верхнем Приобье есть несколько вариантов перекрытий ящиков. Например, на памятниках Сигнал-I и Самарка-IV это плоские глыбы плитняка, которые были точно подогнаны либо уложены внахлест друг на друга [14, 17]. На памятнике Чесноково-I перекрывающая плита была обтесана, в местах, где плита соприкасалась с торцевыми стенками ящика, вышлифовывались пазы глубиной до 1–2 см, шириной около 10 см [11. С. 33]. В андроновских памятниках Верхнего Приобья могильные ямы перекрывали деревянными накатами, а каменные плиты встречены лишь в синкретичных могильниках Северо-Западного Алтая. Особенностью внутримогильных конструкций памятника Сигнал-I является наличие уступа в могильной яме, на который опиралось перекрытие из каменных плит. Данная черта характерна для андроновских могильников Кызылтас, Средняя База Беткудук, Меновое IX территории Восточного Казахстана [18. С. 242].

Стела. Западная плита перекрытия могилы 4 на могильнике Сигнал-I являлась переиспользованной стелой. Она была уложена «лицевой» вверх, «головной» на юг (рис. 4, 3). Объект имел прямоугольную форму длиной 1,23 м, шириной 0,28 м, толщиной 0,15–0,21 м. Абрис лица прямоугольный, с закругленными краями (0,35 × 0,21 м), выдается вперед на 2–3 см. Его поверхность уплощена, части и черты лица не обозначены. На торце (слева) у основания имеется искусственное углубление правильной круглой формы диаметром 14 см, глубиной 2 см.

В погребальной практике нередки случаи переиспользования каменных изваяний в качестве перекрытия погребальных камер [31. С. 114]. Такие случаи фиксируются в скифское и тюркское время. Факты переиспользования известны в комплексах бронзового века на обширной территории. Например, Г.А. Максименков описывал случай на памятнике Орак, когда андроновская циста была перекрыта окуневской стелой [32]. В.В. Оторощенко приводит сводку каменных изваяний срубной культуры Северного Причерноморья, которые использованы в курганах культур поздней бронзы [33].

Прямых аналогий стелы с памятника Сигнал-I пока установить не удалось, хотя можно попытаться очертить круг возможных создателей антропоморфной стелы. В андроновской культуре отсутствуют антропоморфные стелы. Близкие по времени окуневские изваяния локализуется в Минусинской котловине [34]. Другими возможными создателями данной стелы могли стать носители чумурчекской культуры, основной

ареал которой связан с территориями Западной Монголии, Синьцзяна и юго-восточного Казахстана [35]. Недалеко от памятника Сигнал-I расположен могильник Усть-Каменка-II, отражающий погребальные традиции чумурчекского населения [36. С. 30]. Также наличие данной культуры подтверждает находка в Угловском районе Алтайского края каменного сосуда, близкого к каменным сосудам чумурчекского типа, с характерным орнаментом и изображением [37]. Для данной культуры характерны антропоморфные каменные статуи [38], поэтому есть вероятность того, что стела из Сигнала-I могла быть связана с чумурчекской традицией, хотя изобразительные элементы не позволяют найти прямых аналогий в чумурчекских памятниках.

Внутримогильные конструкции. Все могильные ямы на могильнике Сигнал-I были глубоко врезаны в материк глубиной от 50 до 120 см. Внутри ям устанавливались каменные ящики (м. 1, 2) (рис. 3, 6) цисты (м. 3) (рис. 3, 2, 3, 4), несколько ям не имели конструкций (м. 4–7).

Циста на памятнике Сигнал-I находилась под перекрытием, ориентированная по линии С–Ю с небольшим отклонением к западу, размером 0,85 × 0,65 м, глубиной 0,65 м. Камера имела комбинированный характер, т.е. сочетала в себе элементы цисты и ящика из плит. Три стены были выполнены из хорошо подогнанных камней и плиток, уложенных плашмя друг на друга. Южная стенка состояла из вертикально поставленного плоского камня.

Погребальные цисты редко встречаются в андроновских могильниках. Подобные внутримогильные конструкции неизвестны в андроновских могильниках Верхнего Приобья. Аналогии таких конструкций имеются на памятниках территории Восточного Казахстана, таких как Березовский, Меновое IX [18], Средняя База Беткудук, Джарта, Малый Койтас [19], Айна-Булак-III [39]. Как считает А.А. Ткачев, их появление связано с выделением в андроновском обществе особой социальной группы. На позднем этапе бронзового века количество цист на памятниках увеличивается, но на финальном этапе бронзового века полностью исчезает [18. С. 242].

Каменные ящики известны в памятниках Сигнал-I, Чесноково-I [11] и Самарка-IV [14] Верхнего Приобья. На могильнике Сигнал-I ящик имел пол в виде массивной плиты (рис. 3, 6), на могильнике Самарка-IV погребальные ящики оформлялись без пола [14. Рис 2]. Основной ареал распространения захоронений в каменных ящиках находится к западу от Верхнего Приобья – Восточный и Центральный Казахстан [1, 18, 40, 41].

Грунтовые ямы без каких-либо конструкций, но с каменным перекрытием, в Верхнем Приобье кроме Сигнала-I встречены на памятнике Корболиха I [8]. В Восточном Казахстане практически на всех памятниках более половины погребений совершались в грунтовых ямах, иногда их соотношение с другими конструкциями составляет до 97% [18. С. 241]. Вероятно, в грунтовых ямах с каменным перекрытием изначально не было деревянного сруба, который к моменту раскопок мог полностью разрушиться, так как

не зафиксировано ни одного случая сочетания деревянной камеры или сруба с каменным перекрытием.

Несомненно, что определенное значение в погребальной обрядности играл природно-ландшафтный аспект, который выражается в наличии / отсутствии строительного сырья (древесины и камня). Авторам известен один случай сочетания в одном объекте каменного надмогильного сооружения в виде кольца и внутримогильной конструкции в виде деревянного сруба в яме. Это могильник Семиярка-IV, ограда 1 в Среднем Прииртышье (неопубликованные материалы из раскопок С.П. Грушина, В.К. Мерца, И.В. Мерца).

Положение погребенных людей. Антропологические останки, зафиксированные в погребениях, отличались очень плохой сохранностью. В достоверно не потревоженной могиле 7 был расчищен костяк взрослого человека, сохранились лишь зубы и слабый тлен от черепа и крупных костей конечностей. В погребениях 5 и 6 найдены кости человека, а в остав-

шихся могилах не зафиксировано ни костей, ни следов трупосожжения. По обнаруженным антропологическим останкам можно определить, что обряд погребения на могильнике Сигнал-I характеризуется труположением. Преобладающей ориентировкой погребенных была западная: в одном случае (м. 7) установлено точно, и в двух других (м. 4, 5) – предположительно. Западная ориентация умерших в могиле нехарактерна для погребального обряда андроновцев Верхнего Приобья (преобладает юго-западная ориентировка) [2, 4]. Западная ориентировка характерна для погребальных комплексов Восточного Казахстана [18. С. 243; 19. С. 59].

Погребальный инвентарь на могильнике Сигнал-I представлен только глиняными сосудами (рис. 5). Они найдены в погребениях. Всего обнаружено 6 сосудов, из них археологически целых – 3. Все они плоскодонные, изготовлены ручной лепкой, серого или красновато-коричневого цвета. По форме подразделяются на горшки и банки.

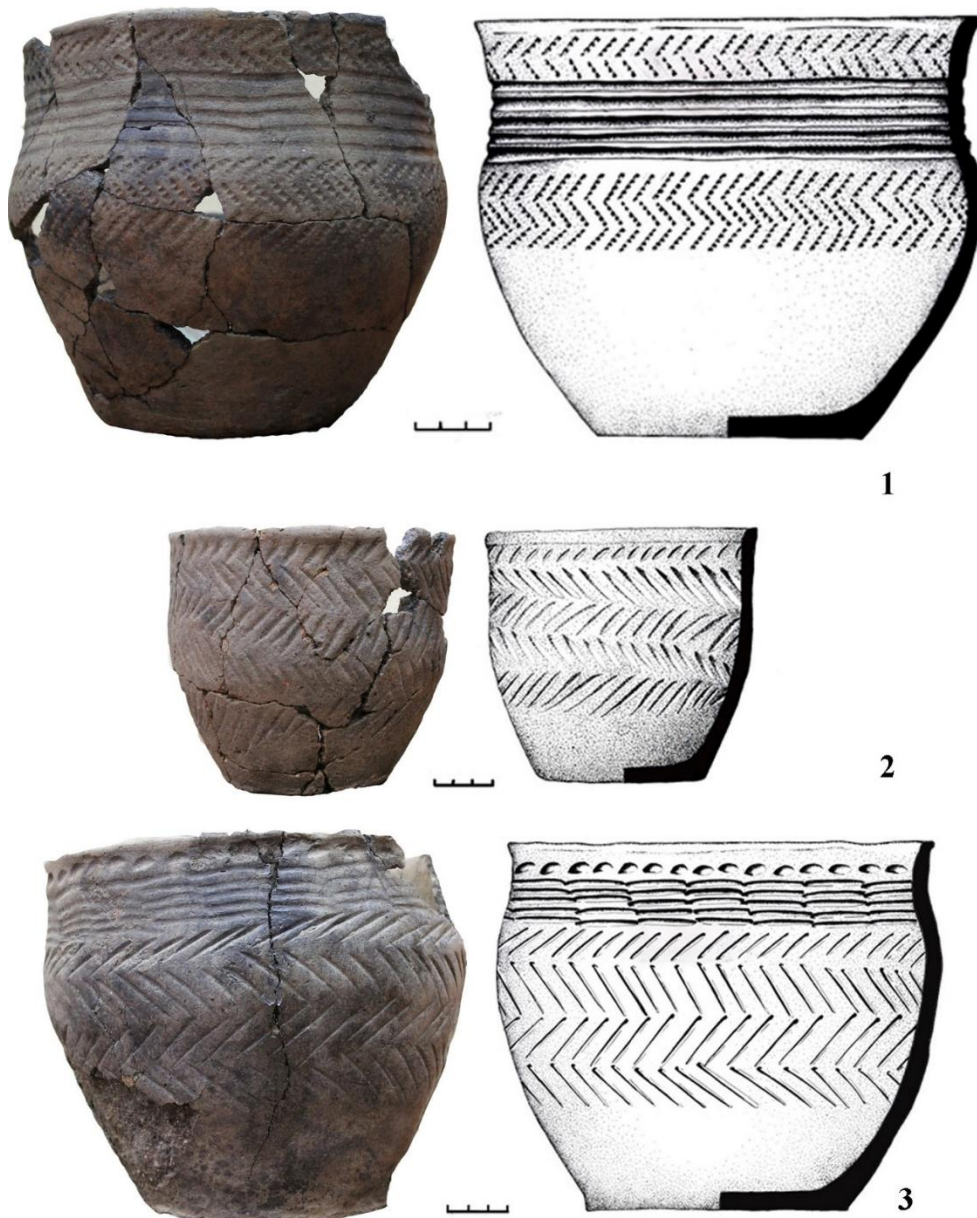


Рис. 5. Глиняные сосуды из погребений могильника Сигнал-I: 1 – могила 5; 2 – могила 4; 3 – могила 7

Все сосуды орнаментированы. Сложных геометрических орнаментов нет. Декор наносился крупным, мелким гребенчатым и гладким штампом, палочкой и покрывал большую часть сосуда. Основные элементы орнамента: елочка, каннелюры, ямочки, гребенчатая качалка. Сосуды изготовлены с примесью шамота и дресвы. Тесто рыхлое и грубое. В керамическом комплексе отсутствуют классические нарядно-ритуальные сосуды, типичные для погребальной практики Верхней Оби. Орнаментальные схемы находят ряд аналогий с Восточно-Казахстанскими андроновскими сосудами (Айна Булак-III, Джарта, Малый Койтас, Завакино и т.д.).

В заключение можно сделать следующие выводы. Для андроновских погребальных памятников «контактной» зоны Северо-Западного Алтая характерны следующие конструктивные элементы:

- устройство надмогильных сооружений в виде оград овальной или округлой формы, выполненных из вертикально вкопанных или уложенных плашмя друг на друга каменных блоков;

- планиграфия оград характеризуется «сотовым» характером, когда к центральному сооружению пристраивались поздние ограды, имевшие с ним общий участок;

- установка каменных вертикальных камней-обелисков на перекрытие камеры, в «голове» погребенного;

- наличие различных типов внутримогильных конструкций: ям без камеры, каменных ящиков, комбинированных цист.

Такие элементы в разной степени встречены на памятниках Чесноково-1 [11], Самарка-IV [14], Гилево VI [6], Чекановский Лог-II [12], Корболиха I [7, 8]. Сочетание всех отмеченных элементов на одном могильнике в Северо-Западном Алтае встречено только на могильнике Сигнал-I. Самым восточным на настоящий момент времени является могильник Чесноково-1, расположенный на р. Чарыш. Помимо погребальных памятников в данный список можно включить и поселения: Чекановский Лог-3, 3А, Советский Путь-I. Изучение керамических серий андроновской керамики Верхнего Приобья позволило выявить на памятниках Чекановский Лог-3, 3А Прииртышскую гончарную традицию, а керамический комплекс Советский Путь-I демонстрирует смешанную традицию, сочетающую черты как Верхнеобской андроновской посуды, так и Прииртышской [42]. Синкретизм погребальных конструктивных особенностей мы связываем с андроновскими древностями Восточно-Казахстанского культурного варианта. Таким образом, проведенное исследование позволило очертить границу двух вариантов (Восточно-Казахстанского и Верхнеобского) андроновской историко-культурной общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе : ПринтА, 2008. 358 с.
2. Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновцев // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул : Изд-во АГУ, 1995. С. 58–75.
3. Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 132 с.
4. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов) : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 108 с.
5. Кирюшин Ю.Ф., Скубневский А.В. Предисловие // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1996. С. 3–11.
6. Могильников В.А. Андроновские курганы Гилево VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 106–108.
7. Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 155–159.
8. Могильников В.А. Курганы Корболиха I – памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 3. С. 29–40.
9. Дергачев В.А. Особенности культурно исторического развития Карпато-Приднестровья : к проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 2. С. 169–221.
10. Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Третьяковский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1996. С. 194–209.
11. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновские погребения на реке Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. 1996. Вып. 2. С. 33–38.
12. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул : Изд-во БГПИ, 2007. Ч. I. 274 с.
13. Савко И.А. Неопубликованные материалы раскопок 2002 года федоровского могильника Чекановский Лог-10 // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии : материалы LVII РАЭСМК. Сургут ; Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С.171–172.
14. Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. XVIII-XIX. С. 214–219.
15. Грушин С.П. Итоги исследования памятника Сигнал-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул : Изд-во БГПА, 2009. Вып. 6. С. 14–18.
16. Грушин С.П., Ковалев А.А. Новые информационные возможности по выявлению и фиксации памятников археологии (на примере работ в Третьяковском районе) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 198–205.
17. Грушин С.П., Леонтьева Д.С., Фрибус А.В., Вальков И.А. Предварительные итоги изучения андроновского могильника Сигнал-I // Археология Западной Сибири и Алтая : опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 214–219.
18. Ткачева А.Н., Ткачев А.А. Бронзовый век Верхнего Прииртышья. Новосибирск : Наука, 2008. 304 с.
19. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата : Наука, 1987. 280 с.
20. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахских степей. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
21. Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья : тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб. : РАН ИИМК, 1992. Вып. 2. С. 54–57.
22. Ковтун И.В., Горяев В.С. Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиции // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул : Изд-во АГУ, 2001. С. 53–63.

23. Куш Г.А. Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 227–228.
24. Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1968. Вып. 114. С. 70–75.
25. Сотникова С.В. Формирование традиции вертикальной направленности погребального ритуала на территории евразийских степей в эпоху бронзы // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 79–95.
26. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. 436 с.
27. Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (АСГЭ). 1961. Вып. 3. С. 32–73.
28. Киселев С.В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // Советская этнография. 1935. № 4-5. С. 206–209.
29. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
30. Михайлов Ю.И. Опыт реконструкции соматического кода в традиции использования оленных камней // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Изд-во КеМГУ, 1999. С. 74–85.
31. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.
32. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л. : Наука, 1978. 190 с.
33. Оторощенко В.В. О каменных изваяниях у племен срубной культуры // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982. С. 5–18.
34. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакаское книжное изд-во, 2006. 236 с.
35. Грушин С.П., Тишкин А.А. Чемурачская культура в Центральной Азии (краткий обзор имеющихся результатов изучения) // Труды Маргарианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2016. Т. 6: Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. С. 553–563.
36. Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследования древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 118 с.
37. Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 215–224.
38. Ковалев А.А. Древние статуи Чемурача и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.
39. Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул : Азбука, 2007. 96 с.
40. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. ; Л. : Изд-во АН КазССР, 1960. 112 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, 88).
41. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. I. 289 с.
42. Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2016. 24 с.

Sergei P. Grushin, Altay State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: gsp142@mail.ru

Daria S. Leontieva, Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nba-if@mail.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF ANDRONOVO POPULATION BURIAL CEREMONY WITHIN THE CONTACT ZONE OF NORTH-WEST ALTAI (SIGNAL-I BURIAL COMPLEX DATA)

Keywords: Andronovo Culture, contact zone, burial ceremony.

The article studies Andronovo monuments of the 18th-15th centuries B.C. located in North-West Altai. The aim is to single out characteristic features of Andronovo population burial ceremony of North-West Altai. To achieve the goal the authors address the following issues: definition of monuments with uncharacteristic markers of burial structures in the Upper Ob region; a brief survey of the history of the complexes; mapping of monuments identified; description of the burial ceremony features. The study is based on materials obtained as a result of excavations at Signal-I burial ground in 2007, 2009, 2015 as well as published data of Ob-Irtysh Andronovo monuments.

The authors conclude about the syncretic character of the complexes under study thus allowing us to consider North-West Altai in the Andronovo period a contact zone. Characteristic features of Andronovo population burial ceremony are as follows:

- burial site planigraphy is characterized by a hexagonal cell of fence arrangement (the central structure was accompanied by later ones which had common part of fence with the former), as well as separate objects;
- the arrangement of oval, round and subsquare over-tomb structures made of vertically fixed or horizontally placed stone blocks put flatwise on each other;
- vertical stone obelisks to cover the chamber in the “head” of a person buried;
- stone covers of the burial chamber;
- different types of intra-tomb structures: a hole without a chamber, stone boxes, combined cists;
- lateral position of a person buried with bent legs and the head directed westward.

All the features listed are characteristic of all the monuments mentioned. Besides necropoles the list of “contact” zone monuments can include some settlements: Chekanovskiy Log-3, 3A, Sovetskiy Put'-I. The study of ceramics allowed us to see mixed tradition of these monuments combining the features of Upper Ob Andronovo crockery with that of the Irtysh region.

The syncretism of burial structural features we associate with Andronovo artifacts of the West Kazakhstan cultural variant. The diversity and instability of the burial ceremony probably demonstrates migrations of small groups which left syncretic monuments while adopting to new territories and contacting local population.

REFERENCES

1. Kuzmina, E.E. (2008) *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti* [Classification and periodization of monuments of the Andronovo cultural community]. Aktobe: PrintA.
2. Kiryushin, Yu.F. (1995) *Osobennosti pogrebal'nogo obryada i pogrebal'noy posudy andronovtsev* [Features of the funeral rite and funeral dishes of Andronovites]. In: Gracheva, G.N. et al. (eds) *Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit'...* [My choice is science, the science without which I cannot live]. Barnaul: Altai State University. pp. 58–75.
3. Umansky, A.P., Kiryushin, Yu.F. & Grushin, S.P. (2007) *Pogrebal'nyy obryad naseleniya andronovskoy kul'tury Prichumysh'ya (po materialam mogil'nika Kytmanovo)* [Funeral rite in the Andronovo culture of Prichumyshie (based on the materials of the Kytmanovo burial ground)]. Barnaul: Altai State University.

4. Kiryushin, Yu.F., Papin, D.V. & Fedoruk, O.A. (2015) *Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nykh kompleksov)* [The Andronovo culture in Altai (based on materials from burial complexes)]. Barnaul: Altai State University.
5. Kiryushin, Yu.F. & Skubnevsky, A.V. (1996) Predislovie [Preface]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraya* [Monuments of history and culture of the southwestern regions of the Altai Territory]. Barnaul: Altai State University. pp. 3–11.
6. Mogilnikov, V.A. (1997) Andronovskie kurgany Gilevo VI [Andronovo mounds of Gilevo VI]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the Altai cultural heritage]. Barnaul: Altai State University. pp. 106–108.
7. Mogilnikov, V.A. (1980) Pamyatniki andronovskoy kul'tury na Verkhnem Alei [Monuments of Andronovo culture in the Upper Aley]. Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Drevnyaya istoriya Altaya* [Ancient History of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 155–159.
8. Mogilnikov, V.A. (1998) Kurgany Korbolikh I – pamyatnik andronovskoy kul'tury v predgor'yakh Altaya [Mounds of Korbolikh I – a monument of Andronovo culture in the foothills of Altai]. *Drevnosti Altaya*. 3. pp. 29–40.
9. Dergachev, V.A. (1999) Osobennosti kul'turno istoricheskogo razvitiya Karpato-Pridnestrov'ya. K probleme vzaimodeystviya drevnikh obshchestv Sredney, Yugo-Vostochnoy i Vostochnoy Evropy [Features of the cultural and historical development of the Carpathian-Transnistrian region. On the interaction of ancient societies of Central, Southeast and Eastern Europe]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – The Stratum Plus Journal*. pp. 169–221.
10. Tishkin, A.A., Kazakov, A.A. & Borodaev, V.B. (1996) Tret'yakovskiy rayon [Tret'yakovsky district]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraya* [Monuments of history and culture of the southwestern regions of the Altai Territory]. Barnaul: Altai State University. pp. 194–209.
11. Kiryushin, Yu.F. & Shulga, P.I. (1996) Andronovskie pogrebeniya na reke Charysh [Andronovo burials on the Charysh River]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 2. pp. 33–38.
12. Demin, M.A. & Sitnikov, S.M. (2007) *Materialy Gilevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Materials of the Gilev archaeological expedition]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
13. Savko, I.A. (2017) [Unpublished materials from the 2002 excavations of the Fedorov burial ground Chekanovsky Log-10]. *Sovremennye problemy izucheniya drevnikh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii* [Modern problems of studying the ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia]. Proc. of the LVII RAESMK. Surgut; Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017. pp. 171–172. (In Russian).
14. Grushin, S.P. & Leontieva, D.S. (2013) Novye materialy andronovskoy kul'tury s territorii lesostepnogo Altaya [New materials of Andronovo culture from the forest-steppe Altai]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the Altai cultural heritage]. Issue XVIII–XIX. Barnaul: Altai State University. pp. 214–219.
15. Grushin, S.P. (2009) Itogi issledovaniya pamyatnika Signal-I [The results of Signal-I monument study]. In: Demin, M.A., Shcheglova, T.K. & Telegin, A.N. (eds) *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae* [Field studies in the Upper Ob and Altai]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 14–18.
16. Grushin, S.P. & Kovalev, A.A. (2009) Novye informatsionnye vozmozhnosti po vyyavleniyu i fiksatsii pamyatnikov arkheologii (na primere rabot v Tret'yakovskom rayone) [New informational possibilities for revealing and fixing archeological monuments (a case study of the Tret'yakovsky district)]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the Altai cultural heritage]. Barnaul: Altai State University. pp. 198–205.
17. Grushin, S.P., Leontieva, D.S., Fribus, A.V. & Valkov, I.A. (2015) Predvaritel'nye itogi izucheniya andronovskogo mogil'nika Signal-I [Preliminary results of the study of the Andronovo burial ground Signal-I]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archeology of Western Siberia and Altai: Interdisciplinary Research]. Barnaul: Altai State University. pp. 214–219.
18. Tkacheva, A.N. & Tkachev, A.A. (2008) *Bronzovyy vek Verkhnego Priirtysh'ya* [Bronze Age of the Upper Irtysh]. Novosibirsk: Nauka.
19. Akhinzhanov, S.M. et al. (1987) *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shul'binskoy GES* [Archaeological sites in the flood zone of the Shul'binskaya hydroelectric station]. Alma-Ata: Nauka.
20. Zdanovich, G.B. (1988) *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhskikh stepey* [Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes]. Sverdlovsk: Ural State University.
21. Bobrov, V.V. (1992) K probleme vertikal'no ustanovlennykh ob'ektov v pogrebeniyakh epokhi bronzy Sibiri i Kazakhstana [On the problem of vertically installed objects in burials of the Bronze Age of Siberia and Kazakhstan]. *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya*. [Northern Eurasia from antiquity to the Middle Ages]. Proc. of the Conference. pp. 54–57.
22. Kovtun, I.V. & Goryaev, V.S. (2001) Mogil'nik Tanay-12 i kul'turno-khronologicheskie osobennosti andronovskoy statuarnoy i izobrazitel'noy traditsii [Burial ground Tanay-12 and cultural-chronological features of the Andronovo statuary and fine tradition]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii* [Historical and cultural heritage of North Asia]. Barnaul: Altai State University. pp. 53–63.
23. Kushch, G.A. (1989) Mogil'nik Air-Tau v Vostochnom Kazakhstane [Air-Tau burial ground in East Kazakhstan]. In: *Margulanovskie chteniya* [The Margulanov Readings]. Alma-Ata: [s.n.]. pp. 227–228.
24. Rakhimov, S.A. (1968) Andronovskaya stoyanka i mogil'nik na r. Syde (Krasnoyarskiy kraya) [The Andronovo encampment and burial ground on the river Syde (Krasnoyarsk Territory)]. *KSIA*. 114. pp. 70–75.
25. Sotnikova, S.V. (2014) Formation of tradition of the vertical direction of the funeral ritual on the territory of the eurasian steppes in the bronze age. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 2(10). pp. 79–95. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-06
26. Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K. & Orazbaev, A.M. (1966) *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
27. Komarova, M.N. (1961) Pamyatniki andronovskoy kul'tury bliz ulusa Orak [Monuments of Andronovo culture near Orak ulus]. *ASGE*. 3. pp. 32–73.
28. Kiselev, S.V. (1935) Andronovskie pamyatniki bliz s. Ust'-Erba v Khakasii [Andronovo monuments near the village Ust-Erba in Khakassia]. *SE*. 4-5. pp. 206–209.
29. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: AS USSR.
30. Mikhaylov, Yu.I. (1999) Opyt rekonstruktsii somaticheskogo koda v traditsii ispol'zovaniya olen'nykh kamney [The experience of reconstructing the somatic code in the tradition of using deer stones]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo* [Archeology, Ethnography, and Museum Work]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 74–85.
31. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2005) *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biye (Gornyy Altay)* [The complex of archaeological sites in the valley Biye (Altai Mountains)]. Barnaul: Altai State University.
32. Maksimenkov, G.A. (1978) *Andronovskaya kul'tura na Enisee* [The Andronovo culture on the Yenisei]. Leningrad: Nauka.
33. Otoroshchenko, V.V. (1982) O kamennykh izvayaniyakh u plemen srubnoy kul'tury [On the stone sculptures of the tribes of the Srubnaya culture]. In: Baran, V.D. (ed.) *Novye pamyatniki drevney i srednevekovoy khudozhestvennoy kul'tury* [New monuments of ancient and medieval art culture]. Kyiv: Naukova Dumka. pp. 5–18.
34. Leontiev, N.V., Kapelko, V.F. & Esin, Yu.N. (2006) *Izvayaniya i stely okunevskoy kul'tury* [Sculptures and steles of Okunevo culture]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo.
35. Grushin, S.P. & Tishkin, A.A. (2016) Chemurcheskaya kul'tura v Tsentral'noy Azii (kratkiy obzor imeyushchikhsya rezul'tatov izucheniya) [Chemurchek culture in Central Asia (a brief overview of the available research results)]. In: Dubova, N.A. (ed.) *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Margian archaeological expedition]. Vol. 6. Moscow: Staryy sad. pp. 553–563.
36. Grushin, S.P. (2014) *Arkheologiya Rudnogo Altaya: issledovaniya drevnikh i srednevekovykh pamyatnikov u gory Taraskina* [Archeology of the Ore Altai: studies of ancient and medieval monuments near Mount Taraskin]. Barnaul: Altai State University.

37. Kiryushin, Yu.F. & Simonov, E.V. (1997) Kamennyy sosud iz Uglovskogo rayona [A stone vessel from the Uglovsky district]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the Altai cultural heritage]. Issue 8. Barnaul: Altai State University. pp. 215–224.
38. Kovalev, A.A. (n.d.) *Drevnie statui Chemurcheka i prilegayushchikh territoriy* [Ancient statues of Chemurchek and surrounding territories]. St. Petersburg: [s.n.].
39. Dashkovsky, P.K., Samashev, Z.S. & Tishkin, A.A. (2007) *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov Aina-Bulak v Verkhnem Priirtysh'e (Vostochnyy Kazakhstan)* [The complex of archaeological sites Aina-Bulak in the Upper Irtysh (East Kazakhstan)]. Barnaul: Azbuka.
40. Chernikov, S.S. (1960) Vostochnyy Kazakhstan v epokhu bronzy [East Kazakhstan in the Bronze Age]. *MIA*. 88.
41. Tkachev, A.A. (2002) *Tsentral'nyy Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Tyumen: TyumGNGU.
42. Leontieva, D.S. (2016) *Keramika andronovskoy kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaya (po materialam poseleniy)* [Ceramics of the Andronovo culture of the steppe and forest-steppe Altai (according to the materials of the settlements)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.

УДК 903.25 (571.15)
DOI: 10.17223/19988613/64/23

А.А. Казаков, Я.В. Фролов

НАХОДКА ИЗДЕЛИЯ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также при частичной финансовой поддержке РГНФ, проект №16-11-22007a(p) «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея».

Публикуется археологическая находка достаточно редкой категории – калачиковидная серьга, изготовленная в полихромном стиле. Это девятое изделие полихромного стиля из документированных комплексов, известное на территории Западной Сибири. Основные задачи работы – введение данного предмета в научный оборот посредством как можно более подробной публикации уникального полихромного изделия и его первичная культурно-хронологическая интерпретация без построения широких исторических гипотез. Предпринята попытка реконструкции технологического процесса изготовления этого изделия, высказана гипотеза о регионе его происхождения.

Ключевые слова: полихром; калачиковидная серьга; технология; зернь; вставка; хронология.

С момента обнаружения А.П. Уманским на территории Алтайского края в 1959 г. изделий, изготовленных в полихромном стиле [1. С. 129], накопился достаточно репрезентативный блок источников, представленный подобными находками из 10 памятников, маркирующих восточную границу их распространения, что позволяет говорить уже не о случайном проникновении этого уникального типа инвентаря на территории Западной Сибири из Средней Азии, а значительно расширить на восток ареал распространения полихрома [2]. Тем не менее изделия, изготовленные в полихромном стиле, являются достаточно редкими, единичными находками, и появление нового источника вызывает

живейший интерес исследователей. Так, случайная находка у с. Урлапово Шипуновского района Алтайского края калачиковидной серьги (серьги-лунницы, ладьевидной серьги) (рис. 1, 2) является всего лишь девятым случаем находок изделий полихромного стиля на территории Западной Сибири [Там же].

Известно, что изделия полихромного стиля, такие как калачиковидные серьги, аналогичные публикуемой случайной находке, на территории Сибири были известны и ранее. Четыре из них происходят из Сибирской коллекции Петра I и еще две присутствуют на изображениях предметов из коллекции Н.К. Витзена [3. С. 22, 23, Табл. XX, 20, 26–29].



Рис. 1. Калачиковидная серьга в полихромном стиле

Размеры изделия:

высота - 28 мм
 ширина - 25 мм
 глубина - 12 мм
 ширина щитка - 17 мм
 ширина вставки - 11 мм
 высота вставки - 4,5 мм
 диаметр шариков - 5 мм

диаметр гофрированных трубочек - 3,5 мм
 высота гофрированных трубочек - 5 мм
 зернь крупная - 1,2 мм
 зернь мелкая - 1 мм

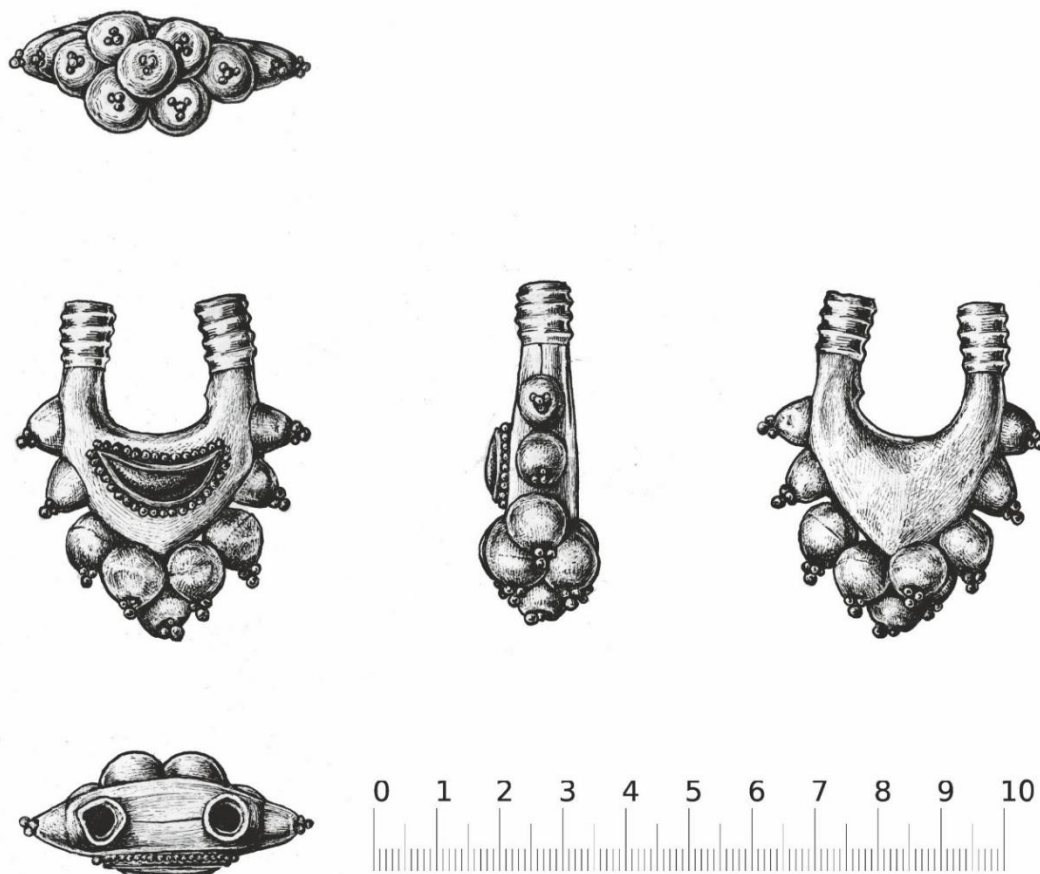


Рис. 2. Графическая прорисовка серьги

На сегодняшний день зона происхождения Сибирской коллекции Петра I определяется как юг Обь-Иртышского междуречья – территория южного степного Омского Прииртышья, восточная часть Павлодарского Прииртышья и районы Кулунды и Верхнего Приобья в районе Обского левобережья [3. С. 12].

Находка калачиковидной серьги, предмета, сходного с изделиями из Сибирской коллекции Петра I, в районе с. Урлапово служит еще одним подтверждением, что этот регион мог быть одной из территорий сбора коллекции. Принимая во внимание уникальность находки, считаем своей главной задачей как можно более детальную ее публикацию.

Серьга поступила в Алтайский государственный краеведческий музей (далее АГКМ) в 1966 г. в результате сборов научного сотрудника музея Э.М. Медниковой на памятнике «Урлапово, поселение и могильник». Памятник находится в 2,5 км к юго-западу от с. Урлапово Шипуновского района Алтайского края,

открыт 1965 г. директором школы в с. Урлапово А.П. Чайковым. Объект расположен на дюнах северо-восточного берега оз. Зеркальное, в то время интенсивно разрушаемых эоловой эрозией. Озеро входит в систему озер верховьев р. Барнаулки в реликтовом ленточном бору, который тянется узкой полосой вдоль реки. На месте памятника собрана большая коллекция подъемного материала, датирующегося начиная с бронзового века и до эпохи Средневековья (рис. 3).

Прежде всего хочется заметить, что, если не считать предметы из Сибирской коллекции Петра I, это первая случайная находка изделия полихромного стиля в Западной Сибири. Все предыдущие находки подобных изделий в этом регионе происходят из погребальных комплексов [2]. Исходя из этого, можно предположить, что и данная находка является частью сопроводительного инвентаря из захоронения, разрушенного в результате воздействия одного из многочисленных факторов, приводящих к гибели археологические памятники.

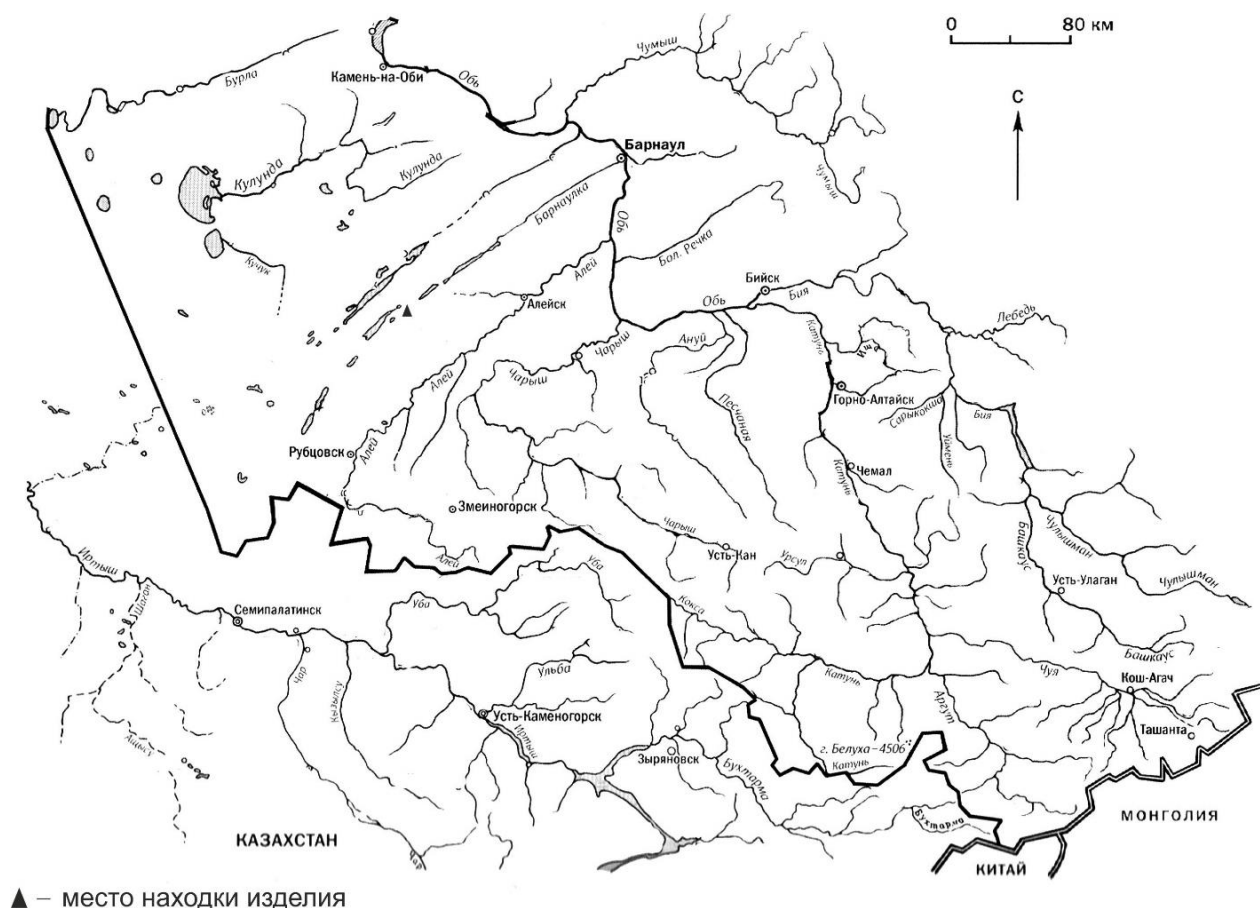


Рис. 3. Место находки сережки

Публикуемое изделие полихромного стиля является калачиковидной серьгой. Не вдаваясь в рассуждения о правильности употребляемого другими авторами термина, будем придерживаться именно этого названия, несмотря на то что в научной литературе встречается большое количество терминов для обозначения подобных изделий. Наиболее распространенные из них — ладьевидные серьги и серьги-лунницы. Как правило, эти термины употребляются при характеристике инвентаря периодов раннего железного века и античности, предшествующих эпохе Средневековья. Поскольку подобные изделия являлись наиболее ранними формами, которые в результате эволюции трансформировались в классические калачиковидные серьги, широко распространенные в средневековых материалах, медиевисты подобные изделия называют калачиковидными серьгами [4, 5]. Мы не будем нарушать сложившейся традиции.

Изделие имеет достаточно сложную конструкцию. Оно изготовлено из золотого листа 750-й пробы (определение Западно-Сибирской государственной инспекции пробирного надзора от 2006 г.). Размеры изделия по крайним точкам следующие: высота 28 мм, ширина 25 мм, толщина 12 мм. Щиток (калачик) изделия пустотелый, спаянный из 2 половинок, вероятнее всего, изготовленных из тонко прокатанного золотого листка методом штампования при помощи пуансона и матрицы. Об этом свидетельствуют равномерность толщины створок щитка, отсутствие литейных швов и наплывов на поверхности, однородность поверхности и большая плотность, что может быть достигнуто только при

проковке или прокатке изделия, однако проковка оставляет следы от инструмента, воздействующего на материал, в то время как прокатка дает большую равномерность толщины листа. После штампования створки щитка были спаяны, о чем свидетельствует наличие паяльного шва (рис. 4). Щиток имеет плавные сердцевидные очертания. Для придания большей прочности на концы щитка надеты гофрированные трубочки, изготовленные из того же материала. Внешний диаметр трубочек 3,5 мм, длина 5 мм (рис. 5; 6).

Щиток снизу украшен гроздьё из 7 пустотелых шариков, а по бокам четырьмя полушариями, по 2 с каждой стороны. Шарiki припаяны к щитку, каждый изготовлен методом пайки из двух штампованных полушарий (рис. 7). Пять самых нижних шариков составляют пирамидку, четыре из них являются основанием, а пятый вершиной (см. рис. 2). Диаметр шариков 5 мм. На каждый шарик напаяна пирамидка из 4 зернинок, 3 из которых в основании, а одна является вершинкой (рис. 2, 8). Всего на шариках напаяно 28 зернинок. Зернь неравномерная по диаметру, от 1 до 1,2 мм. Подобная вариабельность размеров зернинок указывает на способ их изготовления. Вероятнее всего, они производились методом литья по желобу с последующим быстрым охлаждением в жидкости, как изготавливается дробь.

Вставка красно-коричневого цвета, изготовлена из прозрачного твердого материала (стекло? камень?). Она имеет форму полумесяца с размерами 11 × 4,5 мм (см. рис. 1, 2). Вставка удерживается на изделии при помощи тонкой золотой полоски, концы которой спа-

яны в месте их соединения (рис. 9). Полоска припаяна к основе щитка. Чтобы подчеркнуть прозрачность вставки, под нее уложены фрагменты золотой фольги (см. рис. 1). Гнездо вставки также украшено одним

рядом зерни, припаянной к основе изделия и полоске крепления по ее периметру (см. рис. 1, 2, 4, 9). Ряд зерни состоит из 42 зернинок. Дужка для крепления серьги к мочке уха отсутствует.

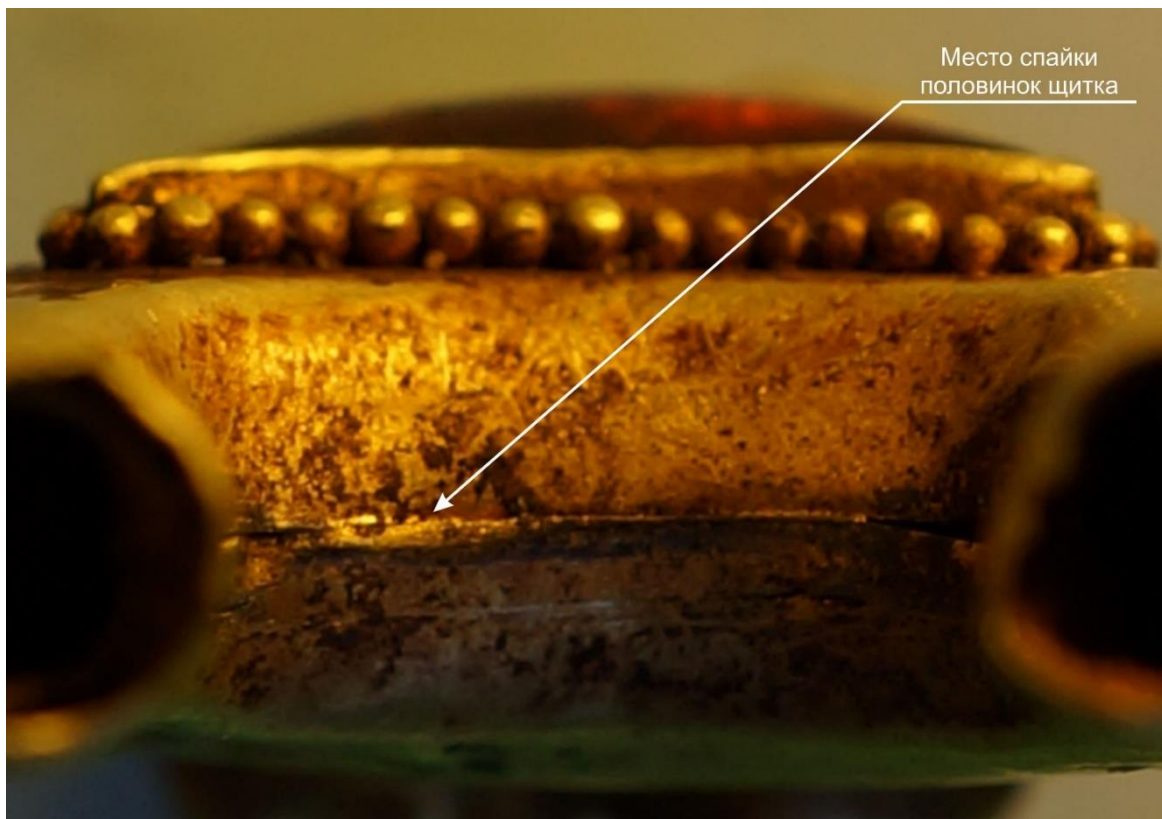


Рис. 4. Место спайки половинок щитка

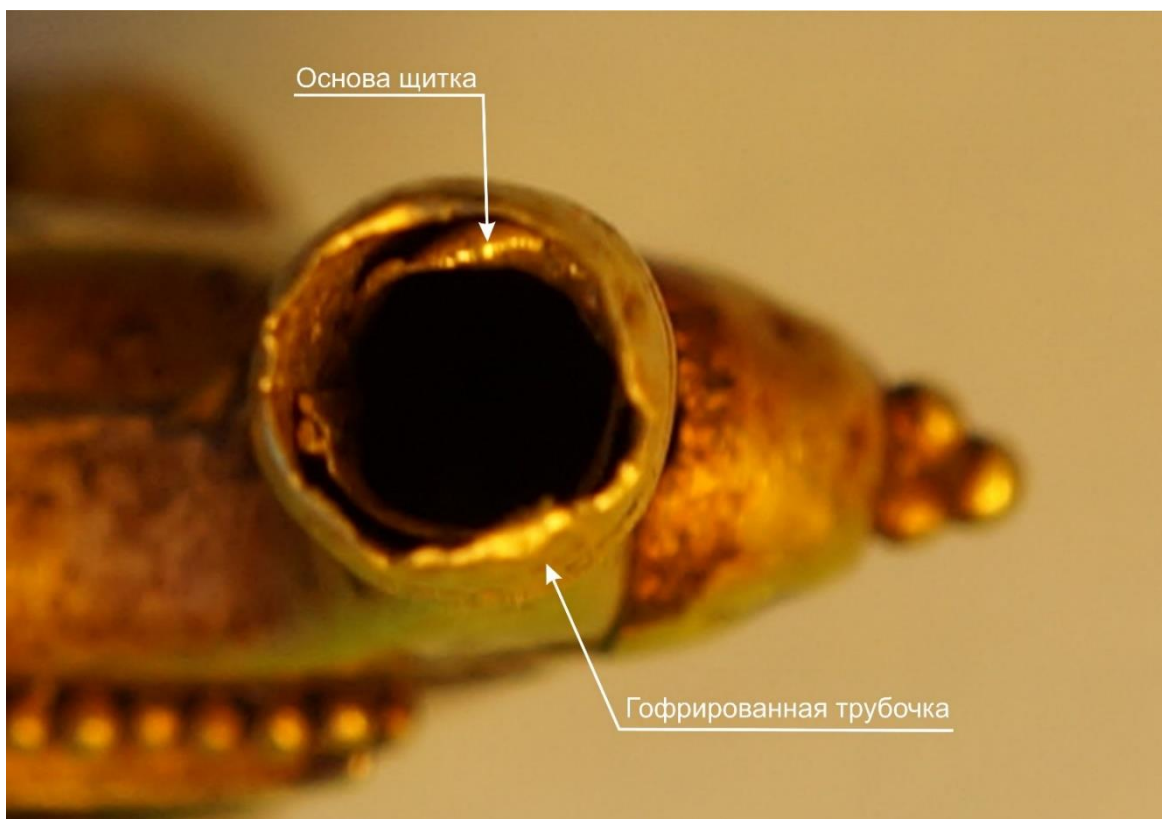


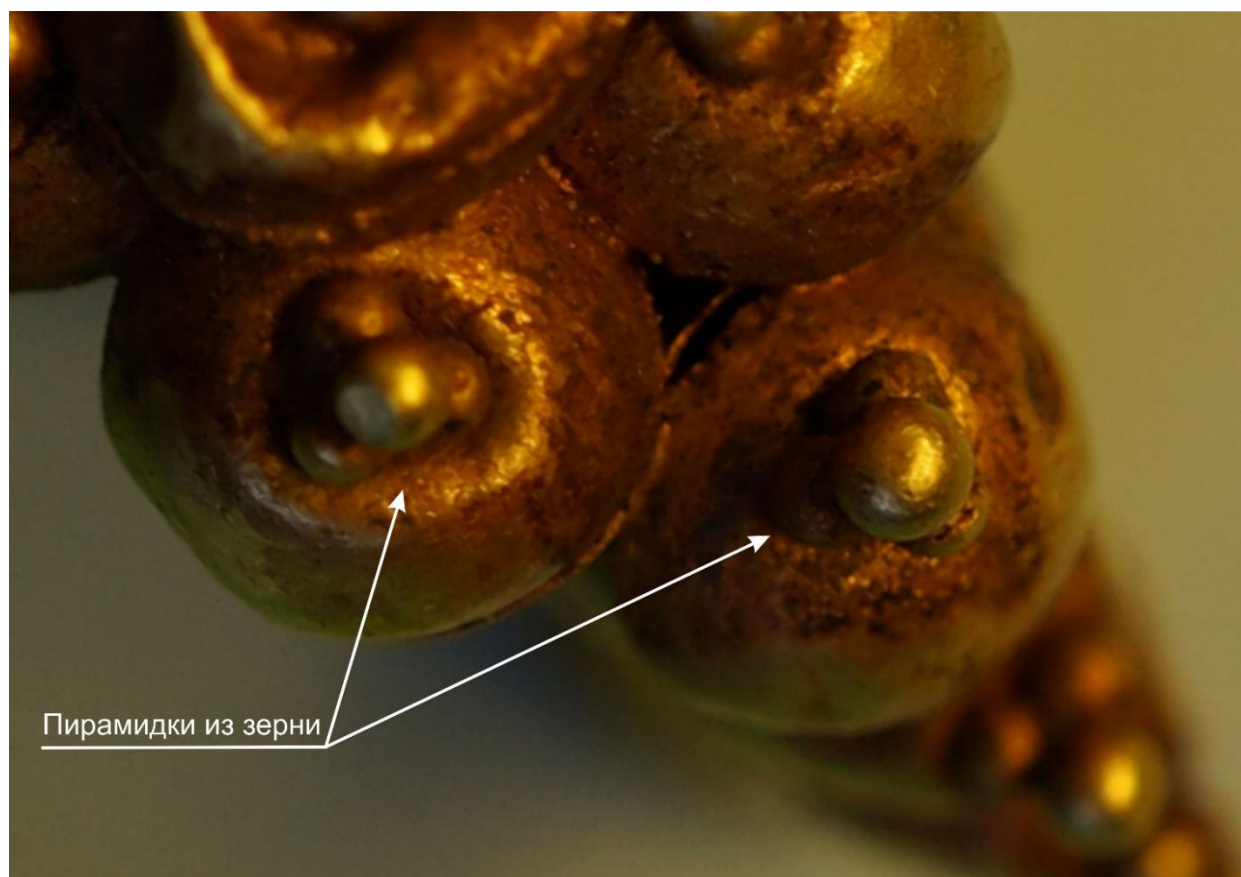
Рис. 5. Гофрированные трубочки на концах щитка



Рис. 6. Гофрированные трубочки-насадки на концах щитка

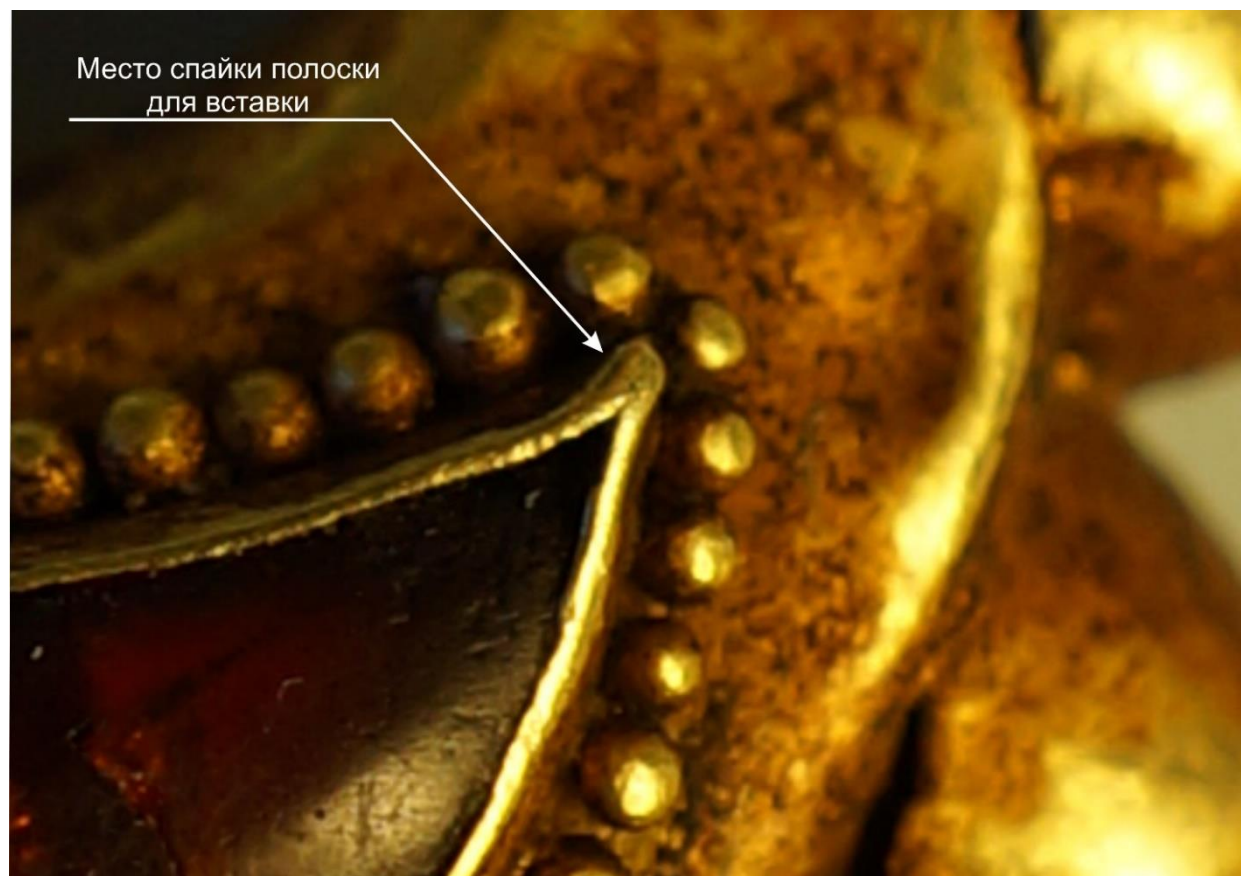


Рис. 7. Место спайки половинок шариков подвески



Пирамидки из зерни

Рис. 8. Пирамидки из зерни на шариках подвески



Место спайки полоски
для вставки

Рис. 9. Место спайки полоски для гнезда вставки. Пайка

В серьгах подобного типа для придания жесткости достаточно прочной пустотелой основе, изготовленной из тонкого, мягкого металла, ее полость заполняли мастикой, придающей жесткость изделию и предохраняющей предмет от возможных повреждений [6. С. 70]. Визуальное обследование серьги из Урлапово следов мастики не выявило. Учитывая, по-видимому, достаточно длительное нахождение изделия на дневной поверхности на месте выдувов, вполне объяснимо отсутствие наполнения из мастики, которое могло быть полностью разрушено. Не исключено, что более детальное обследование в последующем позволит выявить ее следы на внутренней поверхности изделия.

Проведенная детальная фотосъемка, позволившая выявить некоторые технологические приемы, которые использовались древними мастерами при изготовлении подобных изделий, сделала возможным частичную реконструкцию технологического процесса производства серьги.

Технологическая цепочка начиналась с изготовления материала для заготовок, т.е. с прокатки тонкого золотого листа. Когда лист был готов, при помощи пуансона и матрицы штамповались заготовки для щитка и шариков подвески. Учитывая большие показатели вытягиваемости золотого листа, можно предположить, что для придания пластичности перед штампованием его достаточно сильно нагревали. Когда заготовки были изготовлены (половинки щитка, половинки шариков подвески, полоски для гнезда крепления вставки, сами вставки, полые трубочки, отлита зернь), начинался процесс сборки (пайки) изделия. Сначала спаивали половинки щитка. Затем для придания прочности на концы щитка надевались гофрированные трубочки. На щиток напаивалось гнездо из тонкой золотой полоски, предварительно выгнутой по нужной форме. После этого в гнездо на дно укладывались фрагменты золотой фольги, позволяющие более выигрышно смотреться прозрачной декоративной вставке за счет разных углов отражения света. Затем вставлялась сама вставка и зажималась в гнезде верхними концами уже припаянной полоски. После этого по периметру гнезда напаивалась зернь, которая, помимо декоративных функций, имела и чисто утилитарное назначение – делала края гнезда более жесткими и еще крепче скрепляла его с основой щитка.

Параллельно описанным процессам спаивались половинки шариков подвесок и на них напаивались пирамидки зерни. Кроме того, эти пирамидки напаивались и на полушария. После этого производилась окончательная сборка изделия – к нижней части щитка припаивались гроздь шариков с зернью, а по бокам – полушария.

Последним технологическим действием было заполнение внутренности щитка мастикой для придания изделию жесткости и прочности.

В целом изготовление серег подобного типа представляет достаточно сложный технологический процесс, который, вероятнее всего, выполнялся различными мастерами и предполагал высокую степень разделения труда, что говорит о достаточно сложной социальной организации общества, производящего

подобные изделия, что подтверждает ранее выдвинутую одним из авторов гипотезу [7. С. 113].

Культурно-хронологическая интерпретация калачиковидной серьги из Урлапово особых затруднений не вызывает. Подобные серьги распространены достаточно широко и некоторыми исследователями связываются с сарматами [8. С. 36; 9. С. 267].

Очень похожие (почти тождественные) изделия – «... крупные полые золотые с бронзовой дужкой серьги раннеполихромного стиля в виде лунниц с напаянными группами зерни, с гранатовыми, альмадиновыми, сердоликовыми, янтарными вставками в специальных гнездах; на некоторых снизу припаяны симметрично расположенные шарики с группами зерни» [10. С. 76, 279] – известны из района северной Сырдарьи и встречаются в памятниках джетыясарской культуры. По мнению Л.М. Левиной, изделия подобного типа датируются первыми веками нашей эры [Там же. С. 76]. К сожалению, автором дата не конкретизирована и может трактоваться в достаточно широком хронологическом диапазоне, от рубежа эр до V–VI вв.

Возможно, именно эти регионы распространения джетыясарской и кенкольской археологических культур (юго-западные районы Казахстана, северо-запад Киргизии и юго-восток Узбекистана) являются местом появления серег подобного типа и их последующего распространения на другие регионы.

Наиболее ранними подобными формами, вероятнее всего, являются античные ладьевидные серьги с подвесками, украшенными гроздь шариков, по-видимому, изготовленные в тарентийской мастерской и датируемые 340–320 гг. до н.э. [11. С. 213]. Несмотря на значительные различия, заключающиеся, прежде всего, в наличии штампованных изображений на щитках сережек и отсутствии полихромных вставок, мы наблюдаем схожие объемные формы полой подвески, изготовленной путем спайки двух штампованных половинок, и ее декорирование гроздьями пустотелых шариков, спаянных из двух половинок, а также широкое использование зерни.

В целом изделия полихромного стиля, в том числе и калачиковидные серьги, при изготовлении которых используются сходные технологические приемы, что позволяет привлекать их в качестве аналогий, широко распространены в Средней Азии. Наряду с уже приведенными аналогиями можно назвать находку на территории современной Киргизии, полученную в ходе раскопок могильника Торкен в долине Кетмень-Тюбе, «...золотой овальной формы лунницы, от которой лучами отходят рифленые стерженьки с насаженными на них шариками». Эта находка датируется IV–V вв. [12. С. 221]. Кроме того, аналогии мы находим в Актасте, Боровом, Кетмень-Тюбе [13. С. 284], Кызылкайнар-Тобе и Актобе [14. С. 77].

При построении типологии и анализе эволюционного развития серег первой половины I тыс. н.э. в Приуралье и Казахстане исследователи объединяют калачиковидные (серьги в виде простого литого кольца с утолщением снизу) и сложные серьги с подвеской-лунницей и отдельной дужкой в один эволюционный ряд, полагают, что подобные серьги развивались

от простого к сложному от калачиковидных до серег с подвесками-лунницами с гроздевидными окончаниями, и, соответственно, также выстраивают и хронологию [51; 5. С. 133]. В типологическом ряду между этими крайними позициями выделяют несколько переходных форм.

Данная типология имеет ряд несоответствий. Во-первых, в один ряд включаются изделия, выполненные совершенно разными способами, по разной технологии. Во-вторых, не учитываются имеющиеся достаточно близкие ранние аналогии серьгам-лунницам, как сходные по технологии изготовления, так и морфологически широко распространенные в античном мире, встречающиеся и у скифов в период V–III вв. до н.э. [4. С. 6; 11. С. 213].

По-видимому, следует признать, что серьги-лунницы с полихромными вставками и напаянными гроздьями сфер и полусфер, украшенные зернью, вошли в себя традиции и античных мастеров ювелирного дела. Наличие разных переходных форм серег в памятниках гунно-сарматского времени Приуралья, Зауралья, в том числе и литых, по-видимому, связано с местным производством, и именно эти изделия следует считать наиболее поздними. Возможно, только между подражаниями лунницам с гроздьями шариков и литыми «классическими» калачиковидными серьгами и имелась какая-то эволюционная связь [4. С. 7–8].

По мнению С.Г. Боталова и С.Ю. Гуцалова, «...золотые с зернью и разноцветными вставками» калачиковидные серьги (изготовленные в полихромном стиле) хорошо датируются IV–V вв. [15. С. 144].

Ранние формы «...полых серег калачиковидной формы с проволоочной дужкой» из позднесарматских памятников В.Ю. Малышев и Л.Т. Яблонский вслед за М.Г. Мошковой датируют не ранее III в., относя их к 2-й и 3-й хронологическим группам могильника Покровка 10 [16. С. 334–335], которые имеют хронологический диапазон бытования с первой половины – середины III в. до начала IV в. [16. С. 62].

И.П. Засецкая, один из наиболее авторитетных, наряду с А.К. Амброзом, исследователей, занимающихся проблемами разработки типологии и хронологии древностей эпохи великого переселения народов, датирует калачиковидные серьги, изготовленные в полихромном стиле, IV–V вв. и, учитывая стилистические особенности и морфологические признаки, связывает их не с позднесарматскими калачиковидными серьгами, а с «...серьгами гуннской эпохи». Она же выделяет и общие признаки для калачиковидных серег гуннской эпохи – «...наличие орнамента из зерни в виде пирамидок и треугольников» [17. С. 65–66]. Как и другие предметы полихромного стиля, известные в регионе публикуемой случайной находки, калачиковидная серьга из Урлапово относится к первой стилистической группе, выделенной И.П. Засецкой [Там же. С. 68–75], или к подгруппе «В», для которой характерны «...полихромные украшения, декорированные цветными вставками в напаянных гнездах и накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни... ободками зерни, треугольниками, ромбиками и пирамидками, выложенными зернью» [Там же. С. 62].

Типология изделий полихромного стиля, разработанная А.К. Амброзом, позволяет нам отнести калачиковидную серьгу из Урлапово к 3-му типу, характеризующемуся «...неумеренным применением зерни... тисненные подражания зерненым вещам» [18. С. 65]. Зону распространения этого типа изделий полихромного стиля А.К. Амброз очерчивает «...с центром где-то в Азии и границами от устьев Дуная до Киргизии и, может быть, Алтая» [Там же. С. 66]. Находка из Урлапово лишняя раз подтверждает это предположение ученого.

В обобщающей работе С.А. Перевозчиковой, посвященной анализу именно калачиковидных серег, мы находим почти полную аналогию урлаповской находке [4. С. 9. Рис. 2–10]. Согласно достаточно подробной типологии калачиковидных серег, разработанной автором работы, данная серьга относится к типу 2 – калачик в виде многоугольника, подтипу «д» – привеска в виде грозди из большого количества шариков, варианту 3 – основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни [4. С. 5]. С точки зрения технологии считаем, что серьги именно этого типа изготавливались не методом литья, как пишет С.А. Перевозчикова [Там же. С. 6], а методом штамповки из тонко прокатанного золотого листка, о чем уже говорилось выше.

С.А. Перевозчиковой подобные изделия соотносятся с среднеазиатскими калачиковидными серьгами, которые отнесены Л.М. Левиной к периоду I в существования джетыасарской культуры [19. С. 70], достаточно условно датируемому II–IV вв. [Там же. С. 62].

По мнению А.В. Богачева, наиболее ранние изделия этого типа датируются III–IV вв., но достаточно широко они бытуют в конце IV–V вв. [5. С. 103].

Учитывая вышеприведенные аналогии с достаточной долей уверенности можно датировать калачиковидную серьгу из Урлапово IV–V вв. н.э. Принимая во внимание, что изделия, выполненные в полихромном стиле, на территории Алтая бытуют в крайне ограниченном хронологическом диапазоне второй половины IV – первой половины V в., можно ограничить датировку серьги именно этим хронологическим периодом.

Наличие достаточно однотипных и сложных в исполнении ювелирных изделий на широкой территории центральной части евразийских степей, встречающихся в захоронениях кочевников, начиная от Приуралья, Казахстана и до юга Обь-Иртышья, позволяет говорить о существовании единого центра их происхождения, вероятно, локализуемого в Средней Азии, и предполагать наличие достаточно тесных культурных контактов между этими регионами в IV–V вв. н.э.

Возможно, калачиковидная серьга из Урлапово и похожие серьги из Сибирской коллекции Петра I маркируют проникновение в этот период на территорию степного и лесостепного Алтая группы населения с юго-западного направления, что привело к формированию стабильных культурных контактов населения юга Обь-Иртышского междуречья с юго-западными регионами в IV–V вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
2. Казаков А.А. О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 1 (45). С. 83–92.
3. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / Археология СССР. Свод археологических источников. ДЗ-9. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 52 с. + 27 табл.
4. Перевозчикова С.А. Калачиковидные украшения на территории Евразии в первой половине I тыс. н.э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175): История, вып. 36. С. 7–12.
5. Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег 4–7 вв. в Волго-Камье // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара : СлаВен, 1996. С. 99–114.
6. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец 4 – 5 вв.). СПб., 1994. 224 с.
7. Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 106–114.
8. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М. : Советская Россия, 1957. 73 с.
9. Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 258–268.
10. Левина Л.М. Могильники Алтынасар 4 / Джетыясарская культура. Ч. 3–4 // Низовья Сырдарьи в древности. М. : Изд-во ин-та этнологии и антропологии, 1994. 312 с.
11. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи 5–4 века до нашей эры. СПб. : Славия, 1995. 272 с.
12. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М. : Искусство, 1982. 288 с.
13. Бородавский А.П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // Древности Алтая : межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. № 11. С. 44–58.
14. Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2013. С. 31–87.
15. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 269 с. (Сер. Этногенез уральских народов).
16. Малышев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время : по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008. 365 с.
17. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // Советская археология. 1971, № 1. С. 53–71.
18. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа 5–7 вв. М. : Наука, 1989. 134 с.
19. Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры середины I тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 61–73.

Alexander A. Kazakov, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kaa-2862@mail.ru
 Yaroslav V. Frolov, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: frolov_jar@mail.ru

NEW POLYCHROME STYLE FIND IN ALTAI TERRITORY

Keywords: polichrome style, ring-shaped torus earring, technology, granulation, insert, chronology.

The purpose of the article is to introduce into scientific use an extremely rare category of archaeological finding - a polichrome style object. It is only the ninth monument with a polichrome style object in the Western Siberia. It is a ring-shaped torus earring made of 18 carat-fine gold which was encrusted with stone or glass insertion and decorated with gold balls and numerous granulation, including pyramids made of grains. The object is a random find from a multi-layered, gradually destroyed by wind erosion monument of Uralpovo located near Uralpovo village in Shipunovskii District of the Altai Region. The find is stored in the funds of the Altai local lore museum. The article gives a detailed description of the ring-shaped torus earring, heart-shaped and hollow, welded of two halves, drawn from a thinly-rolled gold leaf, with seven hollow 5 mm balls at the bottom and two hemispheres on each side. At the ends of the earring are corrugated tubes. A pyramid of four grains is soldered on each ball and hemisphere, three of those are at the basis and one is on top. The diameter of the grains is from 1 to 1.2 mm. The grain is decorated with a red-brown insert, made of transparent solid material, under which a thin sheet of gold foil is laid. The insert is of crescent shape with dimensions 11 mm by 4.5 mm, held in the nest made of a thin gold stripe soldered on the basis. The size of the object at the extreme points: 28 mm high, 25 mm wide, 12 mm thick. With the help of detailed photography, the ancient masters' technological methods used in the manufacture of the earring and a sequential technological chain of manufacture were reconstructed. On the basis of a fairly fractional technological chain, it is suggested that a society producing such objects had a complex social organization. On the basis of analogies a primary cultural-chronological attribution was made, which allowed to date the ring-shaped torus earring the second half of the 4th to the first half of the 5th century and to identify it as an antiquity of the Great Migration Period. A hypothesis was made about the place of origin of the earrings of such type - areas of Central Asia (regions of the Dzhetyasarskaya and Kenkolskaya archaeological cultures (south-western Kazakhstan, north-western Kyrgyzstan and south-eastern Uzbekistan). The fact that it was found in the territory of the forest Altai testifies to the existence of cultural contacts of the people of the southern Ob-Irtysh interfluvium with the south-west regions in the 4th-5th century A.D. The article is illustrated by a detailed picture and photographs showing technological features of the published earring.

REFERENCES

1. Umansky, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniya narodov" na Charyshe [The burial related to the "Great Migration of Peoples" on the Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 129–163.
2. Kazakov, A.A. (2017) On Eastern border of polichrome style objects spreading. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(45). pp. 83–92. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/13
3. Rudenko, S.I. (1962) *Sibirskaya kolleksiya Petra I* [Peter I's Siberian Collection]. Moscow; Leningrad: AS USSR.
4. Perevozchikova, S.A. (2009) Kalachikovidnye ukrasheniya na territorii Evrazii v pervoy polovine I tys. n. e. [Roll-shaped jewelry in Eurasia in the first half of I millennium AD]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37(175). pp. 7–12.

5. Bogachev, A.V. (1996) K evolyutsii kalachikovidnykh sereg 4 – 7 vv. v Volgo-Kam'e [Towards the evolution of felted earrings from the 4th to 7th centuries in the Volga-Kama]. In: Stashenkov, D.A. (ed.) *Kul'tura Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny 1 tysyacheletiya n.e.* [The culture of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD]. Samara: SlaVen. pp. 99–114.
6. Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskiy epokhu (konets 4 – 5 vv.)* [Culture of nomads of the South Russian steppes in the Hunnic era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg: Ellipse LTD.
7. Kazakov, A.A. (2016) Polychrome style objects from the burial site on the Eras'ka river. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 106–114. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/15
8. Sorokina, N.P. (1957) *Tuzlinskiy nekropol'* [The Tuzlinsky Necropolis]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
9. Moshkova, M.G. & Kushaev, G.V. (1973) Sarmatskie pamyatniki Zapadnogo Kazakhstana [Sarmatian monuments of Western Kazakhstan]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of Archeology of the Urals and Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 258–268.
10. Levina, L.M. (1994) *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Mogil'niki Altynasar 4* [The lower reaches of the Syrdarya in antiquity. Graves of Altynasar 4]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
11. Williams, D. & Ogdan, D. (1995) *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi 5 – 4 veka do nashey ery* [Greek gold. Classical jewelry art of the 5th – 4th centuries BC]. Translated from English. St. Petersburg: Slaviya.
12. Pugachenkova, G.A. & Rempel, L.I. (1982) *Ocherki iskusstva Sredney Azii. Drevnost' i srednevekov'e* [Essays on the Central Asian art. Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Iskusstvo.
13. Borodovsky, A.P. (2003) Drevnee srebro v Sibiri (obzor problematiki) [Ancient silver in Siberia (an outline of problems)]. *Drevnosti Altaya*. 11. pp. 44–58.
14. Botalov, S.G. (2013) O gunnakh evropeyskikh i gunnakh aziatskikh [On the European Huns Asian Huns]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Hun Forum. Problems of the origin and culture identification of the Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 31–87.
15. Botalov, S.G. & Gutsalov, S.Yu. (2000) *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifei.
16. Malyshev, V.Yu. & Yablonsky, L.T. (2008) *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10* [Steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian time: a case study of the Pokrovka burial site 10]. Moscow: Vostochnaya literatura.
17. Zasetskaya, I.P. (1971) O khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti pamyatnikov Yuzhnorusskikh stepey i Kazakhstana gunnskoy epokhi (postanovka voprosa) [On the chronology and cultural affiliation of monuments of the South Russian steppes and Kazakhstan of the Hunnic era (on the question)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 53–71.
18. Ambroz, A.K. (1989) *Khronologiya drevnosti Severnogo Kavkaza 5 – 7 vv.* [Chronology of the Antiquity of the North Caucasus, the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka.
19. Levina, L.M. (1992) Pamyatniki dzhetyasarskoy kul'tury serediny 1 tysyacheletiya do n.e. – serediny 1 tysyacheletiya n.e. [Monuments of the Dzhetyasar culture of the middle of the 1st millennium BC – mid 1 millennium AD]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Asian steppe zone of the USSR in Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka. pp. 61–73.

УДК 394.94 + 159.923
DOI: 10.17223/19988613/64/24

О.Б. Наумова

ЭКСТРАВАГАНТНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ (К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППЫ САЛ-СЕРІ)

*Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии РАН.*

Статья посвящена группе сал-сері – казахских поэтов, исполнявших собственные произведения и известных экстравагантным поведением. Вопрос о времени возникновения группы автор решает на основе анализа их творчества и характерных черт личности. Салов и сері отличали чувство независимости, ощущение своей уникальности, индивидуализм лирики – черты, присущие социально-историческому типу личности Нового времени. Это дает основание полагать, что группа сал-сері сформировалась не раньше XIX в., а временем ее полноценного существования можно считать его вторую половину – период начавшегося постепенного перехода традиционного казахского общества к современному типу социальной организации.

Ключевые слова: поэты-песенники; антиповедение; индивидуальность; казахи; вторая половина XIX – начало XX в.

Под экстравагантностью мы понимаем эксцентричные формы образа жизни и поведения человека, которые могут нарушать нормы социума вплоть до антиповедения, вызывают удивление, восхищение или возмущение его членов. Экстравагантное поведение встречалось и встречается в любом обществе, но природа экстравагантности может быть различной, в частности можно с определенной долей условности говорить о традиционной и современной экстравагантности. В традиционном обществе экстравагантная личность, нарушая традиции, находилась в рамках самой традиции. Так, провокационное антиповедение русских юродивых парадоксальным образом имело целью взорвать самоуспокоенный мир обывателя, утратившего пафос религиозности [1. С. 55], и это было понятно всем окружающим. Можно сказать, что через экстравагантное поведение юродивых проявлялась их социальная роль, их общественная миссия. В обществах современных, с оформлением и укреплением идеи самодостаточности личности, экстравагантность обретает индивидуальный, индивидуалистский характер. Оригинальность, чудачества современного человека не имеют «общественного значения», они – манифестация его сильного ощущения собственной неповторимости и потребности заявить о ней публично (см.: [Там же. С. 121; 2]).

Выделение двух социально-исторических типов экстравагантности позволяет поставить вопрос о времени формирования сал-сері – интереснейшей группы поэтов и музыкантов среди многочисленных категорий казахских народных певцов и сказителей. *Сал* и *сері*¹ – поэты, которые исполняли свои произведения на музыку собственного сочинения, аккомпанируя себе на струнном инструменте, чаще всего домбре. В научной литературе их называют акынами-мелодистами [3. С. 56], странствующими певцами-музыкантами [4. С. 71], устно-профессиональными носителями лирического

начала [5. С. 87], поэтами-песенниками [6], поэтами-импровизаторами и эксцентриками [7. С. 181]. Они появлялись на торжествах и свадьбах, организовывали игры и танцы. Современные исследователи утверждают, что салы всегда разъезжали группами, их сопровождали другие салы, певцы, музыканты-домбристы, борцы, фокусники и затейники. В аулах они устраивали целые театральные представления [6. С. 8; 7. С. 184]. Однако, по описаниям начала XX в., салы, похоже, путешествовали в одиночку. Очевидно, существовал и тот и другой способ музыкального выступления как салов, так и сері. Вероятно, именно сал-сері имел в виду П.И. Пашино, когда писал: «Есть у киргиз особый род певцов, которые разъезжают из аула в аул и всю жизнь занимаются только пением» [8. С. 57]. Если это так, то, возможно, это первое упоминание о них в литературе. Рассказы о салах записали в начале XX в. А.И. Добросмыслов [9] и А.А. Диваев [10]; с людьми, видевшими этих поэтов-песенников, беседовал в 1920-х гг. А.В. Затаевич, оставивший нотные записи мелодий некоторых произведений салов и сері [11]; свидетели их творчества еще были живы в середине XX в. [3. С. 56–58]. Таким образом, судя по этим источникам, основной этап творчества сал-сері относится ко второй половине XIX в. Именно на этот период выпадают годы жизни самых известных салов и сері – Биржан-сала (1834–1897) и Ахан-серэ (1843–1913).

Обычно этих поэтов-музыкантов объединяют в одну группу и описывают вместе, хотя их облик и поведение заметно различались. Салы – эксцентрики, всем своим обликом и поведением они выламывались из рамок обыденной жизни; именно о них можно без оговорок говорить как об экстравагантных личностях. Сері же в своих внешних проявлениях не нарушали традиций, хотя тоже отличались от «обычных», «нормальных» казахов.

Прежде всего бросалась в глаза необычная одежда салов. Е. Исмаилов, беседовавший с очевидцами выступлений салов и сері, приводит рассказ одного из своих собеседников (1886 г. рожд.), который в детстве выдел сала и не мог удержаться от смеха: «На голове Жанка-сала была невероятная по высоте коническая восьмиклинная шапка. Каждый клин ее был разного цвета, и к тому же на них еще болтались всевозможные украшения. На самом острие конической шапки был прикреплен пучок перьев филина. Время от времени, когда сал чуть опускал вниз голову, этот пучок качался и как будто бы приветствовал кого-то. Жанка-сал был одет в длинную, ниже колен, сорочку с откидным воротником. И на ее плечах также торчали пучки перьев. На ногах у него полосатые узбекские ичиги, а широкие длинные брюки были опущены поверх голенищ» [3. С. 58]. А.И. Добросмыслов со слов стариков так описывал одеяния салов: «Один сал шил из шкур овец такие широкие шаровары, что взрослый человек свободно мог помещаться в каждой штанине. У другого воротник рубашки был шириною в 1/4 аршина. Сал по большей части одевался в бархат, в шелк и редко в простой халат, на руки надевал кольца и браслеты из серебра и золота. В ушах салов часто виднелись серебряные серьги величиною с добрый кулак» [9]. Как рассказывал А.В. Затаевичу А.Н. Букейханов, один из салов перья филина, которыми обычно украшают девичью шапку, втыкал себе прямо под кожу головы, «дабы украшение никогда не покидало его чела» [11. С. 330]. Характеризуя костюм салов, наблюдатели и исследователи называют его «шутовским», «вычурным», «фантастическим». Главное для него – оригинальность, неповторимость. «Сал всегда старался оригинальничать в костюме, и Боже упаси, если кто-нибудь позаимствует от него покрой, материю и цвет его костюма. Тогда он немедля придумывал какой-либо из ряда вон выходящий костюм. Например, заводил себе плащ из закопченной старой кошмы, подбив его шелковой, высокого качества материей» [10]. Таким образом, своим костюмом сал демонстративно нарушал обычай. Действительно, выделиться среди других можно было, вывернув традицию наизнанку, иногда в буквальном смысле: один из салов носил шубу из шкур хорьков мехом наружу (казахи шили одежду из шкур животных только мехом внутрь); другой пример «выворачивания» традиции – ношение девичьей одежды, украшений [7. С. 182]. Радикально решил проблему отрицания нормы еще один из них: он прошелся по аулу голым, «потому что на это не решится никто другой» [11. С. 330].

Такой же экстравагантностью отличалось поведение салов. Они демонстративно нарушали некоторые этикетные нормы. Могли въехать в аул на всем скаку, что было грубым нарушением традиции – такое позволялось только «черному» гонцу, в случае объявления о чьей-либо смерти [6. С. 6; 10; 12. С. 436]. За дастарханом они могли сидеть, оперев руки в бока [7. С. 183] – в позе, которая была под запретом в обычной жизни, потому что ассоциировалась со смертью и похоронами; так делала плакальщица или вдова, оплакивающая мужа [13. С. 214; 14. С. 331] (то же у киргизов:

[15. С. 150]); по сведениям Ш.Ж. Тохтабаевой, эту же табуированную позу принимали, чтобы сократить время агонии умирающего родственника [12. С. 434].

Отношения салов с девушками и женщинами были весьма вольными, сильно отступавшими от принятых норм. Девушки и молодые женщины занимали значительное место в творчестве и жизни сала: «Вся жизнь его проходила в поисках девиц, все его мечты, думы были сосредоточены на девицах, он жил и бредил ими, они были его идеалом, его кумиром» [10]. По сведениям А.И. Добросмыслова, сал для своих представлений выбирал «аул, который славился красотой девиц» [9]. Необычное поведение сала по отношению к женщинам начиналось уже с прибытия его в аул. Подъехав к юрте, он «падал» с коня и лежал на земле, пока девушки не помогали ему встать или даже на руках не относили его в дом. Они же разували сала, забирая монеты и украшения, которые он специально для этого случая засовывал за голенища сапог. В юрте девушки кормили сала с рук, даже жидкую пищу вливая ему в рот, поддерживая его голову [3. С. 60, 62; 7. С. 187; 10]. Сал мог заигрывать с молодыми женщинами и девушками, не обращая внимания на присутствие их родственников. По А.И. Добросмыслову, в ауле он «проводил ночь в обществе одной или нескольких девушек, пел песни собственного сочинения, играл на домбре, одаривал подарками девиц и т.д.». Старики-казахи рассказывали ученому, что девушка, которая «предоставляла свою любовь салу», оставляла у себя его одежду и украшения. Сал мог «заочно» влюбиться и мог «за очаровательную лукавую улыбку милой отдать все свое состояние» [9]. А.А. Диваев пишет о ласках, расточаемых избранной салом девушки, с которой он проводил ночь и которая утром вместе с подругами выпроваживала его из аула [10]. Е.Д. Турсунов рассказывает о сале, который устраивал увеселение для молодежи, в ходе которого связывал парня и девушку и оставлял их одних в отдаленно стоящей юрте [7. С. 183, 185].

Салы совершали и другие необычные поступки, в которых, возможно, и не было прямого нарушения традиции, но которые вызывали изумление окружающих. «Так, например, сал вдруг режет своего любимого коня, вдруг свои хорошие новые одежды меняет на гнилые тряпки, вдруг снимает с себя и отдает первому встречному все свои драгоценности, да еще и лошадь со сбруей» [3. С. 60]. Вообще щедрость салов, видимо, была непременной характеристикой их личности: одежду и украшения сал раздавал девушкам аула, лошадь с седлом и дорогой упряжью оставалась хозяину юрты, в которой его принимали, «и сал отправлялся из аула пешком в одной лишь рубашке» [9].

Сері не были столь экстравагантны – «эксцентризмом их не принимал столь крайних форм» [11. С. 330]. Если о салах исследователи часто говорят как о шутах и юродивых, то о сері – как о денди и рыцарях. Коннотации слов «сал» и «сері»² в современном казахском языке хорошо передают разницу в поведении этих двух групп артистов. Слово *сал* с середины XIX в. переводили как «франт» [17. С. 33], «щеголь» [11. С. 218]; *сал жігіт* современным словарем переводится как

«щеголеватый парень» [18]. Хорошо согласуется с образом казахского сала киргизское выражение *сал-манан* – праздная молодежь, проводящая жизнь в увеселениях и проказах [15. С. 624]. Значение слова *сері* по современным словарям, помимо поэта-песенника, – «рыцарь», «богема» [19. С. 303].

Сері так же, как и салы, выделялись костюмом, но не его шутовским покровом и броской расцветкой, а чистотой и тонким вкусом, с которым он был сшит. Они тщательно следили за одеждой, шили ее из лучших материалов, с изысканной отделкой [7. С. 191; 12. С. 361]. Таким же изысканным было их поведение: «...в их походке, движении, манере наблюдалось особое изящество», в общении – подчеркнутая учтивость [3. С. 58]. Их отношение с противоположным полом так же, как у салов, отличалось некоторой вольностью, но не переходило рамок приличий: «...им позволялось лишь в стихах и песнях обращаться к понравившимся им девушкам или молодым женщинам в присутствии посторонних с выражением восхищения их красотой и пожеланием встречи наедине» [7. С. 192]. Однако в песнях они описывали не только свои мечты о встрече, но и реальные ночи, проведенные с любимой девушкой (см., напр., знаменитое стихотворение Ахан-сері, переведенное на русский язык разными поэтами; в переводе А.А. Коренева см.: [20. С. 271–272]).

Как можно оценить такое поведение салов и сері, можно ли назвать их экстравагантность традиционной? Для этого рассмотрим, кому позволялось отступление от нормативного поведения в традиционном обществе. Это были отдельные индивиды – шаманы, лекари, кузнецы, прорицатели, сказители, певцы – люди, чьи «социальные позиции вычленились из нормы» [21. С. 113]. На материале южносибирских тюрков, близких в языковом и хозяйственно-культурном отношении казахам, эта группа исследуется в книге А.М. Сагалаева и И.В. Октябрьской, в разделе с говорящим названием «Лидер и изгой» [Там же. С. 110–117]. С одной стороны, эти люди – «духовные лидеры», их экстраординарные способности, сверхзнания ценились обществом, с другой стороны, они находились на социальной периферии, их деятельность вызывала опасения, как нечто, «имеющее отношение к миру иного», часто им приходилось владеть жалкое существование [Там же. С. 111]. Эти люди обладали способностями, талантами, знаниями и умениями гораздо выше обычных – обладали «даром», что и давало им право на экстравагантность. Часто общество ожидало от них именно такого поведения. Однако существенна разница между двумя типами экстравагантности – той, которая была присуща традиционной личности, с одной стороны, и той, которую демонстрировали сал-сері – с другой. Необычное поведение первых (например, шаманов) трактовалось как послание духов обществу, весть из иного мира, их экстравагантность – экстравагантность традиционного типа, она имела «общественное значение».

Экстраординарные способности у «одаренных» индивидов традиционного общества, особенно ярко у шаманов, появлялись в результате так называемой шаманской болезни – болезненной процедуры, связанной с избранием человека духами для обретения ша-

манского дара. Она хорошо известна народам Сибири, у казахов неоднократно изложена по рассказам баксы (шаманов) (см. подробнее: [22. С. 106–142]; одно из детальных описаний см.: [23]), продолжает существовать и в наши дни [24]. Обретение дара сказителями и певцами было подобным таковому у шаманов и лекарей: наличие духа-покровителя, передача дара по наследству, переживание состояния, сопоставимого с шаманской болезнью, получение дара во сне. Как и у шаманов, молодой сказитель не просто наследует талант отца, а забирает его дар [21. С. 94]. Сами «одаренные» считали свой дар бременем и, как правило, не хотели его принимать от духов-покровителей – ведь обретение дара не только бывало болезненным для его носителя из-за физических мучений, причиняемых шаманской болезнью, оно меняло всю жизнь человека, исключало его из среды «нормальных» людей. «Дар» не только давал почет, но и исключал его обладателя из ряда «нормальных» людей; поэтому обычно «избранный» сопротивлялся – он знал, что не сможет дальше жить, как все, станет «изгоем», в терминологии А.М. Сагалаева и И.В. Октябрьской.

Не столько во внешнем поведении, сколько именно в отношении к своему дару и – шире – к собственному «Я» состоит отличие традиционного типа экстравагантной личности от сал-сері. Традиционный человек, наделенный сверхспособностями, образно говоря, раб своего дара, он не свободен в своем выборе принять дар или отказаться от него. (Точнее, если человек отказывался принять дар, его ждали серьезные неприятности, болезни, вплоть до смерти.) Он отделяет себя от своего дара, его действия и способности как будто не принадлежат ему – ведь через человека действуют духи-покровители, его избравшие. У салов же и сері отношение к своему дару существенно отличалось от традиционного. Не дар их поработал, а они владели даром, гордились им, гордились своей избранностью. Поэтому достоинство, гордость и даже заносчивость – их характерные черты. Именно эти черты составляли основу экстравагантности сал-сері, экстравагантности нового типа – современной, долженствующей сообщить миру об их исключительности и неповторимости.

Тут мы подходим к важнейшему качеству салов и сері, системообразующему для характеристики их индивидуальности, которое и обуславливало их поведение и поэзию. Это – развитое самосознание, осознание себя личностью, острое чувство независимости, ощущение своей уникальности.

Предельно откровенно такое самосознание выражено знаменитым Биржан-салом:

Я сын Кожагула Биржан-сал,
Нет от меня никому вреда, я сам по себе.
Не склоняю головы ни перед каким человеком,
Я – сал, я – красавец, от кого мне зависеть!
Мне двадцать лет, не скрываю,
Я не позволяю недругам повелевать мною.
Я сэри, баловень народа,
Ни перед тобою, ни перед падишахом не склонюсь!
(На каз. яз. см.: [25. С. 363]. Цит. по: [7. С. 183].)

Показательно в этой связи, что, несмотря на явные различия во внешних проявлениях, в народном созна-

нии салы и сері всегда объединяются в одну группу. Е.Д. Турсунов приводит примеры того, что и сами салы и сері могли называть себя и так и эдак, употребляя эти слова как синонимы [7. С. 189–191]. В казахском языке даже существуют объединяющее их слово *сал-сері*, которое современный словарь переводит как «разносторонне творческие личности», и обобщенное понятие *сал-серілік* – «то, что свойственно разносторонне творческим людям». Объясняется это, несомненно, тем, что общее для них качество – непохожесть на всех, неслиянность с массой – важнее внешних различий внутри их группы. Яркая индивидуальность была присуща не только поведению сал-сері, но и их творчеству, что было еще более весомой причиной объединения их в одну группу. Индивидуализмом своей лирики они отличались от других групп казахских музыкантов (акынов, жырау, жырышы). Специально исследовавший традиционное и индивидуальное в творчестве салов и сері Ш.Т. Керимов приходит к выводу, что «если в прежней устной литературе на первом плане были интересы всего общества, без выделения личного, то теперь в поэзии стали преобладать индивидуальное начало, судьба отдельной личности» [6. С. 5].

Яркий индивидуализм и сильное личностное начало салов и сері позволяют уточнить время появления этой категории казахских поэтов-музыкантов. Обычно исследователи или не затрагивают этот вопрос, или пишут довольно расплывчато о древности происхождения сал-сері. Только Е.Д. Турсунов в своей насыщенной интересными фактами работе посвятил специальную главу «возникновению типа сал и сэри» [7. С. 171–201]. Он относит их появление к глубокой архаике – эпохе классовообразования, времени действия ритуальных тайных союзов. Сопоставляя казахских салов и сері с военным тайным союзом ареоев Полинезии, он приходит к выводу, что происхождение этой группы поэтов-артистов «является следствием разложения ритуального тайного союза» [Там же. С. 181], и время «возникновения ранних салов» относит к началу нашей эры [Там же. С. 201]. Правомерность такого сопоставления разнотипных и разновременных явлений вызывает большие сомнения, и аргументация Е.Д. Турсунова не очень убедительна, тем более что он сам признает, что «у нас нет сведений о военной деятельности салов, ибо тайные союзы у тюрко-монгольских народов исчезли еще в древности» [Там же. С. 184]. Кроме того, не ясно, почему же до середины XIX в. не было упоминаний об этой группе, если она существовала по крайней мере в течение нескольких столетий до этого?

Представляется, что чуть ближе к истине позиция Е. Исмаилова: «Вопрос о том, когда окончательно сформировались традиции салов и серэ, еще детально не изучен. Ни в сказках, ни в древнем эпосе о них не упоминается. Тем не менее, если считать, что знахари, шаманы и серэ сходны между собой, их появление следует отнести к незапамятным временам нашей истории, хотя поэтические функции этих веселых бродяг и скоморохов могли сформироваться никак не раньше XIX в.» [3. С. 64].

Согласно этому противоречивому размышлению Е. Исмаилова, существовало якобы две группы, не

совпадающие хронологически. Одна – древняя (с «незапамятных времен»), не имевшая «поэтических функций»; и даже нет уверенности, что она носила имя сал-сері (гипотетически это могли быть группы артистов типа юродивых и скоморохов). И другая – появившаяся в XIX в., та, что известна как сал-сері, поэзия которых была квинтэссенцией их личности. Похоже, что предположения о древности именно сал-сері чисто умозрительны, источники, на которых основаны такие предположения неизвестны. Время же появления реальных сал-сері, т.е. описанных в литературе, – XIX в. Однако, пожалуй, только Ш.Т. Керимов стоит на этих позициях – он обоснованно полагает, что «к выходу на арену *нового типа* (курсив мой. – О.Н.) певцов, называемых сал и сері» привели социальные и историко-культурные процессы XIX в. [6. С. 5].

Именно личности салов и сері дают подтверждение этой точки зрения. Известно, что индивидуальность, личность – явление социально-историческое, эпоха накладывает отпечаток на ее форму, проявления, взаимоотношение с обществом. Л.М. Баткин, рассматривавший личность эпохи Возрождения, т.е. эпохи перехода от Средних веков к Новому времени, от традиционного к современному обществу, попытался сформулировать эту разницу: «Ярко своеобразные люди встречались, конечно, всегда и всюду... однако это не означает, что во всякую эпоху такие люди сами дорожили в себе — и общество в них — именно личной оригинальностью, или хотя бы признавали ее естественным человеческим свойством, или вообще замечали и знали, что это такое» [26. С. 3]³. Философы, изучающие проблему индивидуальности, считают, что в обществе доиндустриальном «человеческое «Я» оценивается не само по себе, но лишь в контексте его причастности целому (роду, полису, Богу, социальной системе), сохранение и стабильность которого составляет приоритетную ценность. Частным случаем подобного отношения является восприятие индивидуальности как прямой угрозы обществу» [29. С. 103].

Именно о таком восприятии сверхдаренных людей говорят А.М. Сагалаев и И.В. Октябрьская, указывая на их «изгойничество» в традиционном обществе. Но были ли изгоями сал-сері? Источники не свидетельствуют об этом. Скорее, они были «баловнями народа», как называет себя Биржан-сал. Их с радостью встречали в аулах, слушали их пение и смотрели представления, одаривали подарками. В юрте салам «отводилось почетное место выше старейшин — аксакалов, султанов, биев. Все люди уступали дорогу салу» [7. С. 183]. А.В. Затаевич пишет, что салы в казахской среде «производили впечатление каких-то избранных судьбы, людей высшего ранга, которым все дозволено» [11. С. 330]. Почтение к салам и сері и «разрешение» общества на нарушение традиции отчасти было связано с традиционным взглядом на «избранных» духов. Само их антиповедение имело силу традиции, именно таких действий от них ожидали. (Так, муж женщины, которой посвящал песни сері, «считал делом чести встретить у себя дома сэри всякий раз, когда сэри приезжал в этот аул» [7. С. 192–193].)

Очевидно, что архаический страх перед опасностью, которую несет «инаковость», «чуждость» сверходаренных индивидов, в отношении к салам и сері уже отошел в прошлое⁴, что также свидетельствует о новом качестве их личности. Таким же образом можно трактовать и попытки родных вернуть своих экстравагантных родственников к «нормальной» жизни. Салы и сері происходили из зажиточных семей, а их разъезды и многочисленные наряды наносили немалый материальный ущерб их семейно-родственному кругу. По сведениям А.И. Добросмыслова, из посещаемых аулов сал возвращался без лошади и одежды, он продолжал такой образ жизни, «пока не проматывал своего состояния или не приходил в себя под влиянием какого-нибудь благоразумного родственника. Радикальным средством для вразумления, как говорят, была женитьба» [9]. Похоже, что окружающие не воспринимали сал-сері как носителей определенной социальной роли, от которой нельзя отойти. Вряд ли можно представить, например, что родня баксы – представления о личности которого полностью определялись традиционным мировоззрением – могла бы уговаривать его перестать шаманить.

Понятие авторства тоже может служить хронологическим индикатором появления группы сал-сері. Литературоведы связывают современное понимание категории авторства с категорией личности и относят его возникновение в Европе к началу Нового времени [30. С. 20; 31. С. 232], т.е. к переходному периоду от домодерного общества к современному. Ш.Т. Керимов на основе анализа текстов многих салов и сері отмечает, что «в них присутствуют сила авторского сознания и чувство своего превосходства над другими... авторы особо подчеркивают свое “Я” и стараются познакомить со своим произведением как можно большее число людей; они сопоставляют свои песни с произведениями предшественников и современников и при этом обязательно указывают свое имя, а иногда и род, имя отца» [6. С. 18–19], в отличие от анонимной фольклорной традиции.

Показательно и описание салами и сері личного опыта в своих произведениях. При индивидуалистском характере поэзии салов и сері и их «вольном»

поведении очень большое место в их песенном творчестве занимает любовная лирика, причем именно их собственные любовные переживания («Что ж может быть прекраснее на свете, / Чем ранние мои отъезды эти / От девушки, ласкающей меня?») Цит. по: [3. С. 67]). Е.Д. Турсунов подсчитал, что у Биржан-сала больше половины из всех его стихотворений «посвящены любовной тематике» или содержат «мотивы любви и земных радостей бытия» [7. С. 186]. В своих песнях салы и сері пели и о совершенно конкретных вещах и событиях своей жизни, не обязательно романтических, но непременно личных, автобиографичных. Так, в песне «Жанбота» Биржан-сал обращается к волосному управителю с жалобой на другого волостного управителя, который хотел отнять его домбру [3. С. 67]. Автобиографичность песен салов и сері делает их чрезвычайно разнообразными, так как любой случай из собственной жизни, любое переживание могут стать предметом поэзии. «Неповторимость достигается прежде всего характерной для творчества поэтов-песенников конкретикой и отходом от наставлений и назиданий, что было присуще поэзии жырау и некоторых акынов. Надо сказать, что салы и сері в основном создавали свои песни по конкретному случаю, и это. безусловно, придавало им как реалистичность, так и оригинальность» [6. С. 20]. Эту черту – использование собственного опыта – литературоведы считают «одной из примет становления авторства нового, современного типа» [30. С. 353]. Таким образом, категория авторства также привязывает сал-сері ко второй половине XIX в. – времени нарастающей модернизации в хозяйственной, социальной и политической жизни казахов, связанной с включением Казахстана в состав Российской империи и постепенным вовлечением его в орбиту политического и экономического влияния индустриально развитых обществ.

Исходя из всего сказанного, салов и сері можно назвать провозвестниками модерности в историческом развитии казахского социума. Они представляют собой новый социально-исторический тип экстравагантной личности, личности, появившейся на переломе эпох, в период перехода от традиционного к современному обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казахская буква *i* обозначает призвук, т.е. очень краткий и неясный звук. Он может передаваться русскими буквами *е, э, и*, в связи с чем в русскоязычной литературе разного периода казахское слово сері писалось сэри, серэ, сере и т.п.

² Этимология этих слов остается неясной, а приводимые объяснения их происхождения не очень убедительны [3. С. 61–63, 64; 7. С. 194–196; 16. С. 40–41].

³ Л.М. Баткин вообще считает, что «личность» появляется лишь в эпоху Возрождения. О людях Средневековья и более ранних эпох он предлагает говорить как об «индивидах», используя термин «традиционалистский индивид» [26. С. 4–8]. Его точка зрения оспаривается историками и этнографами [27. С. 379–383; 28. С. 39–40].

⁴ Впрочем, есть сведения, что не всегда и не везде салы пользовались признанием. А.И. Добросмыслов со слов казахов пишет, что сал мог «капризничать», т.е. вести себя, не считаясь с обычаем, «только там, где он рассчитывал на верный успех, в аулах же влиятельных султанов и богатых киргиз сал вел себя вполне прилично, так как иначе ему могло бы не поздоровиться» [9]. Возможно, это связано с большей исламизированностью благородных сословий (белой кости) и богатых скотоводов. Шутовское же поведение салов не вписывалось рамки исламских приличий. По сведениям Е. Исмаилова, муллы и ишаны объявили Биржан-сала и Ахан-сері «нарушителями закона Ислама», последнего упрекали в незнании шарията и неуважении религии [3. С. 63]. В любом случае говорить на основе этих материалов о салах и сері как об изгоях можно лишь с большой натяжкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX в.). СПб. : Летний сад, 2003. 210 с.
2. Лотман Ю.М. Русский дендизм // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство, 1994. С. 123–135.

3. Исмаилов Е. Акыны : монография о творчестве Джамбула и других народных акынов. Алма-Ата : Казгосиздат худож. лит., 1957. 340 с.
4. Маргулан А.Х. О носителях древней поэтической культуры казахского народа // М.О. Ауэзову : сб. ст. к его шестидесятилетию. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1959. С. 70–89.
5. Курмангалиева М. О ритуально-магической стороне деятельности салов и серз // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации : тез. докл. Междунар. конф., Алматы, 5–7 июня 1995 г. Алматы., 1995. С. 87–88.
6. Керимов Ш.Т. Проблемы традиционного и индивидуального в творчестве казахских поэтов-песенников (сал, сери) второй половины XIX и начала XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. 24 с.
7. Турсунов Е.Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. Астана : Фолиант, 1999. 265 с.
8. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб. : тип. Тиблена и К°, 1868. 179 с.
9. Добросмыслов А. Салы у киргиз // Туркестанские ведомости. 1909. № 230.
10. Диваев А.А. Киргизский сал // Туркестанские ведомости. 1916. № 222.
11. Затаевич А.В. 1 000 песен казахского народа (напевы и мелодии). Оренбург : Киргиз. гос. изд-во, 1925. LVIII, 403 с.
12. Тохтабаева Ш.Ж. Этикет казахов. Алматы : Дайк-Пресс, 2013. 500 с.
13. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: юридический быт. М. : Вост. лит., 2011. 566 с.
14. Диваев А.А. Казахские пословицы // В.В. Бартольд : туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 328–333.
15. Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. М. : Сов. энцикл., 1965. 973 с.
16. Керимов Ш.Т. Проблемы традиционного и индивидуального в творчестве казахских поэтов-песенников (сал, сери) второй половины XIX и начала XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. 155 с.
17. Валиханов Ч. Избранные произведения. М. : Вост. лит., 1986. 414 с.
18. Русско-казахский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru> (дата обращения: 15.02.2018).
19. Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. 2-е изд. Алма-Ата : Каз. сов. энцикл., 1987. 512 с.
20. Ахан-серз. Как здорово! (пер. А. Коренева) // Поэты Казахстана. Л. : Сов. писатель, Ленинград. отд-ние, 1978. С. 271–272.
21. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 209 с.
22. Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1992. 324 с.
23. Наумова О.Б. Казахский баксы: история одной фотографии (публикация материалов Ф.А. Фиельструпа по казахскому шаманству) // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 77–85.
24. Ларина Е.И. Наумова О.Б. Представление о даре и аруах и современное народное целительство у российских казахов // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем // Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. М. : ИЭА РАН. 2013. Т. 15. Ч. 1. С. 110–122.
25. Бес гасыр жырлайды (Поэты пяти веков) : 2 томдык. Алматы : Жазушы, 1989. Т. 1. 384 бет.
26. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М. : Наука, 1989. 272 с.
27. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 423 с.
28. Артемова О.Ю. Колена Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем) М. : Смысл, 2009. 560 с.
29. Чеснокова М.Г. Социально-философские основания психологического исследования индивидуальности // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 97–109.
30. Пешков И.В. F1, или Книга доказательств: теорема Шекспира как лемма авторства. М. : РИПОЛ классик ; T8RUGRAM, 2017. 576 с.
31. Пешков И.В. Р. Барт и М. Фуко о генезисе категории авторства // Liberal Arts in Russia. 2017. Vol. 6, № 3. P. 230–241. DOI: 10.15643/libartus-2017.3.3

Olga B. Naumova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: olganaumova@mail.ru

AN EXTRAVAGANT PERSON IN TRADITIONAL KAZAKH CULTURE (ON THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE SAL-SERI GROUP)

Keywords: singing poets, violation of traditional behavioral norms, individuality, the Kazakh, the second half of the 19th – the beginning of the 20th century.

The article discusses the time of the formation of a group of Kazakh singing poets – the *sal-seri*. This problem has to be solved by studying the behavioral features and basic personal traits of the poets who composed melodies to their own verses and performed their own songs themselves.

The information concerning the group refers to the second half of the 19th century. The primary sources the research is based on consist in the products of the *sal-seri* while the secondary ones are presented by the information concerning their appearance, behavior and life-style, as well as their relationship with the surrounding community. The last data were collected in the beginning of the 20th century by the Russian scientists who fixed the stories of those who had seen the Kazakh *sal-seri* while the Kazakh scientists who worked in the middle of the 20th century based their work on the memories of eyewitnesses, who had watched the *sal* and *seri* performances.

The *sal-seri* were extremely extravagant in their manner of dressing and the way of behavior. The clothes of the *sals* were clownish, their behavior was eccentric while the costume and the manners of the *seri* were distinguished by deliberate refinement and grace. Both of them violated the traditional norms of behavior. In particular, their relations with the female sex were very liberated. The traditional society allowed some of its own members to violate the custom. These were individuals with extraordinary abilities, exceptional knowledge and skills like shamans, healers, visionaries, storytellers, singers etc. They were allowed to behave eccentrically, moreover – from some of them such kind of behavior was expected. However, there is a significant difference between two following types of extravagance. The first one was inherent to the traditional personality, while the second one was shown by the *sal-seri*. The unusual behavior of a traditional person (for example, a shaman) was interpreted as a message given by spirits to the society, a message from another world. The extravagance of a shaman had a “social significance” while he himself considered his own gift as a burden. On the contrary, the *sal-seri* were proud of their gift; on the basis of analysis of their behavior and songs, one can assert that their extravagance to be individualistic, as it represented the manifestation of their own uniqueness, the desire to declare themselves in the public way. The *sal-seri's* extravagance and the type of their personality can be called modern in contrast to the traditional type of personality and extravagance.

There is an opinion in the works on history and folklore that the *sal-seri* group has its roots in the ancient times. Its appearance is considered to be a result of the disintegration of the military secret societies of the Turkic-Mongolian tribes in the time of class formation. However, the peculiarities of the *sal-seri* that characterize them as bright personalities and the individualism reflected in their songs emphasizing their own authorship in contrast to the traditional anonymity has made it possible to affirm that the essential condition for

this group to be formed was the junction of tradition and modernity that appeared during the gradual transformation of the economic and social foundations in the traditional Kazakh society in the second half of the 19th century.

REFERENCES

1. Yurkov, S.E. (2003) *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoy kul'ture (XI – nachalo XX v.)* [Under the sign of the grotesque: anti-behavior in Russian culture (the 11th – early 20th century)]. St. Petersburg: Letniy sad.
2. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (the 18th – early 19th century)]. St. Petersburg: Iskustvo. pp. 123–135.
3. Ismailov, E. (1957) *Akyny. Monografiya o tvorchestve Dzhabula i drugih narodnykh akynov* [Akyny. Monograph on the works of Dzhabul and other folk akyns]. Alma-Ata: Kazgosizdat khudozh. lit.
4. Margulan, A.Kh. (1959) O nositelyakh drevney poeticheskoy kul'tury kazakhskogo naroda [About the bearers of the Kazakh ancient poetic culture]. In: *M.O. Auezov. Sb. statey k ego shestidesyatilet'yu* [M.O. Auezov. A collection of articles to his sixtieth birthday]. Alma-Ata: AS KazSSR. pp. 70–89.
5. Kurmangalieva, M. (1995) O ritual'no-magicheskoy storone deyatelnosti salov i sere [On the ritual and magical side of the activity of salas and seres]. *Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI vv.): Problemy genezisa i transformatsii* [Nomad culture at the turn of the century (19th – 20th, 20th – 21st centuries): Problems of genesis and transformation]. Proc. of the International Conference. Almaty, June 5–7, 1995. Almaty: [s.n.]. pp. 87–88.
6. Kerimov, Sh.T. (1991) *Problemy traditsionnogo i individual'nogo v tvorchestve kazakhskikh poetov-pesennikov (sal, seri) vtoroy poloviny XIX i nachala XX vekov* [The problems of the traditional and individual in the work of Kazakh poets-songwriters (sal, series) of the second half of the 19th and early 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Alma-Ata.
7. Tursunov, E.D. (1999) *Vozniknovenie baksy, akynov, seri i zhyrau* [The emergence of buksy, akyns, seri and zhirau]. Astana: Foliant.
8. Pashino, P.I. (1868) *Turkestanskiy kray v 1866 godu. Putevye zametki* [Turkestan in 1866. Travel notes]. St. Petersburg: Tiplen i Ko.
9. Dobromyslov, A. (1909) Saly u kirgiz [Sals at the Kyrgyz]. *Turkestanskije vedomosti*. 230.
10. Divaev, A.A. (1916) Kirgizskiy sal [Kyrgyz Sal]. *Turkestanskije vedomosti*. 222.
11. Zataevich, A.V. (1925) *1000 pesen kazakhskogo naroda (napevy i melodii)* [1000 songs of the Kazakh people (tunes and melodies)]. Orenburg: Kirgizskoe gos. izd-vo.
12. Tokhtabaeva, Sh.Zh. (2013) *Etiket kazakhov* [Etiquette of the Kazakhs]. Almaty: Dayk-Press.
13. Grodekov, N.I. (2011) *Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoy oblasti: yuridicheskiy byt* [Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region: legal life]. Moscow: Vostochnaya literatura.
14. Divaev, A.A. (1927) Kazakskie posloviitsy [The Kazakh proverbs]. In: Schmidt, A.E. & Betger, E.K. (eds) *Bartol'du V.V. Turkestanskije druž'ya, uchleniki i pochitateli* [To V.V. Barthold from Turkestan friends, students and admirers]. Tashkent: [s.n.]. pp. 328–333.
15. Yudakhin, K.K. (1965) *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
16. Kerimov, Sh.T. (1991) *Problemy traditsionnogo i individual'nogo v tvorchestve kazakhskikh poetov-pesennikov (sal, seri) vtoroy poloviny XIX i nachala XX vekov* [The problems of the traditional and individual in the work of Kazakh poets-songwriters (sal, series) of the second half of the 19th and early 20th centuries]. Philology Cand. Diss. Alma-Ata.
17. Valikhanov, Ch. (1986) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Vostochnaya literatura.
18. Sozdik.kz. (n.d.) *Russko-kazakhskiy slovar'* [Russian-Kazakh Dictionary]. [Online] Available from: <https://sozdik.kz/ru> (Accessed: 15th February 2018)
19. Makhmudov, Kh. & Musabaev, G. (1987) *Kazakhsko-russkiy slovar'* [Kazakh-Russian Dictionary]. 2nd ed. Alma-Ata: Kaz. sov. entsikl.
20. Akhan-sere. (1978) Kak zdorovo! [That's lovely!]. In: Vinokurov, E.M. (ed.) *Poety Kazakhstana* [Poets of Kazakhstan]. Leningrad: Sovetskiiy pisatel'. pp. 271–272.
21. Sagalaev, A.M. & Oktyabrskaya, I.V. (1990) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [The traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk: Nauka.
22. Basilov, V.N. (1992) *Shamanstvo u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka.
23. Naumova, O.B. (2006) Kazakhskiy baksy: istoriya odnoy fotografii (publikatsiya materialov F.A. Fiel'strupa po kazakhskomu shamanstvu) [The Kazakh buksy: the history of a photograph (F.A. Fielstrup's materials on Kazakh shamanism)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 77–85.
24. Larina, E.I. (2013) Naumova O.B. Predstavlenie o dare i aruake i sovremennoe narodnoe tselitel'stvo u rossiyskikh kazakhov [The idea of gift and Aruac and modern folk healing among Russian Kazakhs]. In: Kharitonova, V.I. (ed.) *Epicheskoe nasledie i dukhovnye praktiki v proshlom i nastoyashchem* [Epic heritage and spiritual practices in the past and present]. Moscow: IEA RAS. pp. 110–122.
25. Anon. (1989) *Bes zasyr zhyrlaydy* [Poets of Five Centuries]. Vol. 1. Almaty: Zhazushi.
26. Batkin, L.M. (1989) *Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti* [Italian Renaissance in search of personality]. Moscow: Nauka.
27. Gurevich, A.Ya. (2015) *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [The individual and society in the medieval West]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
28. Artemova, O.Yu. (2009) *Koleno Isava: Okhotniki, sobiratel'i, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [Esau's tribe: Hunters, gatherers, fishers (studying alternative social systems)]. Moscow: Smysl.
29. Chesnokova, M.G. (2013) Social and Philosophical Foundations of Psychological Study of Individuality. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 1. pp. 97–109. (In Russian).
30. Peshkov, I.V. (2017) *F1, ili kniga dokazatel'stv: teorema Shekspira kak lemma avtorstva* [F1, or the book of evidence: Shakespeare's theorem as a lemma of authorship]. Moscow: RIPOL klassik; T8RUGRAM
31. Peshkov, I.V. (2017) R. Barthes and M. Foucault on genesis of a category of authorship. *Liberal Arts in Russia*. 6(3). pp. 230–241. (In Russian). DOI: 10.15643/libartus-2017.3.3

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470) «19/20»
DOI: 10.17223/19988613/64/25

О.А. Харусь

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ФОРМАТЕ

Представлен анализ содержания Энциклопедического словаря «Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX века» (Новосибирск, 2019). Дана характеристика методологических основ, композиции и структуры издания. Раскрыты особенности репрезентации исторических событий, явлений и процессов в энциклопедическом формате. Определены место и значение Словаря в историографии социально-политических проблем региона на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: общество; политика; Сибирь; историография.

Проблемы социально-политической истории региона на рубеже XIX–XX вв. никогда не оставались без внимания сибирских исследователей. При этом первые попытки изучения и осмысления наиболее знаковых событий и процессов в жизни общества были предприняты фактически по горячим следам, а в некоторых случаях едва ли не одновременно с самими этими событиями и процессами. С течением времени пополнялась источниковая база исследований, расширялось их предметное и смысловое пространство, ставились новые проблемы и выявлялись новые ракурсы в их изучении, претерпевали изменения методологические ориентиры, совершенствовался методический инструментарий. Этот процесс продолжается и по сей день. Разнообразные формы и способы проявления социальной активности различных групп и слоев городского и сельского населения региона, деятельность политических партий и общественных организаций, история рабочего и крестьянского движения, общественная и культурная жизнь национальных меньшинств – таков далеко не полный перечень проблем, исследование которых по-прежнему привлекает внимание специалистов как в силу устойчивого интереса к самой проблематике, так и ввиду наличия определенных лакун и дискуссионных вопросов в ее освещении [1. С. 38–46, 50–58].

Целостная историческая реконструкция социально-политических процессов, событий, явлений, имевших место в Сибири в конце XIX – начале XX в., требует консолидированных усилий профессионального сообщества. Важным условием обоснованного определения возможных векторов и перспективных направлений дальнейших исследований является подведение некоторых промежуточных итогов продолжающегося уже более века изучения различных аспектов общественно-политической жизни региона в условиях назревания и осуществления масштабных социальных трансформаций. Для решения этой задачи в настоящее время

имеются достаточные информационные ресурсы в виде значительного числа монографических исследований, сборников опубликованных документов, хроник. Вместе с тем солидный объем накопленных специалистами знаний, имеющих отношение к данной проблематике, диктует необходимость систематизации и сведения воедино неких базовых устоявшихся представлений об общественно-политической жизни региона на переломе эпох.

В соответствии с одним из принципов системного подхода, являющегося фундаментальным методологическим основанием исторических исследований, для глубокого познания, осмысления и понимания исторической действительности требуется непременно дополнение анализа синтезом. Анализ, предполагающий специализацию исследователей и соответствующую дифференциацию сферы научного познания, позволяет обеспечить существенное приращение фактического материала, что принципиально важно для формирования исторических знаний, но вместе с тем явно недостаточно для этого. Знание – это не просто совокупность установленных фактов, не просто информация как результат логической обработки и систематизации данных, извлеченных из различных источников. Знание формируется на основе соотнесения информации с определенным проблемным полем, контуры и содержание которого являются результатом совокупного воздействия целого ряда обстоятельств, в том числе и не попадающих в сферу узкопрофильных интересов отдельного специалиста. Именно поэтому следует признать ограниченность возможностей анализа как метода научного познания – его абсолютизация чревата размыванием и в конечном счете потерей исторического контекста, утратой логики историко-системного подхода, основанной на учете взаимосвязи и взаимодействия объективных и субъективных факторов различной природы. И именно поэтому анализ с необходимостью должен дополняться синтезом, преду-

смаатривающим кооперирование исследовательских практик и интеграцию полученных результатов.

В качестве одной из форм такого рода интеграции можно рассматривать аккумулярование накопленных и уже устоявшихся знаний в энциклопедических изданиях. Определенные шаги, позволившие в систематизированном виде представить результаты исследований некоторых аспектов общественно-политической жизни региона, были предприняты в 2000–2010-х гг. и нашли свое отражение, в частности, в ряде статей трехтомной Исторической энциклопедии Сибири (2009), Энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции Сибири (2012), в энциклопедиях с пространственной локализацией материала на уровне отдельных городов (Томск от А до Я : краткая энциклопедия города (2014); Томские купцы : биографический словарь (2014) и др.). Отдельные сюжеты социально-политической истории Сибири получили освещение и в энциклопедиях общероссийского формата (примером в этом отношении может служить энциклопедия «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века» (2010). Однако во всех упомянутых случаях сведения об общественно-политической жизни населения региона были представлены фрагментарно, их изложение подчинено решению совершенно иных задач, соответствовавших замыслу и концепции авторов перечисленных изданий.

Поэтому выход в свет Энциклопедического словаря «Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX века», подготовленного коллективом сектора истории второй половины XIX – начала XX в. Института истории СО РАН, с полным основанием можно считать первым опытом комплексного представления ключевых знаний по данной тематике, накопленных несколькими поколениями историков [2]. Следует отметить, что в аннотации к изданию, констатирующей, что словарь «подытоживает *четвертьвековое* (выделено мной. – О.Х.) изучение дореволюционной Сибири вне жестких рамок советской идеологии», его значение явно недооценивается. В действительности включенные в словарь статьи содержат в обобщенном формате сведения, которые были почерпнуты из исследовательской литературы как постсоветского периода, так и советского, а в некоторых случаях – и дореволюционного. Весьма подробная характеристика исследований советского периода (а в ряде случаев и характеристика дореволюционных работ) представлена в статьях, посвященных историографии отдельных направлений общественно-политического движения в регионе. Более того, обзор и анализ советской историографии во многих случаях превалируют по отношению к характеристике результатов исследований в постсоветский период. С одной стороны, такого рода пропорции вполне естественны и объяснимы, поскольку именно в советский период был заложен фундамент для изучения рассматриваемой проблематики и проделана колоссальная работа по сбору, систематизации, анализу огромного массива источников, а также логической обработке и обобщению содержащихся в них данных. Очевидно, что оценка современного состояния и уровня исследований невозможна без учета

вклада предшественников. С другой стороны, формат энциклопедического издания предполагает презентацию в сжатом виде совокупности установленных знаний безотносительно ко времени их приращения. И в этом отношении тексты нового издания вполне соответствуют канонам жанра.

Жанр этот сложен сам по себе, поскольку ставит перед авторами целый ряд серьезных вопросов, не имеющих однозначных ответов. Одним из основных в этом ряду является вопрос о принципах выборки, позволяющей обеспечить высокий уровень репрезентативности предлагаемой читательской аудитории информации. Перед коллективом историков, взявших на себя труд отразить в энциклопедическом формате столь сложную, многосоставную, динамичную систему, какой является общественно-политическое пространство, стояла очень непростая задача, связанная не только с определением контуров проблемного поля и наполнением его содержанием, но и с расстановкой смысловых акцентов. Многообразие проявлений общественно-политической жизни, прямые и опосредованные взаимосвязи различных ее компонентов порождают сложности при определении существенных и второстепенных свойств и характеристик, затрудняют (а в ряде случаев делают и невозможным) ранжирование их по степени значимости. В такой ситуации влияние индивидуальных авторских мнений и предпочтений на выбор тематики статей, по-видимому, является неизбежным. Однако и субъективная позиция требует обоснования, аргументации, когда речь идет о презентации результатов исследовательской деятельности нескольких поколений историков, изучавших различные аспекты общественно-политической жизни Сибири в конце XIX – начале XX века. Надо отдать должное научной смелости авторов, взявших на себя такой труд и такую ответственность.

Помимо сложностей, связанных с определением принципов выборки тем для статей, при организации коллективной работы по подготовке энциклопедического издания возникает проблема координации действий участников проекта для получения положительного синергического эффекта. С одной стороны, профессионализм историков Новосибирска, Томска, Омска, Барнаула, принявших участие в этой работе, может служить гарантией высокого качества результатов. Но при этом особенности методологических позиций, логики и стиля индивидуального мышления специалистов могут создавать и некоторые барьеры на пути к достижению поставленных целей. Поэтому особое значение приобретает выработка единой концепции, определяющей ключевые параметры издания.

К сожалению, эти исходные параметры не получили эксплицитного выражения во вводной части Энциклопедического словаря. Знакомство с текстом введения не позволяет читателю составить четкое представление о хронологических рамках, в которых рассматриваются явления, процессы, события общественно-политической жизни региона. Впрочем, по поводу нижней хронологической границы можно с высокой степенью вероятности предположить, что она определяется «массовыми проявлениями общественно-политической жизни

в наиболее крупных городах региона (Тобольск, Омск, Томск, Барнаул, Красноярск, Иркутск)», которые «относятся к первой половине 1860-х гг.» [2. С. 9]. Относительно же верхней хронологической границы имеется только одно, весьма косвенное, упоминание в самом конце введения: «В событиях 1917–1920 гг. активное участие приняли практически все жившие тогда герои нашего справочного пособия...» [Там же. С. 10]. Однако строить на этом зыбком основании предположение о том, что именно 1920 г. избран в качестве верхней хронологической границы, едва ли возможно. Сомнения по этому поводу перерастают в уверенность при обращении к самой тематике одних статей и изучении содержательного наполнения других. В Словаре имеются специальные статьи, посвященные революции 1905–1907 гг. и Февральской революции 1917 г., но нет статей ни об Октябрьской революции 1917 г., ни о Гражданской войне. При этом в издание включена довольно пространная статья о Политическом центре – эсеро-меньшевистском органе, действовавшем в Иркутске и некоторых городах Иркутской губернии в ноябре 1919 – январе 1920 г. [Там же. С. 243–245]. Изложение материала об анархистах в Сибири доводится до 1922 г., повествование же о либеральном движении обрывается на упоминании о создании при активном участии либералов в 1909 г. обществ обывателей и избирателей. Последнее обстоятельство тем более достойно сожаления, что результаты специальных исследований истории либерализма в Сибири в последующие годы (вплоть до 1920 г.), выполненных томскими историками на уровне докторских диссертаций [3, 4], представлены в многочисленных доступных широкой читательской аудитории публикациях. Эти и другие нестыковки в хронологических рамках затрудняют ориентацию читателя в предложенной ему временной цепочке событий, явлений и процессов.

Думается, отмеченной разноголосицы в определении хронологических границ вполне можно было избежать за счет определения во введении общей концепции, архитектоники и композиции Энциклопедического словаря. Одним из приемов презентации читателям логики отбора и систематизации имеющихся в распоряжении авторов материалов мог бы стать краткий аналитический обзор общественно-политической жизни региона в рассматриваемый период с обозначением основных акторов, сквозных процессов, рубежных событий (имеющегося во введении упоминания о двух знаковых событиях Первой революции – 9 января 1905 г. и Манифесте 17 октября 1905 г. – явно недостаточно для формирования панорамного видения событийной цепочки) и этапов, специфических особенностей и общих тенденций развертывания социально-политической ситуации в Сибири. Некоторые из перечисленных сюжетов нашли свое отражение в статье «Общественно-политическая жизнь», тема которой фактически полностью перекрывает проблемное поле всего словаря (хотя, к сожалению, повествование в данном случае доведено только до Февраля 1917 г.). Однако, вероятно, подобный краткий исторический очерк был бы все же уместнее во вводной части издания. Аргументом в пользу такого рода «реструктуризации» является тот

факт, что издание адресовано не только историкам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей России. Очевидно, что для такой целевой аудитории необходим определенный контекст, единое поле повествования, вне которого словарный способ организации материала может стать причиной формирования клипового представления об исторической реальности, основанного на фрагментарных, отрывочных сведениях и не имеющего ничего общего с целостным восприятием логики исторического процесса.

При изучении материалов Энциклопедического словаря обращает на себя внимание разнообразие стилей, которые варьируют в широком диапазоне – от лаконичного и в значительной степени формализованного изложения фактов до экспертно-аналитических обзоров по заданной теме. Безусловно, выбор стиля во многом определяется характером статьи. Вне всякого сомнения, биографическая справка, с одной стороны, и историографический обзор или обобщающая характеристика неких сквозных процессов и масштабных социальных явлений – с другой, предполагают разные форматы изложения материала и, соответственно, различные лексические приемы. Однако, возможно, это обстоятельство также имело смысл пояснить во введении при характеристике общего композиционного замысла издания. По-видимому, следовало оговорить во введении и ряд частных, но важных моментов, например: по какому календарному стилю даются даты до 31 января 1918 г.; каков порядок размещения статей со сложносоставными наименованиями, в каких случаях и на каких основаниях допускается в названиях таких статей инверсия (Подполье революционное, Социал-демократического движения историография и т.п.).

В целом характеристика во вводной части энциклопедического издания общей концепции, методологии и методики работы авторского коллектива имеет существенное значение, поскольку обеспечивает читателей необходимыми ориентирами как для поиска, так и для адекватного восприятия интересующей их информации.

Несмотря на то, что замысел авторов представлен во введении в весьма лаконичной форме, композиция, логика отбора и организации материала явным образом обнаруживают и демонстрируют его сущность и направленность. В первую очередь обращает на себя внимание комплексный подход к освещению общественно-политической жизни региона в конце XIX – начале XX в., позволивший в краткой, но емкой форме отразить все основные ее составляющие. И в этом состоит одно из главных и бесспорных достоинств рецензируемого издания.

Перед читателем открывается широкий спектр направлений общественного движения, различных по составу участников, характеру, целям и формам проявления: крестьянское, рабочее, национальное, народничество, областничество, либеральное, социал-демократическое, черносотенное и т.д. Особое внимание уделено характеристике институциональных основ общественного движения, которые тоже представлены во всем своем многообразии: отделы политических партий, союзы, общества, собрания, клубы, легальные и неле-

гальные организации. Статьи этого тематического ряда содержат не только репрезентативный фактический материал, статистические данные, но и аналитические суждения и экспертные заключения специалистов, занимавшихся углубленным исследованием соответствующих проблем. В результате читатель имеет возможность не просто ознакомиться с информацией справочного характера, но и получить представление о современном уровне научного осмысления и понимания затрагиваемых в статьях проблем общественно-политической жизни региона.

Специальные статьи посвящены ведущим региональным органам периодической печати, оказывавшим заметное влияние на формирование общественного мнения и фактически являвшимся одним из ключевых акторов общественно-политического движения («Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирские вопросы»). Кроме того, роль «печатного слова» в жизни сибирского социума раскрывается и в таких статьях обзорного характера, как «Издания повременные», «Издательская деятельность политических партий и объединений».

Интересные исторические факты приводятся в статьях, освещающих отдельные события, ставшие, несмотря на свой, казалось бы, локальный характер, по той или иной причине знаковыми для характеристики социально-политической ситуации в регионе. Перед читателем открывается возможность не только получить информацию, существенно расширяющую хрестоматийные суждения о таких, например, историях, как Ленский расстрел или Банкетная кампания конца 1904 – начала 1905 г., но и узнать о других, менее известных широкой аудитории событиях, предстоящих, на первый взгляд, как не столь значимые эпизоды, однако вызвавших масштабный общественный резонанс и заметным образом повлиявших на социально-политическую атмосферу в регионе и за его пределами. «Карийская трагедия», «Монастырёвская трагедия», «Романовский протест», «Туруханский бунт» – исторические факты, которые приводятся в перечисленных статьях, дополняют панораму общественно-политической жизни региона существенными штрихами.

То обстоятельство, что авторский коллектив уделил внимание не только масштабным политическим процессам и вехам общегосударственного формата, но и отдельным нюансам, наполнявшим социальное пространство региона особым, в ряде случаев уникальным содержанием, вне всякого сомнения, относится к числу достоинств рецензируемого труда. Важно и то, что эти нюансы позволяют реконструировать общий социокультурный фон за счет обращения к «неполитическим» составляющим жизни населения (таким, например, как благотворительность, искусство, наука, просветительство, культура, организация досуга и пр.), которые в явном или имплицитном виде представлены во многих статьях Словаря.

Еще одним важнейшим достоинством коллективного труда является очевидный акцент, который авторы сделали на знакомстве читателя с людьми, определявшими сам дух и общественно-политический облик эпохи. 80% статей имеют биографический характер.

Кроме того, в Словаре в целом практически невозможно (за малыми исключениями, обусловленными спецификой тематического поля) найти статьи, в которых не были бы представлены главные действующие субъекты истории – люди. В качестве аргумента такого методологического подхода авторы приводят утверждение о значимости роли личности в общественной жизни, с которым нельзя не согласиться. В результате репрезентация общественно-политической жизни приобретает ярко выраженное гуманитарное измерение, что в полной мере соответствует и предложенному в свое время М. Блоком пониманию истории как науки «о людях во времени».

На страницах издания запечатлены судьбы революционеров и черносотенцев, либералов и монархистов, теоретиков и «практиков» областничества, партийных и общественных деятелей, представителей разных этносов, национальностей, конфессий, коренных сибиряков и «пришельцев» из Европейской России (причем причины и обстоятельства миграции последних тоже не отличались сходством). Такое разнообразие индивидуальных жизненных траекторий определило невозможность унификации структуры и содержательного наполнения статей, посвященных «героям» эпохи. Например, в статьях об идеологах сибирского областничества и либерально настроенных профессорах Томского университета представлена краткая характеристика их теоретических воззрений по ключевым социальным, экономическим, политическим вопросам современности, приводится список принадлежавших их перу наиболее важных работ, в которых авторы формулировали свое видение состояния и перспектив общественного развития страны в целом и региона в частности. Естественно, что такого рода информация отсутствует в статьях о тех участниках общественной и политической жизни, активность которых проявилась исключительно в практической деятельности, при этом тоже принимавшей самые разнообразные формы.

В качестве критерия отбора персоналий обозначена «значимость личности применительно к общественной жизни Азиатской России в избранных хронологических рамках» [2. С. 9]. Авторы признают, что выборка во многом имела случайный характер, за пределами справочно-биографического поля оказалось большое количество людей, «внесших свой вклад в обозначенную сферу». Очевидно, что такого рода «издержки» неизбежны в энциклопедическом издании, а потому претензии в адрес авторов по поводу определения круга лиц, ставших объектом внимания, едва ли уместны. И все же некоторые вопросы, которые отнюдь не имеют характера критических замечаний, в этой связи возникают. Речь в данном случае не о субъективном восприятии роли той или иной личности в социально-политических процессах, имевших место в регионе. Субъективные оценки явлений, событий, людей в научном издании недопустимы в принципе. Сомнения в значимости роли некоторых политических и общественных деятелей не вообще, а именно «применительно к общественной жизни Азиатской России», порождают факты, которые приводятся в биографических справках. Например, «след» видного деятеля

РСДРП Е.Б. Бош в общественно-политической жизни Азиатской России, насколько можно судить по приведенным в Словаре сведениям, свелся к ее пребыванию в течение двух с небольшим лет на поселении в Иркутской губернии [2. С. 37]. В биографии Г.М. Будагова единственным фактом, имеющим отношение к общественно-политической жизни региона, можно считать открытие в поселке строителей по его инициативе начальной школы, первой в Новониколаевске [Там же. С. 39]. Парадокс же заключается в том, что при столь более чем лаконичной аттестации Е.Б. Бош и Г.М. Будагова в качестве значимых для региона персон в Энциклопедическом словаре не нашлось места для статей о таких ярко проявивших себя на поприще общественной и политической деятельности в Сибири людях, как М.Р. Бейлин, И.Н. Грамматикати, Г.И. Жерновков, Г.И. Ливен и др.

Однако, хотя принцип выборки для составления персоналий и может вызвать некоторые вопросы у читателя, сам по себе факт столь пристального внимания к действующим лицам эпохи, демонстрировавшим различные стили мышления и политического поведения, делавшим выбор в пользу различных форм проявления социальной активности, безусловно, заслужит положительную оценку со стороны любого, даже самого предвзятого, рецензента.

Наконец, еще одним бесспорным достоинством Энциклопедического словаря является неукоснительное следование авторов одному из основных требований жанра, каким является достоверность материала. Практически во всех статьях, за небольшим исключением (например: Крутовский Вс.М., Кусков П.И., Лопатин А.А., Сибирский союз земств и городов (Сибземгор), Таранов Н.А.), указаны источники информации, к которым читатель может обратиться для проверки, уточнения или углубления полученных сведений. Опора авторского коллектива на научное знание подтверждается и наличием в Словаре историографических обзоров по всем ключевым сюжетам общественно-политической жизни региона в рассматриваемый период.

Историографические очерки построены по проблемному принципу. Думается, что перед их авторами стояла очень непростая задача. Перманентность приращения научного знания придает особый динамизм предметному полю таких статей и затрудняет фиксацию результатов исследований в конкретный момент времени. Представление науки как развивающегося феномена в энциклопедическом формате сопряжено с определенными сложностями, поскольку отражающие этот процесс тексты в ряде случаев довольно быстро утрачивают свою актуальность. Подтверждением отмеченной тенденции могут служить статьи, посвященные историографии кадетов и либерального движения в Сибири. Фундаментальные исследования В.Г. Хандорина по данной проблематике, выполненные на

уровне докторской диссертации [4, 5], не нашли отражения в этих статьях, хотя в список литературы были включены даже материалы студенческой конференции [2. С. 172]. Не упомянуты и многие другие публикации последних лет, в которых содержатся расширенные и уточненные сведения по различным аспектам истории либерализма в Сибири. Кроме того, в статье, посвященной историографии либерального движения, содержится утративший актуальность вывод о наличии явных диспропорций в изучении организации и идеологии либеральной оппозиции, смещении акцентов с анализа идейно-политических позиций либералов на изучение организационного состояния отделов конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» [Там же. С. 171]. Являясь автором этого вывода, сформулированного в монографии 1996 г. [6. С. 15], со всей ответственностью могу утверждать, что этот перекос вполне успешно преодолен за прошедшие 20 с лишним лет, в том числе благодаря интенсивной работе историков томской школы [1. С. 44–46].

В ряду историографических очерков особого внимания заслуживают статьи крупного специалиста по истории общественно-политического движения в Сибири конца XIX – начала XX в. М.В. Шиловского, в которых содержится глубокий профессиональный анализ исследований по истории анархизма, сибирского областничества, черносотенного движения [2. С. 12–14, 293–301, 365–370]. Характерно, что эти статьи, как и, например, статья еще одного ведущего специалиста по рассматриваемому периоду Г.А. Ноздрин, посвященная историографии социал-демократического движения [Там же. С. 309–317], имеют обширный научно-справочный аппарат, в котором корректно представлены ссылки на работы занимавшихся соответствующей проблематикой историков. Наличие подстрочника, который в подавляющем большинстве энциклопедических изданий отсутствует, в данном случае не просто оправдано, но и более чем уместно, поскольку является ярким показателем научного характера издания.

Сам по себе факт включения в Словарь историографических статей является чрезвычайно важным, поскольку в них подводятся значимые промежуточные итоги изучения социально-политических процессов в Сибири в конце XIX – начале XX в. Энциклопедический словарь предоставил широкой читательской аудитории возможность увидеть общественно-политическую жизнь региона во всем многообразии ее проявлений, а перед специалистами открыл новые перспективы комплексного изучения и осмысления исторического процесса. Есть все основания утверждать, что на пути накопления и интеграции знаний по обширной и весьма многослойной проблематике сделан очередной и весьма существенный шаг, который, вне всякого сомнения, придаст дополнительный импульс дальнейшим исследованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 гг. / науч. ред. С.Ф. Фоминых, В.П. Зиновьев. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2017. 280 с.
2. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX века : энциклопедический словарь / М.В. Шиловский, Г.А. Ноздрин, А.К. Кириллов и др.; под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск : Параллель, 2019. 398 с.
3. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 813 с.

4. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2011. 564 с.
5. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. 367 с.
6. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 228 с.

Olga A. Kharus, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

SOCIAL AND POLITICAL LIFE IN SIBERIA AT THE END OF THE 19th CENTURY – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY: REPRESENTATION IN THE ENCYCLOPEDIA FORMAT

Keywords: society, politics, Siberia, historiography.

The author aims to identify the role and the place of the Encyclopedic dictionary “Social and Political Life in Siberia at the end of the 19th century – the beginning of the 20th century” (Novosibirsk, 2019) in the historiography of the social and political issues of the region. The analysis of the composition, structure, and the content of the Dictionary is based, on the one hand, on the retrospective overview of information and knowledge accumulated in the research works in this field, and, on the other hand, on addressing the characteristics of an encyclopedia as a specific genre of scientific and popular-science literature. The publication of the Encyclopedic dictionary is viewed as the first and generally successful experience of integration of the results of study of various aspects of political and social life in Siberia in the face of major social transformations. The main merits of this collective work are the following: 1) the multifaceted approach to historical reconstruction of the social and political situation in the region; 2) prominent historical and anthropological dimension that is shown in the vast amount of biographical information on key figures of the period; 3) focusing not only on major political processes but also on some local episodes and nuances that filled the social space of the region with unique content; 4) attention of the authors to “non-political” elements of people’s life (such as charity, art, science, education, culture, leisure, etc.) which draws an adequate image of the social and cultural background. To present the information, the authors have chosen a format that is fully compliant with the requirements and canons of the encyclopedic genre. Representativeness, authenticity and verifiability of the data from the Dictionary are out of the question. It should be emphasized that the Dictionary has a scientific character. It is shown, in particular, in the high-quality historiographic reviews on all key topics and problems of the social and political life of the region. As a result, the reader has an opportunity to get an overview of the current state of the scientific comprehension and understanding of the problems that the Dictionary touches upon. As a whole, the analysis of the methodological basis, structure, and the content of the articles of the Encyclopedic dictionary provides valuable insights on the importance of the Dictionary as the summary of studying of the social and political processes in Siberia, and as a point for outlining the possible vectors and prospects for the future research.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. & Zinoviev, V.P. (eds) (2017) *Istoricheskie issledovaniya v Tomskom universitete v postsovetitskiy period. 1991–2017 gg.* [Historical research at Tomsk University in the post-Soviet period in 1991–2017]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Shilovsky, M.V. (ed.) (2019) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Socio-political life of Siberia in the late 19th – early 20th centuries: An Encyclopedic Dictionary]. Novosibirsk: Parallel'.
3. Kharus, O.A. (1998) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka* [Liberalism in Siberia in the early the 20th century]. History Dr. Diss. Tomsk.
4. Khandorin, V.G. (2011) *Ideyno-politicheskaya evolyutsiya liberalizma v Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.)* [The ideological and political evolution of liberalism in Siberia during the revolution and the Civil War (1917–1920)]. History Dr. Diss. Tomsk.
5. Khandorin, V.G. (2010) *Ideyno-politicheskaya evolyutsiya liberalizma v Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [The ideological and political evolution of liberalism in Siberia during the revolution and the Civil War]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
6. Kharus, O.A. (1996) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka: ideologiya i politika* [Liberalism in Siberia in the early 20th century: ideology and politics]. Tomsk: Tomsk State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЗГАЧЕВА Вероника Викторовна, аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nikabezgacheva@mail.ru

БЕРМАН Елена Александровна, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры ювелирного дизайна и технологий Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ). E-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

БИРЮКОВ Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор, научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР). E-mail: birs.07@mail.ru

БУЛАНКИНА Надежда Ефимовна, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой иноязычного образования Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: NEBN@yandex.ru

ВАЛИТОВ Александр Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: val11@bk.ru

ГАМАН Лидия Александровна, доктор исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». E-mail: GamanL@yandex.ru

ГЕНИНА Елена Сергеевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: elena_genina@mail.ru

ГЕРАСИМОВА Виктория Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: gerasimova@bk.ru

ГОНЧАРОВ Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: yuriig@yandex.ru

ГРИГОРЯН Элиза Рудиковна, младший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: elizagri@mail.ru

ГРУШИН Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. E-mail: gsp142@mail.ru

ДОРОШЕНКО Ольга Петровна, проректор по учебно-методической работе Томского института переподготовки кадров и агробизнеса; соискатель кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dor@tipkia70.ru

ИЛЮШИН Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, лаборант-исследователь лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: arunta-desert@yandex.ru

КАЗАКОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: kaa-2862@mail.ru

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ). E-mail: kalminal@gmail.com

КАРПИНЕЦ Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: naukarpinets@mail.ru

КИРСАНОВА Екатерина Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». E-mail: zavkir@mail.ru

КОВГАНОВ Сергей Яковлевич, соискатель факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kovsy@yandex.ru

КУРАС Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ). E-mail: kuraslv@yandex.ru

ЛЕОНТЬЕВА Дарья Сергеевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Барнаул). E-mail: nba-if@mail.ru

ЛУКОВ Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, проректор по образовательной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: lev74@mail2000.ru

МАКАРЧУК Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

МИРКИН Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и документо-ведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vvmvcv@gmail.com

НАМ Ираида (Ирина) Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор факультета исторических и политических наук, заведующая лабораторией социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: namirina@bk.ru

НАУМОВА Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tomnin@yandex.ru

НАУМОВА Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва). E-mail: olganaumova@mail.ru

НОРОВСАМБУУ Хишигт, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии Монгольской академии наук (Улан-Батор, Монголия). E-mail: khishigt_58@yahoo.com

ОРЕХОВА Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Красноярского краевого краеведческого музея. E-mail: orehova.vladimir2010@yandex.ru

ПРОСЕКОВ Александр Юрьевич, доктор технических наук, профессор, ректор Кемеровского государственного университета. E-mail: rector@kemsu.ru

РАБИНОВИЧ Владимир Юльевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Иркутского государственного университета. E-mail: rabinovichv@mail.ru

РУМЯНЦЕВ Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: rumv@mail.ru

СИДОРЧУК Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

СТЕПАНОВА Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Кубанского государственного университета. E-mail: liliya_stepanova@list.ru

ФРОЛОВ Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: frolov_jar@mail.ru

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документо-ведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ХУДОЛЕЕВ Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и общество-знания факультета истории и права Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: khudoleev73@mail.ru

ЧЕРНЫШЕВ Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета. E-mail: prides1975@mail.ru

ШАПОВАЛОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

УМБРАШКО Константин Борисович, доктор исторических наук, профессор, ректор Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: historian09@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2020 № 64

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 14.04.2020 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 24,3. Усл. печ. л. 22,7. Тираж 50 экз. Заказ № 4297. Цена свободная.

Дата выхода в свет 24.04.2020 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru